Б 44
509

Л. А. Беляев

РУССКОЕ СРЕДНЕВЕКОВОЕ НАДГРОБИЕ

Leonid Beliaev

MEDIEVAL RUSSIAN GRAVESLABS

**The Graveslabs of Moscow and North-Eastern Rus`
13-17th centuries**

Leonid A. Beliaev, Doctor of Science, who is a Head of the Department of Moscow Archaeology at the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, a deputy-editor of "Rossiyskaya Arkheologiya", a lecturer of Medieval Church Archaeology at Moscow University and Russian Orthodox University, is the author of *Medieval Russian Graveslabs.* As well as his previous books - *Kazansky Cathedral on the Red Square, Ancient Moscow Monasteries* - and numerous articles, it is based on the material of his own excavations and research work during the last fifteen years.

The book is devoted to problems, which have never been challenged before in Russian science: the history and origin of medieval funerary monuments from the thirteenth to seventeenth century; comparative analysis of their forms and decoration based on archaeological and documentary evidence of close connections between medieval Rus` and the Christian World; similarities and differences between both cultural traditions, etc.

This book is the first attempt to assemble and investigate the more than one thousand medieval Russian graveslabs, which have been recorded up to the present time. Over one hundred fifty items were found by the author and published for the first time in the catalogue of this book.

The book is proposed to be the first in the series of scientific publications paving the way for the complete collection of medieval Russian funerary monuments.

*A **Summary*** in English is included: pp. 374-383

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

К 850-летию города Москвы

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

РУССКОЕ СРЕДНЕВЕКОВОЕ НАДГРОБИЕ

МОСКВА, 1996

509

Л. А. БЕЛЯЕВ

РУССКОЕ СРЕДНЕВЕКОВОЕ НАДГРОБИЕ

Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв.

МОДУС – ГРАФФИТИ

Беляев Леонид Андреевич
Русское средневековое надгробие:
Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв.

ISBN **5-85-790-064-6**

Ответственный редактор: академик Б. А. Рыбаков

Рецензенты: доктор исторических наук Т. И. Макарова
доктор исторических наук А. В. Чернецов

Утверждено в печать Ученым Советом Института археологии РАН
15.03.1996 г.

**Настоящее издание осуществлено на средства
Российского Гуманитарного Научного Фонда в 1996 г.
(Проект № 9601–16148)**

Художественное оформление, макет: Беляева А. М.
Сретенский О. И.

© Л.А.Беляев, 1996

Памяти моей мамы —
Розалиты Яковлевны Ферштман-Беляевой

От автора

Работа над книгой была начата в конце 1980-х гг. в институте "Спецпроектреставрация". В 1988 г. появилась первая рукопись — очерк истории надгробия и некрополей (Архив Института, № 7312).

С 1989 г. исследования продолжались в Институте археологии РАН. Пользуюсь случаем поблагодарить руководство этих Институтов за создание условий для работы, постоянную поддержку и внимание.

В ходе полевых исследований я пользовался помощью многих рабочих, археологов, архитекторов, искусствоведов, историков. Не могу перечислить их поименно, но выражаю всем самую сердечную признательность. Работы 1970-80-х гг. были успешны благодаря усилиям моих ближайших коллег — Н. П. Пахомова и М. В. Фролова, не раз пополнявших коллекцию плит и уточнявших прочтение надписей. (Благодарность за предоставление неопубликованных материалов и мнений высказывается по мере их введения в книгу).

Отдельные части в виде докладов и статей излагались на заседаниях, конференциях, в сборниках и журналах. Кроме регулярных обсуждений в Отделе славянорусской археологии ИА РАН, особенно важными были дискуссии на заседаниях Отдела древнерусского искусства НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской Академии Художеств, Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) и других. Хочу поблагодарить организаторов этих докладов, и всех, принявших участие в обсуждениях, за ценные замечания. Считаю приятным долгом упомянуть особенно важные советы и по-

Aknowledgements

This book was started in the late 1980's when I was working at the Institute «Spetsproektrestavratsia». In 1988 the first results were finished — as a brief revue on the history of medieval Russian funerary monuments and necropolises [Archive of the Institute, № 7312].

Since 1989 the research has been continuing at the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Over the years I have acquired many debts both to institutions and to persons. Here I take the oppotunity to thank the management of those Institutes for their constant help, support and attention.

In a course of field research I used the help of many workers, archaeologists, architects, historians and art-historians. I cannot list them here name-by-name, but I would like to express my gratitude to them for their help. The investigations during the period of 1970–80's were particularly successful due to the efforts of my colleagues — N. P. Pahomov and M. V. Frolov, which quite often supplemented the collection of the graveslabs and made more precise reading of the inscriptions.

Separate parts of this book — as reports and articles — were reported at meetings, conferences, simposiums and published in the collections and journals. The department of Medieval archaeology at the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow), the department of Ancient Russian Art at the Institute for Art-History of the Russian Academy of Arts (Moscow), the department of Old Russian literature of the Russian Academy of Sciences (St Petersburg) — regularly provided forums for discussions of some of my principal conclusions. I would like to thank many colleagues, which participated in these discussions for their valuable comments and opinions, primarily A. L. Batalov, A. V. Gra-

мощь моих коллег А. Л. Баталова, А. В. Гращенкова, В. П. Даркевича, О. М. Иоаннисяна, В. В. Кавельмахера, Т. И. Макаровой, М. В. Рождественской, А. В. Рындиной, М. С. Серебряковой, Е. Л. Хворостовой, А. В. Чернецова, а также любезную помощь профессора Колумбийского университета Томаса Е. А. Дейла.

Решающей в сборе материала для сравнительного анализа была возможность посетить зарубежные библиотеки и музеи. Знакомство с памятниками Палатината (Германия), прежде всего с музеями Вормса и Шпайера, объяснило многое в общем ходе развития надгробных памятников Европы. Оно состоялось в значительной степени благодаря любезным приглашениям и помощи профессора, д-ра медицины фрау Габриэлы Таугнер (Хайдельберг). Натурное изучение дополнила работа в библиотеке Хайдельбергского университета, сотрудникам которой я много обязан помощью в подборе материала.

Не меньшее значение имела работа с коллекциями литературы по медиевистике и археологии в библиотеках университетов США, особенно Стэнфордского (Калифорния) и Чикагского, которые удалось посетить благодаря помощи Фонда Фулбрайта.

Хочу выразить благодарность также фонду «Культурная инициатива», который принял участие в финансировании исследований в 1994 г. и Центру археологии Москвы при УГК ОИП, который оказывал постоянную финансовую помощь в ходе работы.

Настоящее издание осуществлено на средства Российского Гуманитарного Научного Фонда в 1996 г. (Проект № 9601–16148).

shcenkov, V. P. Darkevich, O. M. Ioannisian, V. V. Kavelmaher, T. I. Makarova, M. V. Rozshdestvenskaia, A. V. Ryndina, M. S. Serebriakova, E. L. Hvorostova, A. V. Chernetsov, and many others.

I have also benefited greatly from the knowledge and advices of the Professor Tomas E. A. Dale, Columbia University, New York.

In collection of the materials on the comparative analysis of medieval Russian graveslabs a decisive factor was the opportunity to visit West European and American libraries and museums.

The museums of Worms and Speyer have introduced me to the monuments of Pfalz (Germany) which explained to me a lot in general course of evolution of European funerary monuments. The travel to Germany has become possible primarily due to the kind invitation and help of the Professor Gabriele Taugner, Doctor of Medicine, Heidelberg University.

This study was supplemented with the research at the Heidelberg University Library, the staff of which I am obliged for the help in selection of the materials.

Due to the Fulbright Program I got the oppotunity to research the libraries of Stanford and Chicago Universities, which was extremely important for my experience with the literature on medieval European art and archaeology.

I would like also to express thanks to the Fund «Cultural Initiative», which has supported the project at the early stage.

My debts to others are also very great. I am very much obliged to the Centre of Moscow Archaeology at the Department of the State Protection of Ancient Monuments, which provided me with the constant financial help during the research work.

The book is published due to financial support of the Russian Humanitarian Research Fund in 1996. (Project No 9601–16148).

Moscow, May 1996

«...и хотя кое-кто из землевладельцев чтил эти останки, большинство предпочитало их использовать: как межевые вехи, указательные столбы, или, когда форма камня позволяла — корыта для скота, каковым целям они, по большей части, превосходно служат и поныне.»

Вирджиния Вульф «Орландо»

О задачах этой книги

Средневековые надгробия Московии известны не то чтобы плохо, но недостаточно полно, а главное — несколько односторонне. Сегодняшним жителям городов, сел и деревень ничего не говорят заросшие мхом и покрытые дерном белокаменные параллелепипеды, все еще попадающиеся на заброшенных или действующих до сих пор кладбищах.

Впервые мне пришлось столкнуться с этим 20 лет назад. В 1977 году в Коломенском открыли древний некрополь, существовавший здесь до возникновения дворцовых комплексов, в XIII–XV вв. Первая же обнаруженная белокаменная плита поставила нас в тупик своим орнаментом. Ни рабочие, ни сотрудники музея, ни зрители из окрестных деревень (тогда еще сохранявшихся) — не могли внятно истолковать изображенное. Сам я только начинал знакомиться с московским материалом, и, хотя чувствовал неясную связь декора с общими схемами древнерусской иконографии, не мог дать прямого ответа на вопрос о смысле композиции.

Научная литература помогла уточнить дату (XV в.) и осознать типичность резной трехгранно-выемчатой манеры. Однако интерес к семантике и формальной структуре изображенного не был удовлетворен. Предлагавшиеся объяснения скорее возбудили его. Стало ясно, что нужно собирать материалы для анализа ранних русских надгробных плит.

Вскоре случай привел меня в Ферапонтов монастырь, где дирекция музея великодушно предложила для публикации недавно найденное надгробие северорусского типа, украшенное рельефным изображением трехконечного креста-посоха. Изучение западноевропейских и южнославянских аналогов привело к выводу об определенном единстве их иконографии с древнерусскими

композициями. Не менее, чем рельеф, заинтересовала своей структурой и надпись на плите.

Было очевидно, что белокаменные надгробия, несмотря на давно возникший к ним научный интерес, все еще недооцениваются как исторический источник. Такая неразумная "расточительность" имела несколько причин. Главная из них — сугубо прагматический подход, стремление изучать не все надгробие, но лишь надпись на нем для получения хронологической, генеалогической, социально-экономической информации.

Известную роль играл и сам характер памятников. Внешний облик плит — форма, декор, материал — чрезвычайно прост и скромен, поэтому они редко удостаивались внимания искусствоведов. Привлекающие историков надписи появились на плитах не сразу, а только с конца XV века. Поэтому более древние камни часто вообще не воспринимались как надгробные. Впрочем, даже и тексты XVI–XVII вв. казались слишком "примитивными" для того, чтобы стать объектом изучения филологов и лингвистов.

Эти вполне объективные причины определили крайне вялую разработку иконографии (особенно на уровне сравнительного анализа), что не позволяло выявить заключенную в надгробиях историко-художественную информацию.

В действительности белокаменная надгробная плита относится к интереснейшим объектам позднесредневековой Руси. Как известно, на территории последней довольно отчетливо выделяются две зоны. В областях Новгорода, Пскова и связанных с ними земель господствуют каменные кресты. В Центральной России, на землях Северо-Востока — плоская намогильная плита.

Для культуры Московского государства ее значение особенно велико. Это один из тех сравнительно редких артефактов, само возникновение и развитие которых тесно сопряжено с обстоятельствами становления Московской Руси. Плиты появляются на Северо-Востоке почти одновременно с выделением Москвы как удела, достигают здесь максимального расцвета в XV–XVI вв. и теряют первенство среди надгробных сооружений в конце "московского периода" русской истории.

Наиболее распространено такое надгробие именно в пределах Московского княжества. Здесь находились основные центры его производства. "Продвижение" плит в другие земли довольно точно совпадает с расширением зоны политического влияния Москвы. Этот тип надгробия легко подавлял местные художественно-ремесленные традиции. В середине XVI века, например, прекращается изготовление плит с рельефными изображениями, характерных ранее для Верхневолжских (Тверских) земель и Русского Севера. В XVI веке московская продукция завоевывает также Брянск и Смоленск. Не позже XVII встречается уже в западных русских землях. Тогда же оформленные в московском стиле надгробия проникают в Сибирь, в XVII столетии достигая Нерчинска.

Московские плиты удобны как объект исследования. Их формы и орнамент обладают четко прослеживаемой, доступной анализу иконографией, весьма

устойчивой и последовательно развивающейся. Их надписи "говорят" характерным языком, используя интересный с точки зрения истории письменной культуры XV–XVII вв. "формуляр".

Первые надгробия Руси, при всей простоте и даже бедности их декора, обладают прекрасными художественными характеристиками. Свободная манера резьбы, сочетаясь с лаконизмом и уверенностью в компоновке, обладает присущим народным изделиям качеством яркости. Это наивный, свежий и открытый пластический стиль.

У нас есть все основания искать в надгробиях Московской земли отражения тех особых черт, которые были присущи собственно — московской средневековой жизни. Как выразитель конкретных художественных вкусов, эти памятники особенно ценны для исследователя. Они позволяют уловить и выразить трудно фиксируемые элементы, свойственные именно данному варианту общерусской культуры, ее, — если позволительна такая "калька" с английского, — "московскость".

Внимательный анализ даже самых скудных декоративных элементов позволяет уточнить направление художественных связей Москвы с иными землями, определить роль этих связей в истории прикладного искусства Европы (неоспоримая принадлежность к которому также устанавливается в ходе исследований). Осознание ценности и важности источника (а здесь не упомянуты еще очень многие полезные его свойства, например, способность датировать археологические слои и архитектурные памятники) — заставило поторопиться с публикацией результатов исследования.

Первоначально книга задумана как простая сводка собранных плит, однако постепенно она разрослась и включила типологию, историю становления форм, анализ семантики композиций и многое другое. В соответствии с этим книга разделена на две части.

Первая часть посвящена истории и, если можно так выразиться, теории развития форм московских надгробных плит, проблемам их генезиса и трансформации на протяжении XIII–XVII вв. К ней приложен ряд экскурсов, посвященных отдельным памятникам или проблемам, требующим отдельного рассмотрения. Вторую часть образует каталог надгробных плит, собранных при раскопках и реставрационных работах, и справочный аппарат. Именно на этом материале в значительной мере основано историческое исследование в первой части.

Надеюсь, что книга станет продолжением и дополнением труда, начатого В. Б. Гиршбергом, Т. В. Николаевой и другими. Однако она имеет ряд методических отличий, которые стоит перечислить.

Исследование ведется на материале, полученном, в основном, за последние 30 лет благодаря археологическим и архитектурным исследованиям. Анализируются не только плиты с надписями, но любые надгробия, даже не имеющие орнамента. Особое внимание уделяется развитию формы надгробия,

генезису орнаментики, общей иконографии, а в области эпиграфики — исследованию формуляра надписей как историко-культурного явления. В качестве аналогов привлекаются некоторые родственные памятники — саркофаги, кресты, надгробные граффити. Делается попытка рассмотреть процесс развития надгробий в разных русских землях, если не как единый, то, по меньшей мере, как взаимосвязанный, — поэтому собраны имеющиеся сведения о надгробных плитах Руси, а не только московские материалы. Наконец, плиты Руси изучаются на фоне общей истории возникновения и развития художественных форм надгробий в культурах Средиземноморья и Западной Европы, — чего до сих пор вообще не делалось.

Конечно, сегодня главные задачи археологов в отношении надгробий — не столько их интерпретация, сколько собирание, приведение в известность и сохранение. Давно пора начать работу над публикацией полного свода надгробных средневековых памятников Руси, или хотя бы указателя к нему. Отставание в систематизации и осмыслении материала становится тормозом общего движения. Однако работа над сводом может быть проделана только при участии ученых и краеведов всей России, и до ее осуществления пока далеко. Книга не стремится стать сводом или заменить таковой. Но, надеюсь, ее публикация побудит к началу работ над единым корпусом русского средневекового надгробия, она послужит пособием и справочником, откроет серию подготовительных публикаций.

Работа по своду должна вестись прежде всего "в поле" и в хранилищах. Нужно опубликовать памятники, собранные в музеях; организовать специальные поиски неизвестных еще плит на старых кладбищах, в заброшенных монастырях и вокруг церквей, на средневековых городищах и селищах; снарядить "лапидарно-эпиграфические" экспедиции, подобные археографическим. Для начала работ необходима сводка уже известного материала. Поэтому указатели книги стремятся (в перспективе) охватить не только ее текст и каталог, но и всю специальную литературу по предмету.

ГЛАВА 1
СУДЬБА НАДГРОБИЯ

История изучения древнерусских надгробий

Надгробия Московской земли привлекли внимание достаточно давно, однако до начала XX века их изучение сводилось к сбору и публикации надписей. Первой капитальной публикацией такого рода можно признать свод текстов надгробий Архангельского собора в Кремле, изданный А. П. Сумароковым в 1758 году в "Ежемесячных сочинениях" Академии наук.

В течение XIX века аналогичные собрания надписей появлялись в составе церковно-археологических описаний отдельных храмов и монастырей, изредка делались попытки специальных изданий, посвященных надгробным надписям [*Мартынов*, 1895]. Напомним работу архимандрита Григория о памятниках Высоко-Петровского монастыря, своды надписей с плит Спасо-Андроникова, Богоявленского, Новоспасского и многих других монастырей. Особое внимание всегда уделял плитам архимандрит Леонид (Л. А. Кавелин). Иногда краеведы стремились создать своды всех известных надгробных надписей города или даже страны, получившие нарицательное имя "некрополей".

Сегодня ценность этих изданий — в сохранении информации об утраченных позднее плитах. Однако отсутствие в подавляющем большинстве случаев иллюстраций, ошибки в чтении, некритический подход — существенно затрудняют анализ материала. В 1990 г. издан библиографический указатель "Московский некрополь" по материалам выставки, сделаны попытки обобщить историографию "некрополей" [*Иванова,* 1991. С. 34–47; *Комарова,* 1991. С. 68–72].

Авторы XIX века обычно копировали надписи с сохранившихся памятников, чаще всего — с "табличек", вмонтированных в стены. Раскопки для изучения некрополей применялись как исключение. Однако даже эти редкие случаи давали возможность существенно скорректировать представления о хронологии и типологии средневековых надгробий, обратить внимание на их декор, а не только на текст. Определенное внимание привлекли в этом отношении плиты с Т-образными знаками, обнаруженные на Верхней Волге [*Жизневский,* 1888; *Плетнев,* 1903; *Макаренко,* 1904; *Спицын,* 1903].

Следует упомянуть ряд важных для нашей темы эпизодов: раскопки графа А. С. Уварова в Суздале [*Уваров,* 1910], публикацию архимандритом Амфилохием надгробий с иностранными и русскими надписями XVI–XVII вв., найденных при строительстве в Даниловом монастыре в Москве [*Амфилохий,* 1871], попытку археологического обследования остатков некрополя князей Репниных в Пафнутьевом Боровском монастыре [*Машков,* 1912].

Весьма интересной, причем не утратившей информационной ценности в наши дни, стала статья, посвященная плитам села Образцова и ряд других публикаций сельских некрополей Подмосковья, где надгробия XVI–XVII вв. хорошо сохранялись до сравнительно недавнего времени, а подчас обнаруживаются на поверхности и сегодня [*Белокуров,* 1911; *Попов,* 1911].

Первой работой, в которой сделана попытка рассмотреть средневековое надгробие Московской Руси как самостоятельный вид артефакта с присущими ему типологическими особенностями, построить хронологию и типологию памятников на основе корреляции текста, эпиграфических признаков, орнамента и формы плиты стал свод надгробий Исторического музея, изданный В. Н. Щепкиным в "Отчетах" музея за 1906 и 1911 гг. Предложенная им типология памятников XVI–XVII вв. используется с небольшими уточнениями по сей день, что неоднократно отмечалось исследователями.

Однако историками русской культуры и искусства этот материал не был замечен и оставался на периферии науки. Написанная в те же годы знатоком и первооткрывателем "забытых могил" XVIII века Н. Н. Врангелем история русской скульптуры (для пятого тома знаменитой "Истории русского искусства") средневековых плит даже не упоминает. Впрочем, не рассматривает их и Г. К. Вагнер в работе о древнерусской скульптуре XIV–XV вв. [*Вагнер,* 1980].

В послереволюционный период изучение надгробных плит долго оставалось уделом археологов и специалистов по эпиграфике. Р. М. Каринский дал образец эпиграфического анализа надписи XVI века и пытался уточнить хро-

нологию появления "жгутового" орнамента [*Каринский,* 1928]. После работ на Метрострое, принесших новый материал, сказал свое веское слово А. В. Арциховский, высоко оценивший значение надгробных памятников для средневековой археологии [*Арциховский,* 1936; 1946; 1947].

Новым этапом исследований стали труды Т. В. Николаевой и В. Б. Гиршберга, появившиеся в конце 1950–60-х гг. В статьях по истории некрополя Троице-Сергиевой лавры Т. В. Николаева опубликовала большую группу ранее неизвестных памятников, в том числе ряд очень ранних и вполне уникальных. Она продемонстрировала возможности перекрестного изучения письменных источников, археологических материалов, архитектурных памятников и надгробий. Кроме того, ею были предложены толкования орнаментов, ранее никак не объяснявшихся ни с формальных, ни с семантических позиций. (Эти толкования подробно рассматриваются в разделе, посвященном типологии и истории орнаментики надгробий).

Основополагающими трудами по истории древнерусского надгробия до сих пор являются работы В. Б. Гиршберга в области лапидарной эпиграфики. Ученому удалось собрать около 250 надписей на надгробиях Москвы и Подмосковья, датированных от конца XV до середины XVII века, которые составили основу первых двух частей его эпиграфического свода, несомненно заслуживающего переиздания с дополнениями [*Гиршберг-1, Гиршберг-2*]. Третья часть, посвященная надписям 1651–1700 гг., не была издана и судьба ее мне неизвестна. В некоторой степени ее заменяет публикация надгробий Георгиевского монастыря, основная часть которых датируется второй половиной XVII века [*Гиршберг*, 1954].

Отличительной чертой замечательного корпуса В. Б. Гиршберга является сосредоточенность автора на сборе и возможно более полной публикации текстов. Обращено серьезное внимание и на историю изготовления надгробий, и на формы плит, и даже на развитие декора в конце XVI–XVII вв. Некоторые темы изучены столь подробно, что могут считаться законченными работами по истории художественной культуры и не требуют существенных уточнений. (Ремесленное производство плит в XVII веке, картографирование надгробных надписей как метод изучения просопографии, и другие).

Обобщающее исследование, которое могло базироваться на собранном В. Б. Гиршбергом материале, так и не было написано. Краткие вступления к сводам не могли его заменить. Кроме того, внутри единого каталога оказались собраны не только надписи плит, но вся лапидарная эпиграфика — посвятительные и строительные тексты, граффити на стенах (кстати, по сию

пору остающиеся почти неизученными в московских храмах), и другие. Наконец, свод имел довольно узкие хронологические и территориальные рамки. В результате труды В. Б. Гиршберга по характеру ближе знаменитым эпиграфическим сериям Германии или Франции, чем привычным нам археологическим сводам.

Поскольку практически весь доступный материал лапидарной эпиграфики до середины XVII века был опубликован в своде В. Б. Гиршберга, стало очевидно, что необходим направленный поиск памятников, прежде всего — ранних, относящихся к XIII—XV вв., а частью — к началу XVI века. Поэтому время с конца 1960-х до начала 1990-х гг. можно определить как новый период активного "накопления" надгробий и постепенного осознания значения их исследования для истории русской культуры позднего средневековья.

В последние два десятилетия интерес к надгробию резко увеличился благодаря чрезвычайно широкому распространению археологических раскопок и реставрации архитектурных памятников в Москве и Подмосковье. Серии плит публиковали Ю. М. Золотов, Н. В. Колышницын, А. А. Молчанов, В. В. Шилов и другие. Особенно интересны ранние надгробия без надписей, обнаруженные при работах в Кремле [*Шеляпина,* 1971; 1973], Богоявленском монастыре в Китай-городе и в Коломенском [*Беляев,* 1994; 1991]. Работы на территории монастырей и церквей дали также много новых надгробий с надписями конца XV—XVII вв. Были открыты уцелевшие фрагменты кладбищ церкви Николы в Старом Ваганькове (работы Е. Л. Хворостовой), Крутицкого монастыря (работы Н. П. Пахомова).

Однако значение исследований 1970—90-х гг. не только в накоплении фактов. Совершенно отчетливой стала тенденция к обобщению материала и рассмотрению его в контексте всей истории русской культуры. Отметим первую, и очень удачную, попытку создания очерка русского средневекового надгробия в рамках общей истории погребальной скульптуры России [*Ермонская,* 1978]. Важным шагом в том же направлении стала монография, целиком посвященная надгробиям XVI—XVII вв. с иноязычными надписями [*Дрбоглав,* 1988]. Следует упомянуть раздел о плитах в диссертации Т. Д. Пановой посвященной погребальному обряду позднего средневековья [*Панова,* 1990]. Наконец, нельзя обойти и выпуск скромного пособия для работы с памятниками надгробной скульптуры XVI—XIX вв. [*Компанец,* 1990]. Важным фактором в изучении надгробий стали периодические конференции "Московский некрополь" [*МН*], по материалам которых готовятся сборники. В

них публикуются новые находки надгробий и программные статьи, ведется разработка историографии.

Постепенно сформировался и круг источников для сравнительного анализа, поскольку памятники стадиально и конфессионально сходных культур, средневековой Европы, Византии, южнославянских земель, изучались в нашем столетии очень активно. Это касается, разумеется, и надгробий не столь тесно связанного с Русью, но все же знакомого ей художественного мира мусульманского Востока.

Как сохранялись древние надгробия

Материалы для истории русского средневекового надгробия накапливались историками медленно. Причины этого — не только в особенностях развития науки в России, но и в своеобразном характере откладывания этих материалов. Начнем с последнего.

Древнейшие надгробия Московской земли имели чрезвычайно малую толщину, обычно не превышавшую 10 см, и тесались из мягкого известняка. В результате они легко ломались при оседании могильной насыпи, быстро зарастали дерном и за несколько лет совершенно скрывались из глаз, — что хорошо прослежено археологически. Их орнамент, если он существовал, был столь скромен, что через век — другой уже мог не восприниматься как признак надгробия, и плита обычно использовалась вторично или попадала в известняковый лом. Не мудрено, что ни одного надгробия раннемосковской эпохи не дошло до времени, когда они могли заинтересовать ученых, хотя бы до середины XVIII века. Даже в позднем средневековье они сохранялись уже очень редко.

Конечно, крупные плиты XVI—XVII вв. ломались и исчезали не так безвозвратно. Они часто несли надпись, что позволяло их легко идентифицировать. Однако, и эта группа потерпела значительный урон. По меньшей мере с середины XVI века прослеживается возникновение традиции (социальные или психологические основания которой неясны) использовать "старые" надгробия при строительстве храмов и вообще разных каменных построек, для ремонтов, мощений и т. п. Укажем на случай использования плиты с ранней датой, — 1551/52 г., — как пяточного камня подстава. Эту надпись архитектор даже пытался использовать для датировки всего храма [*Агафонов,* 1966. Рис. 5].

В дело шли, как правило, камни, положенные на могилы за последнюю треть или половину века до начала строительства. Более старые встречаются очень редко — видимо 50 лет были пределом возможной сохранности для надгробий на поверхности. Позже они скрывались дерном, ломались, вторично обрабатывались. Трудно определить, насколько "свежие" камни могли использоваться при работах, но известны случае включения в кладку плит уже через 10—15 лет после их установки над могилой.

Надгробий в кладках очень много. Случайно попасть туда они не могли. Камни собирали с поверхности некрополя намеренно. В результате фундаменты некоторых построек целиком состоят из плит и их обломков, это настоящие "склады" средневековых "досок" с орнаментами и надписями. Они есть в кладках церкви в Острове, крыльца и галереи церкви Петра Митрополита в Высоко-Петровском монастыре, собора Георгиевского монастыря на Дмитровке и многих других. К сожалению, для археологов эти материалы обычно мало доступны. Те же плиты, что использованы в наземных кладках, обычно перетесаны и потеряли большую часть информации, они могут быть атрибутированы как фрагменты надгробий — и только.

Средневековые надгробия исчезали иногда в массовом порядке, в силу причин, которые могут быть названы "административными". Уже к XVII веку на приходских кладбищах городов, и в первую очередь в Москве, стало очень тесно. Расширить кладбищенские участки оказалось невозможно. В результате в середине XVII века последовали указы, предписывавшие прекратить захоронения на большинстве маленьких древних некрополей, территория которых позднее пошла под застройку. Разумеется, при этом скрылось под землей или погибло много древних надгробий.

Нельзя не упомянуть и распоряжения Петра Великого по переустройству кладбищ. Среди них — указ 1722 г., требовавший на кладбищах "положенные над гробами погребенных тамо человеческих телес камни... опустить в землю такою умеренностью, дабы оные с положением места лежали ровно", а "излишние камни употребить в церковное строение." [*ПСЗРИ,* Т. VI. 1830. С. 653]. Из текста ясно, что на кладбищах вновь стало невероятно тесно от надгробий — настолько, что "провождающему телеса... регулярному от войск строю и убраться по надлежащему оные камни не допущают", как случилось при погребении князя Федора Юрьевича Ромодановского в Георгиевском монастыре.

Этот указ, как и многие акты Петра выпущенный "к случаю", несомненно повел к уничтожению многих интересных памятников. Мы не имеем кон-

кретных примеров, но можно предположить, что довольно дорогие белокаменные блоки старых надгробий были частью использованы для изготовления надгробий, отвечавших вкусам Нового времени, а частью — просто уничтожены.

В течение всего XVIII и значительной части XIX века взгляд на древние надгробия как на запасы строительного материала или ненужный мусор преобладал, чему имеется ряд надежных свидетельств. Одно из самых колоритных — рассказ художника К. М. Бороздина, приведенный в письме Д. В. Поленова к М. П. Погодину, где переданы устные воспоминания о знаменитом путешествии по России в конце 1800-х гг. Власти некоего северного монастыря вымостили территорию древними надгробиями, а после того как Бороздин "объяснил о неприличии подобного распоряжения", — игумен удосужился лишь приказанием стесать с них надписи [*Погодин,* 1871. Прил. III. С. 72–73]. Полностью вымощенные надгробиями площадки и паперти часто упоминают описи XVIII–XIX вв. Такая площадка расчищена в 1995 г. при раскопках в Кирилловом Белозерском монастыре.

Средневековые источники о надгробиях

Сведения об изготовлении надгробий, их заказчиках и художниках, продаже, ценах, равно как и о восприятии их форм или орнаментов, в письменных источниках крайне скудны. До известной степени их можно пополнить за счет изучения самих артефактов, что неоднократно пытались делать. Попытаемся суммировать накопленную информацию.

Мы знаем средневековые названия надгробий. Для плоских намогильных плит в описаниях монастырских некрополей, в завещаниях и других актах, на самих памятниках по крайней мере с конца XV века употребляется обычно слово "доска" ("дъска", "тска", "цка" и пр.). Например: "доска инока амортолоса", конец XV века [*Николаева,* 1985]; "положена... тска" [*Гиршберг-1,* №№ 16 и 118]; "и положить цка", середина XVII века [*Рабинович,* 1978. С. 316, прим. 334], "...для знания и вперед воспоминания на сей цке и подписано" [*Мартынов,* 1895. № 5. С. 102], "кладбища, тцки и дикое каменье на могилах есть и доныне", конец XVII века [*СлРЯ,* Т. 4. 1977]. "Доской" же именуют паломники крышку саркофага или погребальную скамью Гроба Господня.

Второе название надгробий — "камень" — имеет универсальный характер, и не менее распространено в XVI–XVII вв. (см. примеры в экскурсе о

надписях на плитах). Наконец, для памятных досок XVII века чаще употребляют слова "таблица", "подпись" или "надпись". Это не только хорошо отражает назначение и форму предмета, но и показывает изменение восприятия надгробия в конце средневековья. В нем видят почти исключительно носителя письменной информации, иногда называя даже "летописью" [*Толстой*, 1887. С. 268].

Другие средневековые термины ("палатка", "надгробница") описывают не самое надгробие, но разные типы небольших сооружений, имитирующих саркофаги или часовни, и здесь не рассматриваются.

Сохранились кое-какие сведения о мастерах, резавших надгробия. Прежде всего известно, что блоки для больших плит — параллелепипедов середины XVI–XVII вв., также как блоки для саркофагов, относились к разряду "штучных". Добываемый белый камень делился на три сорта — стенной (для лицевых кладок), известковый (для обжига извести) и бутовый. Первый, в свою очередь, включал несколько групп по размеру, из которых самый большой — "аршинный". За пределами этого набора оставались плиты престолов (полусажень в длину), каменные ящики, брусья и надгробия, часто достигавшие, как мы знаем по образцам, саженной длины при высоте до полуметра. Все эти крупные предметы изготавливались на месте добычи и первичной обработки камня [*Воронин*, 1934. С. 86, прим. 3].

Возможно не случаен тот факт, что раскопки в городах и монастырях до сих пор не обнаружили следов мастерских, производивших надгробия, — вероятно, значительная их часть не только обрабатывалась начерно мастерами вблизи каменоломен, но и украшалась узорами. Этим можно объяснить отсутствие даже в крупных монастырях своих резчиков и частое нанесение надписей XVI века в технике граффито.

Складывание в некоторых городах, например в Серпухове [*Шилов*, 1979. С. 216] собственных устойчивых вариантов орнамента доказывает, что местные производственные центры могли существовать, — однако, в большинстве случаев надгробия покупали или заказывали в каменоломнях. Археологам и архивистам хорошо известны случаи перевозки таких камней на большие расстояния — в Воронеж, Шую, Трубчевск [*Рабинович*, 1978. С. 262, прим. 334, 338, 339].

Некоторое представление о ценах на плиты и даже стоимости отдельных операций дают источники XVII века. Подсчет Ю. М. Золотова показал, что сумма, затрачиваемая на памятник в середине XVII века (включая перевозку, установку и покраску) была не менее 1 руб. [*Золотов*, 1961. С. 294].

При оценке заработка поденщика в пределах 6—12 денег это составляет довольно значительную сумму. Однако реально надгробия стоили дороже. В Серпухове в 1635 г. их цена равнялась 2 руб. 50 коп.: "...дал Степан Иванович Колтовской 30 рублев денег, и ис тех денег куплено два камени на гробы их, даны 5 рублев" [*Шилов,* 1979. С. 214—215; *Вкладная,* 1993. С. 50/л. 50 об]. Из этой записи можно заключить также, что установка памятника была частным делом семьи, и случаи заказа памятника монастырем рассматривались как исключение.

То, что монастырь покупает плиты на "живые деньги" из вклада, показывает, что ни своими мастерами, ни запасом камней он не располагал (по крайней мере в 1630-х гг.). Неизвестно, где совершается покупка. Скорее всего здесь же, в Серпухове. На посаде города в 1552 г. отмечены пятеро каменотесов, в 1649 г. — по крайней мере одна семья таких мастеров [*Шилов,* 1979. С. 215].

Нанесение надписей, конечно, довольно часто производилось на месте, — особенно, если они не претендовали быть профессионально исполненными. Известен текст XVII века, рассказывающий об одном таком случае в XVI веке : "На Максиме Греке камень подписывал Каменского монастыря постриженик черной дьяконъ Григорей, прозвище Ефиоп, ино сказал достоверно, что на камени надписано: Максим Грек, прозвище слиняло от доски". Вряд ли отсюда можно делать вывод о наличие в монастыре своих мастеров-резчиков, скорее речь идет именно о недолговечном граффити [Ср. *Николаева,* 1966. С. 209].

В начале XVII века плиты в Москве, несомненно, можно было не только заказать, но и купить готовыми. Во всяком случае это верно для каменных саркофагов. При погребении Михаила Скопина-Шуйского посылают сначала "во все торги" за деревянной колодой, которую приходится растесывать, чтобы уложить тело. Затем "привезоша гроб каменен велик, но ни той довляше вместити тело его, понеже велик бо возрастом телес своих". Совершенно ясно, что гроб не делали по мерке, а взяли из числа готовых [*Повесть,* С. 85].

В Дворцовых Разрядах первой половины XVII века сохранились сведения о пяти придворных мастерах, изготавливавших надгробия для членов царской семьи и высших иерархов — Василия Шуйского, царицы Марии Владимировны, патриархов Филарета Никитича, Иоасафа I. Это "вдовый поп" Ждан Аврамьев, Роман Иванов, Василий Наумов, Иван Неверов, Федор Тарасов. Они были скорее художниками и скульпторами очень высокой

квалификации, владевшими приемами сложной резьбы, росписи и золочения, и получавшими, кроме договорной оплаты, богатые подарки — "жалованье". Их называют "каменными (или "каменных дел") резцами" [*Гиршберг,* 1954. С. 128]. Они участвовали и в украшении резьбой зданий.

Некоторые дополнения позволяют сделать пометки и тексты плит. Плита великолепной работы с обронной надписью из Новодевичьего монастыря, принадлежавшая погребению Федосьи Андреевны Голициной, имела в изножии ниже орнаментальной рамки мелкую врезную подпись мастера: "Сей камень резал...", — к сожалению, имя утрачено [*Трубникова,* 1991. С. 110]. Известны и другие аналогичные сообщения, среди которых чаще встречаются подписи непрофессиональных исполнителей. Т. В. Николаева отметила числовые пометки (например $\widetilde{KS} = 26$) на обороте некоторых плит, и сочла их счетными [*Николаева,* 1966. С. 208]. На плитах (в том числе и в нашем каталоге) можно найти вне надписи отдельные буквы, иногда лигатуру "лет" и т. п. О назначении таких меток трудно судить — оно могло быть весьма разнообразным.

Обзор письменных источников наглядно показывает, что в них недостает необходимых сведений о хронологии, конкретном облике надгробий и, главное, — об их восприятии современниками. Поэтому необходимым условием изучения плит является разработка их археологической типологии и периодизации.

ГЛАВА 2
МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Принцип отбора материала

Итак, подавляющая масса русских средневековых надгробий безвозвратно пропала. Сохранившиеся во многих случаях недоступны изучению. Поэтому так велика роль археологии в собирании плит. Действительно, основные скопления памятников могут быть обнаружены в остатках средневековых зданий и в культурном слое вблизи старых, несколько столетий назад исчезнувших церквей. Практически все современные кладбища Москвы основаны уже в XVIII—XIX вв. и древних материалов не дают, — их можно изучить только с помощью раскопок или при реставрационных работах. Полученные таким образом экземпляры и составили информационную базу книги.

Весь материал можно разделить по принципу достоверности фиксации. Наиболее надежными, полноценными образцами для исследования признаются плиты, изученные de visu архсологами на месте их обнаружения, в культурном слое, хорошо датированном находками, или, по крайней мере, — в датированных частях архитектурных сооружений. Еще более важны плиты, найденные при раскопках непосредственно над могилами, но такие случаи крайне редки. Гораздо менее ценны надгробия, известные только по публикациям XIX в., особенно если отсутствуют фотографии и рисунки.

Главное место занимают памятники, найденные и описанные за последние 25 лет. Значительная их часть до сих пор не публиковалась. Кроме понятного стремления ввести эти плиты в оборот, опора на новые материалы объясняется их более полной фиксацией. Находки плит в последние десяти-

летия все лучше протоколируются, причем часто не изолированно, но вместе с комплексами: кладбищами, храмами, монастырями, археологическими слоями. В число изученных попадают теперь не только плиты с надписями, но и "чистые", а также фрагменты, — что весьма важно.

Существенно расширилась география и хронология исследований. Сфера поиска включает в последние годы не только Москву, но и "новые" средневековые некрополи провинции, в том числе некрополи сельские. В последние десятилетия сделан ряд находок, позволивших приступить к изучению начального этапа развития надгробия, к эпохе XIII–XIV вв.

Таковы объективные причины опоры на новый материал. Можно назвать и субъективную. В датировке и атрибуции надгробий существует ряд сложностей (о которых говорится в специальном разделе). Их можно избежать с помощью максимально полного анализа обстоятельств находки, археологического или архитектурного контекста, детальнейшего знакомства с историей объекта в целом и, наконец, неоднократных дополнительных обращений к найденному экземпляру с целью проверки выводов.

Понятно, что эти условия легче соблюсти, работая с "собственным" материалом, или с материалами, собранными в недавнем прошлом коллегами (есть возможность посетить место работ в их процессе, задать необходимые вопросы, провести дополнительный обмер и т. п.). Такого рода "доводка" фиксации, напротив, крайне затруднительна при работе с давно обнаруженными и опубликованными экземплярами, тем более — если документация не полна.

Чем мы располагаем сегодня

К счастью, объем накопленных за последнюю четверть века материалов достаточен для полноценных выводов. Только целые надгробия и крупные фрагменты, собранные автором при раскопках в древнейших монастырях Москвы (Богоявленский, Данилов, Высоко-Петровский, Крутицкий и др.) и Подмосковья (Спасский на усть-Угры), и на других некрополях (Коломенское, церкви Сергия в Крапивниках и в Рогожской и др.) покрывают период с конца XIII до конца XVII века и насчитывают около 100 экземпляров.

К ним следует добавить памятники, обнаруженные другими исследователями и частично до сих пор не опубликованные (находки Е. Л. Хворостовой в Москве, Старице, Пафнутьевом Боровском монастыре, А. А. Молчанова в

Иосифо-Волоколамском монастыре, С. З. Чернова на сельских некрополях Подмосковья и др.). Эта группа включает также не менее 150 первоклассных экземпляров. Можно указать также на довольно значительную и почти не опубликованную коллекцию надгробий XVI–XVII вв., хранящихся в провинциальных музеях. Об этих памятниках писала уже В. В. Ермонская, но дело с тех пор практически не продвинулось. (Предварительно можно оценить эти "запасы" как дополнительные 200–300 экземпляров).

Следует считать, что исследованию в настоящее время может быть доступно не менее 1000 надгробных плит. Из них примерно 800 экземпляров учтено и использовано в данной работе.

Для сравнения укажем, что свод В. Б. Гиршберга содержал около 250 надгробий конца XV — первой половины XVII века, еще примерно столько же было обещано для второй половины этого столетия, но в печати не появилось. Кроме того, около половины всех надгробий учтенных к началу 60-х гг. были взяты из публикаций XVIII–XIX вв. Внешние формы этих памятников, размеры, палеография, как правило, просто неизвестны, а чтение надписей невозможно проверить, что обесценивает материал.

Можно утверждать, что база источников сейчас гораздо шире и надежнее, чем четверть века назад, а фиксация материалов — полнее и достовернее. Даже если отбросить плиты без надписей, — которые в 1950–60-х гг. изучали вообще очень редко, — окажется, что сегодня мы можем оперировать археологическим материалом, объем которого возрос примерно втрое. Не мудрено, что потребовался пересмотр наших представлений о надгробии.

К сожалению, имеющийся материал распределен весьма неравномерно как хронологически, так и географически. В наибольшей мере изучена Москва и некоторые монастыри в пределах княжества XIV–XV вв. Собранный здесь материал составляет около 90 % всего объема. Остальное приходится на долю Верхнего Поволжья, Тверских земель, Русского Севера. Основная часть надгробий принадлежит XVI–XVII вв. (также не менее 90 %), для XV века достоверно известны пока около 10–15 экземпляров, а от XIII–XIV вв. — немногим более (примерно 25 экз.). Таким образом, наши представления о древнейшем периоде все еще достаточно смутны и случайны (чем, в известной мере, и вызвана попытка привлечь аналогичные памятники родственных культурных традиций и на их основе понять генезис ранних форм).

Типология

Предметом нашего исследования, как уже говорилось, является лишь один из видов надгробных каменных памятников русского средневековья, — хотя, видимо, и самый распространенный среди них. Прежде чем говорить о его внутренней типологии, хотя бы кратко охарактеризуем всю общность.

С точки зрения формы предлагается различать, прежде всего, каменные (отдельно стоящие, врезанные в стену храма или укрепленные иным образом) вертикальные памятники — кресты (вид I). Этот вид не был распространен на Руси за исключением земель Новгорода и Пскова, а также прилегающей к ним зоны Северо-Западной Руси [*Спицын,* 1903*; Шляпкин,* 1906; *Седов,* 1982]. Возможно, подавляющее большинство намогильных крестов делалось из дерева, но мы знаем о них явно недостаточно.

Вид II образуют горизонтально лежащие на поверхности некрополя над погребением плиты более или менее уплощенной формы — такие, у которых высота меньше ширины, или по крайней мере не превосходит ее сколько-нибудь значительно. Они и будут наиболее подробно рассмотрены нами.

Вид III — плитки-таблицы, врезанные в стену храма или иного сооружения. Они получают особое распространение в самом конце средневековья, в XVI–XVII вв. Обычно бывают белокаменными, хотя встречаются и керамические (псковские керамиды). Многие авторы называют их "памятными досками", оставляя, таким образом, за термином "надгробие" лишь его буквальный смысл. К сожалению, это не способствует ясности, — ведь функционально плиты и таблицы не делятся, и те и другие помещаются над могилой с целью маркировать место погребения, закрепить память о нем. "Памятными" могут быть тексты, сообщающие об иных событиях — закладке или освящении храма и т. п. Если пользоваться дефиницием "памятный", лучше употреблять его в отношении знаков, вообще не привязанных к месту погребения. (Впрочем, эта сугубо терминологическая проблема на типообразование не влияет).

К виду IV относятся камни-валуны, на которых могли по зашлифованному затесу или просто по "дикой" поверхности высекать краткие надписи. Они распространены в XVII веке на Русском Севере, но были, вероятно, многочисленны и в Московской земле. Здесь они использовались, в основном, в XIV–XV вв., поэтому не имеют надписей.

Разумеется, полная картина погребальных монументов на Руси (так же как в Западной Европе и на православном Востоке) была более сложной. В

нее включались композитные сооружения — кирпичные "нагробницы", расписные аркосолии в стенах храмов, отдельно стоящие саркофаги, надгробные иконы или "портреты" и др. Отличие этих сооружений в том, что они — не просто памятники, но одновременно и вместилища останков покойного, или, по меньшей мере, имитации таковых, сопровождаемые изображениями. С этой точки зрения в качестве надгробного памятника должны рассматриваться и ктиторские храмы или их пристройки, часовни и т. п., возведенные специально для захоронения жертвователя, его семьи и других лиц. В данной работе эта группа памятников специально не рассматривается, хотя включение их в общую таблицу видов надгробных монументов наряду с четырьмя выделенными видами артефактов, маркирующих место захоронения, вполне возможно.

Знакомство с типами памятников вида II (плита) полезно предварить историей выделения типологических признаков. Первую попытку такого рода предпринял, как уже говорилось, В. Н. Щепкин, указавший на смену характера орнаментальной резьбы на рубеже XVI–XVII вв. с трехгранно-выемчатой на жгутовую. Этот дефиниций долго оставался основным. Вопрос "треугольнички или плетенка?" считал наиболее важным при датировке надгробий А. В. Арциховский. Он сохраняет значение и сейчас.

Ученые, работавшие в 1950–60-х гг., прежде всего В. Б. Гиршберг, выделили еще ряд признаков. Принципиально важным было указание на толщину доски (то есть на пропорциональное соотношение размеров) как на типологический и датирующий признак. Стало очевидным также сравнительно позднее появление надписей на плитах и необходимость учета этого факта в типологии. Наконец, невозможно было не заметить орнаментации боковых граней и не придать ей значения важного типообразующего элемента.

Следует указать и на отдельные ошибки в наблюдениях В. Б. Гиршберга. Не подтвердилось предположение о датирующем значении размера треугольников в трехгранно-выемчатой резьбе. Хотя между приемами XIV, XV и XVI вв. существует разница, их взаимоотношение не может быть выражено через простое увеличение или уменьшение размера элемента.

Случайным кажется также выделение особого типа "брусковых" надгробий, якобы существовавших в XVI веке в Москве и зафиксированных в одном монастыре — Новодевичьем. Под такими надгробиями понимались камни, близкие квадрату в поперечном сечении при очень значительном преобладании длины над шириной и высотой. Однако вскоре выяснилось, что это не

отдельный тип, а просто "испорченные" позднее, то есть распиленные по длине старые камни. Больше они так нигде и не встречены. По сути, это лишь случайность, эпизод в развитии производства. (Надгробные памятники Новодевичьего монастыря вообще неоднократно перемещались и перерабатывались, поэтому их оформление следует воспринимать с осторожностью).

Очень долго типологические признаки выделялись исключительно на материале надгробий Москвы и Подмосковья. Попыток составить общую типологию для Руси не предпринималось. Наконец они были сделаны. Труд В. В. Ермонской, хотя и не ставил отдельной задачи построения типологии, но в нем достаточно подробно описаны почти все известные и существенные признаки исследуемой общности [*Ермонская,* 1978]. Затем Т. Д. Панова в кандидатской диссертации постаралась выделить признаки и построить на их основе археологическую классификацию [*Панова,* 1990].

Удачей этой работы следует признать сохранение признака формы плиты, предложенного еще В. Б. Гиршбергом, то есть прямоугольности или трапецевидности ее основания [*Гиршберг,* 1960. С. 5]. Однако при этом был отброшен признак пропорций, уже вполне утвердившийся к тому времени в науке. Опора на единственный признак — форму — привела к повторению старой ошибки с выделением "брусчатых" надгробий (тип IV по Т. Д. Пановой) [*Панова,* 1990. С. 9]. Третий тип вообще оказался состоящим всего из одного экземпляра, возможно, также случайного (использование заготовки для ладьевидного саркофага или его крышки?). Наоборот, в первых двух типах ("прямоугольный" и "трапецевидный") смешались надгробия самых разных периодов и территорий. В целом эту классификацию можно определить как чрезмерно схематичную и формальную, не учитывающую реального хода развития надгробий, который нам, в общем, известен достаточно подробно.

Простое знакомство с материалом позволяет легко заметить, какие признаки при изготовлении плиты были устойчивыми, технологически или художественно принципиальными для исполнителей и заказчиков, а какие возникали случайно, то исчезая, то появляясь снова. Опора именно на эти, заведомо известные различия составляет важнейшее преимущество типологической работы с позднесредневековым и постсредневековым материалом, редко доступное при исследовании более древних культур.

Вообще построение формальной типологии — просто ради удовольствия ее иметь — не кажется разумным. Осознававшиеся изготовителями и эмпирически выделяемые исследователями группы признаков прекрасно "работа-

ют" и при датировке, и при формальном анализе, и при описании. Конечно, их можно систематизировать, что упростит учет и фиксацию, а также сократит словесное описание. Для составления свода подобная работа будет совершенно необходима.

При составлении типологии наиболее интересующего нас вида II предлагается учитывать шесть групп формальных признаков: (1) пропорциональные соотношения трех основных размеров (длина, ширина и высота/толщина); (2) форма плиты (параллелепипед, овал, неправильный четырехугольник или трапеция в основании); (3) способ декорации лицевой (верхней) грани (отсутствие декора; профилировка ребер; резьба/гравировка; рельеф); (4) характер орнаментальной резьбы на лицевой (верхней) грани (трехгранно-выемчатая; жгутовая; иного характера); (5) наличие и характер изображений на боковых гранях (резное, рельефное, их варианты); (6) наличие надписи и способ ее размещения на гранях.

Два последних признака можно было бы рассматривать как вариантные. Характер резьбы на верхней грани (признак 4) является вариантом способа орнаментации (признак 5). Надпись (признак 6) вообще может быть отделена и рассмотрена отдельно от предмета, ее собственные признаки требуют гораздо более детального развертывания. Она не всегда входит изначально в композицию; часто привнесена позднее или исполнена другим лицом, нежели плита. (Для нее, однако, может быть выделено специальное поле уже при изготовлении.) Тем не менее важность признаков 4 и 6 при составлении периодизации, для датировки, при общем описании и каталогизации — очевидна, поэтому предлагается сохранить все признаки в едином уровне.

Эти шесть групп признаков представляются основными, поскольку их сочетание позволяет описывать фактически все известные варианты оформления надгробных плит XIII—XVII вв. в пределах Волго-Окского междуречья, Северо-Западной и Северной Руси. Для их детализации и последующего выделения типов предлагается таблица, в которой учтены 20 внешних признаков, легко заметных подчас даже на фрагментах. Обсуждение и критика этой таблицы позволит, несомненно, усовершенствовать систему и применять при описаниях стандартный формуляр с нумерованными позициями..

Что же касается собственно — "типов", то, может быть, разумнее не вырабатывать их формальные системы, но пользоваться при описании известными нам и несомненно существовавшими устойчивыми типологическими признаками. Ведь даже краткие старые эмпирические характеристики, такие как "надгробие с Т-образным крестом" (оно же — "тверского типа"); "над-

гробие с круговым орнаментом"; "плита с плетеным орнаментом"; "плита с арочным орнаментом", — позволяют сразу определить, хотя бы и приблизительно, дату предмета и принадлежность к художественной традиции, в отличие от такой характеристики как, скажем, "трапецевидный тип".

"Работу" этой системы надеюсь показать в последнем разделе данной главы, где предлагаемая периодизация построена именно на сочетаниях выделенных групп признаков. Сейчас же необходимо обратиться к некоторым другим специальным проблемам методики исследования средневековых надгробий.

Проблемы атрибуции и датировки

В работе с надгробиями средневекового периода мы часто встречаем разного рода анахронизмы, которые реже угрожают археологам, работающим с массовым материалом (например, керамикой), но довольно обычны для исследователей письменных источников, нумизматики, лапидарной и вещевой эпиграфики, — то есть материалов, несущих абсолютные даты или их яркие, характерные признаки. Важнейшей причиной этого является асинхронность события, описанного в "легенде" (эпитафии и т. п.), моменту изготовления самой надписи. Эта, зачастую не очень значительная разница, при работе с надгробиями усугубляется существованием еще одного хронологического разрыва — между изготовлением памятника и временем нанесения на него текста.

Обнаружение асинхронности важно и для анализа сообщаемых сведений (поскольку они могут быть искажены временем, припоминаниями и т. п.), и для изучения надгробий как артефактов (поскольку ошибка заставляет неверно датировать предмет).

Известно, что плиты часто не заказывали индивидуально, но выбирали из приготовленных на продажу. Это заставляет предполагать их изготовление несколько ранее даты смерти погребенного. Более того, их часто покупали для себя заранее, и определить точно, сколько времени прошло с момента покупки до реальной смерти владельца, невозможно. Отмечено довольно много случаев, когда и надпись нарезалась заранее, но оставлялось место для даты [*Николаева*, 1966. № 25].

Однако надгробие могло быть приобретено и существенно позднее даты смерти. Следовательно, надпись высекалась тоже позднее. Наконец, обычен разрыв между временем изготовления надгробия и моментом появления надписи.

СИСТЕМА ФОРМАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ ДЛЯ ОПИСАНИЯ НАДГРОБНЫХ ПЛИТ XIII–XVII ВВ.*

размер	длина				1	(50)	88
	ширина				2	49	16/36
	высота				3	11–12	21
форма основания	симметричное				4		
	несимметричное				5	+	+
декор	отсутствует				6		
	профилировка ребер				7		
	на лицевой грани	резьба	треугольчатая	композиция «рамка»	8		
				композиция «ось»	9		
				композиция «три круга»	10		
				композиция атропоморфная неустойчивая	11	+	
				композиция атропоморфная устойчивая	12		+
			жгутовая		13		+
		рельеф			14		
	на боковой грани	резьба	«канеллюры»		15		+
			«ленты и грани»		16		
			растительные формы		17		
		рельеф			18		
надпись	на лицевой грани				19		+
	на боковых гранях				20		

* В двух последних колонках представлен вариант перечисления основных признаков двух надгробных плит из Каталога: Дм № 1 и Дм № 14.

Итак, дата, указанная в "эпитафии", может рассматриваться лишь как приблизительная по отношению к времени появления плиты и нарезки надписи. Такие колебания, конечно, в большинстве случаев укладываются в пределы от нескольких лет до одного десятилетия, что с точки зрения археологии немного.

Гораздо более опасный разрыв возникает при вторичном использовании надгробия. Поскольку многие плиты на кладбище оставались неподписанными и в XVI, и в XVII веке, всегда существовала возможность использовать их вторично, нарезав новую эпитафию. Такие переработанные камни попадаются довольно часто, и могут иметь разницу с датой надписи в несколько десятилетий. Встречается и перенос старой надписи на новое надгробие (особенно если нужно совершить перезахоронение, например, при перестройке церкви), или специальное составление новой надписи по каким-то имеющимся источникам (записям в синодиках, родословцах, надписям на иконах, фресках и т. п.), что рождает не только разнообразные ошибки и описки, но и почти неизбежно влечет несоответствие формы надгробия содержанию надписи. (Указания на переоформление плиты в самом тексте эпитафии — редчайшее исключение).

Примеры несоответствий достаточно известны. В 1957 г. Т. В. Николаева опубликовала надгробие князя И. М. Воротынского, датировав его близко к 1535 году, обозначенному на плите. Однако в этом справедливо усомнился В. Б. Гиршберг, указавший на близость оформления плиты памятникам первой половины XVII века, то есть на сто лет позже [*Гиршберг,* 1960 С. 6–7]. Вероятно, этот памятник был заказан внуком погребенного, Иваном (Ионой) Михайловичем Воротынским, очень заботившемся в 1620–30-х гг. о родовых некрополях [*Беляев*, 1995. С. 66].

Случаи одновременной нарезки надписей на нескольких разновременных плитах менее известны в литературе, однако они существуют. Например, В. Б. Гиршберг указал на "таблицы" рода Загряжских, выполненные в конце XVII века в Андрониковом монастыре, но несущие даты от середины XVI века и позднее [*Гиршберг,* 1960. С. 6]. Аналогичным образом одинаковые плиты без орнамента но с надписями на торцах изголовий были, видимо, изготовлены для представителей рода Вельяминовых-Воронцовых в 1690-х гг., хотя самое старое погребение в их ряду датируется серединой XVII века. Это могло быть связано с постройкой нового собора Богоявленского монастыря, к западу от трапезной которого находился родовой участок Вельяминовых в XVI–XVII вв. (Кат. Бм №№ 30–35) [*Монастыри.* С. 80–81].

Однако все это — примеры добросовестных повторений, которые, хотя и вносят путаницу в датировку камней, могут исказить стиль и содержание надписей, — но все-таки стремятся донести информацию о реальных событиях. Известны гораздо более курьезные случаи, ставящие в тупик исследователей. Это, прежде всего, примеры сознательной подделки или "реконструкции" плит.

Недавно В. В. Кавельмахеру удалось чрезвычайно изящно доказать, что камни родового некрополя князей Фоминских были нарезаны одновременно в разных городах по заказу позднего представителя рода А. И. Полева, причем один из камней приписан не существовавшему в природе Федору Юрьевичу ("основателю" рода), который "умер" в середине XIV века [*Кавельмахер,* 1989. С. 480–484]. Эти надгробия, впрочем, сами по себе интересны, так как дают представление о приемах составления эпитафий в середине XVII века. Есть и совсем причудливые случаи. В Богоявленском монастыре в середине XIX века показывали памятник боярина Федора Бяконта, умершего в начале XIV века, выполненный в стиле классицизма и снабженный соответствующими надписями. (Его изготовили в 1820-х гг. на основе знакомства с исторической литературой).

К сожалению, анахроничные памятники не всегда легко опознать. В значительной мере помогает уже достаточно выверенная хронология признаков, характер формулировки надписи и палеография. Однако эти признаки хорошо работают в XVI–XVII вв. Для XIII–XV столетий опорных точек гораздо меньше, поскольку сравнительный материал пока очень малочислен и ненадежен, а надписи отсутствуют.

Например, для первой половины XV века Москва располагает только двумя плитами, имеющими абсолютную дату благодаря упоминанию погребений в летописи. Фактически на них построена вся система наших представлений о ходе развития древнейших надгробий. Они являются связующим звеном между группами плит XIII–XIV вв. и первыми надписными надгробиями последних десятилетий XV века. К ним мы апеллируем при датировке аналогичных памятников из слоев Кремля, из Коломенского и других некрополей. Это две плиты, опубликованные как надгробия митрополитов Киприана († 1405 г.) и Фотия († 1432 г.). [*Шеляпина*, 1973].

Плиты не имеют надписей, и принадлежность их конкретным лицам определяется в основном традицией. Сами погребения не изучались. Поскольку известны многочисленные случаи утраты памяти о местах погребений или очень значительных подвижек отдельных памятников, доля сомнения в при-

надлежности — а следовательно, в дате находок — остается [Ср. *Янин*, 1988]. Есть и другие основания для сомнений. Известно, что саркофаги митрополитов выносились из Успенского собора при постройке нового храма Аристотелем Фиораванти и временно стояли в ц. Ивана Лествичника. Вполне возможно, что при вторичном захоронении были изготовлены новые надгробия (массовые смены памятников в соборах хорошо известны в последующие столетия).

Уточнить датировку с помощью аналогов пока не удается. К сожалению, можно лишь утверждать, что в конце XV века еще существовали композиции достаточно близкие изображениям на плитах Киприана и Фотия, так что нарезку их в момент перестройки Кремля Иваном III с этой точки зрения нельзя исключать.

Со временем этот вопрос будет решен, но необходимо дождаться накопления ранних материалов, которые даст только археология, обеспечив при этом их более-менее точное датирование стратиграфическими методами. До тех пор — постараемся соблюдать сугубую осторожность в наших выводах.

Периодизация

Изложим самым схематическим образом историю развития надгробных плит с точки зрения изменения форм и декора до того как перейти к детальному разбору отдельных композиций, которым посвящены основные главы, содержащие подробности и доказательства. Такой схематический очерк необходим для понимания сути дискуссии, а также для ввода необходимых терминов. Кроме того, отказавшись от строгой типологической схемы, совершенно необходимо обозначить те исторически существовавшие разновидности надгробий, которые выделяются с помощью перечисленных ранее признаков.

Иными словами, периодизация в значительной мере заменит нам типологию. Памятники, относящиеся к определенному периоду и территории, в большинстве будут представлять вполне конкретную разновидность, которая здесь и называется условно "типом". Нынешнее состояние материала позволяет выделить семь таких территориально-хронологических разновидностей.

Как господствующий вид каменного надгробия плоская плита, по размеру примерно соответствующая могильной яме или гробу, появилась на Руси, вероятно, в XIII веке, причем ближе к его середине. В домонгольское время она практически неизвестна. (Следует заметить, что надгробные плиты этого

типа и в Западной Европе, где они были "изобретены", распространятся лишь в период развитого средневековья, примерно в X–XI вв.).

В XIII–XV вв. белокаменные надгробия постепенно распространяются в Москве и землях вокруг нее, а также на севере и северо-западе Руси (в Ростове, Твери, Старице, Белоозере и др. пунктах), а как редкое исключение — и в других районах. Позднее, в конце XV и особенно с середины XVI века, начинается вытеснение местных форм надгробиями с типично московской орнаментикой.

Широко распространившись во второй половине XVI–XVII вв. по всей Московской Руси, в последней трети XVII столетия московские плиты испытывают активное воздействие барочных форм и орнаментики западноевропейского надгробия. С XVIII века и позднее надгробная плита будет оттеснена на периферию распространением архитектурно или скульптурно оформленных надгробий и сохранит лишь второстепенную, служебную роль, утратив элементы средневековой орнаментики.

В развитии плит на протяжении четырех-пяти веков можно выделить хорошо заметные этапы, связанные с изменением форм, орнаментов и семантики. Их насчитывается пять.

Первый этап охватывает период с середины XIII до конца XIV века. Это время появления плоского надгробия из белого камня (известняка) как особого рода изделия. Главные особенности плит — подчеркнутая четырехсторонняя симметричность как формы, так и орнамента при отсутствии сколько-нибудь выраженных антропоморфных признаков. Дополнительно плиты характеризует незначительная толщина (они довольно часто напоминают тонкие каменные доски), или неправильность формы, которой следует орнамент.

Второй этап характеризуется появлением антропоморфных признаков. Плиты становятся трапецевидными в плане, композиция орнамента приобретает черты, напоминающие о человеческой фигуре. С первым этапом их роднит небольшая толщина плиты, отсутствие надписей, употребление приемов трехгранно-выемчатой резьбы. Хронологически этап 2 тянется от конца XIV до конца XV века, то есть время господства плит этого типа — XV век.

Необходимо отметить, что 1-ому и 2-ому этапам в Москве и Волго-Окском междуречье примерно соответствует распространение плит с рельефным изображением Т-образного посоха (=креста) на территориях Русского Севера и Северо-Запада. Сравнение композиций показывает, что влияние прису-

щих "тау-крестам" антропоморфных элементов было одним из факторов, определивших трансформацию московской орнаментальной схемы от первого этапа ко второму. Надгробия этой группы стоят особняком и могут быть условно выделены *в дополнительный этап (2Т)* развития плиты.

Третий этап — конец XV — первые две трети XVI века — определило возникновение обычая снабжать плиты резной надписью на "лицевой" верхней грани, что может быть легко истолковано как появление нового формального признака. Возникший на рубеже XV–XVI вв. конфликт усложнившегося антропоморфного орнамента и нововведенного текста разрешается к середине XVI века в пользу последнего. Текст отныне принял на себя не только смысловую (информационную и семантическую) функцию, но и ответственность за декоративное оформление плоскости, на которой занял главное место. Признак уплощенности пропорций на протяжении 3-го этапа сохраняется. Плита все еще воспринимается как доска. Хотя ее толщина заметно возрастает, она обычно не превосходит одной трети ширины, причем боковые грани остаются гладкими, без орнамента.

Четвертый этап наступает с победой объемного, трехмерного восприятия плиты, приобретающей даже некоторые черты архитектурного сооружения. Резко возрастает высота боковых граней, которые начинают украшать. В 1580-х гг. зафиксированы первые экземпляры плит с каннелированным орнаментом, который в первой трети XVII века становится абсолютно преобладающим, и некоторые другие виды декора "бортов". Дополнительным признаком "нового стиля" в оформлении плит становится изменение метода исполнения орнамента. Вместо господствовавшей с самого XIII века трехгранно-выемчатой резьбы, при которой узор образовывали два ряда противопоставленных вершинами треугольников ("волчий зуб", "веревочка", "змейка"), — появляется сложная трехпрядная плетенка ("жгут", "косичка"), выполняемая гораздо более пластично и рельефно. В конце 4-ого этапа заметны признаки кризиса формы и семантики средневекового плитчатого надгробия как особого вида памятника. По-видимому, утрачивается смысл изображения на верхней плоскости, орнамент окончательно превращается в рамку для текста. Усиливается стремление к декоративизму и парадности: распространяется "обронная работа" (надписи на выбранном фоне), шрифт укрупняется и становится вычурным, чувствуется воздействие ориентализирующего стиля XVII века или барочные влияния (проникновение растительных орнаментов и т. п.). Кроме того, некоторое распространение уже в первой половине XVII века получает новый вид надгробий — настенные таблич-

ки (памятные доски). Условной гранью четвертого периода можно считать середину XVII века.

Далее начинается *пятый этап*, завершающий, в течение которого плитчатые надгробия окончательно трансформируются. Прежде всего, увеличивается еще больше высота плиты. Уже на 4-ом этапе она составляла около половины ширины или немногим более. В последней трети столетия встречаются надгробия, у которых высота и ширина примерно равны, или высота превосходит ширину. По-видимому, меняется и обстановка на городских кладбищах, которые делаются чрезмерно тесными и не обеспечивают возможности свободного доступа к плитам.

Эти факторы приводят к переносу надписи с верхней плоскости на боковые, а затем — к размещению всего текста на одном или обоих торцах надгробия. Верхняя плоскость окончательно утрачивает значение, зато исчезает однообразие в оформлении боковых граней, где появляются архитектурные профилировки, орнаментальные гирлянды, а на торцах — в изголовьи и изножии — даже картуши барочного типа и рельефно выполненная атрибутика (эмблемы смерти, Голгофские кресты и т. п.). Вероятно, усложняется и раскраска надгробий (известная, по крайней мере, в XVII веке). Практически мы имеем дело в 5-ом периоде уже не с плитой, но с упрощенным вариантом саркофагообразного надгробия, выработка которого началась в конце XVI века с наступлением 4-ого этапа.

Можно добавить, что 5-ый этап, видимо, хорошо подготовил каменосечцев-резчиков к исполнению памятников достаточно сложных форм, насыщенных богатым фигурным рельефом, сюжетными композициями и даже круглой скульптурой, что позволило им в начале XVIII века успешно высекать памятники новых, европейских образцов.

ГЛАВА 3
ДРЕВНЕЙШИЕ НАДГРОБИЯ МОСКВЫ И ПОДМОСКОВЬЯ XIII–XIV ВВ.

Общие проблемы генезиса

Плоские надгробия появились в Европе довольно поздно. Для нашей темы небезразлична общая история этой разновидности памятника. Поскольку она еще не написана (во всяком случае, мне такое исследование осталось неизвестным), пришлось самостоятельно рассмотреть вопрос. Результаты этого рассмотрения должны быть изложены отдельно, здесь же скажем о них в самых общих чертах.

Прежде всего, дадим определение. Под надгробной плитой здесь понимается памятник, горизонтально располагающийся над могилой (на холмике, специальном невысоком подиуме и т. п.), по размеру и плану обычно приближающийся к ней (прямоугольный, трапецевидный, овальный), и, следовательно, сохраняющий хотя бы приблизительно пропорции человеческого тела.

Характерным признаком надгробной плиты является стремление помещать зрительно воспринимаемую информацию (орнамент, надпись, и пр.) на верхнюю горизонтальную лицевую плоскость (грань). Это объясняется тем, что плита мыслится как двухмерный, плоский предмет, толщина которого незначительна и не принимается в расчет при оформлении сооружения. (Что можно выразить в пропорциях — толщина плиты существенно меньше ее ширины, не говоря уже о длине.)

Конечно, боковые грани иногда служат дополнительными плоскостями для нанесения текста или декора (орнаментов, архитектурных деталей, профилировок), но это не типично и в большинстве случаев ясно указывает на

вырождение плиты как вида, на быстрое превращение ее в саркофагообразное надгробие, памятник в форме архитектурного сооружения, стелу, подставку для таблицы.

Надгробная плита возникает как памятник отдельной личности. Обычно она предназначена для индивидуального, и гораздо реже — группового (семейного) погребения. До эпохи христианства в Средиземноморье и Западной Европе надгробные плиты почти не встречаются — их заменяют стелы и саркофаги. Говорить о плите как о сложившемся виде памятника можно не ранее X–XI вв. Широкое распространение плиты получают еще позднее — в развитом средневековье.

По-видимому, появление и утверждение надгробной плиты связано с целым рядом новых явлений в позднеримской и раннесредневековой погребальной традиции, — таких как окончательная победа обряда трупоположения над обрядом трупосожжения и переход к строго индивидуальным погребениям. Отказ в период II–IV вв. н. э. от кремации, особенно распространенной ранее в западных областях Римской империи, при всей неоднозначности его толкования в современной историографии [*Morris,* 1992. P. 31–69], несомненно связан с распространением философских и религиозных систем, утверждавших индивидуальное бессмертие души и возможность личного спасения. Конечно, сохранение тел умерших было принято в целом ряде европейских культур I тысячелетия до н. э. и ранее. "Островки" этой традиции заметны в романизованных областях, — например, в южной Галлии, — даже при всеобщем господстве кремации. Но они оставались локальным явлением и мало повлияли на общее развитие погребальной архитектуры и скульптуры.

Победа христианства, устойчивость и широта его распространения, создали особенно благоприятные условия для длительной эволюции всех видов ритуальных сооружений и их определенной унификации.

Исходным пунктом в развитии индивидуальных погребальных сооружений христиан стали элементы древневосточных верований, требовавших заботы о сохранении останков. Эти традиции не прерывались ни в Греции в эллинистический период, ни в азиатских и африканских провинциях Рима. Вопрос о посмертном воскресении в истинной плоти обладал особой актуальностью как раз на заре христианства, в первых веках нашей эры. С этим связана повышенная потребность ограждения останков усопших членов общины, необходимость обозначать места их погребения надписями и снабжать благочестивой символикой, ярко проявившиеся в катакомбных некрополях.

Другое важное религиозное требование, восходящее к ветхозаветной традиции — обязательное соединение тела с землей, из которой был сотворен первочеловек. Оно вело не просто к стремлению сохранить тело, но и сокрыть его, зарыть в землю, — что вызывало потребность в индивидуальном надгробном сооружении.

Можно утверждать, что своими формальными признаками западноевропейское плитообразное надгробие обязано прежде всего двум группам древних памятников. Первая группа — позднеантичные саркофаги различных форм, изготовлявшиеся из всевозможных материалов (наиболее известны каменные резные, но существовали также деревянные, металлические, керамические, украшенные мозаикой или живописью). Вторая группа — таблички, закрывавшие погребальные ниши — локулы раннехристианских катакомбных некрополей Рима и его провинций во II—IV вв. Если саркофаг доставил образцы для оформления надгробий. то таблички локул — традицию маркировки плит с помощью символов и надписей.

В конечном счете христиане отказались от использования наземного саркофага, особенно распространенного в позднем эллинизме. (Открыто стоящие саркофаги применялись в средневековье только для неординарных погребений, прежде всего как вместилище священных останков — рака). Их внешние формы, однако, успели оказать огромное воздействие на сложение памятников молодых европейских культур.

Процесс выработки форм надгробной плиты шел очень медленно и долго, на протяжении практически всего тысячелетия, параллельно видоизменению форм каменных гробов от эллинистических саркофагов к раннехристианским, а от них — к "варварским" переработкам, буквально наводнившим в середине и третьей четверти I тыс. н. э. некрополи от Испании до Поморья и от Британии до Южной Галлии и Паннонии. (Этот процесс заслуживает специального изучения).

Оформление новых памятников — плит, сменивших в конце-концов саркофаги, всегда сохраняло целый ряд рудиментов. В формальном отношении новый вид зависел от старого, и мастера-каменосечцы продолжали воспроизводить элементы старой формы, давно утратившей и функциональную, и семантическую нагрузку. Они придавали этим элементам совершенно новое обрамление, трактовали их в соответствии с меняющимися религиозными нормами, включали в неожиданные орнаментальные композиции, наконец, смешивали с традиционной для данного этноса орнаментикой, — но древние, необычайно устойчивые корни все равно проступали, и их довольно легко

обнаружить при сравнительном формальном анализе. Это, в первую очередь, следы акротериев; следы выступающего гребня-конька двускатной кровли; следы ребер, разделяющих плоскости четырехскатной крыши.

Важнее всего рассмотреть поздний, романский этап этого процесса, — которому, собственно, мы и обязаны появлением привычной современному европейцу надгробной плиты. Будем делать это, анализируя параллельно в одном разделе древнерусский, южнославянский и западноевропейский материал. Однако прежде познакомимся подробнее с памятниками Москвы и Волго-Окского междуречья.

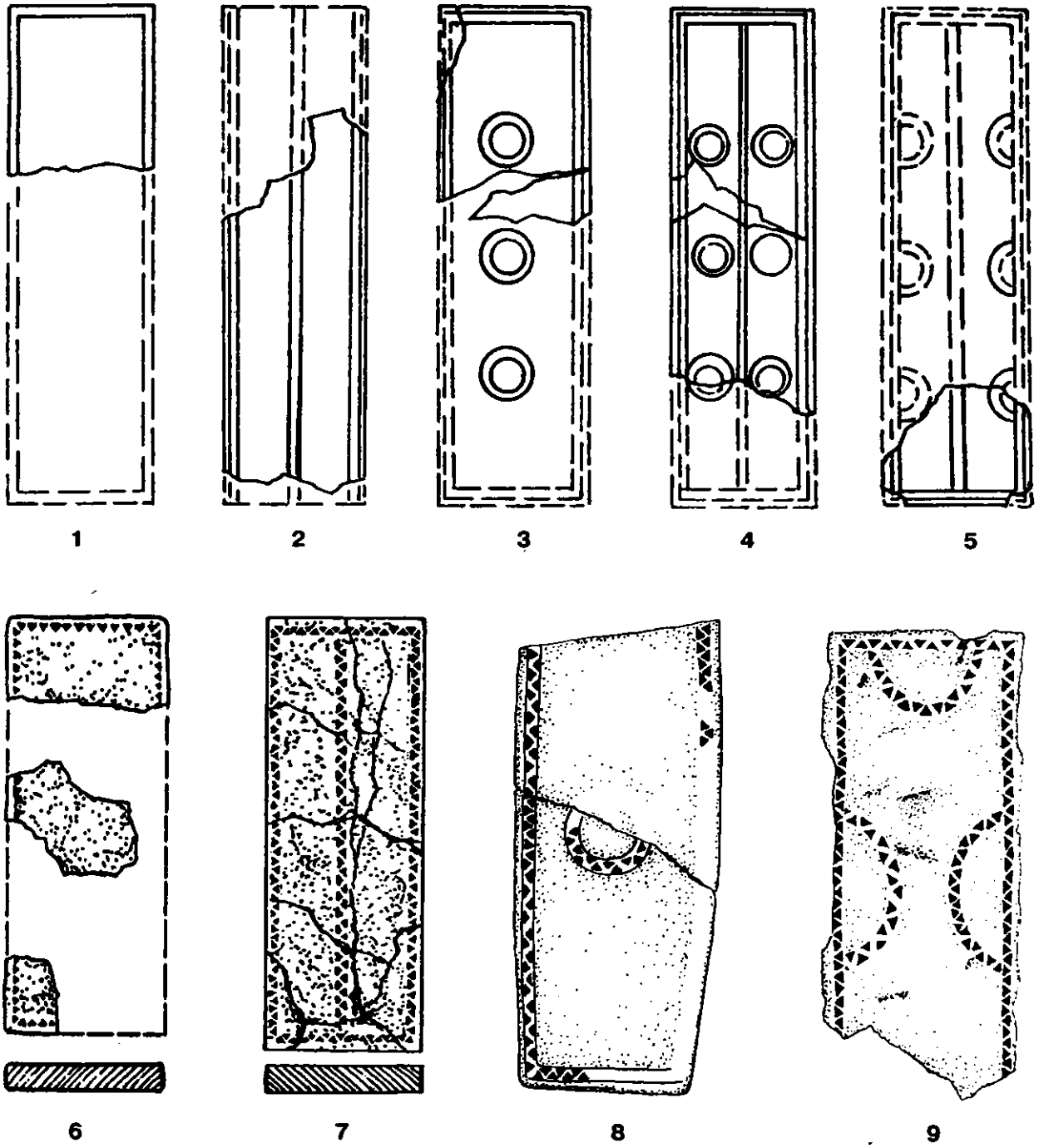
Первые белокаменные надгробия Руси

Выше сказано, что памятники в виде плит появились на Руси скорее всего в XIII веке. Этот факт установлен чисто археологически, никаких письменных доказательств ему нет. До сих пор нет и сколько-нибудь достоверных свидетельств существования плит в домонгольский период. Древнейшие из них вряд ли могли появиться на некрополях Северо-Востока до начала здесь белокаменного строительства в середине XII века. Поэтому следует считать такие надгробия нововведением, самое раннее, второй половины XII — середины XIII века, если не позднейшим.

Для периода XIII–XIV вв. можно оперировать лишь считанными экземплярами. Среди них выделяются три группы плит, обнаруженные при раскопках непосредственно в слоях некрополей Москвы, а также плиты из Ростова Великого и Старицы.

Ранее других были найдены надгробия кладбища на Соборной площади Кремля, поверхность которого перекрыта слоем строительства Успенского собора 1326 года. (Существование здесь более раннего каменного собора представляется сомнительным) [*Выголов,* 1993. С. 96–109]. Часть надгробий находилась на своих местах над могилами, поэтому их интерпретация и относительная хронология вполне надежны. Согласно абсолютной датировке исследователя, открывшего кладбище, происходящие с него 9 плит и ряд фрагментов должны относиться ко второй половине XIII — первой четверти XIV века, что кажется вполне вероятным [*Шеляпина,* 1971. С. 284–288]. Плита того же типа найдена в 1994 г. при реконструкции здания Сената, на участке ц. Козьмы и Дамиана. Табл. I 1–5

Вторая крупная группа камней близкого облика происходит с некрополя Богоявленского монастыря (Кат. Бм №№ 1–12). В нее входят 4 надгробия

1–5 — участок Успенского собора в Кремле [*Шеляпина*, 1971]; 6–8 — участок Богоявленского монастыря (Бм №№ 4–5, 8); 9 — некрополь в Коломенском (КЛ № 1).

Plate I. The oldest Moscow graveslabs: XIII–XIV c. 1–5 — from the Assumption Cathedral in Kremlin; 6–8 — from Bogoiavlenskii monastery; 9 — from the necropolis in the estate of Kolomenskoe.

in situ; 8 фрагментов, позволяющих полностью восстановить композицию, и ряд более мелких; часть орнаментированной крышки саркофага с орнаментом; наконец, 5 прекрасных плит, найденных вне слоя кладбища. Всего Богоявленский монастырь дал не менее 20 экземпляров надгробий XIII–XIV вв. Их дата обоснована находками в погребениях и подстилающем слое, а также перекрывающим уровнем строительства каменного храма второй половины XIV — начала XV века [*Монастыри.* Табл. 23, 30, и далее]. Табл. I 6–9

Эти два комплекса дополняют надгробия древнего некрополя в Коломенском. Все они обнаружены над могилами, но только одно (Кат. КЛ № 1) может быть по внешним признакам отнесено к архаичным, остальные должны, видимо, датироваться XV–XVI вв. [*Беляев,* 1992].

Чрезвычайно важны плиты XIII–XIV вв., обнаруженные на некрополе Успенского собора в Ростове Великом раскопками О. М. Иоаннисяна (особенно интересны находки 1994–95 гг.). Даже предварительное знакомство с ними (за возможность которого искренне благодарю исследователя) позволяет совершенно по-новому рассматривать вопрос формирования ранних надгробий, а также переосмыслить известные находки крышек саркофагов в Переяславле-Залесском и Старой Рязани.

По предположительным датам или по композиционным признакам к группе древнейших могут принадлежать некоторые надгробия Верхней Волги, прежде всего, обнаруженные Е. Л. Хворостовой камни с рельефным орнаментом (некрополь в районе Старицы), а возможно и некоторые невыразительные в формальном отношении камни с ряда подмосковных кладбищ, обнаруженные при разведках А. А. Юшко и С. З. Черновым [*Чернов,* 1991. С. 74–75].

Иногда образцы, почитавшиеся древними, приходилось исключить из рассмотрения. Публикуя плиты Кремля, Н. С. Шеляпина в качестве аналогии предложила надгробие из деревни Поливаново под Москвой [*Шеляпина,* 1971. Рис. 1:10]. Я имел неосторожность включить его в недавно опубликованную таблицу древнейших памятников — очень уж оно отвечало складывавшимся представлениям о развитии орнамента на первом этапе [*Беляев,* 1995. Рис. 3:7]. К сожалению, знакомство с подлинным текстом принадлежащей В. Попову публикации убеждает в ошибке. Исследователь не имел ни целой плиты, ни крупных фрагментов, но "реконструировал" ее облик на основе мелких кусочков [*Попов,* 1912. С. 210. Рис. 35]. В начале нашего столетия представления о композиции орнамента плиты еще не успели сложиться, поэтому ошибка В. Попова понятна. Вероятно, обследованные им

камни имели обычную для конца XV–XVI вв. антропоморфную композицию и должны датироваться не ранее этого времени.

Итак, в сумме мы можем опираться не более чем на 30–40 образцов, большую часть которых составляют фрагменты. Конечно, для эпохи длиною в столетие этого слишком мало. Возможно, причина такой скудости — не только слабая исследованность, но и реальная малочисленность памятников.

Несмотря на малочисленность имеющихся образцов, на их основе легко выделить характерные типологические признаки. Это прямоугольность верхней плоскости, часто (но не всегда) незначительная толщина (от 5–7 до 9–10 см), встречающаяся выпуклость лицевой стороны или вытесанное углубление на оборотной стороне. Эти свойства присущи как орнаментированным, так и неорнаментированным надгробиям, процент которых среди ранних экземпляров очень значителен вплоть до XV века. Орнамент в тех случаях, когда он есть, — полностью симметричен. Композиция всецело подчинена форме камня.

Декор может состоять только из рамки (стоит отметить случаи, когда вместо четырех сторон кайма нарезана лишь вдоль длинных ребер). Рамка часто выполнена полосой трехгранно-выемчатого орнамента. Встречается не только типичный для большинства плит вплоть до XVI века вариант ленты из противопоставленных вершинами треугольников ("змейка"), но и лента из одного ряда довольно крупных треугольников вершинами внутрь рамки. Ранней формой рамки, видимо, является фаска, сглаживающая остроту ребер, или ступенчатая профилировка. Известны фрагменты, показывающие переходный тип оформления, — их рамка образована профилем в виде узких ступенек (двух или трех), причем одна ступенька может быть нарезана треугольными "фестонами".

Следующей весьма типичной композицией декора была комбинация рамки ("бордюра") с продольной осевой полосой, как бы делящей плиту на две равные части. Эта полоса ("ось") чаще нарезается тем же трехгранно-выемчатым орнаментом, но может быть и просто прочерчена резцом. Весьма важно указать, что в плитах, не имеющих торцевых обрамлений, "ось", проведенная параллельно боковым бордюрам, доходит до краев доски и "упирается" в них. Аналогично оформлены некоторые плиты рельефного типа из района Верхней Волги, где "ось" выполнена невысоким валиком или гребешком.

Последним важным элементом орнаментальной композиции являются круги ("розетки"; "клейма"). Они располагаются обычно в ряд, вдоль пли-

ты. Известны композиции с одним центральным кругом, тремя кругами в ряд или шестью — в два ряда, разделенных осевой линией. Последний вариант показывает определенное родство и взаимную зависимость с рамочно-осевой композицией. Иногда круги как бы отодвигают на край надгробия, и половина их окружности "скрывается". Полукруги могут помещаться как у длинных сторон, так и в торце — в последнем случае его иногда пересекает центральная ось. (Кат. Бм № 8, 9; КЛ № 1). [*Шеляпина,* 1971. Рис. 1:2, 3, 5, 6, 8]. Круги выполнялись в той же технике, что и ось — трехгранно-выемчатой резьбой из противопоставленных равнобедренных треугольников. Заполнение внутри кругов до XV века отсутствовало.

В соответствии с наблюдаемыми на плитах декоративными элементами можно выделить три основных композиции — рамочную, осевую и круговую, которые выступают по отдельности, в парных сочетаниях или все вместе. В аналитической части исследования их удобнее рассматривать как отдельные, основные композиции. Будем условно именовать их "рамка", "ось" и "три круга".

Проблема семантики ранних композиций. Трехгранно-выемчатый орнамент

Понятно, что даже в обескураживающе простом, примитивном виде орнамент может и должен быть истолкован, — по крайней мере, с точки зрения генезиса формы, а если возможно, — то и семантики. До сих пор, однако, не дан ответ и даже не поставлен вопрос: "Что перед нами? Изображение некоего реального предмета (символа?) — или исключительно орнаментальная, "украшающая" резьба?"

Появление вышеописанных композиций поставило когда-то археологов и искусствоведов в тупик именно своей простотой. Если "рамки" сами по себе не вызывали особой потребности в толкованиях, то осевая разделительная линия и, тем более, — круги — уже в них нуждались. Были предложены, в качестве первых объяснений, аналоги, — надгробные памятники южных славянских земель: средневековой Боснии и соседних областей Герцеговины [*Шеляпина,* 1971]. Еще раньше указывали, как на возможные параллели, на орнаменты деревянных народных изделий Руси, где трехгранно-выемчатая резьба применялась очень широко [*Николаева,* 1958. С. 178–179, со ссылкой на аналогичную точку зрения В. Б. Гиршберга].

Это были, несомненно, точные и важные для анализа наблюдения. Но они не давали ответа на вопрос о генезисе и смысле орнамента. Ведь проис-

2

3

1

1. Жены-мироносицы. Резная кость. Середина XII в. Германия. Кельн, Шнурген-музеум. Фрагмент. [*Legner*, 1982]; 2. Жены-мироносицы. Резная кость. Первая половина XI в. Мюнстер, Бельгия. Фрагмент. [*Schiller,* 1971]; 3. Жены-мироносицы. Рельеф тимпана. XII в. Леон. Фрагмент. [*Schiller,* 1971].

Plate II. Borders in Decoration of Funerary Monuments. 1. The Maries at the Tomb, mid-12th century. Koln, Schnurgen-Museum. Fragment; 2. The Maries at the Tomb, first half of the 11th century. Munster. Fragment; 3. The Maries at the Tomb, 12th century. Leon. Fragment.

хождение и семантика композиций обеих привлеченных аналогий равным образом неизвестны.

В результате единственным возможным объяснением композиции оказалась отсылка к "языческим мотивам", предполагавшая отражение в орнаментике какой-то чрезвычайно древней, дохристианской славянской надгробной символики. Она и утвердилась в литературе. Особенно настойчиво возводили к "языческим корням" круговые элементы. Определения типа "солярные знаки", "астральные символы" и подобные употреблялись уже как сами собой разумеющиеся. Общим местом стали высказывания типа: "Налицо несомненность связи этого мотива со знаком солнца, что указывает на его древнее происхождение, уходящее своими корнями во времена дохристианской Руси и отражающее какие-то верования, возможно, связанные с культом солнечного божества Ярилы" [*Ермонская,* 1978. С. 33].

Н. С. Шеляпина, правда, предложила более перспективное направление исследований, напомнив не только об аналогах в Боснии, но и о возможности сопоставления клейм с орнаментами тканей (покров ложа, пелены и др.) в композициях икон и фресок на погребальные сюжеты: "Успения Богоматери", "Положение во Гроб" и других [*Шеляпина,* 1971. С. 289]. К сожалению, и в этом случае речь шла лишь о применении треугольчатых орнаментов, причем не отрицалось дохристианское, "народное" происхождение мотива и вновь подчеркивалось сходство приемов с резьбой деревянных бытовых изделий.

Вряд ли можно сегодня согласиться с таким подходом. Прежде всего отметим, что, предполагая сохранение на плитах XIII–XIV вв. каких-то "дохристианских" изображений, логично ожидать существования в дохристианский период по крайней мере памятников, несших такие изображения. Однако никаких деревянных или каменных дохристианских могильных плит на Руси, разумеется, неизвестно. Белокаменная плита — как раз одно из новшеств, возникающих в Северо-Восточной Руси.

Орнаментика бытовых деревянных предметов, особенно на Севере и в эпоху XVII–XIX вв., действительно, широко использует приемы трехгранно-выемчатой резьбы. Но ведь такая резьба и ее комбинации в виде противопоставленных треугольников чрезвычайно распространены и в церковном искусстве романской Европы, причем не столько при работе по дереву (легко позволяющему резать гораздо более сложные узоры) — сколько именно в камне и в резьбе по кости. Она часто украшает кайму одежд Христа в сценах Распятия; края крестов; саркофаг Гроба Господня, его крышку или камень

Табл. II 1–2

Табл. III 1–2

под ногами ангела (как на известном костяном рельефе из Кельнского музея) [*Goldschmidt,* Bd. I. № 49. Taf. 15; Bd. III. № 6. Taf. III; № 11. Taf. IV; *Braunfels,* 1968. Abb. 17; Ср.: *Schiller,* 1971. S. 313. Abb. 10. S. 324, 40; *Art of Spain*, 1993. № 115 a, b]. Трехгранно-выемчатая резьба наиболее популярна также в орнаментации палестинских каменных оссуариев I тысячелетия н. э. и других восточных погребальных сооружений, оказавших влияние на раннехристианское искусство [*Figueras,* 1983; *Goodenough*, 1953; *Hachlili,* 1988; *Grabar,* 1964; *Holmqvist*, 1939. *Каптерева,* 1980. Рис. 219].

Табл. III 3

Отметим, что среди древнейших находок резного дерева на Руси трехгранно-выемчатой резьбой чаще украшены предметы, связанные с церковной культурой, — например, цеpы и пенал из Новгорода [*Колчин,* 1971. Табл. 6 : 2, 3. Табл. 7 : 2]. Они совсем не так многочисленны, как можно было бы ожидать, исходя из их распространенности в позднесредневековую эпоху, а в археологических материалах Москвы, например, вообще неизвестны [Ср. *Сагайдак, Селивачев,* 1986. С. 134–136].

Применение трехгранно-выемчатой резьбы нисколько не доказывает заимствования каких-то фольклорных *композиционных* или семантически значимых мотивов. Ленты противопоставленных треугольников применяют чаще всего на периферии композиции, как обрамление более сложных, изысканных орнаментов или изображений. Это просто один из самых распространенных технических приемов. Его доисторические, архетипические значения к интересующей нас эпохе давным-давно "десемантизировались". Однажды было остроумно показано, что на место отсутствующей смысловой трактовки трехгранно-выемчатой резьбы легко подставить любое значение — например, связать ее популярность в надгробии с интересом к толкованию образа Троицы, вспомнить "Книгу о троичности" Ермолая-Еразма и т. д. [*Компанец,* 1991. С. 161–162]. Разумеется, принимать эти параллели как серьезные не следует.

"Осевая" композиция вообще практически неизвестна в русской бытовой резьбе, не занимает здесь никакого особого места. Следовательно, ее нельзя объяснять заимствованием из фольклора. Круги ("солнышки", "розетки") появляются очень поздно, по нашим наблюдениям — не ранее XVI века [*Бобринский*, 1910–1911; *Соболев*, 1934]. В лучшем случае они могут отражать общий процесс развития средневековой орнаментики Руси, или прямо быть в зависимости от более сложных форм прикладного искусства. Композиции церковной мебели этого периода иногда довольно точно повторяют более древние надгробные памятники, раки и т. п. [*Соболев,* 1934. Рис.177].

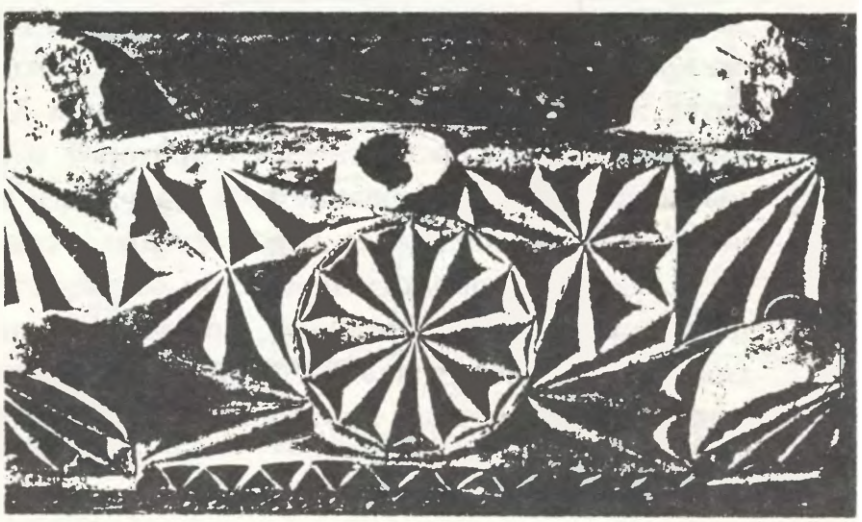
1

2

1. Надгробие Андрэ де Коура. 1186 г. Франция. [*CORPUS*]; 2. Жены-мироносицы. Пластина реликвария. Резная кость. 1115/1120 гг. Леон. Фрагмент. ГЭ. [*Art of Spain*, 1993]; 3. Сирийский реликварий в форме саркофага. Археологический музей, Стамбул. [*Grabar*, 1964].

Plate III. Borders in Decoration of Funerary Monuments. 1. The tomb of Andre des Cours, 1186. France; 2. The Maries at the Tomb. Leon, ca. 1115–1120. State Hermitage Museum, St Petersburg; 3. Syrian reliquary of sarcophagus shape. Archaeological Museum, Istambul.

3

Современная иконология дает множество примеров воздействия средневековой каменной архитектуры и скульптуры на деревянную, но никогда еще не удавалось, несмотря на многочисленные попытки, убедительно показать обратное. Тем более мало вероятно проникновение композиций в сферу церковного искусства, — к которой в известной мере относятся надгробия христианских некрополей Руси XIII–XVI вв., — из области бытовой орнаментики. (Даже если видеть сохранение в ней каких-то древних прототипов, а не формирование всей фольклорной иконографии в эпоху средневековья, при постоянном контакте с образцами профессионального искусства Византии и Западной Европы).

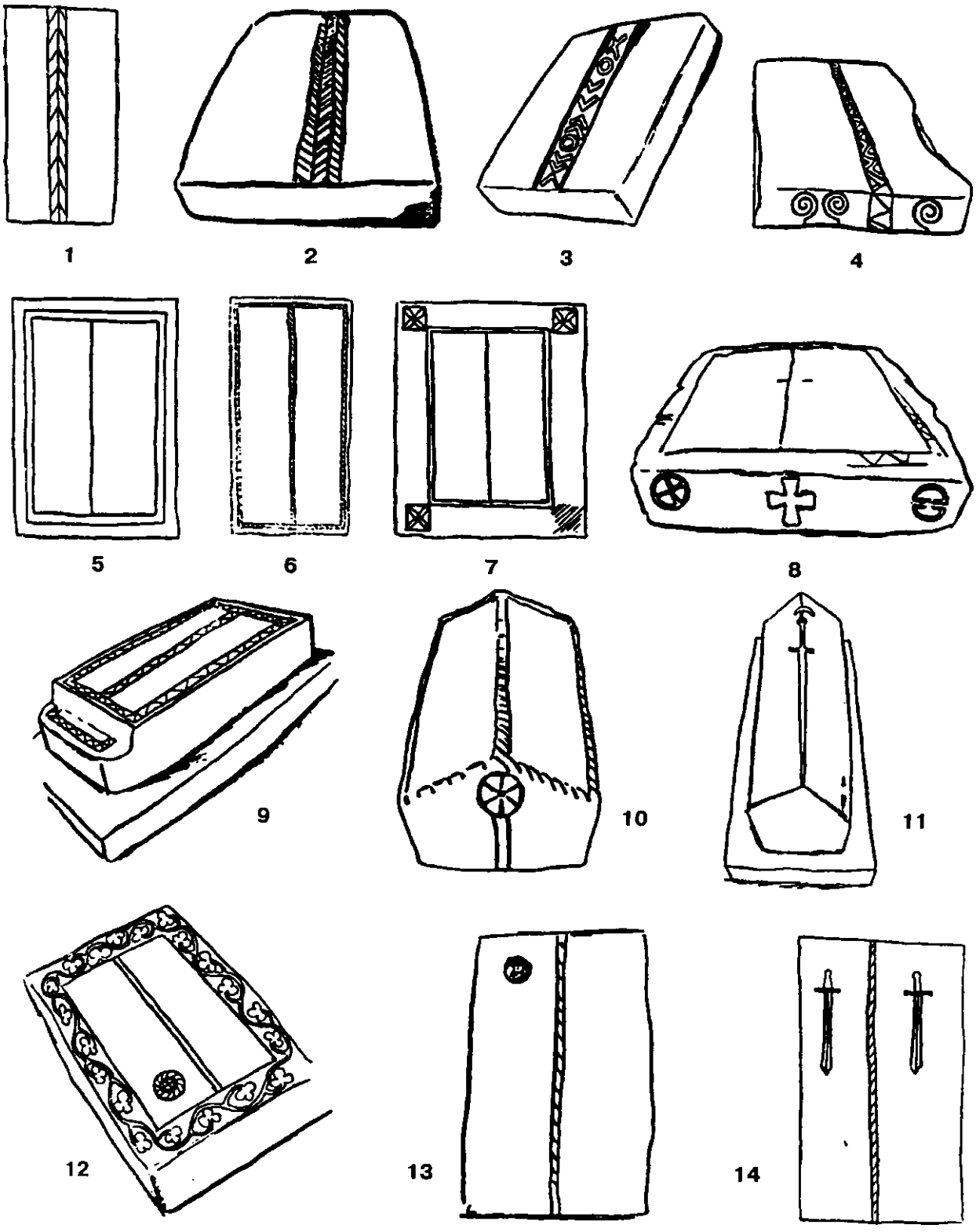
В итоге попытка обратиться за объяснениями к миру деревянной бытовой резьбы, к "языческим мотивам" орнамента, древнерусским или южнославянским, оказалась тупиковой, и только замутила проблему возникновения форм русского средневекового надгробия.

Более разумным путем должна оказаться работа в тех сферах, которые самой логикой развития связаны с исследуемой общностью предметов. Нужно искать аналоги среди *каменных надгробных памятников*. Причем делать это внутри художественных традиций, конфессионально или художественно близких средневековой Руси, — раннехристианской, романской, византийской. Такие памятники хорошо известны, хотя и не привлекали специального внимания по причине недостаточной выразительности. Обратимся к ним.

Основные композиции: "ось"

Рассмотрим подробнее такой аналог ранних московских плит как уже упоминавшиеся надгробия из районов Боснийского царства. Эта группа памятников весьма близка к среднерусским как по типу изображения, так и по дате. Традиция изготовления подобных плит в Боснии и Герцеговине укладывается, суммарно, в рамки XIII–XVI вв., хотя "золотой век" стечцов приходится на период от середины XIV до конца XV столетия. Кроме того, культурные связи южнославянских территорий и Руси в XIV–XV вв. неоспоримы, а прямое заимствование ряда приемов и мотивов находит археологическое подтверждение, о чем будет сказано ниже.

Среди выделенных специалистом по средневековой культуре Боснии М.Венцель орнаментальных мотивов, которые она называет геометрическими, осевая полоса занимает значительное место, причем часто она образована с помощью орнамента из противопоставленных треугольников, свойственного

1–14. Плоские и саркофагоподобные плиты. XIV–XV вв. [*Wenzel,* 1965].

Plate IV. 1–14. Bosnian and Herzegovinian tombs with a central axis, 14–15th centuries.

русским резчикам ("змейка", "веревочка"). На плоских плитах с резным декором "ось" отмечена "в чистом виде" и без дополнений более 10 раз [*Wenzel,* 1965. Pl. 1 : 26, 28. Pl. 2 : 1–4, 20; Pl. 3 : 5; Pl. 35 : 30; *Beslagic,* 1971. Sl. 12]. Намного чаще — с дополнениями в виде кругов, причем эти "розетки" помещаются на самой оси, прерывая ее, или по сторонам [*Wenzel,* Pl. 1 : 23–25; Pl. 2 : 26–28; Pl. 3 : 6; Ср. Pl. 1 : 29–30; Pl. 25 : 8; Pl. 31 : 14; Pl. 35 : 3; Pl. 38 : 28]. Ось-разделитель может быть фланкирована изображениями вещей или подменена каким-либо типичным для погребальной символики вытянутым предметом (мечом, копьем и т. п.) [*Wenzel,* 1965. Pl. 25 : 5, 10; Pl. 56 : 19; Pl. 57 : 3].

Табл. IV

Табл. XII 1–3, 10, 11

Отметим для полноты картины, что среди плит Боснии довольно многие имеют рельефную ось без рамки. Встречаются и плиты с бордюром вдоль "длинных" сторон, фланкирующим "ось", которая упирается в неорнаментированные торцы. Наконец, известны варианты, где внутри рамки просто прочерчена разделительная полоса без всякого орнамента, или экземпляры, имеющие только рамку, выполненную тем или иным видом "веревочки".

М. Венцель, а за ней и другие исследователи, были вынуждены фактически отказаться от смыслового истолкования мотива. Ряд попыток понять изображения с центральной осью как отмечающие двойные погребения (на основе этнографических данных, по описаниям крестьян) успеха не имели. При археологических раскопках догадки информаторов не подтвердились [*Benac,* 1950. № 104; *Wenzel,* 1965. P. 19; *Zeravica,* 1982. С. 179–189].

Важно рассмотреть такой орнамент вместе с формой камня. Необходимо помнить, что хотя среди боснийских плит ("стечцов") большинство составляют плоские, — они бывают и довольно сложных форм, могут нести рельефные фигуры, архитектурные детали, целые сцены, напоминая этим очень упрощенные раннехристианские саркофаги.

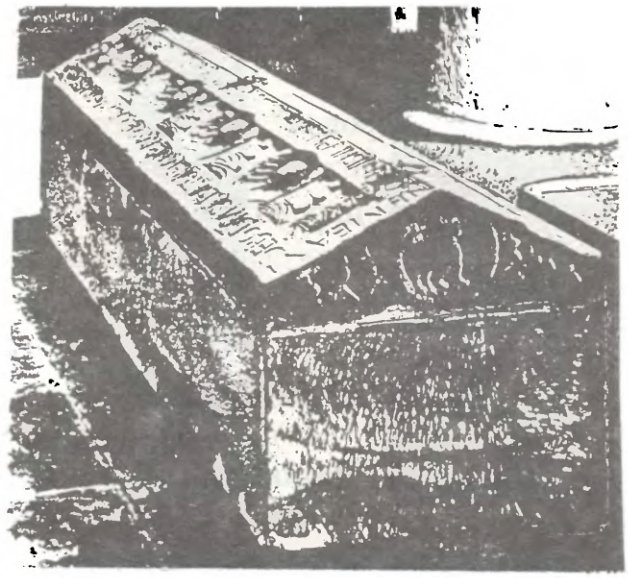
Обратим внимание на такую разновидность, как саркофагообразные камни с двускатной "кровлей". Эта последняя часто обрамлена бордюром в виде рельефной или гравированной "веревочки", такой же "веревочкой" или выпуклым валиком украшен "конек" [*Wenzel,* 1965. Pl. 36 : 13, 28; Pl. 3 : 26, 19; Pl. 79 : 2, 3, 11, 14, 20, 24]. Такие саркофагообразные надгробия имеют на "коньке" крышки один, два или три круглых выступа (фольклорное название "яблоки"), что напоминает о формах раннесредневековых реликвариев, хорошо представленных в материалах Балкан [*Wenzel,* 1965. Pl. 36 : 12, 14]. Наконец, по щипцу, на одном или обоих скатах весьма часто изобража-

Табл. IV 10, 11

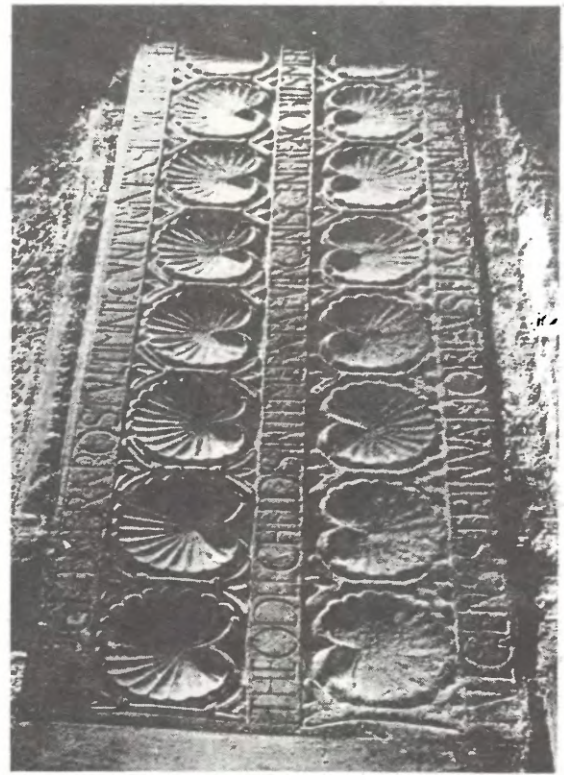
Табл. XII 12–13

1

2

3

4

1–2. Саркофаг епископа Бернарда. Около 1023 г. Церковь Св. Михаила. Гильдесгейм. Крышка и общий вид. [*Lasko,* 1987; *Stamm-Saurma,* 1988; *Sommer,* 1978; *Wesenberg,* 1955]; 3. Стенка саркофага св. Теодешильды в монастыре Жуарре. Конец VII в. Франция. [*Zarnecki,* 1986]; 4. Надгробие Гундрады из аббатства Леве. XI в. Англия. [*Zarnecki,* 1986; *English Romanesque Art.* № 145.]

Plate V. Medieval European Tombs with a Central Axis. 1–2. St. Bernward's sarcophagus. 1022/23. Hildesheim, Church of St Michael; 3. Sarcophagus of Abbess Theodechilde from Jouarre Abbey; 4. Gundrada's tombstone from Lewes Priory (now St. John the Baptist, Southover, Lewes.

ются продолговатые предметы, чаще всего меч [*Wenzel*, 1965. Pl. 57 : 10 и многие другие].

Параллель в оформлении "кровли" саркофагообразных надгробий с композицией декора уплощенных плит весьма наглядна и приводит к мысли о генетической зависимости более простых надгробий от более сложных. По-видимому, мы имеем здесь дело с последним этапом трансформации распространеннейших в мире раннего христианства и средневековья погребальных сооружений — каменных гробов-саркофагов. В таком случае орнаментальные композиции на надгробных плитах предстают как двухмерное, уплощенное изображение хорошо "узнаваемого" и семантически наиболее важного в поздних саркофагах элемента — поднятой двускатной крышки/кровли.

Процесс воздействия форм саркофагов (особенно крышек) на сложение надгробных плит средневековья, замеченный на материале "стечцов", не уникальное явление. Это один из наиболее типичных путей усвоения поздней античной художественной традиции. Его прошли, хотя и раньше, многие европейские культуры, причем часто — в очень сходных формах. Конечно, хронологические различия достаточно велики, но стадиальная синхронность процесса — несомненна. (Что, кстати, существенно для понимания структурного, внутреннего родства древнерусской, южнославянской и западноевропейской художественных традиций).

Трансформация трехмерной формы в плоскую плиту могла быть осуществлена балканскими мастерами самостоятельно, или заимствована от более развитых в формальном отношении надгробий романской Италии, Южной Франции и Палатината. Зависимость от них очевидна и неоднократно доказана исследователями [*Wenzel,* 1962. P. 102–143; *Wenzel,* 1965. P. 14; *Miletic*, 1957. S. 124–135; *Benac,* 1950. S. 43–46; *Радојчић,* 1961. S. 1–15]. Отмечалось, однако, и прямое родство с раннехристианскими памятниками, которые были знакомы боснийским резчикам благодаря их распространенности на Балканах [См. характерную крышку саркофага из-под Бихача: *Cremoznik,* 1957. Sl. 3].

Табл. II 3 Табл. III 1 Табл. VII Табл. XXVIII 1–2

Оформление саркофаговых крышек с помощью продольной полосы по щипцу и нарезка ее в виде валика или витой "веревочки" распространено в Средиземноморье чрезвычайно широко. Такие крышки хорошо изучены в Аквитании, в районах Тулузы, Пуатье, Нанте, Жиронде и других местах. Более того, можно отметить и выполнение резных бордюров на плитах и крышках саркофагов в виде системы противопоставленных треугольников, сохраняющееся (с известными изменениями) от эпохи Меровингов по мень-

1 2

1. Крышка саркофага Альфонсо Ансуреца. 1093 г. Мадрид, Национальный археологический музей. [*Hassig,* 1991. *Art of Spain,* 1993]; 2. Крышка саркофага Итациуса. VI–VII вв. Собор в Овиедо. [*Art of Spain,* 1993].

Plate VI. Medieval European Tombs with a Central Axis. 1. Lid for the sarcophagus of Alfonso Ansurez. 1093. Madrid, Museo Arqueologico Nacional; 2. Lid for the sarcophagus of Ithacius. 6–7th century. Oviedo Cathedral.

шей мере до конца XII века [*Chatel,* 1981. Fig. 81, 193; *Larrieu,* 1969. Fig. 2; *Perin,* 1985. Fig. 67. № 102; *Boube,* 1957. Fig. 27; *Durliat,* 1957. Fig. 3; *Costa,* 1964. № 212, 225; *Salin,* 1952 Fig. 80–82; *Fossard,* 1978. Fig. 344–345; *Crosby,* 1987. Fig. 14; *Corpus,* 1990. Fig. 57].

Табл. XXIX–XXX

Рельефная полоса ("ось") прекрасно прослеживается на крышках саркофагов и наследующих им надгробных плитах также в центральной Франции, на среднем и нижнем Рейне, вообще в Южной и Западной Германии, — особенно в IX–XI вв. Отметим крышки из красного песчаника X–XI вв., найденные при раскопках в соборе Вормса [*Kautzch R.* 1938. Bd. II. S. 344].

Весьма важно указать на серию богато украшенных саркофагов с широкой орнаментально-эпиграфической полосой, проходившей вдоль всех четырех краев и также — по коньку крышки. Среди них есть обшеизвестные шедевры романской и дороманской пластики. Это саркофаги: Итациуса, VII века, и Алонсо Анзуреса, конец XI века, в Испании [*Art of Spain,* 1993. № 1, 2; *Hassig,* 1991. P. 140–143, Fig. 1–2]; св. Бернарда, около 1022 г., в Гильдесгейме [*Lasko,* 1987. P. 147–152]; или надгробия: Гундрады, жены Вильяма де Варенна, графа Суррейского, около 1145 г. [*Zarnecki,* 1986. Pl. 46a]; Матильды Фландрской из церкви Троицы в Кане, 80-е гг. XI века [*Zarnecki,* 1986. Pl. 46b; *Schwartzbaum,* 1981]. Менее известны плиты Андрэ де Коура в Дофинэ, 1186 г. [*Corpus,* 1990. Fig. 57]; Аббо из Маннхайма, X века; Гедвиги, жены рыцаря Гудельмана из Вайнхайма, 1293 г. [*Neumullers-Klauser,* 1977. №№ 1, 6] и другие. По сути дела, все эти крышки и плиты оформлены единообразно, с использованием рамочно-осевой композиции.

Табл. V–VII

Табл. IX 2

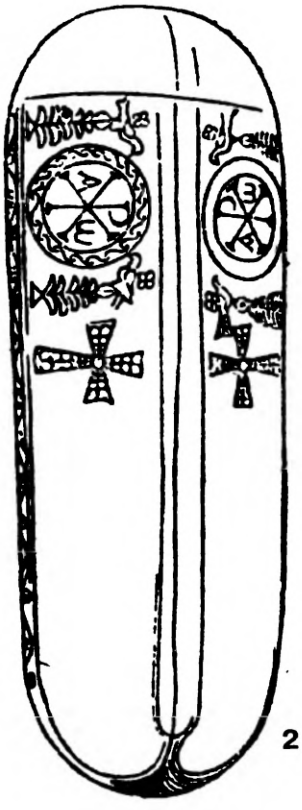
"Нехудожественные" надгробия без надписей слабее изучены и не полностью собраны, поскольку не заслужили пристального внимания искусствоведов. Однако в областях, где археологами опубликованы *полные* своды, вне зависимости от художественной ценности экземпляров, процесс происхождения "двухмерной" надгробной плиты от трехмерной крышки саркофага прослеживается хорошо.

Табл. X 1

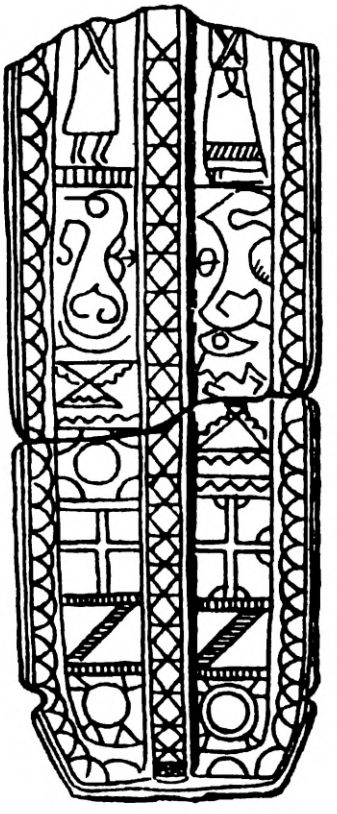
Покажем это на примере нижнерейнской группы памятников, поскольку в их числе — надежно датированная серия погребений эпохи салических королей из собора в Вормсе. Это саркофаги герцога Конрада дер Роте Лотарингского(?) 955 г., с острым "ребром" по оси почти плоской крышки; Матильды, тетки короля Конрада II, начала 1030-х гг. и его дочери Матильды 1034 г., оба с "осью", обозначенной неглубокой канавкой по вершине округлой в сечении крышки; саркофаг неизвестного клирика середины X века, и другие [*Kautzch,* 1938. Bd. II. № 34. S. 348. f.; № 18. S. 347; № 22, 23. S.

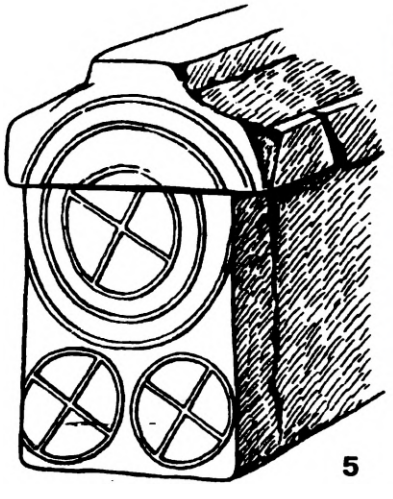
1

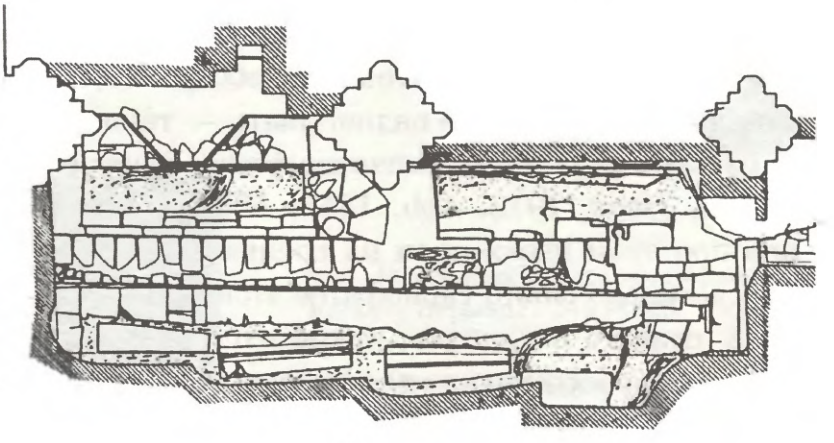
2

3

5

4

1. Надгробие, VII–VIII в. Нант, церковь Сен-Семильен. [*Costa*, 1964]; 2. Крышка саркофага св. Франковия, VIII в. [*Salin*, 1952]; 3. Крышка саркофага, VIII в. Музей в Баннонкуре. [*Salin*, 1952]; 4. Крышки саркофагов с гребнем. Раннероманский период. Раскопки в аббатстве Сен-Дени. [*Crosby*, 1987]; 5. Саркофаг с ярко выраженным гребнем. Середина 1 тысячелетия. Крипта аббатства Жуарре. [*Delahaye*, 1992].

Plate VII. Medieval European Tombs with a Central Axis. France. 1. 7–8th-century tomb from Nantes, Saint-Similien; 2. Lid for the sarcophagus of St Francovee, 8th century. Musee d'Autun; 3. Sarcophagus lid. Bannoncourt; 4. Sarcophagus lids from Saint-Denis Abbey; 5. Mid-first-millenium sarcophagus from Cryptes de Jouarre Abbey.

347 f.; № 7, S. 351]. Добавим к этому серию саркофагов, обнаруженных в конце 1980-х гг. при раскопках вблизи церкви св. Павла в Вормсе [*Grunewald,* 1991. Abb. 10]*.

Табл. IX 3 Табл. X 5 Табл. XXIX–XXX

Не менее ясно виден процесс упрощения оформления крышек саркофагов и на материалах некрополя, обнаруженного при раскопках в храмах Кельна, прежде всего в церквях св. Северина и св. Андрея [*Paffgen,* 1992. №№ 149, 189 u.a. Abb. 19: 8, 9, 10, 12]; Кведленбурга [*Voigtlander,* 1989. S. 126]; Шпайера [*Kubach, Haas*, 1972. Bd. 2. Abb. 1304] и других, где "рудиментарная" ось прослеживается очень часто. Опубликованный свод надгробий VII–XI вв. включает группу плоских плит (некоторые из них зафиксированы in situ над могилами), непосредственно копирующих крышки саркофагов, а также образцы с бордюром (в основном, рельефным трехступенчатым) и надписью, вытянутой по продольной оси надгробия [*Nisters-Weisbecker,* 1983. Pl. 36, 44, 143–149, 151–153].

Итак, на материале романской Европы мы наблюдаем процесс видоизменения старого, унаследованного от поздней античности индивидуального сооружения — саркофага в форме храма — служившего одновременно и вместилищем тела, и памятником покойному. В самом схематичном виде процесс можно представить как постепенное уплощение крышки, упрощения ее орнаментации (в прошлом достаточно сложной), а затем и "расслоение" памятника на два объекта — собственно — крышку и надгробную плиту.

Следует указать, что при этом крышки каменных гробов-саркофагов, если последние не были рассчитаны на обозрение, в конце-концов вообще перестали орнаментировать и надписывать — таковы, например, известные ящичные саркофаги ранних Гогенштауфенов в соборе Шпайера, и многие другие [*Kubach, Haas*, 1972. Abb. 1357, 1385 u. a.]. Понятно, что информация и декор при этом переходили на специальный надгробный памятник. В то же время довольно много саркофагов вплоть до начала нашего тысячелетия ставились открыто в криптах, что позволяло сохраняться привычному типу сооружения и обеспечивало соотнесенность орнаментики собственно-надгробий с поздними саркофагами и раками.

Разумеется, переработка исходной схемы в разных средневековых школах шла по-разному и рождала достаточно различные художественные обра-

* Именно вормская группа памятников подсказала довольно простое решение иконографической задачи происхождения "осевых" композиций. Ответ на вопрос о формальных корнях раннемосковских белокаменных надгробий внезапно прояснился при знакомстве с саркофагами крипты Вормского собора во время моего первого путешествия по Германии в 1990 г.

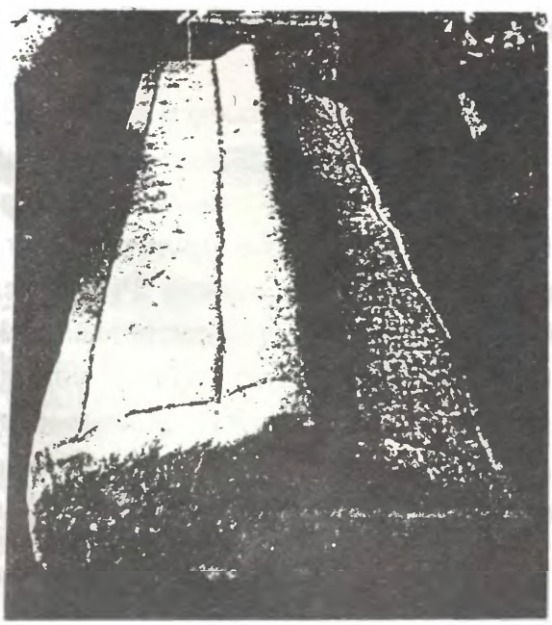
1

2

3

4

1–4. Надгробия и саркофаги донорманнского периода. Минстер, Иоркшир. [*Cramp*, 1984].

Plate VIII. 1–4. Tomb sculptures with a central axis. York, England. Anglo — Scandinavien Period.

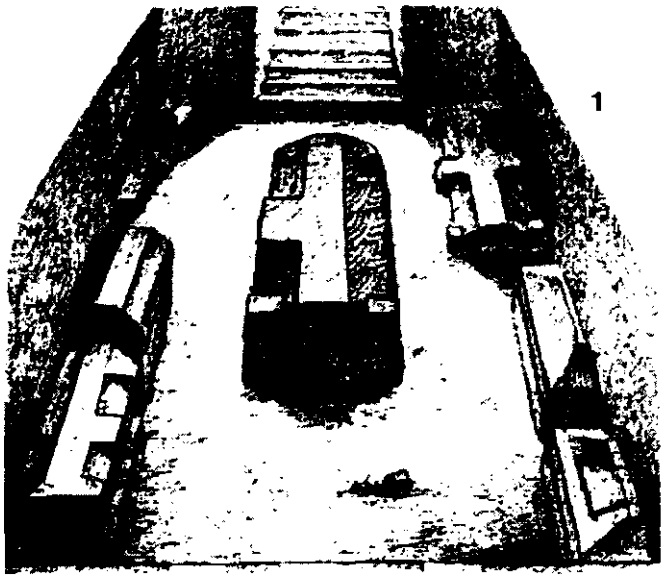
зы, — однако, учитывая культурное единство Европы, ее сравнительно небольшие размеры и постоянные передвижения ремесленников, эти различия не следует преувеличивать. Сходство образцов из весьма отдаленных точек не должно вызывать удивления или рассматриваться как случайное.

Как одну из местных черт можно указать манеру располагать надпись в виде четырехстороннего бордюра (часто с дополнением по центральной оси), что закрепило в эпиграфическом варианте первоначальную орнаментальную композицию и могло, в свою очередь, повлиять на дальнейшее развитие типологии.

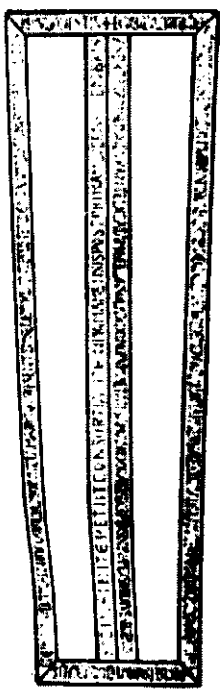
Эта манера оказалась устойчивой прежде всего в городах Германии. Ран-
Табл. X ние образцы сохраняют еще по оси ребро или валик, по которому часто наносят надпись: надгробие Якоба фон Вормс из монастыря Шенау в Хайдельберге, 1288 г. [*Neumullers-Klauser,* 1970. № 10]; графов Хелдрунген из монастыря Шульпфорта в Наумбурге-на-Заале [*Schubert,* 1965. № 361] и другие. Позднее оно исчезает, и, если не заменяется надписью (примеры чего столь многочисленны, что их бессмысленно приводить, довольно просмотреть тома "Deutsche Inschriften"), — то иногда трансформируется в предметное изображение — крест, епископский посох, меч, даже прялку и, вообще, любой необходимый рисунок.

Назовем из ранних: саркофаги св. Бернбарба († 968 г.) в Хальберштадте [*Leopold, Schubert,* 1984. P. 45] и неизвестного в Лорше, конец IX века [*Scholz,* 1994. № 4]; памятную плиту графини Кунигунды из Миллыштатта, 1170 г. [*Leitner,* 1982. № 2]. Из поздних: плиту доминиканцев из монастыря в Ротенбурге, 1343 г. [*Lutz,* 1976. № 21]; плиты Катарины фон Хорнберг, 1365 г. и Маргарет Мейер, 1447 г. [*Neumullers-Klauser,* 1992. № 38, № 99]; аббатов Дитмара и Иоанна, 1404 г. [*Nikitsch,* 1993. № 102], и многие другие.

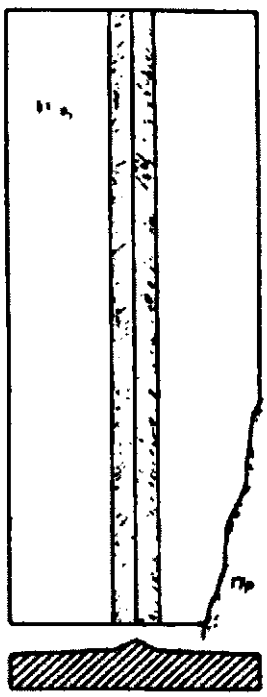
В Англии возобладала несколько иная переработка "осевой композиции" — преимущественная трансформация в самые разнообразные формы крестов. Можно наблюдать, как самые простые, несомненно зависимые от орнаментации крышек плиты, сохраняющие еще характерную прототипам покатость боковых частей (надгробие начала XII века из церкви Ривенхолла) развиваются со временем в удивительно разнообразные декоративные композиции Голгофских и иных крестов. Они полностью господствуют с конца XI до XIII–XIV вв., затем их вытесняют литые медные плиты с врезными изоб-
Табл. VIII ражениями покойных [*Butler, Rodwell*, 1993. Fig. 9, 1. P. 18, *Gresham,* 1968. Fig. 25, 26, 32, 41, 46, 53, 60 a; *Butler,* 1964. Pl. 19. Fig. 8–9].

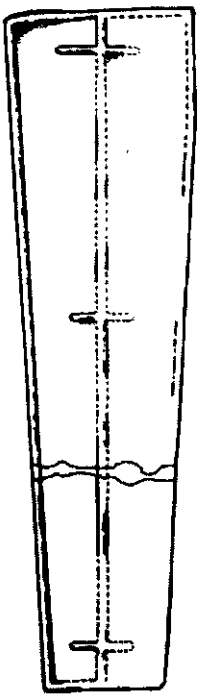
1

2

3

4

5

1. Саркофаги в крипте церкви св. Матфея. Трир. Конец I тысячелетия. [*Kirchlichen,* 1938]; 2. Надгробие Матильды Фландрской в церкви Троицы в Кане, Нормандия. †1083. [*Herklotz,* 1990. *Zarnecki,* 1986]; 3. Крышка саркофага. Собор Сен-Северин, Кельн. [*Paffgen,* 1992]; 4. Надгробие XII в. Ривенхолл. [*Butler, Rodwell,* 1993]; 5. Надгробие XIV в. Северный Уэльс. [*Gresham,* 1968];

Plate IX. Medieval European Tombs with a Central Axis. 1. Sarcophaguses from the crypt of Abtei St. Matthias. Trier. Late first millenium; 2. Queen Matilda's tombstone in La Trinite, Caen; 3. Sarcophagus lid. St. Severin, Koln; 4. Medieval graveslab. 12th century. Rivenhall, England; 5. Sepulchral Slab with a central axis. North Wales, England. 14-th century. Bryn Eglwys, Llandudno, Llandrillo-yn-Rhos.

Средневековые надгробия Британии для нашего исследования интересны простотой и наглядностью перехода от уплощенных "крышеобразных" надгробий с "осью", известных еще в англо-саксонскую эпоху и происходящих прямо от римских саркофагов (известны даже вторичные использования их крышек) — к крестам сложных форм, сохраняющим четырехстороннюю симметрию композиции, или к Голгофским крестам с несомненно подчеркнутыми антропоморфными чертами (круг с крестом на высоком штоке).

От этих крестов совершался уже возврат к надгробиям с реалистическим изображением покойного, хорошо известным античному миру, но не употреблявшимся в средневековье. Отметим частые изображения вместо креста — меча или посоха, которые помещают также на "скатах" или вместо ребра; активное использование розеток, плетенок и других элементов, которые мы рассмотрим позже [*Bailey, Cramp,* 1988. Pl. XILX a-c, ill. 148, 186, 201, 213, 234, 166–167; *Hodges,* 1900; *Greene,* 1989. Fig. 8, 75–77].

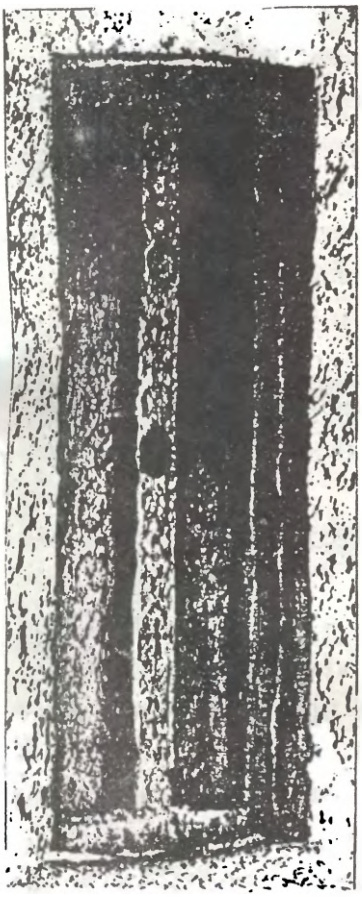
Табл. IX 4–5

Произведения средневекового изобразительного искусства показывают, что выступающее продольное ребро крышки воспринималось как характерная черта погребального сооружения. Прекрасный образец такого подхода — откинутая крышка гроба в деревянном рельефе со сценой "Гроб Господень" середины XIII века из Ютландии. Не менее характерны рельефы тимпанов соборов Испании (XII век, Леон) или бронзовых дверей Италии (конец XII века, Беневент). [*Schiller,* 1971. Abb. 45, 46, 39].

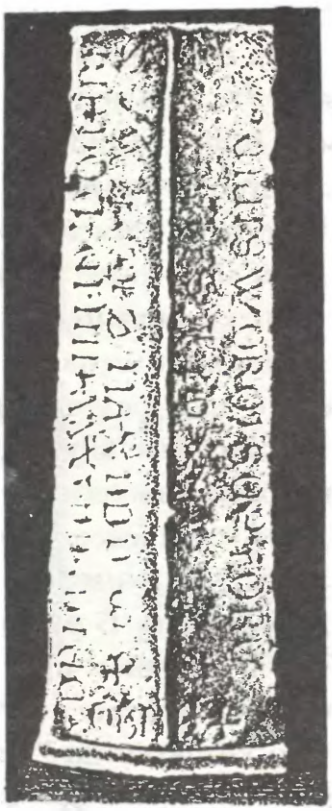
Табл. II 3

В завершение обзора романских памятников укажем на еще одно обстоятельство. Важной причиной умножения плоских надгробий стало стремление совершать захоронения непосредственно в храмах и вблизи их наружных стен. Внутри церкви сколько-нибудь значительное количество погребений можно было поместить, лишь отказавшись от установки саркофагов на поверхности. Их опускали в могильные ямы, по крайней мере, вровень с полом, что требовало уплощения крышки. Следующим естественным шагом стала замена крышки плитой, на которой логично было повторить привычный орнамент и/или надпись. Еще позднее большинство плит стали укреплять на стенах вблизи погребений, так как последние постоянно умножались, — таким образом, вертикально расположенное надгробие ("таблица", "памятная доска") наследует ряд черт, свойственных оформлению горизонтальных плит, что позволяет привлекать их в качестве аналогов.

В некоторых случаях уставы монашеских орденов прямо требовали упрощения оформления надгробий и уравнивания их с полом. Так, статут цистерцианцев 1191 г. в отношении памятников аббатов подчеркивал: "Пусть кам-

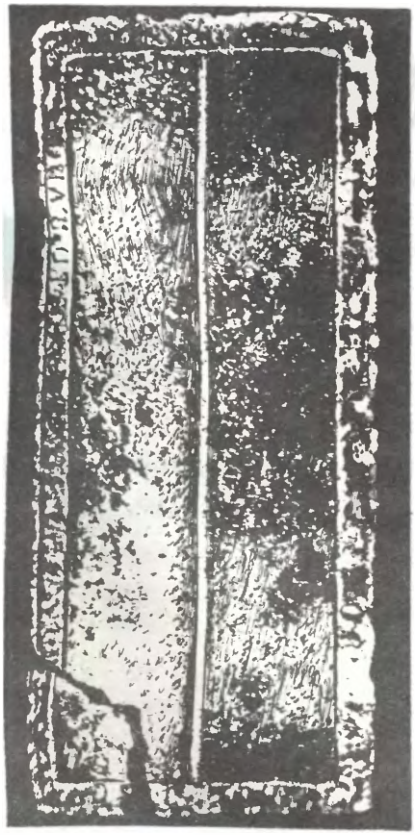
1

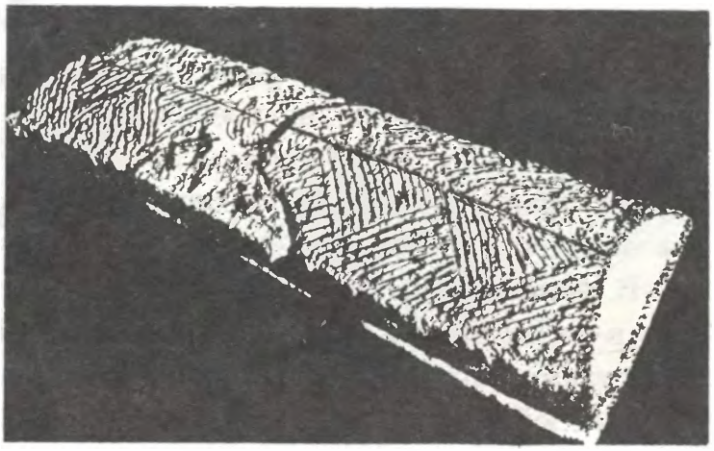
2

3

4

5

1. Надгробие Аббо, X в. Альтлюссхайм, округ Маннхайм. [*Neumullers-Klauser,* 1977]; 2. Надгробие Якоба из Вормса, † 1249. Монастырь Шонау, Хайдельберг. [*Neumullers-Klauser,* 1970]; 3. Надгробие графини Кунигунды, около 1170 г. Мильштатт. [*Leitner,* 1982]; 4. Надгробие семейства Хельдрунген, начало XIV в. Наумбург на Заале. [*Schubert,* 1965]; 5. Крышка "саркофага клирика", X–XI в. Собор в Вормсе. [*Kautzch,* 1938].

Plate X. Medieval European Tombs with a Central Axis. Germany. 1. Abbo's tomb, 10th century, Altlussheim, Mannheim; 2. The tomb of Jakob von Worms, † 1249. Schonau Kloster, Heidelberg; 3. Kunigunde's tomb. Millstatt, Germany; 4. The tomb of the Heldrungen's family. Naumburg an der Saale; 5. Lid for the cleric's sarcophagus. The Cathedral at Worms.

ни в клуатрах, уложенные над покойными, будут в уровне земли". Это правило было повторено дважды (в 1194 и 1202 гг.) с разъяснением: "пусть не мешают проходить по ним" [*Butler,* 1993. P. 82].

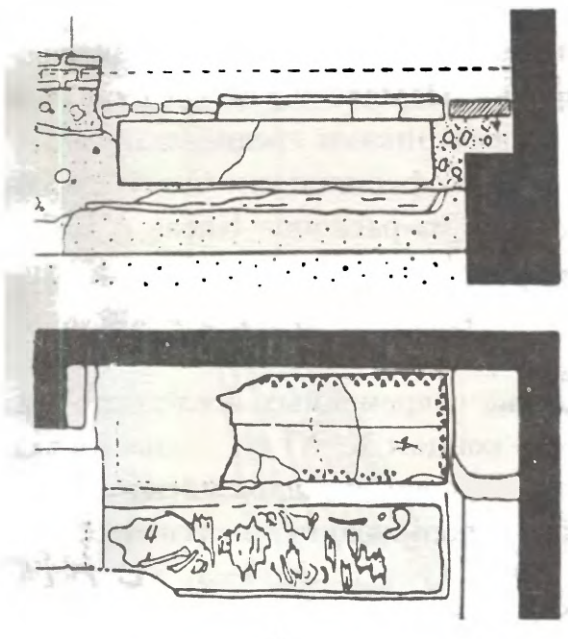
Нужно отметить, что надгробие романского периода в провинциях, составлявших когда-то основное ядро Римской империи — в Италии, Южной Франции, Испании — в целом медленнее трансформировалось к плитообразным вариантам. Причина этого, вероятно, в более прочном и тесном контакте с античным наследием; обилии памятников первых веков нашей эры; длительном сохранении римского или романизированного населения, в среде которого сохранялись художественные вкусы и ремесленные традиции мастеров, создававших еще саркофаги Равенны.

Поэтому переход к новым, средневековым типам здесь опирался на позднеантичные образцы. Иногда (например, в Италии и на Сицилии) их использовали вторично или копировали. В результате плита используется здесь редко, и переход совершается в основном прямо от саркофага к саркофагообразному или архитектурно-скульптурному надгробию без промежуточных звеньев. (Подробнее в разделе о композиции "три круга").

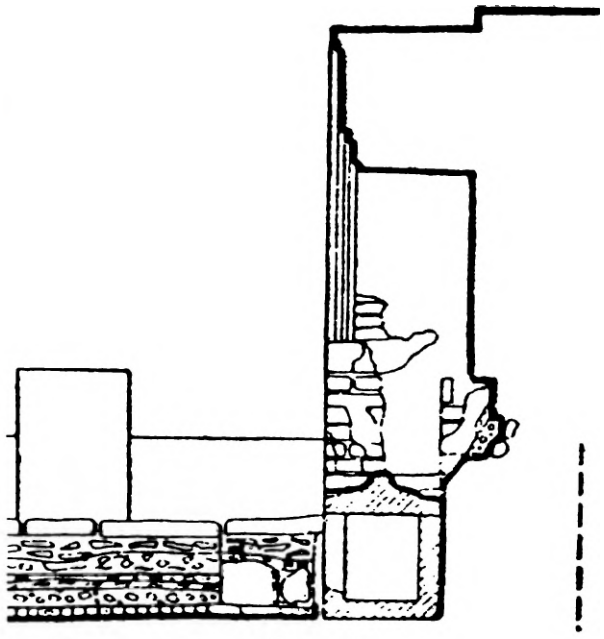
Можно наблюдать упрощение форм храмообразных саркофагов и в районах, где этот тип в древности возник — в Малой Азии, Греции, вообще, в Византии. Хотя здесь плита так и не получила распространения (сказалась устойчивость традиции сооружения саркофагов; сохранение специфических погребальных обрядов, не требовавших постоянного нахождения тела под землей; наконец, каменистость почвы в большинстве районов), — однако процесс трансформации композиции крышек шел в том же направлении, что и в Западной Европе.

В Византии, например, есть саркофаги, у которых ось — щипец обратилась в мачту креста (Стамбульский музей. Инв. № 5220), или сохранилась как рудиментарный "гребешок" на совершенно уже плоской, даже слегка углубленной поверхности плиты, над которой выступают по углам почти сглаженные холмики "акротериев" (Стамбульский музей. Инв. № 4988. Крышка саркофага, которая, возможно, не одновременна ему).

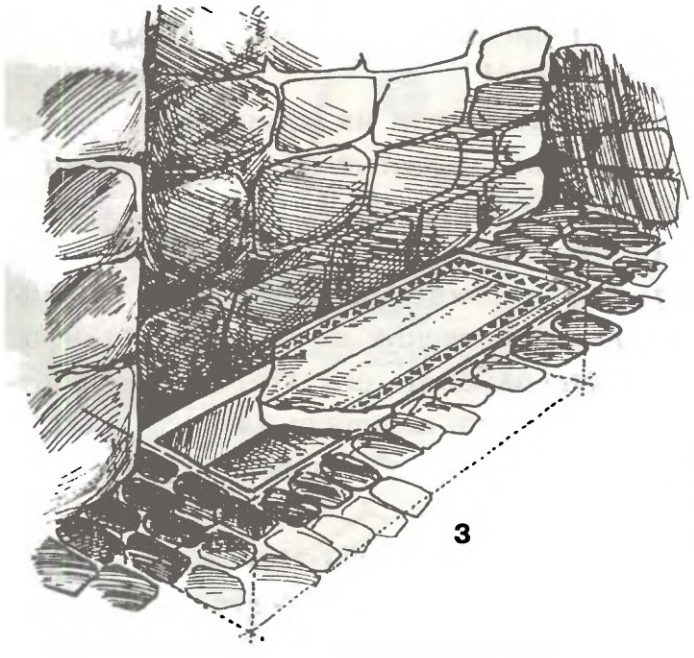
Картина возникновения и развития надгробной плиты с осевой линией в культуре романской Европы обрисована достаточно. Пора обратиться вновь к древнерусским материалам и посмотреть, до какой степени они могут быть с ней соотнесены.

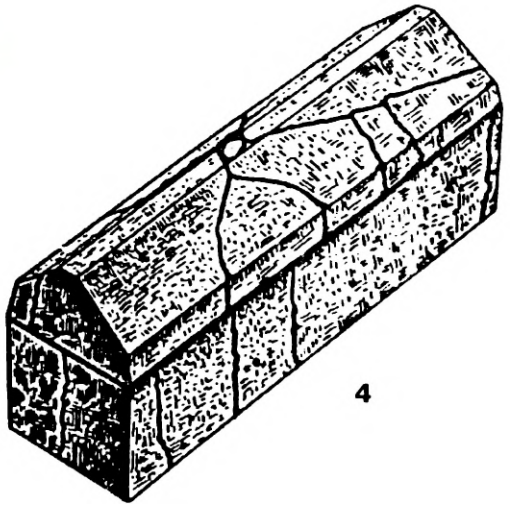
1

2

3

4

1, 3. Погребения конца XIV в. в юго-западном углу Спасского собора Переяславля-Залесского. Разрез и план по Н. Н. Воронину. [*Воронин,* 1949]. Аксонометрическая реконструкция художника Э. Каюмовой; 2. Поперечный разрез придела с аркосолием и саркофагом епископа Леонтия в Успенском соборе Ростова. [*Воронин,* 1949]; 4. Саркофаг из кургана XIII (?) в. [*Крайнов, Гадзяцкая,* 1967].

Plate XI. The 12–13th-centuries sarcophaguses from North-Eastern Rus'. 1, 3. Burials from the Cathedral at Pereiaslavl'-Zalesskii. Plan and cross-section; 2. The sarcophagus of bishop Leonitii from the Assumption Cathedral at Rostov; 4. 13th-century (?) sarcophagus from a burial mound.

Саркофаги и надгробия на Руси в XII–XIII вв.

Прежде всего отметим, что саркофаги христианского Востока и романской Европы знакомы Руси довольно хорошо. Первые были представлены мраморными и шиферными (сланцевыми) памятниками средневизантийского периода. Среди них наиболее известны: "саркофаг княгини Ольги", гробница Ярослава Мудрого и ряд близких по типу из раскопок Киева и других южнорусских городов. Эти саркофаги, часть которых богато украшена рельефами, отражающими христианскую символику, имеют простые архитектурные формы.

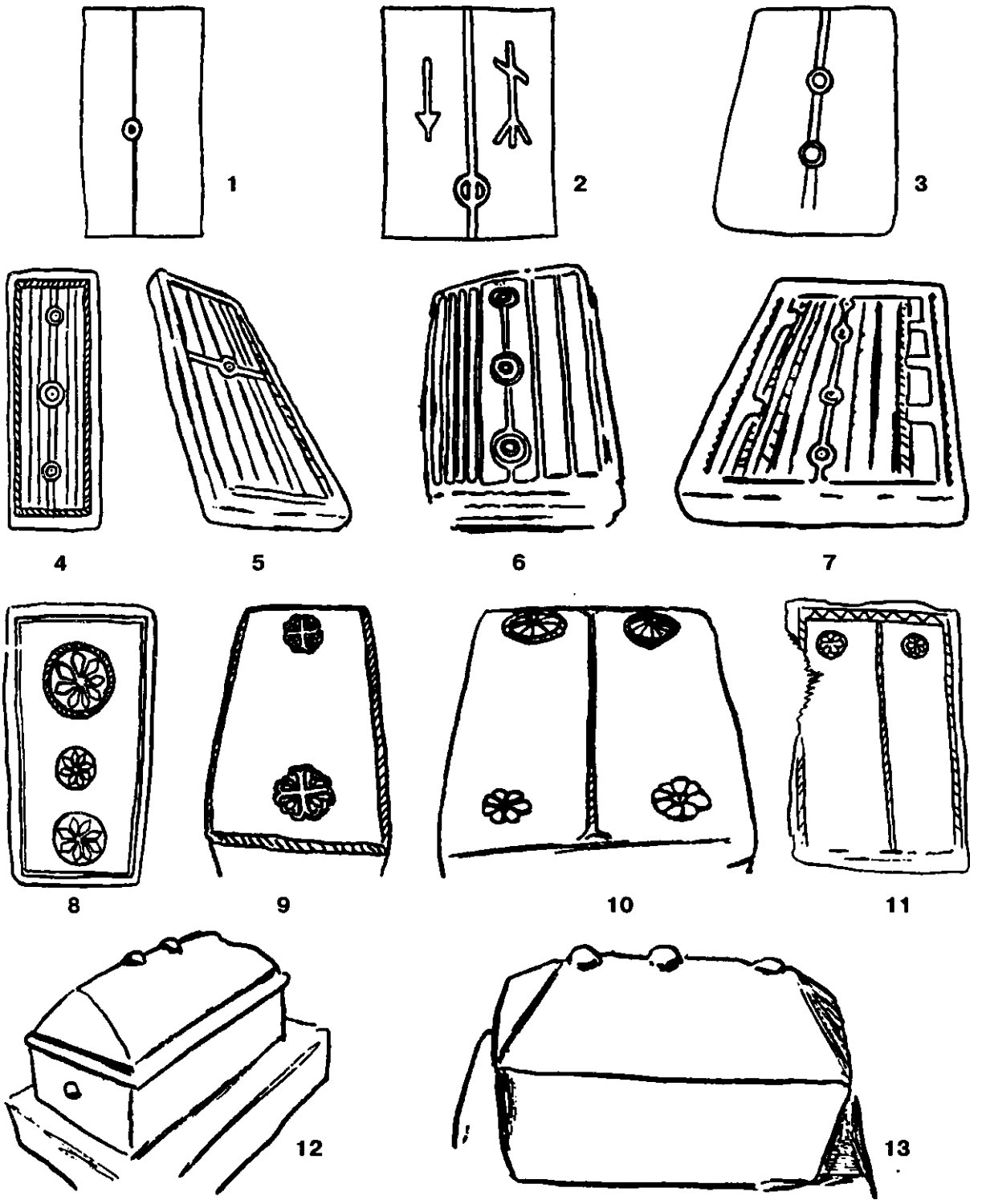
Они датируются, по мнению большинства современных исследователей, близко к моменту их использования, то есть концом X–XI вв., однако столь сильно напоминают гораздо более древние саркофаги малоазийского типа, что некоторые авторы считали их вторично использованными изделиями середины I тысячелетия н. э. [*Макаренко,* 1930. Отд. 3. № 1–3; *Висоцкий,* 1969. С. 145–156; *Grabar,* 1976. P. 86–88; *Архипова,* 1994; *Feld,* 1970. S. 158–184]. Кроме того, древнейшая Русь могла знакомиться с саркофагами в форме храма благодаря широко распространенным в восточном Средиземноморье реликвариям в виде маленьких гробниц.

Табл. XXIV

Храмообразные византийские саркофаги имели на крышке ярко выраженное осевое ребро, акротерии, имитацию черепичной кровли, сложные рельефные детали. Изготовление таких памятников требовало больших средств и специальных навыков. Получение сырья, мастеров-скульпторов или готовых изделий в известной степени зависело от состояния отношений с Византией. Киевские художники не имели в распоряжении ни мрамора, ни пород камня, способных по-настоящему успешно заменить его. Поэтому производство саркофагов "средневизантийского типа" не получило на Руси дальнейшего развития и могло повлиять на сложение надгробия с осевой композицией лишь частично.

Тем не менее этот опыт первого знакомства сыграл свою роль в общем процессе. Местные упрощенные варианты шиферных саркофагов, собиравшиеся из отдельных плит, приближались в формальном отношении к наиболее простым памятникам, которые разрабатывались в дороманской и романской Европе.

Решительным шагом на пути к выработке плоских надгробных плит стало непосредственное восприятие Русью романского варианта храмообразной гробницы. Укажем на такой опубликованный, но художественно пока не интерпретированный памятник как белокаменный саркофаг епископа из Белго-

1–11. Сочетания розеток с рамкой или осью на памятниках Боснии. XIII–XV вв. [*Wenzel,* 1965]; 12–13. Надгробия в форме реликвариев-саркофагов. Босния. XIII–XV вв. [*Wenzel,* 1965].

Plate XII. Slovenian Tombs with 'Three Circles' Pattern in Balkans. 1–11. Bosnian tombs with rosettes and a border or central axis, 13–15th centuries; 12–13. Tombs of sarcophagus shape, 13–15th centuries.

родки (XII век), имевший округлую крышу, украшенную имитацией черепицы — "лемеха", вполне сопоставимую с раннехристианскими и позднее — романскими саркофагами Западной Европы. Особое внимание следует обратить на конек кровли, оформленный в виде гребня, украшенного "веревочкой", и на то, что "кровля" имеет коробовую форму без торцевых скатов, то есть позволяет при уплощении выработать именно простейшую осевую композицию [*Рыбаков,* 1969. С. 330–332; *Антонян, Банковский,* 1985. С. 109–118].

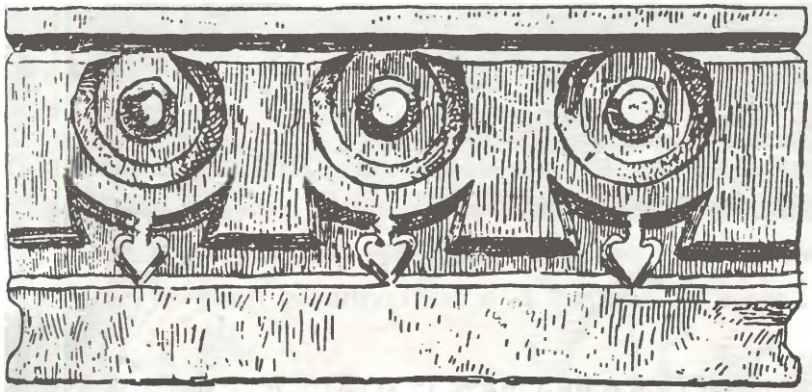
Трудно судить, сколь широко были распространены саркофаги подобного типа на Руси в XII веке. Однако белокаменные гробы, украшенные только осевым "гребнем", встречаются довольно часто. Они сосредоточены именно в тех районах, где сложилась знаменитая школа белокаменной архитектуры — в Северо-Восточной Руси. Это отметил еще А. И. Шляпкин, писавший: "стенки могилы или каменный гроб-ящик заменили здесь стенки саркофага" [*Шляпкин,* 1906. С. 5].

С середины XII века в Волго-Окском междуречьи производили упрощенные саркофаги романских типов, крышки которых оформлялись в виде довольно высоких двускатных кровель или уплощенно-коробовых сводов, но в обоих случаях — с ярко выраженным гребнем или коньком в виде небольшого валика. Можно проследить также постепенное развитие типа в сторону большей уплощенности крышки, что вполне аналогично общему направлению трансформации саркофага в романской Европе.

Табл. XI 2

В качестве примеров приведем саркофаги св. Леонтия Ростовского и ему подобные из Владимира (Успенский собор). Один из них — епископа Луки, 1189 г. — еще Н. Н. Ворониным был назван типичным для Северо-Востока Руси [*Воронин.* Т. 1. С. 188–192]. Упомянем периодические находки подобных саркофагов при раскопках в Ростове (работы О. М. Иоаннисяна, 1994–95 гг.).

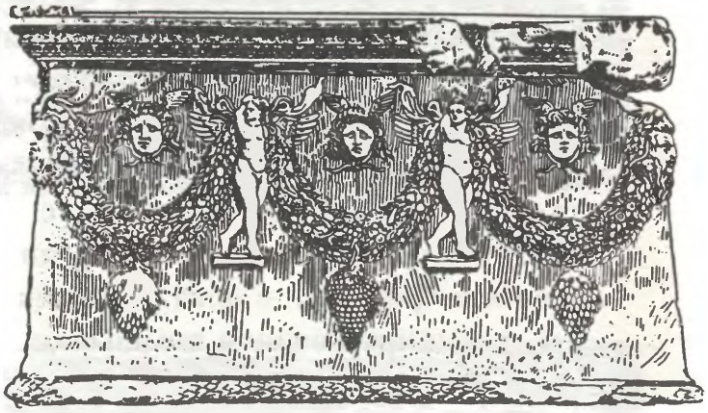
Чрезвычайно важно подчеркнуть не только связь с романским художественным ремеслом, но также несомненную укорененность традиции в местной почве со второй половины XII века. Мраморные саркофаги Киева делали из привозного сырья, или доставляли в готовом виде (что не являлось свидетельством художественной отсталости — продукция мастерских Проконесса и Малой Азии в виде заготовок, полуфабрикатов, готовых форм буквально наводняла Средиземноморье, включая и самый Рим). Более простые шиферные и тем более известняковые саркофаги несомненно тесались на месте и были сравнительно доступны по цене. На это указывает, в частности, обнару-

1. Саркофаг с изображением Федры и Ипполита. Задняя стенка. Стамбул, Оттоманский музей. [*Mendel,* 1966];

Sarcophagus with the depiction of Fedra and Hippolyte. Stambul. Ottoman Museum.

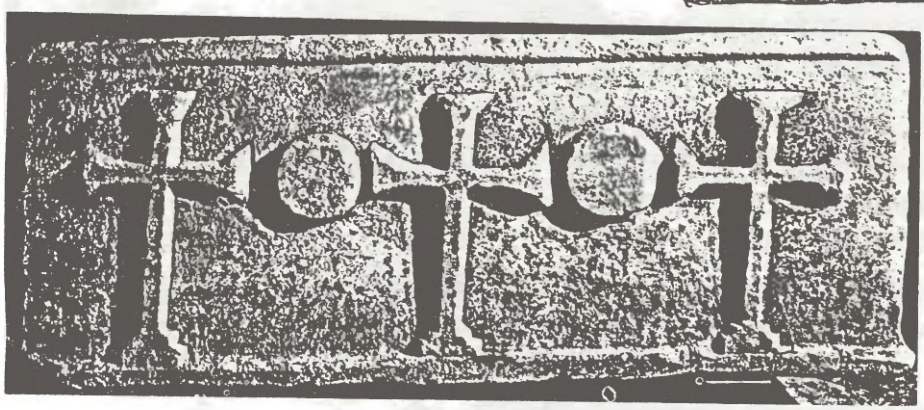
1

2. Саркофаг с гирляндами. Стамбул, Оттоманский музей. [*Mendel,* 1966];

Sarcophagus with garlands. Stambul, Ottoman Museum.

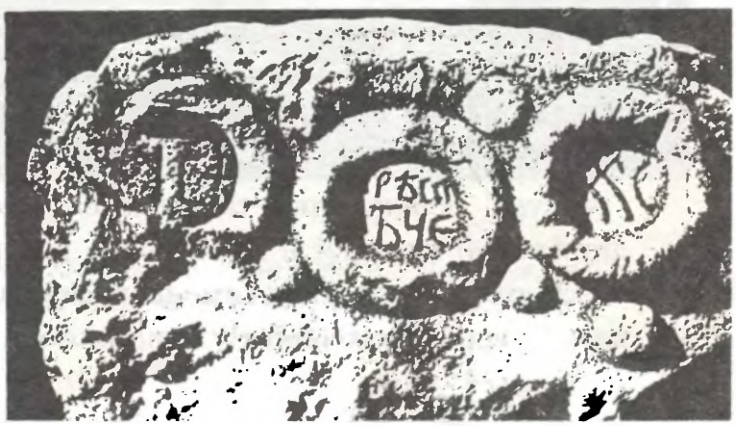
2

3. Саркофаг из "Палаццо Белломо", Сиракузы. [*I Bizantini,* 1982];

Sarcophagus from 'Palazzo Bellomo'. Siracusa, Museo Regionale

3

4. Надгробие с тремя венками. Добрун близ Вышеграда. [*Vego*]

Tomb with three wreaths. Dobrun, nearby Vyshegrad.

4

Plate XIII. Byzantine Tombs with 'Three Circles' Pattern

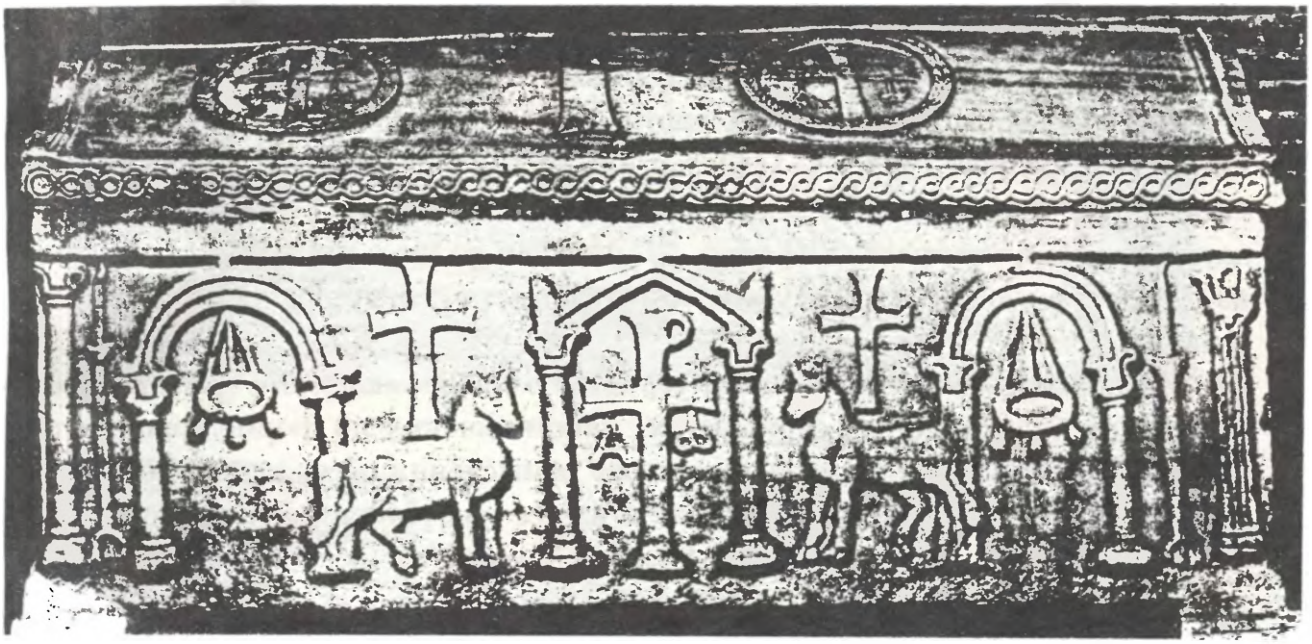
Табл. XI 4 жение белокаменного гроба с двускатной крышкой и очень высоким щипцом-гребнем под большим курганом XIII века в группе у села Иворово на Верхней Волге [*Крайнов, Гадзяцкая,* 1967. С. 23–25].

Таким образом, на Северо-Востоке Руси в конце XII–XIII вв. сложились аналогичные западноевропейским условия для появления плоских саркофаговых крышек с орнаментом в виде осевой линии (рельефной или изображенной с помощью резьбы), а на их основе — и надгробных плит со сходной композицией.

Нужно сказать, что идея происхождения древнерусских надгробных плит от крышек саркофагов была предложена довольно давно, однако она базировалась только на двух наблюдениях — на чрезвычайной тонкости ранних надгробных плит и на сходстве приема трехгранно-выемчатой резьбы с резьбой на крышке единственного привлеченного ящичного саркофага из Старой Рязани, — памятника, не имеющего точной даты, и совершенно не сходного по композиции декора с другими крышками [*Ермонская*, 1978. С. 21–22]. Вероятнее было бы предположить здесь обратное влияние развивающихся орнаментов плит на крышки саркофагов — тем более, что мы имеем дело с круговидной композицией, у которой неясно даже, где изголовье, а где изножие.

Однако само предположение кажется безусловно верным. В качестве примера, подтверждающего возможность трансформации скатных крышек саркофагов в плоские при сохранении рудиментов композиции в двухмерном изображении, можно привести опубликованный Н. Н. Ворониным саркофаг Табл. XI 1, 3 князя Ивана Дмитриевича Переяславского из юго-западного угла собора в Переяславле-Залесском [*Воронин,* 1949. С. 199–200. Рис. 7]. Исследователь датировал фрагмент плиты, которым покрыт саркофаг, XVI–XVII вв. Однако следует учесть, что в период публикации еще не были известны плиты XIII–XV вв. с некрополей Москвы. История надгробия начиналась, по сути дела, с надписных камней раннего XVI века. Сегодня нет особых оснований сомневаться в принадлежности фрагмента оригинальной крышке, — следовательно, он может быть датирован в пределах конца XIII — начала XIV века. Эта крышка имеет типичный бордюр-рамку из противопоставленных равнобедренных треугольников на широком основании и прочерченную "осевую" полосу, то есть является образцовым примером "перевода" форм двускатной крышки в двухмерное изображение.

К сожалению, белокаменные саркофаги с плоскими крышками в материалах Северо-Восточной Руси немногочисленны, да и сами плиты "переходно-

1

2

1. Саркофаг архиепископа Феликса. Церковь св. Аполлинария "ин Классе". [*Laurence*, 1970]; 2. Саркофаг с тремя крестокругами на крышке. VI в. Церковь св. Аполлинария "ин Классе". [*Kollwitz, Herdejurgen*, 1979].

Plate XIV. Sarcophaguses from Ravenna with 'Three Circles' Pattern. 1. Archbishop Felix's sarcophagus. St Apollinare in Classe; 2. The 6th-century sarcophagus. St Apollinare in Classe. Ravenna.

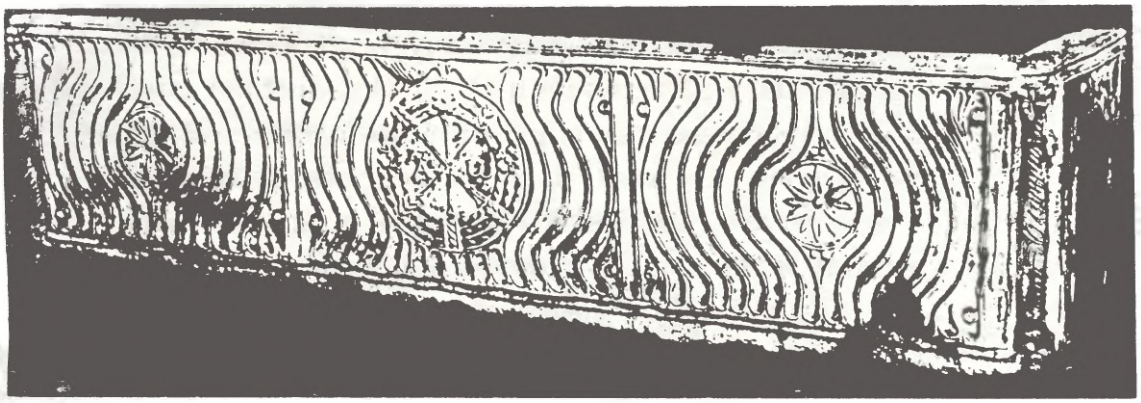
го" периода крайне редки, но нет сомнений в том, что продолжение исследований позволит умножить примеры. В этом убеждает, например, находка ящичного саркофага в северной части Успенского собора Ростова (работы О. М. Иоаннисяна, 1994 г.). Плоская крышка украшена лентами противопоставленных треугольников, образующими бордюр и "ось". Памятник может датироваться в пределах XIII века. (Саркофаг стоял в нише, был рассчитан на обозрение сбоку, поэтому у него украшена не только крышка, но и одна из граней).

Поскольку Северо-Восточная Русь была хорошо знакома с традицией погребения в белокаменных саркофагах, напоминавших по форме архитектурные сооружения, возникала возможность осмысления осевой линии на уплощавшейся крышке или на возникавшем из нее надгробии в качестве семантически важного или художественно ценного элемента, достойного воспроизведения при повторении композиций. Даже в том случае, если смысл композиции был утрачен, процесс заимствования самого типа сооружения обеспечивал на какое-то время повторяемость. (Отметим, что крышки гробов с осевым гребнем в изобилии встречаются на русских кладбищах вплоть до конца средневековья, а на севере продолжают использоваться в XVIII–XIX вв.).

Конечно, невозможно настаивать на понимании резчиками предыстории развития композиции, на восприятии ее как финальной стадии многовекового процесса развития саркофагов в виде храма. Тем не менее, какие-то аллюзии, связывавшие плиты и саркофаги-ящики с более сложными древними образцами, еще стоявшими открыто в соборах Руси, исключить нельзя. (Укажем на аналогичное мнение И. А. Шляпкина, предполагавшего происхождение деревянных ящичных "голубцов", а за ними — и треугольных "голубцов" на крестах — от фронтонов храмообразных византийских саркофагов [*Шляпкин,* 1906. С. 8].

Итак, орнаментальная "осевая" композиция крышек каменных гробов и ранних надгробных плит стала одной из конечных точек чрезвычайно длительного развития храмообразного сакрофага, истоки которого скрыты в древневосточном и античном мирах.

Конечно, следует задаться вопросом о путях проникновения этой композиции на Русь, поскольку она существовала примерно в ту же эпоху и у других христианских народов. Но у нас нет серьезных причин "выбирать" между заимствованием готовой композиционной схемы, принесенной романскими скульпторами и самостоятельной выработкой аналогичного орнамента на основе автохтонной трансформации двускатных крышек. И для того, и

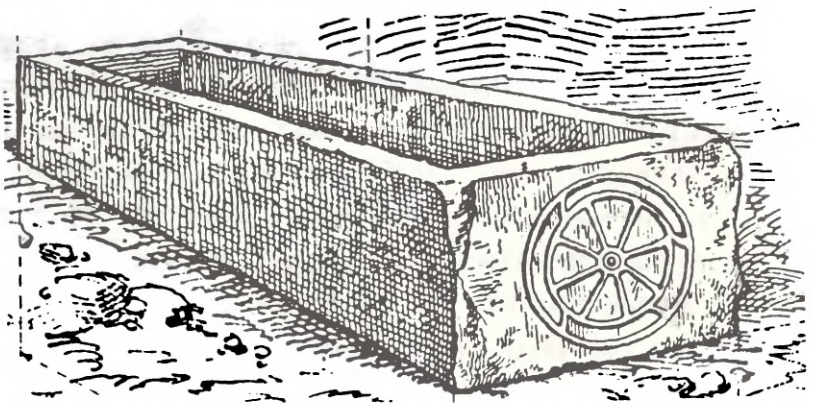
1

2

3

4

5

1. Саркофаг со "стригилями", около 680 г. Собор Нотр-Дам в Суассоне. Лувр. [*Fossard,* 1978]; 2. Стела меровингского периода с кругами и бордюром — "змейкой". [*Informations,* 1980]; 3. Крышка саркофага святой Теодешильды в Жуарре, конец VII в. [*Salin,* 1952]; 4. Саркофаг с торцевой розеткой. Эпоха Меровингов. [*Fossard,* 1978]; 5. Саркофаг из раскопок церкви Сен-Жермен де Пре. Эпоха Меровингов. Музей Карнавалет, Париж. [*Perin,* 1985];

Plate XV. Sarcophaguses with 'Three Circles' Pattern. France. 1. Sarcophagus of St Drausin, c. 680. Notre-Dame at Soissons. Musee du Louvre; 2. Tombstone of Merovingian period; 3. Lid for the sarcophagus of Abbess Theodechilde from Jouarre Abbey; 4. Sarcophagus of Merovingian period; 5. Sarcophagus from Saint-Germain-des-Pres.

для другого подхода есть основания, поскольку в развитии сказались обе тенденции. Исследования Н. Н. Воронина и О. М. Иоаннисяна выяснили конкретные источники и пути романских влияний в древнерусской архитектуре. На раннем этапе, в середине XII века, важным передаточным звеном служила Галицко-Волынская земля, контакты с которой в значительной степени обеспечили возможность начала строительства Юрия Долгорукого на Клязьме. Однако у многочисленных белокаменных саркофагов этого княжества нет орнаментированных или рельефных крышек. Более вероятно восприятие двускатных и плоско-сводчатых форм через мастеров, строителей и резчиков, полученных Андреем Боголюбским от Фридриха Барбароссы, из Северной Италии и/или Южной Германии, — важнейших центров изготовления романских саркофагов и надгробий.

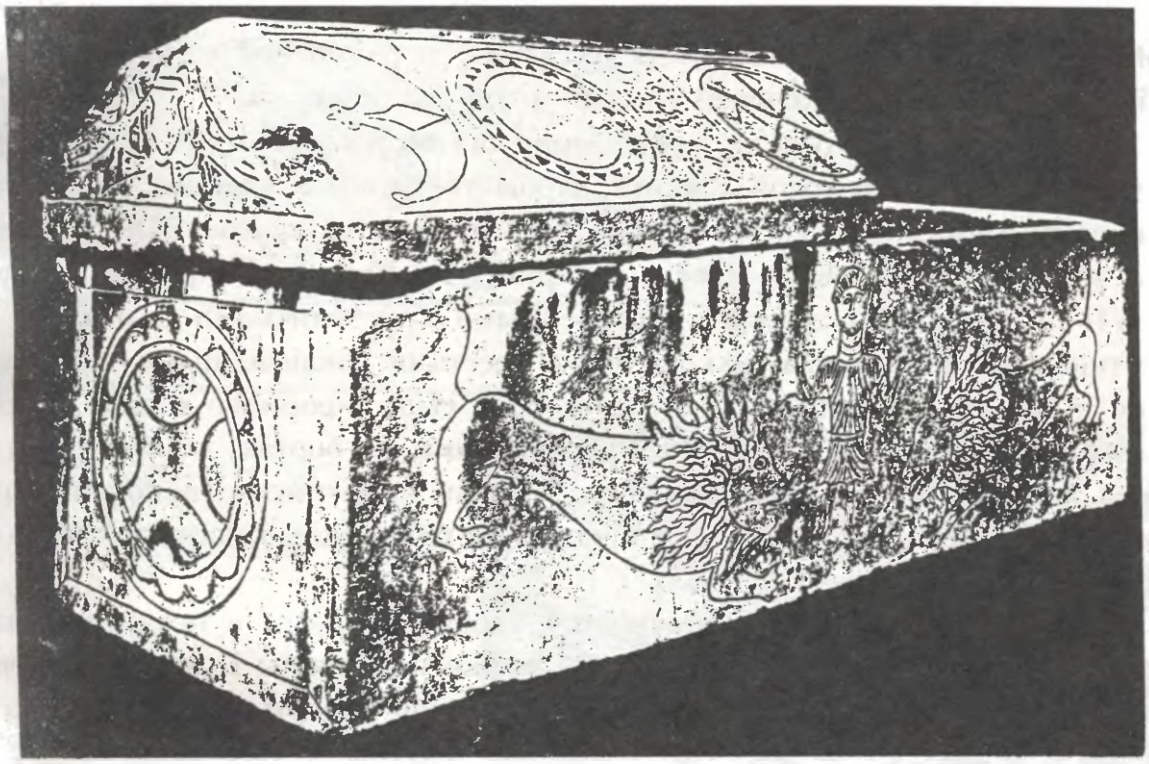
"Балканский путь" знакомства с вариантами рамочно-осевой композиции, возможно, также играл какую-то роль уже на раннем этапе. В этом
Табл. XII случае памятники Балкан могли бы служить своего рода передаточным механизмом все тех же романизирующих элементов, передавая их на русский Северо-Восток примерно так же, как Западная Русь передавала во Владимиро-Суздальские земли технику строительства из белого камня.

Однако, хотя следует помнить об отсутствии точной хронологии ранних плит Боснии и Руси, даты большинства "стечцов" все же позже, чем у саркофагов и плит Москвы, Ростова, Переяславля, Старой Рязани конца XII—XIII вв. Более заметным воздействие южнославянских образцов станет в XV веке, (о чем говорится подробнее в главе 4, экскурсах 2 и 3).

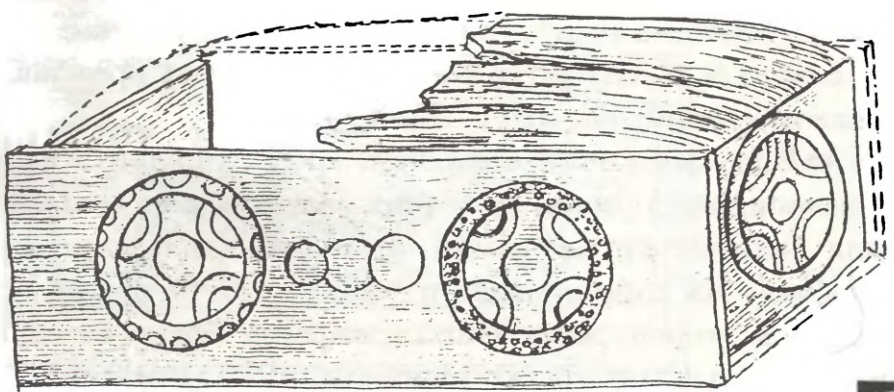
Основные композиции: "три круга"

Детально разобрав композицию "ось", мы одновременно близко подошли к решению проблемы генезиса второй из основных композиций. Есть все основания полагать, что они взаимосвязаны. Поэтому метод анализа и сфера аналогов остаются прежними — разница только в объекте изучения. Вместо целого объемного предмета, медленно теряющего одно измерение и уплощающегося, перед нами предстанет его декоративный элемент, наделенный очень глубокой и многослойной символикой.

Попробуем пересмотреть те же группы памятников, которые привлекались для анализа рамочно-осевой и осевой композиций, обращая теперь внимание не на общую архитектурную форму, а на декор. Начнем с раннехристианских саркофагов, затем изучим их переработки в культурах "варварс-

1

2

3

1. Саркофаг с кругами на крышке. Аббатство Шарентон-сюр-Шер. Франция, середина I тысячелетия. [*Hubert,* 1969]; 2. Деревянный саркофаг первой половины XI века с кладбища на Подоле в Киеве. [*Сагайдак,* 1991]; 3. Торцевая розетка саркофага эпохи Меровингов. Франция. Музей Карнавалет. [*Fossard,* 1978].

Plate XVI. European Tombs with 'Three Circles' Pattern. 1. Sarcophagus from Charenton-sur-Cher Abbey. Musee du Berry, Bourge; 2. 11th-century wooden sarcophagus from the necropolis at Podol, Kiev; 3. Front side of the sarcophagus of Merovingian period. France. Museum Carnavalet.

кой" Европы и "каролингского ренессанса", в романской пластике, византийской и славяно-балканской скульптурной традиции.

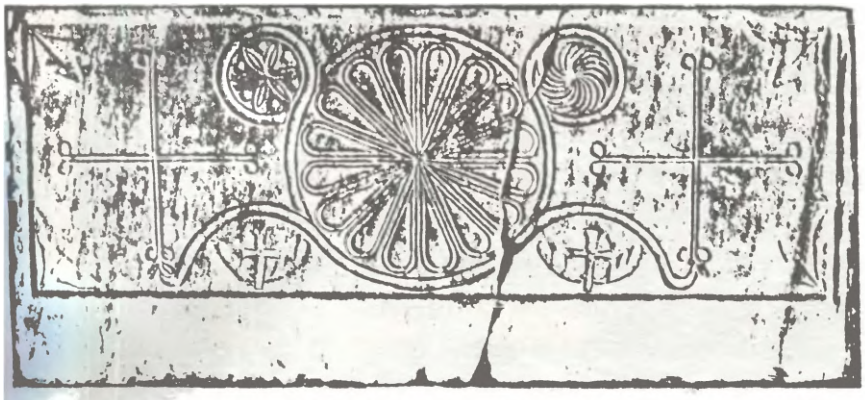
Достаточно взглянуть на оформление скатов крышек гробниц раннехристианской и средневековой Италии, чтобы убедиться в крайней распространенности композиции, состоящей из трех или шести кругов. По сути дела, она может быть названа здесь основной. Крышки саркофагов Равенны V–VII вв. украшены трижды повторенными христианскими символами — шестиконечными или четырехконечными крестами, заключенными в круг (или явно к нему тяготеющими). Сам круг чаще всего оформлен в виде венка и
Табл. XIV может повторяться не только на крышке, но и на бортах, обнимая другие, столь же распространенные, символы. Таковы знаменитые саркофаги архи-
Табл. XXIII 1 епископа Теодора, архиепископов Грациозуса и Феликса, многие другие [*Kollwitz,* 1979. B10–B16, B19, B32].

Традиция оформления саркофагов уходит корнями в позднеантичную эпоху. Именно в первые века н. э. (но не ранее середины II века) их стенки начали украшать округлым медальоном, обычно с портретом покойного — одного или вместе с женой. Кругообразные фигуры, в том числе венки, утвердились как важнейший элемент в центре сложных рельефных композиций, сюжеты которых — "времена года", "миф о Дионисе", "морское путешествие" — связаны с погребальным ритуалом и хтоническими представлениями поздней античности [*Bandinelli,* 1971. P. 44–49].

Во II–IV вв. многие саркофаги-полуфабрикаты, производившиеся в восточных областях Средиземноморья, несли на бортах разметку в виде концентрических кругов, или большие кругообразные выступы, предназначенные
Табл. XIII 1 украшать стенку саркофага. Их дорабатывали в деталях уже на месте. Укажем для примера оборотную сторону известного саркофага с Федрой и Ипполитом из Стамбульского музея и ряд других [*Bartman,* 1993. P. 60–63; *Mc Cann,* 1978; *Mendel,* 1966. T. 1. P. 112–113].

Определенную роль в формировании композиции "три круга" сыграли и так называемые саркофаги с гирляндами, на боковых стенках которых высекались три львиные маски (также "дионисийный" мотив) или три "горгонейона", заключенных в круги [*Mendel,* 1966. T. 1. P. 77, 118, T. 3. P. 395,
Табл. XIII 2 407]. Воздействие "горгонейона" как апотропеического знака на формирование раннехристианского хризмона, особенно в его обрамлении, венке, требует дополнительного рассмотрения.

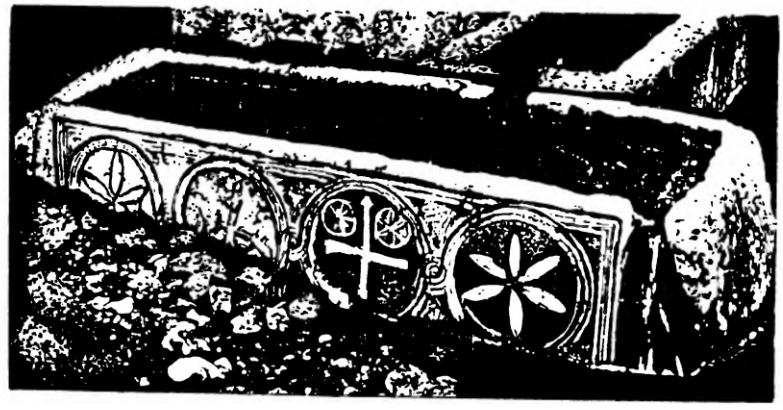
Проникновение мотива круга в раннехристианское искусство неоднократно пытались связать с воздействием декоративных композиций эллинисти-

1. Саркофаг из Эфеса с розетками и крестами. [*Feld*, 1970];

Sarcophagus from Ephesos.

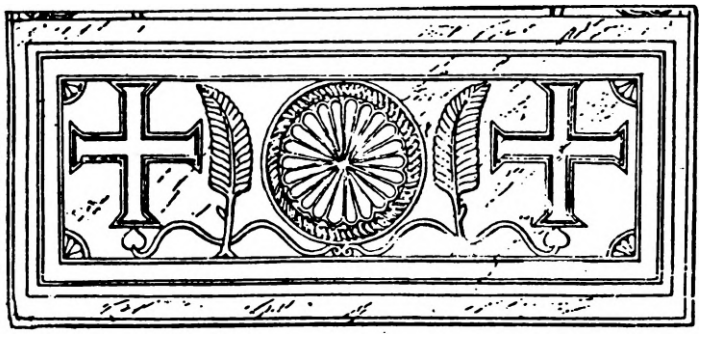
1

2. Саркофаг с четырьмя кругами. Биледжик, Турция. [*Feld,* 1970];

Sarcophagus from Sarmasik Koyu. Bilecik.

2

3. Саркофаг Ярослава Мудрого. Киев.

The sarcophagus of Iaroslav the Wise. Kiev.

3

4. Саркофаг из раскопок Десятинной церкви. Киев. [*Ермонская,* 1978].

The sarcophagus from Desiatinnaia Church at Kiev.

4

Plate XVII. Byzantine and Russian Tombs with 'Three Circles' Pattern

ческого Востока (в том числе тканей, резьбы по камню и дереву), где аналогичные элементы, действительно, весьма распространены [*Grabar,* 1964. P. 49–53; *Holmqvist,* 1939. Taf. 46, 59]. Для нас, однако, важнее не исследование глубинных корней иконографического элемента, но его развитие в Европе в I тысячелетии н. э.

Как уже говорилось, практически все народы здесь восприняли и переработали (в соответствии с собственными художественными представлениями, ремесленными навыками и техническими возможностями) унаследованный от поздней античности тип саркофага. При этом в число сохраняемых, хотя часто трансформируемых до неузнаваемости элементов попал и круг, благодаря включению в него креста-хризмона и других важнейших символов превратившийся в конце-концов в общепризнанный и всеми понимаемый знак, часто подменяющий собственно-крест.

Он есть чуть ли не на всех каменных и гипсовых саркофагах, соответственно, в Южной и Северной Франции, на многих надгробиях Среднего и Нижнего Рейна, Британии, оссуариях Испании и, конечно, на памятниках, непосредственно происходящих из мастерских Византии [*Bayle,* 1990. Fig. 21; *Boube,* 1957. Fig. 27–28; *Costa,* 1964. № 225; *Fossard,* 1978; *Fossard,* 1965. P. 10–16; *Gillerman,* 1980. № 6; *Informations,* 1980. P. 315. Fig. 5, P. 315; *Maurin, Thaure,* 1980. Fig. 9, №17; *Kolling,* 1992. Abb. 40; *CBRR,* 1984. № 1348; *Guerra,* 1978. Fot. 25; *I Bizantini,* 1982. Fig. 174, 176, 207; *Puig-i-Cadafalch,* 1961. P. 55–56, Pl. 10, 12, 20, 42, 46; *Salin,* 1952. Fig. 77, 82, 95, 96; *Rice,* 1957, Fig. 5; *Finnegan,* 1986. Fig. 85; *Feld,* 1970. Taf. 2a; *Gaberscek,* 1973. Fig. 3; *Grabar,* 1976. № 87, 151; *Hubert,* 1969. Fig. 84; *Panofsky,* 1964. Fig. 178, 242]. Круг как знак гробницы часто используется в миниатюре (Менологий Василия II. Cod. Vat. gr. 1613), в эмалях (алтарь св. Марка), фресках [*I Bizantini,* 1982. Fig. 332; *Maguire,* 1992. Fig. 10].

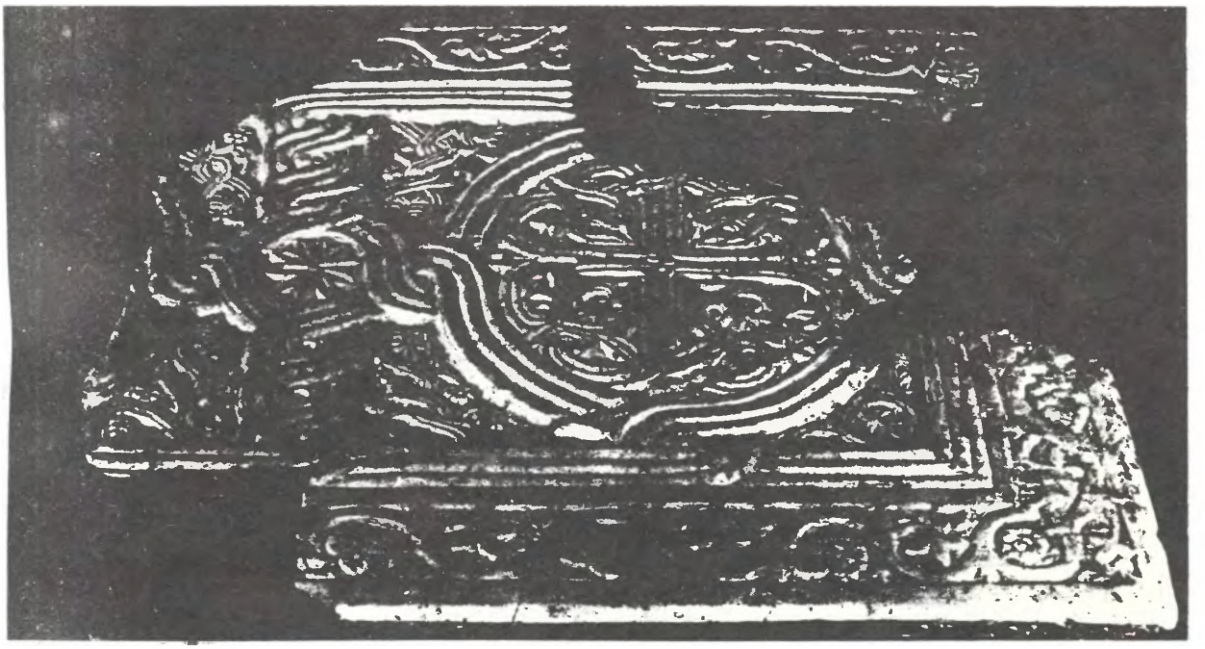
Табл. XIII 3–4

Табл. XV

Табл. XXVI

Самые разнообразные, подчас довольно сложные сочетания "осевой" и "круговой" композиции позволяют мастерам создавать неожиданные виды крестов ранее не существовавших типов, некоторые из которых удивительно напоминают композиции среднерусских надгробных плит — современным сознанием как крестообразные не воспринимающиеся [Nisters-Weisbecker, 1983. № 82]. (Подробнее см. в экскурсе 3).

Конечно, трудно представить себе какие-то формы заимствования или прямого наследования подобных композиций Русью. Однако о параллельных художественных процессах, происходящих при переработке однородного исходного материала народами, переживающими стадиально близкий этап раз-

1

2

3

1–3. Саркофаг. XIII в. Церковь Богородицы Влахерны в Арте. Фрагменты и реконструкция общего вида. [*Grabar*, 1976].

Plate XVIII. 1–3. Byzantine sarcophagus. 13th century. Blacherne Church at Arta.

Табл. XVI

вития культуры, вполне стоит задуматься. Особенно, если учесть поразительное сходство круго-крестовых орнаментов на саркофагах конца I тысячелетия из Франции и Германии — и на деревянных гробах первой половины XI века с кладбища на Подоле в Киеве. Это сходство вряд ли удастся объяснить иначе, чем знакомством с западноевропейскими образцами [Ср. *Сагайдак,* 1991. Рис. 55, и Hubert, 1969. Fig. 24; *Fossard,* 1978. № 154–168 и многие другие].

Впрочем, есть и менее отдаленные источники иконографии, воздействие которых могло сказываться на Руси непосредственно. Композиция из кругов, заняв один или оба ската крышки саркофага в памятниках V–VII вв., сохранялась в пластике очень долго, вплоть до романского, готического и ренессансного периода. Постепенно ее перенесли, как и другие детали крышек саркофага, на плиты.

Табл. XXIV–XXVI и др.

Кроме того, она была необыкновенно широко использована в архитектурной декорации и прикладном искусстве, что может стать темой отдельного интересного исследования. [Немногие примеры: *Beenken,* 1924. S. 93. Abb. 46b; *Coche de la Ferte,* 1981. Fig. 303; *Timmers,* 1971. Abb. 512; *Vergessene,* 1990. Bd. 1. № 100; *Year 1200,* 1970. V.1. № 154, 186, V.2. № 123–126; *Colon-Gevaert,* 1972. № 63; *Kirchenschatze,* 1991. *Kirchenkunst,* 1989. Abb. 4–6; *Zuliani,* 1985. Fig. 18, 19. О круге возможных символических значений этих композиций уже существует специальная работа: *Elbern,* 1955].

Древние памятники Европы продолжали непосредственно участвовать в выработке новых форм, поскольку были доступны обозрению. Те же равеннские саркофаги подчас повторялись с достаточной степенью подобия, вторично использовались, дополнялись или переделывались в соответствии с новыми вкусами. Круги заняли в этих переработках прочное место.

Фридрих Герке писал об этом процессе: "Уже со времен Константина Великого стало обычаем помещать "медальоны" на крышку, а не на переднюю стенку. Таким образом возникла новая форма крышки с одним или двумя кругами, содержавшими портреты. Крышки с двумя портретами — "медальонами" были в употреблении вплоть до эпохи Феодосия. Затем их развитие привело к возникновению венков с монограммой Христа и особой композиции с центральным венком, поддерживаемым двумя апостолами, заключавшим фигуру Христа на троне или его полуфигуру" [*Gerke,* 1940. P. 190].

Простейший вариант — три круга с христианскими символами — получил особое развитие в романскую эпоху. Яркий пример этого — памятники

Крышка саркофага из Календерхане Джами. Стамбул. [*Striker, Dogan Kuban.* 1975].

Plate XIX. Byzantine sarcophagus lid (?). Kalenderhane Camii. Istambul.

Сицилии эпохи норманнских королевств. Саркофаг первого архиепископа Палермо после завоевания норманнами, Никодима, стоявший в крипте городского собора с 1080-х гг., явно ориентирован на раннехристианские памятники равеннского типа. Он несет на крышке три упрощенных "венка". Центральный включает символ благославляющей руки, боковые — равноконечные кресты [*Deer,* 1959. P. 48. Fig. 42]. Передняя стенка также явно подражает позднеантичным образцам — на ней изображен Агнец Божий в центральном круге, фланкированном серией дугообразных каннелюр — "стригилей".

Табл. XXIII 2

Можно указать аналогичные переработки на побережье, в Бари (Апулия) [*Schafer-Schuchardt,* 1987. Vol. 1. Taf. 2b; *Vinaccia,* 1915. Fig. 26], позже — в Аквилее [*Tavano,* 1986. P. 100]. Специально занимавшийся вопросом В.Фольбах указывает еще целый ряд памятников XII–XIII вв., столь же явно подражающих ранним христианским саркофагам в Кампанье [*Volbach,* 1936. P. 80].

Табл. XXIII 3–4

По-видимому, саркофаг Никодима стал одним из образцов для известной порфировой гробницы императора Фридриха II в Палермо, крышка которой украшена по каждому из двух скатов большими кругами с рельефными полуфигурами Христа, Богородицы и четырех Евангелистов. Этот памятник датируется не временем смерти императора (вторая половина XIII века), но, как изящно доказал Дж.Дир, около 1145 г., когда впервые упомянут в качестве гробницы, приготовленной для себя королем Роджером II [*Deer,* 1959. P. 1–23. Fig. 18].

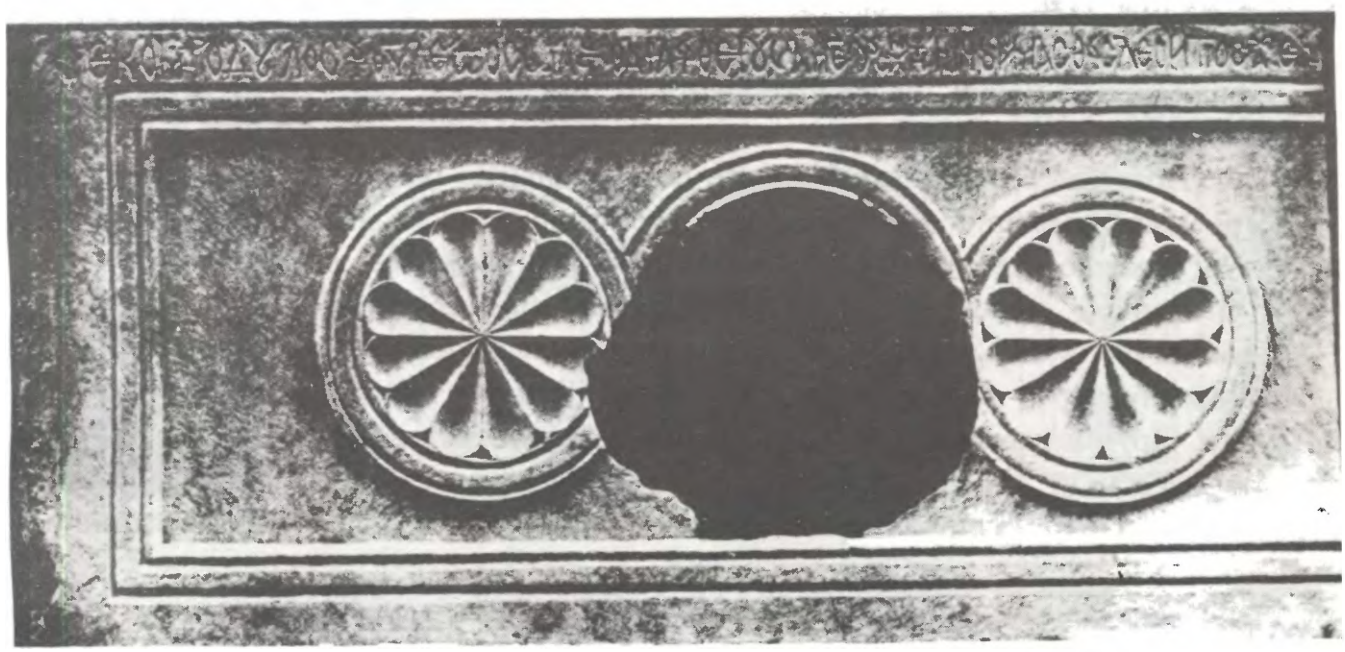
Табл. XXII

Итак, мы встречаем композицию, в принципе аналогичную исследуемой, которая хронологически, да в сущности и географически, отстоит уже не так далеко от памятников Руси.

Если обратиться теперь к саркофагам Константинополя и малоазийских провинций Византии, то обнаружатся не менее важные соответствия. Укажем, во-первых, на сохранение мотива венка с хризмой в таких важных памятниках как порфировые гробницы императоров [Grierson, 1962; Vasiliev, 1948. Илл. 8, 9, 11 и др.]. Но еще интереснее свидетельства плоскостной переработки "крестокругов".

Выше уже говорилось, что византийское искусство, по сути дела, не знало надгробной плиты. Саркофаг, особенно саркофаг в аркосолии, сохранялся здесь очень долго, постепенно видоизменяясь. Установка же гробниц в аркосолиях делала бессмысленным сохранение высокой объемной "крыши". Видимо поэтому стали применять каменные гробы с совершенно плоскими крыш-

1, 2. Погребение в апсиде южного придела. XIV в. Кахрие Джами. Стамбул. Вид с запада. Крышка гробницы XIV в., сделанная из стенки саркофага средневизантийского периода (X–XII вв.) [*Hjort,* 1975].

Plate XX. Late Byzantine Tombs with 'Three Circles' Pattern. 1. The 14th-century 'Tomb Under Apse'. Kariye Camii, Parecclesion. Istambul. 2. Sarcophagus front, 10–12th century, reused in the 'Tomb Under Apse', 14th century. Kariye Camii, Parecclesion.

ками, часто украшенными простейшего вида цепочкой из трех кругов-венков в щедром резном обрамлении, родственном архитектурной декорации. Наиболее яркие примеры — крышки саркофагов в церкви Богородицы Влахерны и св. Феодоры в Арте — датируются серединой XIII века. Они имеют много общего не только с композициями древнерусских плит XIII–XIV вв., но повлияли, кажется, и на более позднюю московскую орнаментику, прежде всего на плетеный узор XVI–XVII вв. [*Grabar,* 1976. T. II. P. 144–145. Pl. 73 a, 75 a, c]. Можно указать случаи, когда плоская крышка саркофага украшена тремя кругами-лунками, в которых изображены фантастические животные или многолепестковые розетки [*Striker, Dogan Kuban,* 1975. Fig. 12]. Один из них — захоронение в центре апсиды южного придела Кахрие Джами, где стенка саркофага средневизантийского времени использована как крышка новой (XIV века) гробницы [*Hjort,* 1979. Fig. 88, 89]. Существенно отметить сохранение и развитие композиции из круговых элементов у "рядовых" саркофагов — более всего на передних стенках, но также и на крышках. Примеры многочисленны в археологических собраниях музеев Италии, Балкан, Малой Азии (Археологический Музей в Стамбуле. Инв. № 5667) [*Mendel,* 1966. T. 3. P. 417; *Mango, Sevcenko,* 1973. Fig. 106 и др.]*.

Табл. XVIII

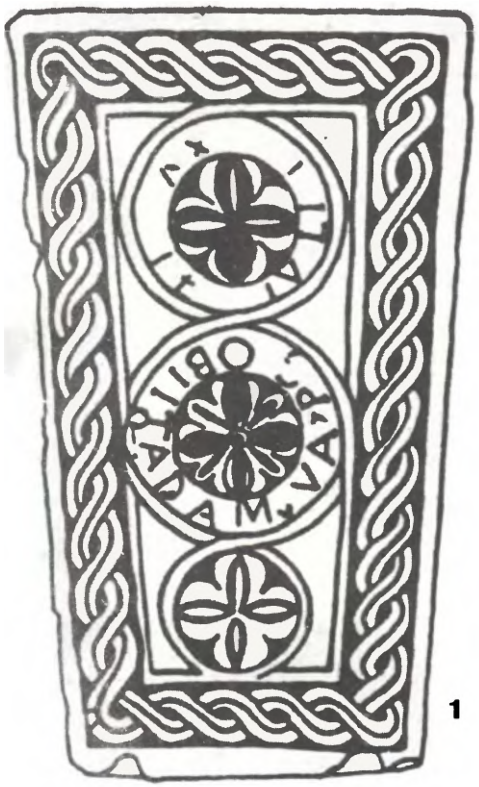
Табл. XIX

Табл. XX

К сожалению, крышки простейших саркофагов византийских провинций известны хуже самих гробов. Их часто обнаруживают отдельно от них, причем уже разбитыми. Это затрудняет верную атрибуцию, заставляя помещать фрагменты в графу "панели", "алтарные преграды", "барьеры" и т. п. [*Museum,* 1992. № 118].

Позволю себе отметить также поразительную близость композиций надгробных памятников некоторых декоративных школ нехристианских культур, прежде всего — исламского мира. Три крупных, сложно нарезанных "плетенкой" круга украшают боковые грани параллелепипедов на кладбищах раннетурецкого Стамбула. Вероятно, они унаследованы (как и многие черты в архитектуре) от византийских образцов. Эти памятники легко наблюдать in situ. Другая известная группа — позднесредневековые надгробные монументы Хауканди XV–XVI вв., где круги преобразованы в круглые цветы, светила и т. п. Орнаментика гробниц имеет явные черты подражания византийс-

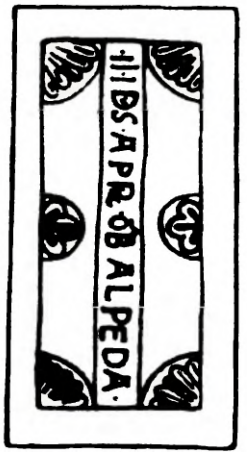
* Воздействие византийских образцов на иконографию надгробия прослеживается часто на весьма отдаленных во времени или пространстве примерах. Назовем завершение Голгофского креста с символами внутри трех плетеных кругов на камне XI века из Бишопстоуна (Сассекс) и типологически однородную композицию "древа Иессеева" в соборе Линкольна [*Gardner,* 1951. Fig. 80. P. 50; *Zarnecki,* 1979; *Zarnecki,* 1988. P. 93].

1

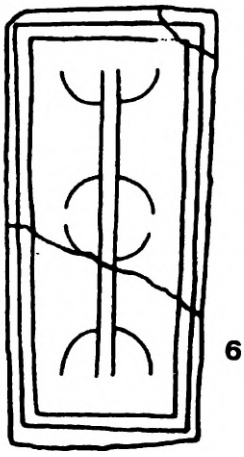

2

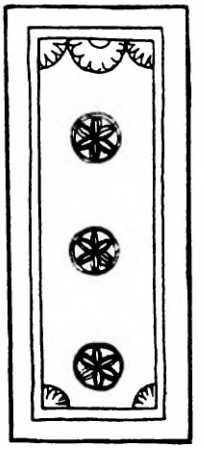

3

4

5

6

7

1, 5–7. Надгробные плиты Нижнего Рейна, IX–XI вв. [*Nisters-Weisbecker,* 1983]; 2. Надгробие с тремя медальонами и Голгофой в "византийском стиле". Начало XI в. Сассекс, Англия. [*Gardner,* 1951]; 3. Надгробие с композицией "Древо Иессеево". XII в. Собор в Линкольне, Англия. [*Zarnecki,* 1979. *Zarnecki,* 1988]; 4. Эмалевая пластина. 1180–1190. Нижний Рейн. Кливлендский музей искусств. [*Year 1200.* V.I. № 186].

Plate XXI. German and English Tombs with 'Three Circles' Pattern. 1, 5–7. Graveslabs from Rheinland, 9–11th century; 2. Tombslab, early 11th century. Bishopstone, Sussex; 3. Tombstone with the Tree of Jesse, 12th century. Lincoln Cathedral; 4. Plaque, enamel, 1180–1190. Rheinland. Cleveland, Museum of Art.

ким или, лучше сказать, эллинистическим саркофагам [*Zajadacz-Hastenrath*, 1978. Abb. 8–13]. Это наглядные примеры проявления общей основы, породившей художественные формы как христианских, так и исламских культур.

Несомненно права Н. Шевченко, написавшая в предисловии к сборнику статей о погребальном обряде Византии: "Нам сегодня не всегда легко распознать византийское погребение, даже если мы его видим. Знай мы более ясно, что следует искать — мы, весьма возможно, откроем стенки или крышки гробниц среди бесчисленных "плит от парапетов", валяющихся в изобилии вокруг храмов." [*Sevcenko*, 1984. P. 115]. (В еще большей степени это может быть отнесено к древнерусским материалам — обломки ранних белокаменных надгробий весьма легко принять за случайные осколки камня или неясные архитектурные фрагменты).

Возможно, внимательное отношение к "нехудожественным" древностям Византии позволит в конце-концов обнаружить простые варианты композиции "три круга", которые окажутся родственны древнерусским. Пока же необходимо рассмотреть косвенные свидетельства их распространенности.

Табл. XXIV

Прежде всего укажем на реликварии-мощехранительницы как важный источник, сохранивший для нас типичные формы и орнаменты саркофага. Очень близки реальным саркофагам с тремя кругами реликварий из Апамеи (Сирия, конец IV века). [*Buschhausen*, 1971. P. 52, 64–67; *Museum*, 1992. № 59]; знаменитый эрмитажный из Херсонеса, с Христом и двумя апостолами в кругах-медальонах [*Банк*, 1965. Рис. 80; ср.: *Kahsnitz*, 1991. Abb. 23–24] и другие.

Эти миниатюрные изображения каменных гробниц в виде храма, сами также зачастую выполненные в камне, интересны не только как носители внешнего облика сооружений. Их обрядовая функция подчеркивала и укрепляла семантическую ценность, традиционность именно таких, близких архитектурным, форм.

Сакральная ценность и функция предмета привела к консервации и даже вторичному развитию некоторых рудиментарных элементов, которым нашлось новое применение. Для совершения обряда возливания елея на останки мучеников, хранившиеся как в саркофагах, так и в реликвариях, в крышке оставляли специальные отверстия. Особенно интересна традиция помещать на "коньке кровли" круглый выступ, в котором делали сквозной слив — своего рода каменную воронку для масла.

Эти выступы во многих случаях рудиментарны, то есть не имеют отверстия, — но тем не менее они упорно повторяются при изготовлении ларцов-

Порфировая гробница Фридриха II в соборе Палермо. XI–XII в. [*Deer,* 1959].

Plate XXII. Tomb of Frederick II. Palermo, Cathedral.

реликвариев и некоторых саркофагов. При уплощении крышки именно эти выступы, лежащие строго на гребне (оси) саркофага, стали прототипами схемы, в которой сочетаются "ось" и как бы нанизанные на нее "круги" ("яблоки") [*Buschhausen,* 1971. P. 12, 25, 32, 35, 47, 59, 66, 68; *Dyggve,* 1951. P. 99–122, Fig. V, 23].

В тех случаях, когда крышка саркофага (реликвария) была плоской, в ней могли вырезать круглые углубления, напоминавшие лунки для возлияний на античных жертвенниках. Такие плоские крышки (тесселлы, мензы) распространены в середине I тысячелетия н. э., но иногда встречаются и позже [*Dyggve,* 1951. P. 99–124]. Наиболее яркий пример — крышка ящичного саркофага в модели Гроба Господня собора в Аквилее, которая упомянута уже в текстах VII–XI вв. Она несет три большие уплощенные лунки, средняя из которых служила для вливания масла внутрь гроба. Высказывались предположения о существовании таких же трех кругов у прообраза — гробницы в церкви Вознесения в Иерусалиме [*Dyggve,* 1962. S. 16]. (Отметим ряд изображений в византийской миниатюре, показывающих, как именно выглядела в глазах средневековых художников трехмерная крышка саркофага с отверстиями в "коньке" при ее плоскостной передаче — например, в сцене Страшного суда Служебника Иакова Коккинобафоса в Ватиканской библиотеке, вторая четверть XII века).

Табл. LVII

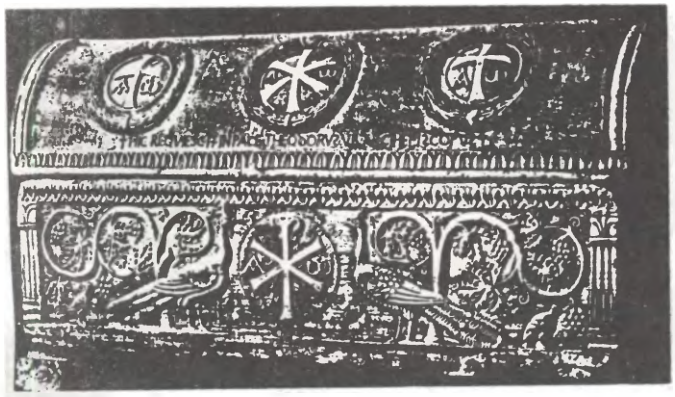
Табл. XXXII 3

Расположенные в контактной зоне позднесредневековой Европы, между романским, а позже "ренессансным" Западом и Византией, южнославянские земли воспринимали художественные импульсы с обеих сторон. Отражение этого процесса можно с удивительной четкостью увидеть в пластике все тех же боснийских надгробий XIII–XVI вв.

Прежде всего укажем на довольно точные объемные "копии" ковчегов-реликвариев и храмообразных саркофагов. Они сохраняют на коньке "крыши" круглые выступы ("яблоки") имитирующие отверстия — воронки для возлияний [*Wenzel,* 1965. XXXVI : 12, 14 и др.]. По-видимому, есть все основания видеть в плитах с изображением кругов, расположенных на одной оси, уплощенный вариант трехмерных памятников [*Wenzel,* 1965. I : 23–25; II : 27–28; III : 6]. Конечно, со временем появляются и переосмысления этого мотива — например, как пряжки пояса; поперечной скрепы гроба; креста; и другие [*Wenzel,* 1965. II : 26; XXV : 6, 9; XXXI : 11, 15].

Табл. XII 1–7, 12–13

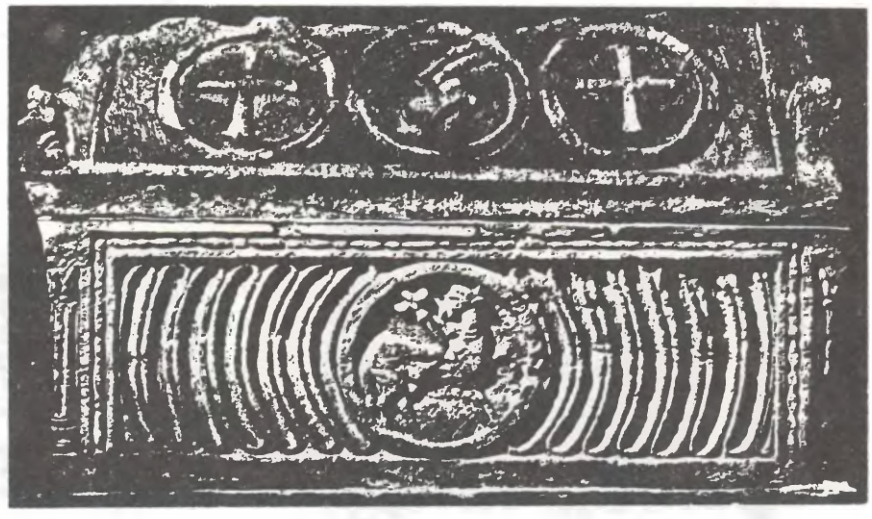
Кроме такого сочетания осевой и круговой композиций, при котором круги разрывают центральную линию "конька", известно множество вариантов с "зеркальным" расположением кругов по сторонам от оси. В большин-

1

1. Саркофаг архиепископа Феодора. V в. Равенна. Церковь св. Аполлинария ин Классе. [*Deer,* 1959].

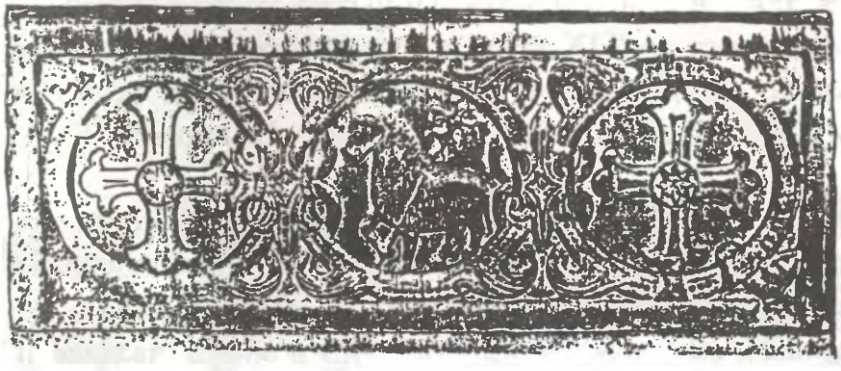
Sarcophagus of Archbishop Theodorus, 5th century. Ravenna, St Apollinare in Classe.

2. Саркофаг архиепископа Никодима. XI в. Палермо. Крипта собора. [*Deer,* 1959].

Sarcophagus of Archbishop Nicodemus, 11th century. Palermo. Cathedral, crypt.

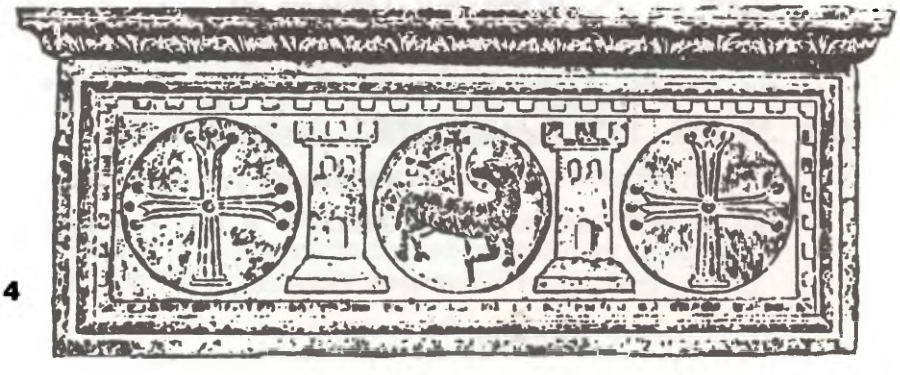
2

3. Стенка саркофага. XII (?) в. Церковь св. Николая, Бари. [*Vinaccia,* 1915].

12th-century (?) sarcophagus from St Nicola Church at Bari.

3

4. Саркофаг Раймондо делла Торре. 1332 г. Аквилея. Базилика, капелла Торриани. [*Tavano,* 1986].

Sarcophagus of Raimondo della Torre, 1332. Aquilea.

4

Plate XXIII. Italian Tombs with 'Three Circles' Pattern

стве случаев эти круги переоформлены в розетки, часто с вписанными крестами. Вряд ли стоит сомневаться, что формальным прообразом таких композиций является варинт уплощенной крышки, несущей на скатах венки или иные круговидные символы. Интересен случай изготовления памятника, очень грубо имитирующего саркофаг, с тремя рельефными "венками", несущими внутри надписи [*Vego*, 1970. Kn. IV. № 219].

Табл. XIII 4

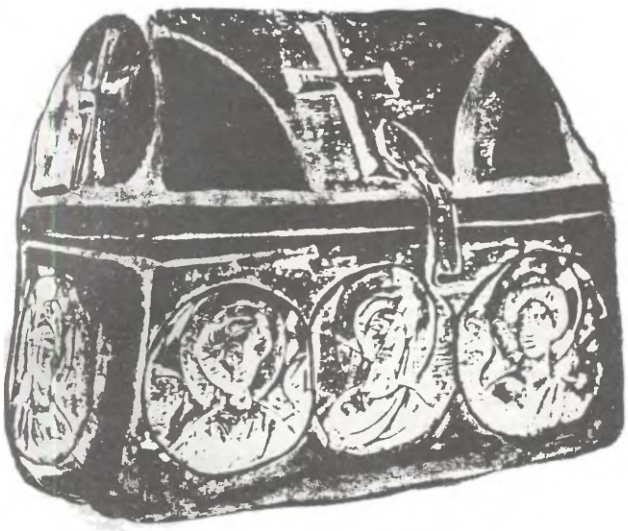
Разумеется, композиции очень удалены от прототипов, явственно отражают воздействие современных им западноевропейских образцов, среди которых было уже много вертикально крепившихся плит. Такое размещение требует внимания к оформлению углов или торцов плиты, где часто изображаются (или действительно присутствуют) элементы крепления к стене. Поэтому среди боснийских плит редки утроенные розетки [*Wenzel,* 1965. XXXVII: 44], зато многочисленны удвоенные угловые [*Wenzel,* 1965. I: 29, XXXVIII: 28, LVI: 19]. Психологически очевидная потребность маркировки положения покойного приводила, вероятно, к сокращению количества розеток до одной пары в изголовьи, а позднее — и просто к одной розетке [*Wenzel,* 1965. I: 30, XXV: 8, 10, XXXI: 14, 16, XXXV: 3]. Близкий по смыслу процесс будет характерен и для композиции русских памятников в ходе их "антропоморфизации".

Начавшаяся с подражаний позднеримским и византийским саркофагам цепь южнославянских памятников, пройдя через период средневековья, не была полностью оборвана даже в Новое время. Попытки копировать древние образцы фиксируются вплоть до XIX века, когда крестьянские мастера мастерят саркофагообразные памятники из дерева, украшая их резными медальонами и росписью [Ср. *Beslagic,* 1982. S. 1, 42, 51; *Марковић,* 1953. Таб. 1–2].

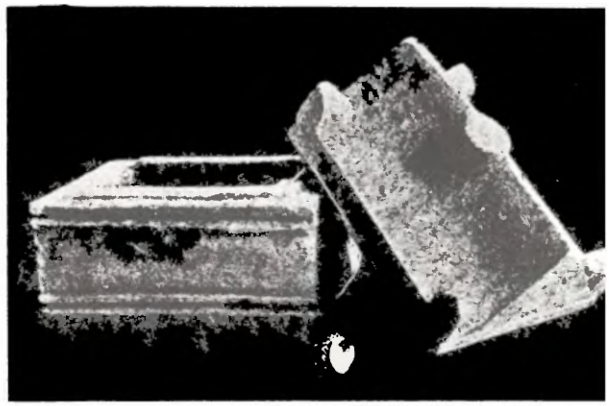
Прежде, чем закончить обзор схемы "три круга", полезно привести ряд частных, но немаловажных наблюдений. Мы показали, что традиционные элементы почитаемых христианских погребальных памятников сохраняли до конца I тысячелетия чрезвычайную устойчивость, отразившись позднее в оформлении надгробий. Однако в IX–XI вв. примеры собственно-плит с изображением трех кругов (розеток, круговых надписей, крестов в круге) в Европе не столь уж многочисленны [*Nisters-Weisbecker*, 1983. S. 221, 308, № 139, 142; *Leitner,* 1982. № 2. Abb. 3].

Табл. XXI 1, 5–7

Стимул к новому усиленному распространению мотива возник в XII веке, после вступления крестоносцев в Иерусалим. Непосредственное знакомство

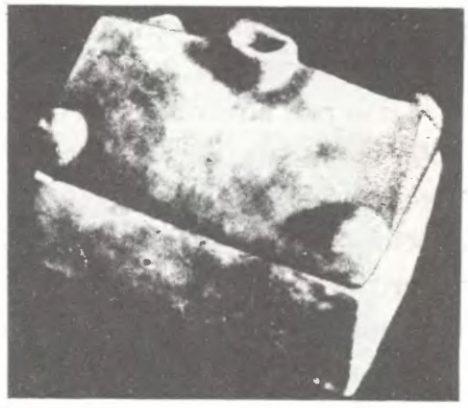
1

2

3

4

5

1. Реликварий. Около 550 г. ГЭ. [*Банк,* 1966]; 2–4. Раннехристианские реликварии [*Buschhausen,* 1971]; 5. Реликварий из Элвангена. 870–877 г. Ландсмузей Вюртемберга. [*Kahsnitz,* 1991].

Plate XXIV. 'Three Circles' Pattern in European Art. 1. Reliquary, c. 550. State Hermitage; 2–4. Early-Christian reliquaries; 5. Reliquary from Ellwangen, c. 870–877. Wurtembergisches Landssmuseum.

массы пилигримов с наиболее чтимой реликвией христианства — Гробом Господним; установка трансенн романского типа с тремя круглыми отверстиями у погребальных скамей Христа и Девы Марии; быстрое усвоение новой иконографии этих сооружений благодаря воспроизведениям в монументальной скульптуре, миниатюре, малой пластике, — очень способствовали популярности мотива трех кругов. Об этом говорит, в частности, оформление многочисленных рак для останков святых в северной Европе XI–XIII вв.

Знакомство Руси с иерусалимскими святынями, обеспеченное живыми свидетельствами паломников, а также их описаниями и привезенными из путешествий изображениями, несомненно. Правда, раки и надгробницы, имеющие следы воздействия облика романских трансенн, распространятся здесь существенно позже, в XVI веке. Однако раннее использование их иконографической схемы подтверждается упорным повторением ее в малой пластике, особенно в сценах у Гроба Господня. (Подробнее см. экскурс 1).

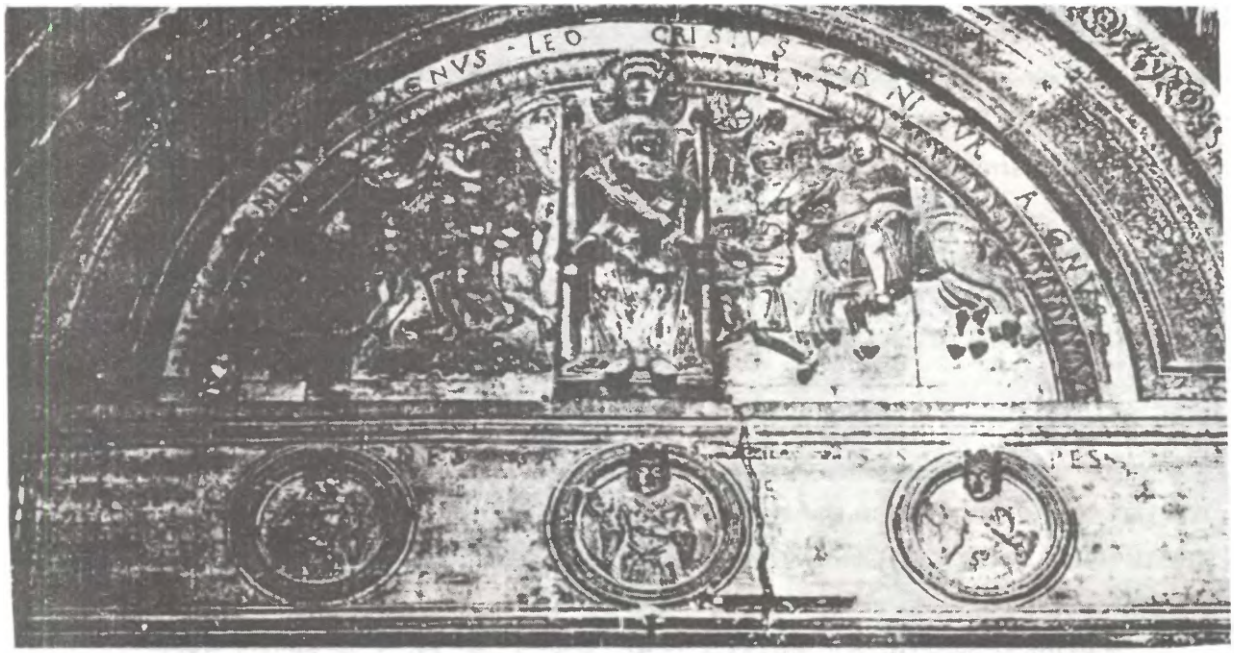
Отметим возможность влияния на иконографию не только новой трансенны Гроба Господня, но и аналогичного памятника, прикрывавшего погребальное ложе Богородицы в Гефсимании. Этот объект XII века известен нам археологически благодаря исследованиям 1985 г. [*Bagatti,* 1975]. Нельзя исключить, что его оформление находится во взаимосвязи с изображением тканного декора покрывала в сценах "Успения".

Кругообразная орнаментика, свойственная тканям и оссуариям Востока, была рано заимствована для христианских саркофагов и трансенн [*Holmqvist,* 1939. Taf. 46]. Поэтому рисунок покрывала может быть гораздо древнее, чем иерусалимские мраморные "экраны". Однако распространение именно такого варианта во второй половине XI–XII вв. и позже, вероятно, прямо указывает на воздействие "гефсиманской трансенны". Орнаментика покрывала, для которого характерны круги, заключенные в ромбы, видимо, воздействовала позже и на некоторые изображения трансенны Гроба Господня ["Оплакивание", конец XIII века, Сан-Мартино в Пизе: *Bush-Brown*, 1952. P. 42–46. Fig. 5].

Табл. LXI 2

Среди изображений покрывала можно найти идеально соответствующие архитектурной резьбе панелей, трехоконным трансеннам, стенкам саркофагов и т. п. Например, на фреске из церкви Апостолов в Пѐрахорио (Кипр) [*Megaw, Hawkins,* 1962. Fig. 42]. Другие аналоги не столь очевидны, но все же близки, например, в Богородичной церкви Лагудеры [*Cormack,* 1985], алтаре св. Марка в Венеции [*I Bizantini,* 1982. Fig. 332], и других памятниках [*Лазарев,* 1986. Т. 2. Рис. 232, 324, 461].

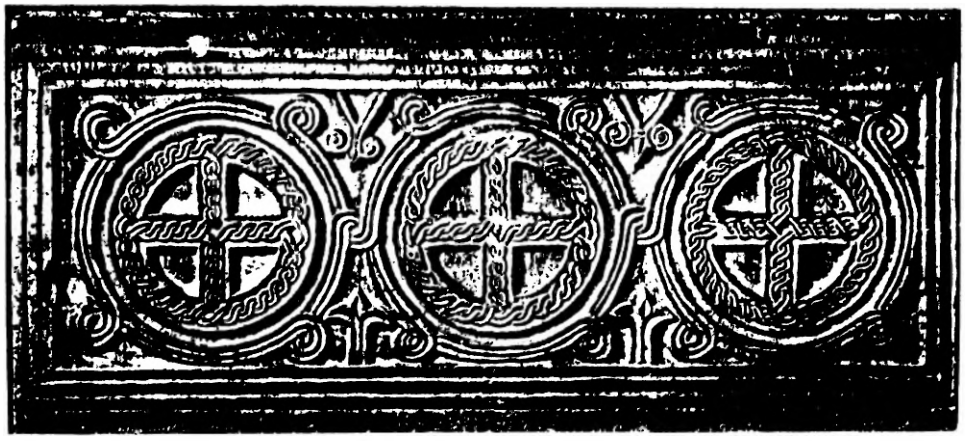
Табл. XXVI

1

2

3

1. Архитрав портала собора в Вероне. [*Zuliani,* 1985]; 2. Мозаика во дворце Зиса в Палермо. Около 1150 г. [*Coche de la Ferte,* 1981]; 3. Плита с тремя крестами в кругах. IX в. Рим. Музей позднеантичного и византийского искусства, Берлин. [*Museum.* 1992].

Plate XXV. 'Three Circles' Pattern in European Art. 1. Architrave of portal. Verona; 2. Mosaique. Palais de la Zisa. Palermo, c. 1150; 3. Graveslab, 9th century. Rome. Museum of Late Antique and Byzantine Art. Berlin.

Близость орнамента покрывала в сценах "Успения" и композиции "три круга" на древнерусских плитах отметила уже Н. С. Шеляпина [*Шеляпина*, 1971. С. 289]. Вариант композиции не с тремя, а с двумя кругами известен фресковой живописи Руси, начиная с росписи собора Мирожского монастыря в Пскове.

Важное свидетельство использования на Руси уже в XIII веке иконографической схемы "три круга", восходящей как к эллинистическо-византийской, так и к романской традиции — упоминавшийся белокаменный саркофаг из Успенского собора Ростова. В древности он был доступен обозрению и стоял в небольшой аркосольной нише. Его внешнюю боковую грань украшали четыре концентрических окружности, выполненные графьей и отделенные друг от друга вертикальными отрезками трехгранно-высмчатого орнамента. (Увеличение числа кругов может объясняться очень вытянутыми пропорциями гроба при небольшой высоте).

В Северо-Восточных землях Руси, возможности контактов которых с западными областями Европы сделались с середины XIII века особенно ограниченными, приносимые паломниками или поступающие иными путями реликвии, парадная литургическая утварь, иные художественные предметы, — оказывали особое воздействие на развитие материальной культуры. Более активное влияние новой иконографии Гроба Господня на оформление надгробных памятников Руси XIII — начала XIV века может объясняться именно этим. (На Западе и в Византии, где типы погребальных сооружений давно сложились, новый облик иерусалимских святынь отразился более всего в изобразительном искусстве).

Предварительный итог

Подводя итог рассмотрения форм и орнаментов белокаменных надгробий Северо-Восточной Руси XIII — первой половины XIV века, можно предложить ряд выводов.

Прежде всего, мы получаем ответ на основной вопрос. *Ранние плиты Руси несут изображения вполне конкретных предметов — трехмерных крышек саркофагов с присущими им "конструктивными" и декоративными элементами.* Вопрос о сохранении за изображениями христианской символики; изначальной или последующей десемантизации; наконец, привнесения "языческих" трактовок, переосмысление в духе народных верова-

1

2

3

4

1. Успение. Перегородчатая эмаль. Сан Марко, Венеция. [*I Bizantini*, 1982]; 2. Перенесение мощей св. Марка. Перегородчатая эмаль. Сан Марко, Венеция. [*I Bizantini*, 1982]; 3. Успение. Середина XII в. Фреска собора Мирожского монастыря. Псков. 4. Успение. Фреска церкви Св. Апостолов в Перахорио, Кипр. [*Megaw, Hawkins*, 1962].

Plate XXVI. 'Three Circles' Pattern in European Art. 1. The Dormition of the Virgin. S. Marco, Venice; 2. Reception of Marc's Relics in Venice. S. Marco, Venice; 3. The Dormition of the Virgin. Mid-12th century. The Cathedral at Mirozshskii monastery, Pskov. 4. The Dormition of the Virgin. The Church of the Holy Apostles at Perachorio, Cyprus. Fresco.

ний — должен рассматриваться отдельно. Априорно предполагать в орнаментике плит XIII—XIV вв. какие-то дохристианские мотивы — оснований нет.

Древнерусские надгробия генетически и формально (вероятнее всего, и семантически) принадлежат к большой общности средневековых христианских памятников Европы, хотя и составляют периферию этой общности.

Как и прочие европейские художественные традиции, они восходят к раннехристианским памятникам, отражая в орнаментике древние формальные признаки саркофагов, тесно связанные с определенной и устойчивой семантикой. (Разделение на два или четыре ската; включение в композицию кругов-венков с христианскими символами или отверстий для возлияния елея).

Древнерусское надгробие наследовало композиции и символику несколькими путями. В виде плит с рудиментарной, остаточной орнаментикой саркофагового типа, а также через поздние варианты самих храмообразных саркофагов. Их крышки могли подвергаться самостоятельной переработке в надгробные памятники русскими мастерами.

Конкретными образцами на Руси служили сначала саркофаги средневизантийского типа (Киев и Южная Русь, конец X—XI вв.), а затем — романские саркофаги с двускатными крышками и жгутовыми бордюрами (Белгород, Северо-Восточная Русь, XII—XIII вв.). Дополнительное воздействие могли оказать памятники Боснии, где на основе тех же источников в XII—XV вв. вырабатываются типы надгробий, композиционно родственные древнерусским.

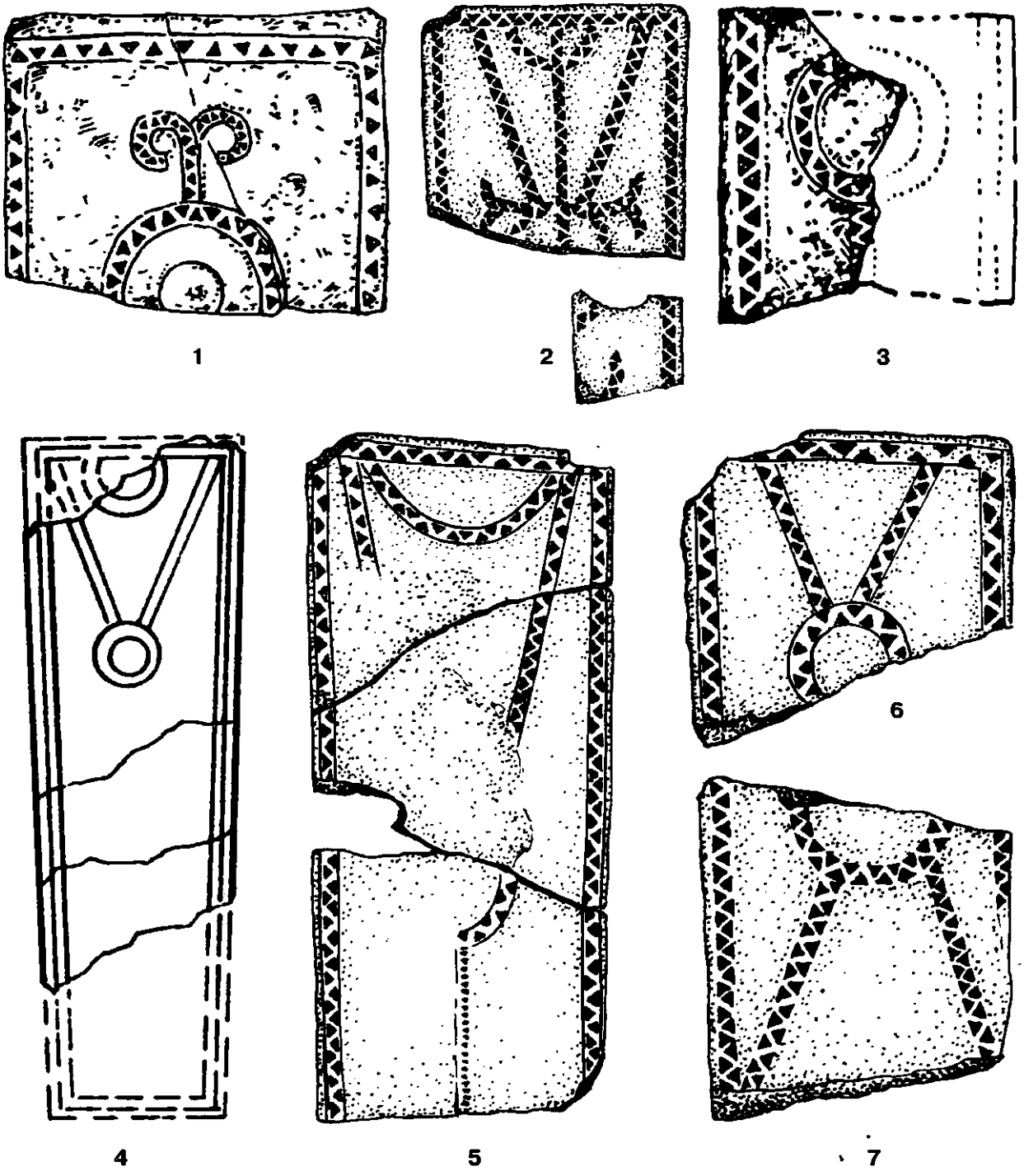
Вопреки слабому или опосредованному знакомству с первоисточниками, *скульпторы Северо-Восточной Руси создали вполне оригинальный в формальном отношении варинт основных композиций,* чрезвычайно близкий в то же время европейским аналогам последней трети I — начала II тысячелетия н. э.

Таким образом, запаздывая с точки зрения абсолютной хронологии на несколько столетий, древнерусский вариант плиты *стадиально и формально* (с точки зрения механизма усвоения и упрощения памятников раннехристианского искусства) примерно соответствует эпохе "варварских переработок" и "каролингского ренессанса". В то же время распространение надгробий — "досок" на Руси примерно совпадает по времени с эпохой умножения плоской надгробной плиты в Европе.

На плитах Европы раннехристианские детали остались не более чем рудиментами, быстро переосмыслявшимися и включавшимися в совершенно новые структуры уже в X—XI вв. На Руси "основные композиции", при всей

их внешней скромности, играли в оформлении надгробий главную роль в течение одного — двух столетий.

Особую роль в распространении и сохранении схемы "три круга" на Руси могла играть иконография Гроба Господня, сложившаяся в романском искусстве XII–XIII вв. и ориентированная на реальное оформление иерусалимской святыни. Она была хорошо знакома паломникам уже в XII веке и несомненно адекватно воспринималась русскими мастерами.

1. Крышка саркофага из Старой Рязани. Рязань. Городской краеведческий музей [*Ермонская,* 1978]; 2. Плита с Y-образной композицией [Кат. Бм № 9]; 3. Фрагмент крышки саркофага [Кат. Бм № 7]; 4. Плита с V-образной композицией из Кремля [*Шеляпина,* 1971]; 5–7. Плиты с Y-образной композицией [Кат. Бм №№ 12, 11, 10].

Plate XXVII. Early Anthropoid Patterns: 14th-century Russian Tombs. 1. Sarcophagus lid from Staraia Riazan'. Riazan' Museum; 2. Graveslab with Y-shaped pattern; 3. Sarcophagus lid. Fragment; 4. Graveslab with V-shaped pattern from Kremlin; 5–7. Graveslabs with Y-shaped pattern.

ГЛАВА 4
ФОРМИРОВАНИЕ АНТРОПОМОРФНОГО НАДГРОБИЯ
СЕРЕДИНА XIV — КОНЕЦ XV ВЕКА

Асимметрия в надгробиях Москвы XIV века

Говоря о восприятии русской надгробной резьбой художественных элементов, восходящих через памятники средневековой Европы и Византии, по меньшей мере, к раннехристианским образцам и к архаической восточно-средиземноморской орнаментике начала нашей эры, следует сознавать, что традиции эти дошли до Руси в уже чрезвычайно ослабленной, многократно трансформированной форме.

Поэтому странно ожидать от жителей средневековых городов и деревень сколько-нибудь полного осознания древней семантики, скрытой в орнаментальных формах. Мысленно восстановить и принять весь длинный генетический ряд форм сложно даже современному научному сознанию.

Подражательные воспроизведения плит с основными композициями мало что говорили как заказчику, так и местным мастерам. Они не могли распространиться по-настоящему широко. Этим же, видимо, объясняется сравнительная краткость существования таких композиций на Руси.

Кроме слишком размытой символики, ранние плиты имели целый ряд практических неудобств. Главным из них была четырехсторонняя симметрия. Она не позволяла, без специальной маркировки, — например, деревянного креста, — отличить изголовье. Необязательное для саркофага, стоящего внутри церкви, такое отличие было, видимо, существенным для могильной плиты.

Оба эти требования к надгробию легко удовлетворялись введением признаков сходства с пропорциями человеческого тела. Простейшим выходом стал отказ от прямоугольной формы плиты и от четырехсторонней симметрии

в орнаменте. Первым вариантом такой трансформации — сужение камня к изножию и упрощение его орнаментации в этой части.

Превратив верхнее поле плиты из прямоугольника в трапецию, мастера разорвали остатки связи с восприятием ее как части архитектурного сооружения (крыши храма), и сделали важный шаг к осознанию надгробия как подобия лежащей человеческой фигуры.

Новая композиция орнамента соответствовала изменениям формы камня и не была слишком сложной. Мастера в основном перегруппировали старые элементы, использовав и "ось", и "три круга". С изножия убрали один из кругов, здесь осталась только линия "оси". В изголовьи, наоборот, исчезла осевая разделительная линия, а сохраненная окружность придвинулась вплотную к торцу изголовья, частично даже "прячась" за его бордюром. Средняя окружность упрочила свое центральное положение.

В результате клеймо в торце могло теперь восприниматься как голова, а остаток разделительной оси обозначал ноги. Среднее клеймо, сколько можно судить по некоторым плитам XVI века, трактовалось как изображение живота, сложенных ладоней, пряжки пояса или даже чаши (о чем в следующей главе).

Простейшие элементы были дополнены специальными отрезками орнаментальных лент, которые отходили от среднего клейма и шли к торцу изголовья — обычно в углы бордюра ("плечи").

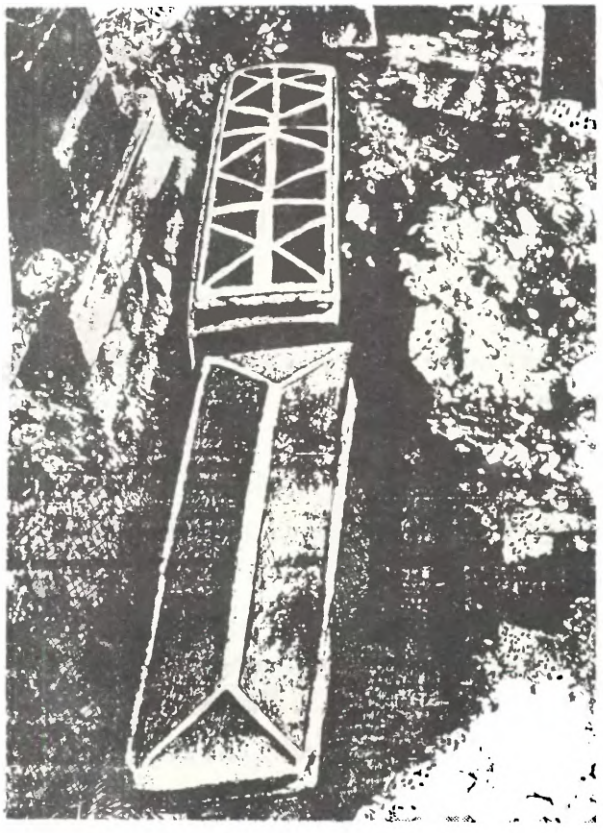
Нужно отметить, что конкретные решения плит этого типа, датирующихся скорее всего серединой — второй половиной XIV века, очень разнообразны. Например, каждое из четырех надгробий Богоявленского монастыря (Кат. БМ 9–13) нарезано по-иному и все они отличаются в деталях от аналогичной плиты из Кремля [*Шеляпина,* 1971. Рис. 1 : 9].

Табл. XXVII 2, 5–7

Это свидетельствует о неустойчивости композиции, — которую можно так и называть — "неустойчивая антропоморфная", — ее переходном характере, или о различных толкованиях орнамента (чего нельзя уже будет проследить в памятниках XV века).

Изучение генезиса конкретных элементов новой композиции требует не столько специального рассмотрения, сколько нескольких комментированных дополнений к сериям примеров, приведенных в предыдущей главе.

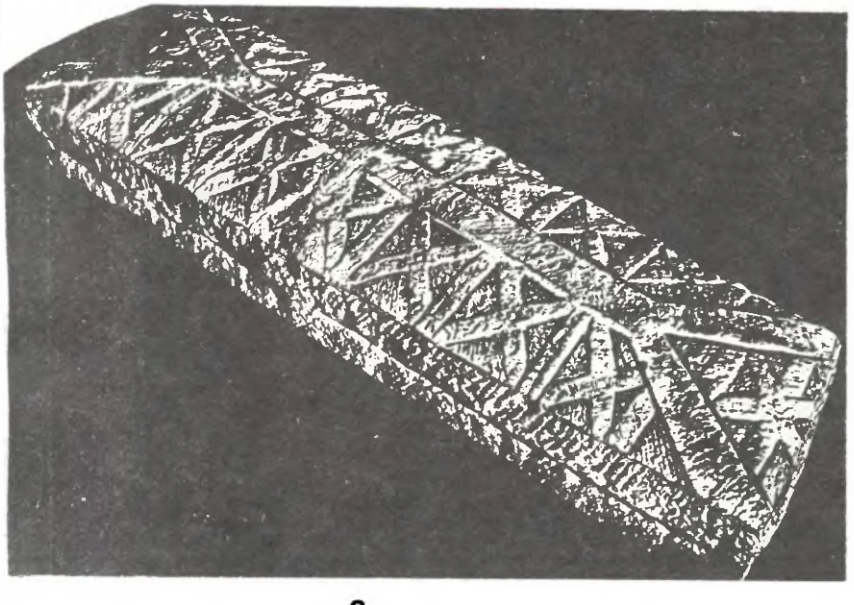
Можно думать, что расходящиеся прямые линия орнамента, идущие от центра плиты к углам изголовья, возникли как проекция боковых ребер четырехскатной крышки саркофага (аналогично тому, как "осевой" орнамент появился благодаря длинной центральной оси). Примеры подчеркивания ре-

1

2

3

4

1–4. Саркофаги, найденные при раскопках в соборе св. Петра в Вормсе. X–XI вв. [*Kautzch*, 1938].

Plate XXVIII. 1–4. Y-shaped Pattern in Rheinland: sarcophaguses from the excavations of St Peter Cathedral at Worms. 10–11th centuries.

бер, расходящихся от оси к углам изголовья (иногда также и к углам изножия) многочисленны как в реальных изделиях, так и в их изображениях раннесредневековыми и романскими мастерами Европы и Византии.

Табл. XXVIII–XXIX

Отметим крышку саркофага Билидруды из Вормса, XI века [*Fuchs*, 1991. № 12]; целый ряд саркофагов и надгробий Нижнего Рейна IX–XI вв. [*Kautzch*, 1938. Bd. 2. Taf. 159, 162, 165; *Grunewald*, 1991. Abb. 10; *Nisters-Weisbecker*, 1983. № 143, 146–149, 151–152, 162, 166]; знаменитую крышку из Дурхэма (Англия), где линии ребер нарезаны в тератологическом стиле [*Cramp*, 1984. Pl. 49, 50]; более поздние плиты XIII–XIV вв., у которых орнамент получает уже сложную растительную форму, а в изголовьи может быть высечен погрудный рельефный портрет [*Gresham*, 1968. Fig. 25].

Табл. XXXI 1

Табл. XXXIII 2

Типологически такая композиция скорее всего подсказывалась уже упоминавшимися крышками середины I тысячелетия с резным валиком вдоль скатов [*Larrien*, 1968; *Chatel*, 1981. Pl. 45; *Boube*, 1957. Fig. 27–28], и к ним восходила. Интересна широта распространения антропоморфного (с тремя скатами) варианта крышек саркофагов, достигавших в IV–VI вв. восточного побережья Черного моря [*Лордкипанидзе*, 1991. Табл. 33].

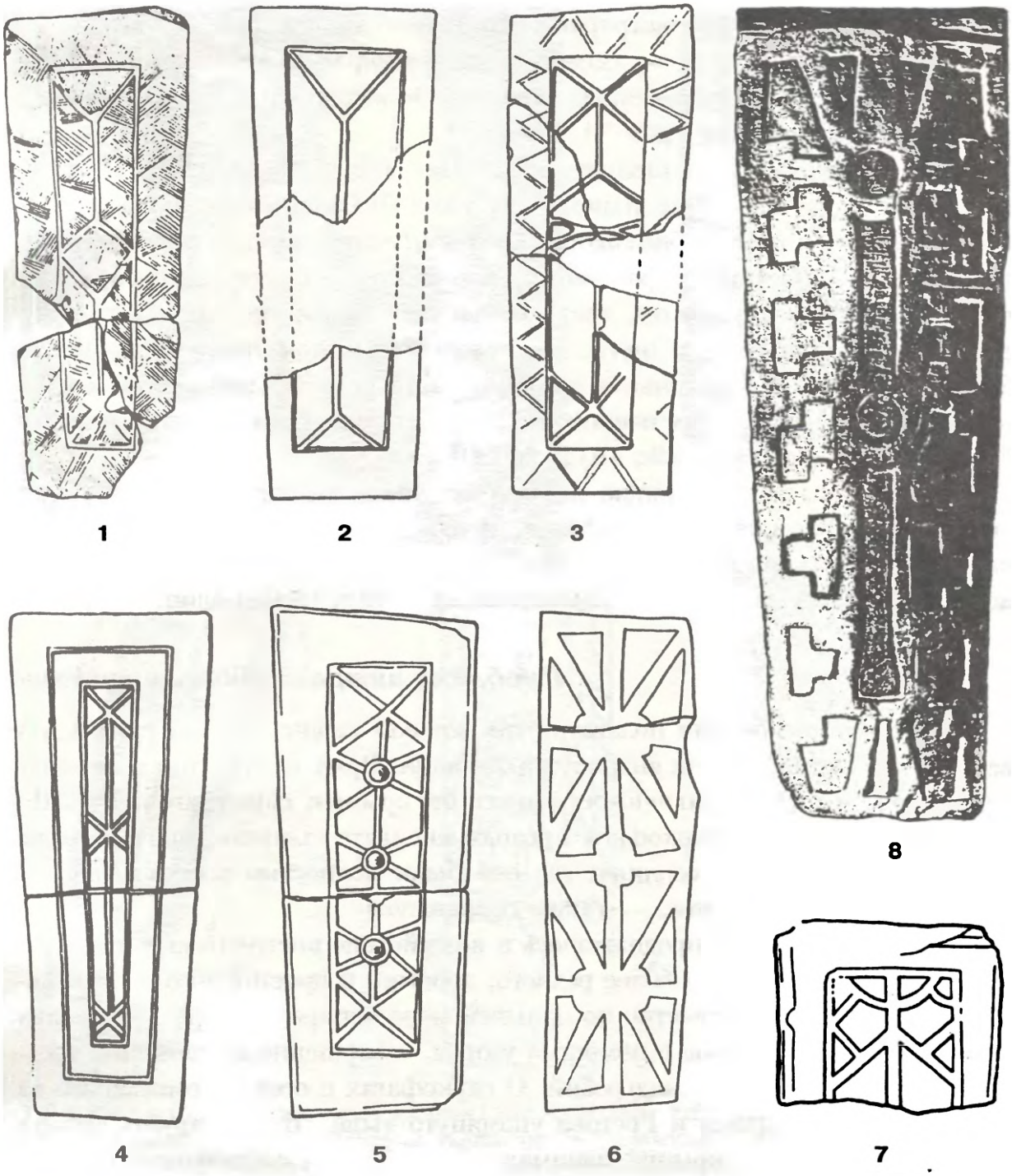
абл. XXX

Не менее, чем подлинные предметы, важна для нас фиксация процесса уплощения саркофагов в византийской живописи. Ее мастера, изображая трехмерные крышки в мозаике или миниатюре, предлагают весьма близкие решения.

Выше уже упоминалась миниатюра из рукописи Иакова Коккиновафского XII века, отчетливо показывающая и треугольники скатов, построенные на торцах крышек, и одно или три центральных клейма (Vat. Bibl. Cod. gr. 1162). Интересный вариант предлагает автор Псалтыри Барберини (Vat. Bibl. Cod. gr. 372. fol. 181r). Близки к нему изображения трехскатных крышек на мозаиках "Анастасис" из Дафни (конец XI века) и "Воскрешение Лазаря" из собора Монреаля (конец XII века) — с одним треугольником, упирающимся вершиной в кружок и отходящей к изножию осевой линией (что еще ближе орнаменту плит Москвы и соответствует антропоморфной схеме). [*Mende*, 1983. Abb. 110; *Frazer*, 1975. Fig. 6]. Наконец, укажем на схематические изображения крышек на бронзовых дверях базилики Сан Паоло в Риме 1070 г. (в сцене "Анастасис"), где треугольники превращены в трапеции, совершенно как на ряде московских надгробий [*Mende*, 1983. Abb. 89]. Интересно, что схема трехскатной крышки саркофага сохранилась и на фреске "Воскрешение Лазаря" Спасо-Мирожского монастыря в Пскове.

Табл. XXXI 4

Табл. XXXII

1–7. Надгробия и саркофаги VIII–XII вв. [*Nisters-Weisbecker,* 1983; *Grunewald,* 1991]; 8. Крышка саркофага Билидруды. XI в. Хеппенхайм, Вормс [*Fuchs,* 1991].

Plate XXIX. Y-shaped Pattern in Rheinland. 1–7. Tombs and sarcophaguses. 8–12th centuries; 8. Lid for the sarcophagus of Bilidruda, 11th century. Worms-Heppenheim.

Все эти примеры демонстрируют, что способ уплощенной передачи объема саркофаговых крышек — именно такой, какой мы наблюдаем на плитах, — был весьма распространенным приемом в изощренном художественном языке византийских мастеров XI–XII вв.

Особый интерес представляет плита (Кат. Бм № 9), найденная в Богоявленском монастыре. Она напоминает тот тип европейских погребальных памятников, на которых образованный ребрами скатов четырехконечный крест типа андреевского (при сохранении осевой линии — шестиконечный) соединялся с центральным кругом, часто украшался завитками, мог иметь загнутые, "процветшие" края и другие дополнения. При этом орнаменты обретали сильное сходство с окованными гробами, часто встречающимися на раннесредневековых европейских некрополях, и с реликвариями типа ларца второй четверти XII века [*Beckwith*, 1972. № 90].

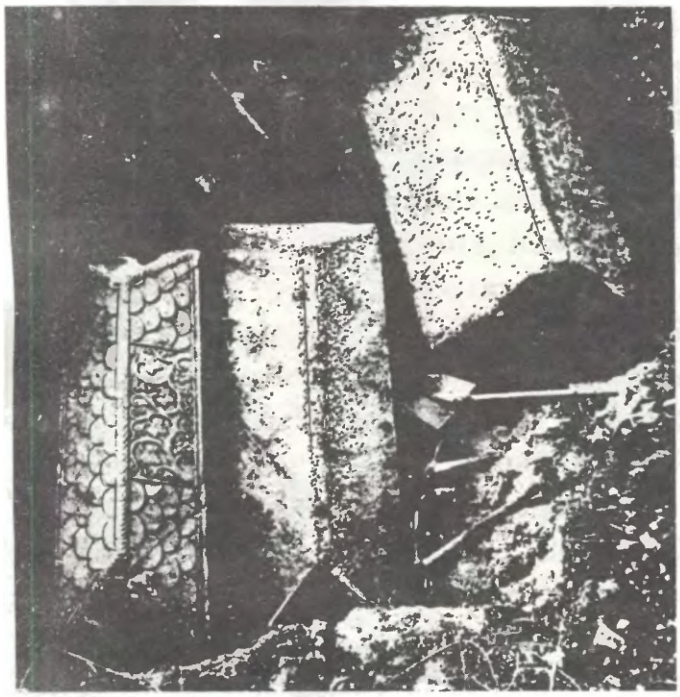
Утратив четырехстороннюю симметрию, такие композиции обычно теряли и связь с оформлением саркофагов, приобретая зато гораздо большее сходство с человеческой фигурой. Многие черты, однако, роднят плиту из Богоявленского монастыря именно с крышками каменных гробов-ящиков.

Проблема антропоидных саркофагов

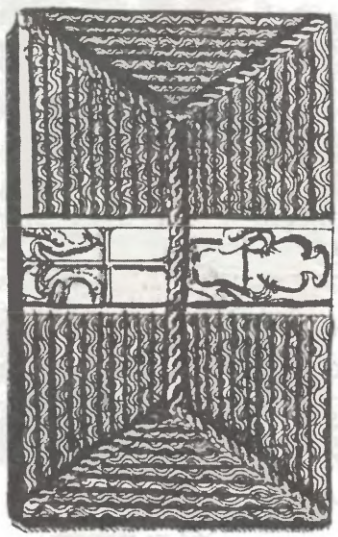
Итак, есть основания полагать, что основой видоизменения плит в XIV веке была их сознательная антропоморфизация. Вряд ли при этом был исчерпан вопрос исходной зависимости плит от крышек саркофагов. В XIII–XV вв. белокаменные саркофаги продолжали изготавливать, причем традиция помещать их в аркосолиях, где они были полностью доступны обозрению, или вровень с полом, — также сохранялась.

Можно думать, что продолжалось и воздействие внешнего вида сакрофага — сооружения гораздо более редкого, дорогого и престижного — на орнаментацию плит. Нам известно по меньшей мере четыре примера оформления крышек каменных гробов с помощью узоров, совершенно аналогичных трехгранно-выемчатой резьбе надгробий. О саркофагах с осевой композицией на крышке из Переяславля и Ростова упомянуто выше. В двух других случаях центральное место на крышке занимал крупный круг, соединенный с торцевым бордюром (Кат. Бм № 7) или имеющий процветшие отростки (Старая Рязань).

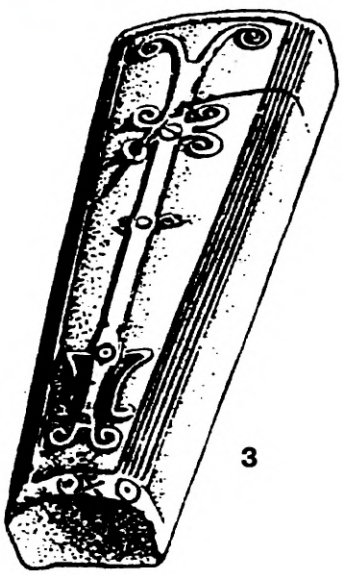
Рискну указать на сходство этих камней с крышками — мензами благодаря подчеркнуто центральному положению их единственного "клейма". Во

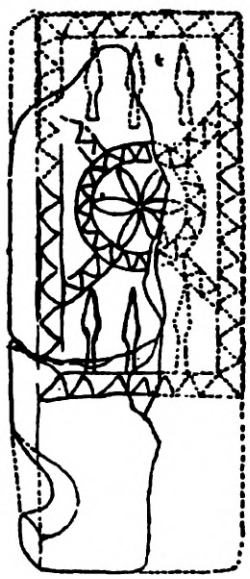
1

2

3

4

5

1. Чешуйчатая крышка саркофага. Середина I тыс. Аквитания. Вид в процессе раскопок. [*Larrieu*, 1968]; 2. Крышка саркофага с ребрами, украшенными "веревочкой". Южная Франция. [*Chatel*, 1981]; 3. Крышка саркофага с крестообразной композицией, имитирующей металлическую оковку. Эпоха Меровингов. Франция. [*Salin*, 1952]; 4. Надгробный камень с бордюром, центральным кругом и четырьмя "ребрами", выполненными "змейкой". Середина 1 тыс. Испания. [*Puig-i-Cadafalch*, 1961]; 5.Чешуйчатая крышка мраморного саркофага. Конец V–VI вв. Аквитания (?). Париж, Лувр. [*Perin*, 1985];

Plate XXX. Y-shaped Pattern in Gallia and Spain. 1. Sarcophagus lid. Mid-first millenium. Aquitania; 2. Sarcophagus lid. South France; 3. Sarcophagus lid. Merovingian period. Saint-Jean-des-Vignes, Saone-et-Loire; 4. Graveslab. Mid-first millenium. Spain; 5. Marble sarcophagus lid. Late 5–6th centuries. Aquitania (?) Louvre, Paris.

всех этих случаях, сколько можно судить, крышки саркофагов были плоскими и прямоугольными, они не имели формального подобия человеческой фигуре — как и близкая им плита из Богоявленского собора (Кат. Бм № 9).

Однако известны и безусловно антропоморфные саркофаги, или саркофаги с выраженным оглавьем — причем, как считается, гораздо более ранние (XII век). Вопрос их появления важен для нашей темы, поэтому, не предлагая здесь полной разработки, все же затронем его — тем более, что недавно он был необычайно удачно поставлен Т. Д. Пановой. Материал, собранный исследовательницей, убедительно показал, что подавляющее большинство антропоморфных (антропоидных) саркофагов Руси изготовлено в период с конца XIV по XVII вв. Есть, однако, два случая находок таких саркофагов в Северо-Восточной Руси, которые относят к XII веку [*Воронин,* 1947. С. 78–83; *Дубынин,* 1945. С. 91–99]. Их появление объясняли влиянием романских надгробий, но, по мнению Т. Д. Пановой, столь ранних экземпляров нет и в Европе.

Для объяснения "опережающего" появления новой формы гроба на Руси была предложена гипотеза усвоения ее не через Европу или даже центральные области Византии, а непосредственно с Востока, через христианские государства Кавказа (что подтверждалось опять-таки двумя находками IV–VI вв. с побережья Абхазии). [*Панова,* 1988].

Это несомненно остроумное решение, к сожалению, опиралось всего на два хронологических исключения из массы находок саркофагов на Руси. Поэтому стоит обратится к материалу еще раз — в основном для того, чтобы проверить исходную датировку всей конструкции.

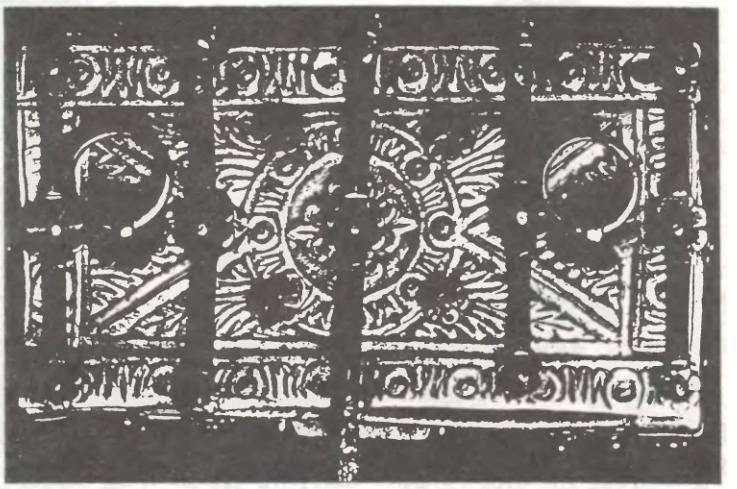
Сразу отметим, что в Западной Европе все же можно указать ранние антропоморфные саркофаги, датирующиеся XII, XIII и XIV вв., хотя они и не очень многочисленны [*Leopold,* 1991. Fig. 15; *Leopold, Schubert,* 1984. № 306; *Informations,* 1983. Fig. 19; *Rigaud,* 1988. Fig. 17; *Delahaye,* 1987]. Здесь распространены также обкладки из плит по форме тела и гробы с расширенным или округленным изголовьем, нишкой для головы, и т. п., которые уходят в глубину I тысячелетия н. э. Обкладки близкого рисунка известны повсюду в Средиземноморье вплоть до Крыма [*Фирсов,* 1990. Рис. 81].

Табл. XXXIV 2

Прекрасным доказательством раннего знакомства романских мастеров с антропоидной формой гроба может служить саркофаг св. Изарна (†1048 г.) из аббатства Сен Виктор (Марсель). Его крышка имеет округлые торцы, средняя часть прямоугольна и несет длинную надпись. В торцах изображены рельефом голова, плечи и босые ноги аббата. Упрощенные варианты такой

1

2

3

4

1. Надгробие с крышкой, разделенной на три панели. Конец X–XI в. Собор в Дурхэме, Англия. [*Cramp*, 1984]; 2. Реликварий из слоновой кости. Англия. Вторая четверть XII в. Музей Виктории и Альберта, Лондон. [*Beckwith*, 1972]; 3. Воскрешение Лазаря. Мозаика собора в Монреале. 1180–1190 гг. [*Mende*, 1983]; 4. Сошествие во ад. Бронзовые двери базилики Св. Павла в Риме. 1070 г. [*Mende*, 1983].

Plate XXXI. Y-shaped Pattern in Art. 1. Grave-cover with a central ridge, divided into three panels. From very late 10th to late 11th century. Durham Cathedral, England; 2. Casket of bone. England. Second quarter of the 12th century. Victoria and Albert Museum, London; 3. Resurrection of Lazarus. Mosaic from Dom Monreale; 4. The Anastasis. Basilika San Paolo fuori le mura, Rome.

композиции есть и в галло-романском искусстве [*Porter,* 1923. V. 1. P. 32–33. V. 9. № 1278; *Hearn,* 1981. P. 64. Fig. 41; *Adhemar,* 1939. P. 236. Fig. 87). Очень важны также изображения антропоидных гробов с оглавием, которые встречаются уже в XI веке. Например, в сцене погребения св. Стефана на капители колонны апсиды церкви в Любержаке (Luberzac, Correze) [*Porter,* V. 8. № 1241].

Табл. XXXIV 1 Известны большие серии антропоморфных саркофагов и у южных славян, прежде всего в Боснии, где одновременно встречаются и деревянные, и каменные образцы с оглавиями, суженными изножиями и т. п. [*Прокић,* 1970. Црт. 1; *Zeravica,* 1982. Tab. I–II]. Они датируются XIV–XV вв. и вряд ли могут рассматриваться как заимствования древнерусских или восточных форм.

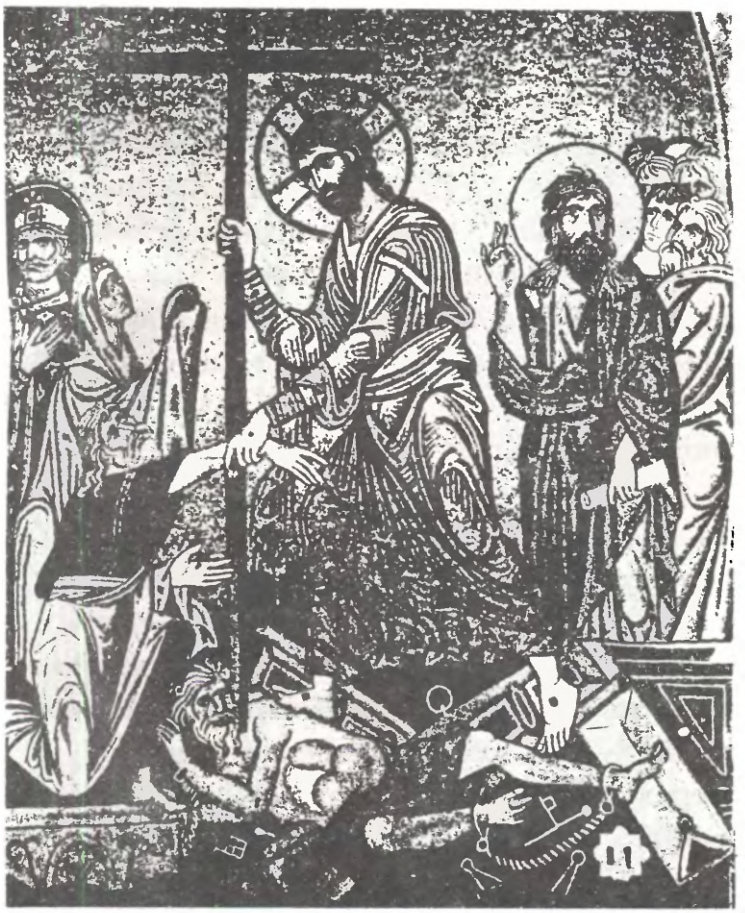
Табл. XXXV 3

Очевидно, причина предпочтения в Европе каменных ящиков с внутренней нишкой — не в отсутствии интереса или незнакомстве с древневосточным типом гроба, а, скорее всего, в неудобстве сочетать округлый ящик и традиционную четырехугольную скатную крышу. [Посмотрим на редкий пример такого сочетания и убедимся, что это действительно неудобно: *Vego,* 1957. Tab. IV]. Добавим, что сложные формы гробов, предназначенных для закапывания в землю, европейским мастерам приходилось тесать из твердых пород камня, — гранита, мрамора, — в то время как на Руси использовали мягкий известняк.

Важно отметить, что и на Руси ранние формы гробов простой ящичной формы (или со скатными крышками) абсолютно доминируют. Их постоянно обнаруживают при раскопках, — чего отнюдь не происходит с антропоморфными. В Киевской земле известны только прямоугольные саркофаги. Ящичных гробов все больше находят на территории Галицко-Волынского княжества. Они безусловно преобладают на Северо-Востоке, причем во многих городах. Последние работы в Ростове обнаружили целую группу саркофагов XIII — начала XIV века, — но среди них нет ни одного антропоморфного или хотя бы расширенного к изголовью.

Иными словами, две сделанные пятьдесят лет назад находки XII(?) века упорно остаются одинокими, а главное — между ними и распространением антропоморфных саркофагов на Руси сохранятся промежуток в два столетия.

Есть еще один аргумент, противоречащий ранней датировке. Неясность стратиграфии. Найденные Н. Н. Ворониным и А. Ф. Дубыниным погребения в саркофагах не содержали датирующих предметов. Поверхность крышки в

1

2

3

1. Сошествие во ад. Византийская мозаика. Конец XI в. Церковь Коимесиса, Дафни. [*Frazer,* 1975]; 2. Сошествие во ад. Псалтырь Барберини. Ватиканская библиотека. Cod. gr. 372, fol. 181r. [*Mango,* 1963]; 3. Страшный суд. Миниатюра из "Слов Иакова Коккиновафского". Вторая четверть XII в. Ватиканская библиотека. Cod. gr. 1162. [*Mango,* 1963].

Piate XXXII. Sarcophagus Lids with Y-shaped and V-shaped Patterns in Art. 1. Anastasis. Byzantine mosaic, late 11th century. Church of the Koimesis, Daphni; 2. The Anastasis. Vatican. Biblioteca. Barberini Psalter. Cod. gr. 372, fol. 181r.; 3. The Last Judgement. Book of sermons in honor of Mary by the monk Jacob of Kokkinobaphos. Vatican. Biblioteca. Cod. gr. 1162. Second quarter of 12th century.

обоих случаях соответствовала отмосткам, которые авторы исследований связывали со строительством середины XII века, но которые использовались потом весьма долго. Разумеется, саркофаги были врезаны в эти поверхности, а не принадлежали к ним изначально. Когда — точно ответить трудно, но позже времени сооружения отмосток. Середина XII века в обоих случаях — terminus post quem, и не более. (Авторы публикаций взаимно увязывают датировки, что отнюдь не делает их прочнее. Саркофаг из Суздаля к тому же имеет составную из двух кусков крышку, а это характерно для поздних образцов).

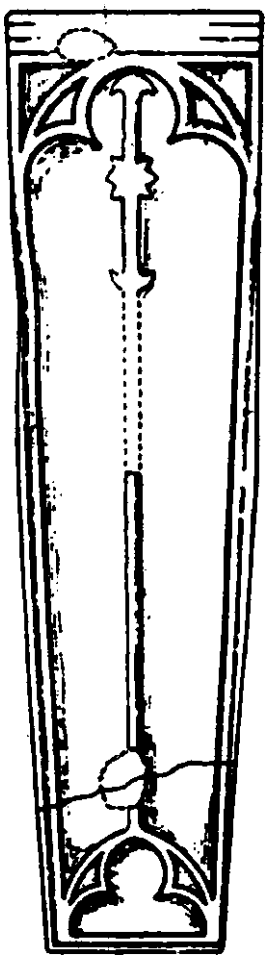
Думается, уже накопились основания, если не отказаться полностью от предложенной ранней даты, то, по крайней мере, усомниться в ней.

Рассмотрим саркофаги Суздаля и Боголюбова вместе с известными нам надгробиями. Может быть, правомерно не только судить о развитии плит, соотнося их с формой саркофага, но и наоборот? Надгробия отражали форму крышки. Если у нас пока нет плит XII–XIII вв. с антропоморфной композицией, осторожнее было бы предположить и отсутствие в тот период подобных им саркофагов. Напротив, кажется логичным одновременное, взаимно обусловленное появление в конце или середине XIV века антропоморфных саркофагов и плит аналогичных композиций.

Если мы утратим необходимость как-то объяснять черезчур раннее появление антропоморфных каменных гробов на Руси, у нас не будет причин рисовать особый, восточный путь их проникновения.

Не отрицая возможности знакомства русских мастеров с антропоидными гробами где-то на Кавказе или в Крыму, напомним об отсутствии этих форм на таких важных группах восточно-христианских памятников, как, скажем, монастыри Киликии и, вообще, на крайнюю немногочисленность таких сооружений в I тысячелетии н. э. и заметное оживление интереса к ним именно в Европе и на Руси в XIV–XV вв. [*Teteriatnikov,* 1984. P. 141; *Snively*, 1984. P. 117; *Curcic,* 1984. P. 175].

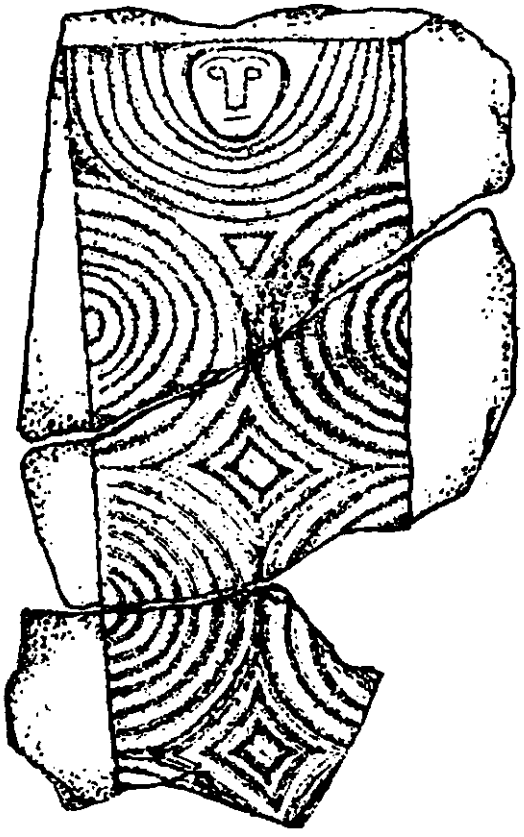
Причина распространения и необычайного умножения древнерусских антропоморфных саркофагов, их упорное сохранение вплоть до конца средневековья, столь хорошо показанное Т. Д. Пановой, имела гораздо более серьезные корни, чем простое знакомство с подобным типом сооружений благодаря восточным или западным контактам. Она сродни причинам быстрого внедрения в европейское искусство "портретных" памятников, и ее можно понять, если рассматривать саркофаги не изолированно, а в контексте всей художественной культуры позднесредневековой Европы.

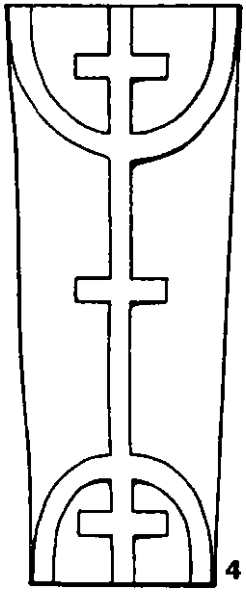
1

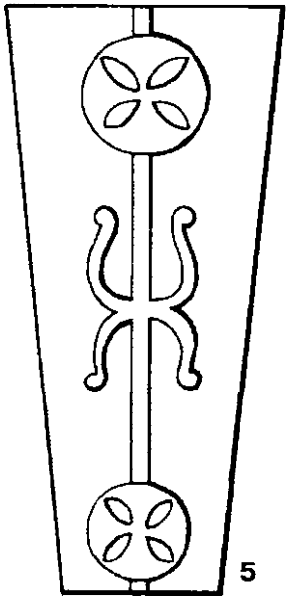
2

3

4

5

1. Надгробие XIII в. Ривенхолл. [*Butler, Rodwell,* 1993]; 2. Трансформация Y-образной композиции в декоративный рельеф с элементами скульптурного портрета. Плита принцессы Джоан, † 1237. Бемари (Beamaris), Англия. [*Gresham,* 1968]; 3. Мраморное надгробие из приората св. Фридесвиды. Оксфорд. Начало XII в. [*Blair,* 1989]; 4–5. Надгробия XI–XII вв. Восточный Мидлэнд. [*Butler,* 1964. *Platt,* 1981].

Plate XXXIII. Evolution of Anthropoid Patterns. 1. Medieval graveslab. 13th century. Rivenhall, England; 2. Semi-effigy of Princess Joan, † 1237. Beamaris, England; 3. Marble graveslab from St. Frideswide's Priory, Oxford. Early 12th century; 4-5. Decorative compositions of the graveslab sculpture of England. 11–13th centuries.

Общеевропейская тенденция позднего средневековья — тенденция гуманистическая, выражающаяся во "всеобщей и полной антропоморфизации" предметного и духовного мира, и, в первую очередь, — его семантически значимых элементов. Применительно к надгробию можно смело говорить о ярко выраженном увлечении внешним обликом человека. Появляется портретная скульптура, чаще всего — в виде лежащих на спине фигур. Быстро формируются ее аналоги в плоском рельефе, мозаике, живописи, литье из меди [*Bauch,* 1976; *Herklotz*, 1990].

Конечно, эти типы памятников оставались недоступными, а в большой степени — и неизвестными Московской Руси. Однако близкие по существу гуманистические идеи воплощали здесь в присущих московской культуре формах. Среди индивидуальных погребальных сооружений такими формами стали антропоидные саркофаги и плиты. Они были не единственными (вспомним о нагробных иконах, фресках, покровах), но важными соответствиями западноевропейскому портретному (скульптурному или рельефному) надгробию вплоть до начала XVIII века. Отсюда — чрезвычайная, в сравнении с любыми другими территориями, распространенность на Руси антропоморфных саркофагов.

Европейская погребальная традиция, располагая в изобилии скульптурными или рельефными памятниками, просто не нуждалась в таком количестве антропоидных гробов. Если сопоставлять антропоморфные погребальные сооружения Московской Руси с памятниками Западной Европы, то надо учитывать и общий объем производимых там надгробий, копирующих человеческую фигуру. В этом случае разница не будет столь существенной.

Говоря о единых тенденциях в развитии памятников Руси и Европы, упомянем постепенное умножение плоских надгробий с врезанным в плоскость орнаментом или очень низким рельефом. Они были доступнее других видов памятников и удобны при укладке на уровне пола внутри церкви.

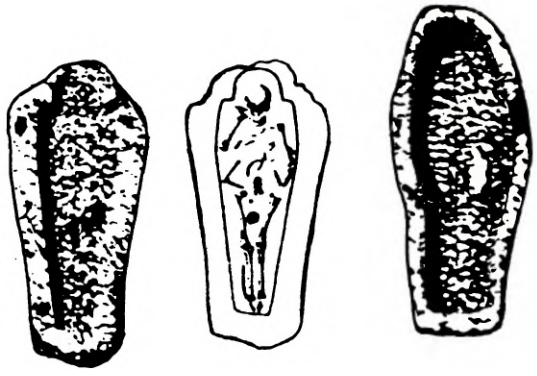
Итак, наблюдаемые в надгробных памятниках Руси XIV — начала XV века формальные перемены, протекали фактически в русле общеевропейского художественного процесса, и даже были ему синхронны, — каким бы скромным не казалось его отображение в далеком зеркале русской культуры. Однако это были лишь первые шаги становления антропоморфной композиции. В сложении ее окончательного, устойчивого варианта большую роль сыграли форма и семантика рельефных надгробий Северо-Запада Руси, которые нам предстоит теперь рассмотрсть.

1

2

3

1.Погребение св. Стефана. Капитель колонны. Любержак, Коррезе (Correze). [*Porter,* 1923]; 2. Гробница св. Изарна, аббата Сен-Виктор, † 1048 г. Марсель, Музей Борельи. [*Porter,* 1923]; 3. Каменные антропоморфные саркофаги Боснии XIV в. [*Zeravica,* 1982].

Plate XXXIV. Anthropoid Sarcophaguses of Romanesque Period. 1. Burial of St. Stephen. Capital of exterior of apse. Luberzac (Correze); 2. Stone tomb of Abbot Isarn, † 1048. Abbey of Saint-Victor. Marseiles, Musee Borely; 3. Stone anthropoid sarcophaguses from Bosnia, 14th century.

Рельефные надгробия Северной Руси

Плиты с рельефными изображениями крестов (посохов?) в форме буквы Т или близкие к ним ("тверского типа") — обратили на себя внимание даже раньше, чем резные надгробия северо-восточных земель. Первая научная их публикация вышла еще в 1888 г. и принадлежала А. К. Жизневскому. Два кладбища с такими плитами были описаны Н. Е. Макаренко. Их упоминали А. А. Спицын и В. А. Плетнев.

Тем не менее, сейчас плиты "тверского типа" известны нам хуже других видов памятников. Целенаправленная работа по исследованию средневековых некрополей Русского Севера еще не проводилась, она остается одной из самых насущных задач нашей археологии.

Попытка собрать все известное об этих интереснейших памятниках и попытаться понять их место в общей истории надгробия была сделана ровно через столетие после публикации А. К. Жизневского [*Беляев,* 1988]. Многое в этой работе уже сказано и здесь можно ограничиться общими выводами, изменениями и дополнениями, которые появились за последние годы.

К настоящему времени опубликовано едва ли два десятка плит "тверского типа". В самой Твери описано 9 находок, упомянуты плиты в Старице, Зубцове, посаде "Погорелое Городище" и в окрестных селах [*Жизневский,* 1888. С. 27–31]. Еще две — на Опокском городище (ниже г. Ржева) и "в полуверсте ниже г. Старицы", причем в обоих случаях сказано о кладбищах с большим количеством аналогичных камней [*Макаренка,* 1904. С. 80–81]. Ряд кладбищ с плитами назван в сводке памятников В. А. Плетнева, однако без описания конкретных образцов [*Плетнев,* 1903. С. 71–72, 101, 109–111, 113, 127–128, 137, 143–146].

Табл. XXXV 2–4

Табл. XXXVI 1, 3

Недавние исследования Старицы обнаружили одну плиту с Т-образным крестом и одну — с рельефной "осевой" полосой на некрополе, ранние могилы которого датируются XIV веком (раскопки Е. Л. Хворостовой в 1988 г.). Очень плоский камень с рельефным рисунком креста с двумя спиралевидными перекладинами был найден на территории старицкого кремля и поступил в собрание МиАР в 1967 г. [*Попов, Рындина,* 1979. С. 588].

Табл. XXXV 1

До недавнего времени такие плиты находили только в Тверской земле, на Верхней Волге. Однако затем был обнаружен один экземпляр в Ферапонтове монастыре (раскопки П. М. Алешковского в 1982 г.) и два экземпляра — в Белоозере (материал не опубликован).

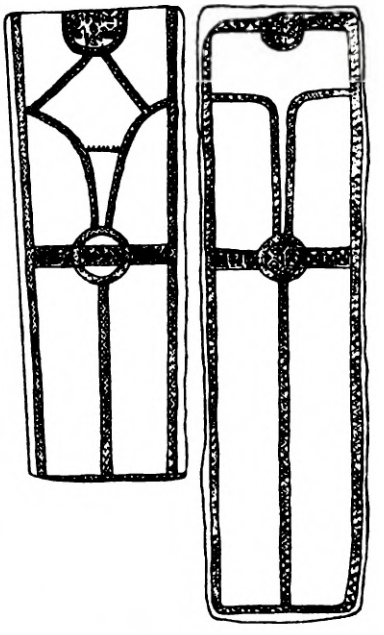
Это заставляет предполагать более широкое распространение рельефных надгробий на Русском Севере, хотя исходным районом их возникновения,

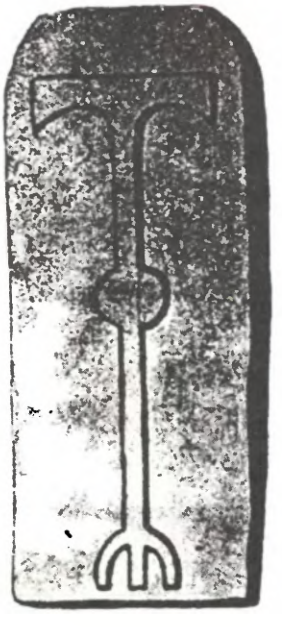
1

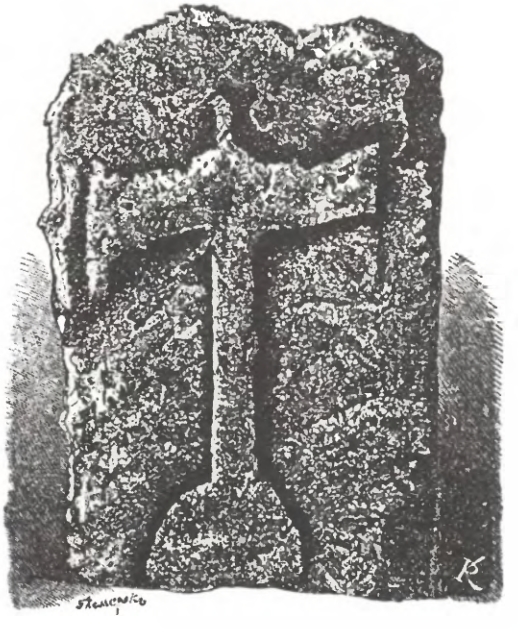
2

5

3

4

1. Плита Ивши Ободаева. Ферапонтов монастырь [см. экскурс 2]; 2. Надгробие А. И. Острожева (1499 г.) [*Жизневский,* 1988]; 3–4. Надгробия из Твери и Старицы [*Жизневский,* 1988. *Макаренка,* 1904]; 5. Надгробия (митрополитов Киприана и Фотия?) в Успенском соборе Кремля [*Шеляпина,* 1973]

Plate XXXV. The 15–16th-centuries graveslabs with relief and carved Tau-crosses. 1. The graveslab of Ivshi Obodaev from Ferapontov monastery; 2. The graveslab of A. I. Ostozshev (1499); 3–4. The graveslabs from Tver and Staritsa; 5.The graveslabs (of the Metropolitans Kiprian and Fotii?) from the Assumption Cathedral in Kremlin.

видимо, была все же Тверь. Напомним, что именно отсюда поступал камень на Вологодчину. Например, при строительстве церкви в Спас-Каменном монастыре на Кубенском озере (1481 г.), как отмечает "Сказание о его начале": "Камень... возили изо Твери и из Старицы городка" [*Прохоров,* 1991. С. 161].

Малочисленность и случайность находок затрудняют датировку плит севера и северо-запада в еще большей степени, чем резных надгробий Переяславля, Ростова и Москвы. Точные даты имеют надписанные камни — но все они, как и на северо-востоке, не ранее конца XV века. Древнейший имеет обронную надпись с датой 7007 (1499) г., следующий за ним — 7028 (1520) г., два других — 7048 (1540) г. Все они в Твери [*Жизневский,* 1888. №№ 45, 46. С. 31]. Более поздних камней этого типа мне неизвестно.

Следует заметить, что в этот же период на Верхней Волге появляются плиты с резной орнаментикой московского типа [*Жизневский,* 1888. № 49; *Макаренка,* С. 90].

Поскольку на материалах других областей доказано гораздо более раннее появление надгробий, чем надписей на них, — нет оснований датировать плиты Твери исключительно XVI веком. Уже сведения о появлении таких надгробий в Ферапонтове и привозе камня с Верхней Волги на Кубенское озеро в начале 1480-х гг. показывают вероятность существования традиции во второй половине XV века. Если исходить из мысли о связанности производства надгробий с началом строительства из камня, — то можно предположить их появление даже в конце XIII — начале XIV века.

Разумеется, эта гипотеза требует археологических доказательств, но иконография памятников Запада, как будет показано ниже, способна ее поддержать.

Изображения трехконечных крестов/посохов: генезис и семантика

Что же изображено на рельефных плитах? В статье 1988 г. была разработана тема посоха как важного, семантически многослойного знака (священства, власти, защиты, пути, бедности и др.). От этого подхода нет причин отказываться и сейчас, тем более, что подобран ряд несомненных аналогов уже не только в надгробиях Боснии, но и в армянских памятниках Крыма XIV–XV вв., в романских надгробиях Западной Европы, и особенно, — в цистерцианских плитах Англии.

1

2

3

1, 3. Плиты из Твери. [*Жизневский,* 1888]; 2. Плита 1522 г. из Москвы. [*Арциховский,* 1936];

Plate XXXVI. Russian 14–16th-centuries graveslabs with Tau-cross. 1, 3. The graveslabs from Tver'; 2. The graveslab from Moscow, 1522.

Например, в полу собора монастыря Сурб-хач (вблизи древнего Солхата, г. Старый Крым) обнаружены плиты с рельефным изображением посоха или креста с очень длинной, тонкой мачтой и маленьким перекрестьем [*Беляев,* 1991. Табл. 2. рис. 8–9]. В связи с этим можно напомнить одно из бытующих названий Т-образного креста — "армянский" [*Постникова-Лосева,* 1983. С. 43].

Табл. XXXVII 6

Посох/жезл был одним из наиболее часто изображаемых предметов в надгробной пластике Европы — как знак епископского или игуменского сана. Обычно его клали и в могилу. В большинстве случаев такой жезл имеет форму пастушеского посоха с крючковатой или спирально закрученной вершиной и "яблоком" [Германия: *Nikitsch,* 1993. № 102; *Neumullers-Klauser, 1992.* №№ 9, 137, 164; *Neumullers-Klauser, 1983.* №№ 60, 156, 273; *Neumullers-Klauser, 1977.* № 238; *Neumullers-Klauser, 1970.* № 101; и др.; Англия: *Gilyard-Beer,* 1983. Fig. 1; *Butler,* 1987. Tab. 2; Франция: *Saint Bernard,* 1990. № 98, 168, 180]. В ранний период, до XI века, встречалась и Т-образная форма.

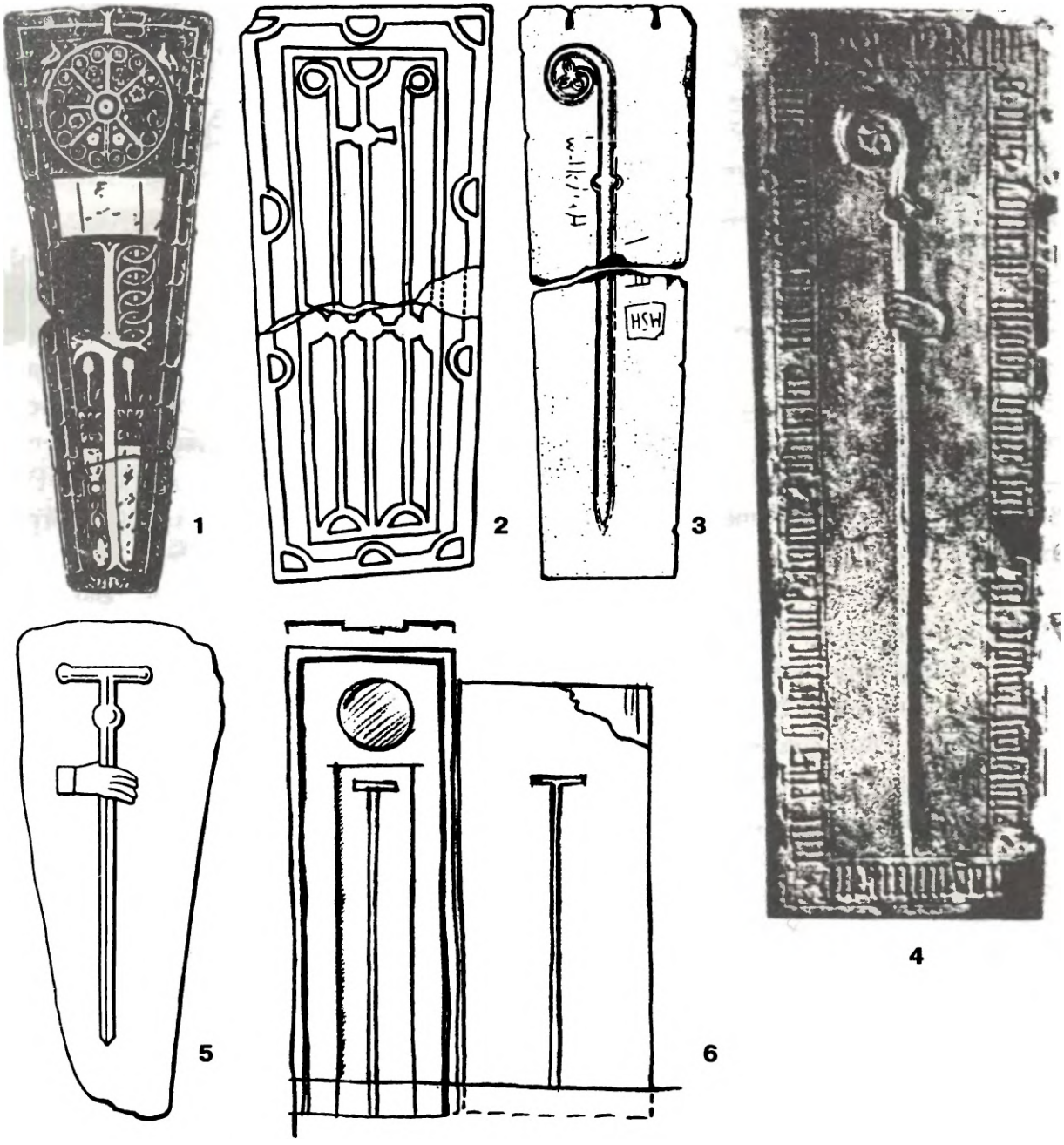
Табл. XXXVII 1–4

Посох часто изображается вместе с держащей его рукой — это важная деталь, поскольку известны несколько цистерцианских надгробий XII–XIII вв., на которых рука сжимает не обычный посох с округлым завершением, но именно Т-образный с небольшим круглым "яблоком" [Butler, 1993. P. 245. Fig. 2 C; Cutts, 1849].

Табл. XXXVII 5

Как известно, именно цистерцианцы — архитекторы и строители — стали главными распространителями раннеготических технических приемов и форм. Их влияние достигало восточных областей Польши и Литвы, западных русских земель. Поэтому родство некоторых изображений на каменных надгробиях в цистерцианских монастырях Англии и Тверской земли не кажется случайным. Сходство же русских крестов с поклонными и могильными крестами Северной Европы отмечал уже А. А. Спицын в начале нашего столетия.

Итак, "тверские плиты", несущие Т-образные знаки, обнаруживают прямое родство с миром позднероманской и раннеготической нагробной символики, распространявшейся интернациональными по составу группами мастеров из монашеских орденов. Конечно, такая иконография могла быть принесена в верхневолжские земли в XIII–XV вв. выходцами из Боснии — где, кстати, прослеживается сильное влияние ордена базилиан, чьим воздействием уже пытались объяснить появление знака посоха на памятниках Балканского полуострова [*Beslagic,* 1967. S. 247–249; *Miletic,* 1957]. Но подобные изображения могли прийти и с Запада — через тесно связанную с Тверью Литву,

1. Крышка саркофага из Отиньи (Виень). Эпоха Меровингов. Франция. [*Salin,* 1952]; 2. Надгробие священнослужителя. Нижний Рейн. [*Nisters-Weisbecker,* 1983]; 3, 5. Надгробия аббатов цистерцианских монастырей. Середина XII — начало XIV в. Англия. [*Butler,* 1993. *Gilyard-Beer,* 1983]; 4. Надгробие епископа монастыря Шонау Конрада II из Гильдесгейма. † 1249 г. [*Neumullers-Klauser,* 1970]; 6. Надгробия с Т-образными крестами в полу перед алтарной преградой собора армянского монастыря Сурб-Хач (близ г. Старый Крым). XIV–XV вв.

Plate XXXVII. West-European Tombs with a Crozier or Tau-cross. 1. Sarcophagus lid from d'Autigny (Vienne); 2. Priest's tomb. Rheinland; 3, 5. "Hand and Crozier" at the Cistercian Abbots` grave-slabs. England. 1250–1300; 4. Tomb of bishop of Schonau Kloster Konrad II von Hildesheim, † 1249; 6. Graveslabs with Tau-cross from the Armenian monastery Surb-Khach, Crimea. 14–15th centuries.

Табл. XXXVIII

западнорусские земли в ее составе, и даже через Новгород, наверняка хорошо знакомый с "крестом святого Антония", как именовался Т-образный знак в позднем средневековье.

О причинах возможного интереса к его символике на Севере и Северо-Западе Руси скажу позднее, сейчас же необходимо закончить рассмотрение формальных соответствий между плитами "тверского типа" и западноевропейскими аналогами.

Хочется подчеркнуть не менее существенную связь крестов-посохов с уже разбиравшимся мотивом осевой линии на крышке саркофага и ее деривата-ми. На основе центрального ребра-валика искусство рубежа I–II тысячелетий н. э. выработало всевозможные, часто очень сложные формы крестов, трансформируя их и в крестоподобные (формально и семантически) фигуры — чаще всего: меч, копье, дерево [*Butler,* 1964; 1987; *Grescham,* 1968. Fig. 32]. Литература по предмету чрезвычайно обширна. [Краткая библиография: *Rodwell,* 1981; 1989; *Powell,* 1990].

Семантически все эти формы, в конечном счете, подчинялись теме Распятия и символу креста. Среди них можно легко найти прямые аналоги "тверским" изображениям, что говорит не обязательно о связях, но скорее — о параллельном развитии, исходящем из общей раннесредневековой подосновы — крышки саркофага с осевой линией, четырехскатной кровлей и кругом (или кругами) по центру.

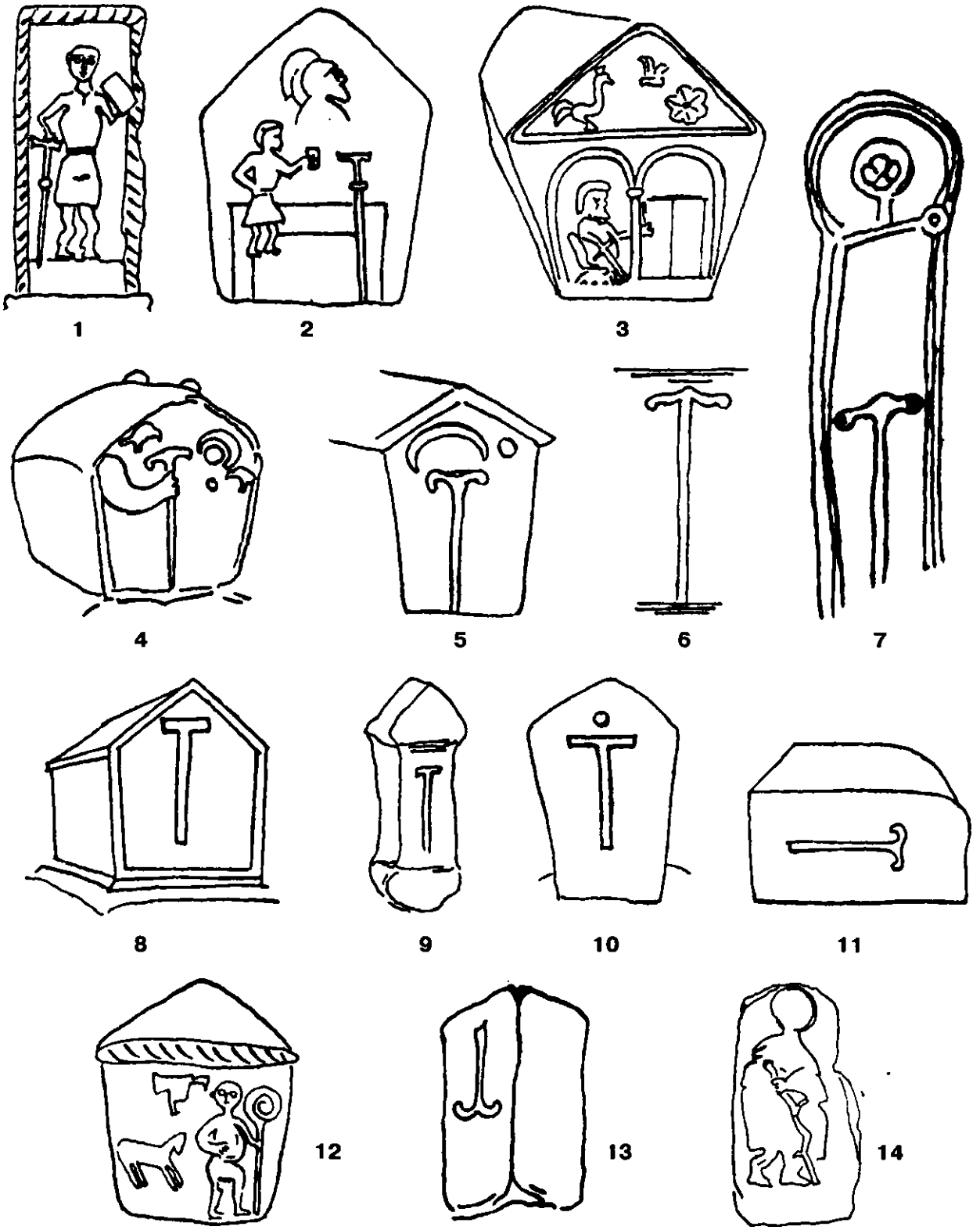
Особенно это сходство заметно в случаях, когда Т-образный знак дополняется округлой Голгофой в изножии [*Спицын,* 1903. Рис. 20; *Хворостова,* 1988]. Вполне вероятно, что среди других известных экземпляров было еще две или три голгофских композиции, но их изножия не сохранились [*Жизневский,* 1888. № 43, 46; *Беляев,* 1988. С. 147).

Такая форма креста с Голгофой в виде полукруга встречается именно в надгробных памятниках Северной Европы — на востоке Англии: Тиксовер, конец XII века [*Butler,* 1964. Fig. 2 B]; аббатство Ривенхолл, конец XIII века [*Butler, Rodwell,* 1993. Fig. 9 : 2] и в Германии: Кельн, церковь св. Марии, X–XI(?) вв. [*Nisters-Wesbecker,* 1983. P. 304. Abb. 43. № 142]. В обоих случаях полукругом оформлено не только изножие, но и изголовье (что подчеркивает происхождение от симметричной крышки саркофага), причем у плиты из Кельна центр отмечен таким же большим кругом, какие характерны для надгробий с Т-образными крестами. Весьма интересно, что А. Нистерс-Уэсбекер видит в этом изображении родство с иконографией креста как Древа жизни, с которой Т-образные знаки имеют несомненную связь.

Табл. XXXVIII 1, 4

Табл. XXI 6

Табл. IX 4

1–14. Надгробия Боснии и Герцеговины. XIII–XV вв. По М. Венцель [*Wenzel,* 1965].

Plate XXXVIII. 1–14. Bosnian and Herzegovinian Tombs with Tau-cross, 13th—15th centuries.

Отметим, что хронологически надгробия с рельефными изображениями Т-образных крестов в Европе группируются в пределах второй половины XII — первой половины XIII века, в Боснии они доживают до XV столетия. Приводившиеся выше примеры с более ранними датами не так характерны, и кроме того, их абсолютные привязки вполне условны. По мнению специально исследовавшего проблему автора, смена формы завершения пастырского посоха с Т-образной на волютообразную произошла примерно в XI веке [*Rendeo,* 1943. P. 61–68].

К иконографии и символике самого креста какие-либо хронологические рамки применить трудно. Древнейшие, восходящие к ветхозаветным текстам и комментариям на них толкования знака "тав" (последней, 22-й буквы древнееврейского алфавита) как апотропея и магического жезла рассмотрены в специальном приложении. Но вот особое внимание к знаку в позднем средневековье заслуживает дополнительного разбора.

Позднесредневековые толкования знака в системе христианской семантики усваивали ему значение символа милосердия (иконографическая композиция "Трон милосердия") и загробного спасения, восходившие к ветхозаветным упованиям на пришествие Мессии. Связующим звеном при этом выступали представления о форме креста Распятия как Т-образного.

Кроме того, разрабатывалась семантика "тав" как атрибута отшельничества, одиночества, мудрости, восходившая к древнеегипетским представлениям. Видимо, именно поэтому крест в виде "тау" (греч. и лат. форма) стал символом святых Василия Великого, Матфея, Филиппа и особенно — египетского отшельника, отца монашества IV века, св. Антония.

Его культ оживился в Европе с конца XI века, после перенесения мощей из Константинополя в церковь Сент-Дидье-ла-Мот в Дофинэ. На рубеже XI–XII вв. здесь возникает госпиталь, ставший первым центром Ордена госпитальеров ("рыцарей св. Антония"). В XIII веке они активно работали в Англии, Испании, Италии, Германии, на Ближнем Востоке. В XIV–XVI вв. появились многочисленные "дочерние" организации Ордена — в их числе рыцарский аристократический орден Альбрехта II Баварского, основанный в 1390 г. и союзный Тевтонскому (с рыцарями которого имели не один случай "познакомиться" жители Прибалтики, Литвы и северных русских земель).

Табл. XXXIX

В этот период Европу буквально наводняет символика ордена св. Антония, в которой центральное место занимал "тау-кросс", часто выполнявшийся из драгоценных металлов и камней. Этот знак носили не только как орденское отличие — его высоко чтили и как могущественный оберег. Портретис-

1

2

3

4

1. Аарон метит дома буквой "тау". Пластинка филактерия. Третья четверть XII в. Лотарингия. ГЭ. [*Лапковская,* 1971]; 2. Сцена спора апостола Павла с иудеями. Инициал Библии Манериуса. XII в. [*Garnier,* 1982]; 3. Святой Антоний в окружении исцеленных. Середина XV в. Гравюра на дереве. [*Garnier,* 1982]; 4. Т-образная золотая подвеска-капсула. Около 1485 г. Найдена в Северном Линкольншире, Англия. Музей Метрополитен, Нью-Йорк. [*Husband,* 1992].

Plate XXXIX. Tau-cross in European Art. 1. Plaque from a reliquary. Third quarter of the 12-th century. Valley of the Meuse. The State Hermitage; 2. Discussion between St Paul and the Jews. Initial of the Bible of Manerius, 12th century; 3. Colored woodcut showing St Anthony and supplicants. German (Swabia), ca 1440–1450. Munich, Staatliche Graphische Sammlung; 4. Tau-cross in the form of a pendant capsule, found in North Linkolnschire. English, ca. 1485. MMA.

ты проторенессанса часто изображают его на одежде или среди украшений богатых заказчиков.

Особую популярность символу придавала вера в защиту от эпидемических заболеваний, прежде всего Антонова огня (ignis sacer, в котором видят чуму), свирепствовавшего в XIV–XV вв. В конце XV века госпитали антуанитов полностью посвятили себя заботам о больных чумой, а св. Антоний стал основным святым — защитником от болезни.

Весьма сложная ассоциативная символика "тау" могла быть воспринята Северо-Восточной Русью опосредованно, через многочисленные произведения позднероманского искусства, благодаря паломничествам к христианским святыням, широким контактам новгородцев и близким родственным связям Тверских земель с Великим княжеством Литовским. Следует помнить, конечно, и об усилении на Руси в XIV–XV вв. балканских влияний.

Стимулов к усвоению иконографии могло быть несколько. В их числе — необходимость пользоваться исцеляющей и ограждающей силой знака, особенно в периоды многочисленных чумных эпидемий, а также живой религиозный интерес к библейским текстам и их толкованиям, свойственный Русскому Северу в период расцвета реформационного сознания в форме различных ересей. Возможно, именно это обеспечило надгробию с подобными изображениями популярность и длительное существование в пределах Тверского княжества.

О том, что символика "тау-креста" была знакома Руси, говорят не только надгробия. Существует вид монет с его изображением; посохи с Т-образным навершием; печати с изображением святого, держащего в руке такой посох [*Янин,* 1970. Табл. 43. № 691]. Кроме того, Т-образные посохи обильно представлены в миниатюре и иконописи. (Подробнее см. экскурс 2).

Итак, можно утверждать, что в районе Верхней Волги и на связанных с нею северных территориях в период расцвета Тверского княжества наблюдается распространение оригинальных надгробных плит с низкими рельефными изображениями, основное место среди которых занимают кресты Т-образной формы, трактуемые также как посохи.

Эти знаки находят прямые аналоги в иконографии надгробных памятников Западной Европы и Балкан, несущих как кресты разнообразных форм, так и священнические посохи (иногда даже Т-образной формы с круглым "яблоком"). В основном такие плиты связаны с погребениями монахов ордена цистерцианцев или других священнослужителей.

В отличие от западноевропейских средневековых кладбищ, на некрополях Тверской земли не прослеживается корреляция между символом надгробия и социальной принадлежностью погребенного — трехконечный крест наносят как на плиты священников и монахов, так и мирян, в том числе женщин.

Усвоение именно такой формы креста произошло, вероятно, под воздействием широко распространившихся в Европе в середине XII века толкований его как особой, древней и подлинной, формы креста Распятия, символа Спасения и Воскресения, наделенного выдающимися апотропеическими качествами. Жители Русского Севера могли быть в какой-то степени знакомы и со сложными комментариями к этому символу, имевшему глубокие ветхозаветные корни, вызывавшие их интерес.

Позднее, к середине XVI века, подобные надгробия были вытеснены резными плитами "низовых" земель. Однако они существенно повлияли на сложение устойчивой антропоморфной схемы надгробий московского типа, и в известной мере задали направление ее развития в XV — начале XVI века.

Структурирование антропоморфной композиции

Изображение трехконечного креста содержало все те композиционные элементы, которых "недоставало" плитам северо-восточной Руси, сохранявшим рудименты оформления крышек прямоугольных саркофагов. Этот знак позволял надежно различать изголовье и изножие. Он легко воспринимался и как символ Распятия, и как посох-оберег, и, — что было также немаловажно, — как схематическое изображение человеческой фигуры. (Коренная взаимосвязь формы креста и структуры тела хорошо осознавалась).

Можно полагать, что рельефы надгробий "тверского типа" сыграли структурирующую роль при выработке устойчивой антропоморфной схемы "московских" надгробий. Чтобы в этом убедиться, достаточно выделить различия композиций резного орнамента второй половины XIV–XV вв., сопоставив затем последние с "тверской" композицией.

Изножие плит, сколько можно наблюдать, не претерпело за это время существенных изменений. Как и в XIV веке, оно оформлялось разделительной полосой вплоть до центрального клейма, вполне соответствовавшего "яблоку" рельефных надгробий и по месту, и по размеру.

Зато отходившие от "яблока" полосы орнамента, ранее упиравшиеся в бордюр изголовья, теперь искривились и соединились с боковым бордюром. В

Табл. XXXV 5 ряде случаев перелом был очень резким и напоминал перекрестье: надгробие митрополита Фотия [*Шеляпина,* С. 1973. Рис. 3б] и (Кат. КЛ № 2). В надгробиях конца XV века, где полосы-тяги трансформированы во внутреннюю рамку изголовья, сходство с трехконечным крестом в его резном, уплощенном варианте особенно заметно (Кат. КЛ № 4; ВПм № 23). [*Арциховский,* 1936. Рис. 102].

Табл. XXXVI 2

Иными словами, почти вся композиция была преобразована, отчетливо структурирована в соответствии с рисунком трехконечного креста-посоха. От архаической схемы осталась только окружность в изголовьи, часто именуемая "верхним клеймом" или розеткой, которой не было у плит Севера. Этот важный элемент — "голова" — достраивал композицию, делал ее полностью антропоморфной и в то же время уподоблял не трехконечному, а более привычному четырехконечному кресту, открывая возможность интерпретации ее как Распятия.

Местные технические (стилевые) особенности резьбы при этом сохранились — плоские плиты северо-востока продолжали покрывать трехгранно-выемчатым орнаментом, постепенно становившемся более разнообразным и обильным.

Основная схема и дополнительные элементы антропоморфной композиции в XV веке

С XV века можно уверенно говорить о рождении характерной "антропоморфной устойчивой" композиции московских надгробных плит, сохранявшейся в XVI—XVII вв. Даже утрачивая первоначальное значение, она упорно воспроизводилась, трансформируясь лишь в деталях, — что дает право включить ее в состав основных схем.

Какие же элементы описывает понятие "антропоморфная устойчивая композиция"? Сюда включается, во-первых, общий бордюр, обрамляющий с четырех сторон лицевую грань; во-вторых, круг (полукруг, овал), примыкающий к середине бордюра изголовья (оформляется и воспринимается как изображение головы); в-третьих, центральный круг ("клеймо", "розетка"), помещаемая со временем все ближе к изножию (трактуется как узел препоясания, пряжка пояса, сложенные ладони, чаша и др.); в-четвертых, линия, соединяющая этот второй круг с серединой бордюра в изножии (обозначает характерную раздвоенность человеческой фигуры в нижней части); наконец, пятый элемент — веерообразно или Т-образно расходящиеся симметричные

линии от центрального клейма к боковым бордюрам, позднее, в XVI веке, образующие внутреннюю дополнительную рамку (подчеркивают присущее человеческому телу расширение в уровне груди и плеч).

Антропоморфизм основной схемы проявляется на разных этапах неодинаково. Простейший вариант, без всяких дополнений и украшений, довольно распространен в конце XV — начале XVI века на северо-востоке Руси и особенно в районе Москвы, но можно полагать, что он использовался и в первой половине XV столетия — большинство находимых плит не надписаны, что затрудняет датировку. Стратиграфически они располагаются именно в слоях конца XIV — начала XVI века (Кат. ВПм № 3; Бм № 13; и др.). Плиты этого типа обнаруживались при раскопках в Кремле, в том числе — среди древностей Воскресенского монастыря.

В первой половине XV века ощущается потребность подчеркнуть антропоморфность плиты введением дополнительных элементов. В силу этого "основная композиция" дополнялась деталями, позволявшими упрочить или уточнить именно такое прочтение.

Среди плит первой половины XV века мы находим по крайней мере два дополнительных антропоморфных элемента — это поперечная линия, пересекающая центральный круг, и два коротких отрезка орнамента, которыми стали соединять круг в изголовьи и ветви трехконечного креста. Вероятно, такая комбинация трактовалась как изображение головы, шеи, плеч и груди до пояса, тем более, что пропорциональное размещение элементов этому соответствовало.

Среди известных нам экземпляров устойчивой антропоморфной композиции с дополнительными элементами — надгробия митрополитов Киприана и Фотия [*Шеляпина,* 1973. Рис. 3] и две плиты из Коломенского (Кат. КЛ № 2, КЛ № 3). Как видим, примеры немногочисленны, и как будто не выходят из первой половины XV века.

Есть и менее заметные черточки, также указывающие на стремление уподобить изображение человеческой фигуре. Например, в изголовьи наносят дополнительную полосу крестчатого орнамента, возможно, изображающего налобный венчик-ленту. Отрезки от "плечиков" к "голове" часто также заполняются равноконечными крестиками с расширенными концами, равным образом — и оба клейма.

Эти элементы вряд ли были признаками церковного сана или вообще как-то соотносились с положением покойного при жизни. Они обнаружива-

ются и на надгробиях митрополитов, и на вполне рядовых плитах городских и сельских некрополей. Таким образом, в социальном отношении плиты еще неразличимы.

Завершая рассмотрение формирования антропоморфного надгробия, необходимо подчеркнуть, что в результате этого процесса, в принципе аналогичного художественным процессам средневековой Европы, русские мастера создали вполне оригинальную композицию. Они не стремились, да вероятно и не могли, копировать уже существовавшие на Западе во множестве образцы скульптурных или гравированных памятников, — но не отказывались полностью от воспроизведения человеческой фигуры в надгробии, что было свойственно Византии, и, в принципе, всей восточнохристианской традиции.

В изучаемой области Северо-Восточная Русь показывает гораздо большую близость, связанность, чуткость к тем культурным веяниям, которые доносились, невзирая на многочисленные преграды, сперва из романского, позже — из готического и раннеренессансного миров. Отказавшись в конечном счете от сложных в техническом отношении и подозрительных с точки зрения строгого православия попыток создания объемного, рельефного личного памятника, раннемосковская Русь выработала собственный вариант общеевропейского надгробия в форме лежащей человеческой фигуры, отвечавший, по-видимому, и практическим навыкам каменосечцев, и художественным вкусам их заказчиков.

Возникшая в результате композиция не только схематически воепроизводила пропорции человеческого тела. Она впитала и элементы важнейших в семантическом отношении символов христианства — трех и четырехконечного антропоморфного креста, особые ("фольклорные") типы которых на сходных этапах развития культуры создавали практически все народы Европы.

Простая, но насыщенная содержанием схема представляла, в свернутом виде, два потенциально возможных изобразительных пути раскрытия формы и содержания памятника: дальнейшую антропоморфизацию и неизбежно связанную с этим индивидуализацию надгробия, — или его трансформацию в один из канонических вариантов креста-Распятия.

Московская культура, однако, не использовала ни одного из этих путей, предпочтя вербальный вариант индивидуализации. Посмотрим, как это происходило.

ГЛАВА 5
ПОПЫТКА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ: ИЗОБРАЖЕНИЕ И НАДПИСЬ
КОНЕЦ XV — СЕРЕДИНА XVI ВЕКА

Усложнение декора

Сколько можно судить по собранным материалам, к концу XV века белокаменная надгробная плита становится весьма распространенным типом памятника. Есть основания полагать, что к этому времени мастера стали уже не только изготовлять плиты на заказ, но и делать впрок в достаточном количестве.

Разумеется, это вызвало умножение вариантов оформления плиты. Основная схема сохранялась, но ее интерпретация отражает разные подходы к трактовке элементов. Определенную роль играли, видимо, местные традиции и вкусы. К сожалению, пока неизвестно, где именно делали заготовки для плит и нарезали их орнамент. Камнерезные мастерские раннемосковского периода никогда не обнаруживались археологами, а сведения письменных источников датируются только концом XVII века.

Устойчивость, распространенность и однообразие орнаментики указывают на существование крупного ремесленного центра. Была ли им непосредственно Москва, или плиты изготавливали камнерезы, жившие в традиционных районах добычи белого камня, пока неизвестно. В XVI—XVII вв. и позже камень привозили в Москву уже в виде распиленных и отесанных блоков разного размера.

Иногда бросаются в глаза общие признаки изделий какой-то одной мастерской — ими обладают, например, надгробия из серпуховского Владычного монастыря. В таких случаях можно, по крайней мере, предполагать существование местного камнерезного производства. Однако очень часто группы

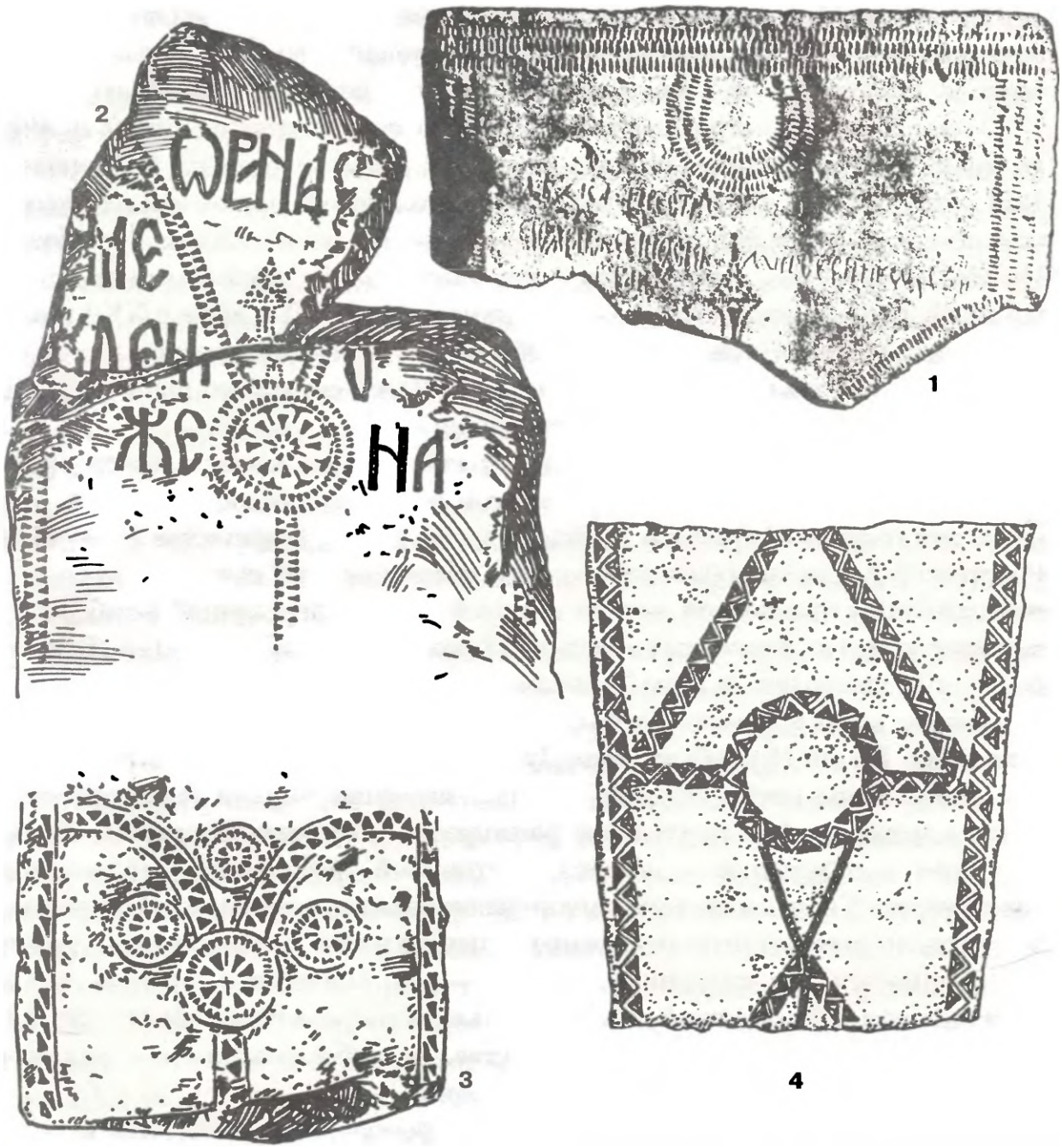
надгробий с провинциальных некрополей не несут каких-то особых деталей, выделяющих их из "общемосковской" продукции, — например, плиты Спасского на Усть-Угры, Иосифо-Волоколамского и Троице-Сергиева монастырей, плиты князей Трубецких в Брянске, и другие. Вообще, в течение XVI–XVII вв. сохранялось единое направление развития, и наблюдалось скорее выравнивание стиля, чем усиление особенностей, присущих отдельным мастерским или художникам.

Различия орнаментики можно изучать прежде всего в пределах одного некрополя. Тогда легко заметить, что многие плиты обладали достаточно выраженными особыми признаками, и, при всей похожести, трудно найти два совершенно одинаковых экземпляра. Разумеется, это характерно для любых ремесленных средневековых изделий. Однако степень целенаправленности, осознанности внесения отличий неодинакова для разных групп артефактов. В случае с плитами она, вероятно, была довольно высокой.

Причину этого можно видеть в сознательном стремлении индивидуализировать плиту. Ведь умножение одинаковых, "стандартных" плит на некрополе, несмотря на всевозможные способы сохранения воспоминаний о них (записи в синодиках, семейное предание и т. п.) должно было со временем привести к путанице. (Стремление к "утилитарному" разнообразию отвечало, однако, и общей тенденции, первым попыткам выделения индивидуума в социуме, что отражалось всеми формами искусства и культуры эпохи Ивана III и его сына Василия, — времени становления Московского государства).

Различать плиты при отсутствии надписи можно было лишь с помощью изобразительных приемов. Остановимся на наиболее распространенных конкретных способах. Это необходимо еще и потому, что мелкие, подчас незаметные детали могут рассказать кое-что о трактовке изображений людьми средневековья.

Поскольку письменные источники нам об этом ровно ничего не сообщают, существует большая опасность впасть в модернизацию при попытке толковать изображенные элементы с позиций современного восприятия. Однако кажется неверным вовсе отказаться от попыток их формальной и семантической оценки, пренебречь тем, что явно пытаются "сказать" нам древние изображения. Необходимо хотя бы обозначить направление дальнейших поисков. Если в трактовке скудного пока материала доля фантазии окажется чрезмерной — накопление наблюдений позволит коллегам легко исправить мои, вполне вероятные, ошибки.

1. Изображение "свечи" на плите Серапиона Дудина. 1513 г. Село Спас-Тушино, Москва [*Гиршберг-Л*]; 2. Изображение "свечи" на плите Орины Кленовой. Начало XVI в. Богоявленский монастырь, Москва [Кат. Бм № 18]; 3. Орнамент средней части плиты. XV в. Данилов монастырь, Москва [Кат. Дм № 2]; 4. Композиция орнамента средней части плиты с пятью розетками. 1538/1539 г. Рязань. Городской краеведческий музей [*Ермонская,* 1978].

Plate XL. Evolusion of Russian Anthropoid Patterns in 15–16th centuries. 1. The graveslab of Serapion Dudin, 1513. Spas-Tushino village, Moscow; 2. The graveslab of Orina Klenova, early 16th century. Bogoiavlenskii monastery, Moscow; 3. Fragment of the 15th-century graveslab. St Daniil monastery, Moscow; 4. Fragment of the graveslab, 1538/1539. Riazan.

Среди способов индивидуализации орнамента в XV веке можно рассмотреть, во-первых, усиление антропоморфизирующих элементов: новые детали одежды, резные "свечи" и ромбические кресты, попытки изображать руки.

Табл. XXXV 5

Уже надгробие митрополита Киприана содержало деталь, которую можно трактовать как вышивку края или иной элемент одежды [*Шеляпина,* 1971. Рис. 3 а]. Это короткая полоска треугольчатого орнамента, соединявшая примерно посредине расходившиеся от центрального клейма "плечики". Подобные элементы, стремившиеся заполнить узкий "вырез" над клеймом-розеткой, продолжают встречаться в орнаментике в XVI и даже в XVII столетии, сочетаясь со жгутовой резьбой. Обычно они имеют вид нескольких полосок графьи, заполняющих начало "выреза". Кажется, можно понять это как изображения нижней одежды или шнуровки.

К деталям одежды были отнесены сначала и ромбические знаки, помещавшиеся обычно несколько ниже розетки изголовья, посредине плиты. Однако, при обсуждении работы в Отделе древнерусского искусства НИИ ТИИ Российской Академии художеств коллеги указали мне на сходство двух таких изображений с трактовкой мотива горящей свечи в деревянной резьбе царских врат и других церковных изделий, за что я очень им благодарен. Вероятно, следует подходить к этим "ромбам" дифференцированно.

Табл. XL 1–2

Ближе всего к "свече" узоры на плитах Орины Кленовой, начала XVI века (Кат. Бм № 18) и Серапиона Дудина, 1513 г. [*Гиршберг*-1. № 18]. На них изображены очень сходные фигуры, имеющие тонкий короткий стержень, переходящий в треугольное расширение широким основанием вверх. Над этим расширением — высокий вытянутый треугольник, заполненный "звездочками" или крохотными многолепестковыми розетками. Если учесть, что стержень выходит непосредственно из центрального клейма (которое может восприниматься как сложенные ладони), — то аналогия с горящей свечой окажется весьма возможной. Роль свечи как в погребальном обряде, так и в общей семантической системе христианства, ее особое знаковое восприятие в средневековой Москве — достаточно известна.

Табл. XL 4

По-иному воспринимается изображение ромба (?) на плите XV века из Данилова монастыря. В этом, пока уникальном варианте неустойчивой антропоморфной композиции, мы встречаемся, возможно, с наиболее отчетливым стремлением изобразить сложенные под грудью руки. По-видимому, их обозначают два косо отходящих от клейма в изголовьи прямых отрезка, которые достигают боковых бордюров и переламываются под острым углом, сходясь на центральном клейме. От клейма (сложенных кистей?) к изножию

проведены два тонких сходящихся отрезка треугольчатого орнамента, на которых как бы висит вершина треугольника или ромба. Если в целом замысел резчика трактуется правильно, — можно видеть в этом предмете ромбовидный крест (Кат. Дм № 2).

Вторым путем к разнообразию решений было усиление декоративной насыщенности всех элементов, что позволяло умножить число комбинаций. Клейма уже не оставляют пустыми, их стараются заполнить либо "ковровым" орнаментом из крестиков или "косынок", либо розетками разных типов — от реалистических лепестковых до очень схематизированных "лучевых". Умножаются полоски орнаментальных бордюров, особенно в изголовьи и изножии. (На стремление заполнить поле указывают, вообще, и все новые элементы, которые мы рассматривали выше).

Необходимо подчеркнуть, что именно теперь, особенно с начала XVI века, в приемах резьбы начинает сказываться стилевая и техническая близость к деревянной резьбе, знакомой нам по парадным бытовым предметам XVII, а в основном — XVIII–XIX вв., которая была многократно отмечена нашими предшественниками.

Если раньше поле плиты выглядело как свободное, хотя и четко композиционно организованное, то теперь оно постепенно заполняется, "нагружается" орнаментами. Возникает опасность деструкции изображения, превращения композиции в аморфную "декоративную" поверхность.

Однако эта тенденция встретила противодействие. Мастера резьбы по камню на рубеже XV–XVI вв. явно испытывают воздействие образцов иных видов церковного искусства — надгробных шитых покровов, крышек рак в виде лежащих человеческих фигур, даже иконных композиций. Это, разумеется, препятствовало фольклорному декоративизму и обеспечивало включенность надгробий в область предметов с церковно-обрядовыми функциями.

Попробуем проследить это воздействие. Уже говорилось о мотиве горящей свечи, несомненно родственном ее изображению в церковной резьбе XVI–XVII вв. Следует обратить внимание и на "астральные символы". Верхнее клеймо именно в конце XV века часто полностью отрывается от бордюра, образуя полный круг с лучевой розеткой внутри. В углах изголовья появляются отсекающие его полосы орнамента, как бы накладывающиеся друг на друга ("небо"?). Этот мотив хорошо датируется 1490-ми гг. благодаря находке надгробия архиепископа Сергия в Троице-Сергиевом монастыре [*Николаева,* 1965]. На нем углы отсечены дугообразно, еще две дуги соединяют верх "плечиков" с боковым бордюром.

Надгробие с дугами в изголовьи найдено также в Спасском соборе Андроникова монастыря (начало XVI века, с надписью, но без даты; две дуги отсекают углы, а две другие фланкируют клеймо изголовья [*Гиршберг*-1. № 104]. В Богоявленском монастыре таких плиты две. На камне без надписи, рубежа XV–XVI вв., две дуги следуют одна за другой от углов вдоль бордюра изголовья, очень напоминая изображения облаков (Кат. Бм № 14). Плита 1500/1501 г. со спрямленными угловыми элементами, которые отсекают углы торцов и примыкания "плечиков" к бордюру, сохранилась фрагментарно (Кат. Бм № 17). Весьма близкий вариант с двумя наложенными друг на друга дугами показывает часть плиты из раскопок в церкви Козьмы и Демьяна в Китай-городе. (Работы 1994 г.; пользуюсь случаем поблагодарить М. В. Фролова и В. А. Павлова за знакомство с материалом).

Табл. XLI 1–2

Табл. XLII 2–3

Выше уже говорилось о естественной связи иконографии Распятия с символикой светил. В эту структуру, как известно, входят и небо с облаками, изображения которых наряду с солнцем и луной достаточно известны в древнерусских иконах. Попытки рассматривать подобную символику как доказательство сохранения в народном сознании языческих представлений кажутся несколько наивными — солярно-лунарные толкования были чрезвычайно развиты в христианстве, причем не только на уровне народных представлений, но и в теологических сочинениях, учительных текстах, литургической поэтике [*Uspenskii,* 1993. P. 241–251].

Изголовья плит западноевропейского средневековья в тех случаях, когда на них изображались канонические композиции, также часто оформлялись как небо (облако, небесный круг, и т. п.). Можно указать попутно и на возможную связь манеры "отсекать углы" с аналогичным приемом в оформлении надгробий Западной Европы, где она связана с памятью об украшении углов крышек саркофагов акротериями, а также с необходимостью как-то оформить внешние крепления плит к стене.

Табл. XL 3

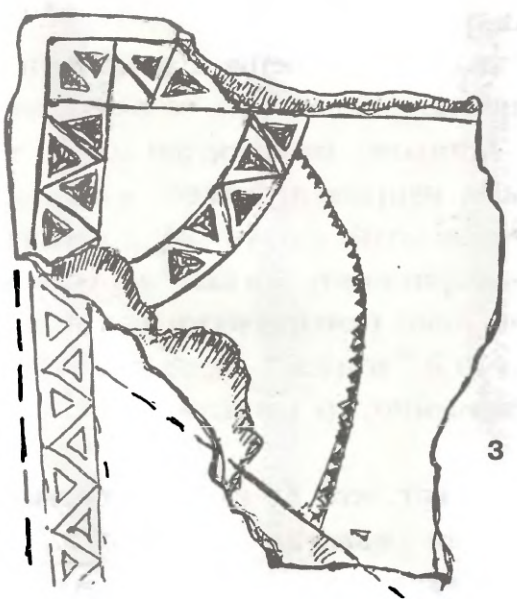
Завершая тему "астральной" семантики надгробия, напомним о случае изображения многократно повторенных кругов-розеток вокруг центрального клейма, которые предложено было трактовать как движение светила [*Ермонская,* 1978. С. 38]. Они могут, однако, восприниматься и как изображения дополнительных элементов убора, прежде всего круглых пряжек, которые во множестве встречаются именно вокруг пряжки пояса в костюме средневековых горожан и помещаются соответствующим образом на плитах Европы.

1

2

3

1. Фрагмент плиты начала XVI в. Спасский собор Андрониева монастыря, Москва [*Гиршберг*-1]; 2. Фрагмент плиты 1500/1501 г. Богоявленский монастырь, Москва [Кат. Бм № 17]; 3. Фрагмент плиты конца XV—начала XVI в. Церковь Козьмы и Демьяна «в Старых Панех», Москва. Раскопки М. Фролова, 1992 г.

Plate XLI. Evolusion of Russian Anthropoid Patterns in 15–16th centuries. 1. Fragment of the early 16th-century graveslab. Spasskii Cathedral of Androniev monastery, Moscow; 2. Fragment of the graveslab, 1500/1501. Bogoiavlenskii monastery, Moscow; 3. Fragment of the late-15th—early- 16th-century graveslab. The church of Kozma and Demian, Moscow.

Таким образом, астральная (?) символика надгробий Московского государства XV–XVI вв. может быть обусловлена традиционной связью ее с темой смерти и воскресения, и включена в число признаков, роднящих плиты с другими произведениями церковного искусства.

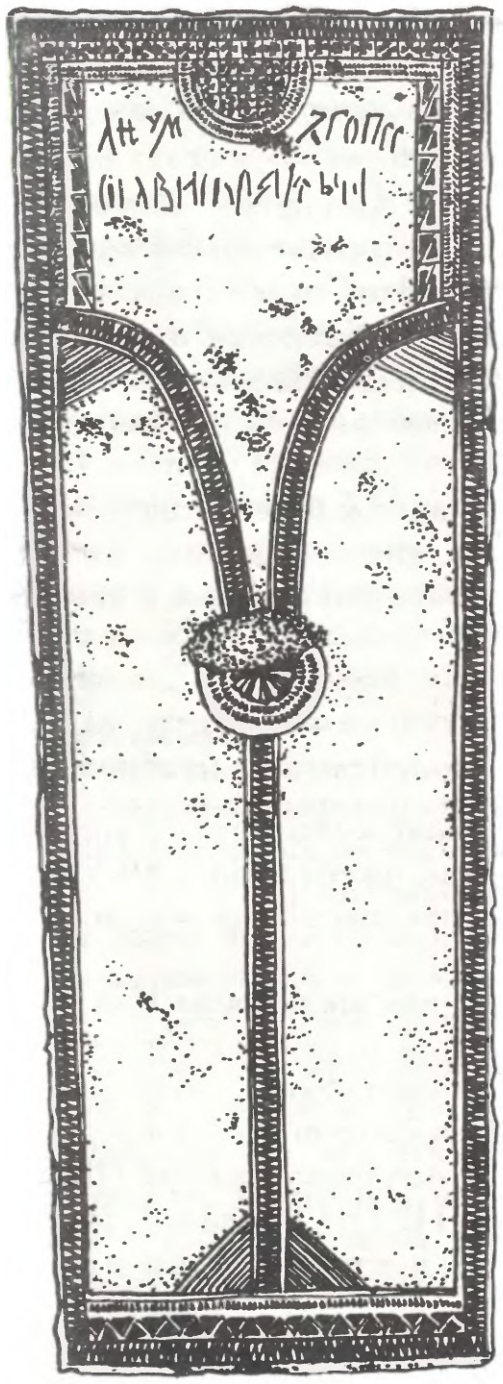
Отсюда естественно перейти к рассмотрению деталей, продолжающих линию уподобления "основной композиции" кресту Распятия. В изножии некоторых плит изображают дополнительные орнаментальные ленты; примыкание "штока" к бордюру иногда отштриховывается, образуя треугольник; также отштриховываются места примыкания "плечиков" к рамке. По-
Табл. XLII 1 видимому, это можно трактовать как отражение композиции Голгофского креста с поземом и расширяющимися на концах ветвями (Кат. Бм № 17, СУМ № 1).

Можно думать, что на эти композиции оказала влияние такая форма надгробий, как памятные и намогильные кресты, обычно включавшие и "Распятие". Несмотря на то, что сравнительно с плитами они редки — распространение их было, несомненно, достаточно широким.

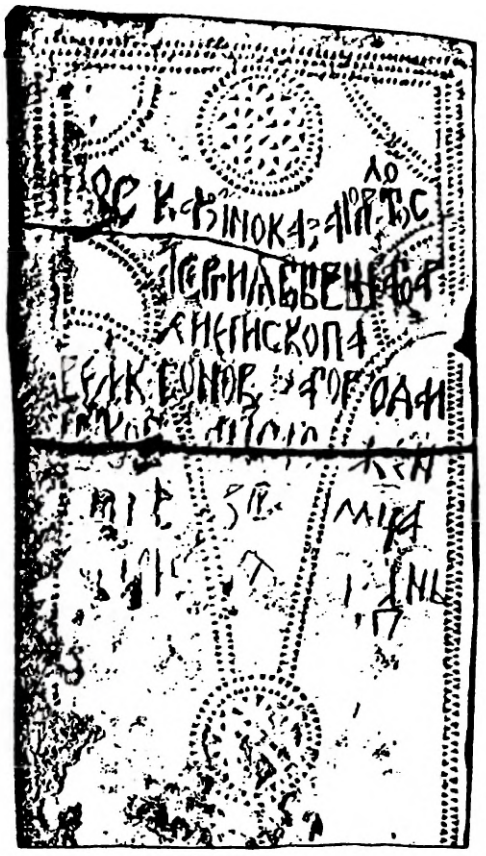
Разумеется, сколько-нибудь последовательное уподобление Распятию или его изображение на плите было возможно исключительно при ее вертикальном положении. Возможно, что тенденция к такому восприятию плиты на рубеже XV–XVI вв. была — на это указывает, например, четкое "зонирование" плоскости. Изголовье семантически гораздо более нагружено, и снабжено некоторыми атрибутами, позволяющими воспринимать его как "верхнюю", (небесную) часть, в то время как изножие явно семантически ослаблено, имеет некоторые признаки отождествления его с "землей". Если для вертикальных композиций это деление вполне естественно, то для плоско лежащих плит подобный подход нехарактерен.

В целом рассмотренный материал показывает, что во второй половине XV — первой трети XVI века для дальнейшего развития индивидуального надгробного памятника Руси наметились три пути:

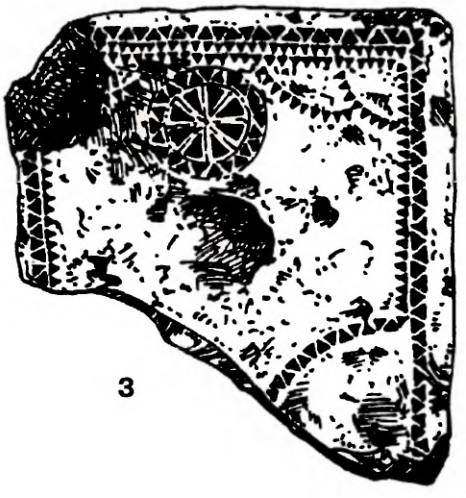
1) Превращение "основной композиции" в чисто-орнаментальный декоративный узор, с размыванием антропоморфных черт и основополагающей христианской символики и с вероятным выведением потом за рамки церковной культуры.
2) Дальнейшая индивидуализация антропоморфного изображения на основе средневекового натурализма вплоть до создания резного или скульптурного портрета.

1

2

3

1. Плита 1538/1539 г. Спасо-Преображенский "на усть-Угры" монастырь [Кат. СУМ № 1]; 2. Плита новгородского архиепископа Сергия. 1490-е гг. Троицкий Сергиев монастырь [*Николаева,* 1965]; 3. Плита конца XV — начала XVI в. Богоявленский монастырь, Москва [Бм № 14].

Plate XLII. Evolusion of Russian Anthropoid Patterns in 15–16th centuries. 1. The graveslab from Spaso-Preobrazshenskii monastery on Ugra river, 1538/1539; 2. The graveslab of Sergii, Archbishop of Novgorod, 1490s. Troitskii Sergiev monastery; 3. Late 15th—early 16th-century graveslab. Bogoiavlenskii monastery, Moscow.

3) Наконец, трансформация плоско лежащего надгробия в вертикальное, в стелу, при реализации наметившейся тенденции к "подъему" изображения и дальнейшей разработке в пластике традиционных священных сюжетов, прежде всего Распятия.

Однако, на каждом из этих путей стояло свое препятствие. Полный отказ от дальнейшей индивидуализации надгробия противоречил его основным функциям и поэтому оказался неприемлемым. Очевидна также стадиальная невероятность для Московской Руси столь раннего движения к более-менее реалистическим изобразительным формам. Умножению каменных крестов или Распятий препятствовали традиционные представления об их назначении и размещении.

Решение задачи дальнейшей индивидуализации и более полного включения надгробия в контекст церковной культуры, его сакрализации, было найдено с помощью отказа от разработки изобразительного начала и введением элемента иной знаковой системы — текста.

Первые надписи, их взаимодействие с изображением

Усвоение и распространение надписей на плитах обозначает границу второго и третьего периодов. Первые известные нам тексты пытались датировать серединой или концом 1480-х гг., но абсолютно надежными можно считать даты середины 1490 — начала 1500-х гг.*

Первые известия источников о надписях, как предполагал И. А. Шляпкин, могут восходить к началу XV века — но вряд ли на них следует опираться. Так, в описании погребения преподобного Иннокентия (Охлябина) упомянуто, что на его могилу положили камень, на котором написали год, месяц и день смерти. Однако его смерть датируется источником неясно (1492 или 1508 годом). Интересна запись о погребении (1422 г.) Михаила Верижника: "На гробе его положен камень и крест вырезан и летопись на доске и образ на

* Появление надписей на плитах именно в это время объясняется, вероятно, распространением грамотности, что подтверждают и другие археологические материалы. С рубежа XV–XVI вв. в слоях Москвы исчезают писала — инструменты для письма по бересте и воску, но зато начинают попадаться керамические чернильницы, пеналы для перьев, портативные приборы. Это указывает сразу и на распространение бумаги (взамен бересты и дорогого пергамена), и на усвоение большинством населения навыков чтения. Одновременно резко возрастает количество граффити на стенах храмов, на бытовых предметах (бочках, сосудах и т. п.). Входят в употребление новые виды предметов, — например, личные печатки с надписями.

гробе штилистовой", — однако само описание очень позднее в сравнении с датой погребения [*Шляпкин,* 1906. С. 9, 18; ср. *Толстой,* 1887. №№ 255, 472].

Среди достоверно ранних плит с надписями — надгробия новгородского архиепископа Сергия и Юрия Романовича Алексеева из Троице-Сергиева монастыря [*Николаева,* 1965. С. 266–269; *Николаева,* 1966. С. 209–211; *Николаева,* 1958. С. 171–172], плиты из Крутицкого, Богоявленского (Кат. КП № 1; Бм № 17) и Волоколамского [*Молчанов,* 1987. С. 26–27] монастырей Вплоть до рубежа XV–XVI вв. композиция декора надгробий не предусматривала места для надписи, — поэтому говорить об их устойчивом бытовании до этого времени совершенно невозможно. Табл. XLII 2

В первой четверти XVI века количество надписей быстро возрастает, и к середине — второй половине XVI века они уже вполне обычны не только на городских и монастырских, но и на сельских кладбищах. Анализу "формуляра" надписей, их происхождению, содержанию и другим вопросам эпиграфики посвящен специальный экскурс (см. экскурс 5), здесь же остановлюсь только на значении, какое имело появление надписей для развития оформления надгробий.

Меморативный церковно-служебный текст (а именно таковы тексты средневековых надгробий, не знающие ни благопожелательного жанра, ни литературной эпитафии) конечно, позволял индивидуализировать памятник на порядок выше, чем допускали прежние скромные изобразительные средства.

Его включенность в рамки церковной культуры также не вызывала сомнений — ведь надписи были прямым продолжением записей, церковных памяток, почти непосредственным переносом текста со страниц летописи, акта или синодика на камень.

Подчеркнем, что надписи сперва возникают на плитах, так сказать, самопроизвольно, независимо от намерений мастера-резчика. Он не отводит для них специального места, и тем более, — не участвует в разметке или нарезке букв. Все перечисленные выше ранние надгробия имеют надпись, врезанную в уже готовое изделие, причем без специальной разлиновки, свободным почерком типа полуустава. Буквы наносятся прямо по элементам орнамента [*Николаева,* 1965. С. 267]; (Кат. Бм № 17) или вкомпоновываются в промежуток "плечиков" (Кат. КП № 1).

Надписи либо процарапывают острым инструментом в стиле граффити, либо стараются нанести поглубже с помощью резца, как правило, не особенно аккуратно.

С самого начала, однако, текст занимает вполне определенное место в поле плиты — он наносится по изголовью, начинаясь ниже клейма или по сторонам от него, и опускается, — в зависимости от длины и размера букв, — до начала "плечиков" или ниже, до среднего клейма. Буквы располагаются так, чтобы читать их, стоя в изножии, — как делается обычно и сейчас. Можно отметить, что одна из ранних надписей [*Николаева,* 1966. С. 210] нарезана в изножии, причем "вверх ногами", — для чтения со стороны изголовья, что является довольно редким случаем. Вероятно, на тесном кладбище можно было подходить к плите только со стороны изголовья.

Необходимо подчеркнуть, что к концу XV века композиция изголовья была насыщена дополнительными элементами, а "плечики" поднимались почти к самому клейму, так что неудивительна манера писать первые надписи прямо по орнаменту. В то же время такой ранний признак как соединительные линии между клеймом и плечиками — уже исчезает, что в принципе открывает возможность помещения текста на место этих линий, как бы на уровень груди.

Очень быстро, — по-видимому, уже в конце XV века, — резчики отреагировали на нововведение, и стали оставлять хотя бы небольшое пространство без орнамента. Для этого они слегка отодвинули "плечики" от изголовья и начали отказываться от дополнительных элементов. Вместо них внимание было обращено на развитие внутренней рамки, проходившей вдоль изголовья и боковых сторон вплоть до "плечиков". С XVI века она становится неприменной новой принадлежностью устойчивой антропоморфной композиции. (Сама по себе рамка возникла раньше, чем надпись. Сначала — дополнительные бордюры вдоль изголовья, затем — добавочные полосы по бокам, обязанные своим происхождением бывшим соединительным отрезкам).

Тщательная разработка внутренней рамки — очень важный показатель меняющегося отношения к композиции. Для описания внешнего обрамления лучше применять понятие "бордюр", или "канва", а не "рама", — поскольку это скорее метод обработки краев композиции, ее неотъемлемая часть. Внутренняя же обводка — именно рама, призванная выделить, подчеркнуть то, что заключено внутри — то есть надпись.

Итак, надпись потребовала места в семантически важной части композиции, между изголовьем и "поясом", ранее занятой активно развивавшимся орнаментом, — и сразу получила его. Этим была решительно исключена самая возможность дальнейшей разработки здесь изобразительных мотивов.

Навсегда исчезают "шея" и "свеча", отодвигается к изножию центральное клеймо. Поскольку это изменило пропорции композиции, она все меньше стала напоминать человеческую фигуру и превратилась в сложную декоративную раму.

Палеография надписей быстро совершенствовалась. По крайней мере в 1520–30-х гг. она восприняла некоторые элементы вязи, что усилило декоративные свойства. Строки стали размечать, искусно вкомпоновывая их в имеющееся пространство и соразмеряя всю надпись с композицией орнамента. В нарезке стало заметно не просто старание, но часто и щегольское "туше", присущее хорошим каллиграфам и резчикам. Несомненно, что уже в это время многие надписи заказывают профессионалам — возможно тем же, что готовят само надгробие. Несмотря на отсутствие археологических доказательств, можно утверждать, что в крупных городах уже были собственные камнерезные мастерские, резчики которых работали на рынок и завершали полуфабрикаты согласно заказам.

Во второй четверти XVI века можно говорить о принципиальной победе надписи не только в семантическом, но и в художественном отношении. Она становится самым важным декоративным элементом плиты.

Так возникла древнерусская традиция лапидарной эпиграфики, ранее развивавшейся чрезвычайно слабо и медленно. Потребность в умножении надписей, регулярность заказов и подготовленность исполнителей обеспечили ее расцвет. Почти не меняя формулу, постоянно повторяя слова и их сочетания, мастера получили возможность отточить все формальные элементы, приложить максимум усилий к совершенствованию каждой буквы.

Соразмерность отдельных знаков и всего текста; пропорции строк; размещение в поле плиты; сочетание с узором рамки и клейм; экономно используемые лигатуры и выносы, дополнительные знаки и акциденции, — все в высшей степени отработано и оригинально. Хотя мастера и следуют общим тенденциям эпиграфики, — они находят индивидуальные решения для каждой отдельной плиты, демонстрируя незаурядное чувство ритма и композиции.

По сути дела, в XVI веке можно говорить о рождении эпиграфической орнаментики, способной выдержать сравнение с прославленными школами мусульманского Востока или классического Запада.

Для понимания хода общего развития формы надгробия нужно подчеркнуть, что к середине XVI века все поле плиты было полностью подчинено

1

2

3

4

1. Плита монахини Анастасии. Церковь св. Николая в Студенице. [*Йовин,* 1969]; 2. Плита 1598 г. Москва [*Арциховский*, 1947]; 3. Плита 1631 г. Москва [*Золотов,* 1961]; 4. Плита 1649 г. Москва [*Золотов,* 1984].

Plate XLIII. Late Russian and Balkanian Anthropoid Patterns. 1. The graveslab of a nun Anastasia. Church of St Nicola at Studenitsa; 2. The graveslab from Moscow, 1598; 3. The graveslab from Moscow, 1631; 4. The graveslab from Moscow, 1649.

надписи, заново структурировано ею. Готовя надгробные камни, мастер не мог быть уверен, что надписи будут нанесены на каждую плиту. Тем не менее поле для нее оставлялось неукоснительно.

Поэтому плиты без надписей, — а их сохранилось очень много не только от XVI, но и от XVII века, — имеют в верхней половине как бы пробел, зияющий пустотой. Это отличает их от надгробий XIV–XV вв., скупая и схематическая орнаментика которых виртуозно "держала" все поле и составляла устойчивую композицию без разрывов.

Конечно, общая форма орнамента и самой плиты все же сохраняли связь с пропорциями человеческого тела. В какой-то степени связь эта даже укрепилась, поскольку плиты середины XVI века были достаточно высоки и не выглядели такими уж двухмерными, плоскими, имеющими только одну поверхность. Это открывало новые художественные возможности.

Однако, прежде чем перейти к анализу форм нового этапа, следует несколько подробнее остановиться на приемах орнаментики XV–XVI вв. с точки зрения их технического исполнения и возможностей использования при датировке.

Датирующие элементы в резьбе XV–XVI вв.

Подробный анализ орнаментики позволяет выделить некоторые, ранее незамеченные особенности обработки плит, которые соотносятся с конкретными десятилетиями. Прежде всего укажем на такой важный признак, как описанная выше манера оставлять специальное поле для надписи. Она заставляет пока относить все плиты с выраженной внутренней рамкой к периоду не ранее 1490-х гг.

Эта дата может быть удревнена, только, если удастся доказать существенно более раннее распространение резных надписей, чего вряд ли стоит ждать.

Разумеется, это не единственный датирующий признак. Разделяемые им общности, XV и XVI века, могут быть охарактеризованы точнее и дробятся мельче.

В XVI веке резьба делается стандартной, немного суховатой, мастеровито и четко выполненной. Очень много внимания уделяется разработке внутренней рамки, которая, чтобы уравновесить давление заключенной в нее надписи, становится все крупнее. Набираемая сначала из тех же мелких треугольников, что и внешний бордюр, она с 1530-х гг. все чаще формируется

новым элементом — лентой начерченных графьей вытянутых прямоугольников, разделенных одной диагональю. В образовавшиеся ячейки затем врезают прямоугольные треугольники — "косынки".

Сам по себе такой прием изредка употреблялся и раньше, но его применение в рамках — четкий признак середины XVI века. В конце столетия и в начале XVII века он еще встречается, но не так широко, как в 1530–50-х гг.

Вторым приемом нарезания внутренней рамки было нанесение ленты из обычных противопоставленных треугольников, но довольно крупного размера. Главным в них являлась очень тесная расстановка, при которой вершины треугольников практически достигали основания противолежащей линии. Это позволяло образовать между линиями четкий зигзаг — "змейку", поскольку треугольники были по форме близки равносторонним. Такие рамки чрезвычайно распространены в период 1550–80-х гг., хотя встречаются и несколько раньше, уходя частично и в начало XVII века.

Весьма интересны наблюдения над внешними бордюрами. Для второй-третьей четверти XVI века характерны широкие полосы, образованные двумя рядами противопоставленных треугольников. Эти ряды разведены так далеко, что треугольники могут не достигать вершинами общей линии, или едва касаются ее. При этом сами треугольники — мелкие, равносторонние, с коротким основанием (вытянутых пропорций), очень неглубоко нарезанные.

Важным разделительным признаком XV и XVI веков является использование квадратиков, образуемых графьей и разделенных двумя диагоналями. В ячейки врезаются затем четыре треугольника вершинами к центру, образуя четырехконечные крестики с расширенными рукавами. Эти элементы обычно используются для заполнения клейм, нанесения внутренней дополнительной полосы вдоль изголовья, "пояса", соединительных отрезков между "головой" и "плечиками". Хронологически они распределяются от начала XV до начала XVI века, особенно распространены в последней четверти XV. В течение XVI века их еще можно встретить, но уже как исключение.

В XV веке встречается много незаполненных изнутри кругов-клейм. В XVI — они практически исчезают, причем процесс начался, видимо, около середины XV века, так что в последние его десятилетия почти все клейма уже заполнены. Манера заполнять их вышеупомянутыми равноконечными крестиками архаична. В конце XV века она сосуществует со сложными решетками-звездочками (как клейма плиты архиепископа Сергия), а в конце первой четверти XVI века, в основном, сменяется "косынками".

Параллельно этому многообразию существует с конца XV века и широко распространяется заполнение в форме многолучевой розетки — обычно с восемью (реже 6, 10 и т. д.) лучами-лепестками. Они, как правило, разделены отчетливой графьей и нарезаны в виде крупных вытянутых и глубоких треугольников вершинами к центру. В конце XVI века входит в употребление и "вращающаяся розетка" с зигзагообразными искривленными лучами.

Поскольку мы не располагаем большим количеством плит конца XIV — середины XV века, выявить присущие этому времени приемы резьбы значительно труднее. Однако несомненно господство в начале периода свободно расставленных, крупных и глубоко врезанных треугольников, обычно равносторонних (или равнобедренных, с расширенным основанием).

К середине XV века встречается все больше тесно сдвинутых и несколько уменьшенных треугольников, ленты которых противопоставляются таким образом, что между ними образуется не столько зигзагообразная "змейка", сколько "цепочка" из неправильных ромбов, соединенных двумя тупыми углами. Этот прием сохраняется и в XVI веке, поэтому сам по себе он не может служить датирующим элементом.

Использовать признаки такого рода для датировок (исключительно по описанию, или даже на основе таблиц) затруднительно, — особенно, если имеешь дело с небольшими фрагментами, не позволяющими восстановить общую композицию. Поэтому нет смысла давать здесь подробное описание всех известных деталей. Однако на практике различия манер усваиваются быстрее. Непосредственное общение с материалом позволяет, учитывая разные элементы памятника, — тип композиции, сочетание приемов резьбы, толщину камня, форму двух-трех сохранившихся букв, — уверенно датировать фрагменты надгробий в пределах трети или четверти века.

Большая точность может быть достигнута только, если на плите поставлена дата, поскольку "мода" на оформление надгробий, заготовка их впрок, подражание образцам — растягивают хронологию любого элемента не менее чем на 25 лет.

ГЛАВА 6
ВОЗВРАЩЕНИЕ К АРХИТЕКТУРНЫМ ФОРМАМ
КОНЕЦ XVI — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVII ВЕКА

Изменения пропорций в XV–XVI вв.

Первые надгробные плиты Руси, при известном разнообразии формы камня, имели, как правило, небольшую толщину. Причины их постепенного утолщения в XIV–XV вв., видимо, практические — тонкие известняковые "доски" легко трескались и ломались под собственной тяжестью, "тонули" при оседании насыпей, быстро зарастали травой (во всяком случае, все это прослеживается археологически).

К концу XV века их обычная толщина достигла примерно 15 см, а к середине XVI — можно считать нормальной высоту плиты в 20–30 см и более. Очень долго их плоскостное восприятие все равно сохранялось — внимание было сосредоточено исключительно на лицевой поверхности, где разрабатывалась антропоморфная композиция.

Однако к середине столетия ситуация изменилась. Ведущее место на верхней грани прочно заняла надпись, совершенно оттеснив изображение к краям и стимулировав тем самым поиск иных поверхностей для декора, "сползание" его на боковые стороны. Этому способствовала потребность заполнить вытянувшиеся в высоту боковые грани. Наконец, отказ от дальнейшей разработки антропоморфного начала привел к ослаблению восприятия надгробия как подобия человеческой фигуры, что способствовало возвращению камням формы параллелепипедов.

Так сложились условия, обеспечившие перемены в восприятии надгробия. Отныне оно становилось не столько плитой, доской, плоскостью для узора или текста, — сколько трехмерным, объемным памятником. Говоря на

современном художественном жаргоне, надгробие можно было теперь с полным основанием отнести к области "малых архитектурных форм".

Термин этот, при всей его неказистости, довольно точно отражает суть дела. В пределах интересующих нас культур можно говорить только о двух разновидностях надгробий — о памятниках, подражающих облику человеческой фигуры, или об архитектурных сооружениях и их имитациях. Разумеется, существуют многочисленные варианты комбинаций обоих элементов, — но сути дела это не меняет, речь может идти лишь о соподчиненности все тех же двух понятий. Применительно к христианскому миропониманию можно указать и на глубокое осознание взаимосвязи таких коренных понятий, как "создание", "здание", "храм", "тело", "душа", выражающихся в сопоставлениях типа "тело — храм души".

Выше была продемонстрирована генетическая зависимость ранних плит Северо-Восточной Руси от архитектурной формы, унаследованной через храмообразные саркофаги с последующей переработкой рудиментарных признаков в антропоморфную композицию.

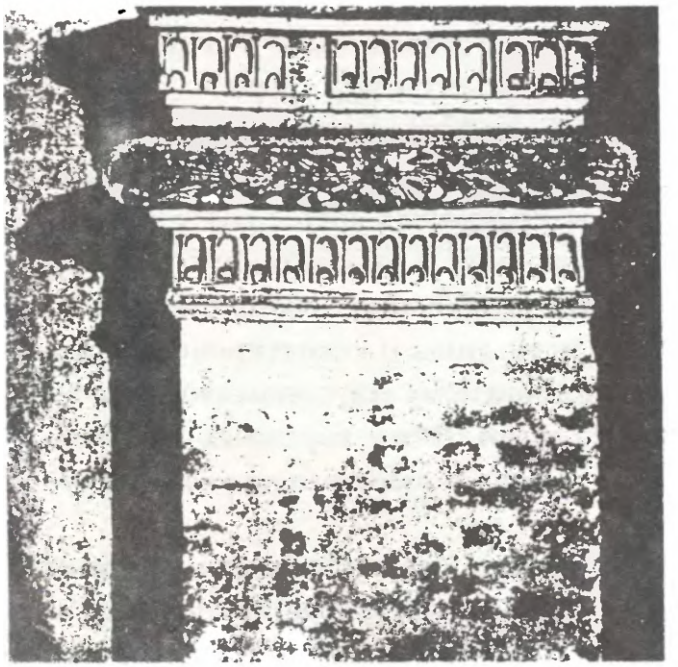
В конце XVI века мы сталкиваемся с обратным процессом — возвращением надгробию элементов, позволяющих трактовать его как подобие архитектурного сооружения. Основным его признаком стало распространение декора на боковых сторонах надгробия в виде рядов двойных желобков, трансформированных резчиками в арочные (ложчатые) мотивы.

Первые надгробия с каннелюрами

На орнаментацию боковых сторон надгробия как на характерную датирующую деталь обратили внимание давно, — однако никогда не пытались разработать ее подробную хронологию, изучить генезис и семантику.

Время появления первых надгробий с таким орнаментом точно пока не установлено. Два наиболее ранних экземпляра происходят из Высоко-Петровского (1562 г. Кат. ВПм № 11) и Троице-Сергиева (1569 г.) монастырей [*Николаева,* 1966. № 19. С. 236]. Известно также несколько экземпляров конца 1580–90-х гг. С начала XVII века их делается больше, но максимального распространения они достигают, видимо, во второй четверти столетия.

Редкость ранних образцов может объясняться не только медленным темпом усвоения орнамента, но и нашими ошибками в датировке — например, есть основания полагать, что надгробие Конана Клементьева (ВПм № 11) нарезано не в 1560-е гг., но в конце XVI — начале XVII века. Объем извес-

1

2

3

4

5

6

7

1. Капитель пилястры четверика церкви Вознесения в Коломенском. 1532/33 гг.; 2. Подставка ("Голгофа") из Кириллова Белозерского монастыря. XVI (?) в.; 3. Подставка пасхального подсвечника с мотивом аркады. Около 1170 г. Йерихов, приходская церковь. [*Mobius*, 1978]; 4. Плита конца XVI — начала XVII в. [Кат. Бм № 37]; 5. Плита начала XVII в. с датой 1562 г. [Кат. ВПм № 11]; 6. Плита последней четверти XVI в. [Кат. ВПм № 36]; 7. Плита конца XVI — первой половины XVII в. [Кат. ВПм № 53].

Plate XLIV. Russian Graveslabs with Fluting. Late 16–17th centuries. 1. A capital of a pilaster. Church of the Assension at Kolomenskoe, Moscow. 1532/1533; 2. Candle-support from Kirillov-Belozerskii monastery. 16th (?) century; 3. Candle-support with arcade, ca. 1170. Church at Ierihov; 4. Late 16th — early 17th-century graveslab. Side; 5. Early 17th-century graveslab with the date 1562. Side; 6. Last-quarter-16th-century graveslab. Side; 7. Late 16th — first-half-17th-century graveslab. Side.

тного для последней трети XVI века материала не дает основания ожидать обнаружения большого количества ранних памятников подобного вида. Но теоретически исключить возможность находки каких-то прообразов, датирующихся в пределах середины столетия, нельзя.

Наиболее острая проблема в изучении этих орнаментов — их формально-типологическая принадлежность. До сих пор она не была осознана, что сказалось в крайней расплывчатости терминологии. Орнамент называли "арочным" (по внешнему подобию), или "ложчатым" (по фольклорному названию типа резьбы), а при подробном описании употребляли и другие термины. Например, В. Б. Гиршберг дает практически рядом два разных описания для однотипных композиций: "средний ряд — закомары в два тяга один над другим" и " в два тяга чередуются со столбиками с треугольчатыми головками" [*Гиршберг*-1. С. 42, 45].

Нельзя отрицать, что к позднейшим вариантам вполне применимы именно бытовые, рабочие термины русских резчиков. Однако достаточно взглянуть на ранние образцы, датирующиеся концом XVI века, чтобы понять необходимость обращения к иной терминологической общности — к словарю классических архитектурных форм.

Боковые грани многих надгробий Москвы конца XVI века украшены ничем иным, как полосой двойных укороченных каннелюр. Наиболее яркий аналог их в архитектуре — серия желобчатых орнаментов, использованная в декоре церкви Вознесения в Коломенском для оформлении капителей колонн первоначального гульбища и капителей пилястр, самих пилястр, а также каменного трона на галерее — "царского места" [*Гаврилов,* 1991. С. 158–178; *Беляев,* 1992. Рис. 1]. Табл. XLIV 1–2

Важно заметить, что уже в этом памятнике, несомненно сохраняющем многие элементы классических декоративных форм, каннелюры использованы не только в их первоначальном, объемном виде, — с немного вынесенными вперед верхушками, как бы загибающимися наружу, — но и в трансформированном, уплощенном варианте. В последнем случае древние растительные формы преодолеваются и весь орнамент геометризируется — практически в той же степени, как и у надгробий конца XVI века.

При этом каннелюры, действительно, начинают выглядеть как арочные нишки с маленькой полуциркульной "конхой", в нижнюю часть которой встроена дополнительная "печурка". Крохотный архивольт последней может выступать или провисать, — в этом случае он ассоциируется еще с растительным элементом, — лепестком, от которого и происходит. Желобки каннелюр цер-

кви Вознесения и ранних надгробий помещаются вплотную друг к другу. Их разделяет глубокая вертикальная бороздка, вверху расширяющаяся и обрисовывающая внешний край большего архивольта.

Появление этой классической декоративной формы в Москве начала XVI века вполне естественно. Каннелюры были одним из излюбленных, очень широко применявшихся видов архитектурной орнаментики итальянского кватроченто. Они воспринимались как важная антикизирующая деталь, обозначающая интерес художника к наследию Греции и Рима. Например, в работах Микелоццо середины XV века (капитель колонны табернакля ц. Сан Миньято аль Монте во Флоренции) многие элементы которых выглядят довольно близкими прототипами московской архитектурной резьбы [*Лазарев*, 1979. Табл. 43].

Табл. XLVI 4

Кто-то из иностранных мастеров-резчиков, работавших в России в XVI веке, мог использовать этот орнамент для оформления надгробий и тем способствовать созданию прототипа. Хотя пока каннелюры как тип архитектурного орнамента зафиксированы в Москве только в 1530-х гг., возможно и более раннее их появление с учетом работы итальянских мастеров еще при Иване III.

Однако этого предположения, конечно, недостаточно для понимания причин переноса каннелюр с архитектурных деталей на надгробия. Тем более — для оценки предпосылок быстрого распространения подобной надгробной орнаментики в Московской Руси. Они лежат глубже.

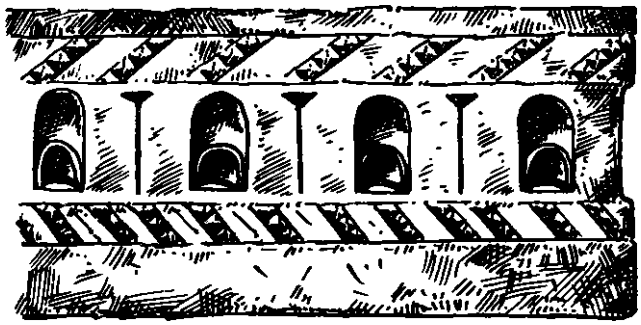
Каннелюры и аркады в памятниках Европы

Каннелированная поверхность стенок надгробных памятников часто встречается уже на рассмотренных выше храмообразных саркофагах Восточного Средиземноморья раннехристианской эпохи. Длинные желобки иногда тянутся от самой кровли до основания, создавая эффект ребристой поверхности [*Mendel,* 1966. T. 1. P. 394].

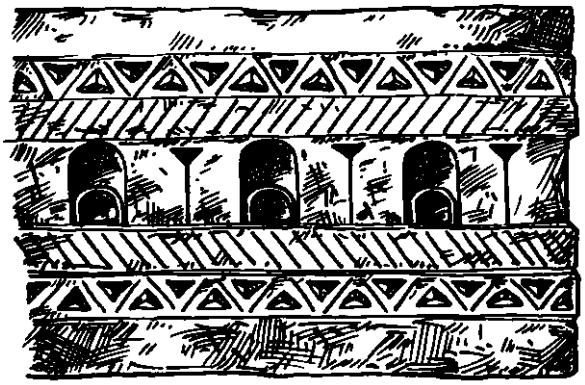
Табл. XLVI 3

Каннелюры вообще были в позднеантичную и раннехристианскую эпоху одной из самых любимых деталей — например, на широко распространенных в ранневизантийской архитектуре импостах ионических капителей [*Yegul,* 1974. Fig. 4, 5, 9, 12]. Применение тех же каннелюр, но искривленных в виде зигзагов, позволило создать наиболее популярный в памятниках Средиземноморья первой половины — середины I тысячелетия н. э. прием украшения поверхности "стригилями".

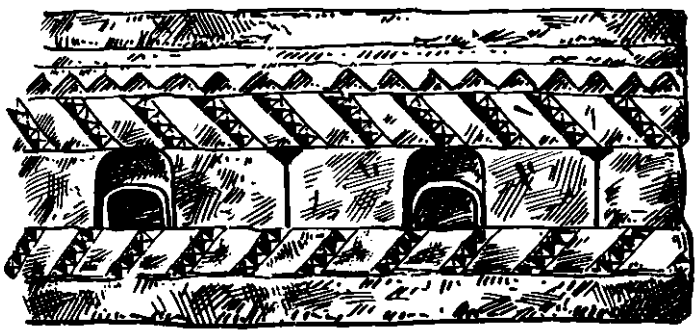
Табл. XLVI 1

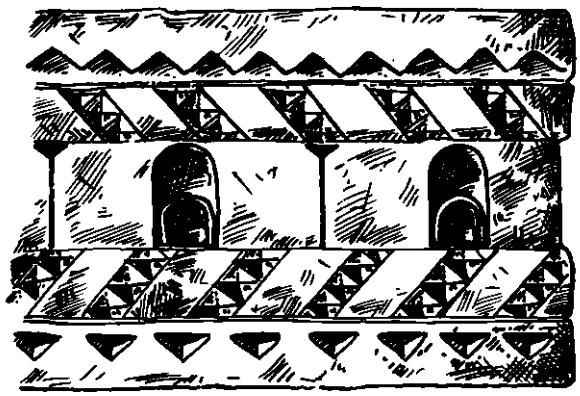
1

2

3

4

5

6

1. Плита 1605 г. [*Николаева,* 1958а.]; 2. Плита конца 1630-х гг. [Кат. Бм № 27]; 3. Плита середины XVII в. [Кат. ВПм № 51]; 4. Плита середины XVII в. [Кат. ВПм № 49]; 5. Плита середины XVII в. [Кат. ВПм № 50]; 6. Плита второй трети XVII в.(?) с датой 1615 г. [*Гиршберг,* 1954].

Plate XLV. Russian Graveslabs with Fluting. Late 16–17th centuries. 1. Graveslab with the date 1605. Side; 2. Graveslab of the late 1630's. Side; 3. Graveslab of the mid-17th-century. Side; 4. Graveslab of the mid-17th-century. Side; 5. Graveslab of the mid-17th-century. Side; 6. Graveslab of the second-third-17th-century with the date 1615. Side.

Можно говорить также о глубокой формальной и семантической связи мотива каннелюр с мотивом аркады — благодаря внешнему подобию, общности происхождения и применению в оформлении храмообразных саркофагов. Унаследованная от поздней античности традиция украшать погребальные сооружения аркадами или каннелюрами (архетипических корней которой, уходящих в предысторию, мы здесь не рассматриваем) — являлась, может быть, самой распространенной и устойчивой в искусстве украшения средневекового надгробия.

Ее можно наблюдать как непосредственно на памятниках, так и в отраженном виде (в миниатюре, прикладном искусстве, иконописи).

Примеры столь многочисленны, что затрудняют выбор, — поэтому ограничимся лишь немногими группами.

Табл. XLVI 2, 5

В раннем византийском искусстве и связанной с ним скульптуре западноевропейских провинций в середине I тысячелетия на основе аркады была выработана одна из важнейших в христианской иконографии устойчивых композиций — "крест под аркой" [*Nordhagen,* 1990. P. 366–374]. Средний и поздний византийский периоды демонстрируют нам развитие и распространение этой композиции, причем чаще всего — на стенках саркофагов [*Feld,* 1970. Taf. 1b, 2b, 3a, 7b, 8, 9; *Grabar,* 1976. Pl. 75 c, Pl. 13].

Табл. XLVIII 2

Неслучайность связи аркатурной декорации с погребением показывает ее упорное повторение в иконографии различных евангельских и церковно-исторических сюжетов, требующих изображения саркофага. Например, "Менологий Василия II" предпочитает именно эту форму. Ее же видим в ряде других рукописей и на произведениях прикладного искусства [*Grabar,* 1943. Pl. 18 : 2–4; *Maguire,* 1977. Fig. 7, 19; *Walters Art Gallery,* Pl. 79. № 613]. Раннесредневековая архитектура использовала аркатуру как важнейший семантический мотив при создании мартириума [*Grabar*, 1943. Pl. 8, 10] и еще прочнее связала его с темой смерти, погребения, загробной жизни и спасения души.

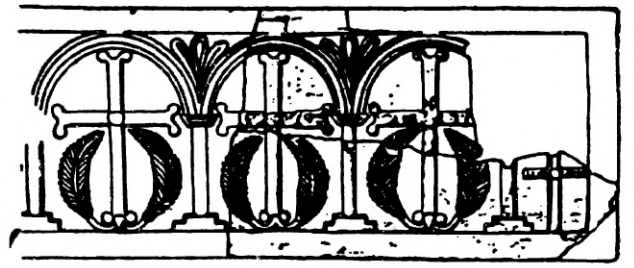
Табл. XLIX 1

Следует, конечно, помнить и о рядах ниш-аркосолиев в галереях византийских и вообще восточнохристианских церквей (в том числе и древнерусских), и о Гробницах Христа для пасхальных литургических драм в западноевропейских храмах, — также в виде аркосолия, часто — с аркатурным поясом по борту саркофага [*Brooks*, 1921]. Чередой аркатурных ниш, подобно каннелюрам древних малоазийских саркофагов, обведены стены погребальных церквей-костниц на Балканах вплоть до XIV века, христианские мартирии Кавказа и Крыма [*Грабар,* 1924; *Брунов,* 1927. С. 135–134;].

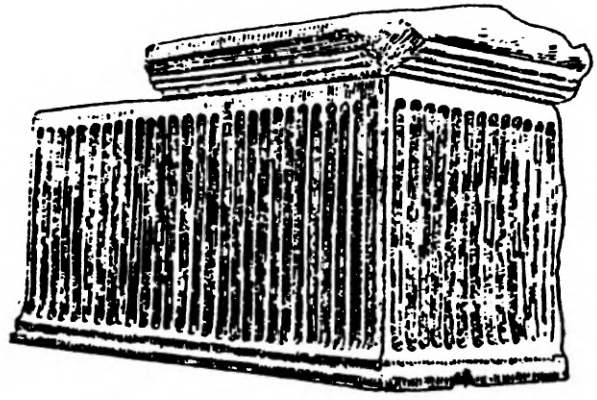
Табл. XLIX 3–4

1

2

3

4

5

1. Ионическая капитель Малой Азии ранневизантийского периода. Сарды. [*Yegul,* 1974]; 2. Стенка саркофага средневизантийского периода. Музей Анталии. [*Feld,* 1970]; 3. Микелоццо. Капитель колонны табернакля. Около 1447 г. Церковь сан Миньято Аль Монте, Флоренция. [*Лазарев,* 1979]; 4. Саркофаг с каннелюрами. Стамбул. [*Mendel,* 1966]; 5. Стенка саркофага средневизантийского периода. София, Археологический музей. [*Feld,* 1970].

Plate XLVI. Origin of Tombs with Fluting. 1. Design of Typical Ionic Impost Early Byzantine Capital. Sardis; 2. Sarcophagus front of Mid-Byzantine period. Antalya, Museum; 3. Michelozzo. Tabernacle column capital, ca. 1447. Church St Miniato al Monte, Florence; 4. Sarcophagus with fluting. Stambul; 5. Sarcophagus front of Mid-Byzantine period. Archaeological Museum, Sofia.

В западноевропейском искусстве развитого средневековья аркатурные украшения саркофагов или саркофагообразных надгробий можно считать господствующими мотивами, — причем их хтоническая природа в поздний период вполне осознается скульпторами. (Сцена Страшного суда в тимпане портала собора в Реймсе и ее оценка Э. Панофски). [*Panofsky*, 1994. Fig. 37. P. 62–63]. Мы находим аркатурно оформленные памятники в XI–XV вв. и позже в скульптуре абсолютно всех стран Европы, от Испании до Литвы, и от Греции до Скандинавии [*Howard*, 1991. P. 137–151; *Bauch*, 1976; *Panofsky*, 1964. Fig. 179, 182].

Табл. XLIX 2

Табл. XLVII 1–4

Прослеживается даже прямая взаимная зависимость форм архитектурных и надгробных памятников. Очень многие надгробия в позднем средневековье снова исполняются в виде храма — разумеется, с присущими ему современными чертами, например надгробие XIII века из музея в Барселоне [*Saint Bernard*, 1990], а храмы часто имеют облик сильно увеличенных саркофагов — как церковь Николая в Прилепе (Македония, конец XIII века) или костница Бачковского монастыря в Болгарии (XIV век).

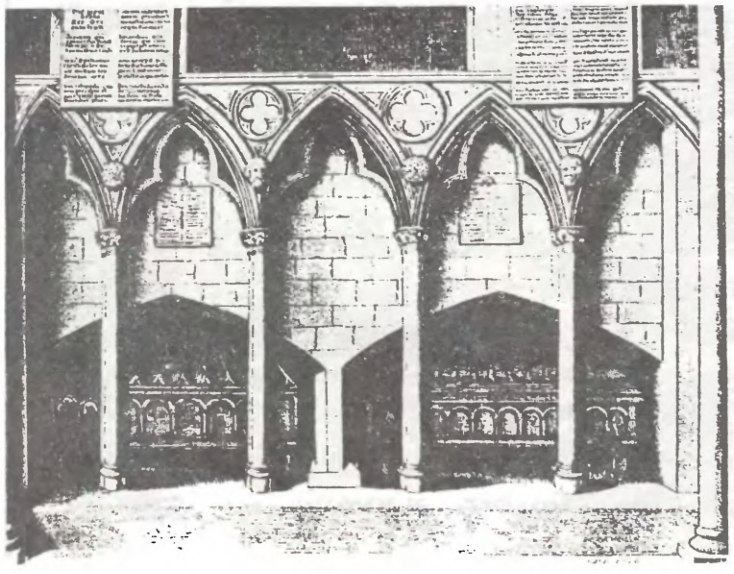
Все сказанное дает основания трактовать появление каннелированных (арочных) мотивов в русском надгробии XVI века как вполне закономерное явление, отражающее общность процессов развития искусства в Западной Европе, Восточном Средиземноморье и на Руси. Конкретная форма, которой следовали резчики Москвы в XVI–XVII вв., была предложена им западноевропейскими мастерами и закреплена в архитектурном убранстве поразившей общее воображение церкви в Коломенском.

До какой степени, однако, осознавалась москвичами древняя символика? Имелись ли предпосылки для ее адекватного восприятия в рамках национальной культуры?

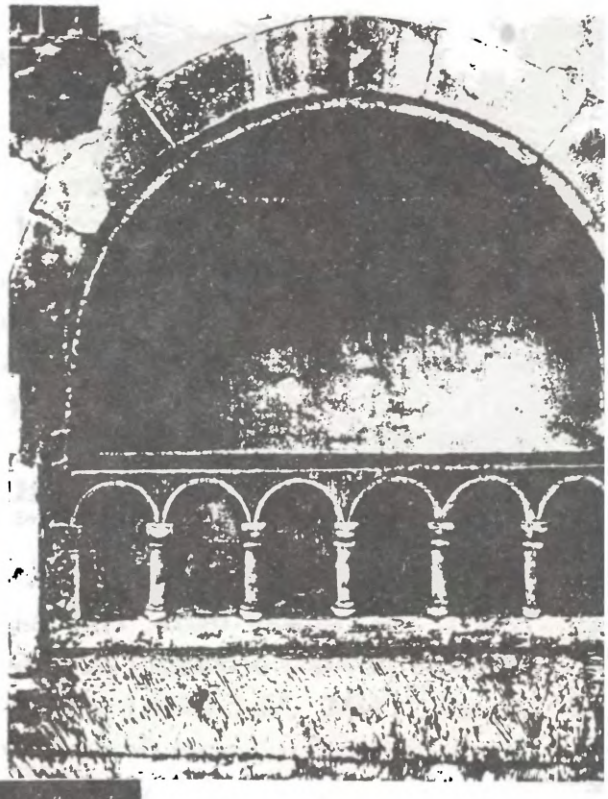
Мотив аркады и его семантика на Руси

Прежде всего отметим, что каннелюры-нишки встречаются как у надгробий, так и на других малых архитектурных формах, связанных с символикой смерти и Воскресения. Весьма типичным рядом каннелюр оформлена, например, подставка запрестольного креста в соборе Кирилло-Белозерского монастыря, несомненно рассматривающаяся как Голгофа. Это использование мотива не случайно.

Существенность мотива аркады в атрибутике христианского погребального обряда основана не только на его происхождении от древних саркофагов,

1

2

3

4

5

1. Саркофаги англо-саксонских королей в соборе св. Павла в Лондоне. [*Cook*, 1955]; 2. Типичное для романской архитектуры оформление стенки саркофага в аркосолии. Монастырский собор в Хаттенхайме-Эбербахе. Пфальц. [*Gassen*, 1991]; 3, 4. Стенки саркофага со стилизованной аркадой. Эпоха Меровингов. Школа Бургундии или Шампани. [Fossard, 1978]; 5. Умащение. Лиможское Евангелие. Библиотека Пирпонта Моргана, Нью-Йорк. [*Cook*, 1928].

Plate XLVII. Origin of Tombs with Fluting. 1. The tomb-chests of king Sebba and king Ethelred. Old S. Paul's Cathedral, London; 2. Sarcophagus side with arcade in the Cathedral at Hattenheim-Eberbach, Pfalz; 3, 4. Sarcophagus sides with arcade. Merovingian Period. France; 5. Anointing of the Body. Page from Limoges Gospels. Pierpont Morgan Library, New York.

и даже не на стремлении отождествить надгробное сооружение с храмом. Особую семантическую ценность мотиву придавали уже не раз упоминавшиеся представления об устройстве храма Гроба Господня — церкви Воскресения в Иерусалиме, а в более широком смысле — об устройстве идеального архитектурного сооружения — Горнего Иерусалима.

Отличительной чертой обоих, согласно средневековой иконографии, являлась обнесенность аркадой. Многочисленные западноевропейские изображения храма Воскресения показывали эту аркаду именно в виде ряда уступчатых ниш (например, на рельефе церкви Сен Поль-ле Дакс и других). [*Gerusalemme,* 1983; *Kuhnel,* 1987; *Jerusalem*, 198].

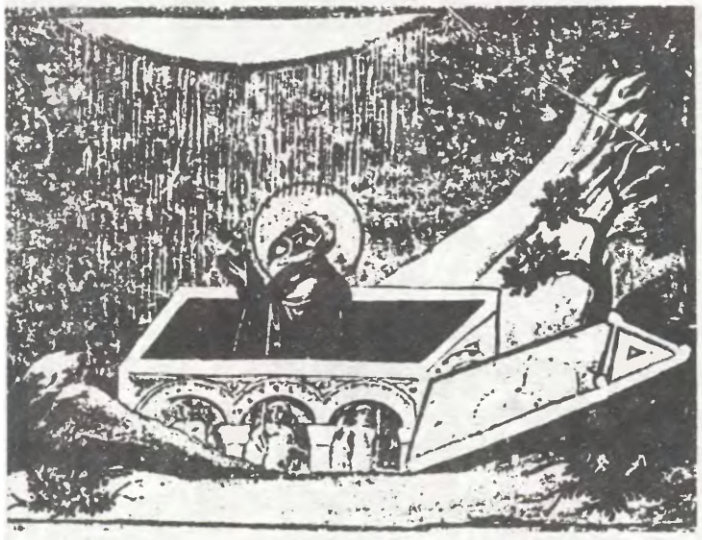
На Руси подобную же трактовку предлагали многие изделия. Из непосредственно надгробных памятников нужно обратить внимание на ряды печур, оформляющие стену Иерусалима на керамидах Пскова [*Плешанова,* 1966]. Но, может быть, еще важнее каменные иконки, в которых иерусалимские мотивы особенно разработаны. В одном из самых подробных изображений (ГИМ. № 54626) мы видим как "архитектурные" аркатуры (центральный барабан, окна боковых нефов), так и ряд из 8 арочек-печур в верхнем регистре саркофага Иисуса. Известно, что каменные резные иконки, распространенные в XIII–XV вв., сохранялись как реликвии очень долго, причем оказывали постоянное воздействие на процесс выработки форм прикладного искусства и даже архитектуры. Они служили своего рода "справочниками", или копилками образных форм, — почитаясь одновременно как священные предметы.

Табл. XLVIII 3

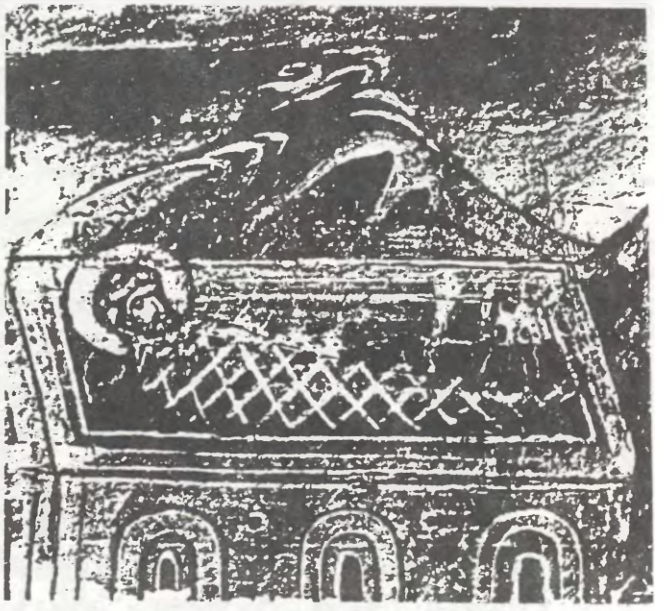
Следует допустить, во всяком случае для теологически образованной части общества, знакомство с толкованиями изобразительной символики Гроба Господня и Небесного Иерусалима уже с XII века, — учитывая некоторые возможные реминисценции "Видения Иезекииля", овеществленные в программах фасадной декорации храмов Владимиро-Суздальской земли [*Лидов*, 1994. С. 26–29]. Известно, что "романская" аркатура является одной из основных структурных составляющих этой декорации.

Более того, понимание аркатурного фриза как элемента погребального сооружения, а саркофага с таким фризом — как миниатюрного индивидуального храма и, одновременно, дома умершего — могло быть усвоено уже на рубеже X–XI вв. благодаря знакомству со средневизантийскими саркофагами. По крайней мере, один из древнейших в Киеве "саркофаг княгини Ольги" украшен аркадой, под которой изображены кресты, чередующиеся с "пальмами" [*Ермонская*, 1978. Илл. 1].

Табл. XVII 4

1

2

3

4

1. Святой в гробу. "Менологий" Василия II. [*Grabar,* 1943], 2. Жены-мироносицы. Берлин, Государственная библиотека, gr. qu. 66, fol. 96r. Фрагмент. [*Maguir,* 1977]; 3. Гроб Господень. Каменная иконка. XIII в. ГИМ. [*Николаева*, 1983]; 4. Положение мощей св. Луки Фрагмент. (Ватиканская библиотека, cod. 1613 p. 121).

Plate XLVIII. Sarcophaguses with Arcade in Russian and Byzantine Art. 1. A Saint in a sarcophagus. Menology of Basile II; 2. The Maries at the Tomb. Berlin, Staatsbibliothek, gr. qu. 66, fol. 96r. Fragment; 3. The Holy Sepulchre. Stone icon. 13th century. State Historical Museum, Moscow; 4. Deposition of the relics of St Luke. Vatican Library, cod. 1613 p. 121. Fragment.

О длительном пути трансформации эллинистических саркофагов, осененных арками и стоявших под открытым небом, — через храмы с внутренними аркосолями и фасадными аркадами — к двухэтажным церквям-костницам с погребениями в нижнем этаже, усвоенным московской архитектурой в конце XIV–XV вв., — прекрасно сказал в свое время Н. Брунов [*Брунов*, 1924. С. 140–144].

Разумеется, мы затронули лишь некоторые, сравнительно немногочисленные направления разработки каннелированных или аркатурных мотивов, которые распространились в русском надгробии конца XVI–XVII вв. Тем не менее, они помогают понять конкретно-исторические истоки подобной орнаментики, а также глубинные генетические связи ее формы и семантики.

Можно утверждать, что и в XVI–XVII вв. оформление надгробий Москвы вполне отвечало развитию западноевропейских памятников — хотя и в гораздо более скромных формах. Обрамление надгробий по боковым граням двухъярусными каннелюрами вернуло их в формально-семантическом отношении к архетипу "гроб/храм" и позднее открыло возможность воспринимать плиту как изображение реального (деревянного или из иного материала) гроба, подготовив распространение "псевдосаркофага" XVIII–XIX вв.

В определенном смысле аркатура позволяла уподобить надгробие архитектурному сооружению, делала его своеобразным заменителем настоящего храма. Из письменных источников известно, что в XVII веке над могилами сооружались уже и небольшие деревянные часовни. Маленькие шатровые навесы на столбах-дыньках изображены на видах Москвы. (Правда, на окраинных иноверческих кладбищах).

По-видимому, можно говорить о явно обозначающемся стремлении выработать сложную надгробную композицию, ориентированную, — как и большинство надгробий Европы, — на архитектурный объем. Однако эта художественная тенденция, едва обозначившись в конце XVI века, была вскоре трансформирована до неузнаваемости в ходе более широкого распространения желобчатых мотивов, приспособления их к уровню вкусов заказчика, к ремесленным навыкам московских резчиков.

Трансформация каннелюр в XVII веке

Табл. XLIV 4–7

Достаточно расставить каннелированные орнаменты памятников XVI–XVII вв. в хронологической последовательности, как сразу станет ясным направление их развития.

1

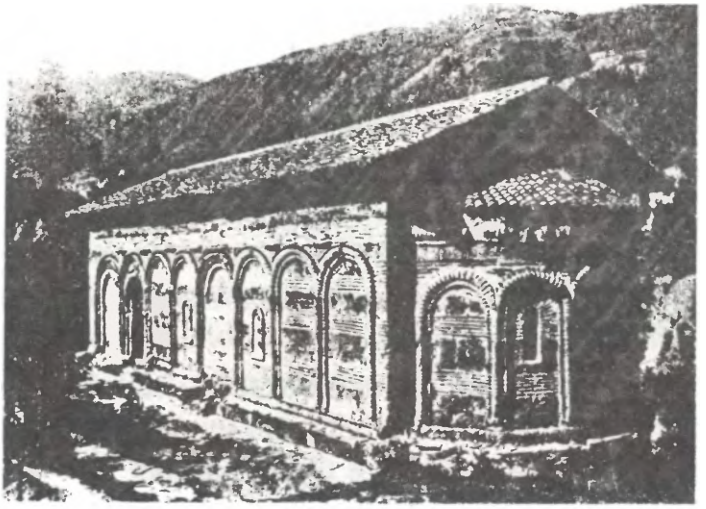
2

1. Стеатитовая иконка XIV в. Галерея Уолтерс, Балтимора. [Walters Art Gallery, Baltimore. 1947. Early Christian and Byzantine Art. An Exhibition].

Steatit icon. Byzantine, 14th century. Walters Art Gallery, Baltimore.

2. Скульптура портала собора в Реймсе. Reims. Portal. Timpanum. Фрагмент. [*Panofsky*, 1994].

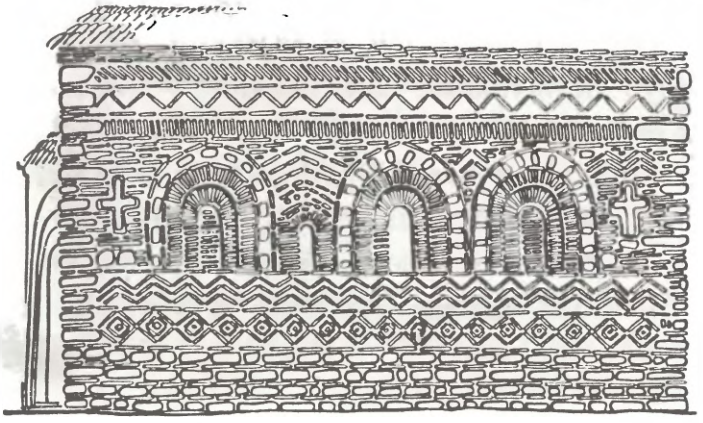
Relief. Reims. Portal. Timpanum. Fragment.

3

3. Болгарская церковь-костница. XIV в. Асеновград, Бачковский монастырь.

Bulgarian church. Asenovgrad. Bachkovskii monastery. 14th century.

4

4. Северный фасад церкви св. Николая в Прилепе, Македония. 1299 г. Рисунок.

North front of St Nicola Church at Prilepa, Macedonia. 1299.

Plate XLIX. Arcade in Christian Funerary Structures

Первые плиты несут декор, совершенно аналогичный архитектурным прототипам. Желобки каннелюр плотно прижаты друг к другу, вырезаны со стремлением передать объем, оба "архивольта" тщательно прорисованы и стремятся отделиться от плоскости грани. Пояс каннелюр занимает главное место на грани, по высоте он не менее половины (обычно — две трети). Пропорции самих желобков вытянутые (основание более чем вдвое уступает высоте).

Табл. XLV 1–6

Верхний и нижний края грани также ориентированы на архитектурные формы. Они обработаны в виде карниза и цоколя, зеркально повторяющих друг друга. От обоих ребер выступает прямая неширокая полочка, под ней (без уступа) — половинный или четвертной валик, объемность которого подчеркнута косой нарезкой в виде плотно обвивающей ленты или перекрученного жгута. Таким образом, пояс каннелюр несколько утоплен по сравнению с плоскостью обрамляющих элементов.

Все перечисленные признаки встречаются на плитах последнего десятилетия XVI — первой четверти XVII века. Во втором десятилетии XVII века начинают нарастать черты плоскостности и фольклорного декоративизма.

Прежде всего, утрачивается архитектурный смысл мотива каннелюр. Постепенно увеличивается расстояние между желобками, ранее совершенно незначительное в сравнении с шириной самих желобков. Они как бы отрываются друг от друга. Вскоре это расстояние делается равным желобку, затем превосходит его вдвое, а к концу развития, в середине XVII века, часто и втрое. Из "аркады" или ребристой каннелированной поверхности вырабатывается ровная плоская лента, на которую нанесены редкие низкие "печурки".

Чрезвычайно показательна для фольклорной трансформации выработка так называемых столбиков с треугольными завершениями, которые нарезают на поздних плитах в промежутках между печурками. Эти "столбики" есть не что иное как тень, образующаяся вдоль линии соприкосновения двух желобков на классической каннелированной капители или пилястре. В верхней части желобки "расходятся", образуя циркульные завершения — соответственно увеличивается промежуток между краями и тень разрастается.

В уплощенных каннелюрах церкви Вознесения и в ранней резьбе надгробий желобки отделяются один от другого просто канавкой с треугольчатым расширением наверху — согласно с циркульным завершением желобка. Они как бы изображают графически объемный прежде элемент, и выглядят в этой системе вполне естественно.

Однако позже нарезка теряет смысл — желобки не только перестают соприкасаться, но и далеко "уходят" друг от друга. Ее, однако, сохраняют как самостоятельный новый элемент — "столбик" с треугольной "капителью", делящий пополам пространство между "печурками". В какой-то степени это обеспечивает восприятие орнаментальной полосы как изображения некоего архитектурного мотива — отдельно стоящие арочки, чередующиеся с колонками, как бы поддерживают "антаблемент".

Но, по сути дела, поддерживать им нечего — "карниз" и "цоколь" к этому времени тоже утрачивают архитектоническое звучание. При этом они разрастаются, и принимают на себя все больше декоративных функций.

Прежде всего, меняются пропорции. Во второй трети XVII века бывший пояс каннелюр обычно занимает менее трети высоты, чаще всего — четверть, и даже пятую часть. Высота надгробия все время увеличивается, — высота же пояса постепенно сокращается, так что меняются не только пропорции, но и абсолютные размеры.

Освободившееся пространство заполняют новые орнаментальные пояса, обычно зеркально повторенные вверху и внизу. Сохраняется первая гладкая полочка. Следовавший за ней валик уплощается, его косые нарезки теряют S-образность и увеличиваются по длине. Между нарезками возникают широкие промежутки, а узкие читаются теперь как тонкая лента. Ее дополнительно украшают, нарезая "гранями" (рядами маленьких четырехгранных пирамидок).

Эта сравнительно простая композиция имеет варианты. Разгранка может упрощаться до косых насечек через равные промежутки, или оформляться еще каким-нибудь незатейливым приемом — например, "птичками". Тем не менее, полосы косой нарезки, как и "реликтовые" каннелюры — наиболее устойчивый декоративный элемент XVII века.

Новым, дополнительным украшением стали с XVII века пояса треугольников, которые вводились между гладкой внешней полочкой и косой нарезкой. Это типичная трехгранно-выемчатая резьба, использующая две противопоставленные ленты равносторонних или равнобедренных треугольников. Отличие от аналогичной резьбы на лицевой поверхности — в гораздо больших размерах и глубине треугольников, а также в большем разнообразии рельефа (часто нарезается только одна лента, с целью образовать зубчатый край, а не "змейку").

Все ленты орнамента середины — третьей четверти XVII века располагаются почти в одной плоскости. Это обедняет пространственное восприятие,

лишает памятник сходства с архитектурой или скульптурой. В самых поздних экземплярах заметны две противоположные тенденции — крайний декоративизм или, напротив, стремление к упрощению орнамента боковых сторон. В какой-то момент достигается предельная насыщенность резьбой. Разросшиеся орнаментальные пояса как бы сплющивают "каннелюры" и, в конце-концов, вытесняют их. После этого орнамент сразу делается суше, теряет разнообразность и привлекательность для заказчика.

Прослеженная линия изменений каннелированного орнамента от конца XVI до второй трети XVII века имеет большое значение для датировки археологических слоев и архитектурных памятников, поскольку позволяет датировать изделие в пределах 25—30 лет. К сожалению, публиковавшие надгробия авторы всегда обращают внимание прежде всего на лицевую поверхность — о боковых же орнаментах в лучшем случае упоминают, давая самое общее описание. Их фотографии и рисунки редко публикуются.

Предложенные здесь хронологические и типологические выводы основаны как на материалах Каталога, так и на всех опубликованных данных, — но не на сплошном обследовании музейных собраний (что предстоит осуществить их хранителям). При составлении свода потребуется дополнительно зафиксировать боковые элементы давно введенных в науку памятников. После общего обследования можно будет выстроить статистически обоснованную таблицу хронологии — пока же мы вынуждены удовлетвориться достигнутым уровнем наблюдений.

Для нас не менее интересны выводы историко-культурного характера. История надгробий с каннелюрами очень ясно рисует механизм проникновения, усвоения и дальнейшей трансформации художественных (в данном случае архитектурных) элементов, их формальное и семантическое истолкование. Отчетливо наблюдается медленное, длительное накапливание дискретных импульсов, поступающих различными путями и обеспечивающих постепенное знакомство с иконографией, — зачастую имеющей весьма древнюю и сложную основу. Импульсы усваиваются и перерабатываются не только формально. Одновременно происходит отбор и "впитывание" некоторых элементов семантической структуры.

На определенном этапе (в нашем случае — с рубежа XV—XVI вв.) перенос художественных форм и приемов оказывается достаточно значительным для того, чтобы индуцировать новую формальную традицию. На ее выработку, состоящую прежде всего в отборе годных к включению в рамки местных традиций структур или деталей, уходит подчас значительный промежуток

времени, видимо, необходимый для "привыкания", освоения технологии и т. п. Каменотесы и строители Москвы знакомятся с каннелюрами по крайней мере в 1530-х гг., а возможно и раньше, однако перенос их на плиты занимает еще не менее трети века.

Усвоенный в уже ослабленной форме, потерявшей часть изначально присущих черт, — импульс в дальнейшем подвергается более активному размыванию. На него воздействуют и глубже укоренившиеся традиционные представления, и местные технические навыки, и даже характер используемых материалов (в нашем случае — мягкий и нестойкий известняк вместо твердых пород камня Средиземноморья).

В конечном счете исходный образец, ориентированный на большую объемность, пространственное восприятие, арсенал классического архитектурного декора, — не получает необходимой поддержки художественной среды и растворяется в плоскостно-орнаментальной манере украшения, привычной и понятной как рядовым мастерам Руси XVII века, так и их заказчикам.

Разумеется, развитие и деструкция каннелированных орнаментов происходили не сами по себе, но под влиянием общего изменения надгробных сооружений, в тесной взаимосвязи с иными видами орнаментики и эпиграфикой. Обратимся к этому материалу.

Новые элементы в оформлении верхней грани: жгутовое плетение, обронная резьба, растительный орнамент

Новые подходы к оформлению надгробия выразились не только в распространении каннелюр. С конца XVI века изредка наблюдаются и более простые варианты украшения боковых сторон. Встречаются: карниз вдоль края лицевой грани; узкий валик посредине всех боковых граней, иногда с косой нарезкой и другие, всегда очень скромные, элементы. Не оставалось прежним и оформление верхней грани. Постепенно "тяжелеющие" надписи, — все более многословные, исполняемые усложняющейся вязью несколько укороченных пропорций, но с утолщенными и углубленными вертикальными элементами, — требовали более пышного обрамления.

Вероятно, в конце XVI века следует говорить о "пластической корреляции" трех элементов — эпиграфики, орнаментальной рамы и архитектонического декора боковых "фасадов". Строгой увязанности между ними, однако, нет, и можно часто встретить новый тип обрамления, нарезанный на тонкой плите без всякой надписи и боковых орнаментов, или плиту с архаичной треугольчатой композицией при каннелированных боковых сторонах.

Первым по хронологии из этих трех пластических элементов пока должен считаться переход к новому типу резного обрамления — жгутовому. Первые плиты с таким узором отнесены В. Н. Щепкиным, Н. М. Каринским и В. Б. Гиршбергом к середине XVI века, однако мне не известны строго датированные образцы этого времени. Н. М. Каринский упоминает о находке плиты с датой 1547 г. в Новодевичьем монастыре. Эпиграфической Комиссии, однако, этот памятник остался неизвестен, и проверить достоверность сообщения нельзя [*Каринский*, 1928. С. 269–270].

Следующий экземпляр — плита Марко Никитина — имеет весьма спорную дату и никак не может безоговорочно относиться к 1551 г. В. Н. Щепкин предлагал читать 1591 г., что гораздо вероятнее. Однако дата искажена неопытным резчиком, и осторожнее суммарно определить ее внутри второй половины XVI века [*Каринский*, 1928. С. 268–269; *Щепкин*, 1907. С. 82; *Гиршберг-1*, С. 33. № 57). Последний сравнительно ранний пример жгутового орнамента — обломок с датой 1568 г., определенный В. Н. Щепкиным. К сожалению, состояние камня не дает возможности убедиться в его правоте [*Гиршберг-1*, С. 36. № 66].

Более поздние камни со жгутовым орнаментом уже не могут относиться к середине века, это вторая половина 1570-х гг., что достаточно близко к моменту появления каннелированных плит [*Гиршберг-1* С. 38. № 70, 71]. Просмотрев наш каталог, выборка которого вполне случайна, легко убедиться, что наиболее ранний пример "жгута" — все то же надгробие Конана Клементьева, надписная дата которого — 1562 г. — может не соответствовать моменту изготовления.

Итак, на плитах вплоть до конца 1570-х гг. явно господствует треугольчатый орнамент с внутренней рамкой из крупных треугольников разного типа, и лишь в конце 1580-х гг. жгутовой декор становится если не полностью преобладающим, то во всяком случае вполне обычным.

Чтобы закончить хронологический обзор, отметим, что почти за сто лет, со времени публикации каталога В. Н. Щепкина, количество надгробий со жгутовым орнаментом, даже предположительно датируемых 1540–50-ми гг. не изменилось, — в то время как находки плит других типов этих же десятилетий многократно увеличились. Напомним, что был получен прекрасный пример плиты с очень ранней датой (надгробие И. М. Воротынского, 1535 г.) и жгутовым орнаментом, изготовленной в первой половине XVII века, и ряд других анахронистических надписей.

Вплоть до обнаружения экземпляров, несомненно датирующихся серединой XVI века, осторожнее предполагать возникновение жгутового орнамента примерно в один период с каннелюрами — внутри последней четверти столетия, ближе к концу. Даже если ранние экземпляры будут найдены, их число окажется невелико. Широкое применение подобной орнаментики в резьбе надгробий все равно придется на конец XVI века.

С формальной стороны жгутовая резьба описывалась всеми нашими предшественниками, поэтому подробную характеристику здесь можно опустить. Следует оговорить только, что с точки зрения истории развития орнамента смена трехгранно-выемчатой резьбы на жгутовую не выглядит резкой. И треугольчатая орнаментика, и жгут относятся к одному виду плетеных орнаментов — "косичек", "веревочек", "змеек" — разница только в методе воспроизводства, в прорисовке деталей.

Жгутовой орнамент — это тип трехпрядной косички: две перевитые друг с другом бесконечные ленты, состоящие каждая из трех тонких полосок. Ленты сплетаются на поворотах и особенно вокруг центрального клейма в довольно сложные узлы.

С победой жгутового орнамента общий рисунок бордюров и внутреннего заполнения становится более изысканным, извилистым, теряет сухость. Формы орнамента прихотливы и упруги, но он гораздо рельефнее и мягче, чем трехгранно-выемчатая резьба.

Тяжелое плетение не требовало добавочного усиления — поэтому внутренняя рамка вокруг надписи исчезает. "Плечики" и разделительная полоса начинают напоминать вазон, цветок или изогнутый побег растения, и сохраняют уже очень отдаленную связь с человеческой фигурой. Их можно сопоставить со стилизованными под цветок Голгофскими крестами, иногда встречающимися в надгробиях Западной Европы и Балкан. Общая композиция с крупной растительной розеткой в изголовьи и надписью под ней иногда разительно напоминает решения русских мастеров конца XVI–XVII вв. — по-видимому, это доказательство сходных результатов параллельного развития [*Йовин*, 1969. Црт. 3]. Табл. XLIII

Говорить о смене семантики или конкретном источнике жгутовой орнаментики трудно — плетенки совершенно аналогичных типов широко известны в позднеантичном искусстве, Византии, западном средневековье, да и на самой Руси. Обращение к ним, вероятно, вызвано меняющимися художественными потребностями и вкусами.

Можно, однако, отметить родственность интереса к плетению, которую демонстрируют мастера европейского Ренессанса в XVI веке с его усиленным вниманием к изображению сложных узлов, "бесконечных" лент и т. п. Вкомпонованные в тяжелые и мягкие извивы крупные розетки, подчас с лепестковым заполнением, превращались иногда в центры довольно замысловатых узоров.

В конце XVI—XVII вв. все большее значение приобретает растительная орнаментика, пышная резьба, подчеркнутый декоративизм. Чувствуется приближение барокко.

Надписи заполняют зачастую все поле вплоть до изножия, что требует специального расчета и немалого искусства. По-видимому, и орнамент, и надпись теперь режет один мастер, — что сразу сказывается на уровне исполнения. Вычурная декоративная вязь и, особенно, — входящая в моду в 1630-х гг. обронная резьба выпуклыми буквами по вынутому фону, — заставляет искать дополнительных эффектов обрамления.

Сложная игра света и тени, создаваемая укороченными буквами с "мясистыми" мачтами, "жирными" точками-перехватами, длинными изогнутыми косыми штрихами и смелыми выносами — требовала введения ранее отсутствовавших растительных элементов — побегов, цветов на стеблях, листьев, завитков, подчас искусно проработанных в "ориентализирующем" стиле московской орнаментики. В середине XVII века можно говорить о влиянии на резьбу оформления памятных досок, орнаменты которых гораздо ярче отражают воздействие европейского барокко. Об этом времени достаточно написано В. Б. Гиршбергом [*Гиршберг-2*. С. 213—218; *Гиршберг,* 1954]. Повторное изучение лучше будет предпринять в рамках комплексного исследования надгробий переходной эпохи, то есть последней трети XVII — первой трети XVIII века.

Во второй половине XVII века орнаментация лицевой поверхности плит постепенно теряет всякое значение — с нее уходит надпись, орнамент делается беднее и суше, он часто состоит из одной рамки, или даже исчезает совсем. Все внимание переносится на боковые грани — особенно, на торцевые поля, изножие и изголовье. Этот процесс, начавшийся несколько ранее, заслуживает рассмотрения в отдельной главе.

ГЛАВА 7
НАДГРОБИЕ И АРХИТЕКТУРА
СЕРЕДИНА XVII — НАЧАЛО XVIII ВЕКА

Новые виды памятников

Нам осталось рассмотреть изменения в оформлении надгробных плит на завершающем этапе русского средневековья. По сути дела, надгробия этого времени уже утратили главные из присущих им атрибутивных качеств — "двухмерность" и стремление сосредоточить внимание на "лицевой" плоскости. Если они и сохраняются, то лишь в рудиментарной форме.

Более того. В середине столетия наряду с плитами широко распространяется новый вид надгробного памятника — так называемые памятные доски, укреплявшиеся на вертикальных поверхностях. Их происхождение обнаруживает некоторую связь с плоским надгробием — но типологическое отличие слишком очевидно.

Было бы неверно, однако, совсем отказаться от изучения памятников конца XVII века под формальным предлогом трансформации плит в новые виды, в раннее саркофагообразное надгробие и памятную доску. Они интересны именно как изделия переходной эпохи, и сам процесс потери прежде важных характеристик — яркое свидетельство назревающих перемен.

Этот процесс невозможно понять, не принимая во внимание других форм надгробия, существовавших в XVII веке — а возможно и ранее — поэтому к рассмотрению привлекаются находящиеся вне изучаемой общности виды — например, кирпичные надгробницы с их "таблицами", псковские "керамиды" и другие.

Превращение плоской плиты в трехмерный, объемный предмет, в "малую архитектурную форму", а также распространение новых типов памятни-

ков, функционально, символически и художественно связанных с "большой" архитектурой — естественно приводит к изучению взаимоотношения надгробия и храма, вокруг и внутри которого располагались памятники, к изучению их места в общем погребальном ансамбле.

Надгробия вокруг храмов

К сожалению, мы очень мало знаем о традиции декоративного оформления рядовых могил на открытых некрополях XV–XVII вв. Сколько можно судить по археологическим данным, плиты XIV — середины XVI вв. клали просто на поверхность дернового холмика. Примерно с середины XVI века начинают появляться фундаменты под надгробиями — они несколько приподнимали плиты над землей и заменяли холмик. В XVII веке, особенно в его середине — второй половине, фундамент из рваного или вторично использованного тесаного белого камня (реже из кирпича) широко распространяется, становится почти обязательным. Иногда можно встретить отмостки вокруг плит конца XVI–XVII вв. из каменной лещади или кирпича, что свидетельствует о некоторых признаках благоустройства кладбищ. (Оградки или что-либо подобное не известны автору ни по описаниям, ни археологически или иконографически).

Немногочисленные рисунки открытых кладбищ XVII века (две гравюры из книги Адама Олеария и иноземное кладбище в Заяузье на плане к его "Путешествию"; кладбище на панораме Москвы И. Р. Сторна к "Путешествию" Мейерберга), показывают почти пустую территорию с очень редкими, плоскими или двускатными, надгробиями, деревянными крестами, индивидуальными четырехстолпными "рундуками" (часовнями или беседками). Все известные изображения показывают нам окраинные, открытые и просторные некрополи, сельские по типу, а не тесные городские.

Совершенно иная картина складывается при археологическом изучении внутренних городских (приходских и монастырских) кладбищ. Частые жалобы на их тесноту, звучащие в актах с середины XVII века, безусловно, имели основания. Погребения совершались вплотную одно к другому, очень часты случаи нарушения недавно совершенных захоронений. Особенно активно использовались участки вокруг храмов — не только у алтарей, но по всему периметру.

Несомненно, к концу XVI–XVII вв. почти каждый городской, а тем более монастырский храм был окружен как бы ковром из резных белокамен-

ных надгробий, который разделяли необходимые дорожки и площадки. Такими их, кстати, рисуют и описания наиболее известных монастырских некрополей XVII века — например, Троице-Сергиевой лавры.

Перенос надписи на боковые грани. Оформление торцов

Изменения заполненности кладбищ имели важные последствия. Далеко не ко всем камням стало удобно подходить. Увеличившаяся высота камней и фундаменты под ними мешали видеть лицевую сторону. Поэтому верхняя грань все чаще оставалась гладкой или украшалась скромной жгутовой рамкой без внутреннего заполнения.

Надписи в середине — третьей четверти XVII века стали наносить на высокие грани плиты, в одну строку. Начинали обычно с левой стороны, по ходу чтения. Затем переходили на торец изголовья и заканчивали справа. Полоса с надписью (врезной или обронной) могла сверху и снизу ограничиваться профилировкой. Более ранние даты таких надписей известны начиная с 1610-х гг. — однако они крайне малочисленны и, возможно, сделаны позднее.

К тому же такой вариант не получил особенного распространения. Ведь плиту в большинстве случаев нельзя было обойти с четырех сторон, — что было важно для чтения надписи. При наиболее экономичном и естественном расположении плит на кладбище — параллельными рядами — обычно сохранялась возможность обзора только с торцов. На этих сравнительно небольших вертикальных площадках (прямоугольных, квадратных или трапецевидных) в изголовьи или изножии в конце-концов и сконцентрировали надпись.

Перенося текст на торцевую грань, мастера изменили стиль обрамления. Старый жгутовой орнамент, сохранявший элементы архаичной антропоморфной композиции, навсегда остался "привязанным" к лицевой грани. Торцевые поверхности могли вообще не иметь орнаментации, но чаще текст обводили простой или профилированной рамкой в два-три облома (четверти, четвертные валики, гусек и другие). Самой распространенной формой растительного орнамента был зигзагообразный "бегунок" — примитивная переработка мотива виноградной лозы. (Этот архетипический христианский символ в церковном прикладном искусстве Руси XVII века был особенно популярен).

В последней четверти XVII века увеличивается количество сложных обрамлений. Композиции их сочных растительных или фантастических горель-

ефов заимствованы с рамок книжных титулов или из архитектурной резьбы периода "нарышкинского барокко". В оформлении надгробий эти мотивы удерживаются в течение всей первой трети XVIII века. Кроме того, в 1670–90-х гг. на торцах впервые появляются развитые эмблематические или символические изображения. Часто встречается Голгофский крест на трехступенном основании с черепом Адама и орудиями страстей, но иногда вырезались и другие эмблемы смерти.

Техника исполнения композиции на внутреннем поле остается традиционной как для текста, так и для "Голгофы" — это резьба треугольными в сечении "канавками", довольно часто заменяемая обронной. Рамки несложного рисунка обычно исполняются в невысоком рельефе, сколько-нибудь сложные композиции — в высоком.

Конечно, объяснять появление таких надгробий исключительно изменением обстановки на приходских кладбищах и, вообще, утилитарными причинами — значило бы обеднять их историю. В самой концентрации текста и декора на торцах, также как в новых изобразительных формах, можно заметить не только воздействие мотивов позднего барокко, но и явную связь с общим процессом развития погребального искусства на Руси, прежде всего, — с усложнением оформления захоронений в храмах. Попробуем проследить эту связь.

Надгробия внутри храмов

Захоронения в интерьере, как несравненно более почетные и укрытые от непогоды, принято было украшать гораздо разнообразнее. Плита-надгробие не была здесь ни единственным, ни даже основным памятником. В общий ансамбль входили собственно-архитектурные элементы (например, аркосолии), монументальные росписи, шитые покровы, нагробные иконы соименных святых и некоторые другие детали.

Разумеется, белокаменные надгробия тоже занимали важное место, — особенно, ссли некрополь располагался в специальном подклете (таком, как в соборе Новодевичьего монастыря, в церкви Всех Святых на Кулишках, в монастырских церквях Суздаля и им подобных) — но следует помнить, что другие элементы оформления просто исчезли от времени, каменные же плиты сравнительно долговечны.

Конструктивной основой памятника в интерьере храма часто были нагробницы (надгробницы). Это как бы двойная имитация — высокой камен-

ной плиты и саркофага, выполняемая из кирпича (а в ряде случаев — из дерева, например, над мощами). Такой цельный или пустотелый футляр, практическим назначением которого является прикрывать место захоронения, нес прочие детали оформления: надгробную плиту, покров, икону, иногда — роспись. В ряде случаев в XVII веке он мог делаться из белого камня, дополнительно украшаться резными деталями, которые расписывали и золотили.

Понятно, что нагробницы встречены в исключительно сохранных архитектурных комплексах, прежде всего, — в соборах Кремля. Одна из наиболее ранних (судя по времени захоронений) — серия из трех досок, установленных в нагробницах Иоанна Грозного, его сыновей Ивана и Федора (1584, 1582 и 1598 г.) в приделе Иоанна Предтечи Архангельского собора Кремля [*Панова*, 1987. С. 112–117].

Поскольку нагробницы были, как правило, достаточно высокими (до одного метра и выше) — плиту на их верхней грани монтировали сравнительно редко, гораздо чаще она помещалась на торце, обращенном к молящемуся.

Такая "доска" типологически воспринимается не как целое надгробие, а как его особая часть. Это небольшая табличка прямоугольной или близкой квадрату формы, с профилированной или орнаментированной рамкой. (Поскольку верх нагробниц часто был не плоским, а двускатным, или с довольно широкими фасками, — таблички могли иметь треугольное завершение или срезанные углы. Такие таблицы иногда описывают как "киоты").

Единственное предназначение табличек, в отличие от плит вообще — нести надпись. Орнаментальные таблицы без текста неизвестны. Их декоративная функция рассматривалась как второстепенная. Тем не менее, таблички сохраняли одно важное общее качество с плоско лежащими плитами — те и другие были неразрывно связаны с конкретным погребением, они с полным основанием могут быть названы *нагробными* памятниками.

Русское искусство XVI–XVII вв. знало еще один вид вертикально крепившихся интерьерных надгробий — так называемые керамиды. Это самая ранняя группа рельефных настенных досок, сформировавшаяся в Псково-Печерском монастыре, где они изготовлялись из поливной керамики с середины XVI века, а позднее — также из камня [*Плешанова,* 1966. С. 149–206; *Плешанова,* 1978].

Их текстовая формула ничем не отличается от принятой для надгробных надписей вообще. Однако в формальном отношении эта группа совершенно уникальна. Прежде всего, керамиды непосредственно закрывали индивиду-

альные погребения в нишах стен пещерных коридоров, восходя таким образом к традиции древнейших христианских надгробных досок. Вместе с самими пещерами они образовали подобие древних катакомбных храмовых комплексов с нишами-локулами, являясь непосредственной и важной частью архитектурного сооружения.

Хотя целый ряд иконографических мотивов керамид остался невостребованным, они могут рассматриваться как один из важных типологических прообразов торцевых композиций белокаменных плит конца XVII века.

"Памятные доски": хронология, причины распространения, связь с архитектурой

С точки зрения развития формы все рассмотренные выше варианты памятников — плиты с надписями на торцах; таблички нагробниц; псковские керамиды — могут рассматриваться как аналоги и предшественники настенных каменных досок, которые укреплялись внутри или снаружи храма, на его столбах или стенах. Этот вид надгробия получил особенное распространение в последней трети XVII — начале XVIII века. В литературе за ним утвердилось название "памятная доска".

Пожалуй, термин излишне широк. Он стремится включить лапидарную эпиграфику не только погребального, но и общего меморативного характера (например, строительные надписи). Однако подчеркнуть разницу между надгробием, непосредственно отмечающем место захоронения, и памятником, который может располагаться на известном расстоянии от него было, несомненно, необходимо. Это различие хорошо чувствовали уже сами составители текстов памятных досок — кроме традиционных рубрик надписи, они часто вводят указание на положение погребения относительно доски или того места, где она укреплена — например, "против сей таблицы".

Отметим, что все варианты специальных надгробных дощечек на Руси сформировались позже рубежа XV–XVI вв., то есть времени появления первых надписей на могильных плитах. Наиболее распространены известняковые плиты-таблицы. Довольно много их сохранилось in situ, укрепленными на стенах храмов вблизи грунтовых погребений, а также во вторичном использовании.

Среди несущих самые ранние надписи укажем таблицы, собранные в Спасо-Евфимиевском монастыре Суздаля. Они происходили из подземной усыпальницы с "палаткой" князей Пожарских и Хованских, разрушенной в 1810 г. Древнейшая из них датируется 1587 г., остальные — XVII веком. Все

они найдены во вторичном использовании, их даты не могут быть подкреплены стратиграфически. Неизвестно также, происходят они от нагробниц или со стен палатки [*Курганова* Н. М. 1995. С. 396–404].

Вероятно 1603-м годом должна быть датирована старейшая из памятных плит князей Воротынских во Владимирском приделе собора Кирилло-Белозерского монастыря [*Подъяпольский,* 1994. С. 19–20]. Важно подчеркнуть, что она сообщает о ряде разновременных событий, наиболее раннее из которых приходится на 1550-е гг. (смерть Владимира Воротынского, для которого тогда же построен придел), и лишь самое позднее — на 1603 г. (перенос в монастырь останков Михаила Ивановича и Логгина Михайловича). Таким образом, можно предполагать, что раньше, до 1603 г., информация о погребенных не была зафиксирована настенной доской.

Добавим еще один хорошо изученный комплекс — три погребальных палатки под западным притвором Троицкого собора Троице-Сергиевой Лавры. 20 сохранившихся на их стенах надгробий датируются от 1625 до 1709 гг. [*Николаева*, 1958].

Даты многочисленных табличек, вмонтированных в стены памятников Москвы (соборов Богоявленского, Заиконоспасского и других монастырей, приходских и домовых церквей) также не уходят глубже трети XVII века. Список легко продолжить, но в нашу задачу не входит перечислять все памятники Руси, сохранившие на стенах доски-надгробия XVII века. (Такая работа, однако, была бы очень полезна — полный каталог доступных изучению памятных досок XVI–XVII вв. нужен не менее, чем свод плитчатых надгробий).

Находки "памятных досок" единичны вплоть до первых десятилетий XVII века. С 1630-х гг. такие плиты встречаются уже часто, а в последней трети века достигают предельной распространенности. Богатые собрания этих памятников в Музеях Московского Кремля начинаются камнем 1657 г. (сообщено А. В. Гращенковым), а в музее "Коломенское" — 1634 годом [*Гиршберг-2*. С. 246]. Несомненно, у В. Б. Гиршберга были основания полагать, что "памятные доски" появились только в XVII веке [*Гиршберг-2*. С. 215].

Напомним, что таблички нагробниц во всяком случае не старше 1580-х гг. Среди них, впрочем, нет ни одной, с несомненностью изготовленной в эти годы. Плиты из усыпальницы Пожарских, например, имеют подозрительно похожую манеру нарезки текста и форму завершения, причем избранный шрифт — приземистый, с толстыми мачтами, вычурными деталями — более соответствует XVII веку. Следует помнить, что нам неизвестна дата сооружения усыпальни-

цы. Можно ожидать ее постройки, например, князем Дмитрием Пожарским для своих предков с заказом соответствующих таблиц, — как это произошло в Кирилло-Белозерском монастыре с усыпальницей Воротынских.

Плиты из придела Архангельского собора в Кремле, как и сами нагробницы, могли быть изготовлены заново в XVII веке при одном из переоформлений Архангельского собора. Они смонтированы на кирпичных кладках именно этого времени. Кроме того, под нагробницами сохранялись саркофаги с надписными крышками вровень с полом — следовательно, нельзя исключить отсутствие кирпичных футляров и их досок до XVII века. Найденная в том же приделе памятная доска М. Скопина-Шуйского, судя по содержанию текста, нарезана значительно позднее его погребения [*Панова,* 1987. С. 111, 116–117].

Конечно, нет оснований отрицать саму возможность знакомства Руси в XV–XVI вв. с таким видом артефактов как каменные памятные доски. Древнейшим образцом могли служить, например, доски 1491 г. на проезде Спасских (Фроловских) ворот Кремля, или им подобные, но не сохранившиеся до настоящего времени. В то же время совершенно очевидно, что более-менее активное употребление памятных досок как вида надгробий, за исключением псковских керамид, не может датироваться ранее второй трети XVII века.

По-видимому, более широкое распространение "стенных" табличек с надписями порождено теми же причинами, что и "собирание" всей информации на торец надгробия, — избытком захоронений в наиболее престижной, сакрально значимой зоне некрополя, на старых родовых участках.

Многочисленные дозахоронения практически на одном и том же месте не оставляли возможности разместить над ними все необходимые памятники, поэтому часть информации вынужденно перенесли на стены вблизи погребений. Расстояния между плитой и могилой могло быть довольно значительным — особенно, если плита относилась к старому захоронению, уже застроенному новыми галереями-папертями или другими частями храма. (В этих случаях таблица содержала сведения о первоначальном положении могилы).

В результате развития форм белокаменных надгробий, к концу XVII века сложились новые виды памятников, гораздо более тесно свзанных с архитектурой храма, чем предшествовавшие им плиты XIII–XVI вв. Эти виды — плита с торцевой нарезкой; нагробница с укрепленной в торце таблицей; "памятная доска". Все они, несомненно, родственны, и образуют в отношении архитектуры как бы иерархическую последовательность.

Нагробницы с надписными табличками внутри храма занимали особое, высшее место в этой иерархии, так как находились в наиболее сакрально значимом пространстве, осеняемом сводом.

Настенные памятные таблицы являлись декоративными элементами самих храмов, их материальной оболочки. Они постепенно заняли все наиболее пригодные места на столбах, нижнюю часть стен, опоры галерей. Таблицы играли определенную роль в сложении художественного облика как интерьера, так и наружных форм храма, тем более, что изначально были полихромными. С архитектурным декором второй половины XVII века их объединяло, вероятно, и единство исполнения. Сложные горельефы таблиц резали те же мастера, которые создавали пышное каменное убранство раннего русского барокко.

Памятные доски семантически дополняли облик храма как места объединения всех членов церкви — живущих и окончивших земной путь. Можно предположить, что помещение таблицы на стену храма устраивало родственников погребенного даже в большей степени, чем установка отдельной плиты вблизи от его стен. Ведь в этом случае происходило непосредственное соединение "личного" камня со всей массой других камней, составляющих церковь.

Не исключено также, что форма памятных таблиц, как бы закрывающих несуществующие ниши в стенах церкви (=пещеры), столь же оправдана символически, сколь и функционально. Она невольно рождала в сознании образ непосредственного захоронения в храме даже тех, кто погребен снаружи.

Индивидуальные плиты с торцевой "табличкой", располагаясь вокруг храма, образовали как бы периферийную область камней церковного некрополя, тяготеющих к стенам и постепенно включающихся в них. Напомним о широком использовании не очень еще старых надгробий в фундаментных кладках при обновлении церквей и о нарезке взамен утрачиваемых плит — памятных досок.

Единообразие оформления таблиц с текстом во всех трех случаях делало надгробные, меморативные элементы легко распознаваемыми и подчеркивало общность всех частей некрополя, одновременно "вбирая" их в единый архитектурный образ, центром которого являлся храм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русская народная материальная культура московского периода была в значительной степени эфемерной. Среди составляющих ее техногенез артефактов очень много недолговечных предметов из дерева, ткани и кожи. Наряду с основным источников информации — письменными памятниками — эти носители художественных традиций погибали при регулярных пожарах или истлевали по прошествии одного-двух столетий, почти ничего не оставляя историкам.

Можно указать лишь несколько классов вещей, остатки которых доходят до нас в массовом количестве. Это изделия из керамики, в основном посуда, детали архитектуры (изразцы и пр.), а также металлические предметы — орудия и оружие, украшения, церковная утварь, монеты.

Только один класс изделий почти всегда изготавливали из камня — это надгробные плиты. Они сравнительно эффективно противостоят времени и рассказывают нам о мыслях, художественных пристрастиях горожан и крестьян, о приемах и традициях русского камнерезного ремесла.

Подобно некоторым другим видам артефактов, надгробие существует в точке встречи нескольких пространств культуры, являясь произведением декоративного или изобразительного искусства, носителем письменной информации и "просто вещью" — то есть результатом определенных технических трудовых процессов. В этом — сходство с монетой, печатью, ювелирным изделием с надписью, до известной степени — с рукописью.

В одной книге очень трудно исследовать весь круг вопросов, возникающих при работе с надгробием. Определим, что же удалось сделать, и что еще предстоит в ближайшее время.

Осуществлена попытка яснее представить общее направление развития надгробной плиты в средневековой ("московской") России как особого вида артефакта, археологического памятника.

Для этого рассмотрено ее происхождение, установлена генетическая (формальная и культурно-историческая) связь с погребальными монументами средневековой и раннехристианской Европы. Определена стадиальная синхронность, общая художественная и семантическая близость надгробий Московской Руси к памятникам Запада (а в некоторых отношениях — и Византии) эпохи романского и готического искусства. Пути и судьбы отдельных иконографических мотивов рассмотрены с особой подробностью именно с целью продемонстрировать включенность русского надгробия в контекст единой образной системы европейского христианского искусства.

В отношении внутренней критики источника, каковым представляется вся общность надгробных плит Руси, также достигнуто определенное продвижение. Предложена система признаков, позволяющая выделить и охарактеризовать существенные этапы в развитии погребальных памятников. Взаимосочетание отдельных декоративных элементов позволяет типологически датировать некоторые образцы орнаментов гораздо точнее, чем ранее. Дальнейшее сопоставление со стратиграфическими и эпиграфическими датами устанавливает хронологические рамки композиционных вариантов с точностью до трети века, его четверти или даже десятилетия.

Формально-типологический анализ в сочетании с культурно-историческими аналогиями позволил, наконец, определить, хотя бы в общем виде, семантические структуры, стоящие за орнаментальными композициями, ранее представлявшимися, в силу своей рудиментарности, примитивными и почти бессмысленными. Это, в свою очередь, указало нам внутренние стимулы развития композиции, дало возможность увидеть внутренние противоречия в характере оформления русских позднесредневековых надгробий. Суть этих противоречий можно определить как доминирование информативно-знаковой системы ("слова") над художественно-образной. По мере развития первая быстро подчинила и вытеснила на периферию изначально единую орнаментально-изобразительную структуру.

Оказалось, что стадии развития надгробной плиты хорошо сочетаются с общей историей Московского государства, его культуры (в том числе письменности) и особенно — московской (среднерусской) ремесленно-художественной культуры. Этот вид изделий позволяет проследить особенности вкусов, видоизменения "моды", механизм восприятия, усвоения и переработки чуждых стилевых элементов с редкой полнотой, поскольку сохранившиеся образцы довольно многочисленны и представляют все элементы изучаемой общности.

* * *

Конечно, многое осталось за рамками книги. Сюда не включены палеографические экскурсы и таблицы, над которыми продолжается работа. По-видимому, назрела необходимость и в более подробном топографическом очерке, который покажет основные места скоплений плит, известные как в Москве, так и в других русских городах. Несомненно интересной обещает быть работа по параллельному изучению плит и позднесредневековых "кладбищенских синодиков"; генеалогические исследования, из данной книги практически исключенные, и целый ряд других тем.

Некоторые из них, однако, возвращают нас к уже поднимавшемуся вопросу создания свода. Повторим, что основная проблема сегодняшнего дня — сохранение надгробий, а также составление и публикация периодически выходящего свода надгробных средневековых памятников Руси, или хотя бы указателя к нему. Образцами для такой работы могут быть приняты некоторые давно зарекомендовавшие себя своды Франции (Corpus), Германии (DI), Англии (CASS) или многочисленные отечественные примеры, такие как корпус античной эпиграфики Причерноморья.

Однако свод может быть подготовлен только при активизации работы на местах, в городах, "в поле", в музейных хранилищах — до чего пока далеко. Нужно описать памятники, собранные в лапидариях музеев. Организовать специальные поиски и фиксацию неизвестных еще плит на старых кладбищах, в заброшенных и в возрождаемых монастырях; вокруг церквей, на средневековых городищах и селищах. Снарядить в особенно интересные места специальные "эпиграфические" экспедиции, подобные археографическим.

Надгробные памятники русского средневековья сегодня еще доступны каждому, они в буквальном смысле слова у нас под ногами. Каждый день фрагменты, целые плиты, вторично использованные камни открывают стро-

ители в городах, особенно при реставрации храмов. Их можно найти и просто в селе, а подчас — на старом кладбище в лесу, в поле, в фундаменте дома.

Многие некрополи оказываются неожиданно ранними или вообще неизвестными — например, археологические наблюдения на окраинах старой Москвы почти всегда дают плиты XVI века (недавние открытия — в церкви Николы на Щепах; при работах вблизи Зоопарка и другие). Даже в столице многие из надгробий тут же вновь исчезают, не успев привлечь внимания, а то и гибнут, перерабатываются на щебень, перетесываются. Наши наблюдения на многих объектах, где работы велись без участия археологов (например, вокруг церкви Успения на Малой Дмитровке) заставляют прийти к самым печальным выводам. А ведь нельзя пренебречь даже мелкими фрагментами — они помогут установить дату здания, слоя, урочища. Нечитаемые с первого взгляда надписи, скорее всего, восстановятся после тщательной работы. Спасти если не сами памятники, то хотя бы информацию о них — в силах каждого.

Публикацию этой книги хочется рассматривать как начало работ над единым корпусом. В какой-то мере она может служить пособием и справочником. Поэтому именной указатель к плитам и библиография стремятся охватить специальную литературу по предмету в целом.

Открываемую серию подготовительных публикаций к своду предполагается продолжить. В этом случае указатель станет своего рода копилкой информации и будет формироваться методом "нарастающего итога", включая каждый раз новые имена и местности.

Мы приглашаем к сотрудничеству в следующих томах "Русского средневекового надгробия" всех коллег, интересущихся темой и готовых работать над будущими изданиями; всех, кто располагает неизвестными нам материалами. Мы будем благодарны также за любые дополнения и поправки к публикуемому указателю — особенно генеалогические, которые включим в его переиздание.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЭКСКУРСЫ

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЭКСКУРСЫ

Раздел экскурсов введен с целью расширить проблематику, затронутую в основной части, предложить необходимые дополнительные материалы, — не затормозив при этом общий ход изложения, и так чрезвычайно загруженного попутными разъяснениями. Здесь собраны отступления, посвященные важным проблемам иконографии, семантики, филологии, — но также и публикационный материал по отдельным плитам, слишком большой для того, чтобы включать его просто в Каталог. Часть материалов публиковалась ранее в виде статей, которые заново переработаны. Другие готовились специально для книги.

Экскурсы рассматриваются как небольшие самостоятельные работы. Поэтому пришлось пойти на незначительные по объему повторы материала.

Экскурс 1 крайне важен для понимания генезиса и семантики одной из древнейших композиций орнамента — "три круга".

Экскурс 2 дополняет Каталог редким экземпляром рельефного надгробия — плитой Ивши Ободаева. Сопровождающее исследование семантики показывает возможности подхода к толкованию трехконечного креста как жезла/посоха. Оно серьезно изменено сравнительно с публикацией 1988 года.

Экскурс 3 примыкает сюжетно к экскурсу 2, поскольку посвящен возможности изображения на средневековых русских плитах знака креста с догматической точки зрения.

Экскурс 4 посвящен одному из самых интересных иноязычных надгробий Москвы — плите Каспара Эльферфельдта. Он дополняет описание аналогичных памятников из Данилова монастыря. Рассматривается также топография кладбищ иноверцев в XVI–XVII вв. Статья была опубликована по-немецки [*Beljaev,* 1991]. Здесь дается ее переработанный русский вариант.

Экскурс 5 не публиковался. Он представляет самостоятельную работу, необходимость которой для исследования надгробий очевидна. О ее интересе с точки зрения общей истории письменной культуры Московской Руси предоставим судить читателю.

ЭКСКУРС 1
ЭЛЕМЕНТЫ РОМАНСКОЙ ИКОНОГРАФИИ XII ВЕКА В ДРЕВНЕРУССКИХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ ГРОБА ГОСПОДНЯ

Изображение Гроба Господня в древнерусском искусстве не относилось к числу особенно популярных тем. Исключение представляет область малой пластики, прежде всего резанные по камню иконки и восходящие к ним отливки из меди, некоторые изделия из благородных металлов [*Николаева*, 1983; 1976; *Рындина*, 1973]. Они неоднократно рассматривались как отражающие воздействие западноевропейского искусства [*Николаева*, 1983; *Рындина*, 1968; 1978; *Пуцко*, 1995], в котором тема Гроба Господня активно разрабатывалась под влиянием литургической драмы [*Brooks*, 1921; *Sheigon*, 1987; *Андреев*, 1989].

Однако конкретные детали, определяющие иконографическое сходство, до сих пор изучали сравнительно редко. Некоторые из них чрезвычайно важны для понимания процессов переноса в древнерусское искусство элементов западной иконографии. К таким деталям относятся, в частности, приемы изображения саркофага или погребальной скамьи Иисуса Христа в храме Воскресения в Иерусалиме.

На иконках, которые традиционно датируются XIII–XV вв. (хотя точная дата их появления не может считаться окончательно установленной) под Гробом Господним часто подразумевали именно само погребальное ложе (или саркофаг), о чем недвусмысленно говорят встреченные надписи.

Среди нескольких способов его оформления выделяется вариант в виде ряда из трех концентрических кругов или лунок. В своде каменных иконок среди изображений Гроба Господня украшенные таким образом саркофаги

1

2

3

4

1. Оплакивание. Жены-мироносицы. Рельефы капителей западного портала собора в Шартре. 1150–1155 гг. Фрагмент. [*Stoddard,* 1987]; 2. Жены-мироносицы. Каменный рельеф капители. Вторая половина XII в. Сен-Пьер-о-Парвэ, Суассон. Фрагмент. [*Lapeyre,*1960]; 3. Жены-мироносицы. Середина XII в. Рельеф капители восточного фриза собора в Этампе. [*Nolan,* 1990]; 4. Каменная иконка XIII (?) в. [*Николаева,* 1983].

Plate L. The Holy Sepulchre in Art. 12–15th centuries. 1. Entombment. The Maries at the Tomb. Relief of the West Portal of Chartres Cathedral. 1150–1155. Fragment. 2. The Maries at the Tomb. Relief of capitel. Soissons. Saint-Pierre-au-Parvis. Fragment. 3. The Maries at the Tomb, mid-12th century. Etampes, Notre-Dame, east frieze; 4. Stone icon, 13th century (?).

составляют примерно 40 %, в то время как любой другой вариант не насчитывает и 10 % [*Николаева,* 1983. №№ 153, 160, 161, 166, 188, 191, 194, 156, 158, 192, 193, 215, 272, 274, 275, 286 и др.]. Сохранение этой версии вплоть до начала XV века на Руси подтверждается точно датированными вещами, такими как складень мастера Лукиана 1412 г.

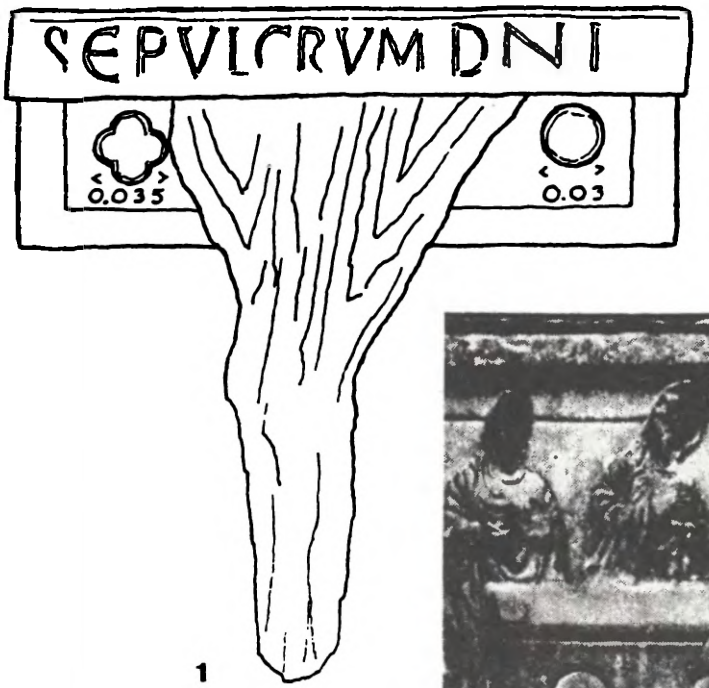
Чем же объясняется устойчивость, распространенность этого варианта? Во-первых, особой популярностью такой иконографии в искусстве позднероманской и раннеготической Европы. Во-вторых, его соответствием реальному облику иерусалимской святыни в XII веке. В-третьих, тем, что художники Древней Руси имели достаточно возможностей познакомиться и с образцами романской иконографии, и с их прототипом. Доказательство трех сформулированных тезисов и составляет предмет экскурса. Табл. L 4

Начнем с выделения изучаемого варианта изображения саркофага в памятниках Западной Европы. Иконография евангельских сюжетов, в которых представлен Гроб Господень, может считаться одной из самых разработанных в современном искусствознании. Главные этапы трансформации его изображения, начиная с фресок Дура-Европос и заканчивая постсредневековыми моделями Гробницы в храмах Западной Европы, давно и прочно установлены.

Еще в XIX веке было замечено, что изображения делятся на два основных типа — в одном Гробница предстает в качестве пещеры или архитектурного сооружения, в другом — главное место занимает сам гроб, чаще всего трактуемый как каменный саркофаг. Архитектурные сюжеты, сопоставление которых позволяло реконструировать формы ранних храмов Гроба Господня в Иерусалиме, изучали особенно охотно.

Саркофагу повезло меньше. Варианты его оформления, однако, столь же интересны. Они довольно разнообразны и часто воспроизводят конкретные формы погребальных сооружений, знакомых художникам из повседневной жизни. Хотя этот факт отмечался, однако детального сопоставления изображений с реальными прототипами никогда не делалось.

Конечно, большинство мастеров не копирует современные им артефакты, но лишь следует предшественникам, находясь в русле традиции. Но тем важнее выяснить реальные отправные точки создания новых версий. Например, в ряде случаев художники изображают типичные позднеантичные саркофаги "со стригилями", в других — храмообразные восточносредиземноморские гробницы или их более поздние "средневизантийские" варианты.

1

3

2

4

1. Воскресение. Рельеф. XII в. Сен-Трофим, Арль. Деталь. [*Dyggve,*1962]; 2. Жены-мироносицы. XII в. Крипта церкви св. Петра в Утрехте. Деталь. [*Timmers,* 1971]; 3. Жены-мироносицы. Рельеф архитрава фасада. Середина XII в. Сен-Жиль-дю-Гар. [*O'Meara,* 1977]; 4. Жены-мироносицы. Гульельмо Иннсбрукский. Рельеф кафедры для собора в Пизе. 1159-62 гг. Сейчас в соборе Кальяри, Сардиния. Деталь. [*Crichton*, 1954; *Bossaglia,* 1968].

Plate LI. The Holy Sepulchre in Art. 12–15th centuries. 1. Resurrection. Saint-Trophime, Arles. Relief, detail. Drawing; 2. The Maries at the Tomb. 12th century. Relief, detail. St Peter's Collegiate Church. Utrecht; 3. The Maries at the Tomb. Saint-Gilles-du-Gard. Frieze relief, detail; 4. The Maries at the Tomb. Guglielmo from Innsbruk. Pulpit (detail). Cathedral, Cagliari, Sardinia.

Известны случаи следования местным образцам, например, распространенным у франков и германцев саркофагам с "оковками".

Исследователи склонны воспринимать изображения на саркофагах позднего средневековья как декор, лишенный реального семантического звучания, отражающий лишь художественные пристрастия мастеров или заказчиков, в лучшем случае — сохраняющий десемантизированные рудименты более древней иконографической традиции. Однако такой подход не всегда верен. По меньшей мере в одной изобразительной версии отразился процесс трансформации реальных форм главной святыни Иерусалима и представлений о ней в Западной и Восточной Европе XII века. Попробуем это проследить.

В романской иконографии уже предлагалось выделить группу изображений саркофага Гроба Господня с тремя кругами (лунками, отверстиями) в крышке или стенке. На нее обратили внимание в связи с изучением "модели" Гробницы в Аквилее [*Dyggve,* 1962; *Piussi,* 1977] и рак средневековой Англии [*Crook,* 1990]. Однако полностью, а тем более вместе с древнерусским материалом, группа не изучалась.

Хронологически такие изображения тяготеют к середине XII века, но имеют чрезвычайно длинный "шлейф" подражаний, тянущийся вплоть до рубежа XV–XVI вв., а в переработанном виде встречаются и позже. Более древние изображения этого типа существуют, но крайне малочисленны. Эта иконографическая деталь воспроизводилась в самых разных областях искусства. Познакомимся прежде всего со скульптурой.

На капителях западного портала собора в Шартре (конец 1140–1155-х гг.) дважды (в сценах "Оплакивание" и "Жены-мироносицы") представлен саркофаг с крайне выразительными, маленькими и глубокими лунками [*Stoddard,* 1986. Fig. 42; *Schiller,* 1971. V. 2. Fig. 591]. Иконографически и хронологически близкий этой серии восточный фриз капителей собора Нотр-Дам в Этампе изображает саркофаг почти таким же, только лунки несколько крупнее и не столь глубоки, а периметр стенки очерчен графьей [*Nolan*, 1990. Fig. 16]. Табл. L 1, 3

Два четких углубления вырезаны на стенке саркофага в сцене "Преображение" рельефа угловой пилястры крейцганга церкви св. Трофима в Арле. Они должны, видимо, читаться как отверстия. Свисающий посредине саван закрывает место третьей лунки. Отметим, что левое углубление уже не круглое, оно имеет форму четырехлепестковой розетки. Памятник датируется второй половиной XII века [*Dyggve,* 1962. Abb. 3, 4; *Corpus,* 1989. T. 14. Tb. XV. fig. 31]. Край савана разделяет четыре четких круговых отверстия и Табл. LI 1

в стенке саркофага на витраже собора св. Петра в Пуатье, XII века [*Male,* 1976. Fig. 118].

Табл. L 2 В рельефе капители северного портала церкви Сен-Пьер-о-Парвэ в Суассоне (2-я половина XII века?) в сцене "Жены-мироносицы" сидящий на краю саркофага ангел закрывает правую "лунку", но две другие хорошо видны — они очень мелкие и обведены двойной графьей [*Lapeyre,* 1960. Fig. 118].

Табл. LI 2 Еще один вариант подобного решения предложен мастером, резавшим четыре каменные рельефные плитки в крипте церкви св. Петра в Утрехте. Здесь ангел помещен на отдельной квадратной плите, мироносицы — на соседней. Ангел закрывает примерно половину стенки саркофага, а все три лунки собраны в оставшейся части и композиционно отвечают нимбам "Трех Марий". Кроме того, в эти довольно большие круглые лунки вписаны равноконечные кресты со слабо расширяющимися ветвями, что сразу соотносит декор с традиционным убранством раннехристианских саркофагов [*Timmers,* 1971. Afb. 398; *Hoekstra,* 1988. P. 13. Pl. IV: c, d, e, f].

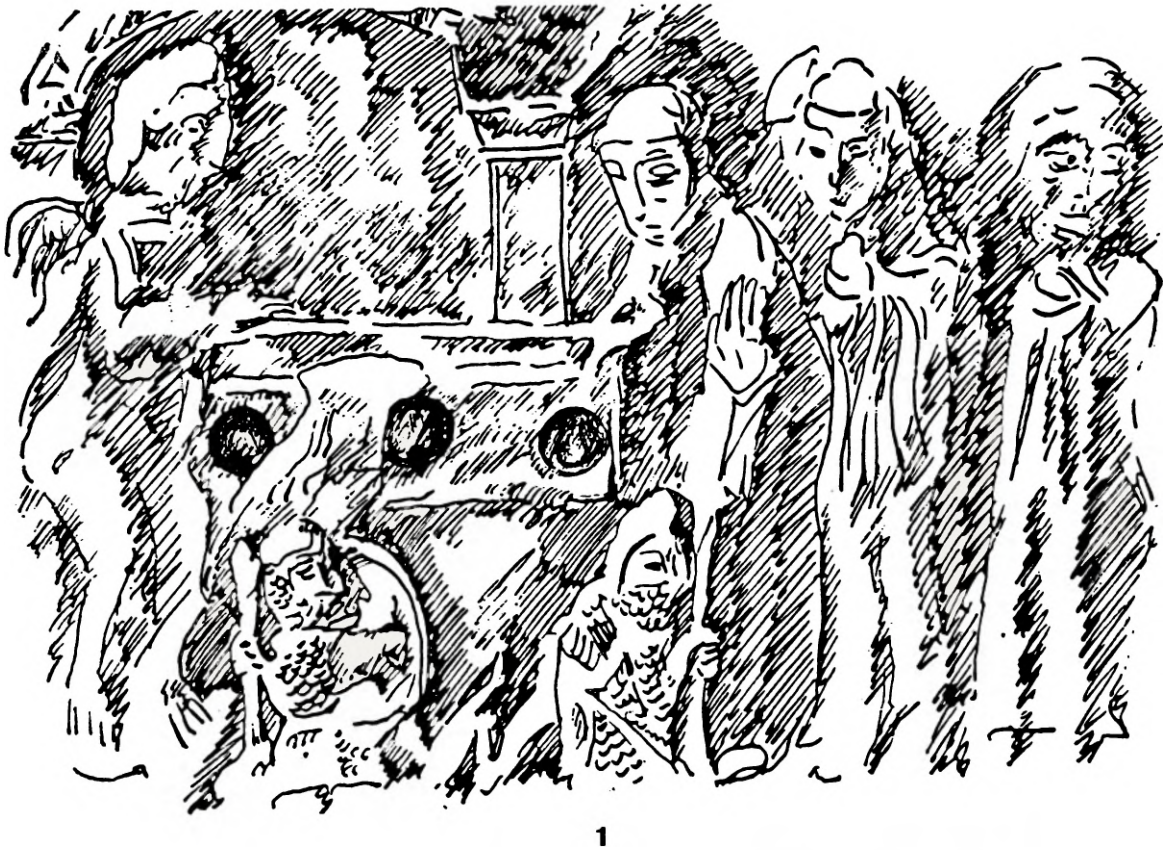
Этот самый северный из зафиксированных в пластике соборов пример датируется от середины XII до XIII века (последнее вернее). Он демонстрирует явные следы переосмысления, художественной переработки ставшего уже привычным иконографического мотива. Еще более трансформированы круги-отверстия на саркофаге сцены "Положение во гроб" надгробия аббата Бернара де Мец [*Panofsky*, 1964. Fig. 242]. Фриз портала церкви Сен-Жильдю-Гар середины XII века, отразивший итинерарий Святой земли и влияние памятников Италии, показывает саркофаг с тремя очень большими и отчетливыми круглыми лунками [*O'Meara,* 1977. Fig. 51].

Табл. LI 3

В самой Италии следование изучаемой композиции отмечено по крайней мере в двух рельефах — это притолоки порталов "старого" собора в Монополи и церкви Сан Джованни "ин Тумба" ("Томба ди Ротари") в Монте Сан-Анджело (оба в Апулии). Памятники датировались в широком диапазоне, начиная с рубежа XI–XII вв., но делается все более очевидной их близость середине XII столетия. Оба рельефа изображают в сцене "Жены-мироносицы" саркофаг с тремя уплощенными, очень крупными кругами [*Italiana,* 1986. Pag. 79, 139; *Petrucci*, 1964. Pag. 18; *Wackernagel,* 1911. V. 2. Taf. 31; *Porter*, 1923 V. 3. Fig. 197].

Табл. LII 1–2

К ним примыкает мраморный рельеф кафедры работы Гильельмо Иннсбрукского для собора в Пизе, имеющий точную дату, 1159–62 гг. (сейчас в соборе в Кальяри, Сардиния). Композиция "Жены-мироносицы" здесь сдвинута вплотную к правому краю, так что саркофаг упирается в него. Кроме

1

2

1. Жены-мироносицы. Середина XII в. Рельеф архитрава портала "старого" собора в Монополи, Апулия. Фрагмент, прорисовка. [*Italiana*, 1986; *Wackernagel*, 1911]; 2. Жены-мироносицы. Середина XII в. Рельеф церкви Сан Джованни "ин Тумба" ("Томба ди Ротари") в Монте Сан-Анжело, Апулия. Фрагмент. [*Italiana*. 1986].

Plate LII. The Holy Sepulchre in Italien Art. 12–15th centuries. 1. The Maries at the Tomb. Mid-12th century. Monopoli. Puglia. Fragment, drawing; 2. The Maries at the Tomb. Mid-12th century. San Giovanni in Tumba ("Tomba di Rotari"). Montesantangelo, Puglia. Fragment.

того, часть пространства занимают ангелы, поддерживающие, подобно кариатидам, крышку саркофага. Это привело к уменьшению его длины и заставило ограничиться нанесением на стенку двух кругов-лунок вместо трех. Впрочем, свисающий в центре краешек савана как бы символически прикрывает еще одно отверстие [*Crichton,* 1954. Fig. 53; *Porter,* 1923. V. 3. Fig. 196].

Табл. LI 4

Весьма важно отметить появление саркофага с подобным декором в сценах на бронзовых литых дверях соборов Италии, в "моделях" Гробницы и в оформлении погребальных монументов, но мы обратимся к ним позже, пока же продолжим рассмотрение каменных рельефов, на этот раз в Испании.

Прежде всего укажем на рельеф капители портала крейцганга собора в Таррагоне (около 1200 г.) где три сравнительно небольших и глубоких "отверстия" имеют уступчатое обрамление и заключены в профилированную раму, так что можно отметить сходство с рельефами Франции [*Dyggve,* 1962. Abb. am S. 20; *Schiller,* 1971. Bd. 3. Abb. 411]. Напротив, два больших плоских круга на боку скамьи сцены "Положение во гроб" в южной арке церкви Сан Андрэ в Арментии (поздний XII век, возможно в пределах 1149–89 гг.) ближе к итальянским образцам [*Соок,* 1928. Fig. 21; *Porter,* 1923. V. 6].

Табл. LIII 3, 4

В основном, однако, скульптура Испании воспроизводит уже достаточно трансформированные варианты. Показательны рельефы из Уэски. На капители церкви Сан Педро эль Вьехо борт повышенного в изголовьи саркофага разделен графьей на три части, в каждую из которых вписаны концентрические окружности. В капители клуатра той же церкви в сцене "Жены-мироносицы" изображены четыре аналогичных окружности, которым отвечают многогранники на борту крышки. Несомненно, здесь подразумевается уже чисто орнаментальная композиция, — на другой капители кругов становится пять, и внутри они заполнены лепестковыми розетками [*Соок,* 1928. Fig. 25, 26, 47]. Можно наблюдать и дальнейшую трансформацию, например на капителях Модены и Бекара (Beaucaire), где саркофаг покрыт двумя рядами уплощенных крупных лунок, но в наши задачи пока не входит прослеживать переосмысление формы — нас занимает ее генезис [*Соок,* 1928. Fig. 52, 53].

Табл. LIII 1–2

Легко заметить, что почти все собранные примеры принадлежат памятникам, появление и иконография которых тесно связаны с развитием паломнических путей как к европейским, так и к палестинским святыням, что было показано уже Кингсли Портером. "Неподвижные" скульптурные композиции важны именно с этой точки зрения — они обозначают путь распространения информации. Однако полного представления об интересующей нас

1

3

2

4

1, 2. Жены-мироносицы. Капители церкви и клуатра Сан Педро эль Вьехо. Музей Уэски. [*Соок*, 1928]; 3. Жены-мироносицы. Около 1200 г. Деталь капители крейцганга собора в Тарагоне. [*Dyggve*, 1962]; 4. Жены-мироносицы. XII в. Рельеф южной арки ц. Сан Андрэ в Ар-ментии (Алава). [*Соок*, 1928].

Plate LIII. The Holy Sepulchre in Spanish Art. 12—15th centuries. 1, 2. The Maries at the Tomb. S. Pedro el Viejo, Huesca. Capital from the church and capital in the cloister; 3. The Maries at the Tomb. Detail. c. 1200. Tarragona, Cathedral; 4. The Maries at the Tomb. 12th century. Relief in south porch. S. Andres, Armentia (Alava).

детали нельзя составить, не обратившись к изделиям, сравнительно легко перемещавшимся.

Ближе всего к высеченным из камня рельефам иконография бронзовых дверей романских порталов. На трех из них в композициях "Жены-мироносицы" саркофаг Гроба Господня украшен тремя кругами. Две сцены работы Бонануса Пизанского: на двери собора в Пизе ("Порта ди Сан Раньери", Табл. LIV 1180 г.) и западной двери собора в Монреале (1185 г.). Третья — на хорошо 1–3 известных всей Руси "Сигтунских" (Магдебургских) вратах Софии Новгородской, изготовленных из пластин, отлитых в Германии в середине XII века.

Если итальянские образцы имеют углубленные лунки небольшого размера, то на "Сигтунских" вратах они заменены довольно большими концентрическими окружностями [*Mende*, 1983. Taf. 113, 183, 205; новые данные о технологии: *Никитина*, 1993. С. 157–167]. Обе версии находят четкие параллели в каменных рельефах, рассмотренных выше.

Практически такие же варианты можно обнаружить в мелкой пластике, ювелирном искусстве, эмалях и миниатюре.

Весьма рано — около 1120 г. — три четких круга-отверстия появляются в резьбе по слоновой кости. Так оформлено ложе в сцене "Умащение" прекрасного литургического гребня английской работы из коллекции музея Вик- Табл. LV тории и Альберта. На втором экземпляре подобного гребня ложе в "Умаще- 3 нии" и саркофаг "Положения во Гроб" несут не по три, а по несколько кружков-отверстий [*Williamson,* 1982. S. 37. Abb. 19; *Tscherikover,* 1979. P. 7–21; *Englisch,* № 197, 198; *Goldschmidt,* Bd. IV. 1075. № 176. Taf. 63a].

Типичность совмещения представлений о погребальном ложе и саркофаге демонстрируют такие примеры как миниатюра Библии конца XII века (Северная Франция), где в сценах "Умащения" и "Воскресения" изображен Табл. LVI один и тот же гроб с тремя великолепно прорисованными круглыми отвер- 1 стиями в боковой стенке [*Schiller,* 1971. Bd. 3. Abb. 176; *Lexikon.* 1968. Bd. 1. "Auferstehung Christi"].

В трансформированном виде, — как орнаменты, щиты спящих воинов и др., — круги на стенке саркофага в сценах "Воскресение" очень многочисленны в миниатюре с середины XII века и позже, по крайней мере до конца XV столетия [*Schiller*, 1971. Bd. 3. Abb. 190, 192; *Hoffeld,* 1971. P. 263. Fig.8]. Среди ранних миниатюристов в попытке изобразить саркофаг с тремя окружностями на боковой стенке можно заподозрить автора сцены "Жены-мироносицы" для сакраментара аббатства Сент-Этьен (Лимож, около 1100 г.),

1

3

2

1. Бонанус Пизанский. Жены-мироносицы. Рельеф дверей собора в Пизе (Порта ди сан Раньери). 1180 г. [*Mende*, 1983]; 2. Бонанус Пизанский. Жены-мироносицы. Рельеф западных дверей собора в Монреале. 1185 г. [*Mende*, 1983]; 3. Жены-мироносицы. Рельеф "Сигтунских" врат Софийского собора в Новгороде. Середина XII в. Магдебург (?).

Plate LIV. The Holy Sepulchre in Spanish Art. 12–15th centuries. Cathedral Gates. 1. Bonanus from Pisa. The Maries at the Tomb. Pisa. Dom (Porta di San Ranieri). 1180; 2. Bonanus from Pisa. The Maries at the Tomb. Monreale. Dom. 1185; 3. The Maries at the Tomb. Novgorod, Sofia Cathedral. Mid-12th century. Magdeburg (?).

в работе которого очень силен элемент ориентализма [*Schiller*, 1971. Bd. 3. Abb. 30].

У мастеров-эмальеров и ювелиров мотив саркофага Христа с тремя кругами (отверстиями) в стенке также был весьма популярен, по крайней мере со второй половины XII века. Знаменитый алтарь Николая Верденского из Клойстернойбурга (1181 г.) имеет пластину с "Положением во Гроб", где стенка украшена тремя большими концентрическими кругами, средний из которых темнее остальных. На пластине "Воскресение" круги не видны — их закрывают спящие воины, но кругообразные фигуры все равно украшают стенку — это края щитов [*Zeit,* 1979; *Хаман,* 1973. С. 400]. Интересно, что в более позднем (около 1200 г.) изображении "Жен-мироносиц" на реликварии собора в Турнэ тот же мастер украшает саркофаг четырьмя круглыми лунками [*Warichez,* 1934. Pl. 72. № 143; *Swarzenski,* 1967. Pl. 219. № 518].

Табл. LV 1–2

Круглые декоративные вставки на многоцветном "мраморе" саркофага ларца-реликвария из базилики св. Сернина (конец XII века, Лимож или Тулуза), хотя имеют "техническое" предназначение, размещены явно неслучайно — тем более, что среднюю как бы закрывает (по образцу многих рельефов) свешивающийся через край саван [*Gauthier*, 1983. Fig. 46]. В работах лиможских эмальеров подобные вставки вообще часто украшают стенки саркофагов — например, в сценах воскресения мертвых и т. п.

Отметим пластинку начала XIII века из музея Виктории и Альберта со сценой Распятия [*Beckwith,* 1989. Fig. 19]. Важным примером среди лиможских эмалей можно назвать сцену с Женами-мироносицами табернакля из собрания музея Метрополитен (начало XIII века), где на стенке Гроба, стоящего на высоких ножках, почти во всю его длину изображены два слегка заглубленных круга, а третий заслонен ангелом [*Fazer,* 1986. Fig. 8].

Список эмалей с аналогичными примерами нетрудно увеличить, напомнив известную пластину конца XII века из Лувра со сценой "Воскресение" и ей подобные [*Gallagher*, 1969. Fig. 65]. Важнее, однако, указать на удивительно ясное изображение Гроба с тремя круглыми отверстиями в сцене "Умащение" мощехранительницы из Аахена (1220–38 гг.) [*Schiller,* 1972. Vol. 2. Fig. 590], а также на многочисленные более поздние "производные" вплоть до конца XIII века — например, три замечательных "розы" реликвария 1290 г. со скульптурной сценой "Жены-мироносицы" [*Gauthier,* 1983. № 91. S. 154].

Табл. LVI 2

Это перечисление можно уверенно продолжать, особенно, если включить период готики и Ренессанса. Попытки же удревнить момент появления мотива наталкиваются на отсутствие аналогов. Одна из таких попыток была сде-

1

2

3

1. Николай Верденский. Положение во Гроб. 1181 г. Пластинка алтаря. Клойстернойбург. [*Zeit,* 1979; *Хаман-Мак Лен*, 1973]; 2. Николай Верденский. Жены-мироносицы. Около 1200 г. Рельеф реликвария из собора в Турнэ. [*Warichez*, 1934; *Swarzenski*, 1967]; 3. Оплакивание. Деталь костяного литургического гребня ("Гребень королевы Берты"), XII в. Британский музей, Лондон. [*English Romanesque Art,* № 496].

Plate LV. The Holy Sepulchre in Art. 12–15th centuries. 1. Lamentation from a Crucifix. Nicolas of Verdun, 1181. Cloisternoiburg; 2. The Maries at the Tomb. Nicolas of Verdun, c. 1200. Turne, Cathedral; 3. Liturgical Comb ("Queen Bertha`s Comb"). 12th century. London, Trustees of the British Museum.

лана более тридцати лет назад Эйнаром Диггве. Известный знаток раннехристианских древностей предполагал, что в изображениях саркофага Христа с тремя кругами или отверстиями на стенке отразилось реальное оформление плоской крышки саркофага Гроба Господня в Иерусалиме [*Dyggve,* 1962].

По его мнению, последняя могла нести три углубления — "чаши" для возлияний елея, возможно со сквозными отверстиями, подобно тем "доскам"-мензам (теселлам), которые использовались в мартириях раннего христианства и которым ученый посвятил специальный раздел при публикации материалов раскопок в Салониках [*Dyggve,* 1951].

Отправной точкой Э. Диггве послужил уникальный комплекс Гробницы в базилике Аквилеи. Внутри се ротонды, под циркульным сводом аркосолия, действительно стоит прямоугольный саркофаг с мраморной крышкой-мензой, в которой вырезано три больших круглых углубления с плоским дном [*Brusin,* 1968. P. 50–52. Fig. 115–116; *Neri,* 1971. P. 60–63]. Среднее из них — сквозное, через него в прошлом возливали масло [*Dyggve,* 1962. Abb. 9. S. 16].

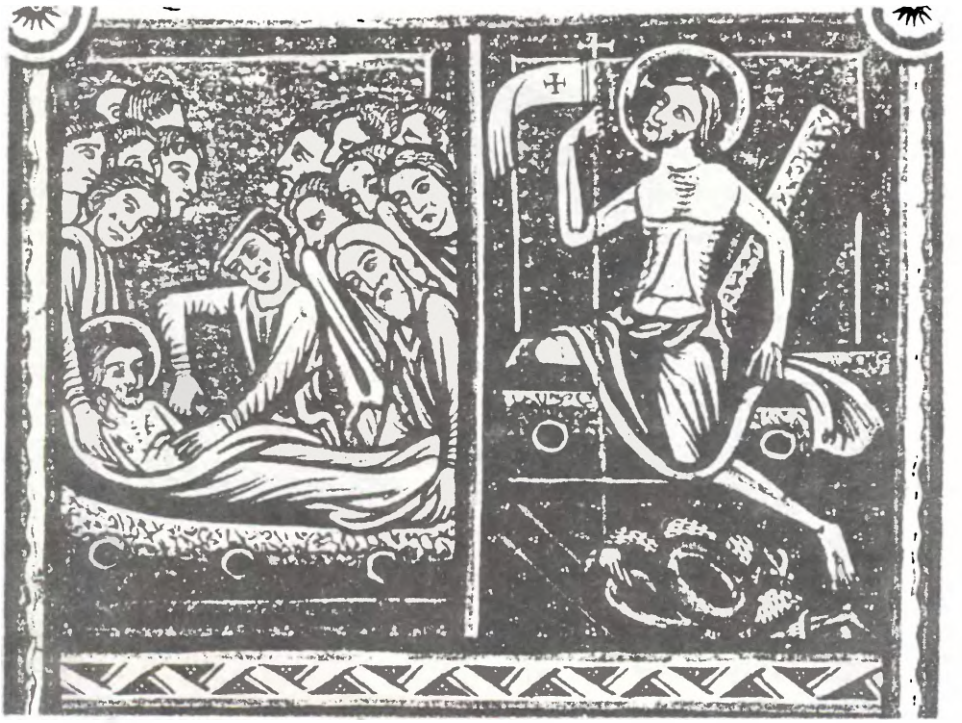
Табл. LVII

По мнению исследователя, дата сооружения близка к середине XI века, между 1021 и 1077 гг. Им был со всей решительностью поставлен вопрос о соответствии аквилейской "модели" реальному оформлению Гробницы в Иерусалиме, привлечены для подтверждения некоторые свидетельства пилигримов и ряд рельефов XII века (двери соборов Пизы и Монреале, рельеф церкви Сен Трофим в Арле; еще один пример — из собора в Таррагоне — добавили редакторы, поскольку статья вышла уже после смерти автора).

Следующий шаг в трактовке саркофага из Аквилеи был сделан пятнадцать лет спустя Сандро Пиусси, который попытался собрать все имеющиеся аналоги [*Piussi*, 1976]. Ему удалось привлечь два примера, которые подтверждали гипотезу о существовании лунок на крышке саркофага Гроба Господня в Иерусалиме по крайней мере в IX веке (по мнению Э.Диггве — с VII века).

Аргументом служила, во-первых, мосарабская миниатюра IX века, где в сцене "Жены-мироносицы" пещерная Гробница напоминает аркосолий, в основании которого изображены три розетки-квадрифолия. Во-вторых, та же сцена в знаменитом резном по кости Распятии из ризницы собора Сен Жюста в Нарбонне (IX век), где под ногой ангела, сидящего на камне или крышке Гробницы отчетливо видно "подножие" с тремя концентрическими окружностями и бордюром [*Grabar,* 1968. V. III. P. 136b; *Goldschmidt,* Bd. 1. Taf. XV. № 31]. Ряд других аналогов, добавленных Пиусси, обогащал картину, но все они оставались в пределах середины — второй половины XII века.

Табл. LVIII

1

2

1. Умащение. Воскресение. Миниатюры к Библии. Конец XII в. Северная Франция. [*Schiller,* 1971; *Lexikon,* Bd.1. 1968]; 2. Умащение. Рельеф крышки реликвария. Аахен. 1220–1238 гг.

Plate LVI. The Holy Sepulchre in Art. 12–15th centuries. 1. Anointing of the Body. Resurrection. Late 12th century. Miniatures from the Bible; 2. Anointing of the Body. Reliquary lid. Aachen. c. 1220–1238.

Вопрос о возможности размещения на верхней доске Гроба Господня отверстий для елея здесь не рассматривается, но необходимо указать по крайней мере на отсутствие упоминания таких отверстий пилигримами как до рубежа XI–XII вв., так и позднее. Кроме того, мотив отверстий-кругов получит сколько-нибудь широкое распространение не раньше XII столетия.

Принципиально важным для понимания иконографии "трех кругов" на саркофаге Гроба Господня стало обнаружение мраморного "экрана" с тремя сквозными отверстиями, обрамленными типичной романской аркатурой с растительным орнаментом. Экран ("трансенна") прикрывал от повреждений погребальное ложе Богородицы в Гефсиманском комплексе Иерусалима [*Bagatti,* 1975. P. 42–43. Pl. 12: 2, 13, 14]. Он был несомненно подлинным, сохранился in situ и надежно датировался серединой XII века.

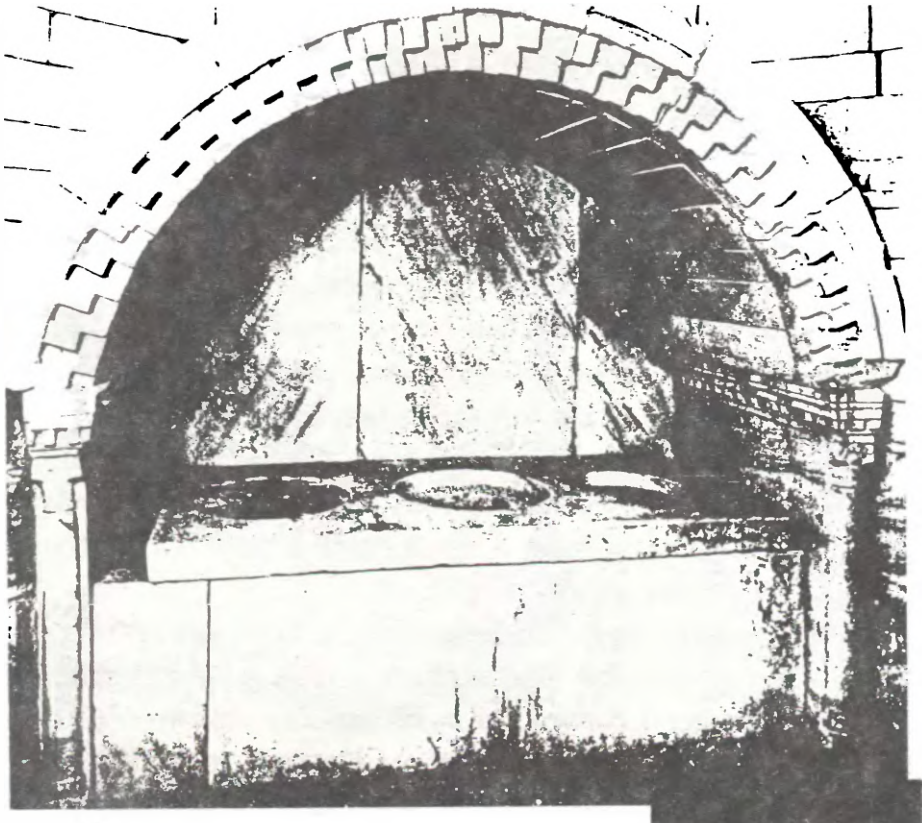
Табл. LIX 1, 4

Эта находка позволила отчетливо представить по аналогии и устройство Гроба Господня, — тем более, что очень похожие тексты существовали и для комплекса в Гефсимании. Напомним их.

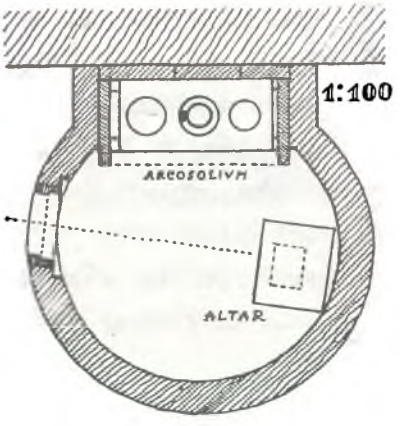
Видевший *обе* гробницы в 1347 г. францисканец Никколо да Поджибонси писал: "Внутри той священной капеллы расположен святой гроб Святой Марии, там где апостолы погребли ее. В передней стенке гробницы прорезаны три круглые отверстия, через которые можно коснуться самой гробницы." [*Poggibonsi,* 1945. P. 51]. (Ср. некоторые изображения покрывала погребального ложа Богородицы с тремя большими кругами на византийских фресках: *Megaw,* 1962. Fig. 42). О трансенне Гроба Господня у Поджибонси сказано почти то же самое: "в той мраморной доске Гробницы есть три круглые окна, сквозь которые можно лучше видеть Святую Гробницу" [*Poggibonci,* 1945. P. 18].

Итак, типологически устройство обеих гробниц в середине XIV века было сходным. Трансенну Гроба Господня убрал Бонифаций Рагузский, как предполагали исследователи XIX века, при реконструкции в XVI столетии [*Willis,* 1849. P. 64]. Однако до этого три ее отверстия успели упомянуть или описать несколько пилигримов.

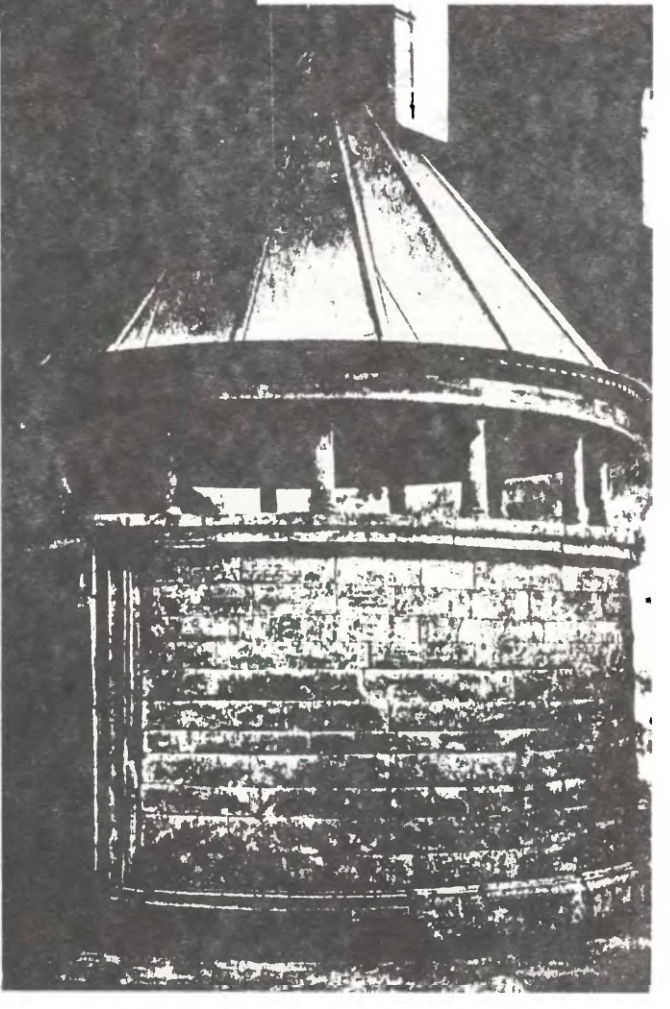
Наиболее позднее свидетельство — священника Феликса Фабера (1480 г.), который подчеркнул, что экран установили с целью защиты от охотников за реликвиями, которые проверчивали отверстия в священном камне. В XIII–XIV вв. кроме Поджибонси, следует назвать Рудольфа фон Сашема (1336 г.), Симеона Симеониса (1322 г.) и Виллибранда Ольденбургского (1211 г.). [*Willis*, 1849. P. 54–55, 58–59, 279; *Crook,* 1990, P. 50–51, 61–62].

1

2

3

1, 2. Саркофаг в аркосолии внутри аквилейской "Ротонды". Фотография. Обмерный чертеж. (По Э. Диггве). [*Brusin Dalla Barba, Lorenzoni,* 1968; *Dyggve,* 1962]; 3. "Ротонда" внутри базилики в Аквилее. XI в. Общий вид. [*Brusin Dalla Barba, Lorenzoni,* 1968].

Plate LVII. The Holy Sepulchre in European Art before 12th century. 1, 2. Aquileia, Basilica, S. Sepolcro; 3. Aquileia, Basilica, S. Sepolcro.

Существование трансенны с отверстиями в XII веке засвидетельствано записками Теодориха (1165–74 гг.), который наблюдал сцены поклонения пилигримов, весьма напоминающие описание игумена Даниила: "В боку (Гробница) имеет три круглые отверстия, сквозь которые странники прикладываются к камню на коем возлежал Господь и который они столь долго жаждали поцеловать". [*Wilkinson,* 1988. P. 279]. К тексту игумена Даниила мы обратимся несколько позднее, но отметим, что его путешествие состоялось около 1107 г., когда с момента завоевания Иерусалима крестоносцами не прошло и десяти лет, — однако трансенна уже была установлена.

Табл. LIX 2–3

Интересно, что на двух картах Иерусалима XII века Гробница показана в виде четырехстороннего высокого саркофага без крышки, с тремя маленькими отверстиями под аркатурой вдоль верхнего края, или в виде трех арочек [*Nebenzahl*, 1986. Fig. 5. Pl. 9; *Ornamenta,* 1985. Bd. 3. H. 4, H. 3].

Наконец, для датировки важно, что описания Гроба Господня пилигримами конца I тысячелетия не только не упоминают о доске — преграде с тремя отверстиями, но довольно ясно говорят о возможности прямого соприкосновения с Гробницей. Это было отмечено Джоном Круком, который высказался за датировку трансенны началом XII века и против альтернативы создания ее императором Константином Мономахом во второй четверти XI века [*Crook,* 1990. P. 61. Note 28; *Wilkinson,* 1977. P. 96, 146, 870–877]. Однако Крук не затронул вопросов иконографии, что существенно затруднило проблему датирования.

Итак, возникли серьезные основания предполагать появление трансенны у саркофага в комплексе храма Гроба Господня на рубеже XI–XII вв., во время первых работ по устроению христианских святынь, предпринятых крестоносцами в Иерусалиме. Разумеется, это помогает объяснить распространенность точных копий святыни в европейской иконографии именно в XII веке, сразу после ее переоформления, в десятилетия особенно активных и многочисленных паломничеств в Святую Землю.

Предыстория, возможные европейские истоки, ранняя традиция такого оформления затронуты в статье Джона Крука, посвященной типологии средневековых рак над почитаемыми останками святых в Англии [*Grook,* 1990]. Кажется необходимым сказать несколько слов об этих типичных для Англии сооружениях, поскольку они очень мало известны в России. Крук предлагает различать два вида рак: "высокие" (high-schrine), то есть имеющие форму архитектурного сооружения, обычно с аркадой и скатной крышей-сенью, и "намогильные" (tomb-schrine). Первые господствовали в позднесредневеко-

1

2

3

1. Жены-мироносицы. Крышка переплета. Резьба по слоновой кости. IX в. Франция. Ризница собора в Нарбонне. Фрагмент. [*Goldschmidt,* Bd. 1]; 2. Жены-мироносицы. Мосарабская миниатюра IX в. Прорисовка. [*Grabar,* 1968]; 3. Жены-мироносицы. Створка алтаря. Эмаль. Начало XII в. Лимож. Музей Метрополитен, Нью-Йорк. [*Frazer,* 1986].

Plate LVIII. The Holy Sepulchre in European Art before 12th century. 1. The Maries at the Tomb. Ivory book cover. Fragment. 9th century. Narbonne, Cathedral Treasure; 2. The Maries at the Tomb. Mosarabic miniature. 9th century. Drawing; 3. The Maries at the Tomb. Tabernacle (detail). Limoges; early 12th century. Metropolitan Museum, New York.

вый период. Вторые, как более древние, были уничтожены в процессе роспуска монастырей и постепенно вышли из употребления.

Это низкие, похожие на стол (престол) или на гроб прямоугольные "футляры", которые прикрывали поверхность могилы, выступавший над нею верх саркофага, сам саркофаг или специальный ларец с мощами (feretrum). Чтобы обеспечить паломникам возможность прямого контакта со святыней, в стенках такой "надгробницы" прорезали обычно по три отверстия. Эти "окошки" позволяли не только видеть собственно-раку или касаться ее, но даже, при известных усилиях, пролезть внутрь футляра — то есть были достаточно велики. (Известен случай, когда верующий пробыл внутри футляра над феретрумом Томаса Кентерберийского слишком долго, и монахи встревожились, — не придется ли разбирать сооружение с целью извлечения паломника).

К сожалению, ранних сооружений такого типа в натуре почти не сохранилось. Их можно представить по редким образцам, восходящим к XII, а чаще — к XIII веку; по миниатюрам примерно этого же времени, но изображающим памятники XI–XII вв.; наконец, по описаниям вплоть до X столетия. Древнейшими памятниками являются рака св. Бертелина (Бертрама) в Илэме (Стаффордшир), рака св. Вита в церкви св. Кандиды в Витчеч Каноникорум (Дорсет) и (с оговорками) рака св. Осмунда в Солсбери. Кроме того, к оформлению раки св. Свитуна, вероятно, принадлежит фрагмент декоративной аркатуры из Винчестерского собора [*Adair*, 1978. P. 15, 38, 53; *Crook,* 1990].

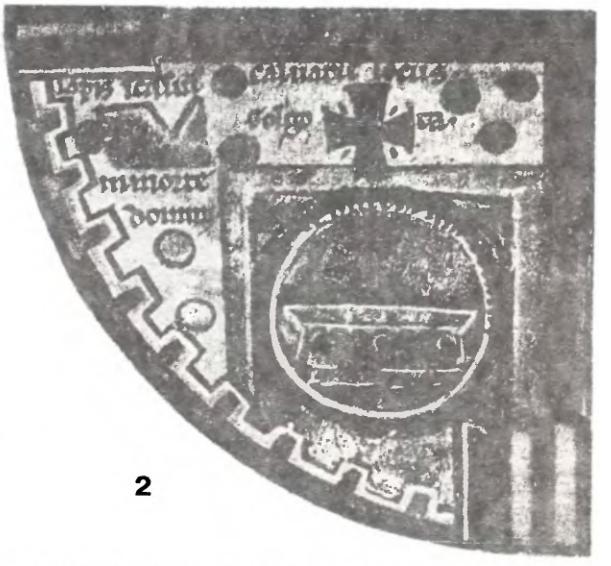
Табл. LX 2

Внешний вид двух наиболее известных памятников XII века, в том числе с изображением пилигримов, молящихся у отверстий, заглядывающих или пролезающих в них, представлен на миниатюрах к многочисленным Житиям работы Мэтью Парижского и его школы. Это сцены погребения и переноса мощей Эдуарда Исповедника, св. Альбана, Томаса Бекета и других, в том числе легендарных, личностей вроде короля Артура [*Adair*, 1978. P. 76; *Backhouse,* 1992. P. 80; *Carley*, 1988. P. 124]. Рака Бекета неоднократно изображена на витражах Кентерберийского собора [*Butler* 1995. P. 23, 155; *Crook,* 1990. Pl. VIIIb].

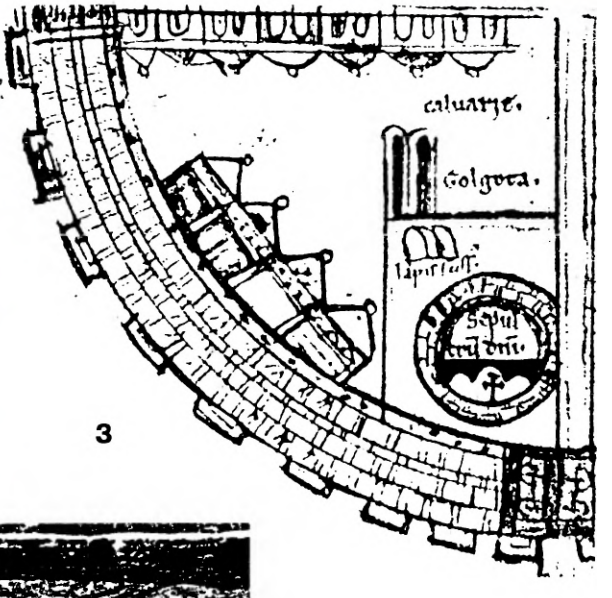
Табл. LX 1, 3.

Таким образом, есть основания рассматривать оформление саркофага Гроба Господня и последовавшие затем изменения в иконографии XII века как результат довольно сложного процесса. Новый внешний вид святыни был, видимо, обусловлен давно сложившимися в Европе (или по крайней

2

3

1

4

1, 4. Мраморная трансенна погребального ложа Девы Марии в Гефсимании. Середина (?) XII в. Исследования Б. Багатти, 1975 г. [*Bagatti,* 1975]; 2, 3. Гроб Господень. Детали планов Иерусалима XII в. [*Nebenzahl,* 1986; *Ornamenta,* 1985].

Plate LIX. Romanesque Trancennas at Jerusalem. 1, 4. Tomb of the Virgin. Jerusalem, The medieval marble trancenna in front of tomb-shelf. Mid-12th (?) century; 2, 3. The Holy Sepulchre. 12th century plans of Jerusalem. Details.

мере в Англии) представлениями о постройке таких сооружений, их основных функциональных характеристиках и декоративных элементах.

Дальнейшее широкое и очень устойчивое распространение новой иконографии как в изобразительном искусстве, так и в прикладных областях несомненно произошло под влиянием рассказов паломников, всевозможных "портативных" копий, а позднее — и монументальных скульптурных произведений середины XII века.

Реальная картина сложения иконографического стереотипа, однако, не ограничивается XII веком и последующими столетиями. Корни этого явления лежат существенно глубже — как в формальном, так и в семантическом отношении. Чтобы понять их, обратим внимание на ряд памятников, несомненно связанных иконографически и с романскими раками Англии, и с трансенной Гроба Господня. Эти памятники — бесчисленные ларцы-реликварии для мощей XII–XIV вв. и саркофаги (или саркофагообразные надгробия) позднего средневековья.

Многие из них несут по три больших круглых медальона на скатах крышки — таковы, например, уже упоминавшийся реликварий Николая Верденнского в соборе Турнэ (1205 г.), рака св. Серватия из Маастрихта, бесчисленные ларцы Лиможа и др. [*Timmers,* 1971. Afb. 512; *Kroos*, 1985; *Vergessene,* 1990. Bd. 1. № 100]. Обычно в них изображаются святые или сцены из Священного Писания, однако иногда встречаются и "пустые" медальоны. Очень интересна в этом смысле рака "Трех Королей" в соборе Кельна, 1190–1230-х гг. Ее фасады разделены на три части, и в каждую затем "врезано" по три круга, то есть композиция как бы утроена в связи с тройственностью реликвии [*Kirchenchatze,* 1991. S. 81].

Вряд ли можно сомневаться в том, что эти три круга — прямые, хотя и довольно отдаленные, потомки венков, заключавших в себе монограммы Христа или иные священные символы на раннехристианских саркофагах. Напомним о воспроизведении таких тройственных композиций на саркофагах Европы как до XI–XII вв., так и позднее*.

* Саркофаги раннероманской Сицилии [*Deer,* 1959. Fig. 41, 42], надгробие св. Николая в Бари, [*Vinaccia*, Fig. 26; *Schafer-Schuchardt,* 1978], саркофаг Раймондо делла Торре в Аквилее [*Tavano,* 100], саркофаги из крипты в Жуарре; из Лизье (епископа Арнульфа?) [*Panofsky*, 1964. Fig. 178, 181] из музея Ворчестера [*Gillerman,* 1980. № 6] и другие). Своеобразным завершением развития семантики саркофага с тремя кругами-отверстиями может служить изображение реликвария в сцене "Последнего помазания" на рельефе XV века из Саффолка [*Nichols,* 1994. Pl. 86].

1

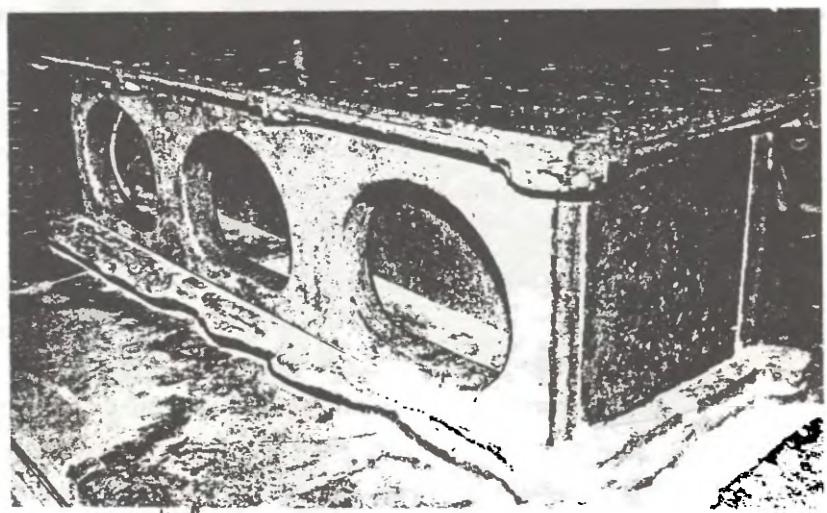
2

1. Сцена положения мощей. Миниатюра к "Житию св. Эдуарда Исповедника" Матфея Парижского. Середина XIII в. [*Backhouse,* 1992].

The burial of Edward the Confessor. By Marrhew Paris from 'Lives of St Edward the Confessor'. Mid-13th century.

2. Рака св. Осмунда. Собор в Солсбери. [*Crook,* 1990].

Tomb-schrine of St. Osmund. Salisbury Cathedral.

3

3. Сцена поклонения мощам Эдуарда Исповедника в Вестминстерском аббатстве. Миниатюра к "Истории короля Эдуарда". Около 1250 г. Кембридж, Библиотека университета, MS Ee. 3.59. [*Adair,* 1978].

Pilgrims at the schrine of St Edward the Confessor in Westminster Abbey. From "La estoire de Seint Aedward le Rei, c. 1250. Cambridge University Library, MS Ee.3.59.

Plate LX. Tombs of Medieval England

Такой рисуется нам общая предыстория композиции из трех кругов-лунок в позднероманской иконографии. Посмотрим, каким образом и когда могла она возникнуть в искусстве средневековой Руси.

Неоднократно отмечалось, что наилучшими условиями для знакомства с иконографией романской и раннеготической Европы обладал Новгород. Благодаря будущему архиепископу Антонию Римлянину сюда могли попасть образцы литургической утвари из Италии уже в начале XII века. Выше упоминались врата Софии Новгородской, выполненные из набора литых пластин для дверей, изготовленных в Северной Европе в середине XII века и несущие, среди прочих романских деталей, сцену, где саркофаг изображен с тремя кругами-"лунками". Известно, что "романских" дверей на Руси было значительно больше, чем сохранилось, — достаточно вспомнить врата Ростовского Успенского собора.

К сожалению, момент переноса "Магдебургских" врат в Новгород неизвестен. Хотя их дополнения выполнены русскими ремесленниками не ранее XIV века, ряд ученых не исключал появления самих пластин на Руси уже в XII столетии [*Даркевич,* 1966. С. 30].

К середине XII века трансенна Гроба Господня была хорошо знакома русским паломникам. Прежде пилигримов из Европы ее описал игумен Даниил, посетивший Иерусалим около 1107 г. О погребальной скамье ("лавице") им сказано: "Есть ныне лавица та святая покрыта дъсками мраморяными. Суть на стране проделана оконца 3 кругла, и теми оконци видиться святый тъ камень, и туде целують вси христьяне..." [*ПЛДР,* 1980. С. 34]. Предельно внимательный к деталям странник описал и погребальное ложе Богородицы в Гефсимании, однако он не упоминает о каких-либо ограждениях — возможно, вторая трансенна еще не была изготовлена.

Разумеется, Даниил не единственный русский, поклонившийся Гробу Господню в те годы. Он сам упоминает многих, кто посетил Иерусалим на слишком краткое время и "много добра не видевши", а также собирающихся повторить паломничество. Есть ряд свидетельств особенно тесного знакомства с древней трансенной новгородцев. В 1134 или начале 1135 г., согласно летописной записи под 6642 г., "принесена бысть доска оконечная Гроба Господня Дионисием, послал бо бе Мирослав". Ее опубликовал еще Н. М. Карамзин по одной из находившихся в его распоряжении рукописей [ОР ГПБ F. IV. 230 Волынская или ОР БАН 16.4.4. Ипатьевская: *Карамзин.* Т. 2. прим. 289. С. 299].

1

2

3

4

1. Саркофаг (оссуарий?) романского периода. Музей истории. Бильбао. [*Guerra,* 1976]; 2. Пизанский мастер. Оплакивание. Конец XIII в. Распятие из церкви Сан Мартино. Пиза. Фрагмент. [*Bush-Brown*,1952]; 3. Положение во гроб. XV в. Скульптурная композиция в соборе Родеза, юго-западная Франция. [*Forsyth*, 1970]; 4. Положение во гроб. XV в. Скульптурная композиция в соборе Родеза, юго-западная Франция. [*Forsyth*, 1970].

Plate LXI. Medieval Tombs in European Art. 1. Romanesque sarcophagus. Museo Historico de Vizcaya de Bilbao; 2. Lamentation from a Crucifix. Pisan Master. Late 13th century. Pisa, San Martino; 3. The Entombment of Christ. Rodez, Cathedral. 15th century; 4. The Entombment of Christ. Rodez, Cathedral. 15th century.

На этот текст обратил внимание Д. В. Айналов, подбирая сообщения русских летописей о Палестине, однако не привел источника, назвав летопись суммарно — "новгородской". Он отождествил Мирослава с довольно известным новгородским посадником, принявшим второе посадничество как раз на рубеже 1134–35 гг. [*Айналов*, 1906. С. 344–345; *Янин,* 1962. С. 65–71]. Мы ничего не знаем, правда, о его путешествиях на Восток или о посылке кого-то из новгородцев для сбора реликвий. Однако фиксация события новгородской летописью указывает на его существенность с точки зрения современников.

Д. В. Айналов не анализировал изобразительных материалов, поэтому, вспомнив о тексте Хождения Даниила, отождествил привезенную "доске" с внешней облицовкой кувуклия, "оконцами" же считал те окна его внешней стены, которые существуют в современной постройке, появившейся в середине XVI века. Он полагал, что в Новгород привезли один из мраморных обломков, оставшихся после разгрома святынь арабами в начале XI века. Сегодня, когда мы лучше представляем устройство Гробницы XII века, само упоминание "оконечной" доски приводит прежде всего к мысли о трансенне.

Можно лишь гадать, что именно доставил Дионисий — повторение, копию, целый подлинник (одно не исключает другого, экраны, подвергавшиеся "натиску" пилигримов, могли время от времени менять), или — что вероятнее всего — лишь незначительный фрагмент святыни. К сожалению, дальнейшая судьба реликвии неизвестна.

Небольшие кусочки стремился, конечно, привезти каждый посетивший Святую Землю. Поверхность скамьи в Гефсимании вся испещрена кавернами, то же рассказывают пилигримы и о Гробнице. Наделяют церкви Руси принесенными из Иерусалима реликвиями и эпические герои былины "Сорок калик". Сам игумен Даниил с торжеством повествует о том, как ему удалось овладеть ее частицей [*ПЛДР,* 1980. С. 114].

Вероятно, новгородцы получили не только реликвии, но и сведения об устройстве Гроба Господня, о существовании трансенны — в виде изображений, дополнительных описаний, рассказов. Паломнические реликвии — каменные иконки, литики, металлические "ампулы" — обнаруживаются в Новгороде в слоях второй половины XII века [*Седова,* 1994].

Продолжали проявлять интерес к главной святыни Иерусалима и позже. Хорошо известно сообщение Новгородской 1 летописи под 1211 г. о Добрыне Ядрейковиче, который совершил паломничество в Царьград, "привезе съ собою гробъ господень", потом постригся в Хутынском монастыре и был по-

ставлен архиепископом [*ПСРЛ*. Т. 3. С. 31]. Само путешествие в Константинополь, согласно расчетам, могло состояться до 1204 г. [*Дмитриев*, 1973].

Следует заметить, что какие-то копии, остатки древних обрамлений или частицы Гробницы традиционно почитались и в Византии. Хождение Стефана Новгородца называет "доску" Гроба Господня в составе реликвий монастыря Пантократора в Константинополе: "Ту доска господня лежить, ту же три главы лежать — Фрола, и Лавра, Якова Перьскаго, ту тело Михаила Черноризца без главы; ту же стоит въ олтари сосуд от бела камени, в нем же Исус от воды вино сътвори..." [*ПЛДР*, 1981. С. 34]. Следовательно, сведения о форме Гроба Господня можно было получить и не посещая Иерусалим, они достаточно широко распространились по христианскому миру и были зафиксированы в самого разного рода памятниках. Посещения Византии были, вероятно, гораздо многочисленнее паломничеств в Палестину [*Маджеска*, 1994].

Вероятно, что в ранний период бытования на Руси иконок с сюжетом "Гроб Господень" изображения отверстий трансенны осознавались художниками и заказчиками как важная семантическая деталь, как признак подлинности и соответствия оригиналу.

Однако трудно ожидать независимого, параллельного возникновения здесь этой иконографической подробности. Гораздо вероятнее ее введение под влиянием уже сложившихся романских образцов. Конечно, знакомство с ними могло осуществляться самыми различными путями — при осмотре храмов Европы; через "малые формы" — паломнические сувениры и разнообразные литургические предметы, миниатюры, другие изображения [*Рындина*, 1978. С. 15–16, 112].

Однако весьма соблазнительна и мысль о знакомстве с романской иконографией "из первых рук", благодаря деятельности на Руси какого-то (или каких-то) западноевропейских мастеров. Например, скульпторов и архитекторов из области Священной Римской империи, которые работали для Андрея Боголюбского в XII веке, или других, нам неизвестных. Вопрос о конкретном районе, откуда они были приглашены, давно занимал историков. В последнее время обнаруживается все больше подтверждений, что творчество их связано с собственно Германией, прежде всего Палатинатом, и с Северной Италией — Ломбардией.

К такому выводу пришел на основе новых результативных исследований памятников Владимиро-Суздальской архитектуры О. М. Иоаннисян. Им же предположительно назван в числе возможных художников Гульельмо Иннсб-

рукский, чье знакомство с иконографией иерусалимской трансенны зафиксировано в рельефе кафедры пизанского собора (см. выше). Важно оговорить, что это предположение выдвинуто коллегой до знакомства с нашей проблематикой, на основе анализа фасадной декорации храмов.

В областях Северо-Восточной Руси иконок с сюжетом "Гроб Господень" очень мало, однако само по себе знакомство с романским искусством по мере развития исследований становится все очевиднее, причем не только в области архитектуры, но и в прикладном искусстве, особенно церковном [*Даркевич*, 1966. № 42]. Именно здесь, на северо-востоке, сложилась оригинальная традиция орнаментации надгробных плит и саркофагов, впитавшая иконографию романских мощехранительниц, трансенн и изображений Гроба Господня. В 1994 г. в Успенском соборе Ростова найден саркофаг с изображением на боковой стенке кругов, разделенных вертикальными линиями. Он датируется не позднее XIII века.

В данной работе не ставилась задача проверки дат ранних образцов иконок с сюжетами "Гроб Господень". Тем не менее, укажем на два заметных хронологических разрыва. От паломничеств начала XII века и привоза в Новгород "оконечной доски" до появления первых иконок с изображением трансенны проходит, если держаться ныне существующих датировок, не менее столетия. Еще сильнее сдвинут период широкого распространения новой иконографии в "паломническом искусстве" Европы (середина XII в.) и Руси (XIII–XIV вв.). Этот разрыв будет сохраняться и требовать какого-то объяснения до тех пор, пока не обнаружатся более древние экземпляры (что кажется вполне возможным, или не изменятся наши представления о датировке ряда давно известных памятников. Напомним в заключение, что ни одна из учтенных к настоящему моменту **иконок** с изображением трансенны не имеет археологически подтвержденной даты.

ЭКСКУРС 2

БЕЛОКАМЕННОЕ НАДГРОБИЕ ИЗ ФЕРАПОНТОВА МОНАСТЫРЯ

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА РУССКИХ НАДГРОБНЫХ ПЛИТАХ XIV–XVI ВВ.

Публикуемое надгробие хранится в музее "Ферапонтово". Плита прикрывала ненарушенное погребение против южного фасада церкви Мартиниана*. Надгробие представляет тип памятника, хорошо известный средневековой Руси. В то же время оно уникально, так как подобные плиты не исследовались и не издавались с начала XX века, когда они были еще многочисленны на кладбищах в окрестностях Осташкова, Ржева, Старицы и других районах Верхней Волги (см. сводку в главе 2).

Плита вытесана из белого камня (известняка), имеет форму почти правильного параллелепипеда с хорошо заглаженной лицевой гранью и шероховатыми боковыми, с изнанки — косые ложчатые полосы грубой обколки. Размеры: 1.40 x 0.45 x 0.15 см. Табл. XXXV 1

На лицевой поверхности — выполненное в невысоком рельефе изображение Т-образного знака с сильно вытянутой ножкой, примерно посредине которой помещено большое круглое "яблоко". Ножка доходит до края пли-

* Погребение открыто при прокладке дренажа в августе 1982 г. и обследовано П. М. Алешковским. Согласно наблюдениям, "плита лежала прямо под дерном, и поэтому так хорошо сохранилась, хотя и треснула пополам, и в нижней части отколот небольшой кусок. Под плитой на глубине 1.65 м было обнаружено погребение. Костяк лежал в деревянном досчатом гробу, от которого сохранились истлевшие доски. Кости сохранились довольно плохо. Череп продавлен, отсутствует малая берцовая кость и мелкие кости. Ориентировка З-В, головой на запад. Длина скелета 168 см. Никаких вещей или остатков одежды на погребенном не сохранилось." [*Алешковский*, 1982. С. 10]. Погребение находилось в 3.40 м от стены церкви, вне основной части кладбища, граница которого проходила восточнее. Костяки на кладбище в Ферапонтове, действительно, сохраняются очень плохо [*Беляев*, 1991].

ты, которая, возможно, была немного длиннее. Поперечная перекладина отстоит от ребра изголовья на 15 см, имеет утолщение посередине и провисающие лопасти по краям.

Вдоль изголовья над перекрестьем прочерчена первая строка надписи, вторая помещена под ним и делится ножкой пополам, третью образуют две не уместившиеся буквы.

Читается:

здє лежат моіщи
ивши wбодає
ва

Текст-граффито прорезан по готовой плите острым инструментом, строки ровные, без разметки, высотой около 7 см. Почерк уверенный. Лигатур нет, единственный вынос — надстрочное "твердо". Явственно обнаруживаются следы южнославянского влияния, свойственные книжной палеографии второй четверти XV — середины XVI века. Важный признак ранней даты — отсутствие разделения текста на отдельные слова. Можно указать также довольно архаичные начертания отдельных литер — "аз" с высоко поднятой петлей и удлиненной спинкой, "веди" с разведенными петлями, "земля" с серповидно закругленным хвостом и маленькой головкой, "люди" с высокой мачтой*.

Эпиграфически надпись достаточно близка древнейшим из московских образцов — плитам новгородского архиепископа Сергия († 1495), князя Юрия Романовича Алексеева († 1494) в Троице-Сергиевом монастыре, и плитам нашего каталога (Бм №№ 17, 18; ВПм № 4; КП № 1; и др.). Их объединяет использование упрощенных начертаний букв, свободный характер письма, малое количество или отсутствие лигатур и выносов. В них нет никаких признаков вязи, рано проявившейся в лапидарной эпиграфике и к 1530-м гг. уже господствовавшей (во всяком случае, в Москве).

Надпись обнаруживает сходство с граффити первой половины XV — начала XVI века на произведениях прикладного искусства, например на известном кресте-мощевике из музея в Троице-Сергиевом монастыре [*Попов, Рындина*, 1979. С. 553; *Николаева*, 1971. Сводная таблица].

---

* Сопоставление с палеографией рукописей любезно выполнено Л. М. Костюхиной (ГИМ).

** Ср. на памятниках: Д. Драшковича — особенно А, Ж, Е, М, Т; князя Вука — А, З, М (первая половина XV века); Драгача Тихмилича — Б (XV век); Прко Райковича — Щ (1463 г.) [*Vego*, 1970. Кн. 4. С. 128, 72, 129, 108].

Интересна и палеографическая близость к боснийским надгробным надписям именно середины — второй половины XV века**. (У ранних букв, рубежа XIV — начала XV вв., очертания еще округлы, в XVI же веке они уже несут отчетливые черты позднеготической латинской эпиграфики. Отметим, что и построение надписи близко надгробным формулам Боснии и Герцеговины, где наиболее устойчивым можно считать вступление: "А се лежи...", — с указанием далее имени и положения покойного. Близкие конструкции известны древнейшим надгробиям Москвы, но во второй трети XVI века они уже сменяются стандартной формулой, открывающейся всегда датой смерти, а не указанием на погребение. Подчеркнем также отсутствие самого распространенного в XVI веке сочетания "преставися раб Божий". (См. подробнее экскурс 5).

Итак, палеографические признаки позволяют относить надпись ко второй половине XV — рубежу XVI вв. Обратимся теперь к ее содержанию.

Текст, учитывая необходимость поставить "омегу" в начало слова, позволяет, кажется, единственное непротиворечивое чтение при следующей разбивке: "Зде(сь) лежат моищи Ивши Ободаева".

Привлекают внимание и требуют комментария три слова. Слово "мощи", сколько нам известно, никогда не встречалось в надписях на плитах. Зато оно широко употреблялось в литературе, — причем в значении не только сакральном, но и бытовом, в смысле — "прах, останки, скелеты людей", и даже просто "остатки". Все же гораздо чаще оно применяется к почитаемым останкам и постоянно присутствует на мощехранительницах разного рода [*СлРЯ*, Вып. 9. С. 286; *Срезневский*, 1895. Т. 2. Стлб. 180–181]*.

Возможно, на необходимость расширительного толкования этого слова в смысле "тело", "corpus", — указывает отсутствие какого-либо оттенка поклонения или особого почтения к погребенному. "Ивша" — не точное крестильное имя, но скорее прозвище**. Форма имени не позволяет отнести

* И. И. Срезневский разделяет два значения слова "мощи" латинскими понятиями "reliquiae" и "corpus". (Например, тело умершего "Чиновник" новгородского Софийского собора называет "мощи"). Но к Новому времени такая двоезначность полностью утратилась. [Ср. *Даль*, 1881. Т. 2. С. 354].

** Одно из многих, встречающихся на Севере и восходящих к Иоанну (Ивану). Достаточно указать варианты: Ивахно, Иванча, Ивака, Ива (XV–XVI вв.), добавить Ивку (XIV век) и полностью аналогичные формы прозвища (Спасо-Прилуцкий монастырь, начало XVII века, кузнец Ивша), г. Тотьма, 1635 г. ("Ивша Иван"). [*Веселовский*, 1974. С. 126; *СлРЯ*, 1979. Вып. 6. С. 77; *Бахрушин*, 1952. С. 70; *Таможенная книга*, С. 519–520].

Ившу к составу монастырской братии — это подтверждается и отсутствием обычных для эпитафий указаний типа "инок", "инок-схимник" и т. п. (Мирское имя-прозвище могло опускаться, но крестильное или схимническое — практически никогда).

Родовое прозвание погребенного — Ободаев — характерное древнерусское отчество-фамилия, образованное от прозвища "Обод" или "Обода", — последнее, действительно, встречается в источниках [*Веселовский,* 1974. С. 225]*. Вероятно, Ивша все же не был человеком родовитым. Род Ободаевых в доступных источниках не обнаружен**.

Наибольший интерес привлекает, однако, не надпись (хотя это один из самых ранних лапидарных текстов в северных монастырях), а рельефное изображение.

С первых же публикаций плит "тверского типа" рельефный знак на них трактовался либо как Т-образный крест, либо как посох священнослужителя. Отмечались также элементы, позволяющие воспринимать изображение как Голгофский крест или вид оружия. "Продольная часть креста значительно тоньше поперечной части, и на некоторых камнях оканчивается она острием наподобие меча, на других упирается в полукруглое возвышение. Поперечная часть изображена в виде двух секир, соединенных между собою задними сторонами" [*Жизневский,* 1888. С. 270]. Очень рано было отмечено также аналогичное изображение на русских монетах XV — начала XVI века, в связи с чем эти монеты стали восприниматься как тверские, а знак на них — как монограмма названия города "Тферь" — и в том, и в другом сейчас, конечно, позволительно усомниться.

Трактовки знака как креста и посоха являются не противоречащими, но взаимодополняющими и углубляющими сложную семантику изображения, — однако их удобнее рассматривать по отдельности, искусственно расслоив понятия.

---

* Прозвище "Обода" носил один из князей Жировых-Засекиных — Иван Иванович младший, четвертый сын И. И. Жирового-Засекина. Братья упоминаются в начале XVI века. Учитывая редкость прозвища, стоит отметить существовавшие связи ярославских князей Жировых-Засекиных с Ферапонтовым.

** В синодик монастыря род Ободаевых не вписан, нет там, конечно, и прозвища Ивша (Синодик Ферапонтова монастыря 1641 года, ГПБ, Отдел рукописей // НСРК, 1947. 103 F). Нет их и в синодике Кирилло-Белозерского монастыря. (Там же. Фонд Кирилло-Белозерского мон. № 351. С. 752–1009 по 760–1017). В материалах архива Н. К. Никольского сведений о человеке с таким именем нет (СПб отделение архива РАН. Ф. 247. Оп. 1. № 32, 35–37; БАН. Отдел рукописной книги. Картотека Н. К. Никольского).

Поскольку на плитах часто изображается вполне конкретный предмет, — посох со свойственными ему признаками — утолщением или прогибом в перекрестье, заостренным нижним концом, "яблоком" на штоке и т. п., — начнем с этого значения. Посохи подобных форм господствовали на Руси, но они были известны и в Византии, и в средневековой Европе, являясь одним из литургических символов и важным атрибутом архиерейского сана.

Место архиерейского посоха в ходе восточнохристианской литургии было весьма существенным и строго определенным. При выносах и во время службы за него отвечал специальный служка — посошник. Посох был принадлежностью разных уровней священства, от патриарха до игумена. Особым пиететом окружались жезлы высших иерархов. Их посохи рассматривались как вместилища чудодейственной силы и власти, они часто становились священными реликвиями и рассматривались как знаки присутствия, "заместители" усопших владельцев. В храмах Руси возле надгробий и рак с мощами стояли "старые и скромные посохи" прежних игуменов и настоятелей, некоторые из них — "принимали участие" в праздничных богослужениях. Например, посох митрополита Петра явно символизировал основоположника московской иерархии перед лицом его преемников [*Голубцов,* 1909. С. 261].

Их собственным посохам также воздавались почести — поклонами и каждением. Известно, что "греческие архиереи... хоронившиеся иногда сидя, с посохом своим сходили и в могилу". В погребальном ритуале католической Европы посох (наряду с перстнем и чашей) непременно сопровождал аббата в его могиле, и практически всегда изображался на надгробии [*Голубцов,* 1909. С. 274].

Иными словами, посох рассматривался в неразрывной связи с личностью священнослужителя, персонифицируясь и представая как неотъемлемая и в самой смерти часть индивидуума.

Средневековые авторы толкуют посох, конечно, не как специальный элемент погребального обряда, но как атрибут служения в земной жизни — прежде всего это символ власти, знак законного управления, функции которого прямо и очень емко названы надписями на "яблоках" жезла патриарха Филарета (XVII век): "правления; наказания; отвержения: казнения." [*Савва,* 1988. С. 30].

Посох пастыря духовного постоянно сближается в значении со скипетром светского правителя, от которого, возможно, происходят конкретные формы византийских священнических посохов, очень мало еще изученные [*Чернецов*, 1991. С. 84]. Обряд вручения посоха знаменовал наделение властью,

передачу или утверждение в ней, входя в круг основных обрядов/актов средневековья. Яркий пример — миниатюра греческой рукописи XI–XII вв. с изображением символического действа возведения в сан игумена [*Фармаковский,* 1901. Табл. 2]*.

Посохи в роли "жезла правления" у светских и духовных властей широко представлены в искусстве Древней Руси, причем завершения их практически всегда Т-образны (хотя перекладина может иметь разные варианты изгиба). На миниатюрах Лицевого свода цари, князья, посадники, священнослужители держат такие посохи довольно часто. В Радзивилловской летописи с ними изображают только посадников [*Арциховский*, 1944. С. 119–126; *Чернецов,* 1991. С. 88–89].

В изображениях монашеского быта, на фронтисписах XV века к "Лествице" посох является атрибутом игумена [*Вздорнов,* 1980. № 43. Л. 1 об.; *Попов,* 1975. Рис. 91]. Обильны изображения посохов в XVII веке [*Брюсова* 1984. Рис. 13, 198, 206 цв. пагинации, 147]. Как символ правления посох изображается вместе с раскрытой книгой у Христа-архиерея на престоле в композиции "Царь царем" ("Предста царица"), имеющей южнославянские корни [*Брюсова* 1984. Рис. 5 цв. пагинации, *Антонова*, *Мнева,* 1963. С. 317–318]. Как царский и патриарший атрибут посох играет важную роль в XVII веке**. (Портрет патриарха Никона с клиром, миниатюры "Титулярника" и др.) [*Овчинникова,* 1955. Табл. XII, II–III. Рис. на с. 73].

Итак, посох — знак власти, атрибут духовного или светского правления. Но что заставило жителей русского Севера и Верхней Волги выбрать именно этот символ в качестве основного изображения на надгробной плите? Выше уже говорилось о том, что такие изображения очень характерны для надгробий Европы начиная с позднероманского времени с XI–XII вв., однако там они составляют принадлежность надгробий епископов, аббатов,

---

* Напомним также известную мозаику церкви Дмитрия в Салониках, где Т-образный посох с "яблоком" держит префект города Леонтий, а вовсе не стоящий по другую сторону от св. Дмитрия епископ, у которого в руках книга. То и другое часто соединяется, символизируя священство, в руках одного носителя — епископа, евангелиста, самого Иисуса [*Лазарев,* 1986. Рис. 40, 42; *Брюсова,* 1984. Рис. 5 цв. пагинации].

** На рубеже XVII–XVIII вв. значение посоха, как и многих иных атрибутов старой Руси, подвергается пародийному осмеянию. Укажем на изображения посохов на портретах "всешутейшего собора" Петра I — у "Андрея Бесящего" (А. М. Апраксин) и "патриарха Милаки" (М. Ф. Нарышкин). В XVIII–XIX столетиях два значения посоха — как символа власти и как знака бедности, старости, убожества — устойчиво сохранялись. Характерны изображения нищих у И. А. Ерменева [*Савин*, 1982. С. 91, 93, 95, 97]. Об этой символике посоха скажем ниже.

в редких случаях — священнослужителей вообще. На плитах мирян они не изображаются.

На Руси же, сколько можно судить по имеющейся выборке, такой корреляции нет! Под плитами погребают как священников, так и людей светских, в том числе женщин. Из пяти известных эпитафий лишь в одной упомянут "иерей Никула", четверо других усопших не были ни священниками, ни монахами, и даже перед смертью не принимали пострига*. Плиты находят не только на монастырских некрополях, но и на приходских кладбищах, городских и сельских. Таким образом, знак посоха на плите никак не связывается с монастырским обиходом**.

Если это так, то перед нами — вероятный случай утраты первоначальной символики при сохранении внешнего сходства с обобщенной формой предмета. Иными словами, на плитах изображали не те гордые парадные посохи, которые мы видим в руках у князей, игуменов, патриархов, — но лишь их подобия, символически гораздо более близкие крестам. Они могли, возможно, обладать и видоизмененной архаической семантикой, в первую очередь — анимистической и апотропеической.

Выше уже говорилось об определенной антропоморфизации предмета, отождествлении его с владельцем, использовании в качестве "вместилища души". Обычай класть посох в могилу, — подобно тому как туда клали обувь, деньги и пищу, — зафиксирован у многих народов, представлявших путешествие в загробный мир как пешее странствие [*Анучин*, 1890. С. 179]. Из близких соседей славян обряд вкладывания посоха в руку покойного известен у раннесредневековых германцев.

---

* Тексты ранее опубликованных надписей ничем не выделяются из всей массы надгробной эпиграфики и следуют обычной формуле XVI века:

"7028 февраля 11 день преставися раба божия Феодосия Григорьева жена Филипова на память великомученика Федора Стратилата"

"Лета 7007 месяца мая 5 день преставися раб божий Афонасей Иванов сын Острожев на память святые мученицы..."

"Лета 7048 месяца февраля 22 день преставися раб божий Феодор Феодоров сын..."

"Лета 7048 месяца февраля в дванадесятый день на масленице в Четверг в 1 час дня преставися раб божий священный иерей Никула на паметь иже во святых отца нашего Мелетия архиепископа в тот день преставление Алексея митрополита всея Руси."

** Это очень типично для Европы, где знак посоха особенно часто воспроизводится на плитах некоторых монашеских орденов до XIX века. Здесь посох встречается на памятниках женщин лишь в исключительных случаях — когда входит в состав герба как трехконечный крест с "яблоком", как на плите Хильдегарды фон Штеттен († 1303) в Ротенбурге [*Lutz*, 1976. S. 3. № 9].

На Руси такой обряд не фиксируется ни археологически, ни в письменных источниках, — но зато в мифологии славян представление о посохе как необходимом предмете загробного пути четко прослеживаются в устойчивости символической триады железных (или каменных) посоха, хлеба и обуви [*Пропп,* 1946. С. 37–38].

Прямая связь посоха с темой странствий во тьме прослеживается в загадках и поговорках, где посох осмыслен как провожатый и спутник, поводырь: "Без вушэй, без вочэй, а водзиць людзей"; "Ни глаз, ни ушей, а слепцов водит"; "Маленький, удаленький все дорожки знает", "Припаси посох на путь" [*Рыбников,* 1932. С. 193, 368; *Даль,* 1882. Т. 3. С. 339]. Напомним о широком круге средневековых метафор, связанных с мраком и светом, слепотой и водительством и др.

Тема странствий имела в средневековом сознании мощную хтоническую подоснову, всегда подразумевавшую хождение именно в потусторонний, загробный мир, — что ясно видно на широчайшем литературном материале от христианских апокрифов до "Божественной комедии". "Действующей моделью" мистического странствия являлось паломничество. Посох и сума — обычные символы пилигрима, хорошо известны и в католических странах (там они принимались из рук священнослужителя и получали тем самым ритуально-мистические свойства), и на Руси, где сложилось устойчивое выражение "взяться за посох" в смысле "отправиться в путь" [*Даль,* 1882. Т. 3. С. 339].

Знак европейского пилигрима — длинный шток с круглым набалдашником и "яблоком" в верхней части — был хорошо знаком русским и по встречам в дальних краях, и по проникавшим на Русь изображениям [*Даркевич,* 1976. С. 105–108] — не хуже, чем широко известный из былин и духовных стихов посох "калики перехожего". Напомним известное: "Клюки-посохи в землю потыкали, а и сумочки исповесили" [*Кирша Данилов*, 1938. С. 153]. В результате посох легко ассоциировался в сознании с "путем души", с движением не столько ко граду земному, сколько ко граду небесному. (Подробнее эту обширную тему не рассматриваем, но напомним о посохе как атрибуте св. Христофора — существа несомненно хтонического).

Думаю, нелишне напомнить и о бытовом сопоставлении посоха отложенного, тем более, — лежащего на могиле, — с понятием оконченного пути, с понятием завершенной жизни. Посох оказывается как бы на границе двух миров, он разделяет, как пограничный столб, два пути — завершенный и

начинающийся, образуя одновременно препятствие на пути проникновения из одного пространства в другое.

До сих пор не затрагивалась трактовка посоха как орудия пастьбы, то есть не рассматривалась его связь с лежащим на поверхности средневекового сознания образом Доброго пастыря. Этот образ — один из древнейших, хорошо известный и ветхозаветным текстам, — наделен явными потусторонними чертами и восходит к образу пастуха душ умерших в подземном царстве. Посох пастыря — в сущности, скипетр царя загробного мира, символ Христа как "хозяина душ"*.

Это возвращает нас к антропоморфизации и анимизации посоха, понимаемого как образ "пастыря духовного", то есть внутреннего, живущего в человеческой душе (ее лучшей части). На такой подход прямо указывали ранние теологи — например, Павел Ноланский, утверждавший в известном выражении, что божественный пастырь "правит нами внутренно посохом невидимым и жезлом спасительным, так что не опасаемся мы зла, даже во мраке смерти странствуя, ибо бог с нами пребывает"**.

Понятно, что такой подход легко включает посох в круг вполне христианских ассоциаций с крестом — Распятием, позволяя далее трактовать его как вариант универсального символа основ мироздания, единства жизни и смерти, мирового древа***.

В средневековом сознании, полном параллелей и примеров Ветхого и Нового Заветов, этот символ оживляли и иллюстрировали образы апокрифов — как в вербальной, так и в изобразительной форме. Например, в клейме "Моление о посохах" иконы "Введение во храм с житием Марии" (ГТГ. XVI век), иллюстрирующем апокрифический рассказ о жезле Иосифа, изображены 12 посохов Т-образного типа с различными вариантами перекрестий [*Алпатов*, 1974. Рис. 183].

Выше упоминалась также апотропеическая. охранительная роль посоха. Действительно, он воспринимался и как оружие. В конце XVII века Карион

---

* Укажем также на посохи устойчивой Т-образной формы у пастухов в сценах поклонения Христу — "Собор Богородицы" (ГТГ, 2-я половина XIV века), "Рождество с избранными святыми" (Псковский музей. XV–XVI вв.) и др.

** Перевод по цитате, приведенной А. П. Голубцовым [*Голубцов*, 1909. С. 263.

***Такие понятия как "мировое древо", "магический жезл" и т.п. несомненно имеют отношение к изучаемой теме, но уводят в сторону от конкретного исследования. Укажу только на ряд Т-образных крестов в эмблематике XVI–XVII вв., соединяющихся с пальмовыми ветвями и змеей [*Henkel, Schone*, 1978. S. 192, 648]. Охранительная символика знака "тау" рассматривается ниже.

Истомин писал в строфе "Букваря": "Жезлом прогоняй все в мире сем злое", и приводил для иллюстрации Т-образный посох [*Букварь*.. Буква «Ж»]. Свойство посоха поражать нечистую силу отражено в сюжете о св. Никите, побивающем беса. В переводе евангельского текста он выступает как простейший вид оружия или его обобщенный синоним: "На разбойника ли изидосте с оружием и посохи яти мя"; "Народ с оружием и с посохы" [*Срезневский* 1895. Т. 2. Стлб. 1252]. Пророк Илья, хозяин грома и молнии, а также неутомимый борец с дьяволом и защитник от сил зла, — имеет в иконописи в качестве атрибута посох с Т-образным перекрестьем. Посох Ильи, конечно, ветхозаветного происхождения, но в средневековье он был переосмыслен как символ пустынничества — также как посохи Иоанна, Саввы [*Мифы*. 1980. Т. 1. С. 504–506; *Cook*, 1914. P. 163–184; *Petrovic*, 1970. S. 310]. Посох изображен в руке у святого на одном из типов печатей Новгорода [*Янин*, 1970. № 691].

Возможно, именно посох Т-образной формы вызывал подсознательные ассоциации с формой оружия и защитной функцией, — поскольку изображения на надгробиях часто напоминают знак молота или двойного топора, символ огромного магического потенциала, прочно связанный с погребальным культом, но пронизывавший также "решительно все бытие, неживую материю, растительный и животный мир" [*Лосев*, 1957. С. 118]. Один из наиболее универсальных символов, он проник в область христианской легенды, стал атрибутом многих святых, и вошел в монограмму-лабарум [*Лосев*, 1957. С. 120, 131; *Montelius*, 1903. S. 428-429. Abb. 1339–1347, 1381]. Какие-то элементы восприятия посоха как обоюдоострого оружия, возможно, следует видеть в секирообразных формах, представленных на некоторых надгробиях. В свою очередь, топор как апотропей хорошо известен славянским народам и домонгольской Руси [*Даркевич*, 1961; *Petrovic*, 1970. S. 266–267].

В этнографии русской деревни представление о топоре как охранительном символе отразилось в целом наборе магических операций, в том числе погребальных. Призванных оградить покойного от злых сил или направленных на преграждение пути злонамеренному мертвецу, на выделение его из круга живых и замыкание в загробном мире. Эта функция посоха близка магии ключа [*Макаров*, 1981. С. 261–264].

Учитывая все сказанное, можно полагать, что изображения трехконечных посохов предстают перед нами не только как одна из популярных модификаций креста — символа Распятия, вокруг которого группировались все

защитные магические обряды средневековья (о крестах на плитах см. экскурс 3). За ними открывается гораздо более древний апотропеический ряд.

Обратимся к аналогам, показывающим использование Т-образного посоха в надгробных изображениях других христианских традиций. На сходство некоторых черт в оформлении надгробий земель Боснии и Герцеговины с Русью уже указывалось. Несомненно, что в основе этого лежит и параллелизм культурных процессов, и близкое знакомство с продуктами художественного ремесла — в том числе, возможно, резьбы по камню [*Вагнер,* 1980. С. 61–62; *Альтшуллер,* 1976. С. 286, 291; *Попов, Рындина,* 1979. № 29], также как ориентация на общие образцы позднероманской и постромановской Европы (периферийными областями влияния которой — хотя и в разной степени — могут быть названы славянские территории).

Дело не только в контактах с балканскими народами как проводниками византийских и романских влияний. Обращение к боснийскому надгробию неизбежно в любом случае, когда дело касается инноваций и их трансформации на основе общеславянских представлений. В условиях относительной религиозной свободы и широкой доступности образцов искусства поздней Византии, католического мира, мусульманского Средиземноморья и даже поздней античной культуры — была создана уникальная для славянства "изобразительная энциклопедия". Исследовать корни отдельных впитанных ею мотивов — чрезвычайно важно для понимания механизма усвоения.

Среди изображений на каменных надгробиях — "стечцах" — имеются и Т-образные посохи*. Они сравнительно редки (учтено 44 изображения) и трактовались издавна как символы священнослужителей боснийской церкви [*Beslasic,* 1982. S. 243–251. Tab. 19; *Wenzel,* 1965. S. 92–93, 308. Tab. XXXIV, LXXXVIII, LXXXIX]. Посохи изображаются как отдельно (в этих случаях они иногда имеют типичные для антропоморфного креста-дополнения), так и в сочетании с человеческой фигурой. Одно из надгробий снабжено длинной эпитафией, упоминающей имя и ранг погребенного: "гость Милутин", что позволяет датировать ее по историческим источникам около 1318 г. Изображенная на стеле стоящая фигурка опирается на посох и держит в поднятой руке раскрытую книгу, — следовательно, может быть символическим изображением погребенного (для трактовки фигуры как евангелиста или

Табл. XXXVIII

* Всего зарегистрировано около 70 тысяч надгробий, среди них несколько тысяч с изображениями, часть — с надписями. Они распределяются от XII до конца XVI века, но в основном XIV–XV вв. [*Beslasic,* 1982; 1971; 1967].

Христа не хватает нимба). Титул "гость" — один из высших рангов церкви и государства в средневековой Боснии, он упоминается многими источниками наряду с такими титулами как "великий дед" и "старец" [*Vego,* 1964. Kn. 3. № 190; *Beslsgic,* 1967. S. 11, 99–100].

Книга вместе с посохом изображена еще в одном случае, также как чаша (распространенный в искусстве Европы атрибут священника). В пяти изображениях посох держит рука (pars pro toto — также как рука со щитом и мечом или рыцарская перчатка заменяют воина, цитатно восходя к многочисленным средневековым надгробиям Запада).

Присутствие именно посохов как знаков власти и/или священства в надгробиях "священно-сановников" эпохи Боснийского царства — очевидно, и в этом сходятся практически все исследователи. (Народное название этих изображений, кстати, — "дидов штап").

Для установления близости с надгробиями Руси важно совпадение формы посоха, имеющего "яблоко", и изображение посоха на горизонтальных плитах, как бы положенного на них по оси.

Ряд исследователей видит в изображениях Т-образных посохов влияние знака членов монашеского ордена Василия Великого, хорошо известного в то время на Балканах, и трактуют их как реалию монашеского обихода [*Miletic*, 1957]. Для южнославянских земель, среди надгробных памятников которых очень много подражаний позднероманским надгробиям Священной Римской империи, это было бы естественно. (Напомним еще раз об аналогичных плитах ордена цистерцианцев и многочисленнейших надгробиях с посохами или руками, их держащими, в Германии и Австрии начиная с XIV века).

Для использования Т-образного посоха в качестве надгробного символа на Руси могло быть значимым и прямое указание на бедность как качество, присущее покойному. Крестьянское сознание восточнославянского мира традиционно отождествляет покойного и неимущего, использует понятия "бедняк" (обездоленный, убогий) и "покойник" как синонимы [*Срезневский,* Т. 3. Стлб. 537; *Седакова,* 1990. С. 57–58; *Петрухин,* 1995. С. 196]. Посох (костыль, клюка) — типичная принадлежность слепых, юродивых, увечных в сценах чудесных исцелений. На атрибутивность посоха странничеству указано выше. Можно добавить ряд поговорок, устойчиво соединяющих посох с попрошайничеством и нищетой: "Посох легче цепа". "Клюка не укор, да сума не хороша" [*Даль,* 1882. Т. 3. С. 339; *Даль,* 1957. С. 80, 94, 99, 102].

(В этом смысле посох, изображенный на плите, мог восприниматься и как свидетельство, напоминание о праведности умершего. В монашеском обиходе Руси известны, например, каменные и кирпичные "подушки" у погребенных [*Макаров,* 1981. С. 111–116], вериги. Светских покойных обычно хоронили в крайне упрощенном одеянии и без украшений).

Таков, в самых общих чертах, круг ассоциаций, которые могли возникать у жителей средневековой Руси благодаря изображению на плите-надгробии Т-образного посоха. Разумеется, восприятие его разнилось в зависимости от социального и культурного уровня — клирик и мирянин, житель деревни и купец-горожанин, москвич и новгородец — могли толковать его по-разному. Сколько-нибудь глубокое историко-семантическое толкование иконографии знака, конечно, полностью исключалось. Однако нам необходимо иметь в виду все поле предшествующих (и даже наследующих) форм с их значениями для того, чтобы полнее представлять себе глубинные корни и самые дальние родовые связи древнерусских памятников.

Необходимым кажется поэтому углубить очерк генезиса семантики, дав краткую справку о ее древнейших истоках.

Важным качеством знака "Т" в глазах христиан была, конечно, его связь с крестом Распятия, очень рано осознанная благодаря сходству буквы и орудия казни. Это сходство отмечалось уже позднеантичными авторами. Лукиан из Самосаты в "Суде гласных" заставляет одушевленные им буквы особенно яростно нападать на "Тау": "Ее наружный вид тираны приняли за образец, ее очертаниям подражали, соорудив из дерева такую же Тау, чтобы распинать на ней людей! От нее же их гнусное изобретение получило и гнусное свое название." Лукиан пользуется даже приемом народной этимологии, заключая: " Она, тау, создала крест, а люди в ее честь назвали его "с-тау-рос"! [*Лукиан,* 1935. С. 14. Пер. Н. П. Баранова].

Не удивительно, что Тертуллиан уже уверенно писал: "греческая буква *тау* а наша Т есть образ креста". Святой Варнава объяснял символикой буквы, пророческий смысл числа обрезанных ветхозаветного текста: "Авраам обрезал из дома своего десять, и восемь, и триста мужей. Какое же было видение дано ему в этом? Узнайте сперва, что такое десять и восемь, и потом, что такое триста. Десять и восемь выражаются: десять — буквой *иота*, восемь — буквой *ита,* и вот начало имени Иисус. А так как крест в образе буквы *тау* должен был указать на благодать искупления, то и сказано: *и*

триста. Итак, в двух буквах открывается имя Иисус, а в одной третьей — крест." [Цит. по: *Голубцов,* 1995. С. 220–221].

И в катакомбных надписях, и в эпиграфике раннехристианских саркофагов *тау* используется как вставка в имя умершего или предваряет его.

Весьма интересны отдельные свидетельства о почитании символа *тау* варварской Европой, о чем свидетельствуют и археологические находки — например, черепа, обнаруживаемые в оссуариях Франции и Швейцарии с вырезанными на них трехконечными крестами, и упоминаемое Вергилием *"галльское тау"* [*Blanchet*, 1954. P. 93–96].

Мы не должны, однако, забывать о древневосточном прообразе символа. Т-образный посох изображен уже на некоторых антропоморфных саркофагах Сидона, причем в композиции, поразительно напоминающей гораздо более поздние схемы. Короткое косое перекрестье, заканчивающееся "клевцами", помещено почти у подбородка лежащей фигуры; обе руки сжимают посох в его верхней части, а длинный прямой шток тянется по оси тела до самого изножия (саркофаг Стамбульского музея).

Ветхозаветное происхождение знака тщательно осмысливалось в средневековой Европе. Доказательством того, что именно Ветхому Завету усваивалось обоснование апотропеических и общемагических свойств "тау" в средневековье, являются многочисленные изображения знака либо как атрибута еврейских мудрецов, либо как знака спасения или избранности вообще [*Garnier,* 1982. T. 1. Ill. 16, 61 — миниатюры XII века]. Особенно популярен был сюжет, изображавший Аарона, метящего дома накануне Исхода. (Подставка креста 1170-х гг. из аббатства Сен Бертин в музее Сен Омера, пластинка филактерия того же времени из Лотарингии и другие) [*Husband*, 1992. Fig. 9; *Лапковская,* 1971. Табл. 6]. Иконография магических жезлов первосвященников (Аарона и Моисея), особенно в сцене воздвижения медного змия, представляла их в виде Т-образных посохов. (К ним применялось также именование "тауматургос" в значении "чудотворец"). Такова же обычно и форма посоха пророка Илии (в том числе в древнерусской традиции).

Табл. XXXIX 1–3

Это значение "тау" было почерпнуто христианами из толкований на сюжеты книги Исхода (12 : 7), где косяки дверей предписывается кропить кровью жертвенного агнца, и, особенно, пророка Иезекииля (9 : 4). Последний должен был отметить знаком лбы праведных жителей Иерусалима: "И сказал Господь ему: пройди посреди града Иерусалима и изобрази *знак (тав)* на

лицах мужей, стенящих и болезнующих о всех беззакониях совершающихся среди них." [Изображение: *Husband,* 1992. Fig. 10].

"Тав", 22-я последняя буква алфавита, может пониматься как слово "знак" и отождествляется в текстах с символом спасения, который, будучи начертан жертвенной кровью на домах евреев или на лбу праведных, позволяет избежать кары Господней. Христиане Западной Европы видели здесь не знак вообще (в русском переводе это, кстати, звучало как "знамение" и не отождествлялось с особой формой буквы), а именно букву "тав" или греческую "тау".

В свою очередь, в представлениях средневековых толкователей знак "*тав*" и тау — подобный жезлу первосвященника традиционно соотносились с "древом жизни", неся характерные признаки происхождения от него, такие как способность к процветанию (что впоследствии было использовано христианской символикой в иконографии сюжета о выборе жениха для девы Марии, где прорастающий посох Иосифа изображался Т-образным, и в других сюжетах), и способность к превращению, особенно в змею. Последнее самым широким образом было воспринято христианской эмблематикой.

Вернемся к нашим надгробиям. Разумеется, изображения на плитах очень мало напоминают буквы какого-либо алфавита. Это вполне конкретные образы креста или крестообразного посоха. Однако выбор именно таких образов, соединяющих символику орудий обоих актов творения мира — ветхозаветного и новозаветного — вероятно, не был случаен. Сложная ассоциативная символика "*тау*" могла быть воспринята Северо-Восточной Русью опосредованно, через произведения позднероманского искусства Европы, благодаря широким контактам Новгорода и очень тесным отношениям Тверских земель с Великим княжеством Литовским. Не будем забывать и о контактах Твери с южнославянскими землями.

Стимулов к усвоению иконографии могло быть несколько. В их числе — необходимость пользоваться исцеляющей и ограждающей силой знака (особенно в период многочисленных чумных эпидемий, поражавших Русь вслед за Европой в период "черной смерти"), а также живой религиозный интерес к библейским символам, свойственный Русскому Северу в период расцвета реформационного сознания.

Разумеется, символика "*тау*" распространилась на Руси в существенно христианизированном варианте, причем позднем и слабо выраженном. Кро-

ме того, она имеет явные признаки хронологического и территориального ограничения. Однако в указанных пределах использование ее очень широко и активно, что позволяет говорить об определенной прочности усвоения знака народным сознанием.

Даже после поглощения тверской северо-западной художественной традиции московской культурой заметны следы воздействия Т-образной композиции в надгробной символике XV–XVII вв.

Вероятно, наиболее серьезным основанием изображать посох была его связь со знаком креста, именно в такой форме — и даже с центральным "яблоком" — широко распространившимся в XV веке благодаря символу на монетах. Эта сторона вопроса рассмотрена в главе 3 данной книги и в специальном экскурсе о крестах на плитах.

ЭКСКУРС 3

КРЕСТ НА ПЛИТЕ: ПРАВИЛЬНО ИЛИ НЕПРАВИЛЬНО?

ОБ ОДНОМ СОМНИТЕЛЬНОМ ЗАПРЕТЕ

Отсутствие изображения креста на белокаменных надгробных плитах Руси XIII–XVII вв. вызывало у историков нашего столетия, — привыкших видеть его в оформлении сравнительно поздних могил, — естественное чувство недоумения. Первоначально они полагали, что плиты с крестом еще просто не найдены, и подбирали в источниках тексты, как-будто подтверждающие такую точку зрения. (Например, согласно житию малоизвестного святого Михаила Верижника (умер в начале XV века), "на гроб его положен камень и крест вырезан и летопись на дске и образ на гробе штилистовый") [*Толстой,* 1887. № 472. С. 268].

Однако позднее стало ясно, что креста в его привычной иконографической форме на плоско лежащих плитах Северо-Восточной Руси, действительно, почти не бывает. Он появляется только в памятниках конца XVII века, достаточно высоких для того, чтобы нарезать крест на торцевой, а не верхней грани.

Очень похожи по оформлению на торцевые и настенные надгробия, "памятные доски", распространившиеся также в конце XVII века. Сложная композиция, включающая Голгофу с Распятием или храм (иерусалимский храм Воскресения) являлась обязательной для керамид, вертикально закрывавших погребальные ниши в Псково-Печерском монастыре в середине XVI–XVII вв.

То, что русские люди XIII–XVII вв. испытывали потребность изображать крест на могильных памятниках, доказывается также существованием дере-

вянных крестов (они видны, например, на гравюрах иностранных художников XVII века) и редкими, но все же известными примерами изготовления крестов каменных, в том числе — помещавшихся на стены храмов (Новгород, Псков, Москва, города Владимиро-Суздальской земли и др.).

В то же время складывалось впечатление, что крест старались не изображать на горизонтальных, расположенных близко к земле плоскостях. Чтобы объяснить и документально обосновать этот отказ, исследователи привлекли сообщения о запрете изображать крест лежащим, что воспринималось как его поношение [*Ермонская,* 1978. С. 38].

Обычаю избегать "горизонтальных" крестов Д. В. Айналов посвятил специальную статью, опубликованную в 1928 году [*Айналов*, 1928. С. 499–500]. Напомним ее содержание.

Запрет изображать крест горизонтально впервые помещен в правиле 73 IV-го Халкидонского собора, которое в рукописи "Мерила праведного" XIII века звучало так: "О кресте, еже на земле пишут... Иже крест на земли написан или сложен да погребен будет или развержен. Всяко почитание подобает нам имети, еже достойную честь отдавати животворящему кресту, имже ветхого преступления спасены бехом, и аще на земли образ креста от некоего написан или сложен, да погребен будет, или развержен, да не от человек неверующих или от животен попрано будет и поругано непобедное наше оружие" [*Айналов*, 1928. С. 500].

"Мерило праведное" давало и собственный комментарий, и, применяясь к обычной практике Руси, обращало особое внимание на неосквернение креста в период водосвятия:

"Никто же не пишет на земле креста и на леду, егда воду крестят... по крещении бо человеци ногами попирают, кони и весь скот и пси, потом порты моют и польют сквернами.

Не тем бо крестом освящается вода, доспетым на льду, но держимым священническими руками; и неции глаголют, яко освятил есмь трижды — четырежды и крестов много связавше, воду крестити и до 6 дне в перенос носити и потом разрешати кресты.

Что сего несмысленства горее, чтуще не разумеем. Да мы сотонины соблазны и многими грехи обязани ищем крестом разрешитися. Крест бо освятился есть кровью Христовою и освящает вся люди и воду, а креста никто же, то како мы крест освящаем, вяжем и разрешаем. Отселе не буди тако, аще ли, то проклинати повелеваем." [*Айналов*, 1928. С. 499].

Разъяснение показывало, к какой именно форме суеверия следует относить теперь раннехристианский запрет.

Д. В. Айналов предполагал, что первая часть запрета — писать крест на земле — связана с католическим обычаем освящения храма, когда епископ пишет посохом на крестообразно начертанных на полу линиях буквы алфавитов латинского и греческого, и восходит этот запрет к периоду противолатинской пропаганды, актуальной для XII–XIII вв.

Его вывод опирался на иную формулировку того же запрета в Кормчих и других сборниках поучений: "Образ крестный на земли пишущим неким несмысленным, не повелеваем верным. То бо латина деют." [*Айналов*, 1928. С. 500].

Однако необходимо отметить ряд несоответствий. Во-первых, в редакции текста XIII века как раз нет ни слова о "латынстве" обряда, а встречаются они в более поздних сборниках XVI века. Во-вторых, она подробно говорит о совершенно конкретных нарушениях, совершенно обходя молчанием обычай писать крест на земле.

Вполне вероятно, что эта часть клаузуры сохранена из-за ее присутствия в правилах Вселенского собора, где запрет имеет наиболее общую и понятную форму. Он, видимо, не связывался тогда с какими-то устоявшимися и специально запрещавшимися обрядами. Оговаривались любые случаи нарушения пространственной семантики, как случайные, так и сознательные попытки лишить основной символ одной из важных формальных характеристик, подвергая его к тому же опасности осквернения.

Для нашей темы важно отсутствие в древнерусских текстах каких-то упоминаний камня, плиты или погребения в связи с запретом изображать на них крест. Сам Д. В. Айналов, вспомнив о случаях "сложения крестов на могилах", подчеркнул, что это не делает тексты "удобопонятными". Он привел также пример из повествования Прохора о погребении Иоанна Богослова, который перед смертью просил: "Копайте рылы в долготу тела моего крестом" [*Айналов*, 1928. С. 500].

Таким образом, далеко не во всех случаях запрещалось изображать крест в горизонтальной плоскости. (Это было совершенно неизбежно, например, при строительстве крестообразных храмов). Разумеется, даже и обобщенный запрет мог воздействовать на художественную традицию оформления надгробий и внушить мастерам нежелание изображать крест на низко стоящих плитах и крышках саркофагов.

Заметим, однако, что в последнем случае дело обстоит иначе — саркофаг обычно закапывали в землю, чего и требует правило Вселенского собора, — следовательно, ничто не препятствовало изображать на нем крест. Что касается плит, то они находились всегда на территории кладбища или в храме, на освященной и огороженной земле, — то есть в условиях, принятых для сохранения святынь, которым могло угрожать осквернение (например, престолов разрушенных церквей).

Наконец, следует, говоря о "неизображении креста", помнить о группах надгробных плит, на которых древнерусские мастера в XIV–XVI вв. изображали знак креста вполне уверенно. Это надгробия Северо-Западной и Северной Руси.

Еще А. К. Жизневский и А. А. Спицын толковали Т-образные рельефные фигуры на плитах как изображение одной из древнейших форм креста [*Спицын* 1903; *Шляпкин, 1906*]. Часто это подтверждается основанием в виде Голгофы.

Крест с Голгофой в виде полукруга, действительно, встречается именно на надгробных памятниках Северной Европы — на востоке Англии (Tixover, Rutland, аббатство Rivenhall) с конца XII по конец XIII века и в Германии (Кельн, церковь св. Марии) в X–XI вв.. В некоторых случаях полукругом оформлено не только изножие, но и изголовье (что подчеркивает происхождение от симметричной крышки саркофага), причем у плиты из Кельна центр отмечен таким же большим кругом, какие характерны для надгробий с Т-образными крестами [*Butler,* 1964. Fig. 2(B); *Butler, Rodwell,* 1993. Vol. 2; Fig. 9:2; *Nisters-Wesbecker*, 1983. Abb. 31. № 30. Abb. 43. № 142].

В других случаях знак восходит к "кресту святого Антония", — одному из наиболее известных и распространенных апотропеических символов позднего средневековья Европы, на связи с которой именно Северной Руси неоднократно указывалось (подробнее см. экскурс 2). [Новая статья о Т-образных крестах в позднесредневековой Европе: *Husband,* 1992].

Возможность переноса этого символа с южнославянских, в основном боснийских, надгробий, где он встречается в виде священнического посоха, не меняет дела, поскольку синонимичность пастырского посоха и Тау-креста неоднократно демонстрировалась.

Добавим к этому, что найденное в свое время на Старицком городище рельефное надгробие с "нанизанными спиралями" может быть вполне адекватно трактовано как шестиконечный крест сложной формы [*Попов, Рындина,* 1979. № 29].

Уверенность в том, что запрет изображать крест на горизонтальных поверхностях охватывал и надгробия, еще уменьшится, если указать на существенность влияния Тау-креста на формирование антропоморфной композиции московских плит XV–XVII вв. Их орнамент представляет форму достаточно типичного для раннего средневековья антропоморфного креста, имеющую аналоги в Западной Европе. Можно указать здесь и на случаи трактовки человеческой фигуры как креста с расширенными боковыми ветвями и треугольной формы Голгофой. Более того. Мы не можем полностью отрицать присутствие сложной крестообразной орнаментики и на древнейших плитах Москвы, еще не имевших антропоморфной композиции.

Если не в трактовке (которая для древнемосковских памятников нам попросту неизвестна), то по крайней мере — в формальном и генетическом отношении, стадиально, они могут быть соотнесены с европейскими памятниками дороманского и раннероманского периода, то есть середины I — рубежа II тысячелетия н. э.

"Варварские" государства постримского мира и пришедшие им на смену империи создавали, в ходе распространения христианства, местные варианты погребальных памятников, опираясь на переработку мотивов раннехристианского (в основном римского) искусства местными мастерами, использовавшими более древние традиции и подручные материалы. Главным объектом подражаний и переработки служил раннехристианский саркофаг. Особенно устойчивыми оказались элементы его крышек — два или четыре ската с акротериями и круглые венки с христианской символикой.

На основе сочетания этих элементов к рубежу I и II тысячелетий искусство Франции, Германии, Англии и других земель выработало бесчисленное количество форм креста или крестообразных изображений (чаще всего это меч с крестообразной же рукоятью, копье, дерево). Семантически все эти формы, в конечном счете, подчинялись теме Распятия и символу креста, — хотя на первый взгляд это не всегда распознается.

Крестообразные фигуры имеют, однако, ряд устойчиво повторяющихся элементов, восходящих к крышкам саркофагов. Это, прежде всего, осевая полоса, которую или пересекают короткие и широкие перекладины (образуя шестиконечный крест), или фланкируют круги-розетки, в которые может быт вписан маленький крест или многолучевая фигура. Более сложные диагональные пересечения формировали косые шести — и восьмиконечные кресты на основе андреевского, а кресты с кругами в перекрестьи часто превра-

щались в сложные фигуры с процветшими раздвоенными ветвями. Аналогичные формы, хотя и более простые, известны в древнерусских надгробиях.

Другой, особенно распространенный в XI–XIV вв. вариант креста "скрытой" формы образовали ряды полукругов, примыкающих диаметрами к сторонам плиты. Между ними иногда помещается крест удлиненной формы — но это совсем не обязательно. Среди надгробий Руси мы также находим очень похожие.

Итак, плиты Северо-Восточной Руси XIII–XIV вв. не только восходили в формальном отношении к романским надгробиям. Они, возможно, сохраняли на этом этапе присущие прототипам семантические характеристики. Можно отметить, что трансформация форм креста в сложные декоративные композиции, весьма далекие от изначального простейшего знака (ромбические, лучевые, растительные и др.) прекрасно известна в ювелирном искусстве средневековой Руси [*Лесман,* 1995. С. 13–19].

Каковы же общие выводы по изложенному материалу? Вероятно, следует расстаться с представлениями об отсутствии на древнерусских плитах изображений крестов. Они там встречаются, но в сложных вариантах, присущих романскому надгробию (Т-образное, антропоморфное, кругообразное и т. д.). Кресты "канонической" формы не нашли места на лицевой грани плиты по той причине, что она была занята схематическим изображением человеческой фигуры. (Здесь следует напомнить о хорошо известном антропоморфизме креста в народном сознании Руси, об устойчивом отождествлении понятий Христос/Крест — христианин/крестьянин).

Впрочем, к югу от Москвы при обследовании некрополя Похряне обнаружены белокаменные плиты, на которых рельефом или резьбой изображены кресты — простые четырехконечные или шестиконечные с орудиями страстей. К сожалению, точных дат у них нет, но кладбище не позднее XVII века [*Юшко,* 1977. С. 12]. Встречен крест и на плите с кладбища XV–XVI вв. в Можайске [*Энговатова,* 1994. С. 166].

Вряд ли стоит привлекать правило Халкидонского собора и комментарии на него в русских учительных текстах для объяснения несуществующего обычая избегать изображения креста на плитах. Этому нет ни письменных, ни, как выясняется, археологических свидетельств.

ЭКСКУРС 4

ЛИЦЕНЦИАТ ПРИ ДВОРЕ ИОАННА ГРОЗНОГО

НАДГРОБИЕ КАСПАРА ФОН ЭЛЬФЕРФЕЛЬДТА НА ДРЕВНЕЙШЕМ КЛАДБИЩЕ ИНОЗЕМЦЕВ В МОСКВЕ

В 1989 г. в Москве, при земляных работах в районе Конной площади (между ул. Мытной и Шаболовкой) были обнаружены фрагменты белокаменных надгробий с остатками надписей на немецком языке. Таких плит здесь не находили с 1823 года, когда публикация камня с могилы Берндта фон Белля, комтура Голдинга, положила начало изучению средневековых некрополей иноземцев [*Калайдович,* 1862. С. 175]. Фото 145–147

Особый интерес представляли обстоятельства находки. Сами плиты были несомненно переотложены; тем не менее они явно остались на территории кладбища, о чем свидетельствовали фрагменты человеческих костей в перекопах, мелкие куски других надгробий, тонкого древнерусского кирпича XVI (?) века, раствора, строительного камня. (О костях и черепах в земле под плитами упоминал также К. Ф. Калайдович). Вероятно, на кладбище существовали какие-то сооружения — часовни, кивории, склепы, фундаменты под надгробия, даже капеллы и т. п. В зачистках явственно виднелись края вертикальных ям-могил*.

Одно из надгробий, с почти утраченной за исключением благопожелательного завершения надписью, было использовано трижды, — в последний раз плита служила навесной декоративной деталью архитектурного сооруже-

* Наблюдения на объекте (стадион завода "Красный пролетарий") проводились Московской археологической экспедиции Института археологии РАН. Искренне благодарю И. Л. Бойцова и С. З. Чернова за возможность изучить сделанные находки.

ния и несла резной растительный орнамент русской работы [*Беляев, Векслер,* 1996. Рис. 8 А].

Определить название заброшенного кладбища помогло наиболее сохранившееся надгробие Каспара фон Эльферфельдта, от которого осталась примерно половина плиты с началом надписи. По форме и первоначальной орнаментации это обычная белокаменная "доска", несомненно, изготовленная русским ремесленником около середины XVI века и купленная у него заказчиком в готовом виде, но без надписи, — о чем свидетельствуют элементы декора, стертые при нанесении букв. Размер плиты: 75 см по изголовью, около 75 см в середине, толщина — 16 см, максимальная сохранность длины — 76 см. (Рис. 1).

Орнамент (внешняя рамка из мелких треугольников; два круга с заполнением внутри; дополнительная рамка из крупных треугольников, соединенных гипотенузами) нарезана в московской треугольчатой манере. Оба круга сглажены. На месте центрального выбито низким рельефом профильное изображение мужчины с бритым, сильно выступающим подбородком, в высокой конической отороченной шапке с лентами. "Портрет" заключен в подобие венка-медальона. Это схематическое подражание надгробному портрету является уникальным для Московской Руси. (По манере оно напоминает реалистически шаржированные рисунки иностранцев, встречающиеся в русском изобразительном фольклоре XVI–XVII вв., но вряд ли мастер стремился к такому эффекту).

Внутри рамки всю площадь заняла надпись, от которой уцелели 5 строк полностью и часть очень короткой шестой — вероятно, еще не последней. Текст нанесен по тонкой линейной графье, перекрывает остатки верхнего круга. Высота строк — 6.5 см, промежутков — 4.5 см. Канавки букв треугольные в сечении, слова нарезаны с большой тщательностью, хотя и не вполне уверенно.

Надпись близка латинской палеографии Москвы второй половины XVI века. Но есть важное отличие. Все известные до сих пор тексты выполнены шрифтом, восходящим к позднеримскому капитальному квадратному письму, получившему широкое распространение в Европе эпохи Ренессанса, весьма простому и ясному [*Добиаш-Рождественская*, 1987, С. 58–59. Рис. 1]. Надгробие же Эльферфельдта имеет шрифт, содержащий многочисленные элементы декоративного готического — лигатуры (ch, ts), раздвоенные концы мачт и штрихов (t, l, f, h), ромбически-квадратные подставки, и даже сокращения, никогда ранее в надгробиях Москвы не встречавшиеся. Интере-

сен также прием выноса N над строкой: помещение O внутрь V; знаки переноса и разбивка на слова, подчеркнутая ромбическими точками; стремление выделить заглавные буквы.

Эта упрощенная "готика", наряду с "портретом" и подчеркнутой тщательностью исполнения свидетельствует о неординарных возможностях, и в еще большей мере — о претензиях заказчика. Сохранившаяся часть надписи читается легко:

CASPER. VON. ELVERFELT
DER. RECHTEN. LI—
CENTIATZ. GEWE—
SEN. LAND [D?G?] DROSTE.
THO PETERSHAGEN
...GE...

[Каспар. фон. Эльферфельдт. права. лиценциат. бывший. ланддрост. Питерсхагена...] (Дрост, landdrost — принятое в ряде земель название старосты — "oberster", или чиновника с судебными и управительскими полномочиями).

Особенности написания — "tho" вместо "zu", конечное "e" в слове "droste" — возможно, выдают нижнерейнское или прибалтийское происхождение писавшего, но типичны и в целом для старонемецкого. В слове "лиценциат" окончание, вероятно, сокращено (tz=tus). Сложная лигатура, разделяющая слово Land|droste, может оказаться сокращением типа "Gemeinde" [Ср. *Cappelli,* 1928. S. 68, 72; "commune" — предположение фрау Ингеборг Хенке, Восточноевропейский институт, Мюнхен].

Предпринятая попытка собрать материалы к биографии названного в эпитафии лица показала, что судьба его интересна как для истории контактов Руси и Европы XVI века, так и для истории средневековой топографии Москвы.

Эльферфельдт знаком русским историкам со времен Н. М. Карамзина, располагавшего одним из писем торгового агента, нюренбержца Фейта Зенга (Veit Seng) в Любеке, где со слов купца Германа Писпинга говорилось о высоком положении Эльферфельдта при дворе Ивана IV, самым благоприятным образом оценивалась его деятельность пропагандиста евангелического вероисповедания [*Карамзин,* 1843. С. 52. Прим. 166].

Сведения эти были умножены публикацией новых писем [*Форстен,* 1889. №№ 33, 38]. К ним обращались почти все авторы, работавшие над темой "Россия и Запад в XVI веке" [*Fechner,* 1876. S. 51; *Цветаев*, 1890. С. 541

и др.]. Впоследствии Эльферфельдту даже начали приписывать литературно-богословские сочинения, прямо помещая их в "библиотеку Ивана Грозного" [*Зарубин,* 1982. № 96. С. 23–24, 54]. Однако прямых данных о его литературной деятельности нет. В советской историографии жизнь Эльферфельдта в России не привлекла должного внимания несмотря на появление новых источников — мемуаров Штадена и других манускриптов. [Перевод рукописи Штадена издал в 1925 г. И. И. Полосин, немецкий текст — F. T. Epstein в 1964 г.].

Каспар фон Эльферфельдт — один из многих, попавших в Московию в первые годы Ливонской войны. О предшествующем периоде его жизни сведения явно недостаточны. Принадлежал ли он к баронскому роду Эльферфельдтов, или являлся членом одной из выделявшихся в то время бюргерских линий — неясно. Аандер-Хеден в капитальном труде приводит документы с упоминанием в середине XVI века нескольких Каспаров фон Эльферфельдтов (причем некоторые из них даже имеют чин дроста), но ни один не может быть отождествлен с "московским" Каспаром из-за хронологических несоответствий [*Aander-Heden,* 1883–1890].

Там же есть сведения по менее родовитым семьям. Одна из них заняла в XVII–XIX вв. видное место среди литераторов и священнослужителей Курляндии, но доказано, что уже в XVI веке ее основатели не были связаны с родом баронов [*Seeberg-Elverfeldt*, 1965]. В 1960-х гг. происхождение Каспара фон Эльферфельдта специально изучал Альфонс Радатц (Alfons Radatz) в Киле. Результаты мне неизвестны.

Достоверно установлено, что в середине XVI века Каспар обладал ученой степенью лиценциата права и действительно занимал должность ландд-роста Питерсхагена, резиденции епископа Минден. Он упомянут как дрост в "Schaumburger Akten des Munsters Staatsarchivs" от 21.07 и 07.10.1555 г. и 05.01.1556 г. (соответственно: Caspar Eluerfelt, Caspar von Elberfelt, Elverfelt), причем названа и степень — "der Rechte Licentiat" [*Epstein,* 1964. S. 177. Anm. 13].

Возможно, образованием и близостью к церковным кругам объясняется как последующая служба Эльферфельдта епископу Дерпта Герману Вейланду (по происхождению вестфальцу, как и Эльферфельдты), так и само решение перебраться в Ливонию. Обычной целью таких переводов было стремление быстро сделать карьеру и разбогатеть — Ливония издавна представлялась дворянству, чиновникам, клирикам Вестфалии наилучшим по-

лем для этого. (Ранее среди баронов фон Эльферфельдт встречались рыцари Немецкого ордена).

В Ливонию лиценциат мог попасть только в преддверии войны или в самом ее начале. Впрочем, его пребывание здесь было довольно коротким и мало отразилось в документах. Ф. Зенг в письмах указывает на его членство в епископском совете. Возможно, о нем говорит магистр Ордена Фюрстенберг в письме от 14.06.1558, хотя инициал имени не совпадает. В публикации упомянут "высокоученый Н. Эльферфельдт", с рукописью я не знаком: "Juni 14. Feldlager. O. M. Willhelm Furstenberg an Justus Claudius Syndikus zu Reval: ihm sei vom hochgelehrten N.Erberfelt berichtet..." [*Bienemann,* 1876. № 926].

Достоверно отмечено его присутствие уже после капитуляции Дерпта и пленения епископа Германа. Подпись Эльферфельдта появляется на очень интересном протоколе допроса немцев-перебежчиков в Вендене, датированном 25.07.1558. Документ составлен в присутствии "...hochgelartten vnnd Erentuesten hern Christoffern Siborgen zu Candou, Clauesen von Stridthorste zu Grobin, vogtten Ritterlichen Deutzschen Ordenss Johan von Buchorst, Wolter von Plettenbergk, Peter Jasper Eueruelden Licentiaten, Ewalt franken vnd Jurgen korff." [*Notariats,* 1862. S. 331].

Таким образом, мы узнаем второе имя Каспара — Петер, и вариант написания первого имени — Яспер.

Этот эпизод показывает Эльферфельдта в лагере тех, кто готовится продолжать вооруженную борьбу, в противовес администрации Германа, склоненного к сепаратному миру. Однако кампания 1558 года была безнадежно проиграна, ее участники должны были выбирать между пленом, бегством в Германию или попыткой отсидеться в крупных замках и городах. Горестный "ливонский мартиролог" Иоханна Реннера среди других потерь упоминает и обстоятельства пленения Эльферфельдта во время вылазки из Эрмса ("Armus"): "Tolsborg vorlorn [...] Van dem huse Armus toegen 18 ruiters und quemen an den fiendt, darvan hielden 6 den hinderholt. Der Dutschen worden vele erschlagen, darunder ein eddelman, genant Berlin. Ein licentiatus, genant Elverfelt, wort gefangen na der Moscouw gefuert. Dat wort ein bose mammelucke, wort des grothforsten rath und was der Dutschen boser fient, gaf dem grothforsten vele anschlege jegen Liflant. Hinrich Winters, der tolck, wort ock gefangen, mit pitschen jamerlich gegeisselt und moste sych darna sulvest hangen. Dye andern 6, so den hinderholt hadden, nemen dye flucht, do sye der ohren neddererlage vornemen." [*Renner,* 1953. S. 3839].

Эта неудачная операция уже в середине августа прекратила участие лиценциата в войне и открыла новую главу его деятельности. Следующее сообщение об Эльферфельдте доходит через довольно значительный промежуток времени. В конце 1560 — начале 1561 гг. он помогает попасть на службу к царю другому ливонцу из штата Германа, порядочно настрадавшемуся к этому моменту в плену и в Ливонии, и в России. Это был Крузе.

Как показывают его письма и "донесение", Крузе заранее рассчитывал на поддержку коллеги, о котором пишет с подчеркнутым уважением. Прося о помощи в письме к епископу Герману от 26.10.1560 г. уже находящийся в плену Крузе прямо называет его высокоуважаемым, высокоученым, благородным и честным господином лиценциатом, владетелем Эльферфельдта: "...bey dem durchleuchtigsten hochgebornen fursten vnd grossmechtigsten vnuberwintlichsten keyser vnd herscherr aller Reussen, neben dem hoch achtbarn hochgelerthen Edlen vnnd Ernuhestenn hern Licentiaten hern Eluerfeldt." [*Quellen*, 1879. S. 128].

Расчеты на помощь оправдались и позднее в "донесении" Крузе отметит, что к царю его в нужный момент ввел Каспар Эльферфельдт: "...da alsdan durch Casper Oberfeldt, Licentiaten, der in grossen gnaden beim Grossfursten, angezeigt..." [*Kruse,* 1861. S. 39]. Известно, что Крузе собирались использовать как специалиста по Ливонии в связи с наметившимся разделом сфер влияния с Данией, что и определяет момент — начало 1561 г.

В это время Эльферфельдт занимал уже прочное положение. Вероятно он поступил на царскую службу одним из первых среди ливонских пленников, в конце 1558–59 г., чем, в сочетании с ученой степенью, осведомленностью в "германском вопросе", возможными связями в Вестфалии, выгодной политической конъюнктурой, — может быть объяснено его сравнительно высокое положение при дворе до второй половины 60-х годов. В этом единогласны Ф. Зенг, И. Реннер, Э. Крузе и Г. Штаден.

Судя по имеющимся сведениям, Эльферфельдт становится чем-то вроде личного консультанта, эксперта по вопросам политики в Ливонии, религиозным и дипломатическим проблемам. Никаких сведений о его отношениях с другими ливонцами, в том числе с епископом, в этот период нет за исключением случая с Крузе. Трудно совместить информацию Зенга, сообщавшего, что Эльферфельдт действовал как горячий пропагандист германо-русского союза и протестантизма, — и жесткую характеристику Реннера, честившего лиценциата как перебежчика, злейшего врага немцев и даже назвавшего его вероотступником — "мамелюком".

Последнее, несомненно, можно понимать лишь в переносном смысле — лиценциат сохранил веру (иначе его не похоронили бы на немецком кладбище, да и Штаден не преминул бы упомянуть факт перехода в православие). Предположения старых авторов о тождестве Эльферфельдта с принявшим православие Каспаром из Виттенберга, переводчиком, не находят подтверждения [*Цветаев*, 1890. С. 541]. Это вносило путаницу еще в довоенные работы [*Braun*, 1925. S. 710–711].

В письме из Любека к маркграфу Альберту Бранденбургскому от 20.12.1566, составленном на основе сведений побывавшего в Москве мюнстерского купца Германа Писпинга, особенно интересен более не встречающийся эпизод, в котором говорится об усилиях Эльферфельдта обратить царя к протестантизму, и выражается надежда, что это произойдет. Царь "hette seinen Meister Politt der obersten Pitschoff umb 60.000 Rubel gestrafft des er einen Theutschen umb des Glauben willen hett Gewalt gethan, und wer zu wervanthen des er Evangelium sollt annemen; dan disser C. Euerfeldt und die andern hetten dem Grossfursten so vill vorgelesen und geschrieben, das alle Hoffung verhanden" [*Карамзин*, 1843. С. 52. Прим. 166].

В таком высоком статусе застает Эльферфельдта Штаден, поступивший на службу к Грозному и прибывший в Москву не ранее середины 1564 г. Знакомя читателя с группой немецких наемников на русской службе в опричнине, Штаден именует Эльферфельдта почти так же как эпитафия: "Es waren unser allein 4 Deutsche bei dem grosfurschten in Aprisna zu hofe gewesen: zwene seind gewesen lefflendische edelleute, mit namen Johann Taube, Elart Krause und ich, Heinrich von Staden und Casper Elferfelt; ist geweswn in Deutschland troste zum Petershagen und ein doctor der rechten" [*Epstein*, 1964. S. 177; перевод: *Штаден*, 1925. С. 131].

Штаден подчеркивает первоначальную близость с Эльферфельдтом, но затем между ними вспыхивает конфликт, описанию которого уделяется много места. Более высокий ранг лиценциата в его положении опричника, которого Штадену только предстоит добиваться, легко просматривается в той заносчивости, с которой он держится при тяжбах со Штаденом.

В этот период Эльферфельдт, возможно, приобретает некоторое влияние на внешнеполитические шаги Грозного, который в сложных условиях неожиданной эскалации конфликтов на почве Ливонии остро нуждался в информации, в контактах с возможными западноевропейскими союзниками, пытался закрепить их обычным путем династических браков. В письме Ф. Зенга читаем: "...er (царь — *Л. Б.*) herrn Casparn Eberfaldt ein jnstruction vnnd beuelch

gehebt hete, an den Herczogen zu Kleff das er mem Jungen Grossfursten, vmb ain Freulein von Kleff, sollt freyen oder werben, wir er aber zu seiner Freundtschafft gen Munster wer khomen, unnd Sy derhalben Rats gefragt, haben Sy jms nit zuegeben wellen, Das ers hanndlen sollt, dann Munster ist auch ain Hannsen Stat, das Sy sorgen, es mecht jnen schaden bringen..." [*Форстен,* 1889. № 38]. За поручением (якобы данным Эльферфельдту) искать руки принцессы Клевского дома для сына — Ивана Ивановича — видится не столько собственное решение царя, сколько, вероятно, информация, полученная от того же лиценциата. Для Клеве, включившего в 1520-х гг. Юлих и Берг, середина века — эпоха расцвета. Отметим, что из этого герцогства был родом и епископ Герман. Следовало бы изучить самую возможность брака с царевичем с точки зрения истории дома Клеве.

На этот эпизод как-то мало обращалось внимания, а он достаточно интересен — и в плане выяснения взаимоотношений нижнерейнских государств с Россией, и как возможная нить для решения вопросов, связанных с родовыми и политическими контактами Каспара Эльферфельдта, и особенно, — для понимания тех путей, какими Иван IV и его правительство получали и усваивали информацию, формировали собственные, зачастую неадекватные (что показывает история царского сватовства в Англии) представления о политической жизни Европы.

По мере ухудшения военной и политической обстановки в Прибалтике и усложнения задач Грозный стал нуждаться, однако, не столько в ученых и прожектерах, сколько в практиках, в надежных эмиссарах, способных решительно проводить его политику в Ливонии опираясь на собственный опыт, политические связи, а то и на военное искусство. Для такой роли тучный и чванный правовед (именно таким описывает его Штаден), вероятно, не подходил. Кроме того, не связанный владениями или длительной службой с Ливонией, Эльферфельдт придерживался курса на продолжение подчинения Прибалтики вооруженной рукой, в тот момент нереалистического.

Противоположная точка зрения была представлена, в частности, Гансом Таубе. Штаден, как и Зенг, говорит о проимперской позиции Эльферфельдта: "Caspar Elfferfelder und ich hetten unser herz gesetzet nach den Romischen Reich". В то же время Таубе и Крузе "Der zweien lifflendischen edelleute herz stund allezeit nach dem reich Polen" [*Epstein,* 1964. S. 178; пер.: *Штаден,* 1925, с. 131]. Понятно, что "Diese beide (Таубе и Эльферфельдт. — *Л. Б.*) waren auch feinde", ursach: Johann Taube spricht zum grosfurschten, er wolte Liffland mit gute bekommen. Diese (Эльферфельдт. — *Л. Б.*] spricht, es sei

nitmuglich; er musse es mit gewalt gewinen" [*Epstein,* 1964. S. 181; перевод с иным толкованием: *Штаден,* 1925. С. 133]. Отсюда, вероятно, резкие слова И. Реннера: "ein boze mammelucke, wort des grothforsten vele anschlege jeden Liflant." [*Renner,* 1953. S. 39].

Хотя "панегирики" Зенга датируются именно 1566–68 гг., можно предполагать, что он, как ярый сторонник московской ориентации, выдает здесь желаемое за действительное. Штаден, рассказывая историю своих взаимоотношений с Эльферфельдтом, явственно намекает на охлаждение к нему Грозного. Его место, по-видимому, занял Таубе, ставший одним из инициаторов мирного подчинения Ливонии и превращения ее в вассальное государство. О его и своей вражде с Эльферфельдтом, о расхождениях в вопросах политики Штаден упоминает прямо. Этот решительный авантюрист гордо рассказывает о посрамлении Эльферфельдта (которого упорно именует "доктором права", вероятно, для придания большего блеска победе) в ходе запутанных и не совсем понятных по смыслу тяжб.

В конце-концов Эльферфельдт оказывается в тюрьме, да еще под угрозой конфискации нажитого. Сомнительно, чтобы так могла обернуться для царского советника имущественная тяжба с сослуживцем — вернее видеть здесь результат опалы. Особых причин для нее нет смысла искать, зная опричную ситуацию, но можно предполагать интриги новых советчиков, общее неблагополучие в Прибалтике, постепенное разочарование Грозного в служилых немцах вообще. Не исключено, что Эльферфельдт собирался покинуть Россию. (Это само по себе могло бы объяснить, как он оказался в заключении. Во всяком случае, все имущество, которое он, находясь в тюрьме, поручает вызволить тому же Штадену, оказывается в упакованном виде "спрятанным от огня" в Холмогорах). Судя по Штадену, Эльферфельдт и раньше вынужден был искать его и Таубе поддержки в делах.

Не исключено, что опала пришла несколько позднее — около 1570 г., когда планы приобретения Лифляндии обсуждались особенно активно в связи с присутствием в Москве герцога Магнуса, с чем и связан у Штадена рассказ о вражде Таубе и Эльферфельдта. Судьба лиценциата, однако, могла еще перемениться, тем более что поведение Таубе и Крузе, чрезвычайных представителей Грозного в Прибалтике, начало внушать ему обоснованные подозрения и заставило вспомнить об Эльферфельдте. Царь поспешил выручить его из тюрьмы уже охваченной чумой столицы, но гонец опоздал, и прежний советник скончался, — вероятно, в 1571 г.: "Tu der zeit der peste, als der grosfurschte sache dass herzog Magnus und Johan Tauw nichtes mit

frevell ausrichten wolte, da sante der grosfurschte einen boiaren auf der post in die Moscaw, dass man Casper Elferfeldt an die orten, da keine peste were, fuhren solte lassen. Indem schikete Got die peste an ihn, dass er starp und wart in einem hof begraben." [*Epstein, 1964.* S. 182; *Штаден,* 1925. С. 134].

Судьба Эльферфельдта — очень типичный образец служилой карьеры иностранца в Москве XVI века. Поступление в службу (не обязательно добровольное), быстрое возвышение и накопление имущества (щедрое жалованье, торговые привилегии, эксплуатация поместий, а также всякие нечистоплотные махинации, зачастую наивно раскрываемые в собственных мемуарах), затем — опала, и/или бегство за рубеж, иногда успешное. В последнем случае — возможность описать приключения (Штаден, Таубе, Крузе, Буссов и др.). Судьбой тех, кто, как Эльферфельдт, не сумел уехать, становилось почти полное забвение — русские источники сохраняли ничтожно мало сведений.

Информацией о смерти Эльферфельдта Штаден не обрывает рассказ, сообщая далее очень важные для истории Москвы детали. Торжествуя победу над противником со всеми его "докторскими штуками", Штаден описывает некоторые подробности погребения. Первоначально труп зарыли просто во дворе (двор Эльферфельдта, согласно мемуарам, находился недалеко от Судного двора). Но, оказывается, лиценциат заранее приготовил себе гробницу (вероятно, склеп) за городом, на кладбище, где хоронили всех неправославных христиан. Штаден попросил разрешения перезахоронить тело: "Da bate ich einen von den obersten boiaren in Aprisna, dass er mir den leichnam auszugraben erlauben wolte, darmit ich ihn mochte lassen in das grap, das er aus der erden aus zigelsteinen hatte auswendigk der stadt und allen umbligenden vorsteten, da alle begraben mauren lassen christen, deutsche und auslendische, begraben wurden". [*Epstein, 1964.* S. 182; *Штаден,* 1925. С. 134].

Находка надгробия на некрополе иноземцев в данной ситуации позволяет предположить, что не только склеп, но и плита с текстом была нарезана заранее, по заказу и под надзором самого Эльферфельдта (что было очень принято в средневековье). Вероятно, этим объясняются особенности оформления, подробность сообщаемых сведений об умершем и отсутствие даты в начале текста. Хотя не сказано, перезахоронил ли его там Штаден, как собирался (разрешение было дано, но лишь после завершения эпидемии), — вполне вероятно, что это произошло.

Редкая возможность сопоставить информацию двух источников — мемуарного и эпиграфического — дает нам в руки ключ к окончательному

решению вопроса о местонахождении древнейшего некрополя иноземцев в Москве — он там, где Эльферфельдт соорудил себе кирпичный склеп и где впоследствии найдено его надгробие и плиты других иноземцев. (Кажется своевременным указать здесь на удивительную точность сведений, приводимых Штаденом, во всем, что касается дел немецкой колонии. Эта достоверность, возможно, распространяется и на многие другие информации, касающиеся непосредственно личности Штадена, — в том числе на его пребывание в опричнине, неоднократно ставившееся под сомнение). [Ср. *Альшиц,* 1988. С. 159–177].

В средневековых описаниях иноземное кладбище обычно сопоставлялось топографически со слободой в Наливках. Тот же Штаден, рассказывая о судьбе "штатгальтера" Смоленска Довойны в московском плену, указывает местом погребения праха его жены Петрониллы Радзивилл (позднее перенесенного в Польшу) немецкое кладбище "Наливки" за пределами города. "Der stadthalter Dawuna wart in die stadt Moscaw vorfuhret ins gefengknis; er wart aber nach ezlichen jahren gegen einen russischen Knesen usgebeutet und er liss sein gemahl aus der deutschen begrebnus ausser der stadt Muscaw, Naliffkiy, ausgraben und fuhrete sie mit sich ins land zu Polen" [*Epstein,* 1964 S. 95–96; *Штаден*, 1925. С. 117].

Именно там погребены рыцари, захваченные в плен при Эрмсе в 1560 г., казнь которых произвела столь сильное впечатление на современников — возглавлявший оборону замка ландмаршал Ордена Филипп фон Белль и его брат Бернт, фогт Боушенбурга Генрих фон Галлен, фогт Кандау Христоф Зиброк, комтур фон Дубелен [*Гращенков,* 1989. С. 63–64; *Курбский,* 1986. С. 305–309; *Форстен,* 1884. С. 114]. Возможно их плиты еще обнаружатся — равно как надгробие епископа дерптского Германа, умершего в Москве.

Вероятно плиты с надписями на немецком, голландском, английском, итальянском языках и по-латыни, встречающиеся в фундаментах строений Данилова монастыря, расположенного несколько южнее кладбища Наливки, также происходят отсюда [*Амфилохий,* 1871; *Дрбоглав*, 1988; *Беляев*, 1994].

К настоящему времени известно не менее 25 камней с кладбища Наливки с надписями, причем вырисовывается и социальный состав погребенных здесь, — в основном, это достаточно знатные или состоятельные, уважаемые иноземцы: переводчики, купцы, военные, священнослужители, члены их семей.

Хронологически надгробия укладываются в пределы 1560–90-х гг., что, вероятно, объясняется резко возросшим притоком иноземцев в Москву с на-

чалом Ливонской войны. Если отнестись с доверием к сообщению Герберштейна о том, что заселение Замоскворечья, и в первую очередь слободы Наливки иноземными наемниками произошло в правление Василия III, то возникновение кладбища за пределами слободы не может датироваться ранее первой четверти XVI века, — что хорошо согласуется с общей исторической ситуацией и ходом застройки города. Важно, что в одном из ранних изданий Герберштейн пишет о поселении в городе "Нали" не просто телохранителей (satellites), но именно иностранного происхождения [*Герберштейн,* 1988. С. 132].

Видимо, о кладбище в Наливках идет речь у авторов конца XVI века, не называющих конкретного адреса. Так, Поссевино упоминает, что "приезжие из Германии хоронят своих умерших на отведенном им кладбище", что подтверждается русскими источниками: "...и которые торговые и всякие люди папины и Венеты сюды въ государство приехав помрут и тех на Москве похоронятъ по римскому обычаю папы римского закону с теми вместе, которые Немцы ныне римского закону кладутца на Москве, в котором месте им место на то устроено" [*Поссевино,* 1983. С. 26; *Дела,* С. 182].

Здесь особенно важно прямое указание на отвод общего кладбища для всех неправославных христиан, где, вероятно, хоронили и поляков, плит которых пока не находили. Шлихтинг упоминает, что за телами убитых в присутствии Грозного польских пленных присылают телеги и отвозят их на кладбище, "где происходит погребение иностранцев" [*Шлихтинг,* 1934. С. 45].

Вряд ли случайна редкость на кладбище надгробий XVII века. Видимо судьба некрополя решилась в первое десятилетие, когда события Смуты в Москве привели к массовому отъезду иноземцев и к расселению оставшихся внутри городских стен, в Белом городе. Перенос поселений сперва за Яузу на Болвановку, затем в городские кварталы, сделал неудобным перевозку покойников на заречное кладбище, и старое место погребений запустело.

Впоследствии произошло разрушение некрополя, разборка плит для вторичного использования, а затем и полное забвение. Этот этап можно приблизительно вычислить по датам возведения зданий, в фундаментах которых встречены надгробия. Плиты в Данилове монастыре заложены в основания стен и башен, сооруженных в третьей четверти XVII века, одна из них — в пороге подклета монастырского собора, датируемого около середины того же столетия. (Еще одна плита — в фундаменте церкви XVII столетия у Калужских ворот). Передача камней с заброшенного или закрытого кладбища была обычной муниципальной практикой в XVIII веке. Известны документы о пе-

редаче в Данилов монастырь для строительства камней с близлежащего староверческого кладбища [*Указ*, 1734. Л. 31]. Старые плиты часто встречаются в нижних частях практически всех храмов города, начиная с середины XVI столетия, а изредка — и в более ранних памятниках.

Таким образом, к середине XVII века можно говорить не только о прекращении захоронений на кладбище в Наливках, но и о постепенном его исчезновении. Оно не фигурирует у авторов начала XVII века, даже у тех, кто подробно описывает город и поселения иноземцев; отсутствует оно и на планах первой половины века, где несколько более позднее кладбище на Болвановке показано.

ЭКСКУРС 5

НАДПИСИ НА БЕЛОКАМЕННЫХ НАДГРОБНЫХ ПЛИТАХ МОСКОВСКОЙ РУСИ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ФУНКЦИИ

Своеобразие надгробных надписей

Содержание надписей на средневековых русских надгробиях может рассматриваться, по меньшей мере, в трех аспектах. Во-первых, как текст исторического содержания, несущий конкретную информацию по ономастике, генеалогии, социальной структуре общества и т. д. Во-вторых, надпись можно изучать как самостоятельный жанр — если не литературы, то, во всяком случае, письменности. Она обладает устойчиво повторяющимися структурными характеристиками имеет собственную историю. Ее появление и развитие обусловлено рядом причин. Наконец, она обнаруживает связь с другими жанрами. В-третьих, можно пытаться рассматривать надпись как лингвистический памятник.

Первый подход — самый распространенный и разработанный. Его методы давно и успешно применяются. Третий — лежит в сфере языкознания, то есть выходит за рамки археологического и собственно-исторического исследования; со временем он, конечно, привлечет специалистов.

Таким образом, нам остается рассмотреть надпись с позиций общей истории древнерусской письменной культуры, с точки зрения ее жанровой принадлежности, происхождения и структуры текста.

Предварительно заметим, что эта тема не случайно до сих пор обойдена вниманием. Как устойчивая текстовая формула надпись древнерусского надгробия скорее отталкивает, чем привлекает исследователя. Отталкивает своей краткостью, безэмоциональностью, сухостью. В ней отсутствуют характерные структурные элементы, присущие надгробным надписям "соседних" культур средневековья.

Здесь нет, например, сложных генеалогических построений, присущих исламским (особенно тюркским) памятникам, нет присущих им стихотворных вероисповедных формул и славословий. (В этом легко убедиться, сравнив, например, эпиграфику Волжской Болгарии того же периода).

Нет и благопожеланий, молитвенных обращений к богу, выражения тревоги за судьбу души покойного или выражения уверенности в ее спасении, — которые характерны, пусть в краткой форме, позднесредневековым эпитафиям христианских стран Западной Европы. Отсутствует присущая многим надписям похвала покойному или иная оценка его личности и жизненного пути.

В древнерусских надписях исключаются прямые обращения к душе умершего, и вообще любые признаки литературного сочинительства — характерные для греческой эпитафики, ведущей происхождение от античных жанров.

Можно сказать, что надписи древнерусских плит ставят исследователя в тупик, поскольку они не слишком похожи на надгробные (разумеется, с точки зрения формы текста, а не его содержания). Но эта "странность" и привлекает — своей необычностью в кругу других, близких стадиально или хронологически, традиций.

Во всяком случае, наблюдаемый феномен заслуживает специального изучения. Посмотрим, как подобная формула сложилась, что собою представляла, от каких источников зависела, каким непосредственным целям служила.

Особенности изучения

Как сказано в основной части книги, надписи несут далеко не все средневековые плиты Руси. Мы смогли привлечь к исследованию более 300 текстов и их фрагментов. Среди них большая часть — из Москвы, второй по количеству корпус — из Троице-Сергиева монастыря.

В литературе отражено гораздо больше надписей, но мы не можем свободно оперировать текстами, собранными в XVIII–XIX вв., если они недоступны проверке. Надписи фальсифицировались уже в средневековье. Историки прошлых веков в лучшем случае копировали текст, не обращая внимания на дату несущего его памятника. Они склонны были дополнять содержание или просто пересказывать его.

Хотя о проблемах подлинности уже говорилось в главе 2, добавим несколько примеров.

Опубликованные в начале XX в. списки с надгробий епископов XV–XVI вв. из подклета Крутицкого собора содержат указания на расположение

погребений — "по правую сторону от востока", "с левой стороны от востока" [*Гиршберг-1.* №№ 38, 39]. То же можно видеть на группе надгробий Симонова монастыря. Например: "...погребен в дому Пресвятые Богородицы в Симонове монастыре у сторонних дверей под порогом, а подле жена его Ульяна" [*Гиршберг-2.* №№ 159, 160].

Эти пометки необычны для надгробных текстов, поскольку памятник предназначается для определенного места — но они необходимы в общих описаниях некрополя, синодиках и родословных — откуда, видимо, и попали на плиты, нарезанные позже погребения, возможно — в конце XVII–XVIII вв.

Манера выражаться, строй надписи часто указывают на более позднюю, не средневековую переработку текста. Например, выражения: "...изволением всесильного Бога... преселися от сего маловременного жития в нескончаемые веки, а тело его погребено на сем месте," — невозможно принять за подлинный текст 1626 года [*Гиршберг-2.* № 191].

Можно указать и на нетипичные для своего времени отдельные слова, или целиком анахроничные тексты встречающиеся в публикациях. Например, на плите 1508 г. крайне маловероятна надпись: "на сем месте погребено тело сокольничего А. П. Соковнина, скончавшегося 7016 марта 16 дня". Очень странно было бы рассматривать эпитафию Елены Девочкиной в Новодевичьем монастыре как относящуюся к 1524 году [*Гиршберг-1.* №№ 28, 98].

Некоторые надписи, хотя и не вызывают особых сомнений с точки зрения текстологической, не могут быть использованы по соображениям археологического порядка. Вслед за В. Б. Гиршбергом, мы не привлекаем надписи над великокняжескими погребениями Архангельского собора, опубликованные еще А. П. Сумароковым, поскольку их происхождение неясно, и весь материал (включающий надписи с датой вплоть до начала XIV века!) должен быть подвергнут тщательному комплексному анализу [*Сумароков,* 1754. С. 387–404].

Достаточно сопоставить подлинные тексты с опубликованными в XVIII–XIX вв., чтобы изумиться их различию. Возникает впечатление, что они списаны с памятников двух разных традиций — столь сильно отразились в подаче материала вкусы и культурные особенности Нового времени.

Итак, если мы хотим оперировать только подлинными текстами, начертанными на плитах в XV–XVII вв., нам следует опираться прежде всего на археологический материал, на памятники, "выпавшие из оборота" еще в средневековье и не подвергавшиеся переделкам.

К счастью, таких памятников накопилось уже достаточное количество. Отсеяв недостоверные тексты и сопоставив подлинные друг с другом, легко убедиться в их однородности, в следовании довольно строгому и устойчивому порядку. Рассмотрим его.

Особенности древнейших текстов: конец XV — начало XVI века

Выше уже говорилось, что надписи на плитах появляются только в 1490-х гг., причем не заметно, чтобы их возникновение было подготовлено или инспирировано постепенным развитием декора.

Наиболее древними пока являются плиты середины 1490-х гг. из Троице-Сергиева монастыря. Это доски с надписями "Лета 7002-го положен бысть раб божий Юрий Романов сын Алексеев" и "Доска инока аморголоса Сергия бывшаго архиепископа Великого Новагорода и Пскова: положен в лето 7003 месяца апреля в 10 день", которую при публикации предлагалось датировать на 10 лет раньше указанной даты — без особенно серьезных оснований [*Николаева,* 1965; *Гиршберг-1.* № 11].

К этим текстам можно сегодня добавить надписи, не выходящие из пределов 6990 — 7000-х гг. "от сотворения мира". (На плите с Крутицкого подворья (Кат. КП № 1), фрагментах из Богоявленского (Кат. Бм № 17) и Иосифо-Волоколамского монастырей [*Колышницын, Молчанов,* 1990. Рис. 3. С. 27].

Учитывая общую немногочисленность надгробий XV века, можно утверждать, что в конце столетия стремление надписывать плиты распространилось уже достаточно широко — по крайней мере, в монастырях Московской земли.

Эти ранние тексты отличаются рядом особенностей. В их лексике превалирует глагол "положить", — относимый как к надгробию, так и к покойному. Лишь в тексте 1501 г. появляется слово "преставился" — самое употребительное в XVI–XVII вв.

Вторая особенность — частое упоминание названия памятника — "доска", принадлежность которой данному погребению акцентирована.

Конечно, невозможно было бы определить отличия ранних текстов при столь скудном материале. Но они имеют продолжение в надписях первой четверти XVI столетия. Напомним формулу текста 1498 г. из Крутиц: "...положена бысть дска сия на раба божия Мисаила инока" (Кат. КП № 1) и

сравним ее с надписью 1511 г.: "...положена бысть сия тска на рабе божии на Иване", с фрагментом 1513 г.: "Лет 7021 положена бысть", с текстом 1517 г.: "сий камень Костин Филипова положен над Ульянаю лета 7025" и некоторыми другими [*Гиршберг-1.* №№ 16, 19, 23]. Укажем также неопубликованное надгробие из собрания МИгМ с надписью "Доска на иноке Серапионе Меньшом", рубежа XV–XVI вв.

К этой подборке можно добавить фрагменты надписи на плите из Серпуховского Высоцкого монастыря 1513–14 гг., где использована сложная развернутая дата, упоминающая правление великого князя Ивана Васильевича и двух архимандритов. (При первом, вероятно, умер погребенный, а при втором — сооружена плита: "...при архимандрите Власи(и), а положен се(й) каме(н) (л)ет 7022 при архимандрите Спи(ри)донии...", и призывающая кару похитителю или благодарность заказчику: "...а хто се(й) камень..." [*Шилов*, 1979. С. 216–217].

Поздний текст этого типа происходит из Брусенского монастыря в Коломне: "Лета 7062 положена тска на иноке схимнике Онтоние Тимофеевиче сыне Арсеньеве" [*Гиршберг-1.* № 118]. Для середины XVI века он выглядит уже устаревшим. Как редкое исключение укажем еще "приписку", выполненную в изножной части плиты Якова Петровича Дементьева 1636 г. в Троице-Сергиевом монастыре, в которой сообщается, что "...дцку положил по его благословению сын его...". Нужно заметить, что она не заменяет собой основную формулу, но лишь дополняет ее неизменный поздний "формуляр" [*Николаева,* 1966. № 29].

Обычай завещать установку над могилой плиты ("положить цка"), а в XVII веке и палатки ("зделати над нами палатки"), известен источникам [*Рабинович,* 1978. Прим. 334, 338. С. 318, 261–262]. Плита оставалась сравнительно дорогой и важной в семантическом отношении деталью погребального обряда*.

Структурными особенностями ранних текстов можно считать частое употребление местоимения "этот, эта" применительно к надгробию ("сия тска")

---

* Плиты родового некрополя могли иметь и силу юридических свидетельств. Выше говорилось о плитах, заказанных Полевым. Напомним случай доказательства владельческих прав на земли, подкрепленный ссылкой на тексты плит в церкви села Юркино: "А тое де церковь на той земле строил прадед ево Яков Голохвастов, и по обещанию в той церкви он лежит, так же и многие ближние родственники ево и младенцы у той церкви лежат и цки каменные на них положены и на цках имена родственников ево подписаны за многие года, а не Бутурлиных". [Акты, 1847. С. 80–81].

или даже к покойному ("инок сей": Кат. ВПм № 4), и стремление топографически "привязать" памятник к месту с помощью наречия "здесь" или аналогичного.

Следует обратить внимание на формы, чрезвычайно близкие распространенному началу южнославянских (боснийских) текстов XIII–XVI вв., обычно открывающихся указанием: "А се лежи..." [Ср.: *Vego,* 1962–70. Кн. 1–4].

Они известны в Москве: "А в сем месте лежит Иона Коростель" [*Гиршберг-1.* № 102]; Ферапонтове: "Здесь лежат мощи Ивши Ободаева" (см. экскурс 2); Суздале: "А се Феодосий епископ суждальский чудотворец" — на крышке деревянной колоды в Рождественском соборе, и других местах. Добавим похожую надпись 1517 г., которая фиксирует и факт смерти, и место погребения: "Лет 7025 преставися раб божий Василей Попадья и положен бысть зде" [*Гиршберг-1.* № 25].

Суммируем наблюдения над текстами "архаического" типа.

Хотя они и очень кратки, но построены довольно разнообразно, свободно и без стремления следовать какой-либо схеме. В них просто фиксируют важные для заказчика сведения.

Места за отдельными элементами текста еще не закреплены — например, дата часто уступает первенство другим информациям.

Первостепенной по значению признается фиксация самого акта погребения или установки памятника — а не сведений о смерти или даже об имени погребенного.

Вероятно, белокаменная "доска" (или, как выражались реже, "камень") — для конца XV века была еще сравнительно редким изделием. Ее изготовление (приобретение) признавалось деянием, достойным специального упоминания. Недаром подчеркиваются иногда "принадлежность" памятника заказчику или погребенному*.

Первые надписи на плитах похожи чаще не на поминальные или мемориальные, но на обычные владельческие, которые хорошо известны по древнерусским бытовым предметам, начиная от чары князя Владимира Давыдовича (имеющей зачин: "А се чара кня[жа]... [*Рыбаков,* 1964. № 24] и кончая краткими пометами на литейных формочках, пряслицах и т. п. Надгробие

* Однако традиция указывать исполнителя или заказчика плиты никогда не была широко распространена — в отличие от надписей на крестах (как поклонных, так и надгробных), в формуляре которых сведения о поставившем памятник занимали устойчивое место. Надгробие, по-видимому, было сакрализовано в гораздо меньшей степени чем крест и не воспринималось как объект поклонения.

может восприниматься, благодаря таким надписям, как часть имущества — покойного или его родственников, заказавших камень.

Поскольку архаические надписи фиксируют не столько смерть, сколько погребение и укладку "доски", следует вспомнить, что на гораздо более древних надгробных памятниках — каменных крестах — также часто подчеркивается именно факт их установки, принадлежность тому или иному погребению. Борисоглебский крест из Дмитрова (1467 г.) "поставлен бысть... на Благовещение святый Богородицы... на Пантелее над вощесником" [*Гаврилов,* 1985. С. 213–222]. Близкая формула содержится и среди надписей на кресте Ильи Степановича, сына дьяка Бородатого 1458 года (о котором далее).

Интересно, что кресты сохраняют такую структуру надписи и в XVI–XVII вв. — возможно, именно потому, что их ставили сравнительно редко, в особых случаях [*Золотов,* 1986]. На плитах сведения о погребении иногда сообщаются в текстах позднего XVI–XVII вв., но всегда после остальной информации, никогда ее не заменяя.

Думается, приведенные примеры достаточно демонстрируют разнообразие построения архаических надписей, свободу оперирования словесными единицами, особое внимания к акту погребения, сооружения памятника, расположения могилы. Лексика этих надгробий — в рамках столь скудного содержания — может считаться богатой. Во всяком случае, она "щедрее" и случайнее, чем в текстах середины XVI–XVII вв.

Отметив еще такую черту, как частое нанесение на плиту одного слова — имени или даты — перейдем к изучению надписей XVI века в их наиболее устойчивых формах.

Устойчивая структура текста и ее признаки: XVI–XVII вв.

Признаки формирования более определенной структуры видны уже в первой четверти XVI века. Тогда же, кстати, закрепляется за надписью и определенное место на плите, появляются привычные участки для тех или иных элементов текста. (Например, левый угол изголовья отводится для даты).

По-видимому, перенос информационной нагрузки с изображения на текст и усиление декоративной роли надписи шли параллельно выработке ее "формуляра". (Это, кстати, упрощало и работу резчиков, привыкавших к повторению одних и тех же элементов).

Формализованная надпись уже не была пометкой делового характера, но не стала она и специальным сочинением. Из содержания ушли прежде всего сообщения об акте захоронения тела, о месте погребения, изготовлении плиты и все связанные с этим подробности (например, имя заказчика). Количество информативных групп строго ограничилось тремя: дата; сообщение о смерти; сведения о личности.

Средний элемент практически неизменен — не только структурно, но и лексически. Это устойчивая формула "преставися раб(а) божий(я)", в которой может опускаться один из элементов, но очень редко что-либо добавляется. (В. Б. Гиршберг подсчитал, что в его своде слово "преставися" встречается чаще всех — 100 раз, сочетание "раб божий" — вполовину реже).

Дата столь же стандартизирована, но ей уделяется гораздо большее внимание. Полный вариант содержит указание на год, затем следуют день и месяц смерти. Часто также называется праздник, приходящийся на этот день. Ни количества прожитых лет, ни даты рождения древнерусские надгробные надписи не сообщают. Час смерти называется чрезвычайно редко (на плитах и саркофагах великокняжеской семьи с конца XVI века, еще реже — на иных памятниках). Один или несколько элементов даты могут быть пропущены (подробнее об этом дальше).

Для истории эпиграфики интересна устойчивость сокращенного написания слова "лето". Вместо обычного книжного "В лето" ставят обычно "Лет", и лишь иногда — "Лета". Буквенная дата завершается выносной (реже строчной) транслитерацией окончания числительного — "го" или просто "г", которое иногда, возможно, понималось как сокращенное "год". (В некоторых случаях за окончанием даты следует: "лета такого-то году").

Последний — завершающий — элемент надписи содержит крестильное и/или монашеское имя погребенного, но может включать и прозвище. В зависимости от социального положения упоминаются отчество и родовое прозвание-фамилия, сведения о родовитости ("князь"), иногда чине ("стольник") или роде занятий (особенно для торговцев и ремесленников). На женских памятниках обычны сведения не только об отце, но и о муже.

Все три элемента оказались жестко привязанными к определенным местам и практически никогда не передвигаются. Дополнения к формуле столь редки в пределах XVI века, что ими можно пренебречь как несущественными.

Конечно, в продолжении первой трети XVI века известны переходные варианты, но их немного. Например, плита из Высоко-Петровского монасты-

ря содержит все три группы сведений и только их — однако сообщаются они не без отклонений от "нормы" (дата разделена на год и обозначение праздника, отнесенное в конец текста; отсутствует прямое указание на число и месяц; сохраняется местоимение "сей"; наконец, вместо стандартного "Лет" употреблено книжное "В лето..." ("В лето 7006 преставися инок сей раб божий Сергей Абрамов в субботу Лазареву". Кат. ВПм № 4).

Надписи нового формализованного типа составляют до 90% всех известных в XVI–XVII вв. не только в Москве, но практически во всех областях Московского государства. Их распространение может служить одним из признаков наступающей унификации, централизации культуры. (Кат. Дм №№ 3, 6–13; Бм №№ 19, 20, 22–24, 26–36, 39–41; ВПм № 6, 7, 9–16, 39–46; СК №№ 1–3; СР № 1; СУМ №№ 1, 2, 4, 5. Перечислять все, опубликованные в сводах В. Б. Гиршберга, Т. В. Николаевой и других просто невозможно). Стандарт текста выдерживается настолько последовательно, что при чтении по небольшим фрагментам весьма просто восстанавливать утраченные элементы.

Важно отметить, что структура "формуляра" едина для всех общественных слоев, социальная принадлежность погребенных никак на него не воздействует, меняется только информативное наполнение "разделов". Плиты великих князей, их родни, знатнейших бояр — построены по той же схеме, что и плиты простых горожан или крестьян. Они несут типологически однородную информацию, хотя к самим погребенным применяются различные атрибутирующие эпитеты ("благоверный" и др.).

Можно отметить иногда фиксацию на плитах членов царского дома двух дат — смерти и погребения, распространившуюся с конца XVI века, а также более частый пропуск формулы "раб Божий". Ранние плиты цариц и великих княгинь таких особенностей не имели [*Гиршберг-1*. №№ 123, 124, 129; *Гиршберг-2*. №№ 187, 223, 226 и др.]. К сожалению, мы не всегда знаем точную дату нарезки плит из кремлевского собора.

* * *

Сложившись в первой трети XVI века, структура текста не выказывала заметной тенденции к развитию. Однако с конца XVI века можно наблюдать некоторые перемены. Правда, они не составили многочисленной группы и не имели продолжения, но они показывают нам, на что было направлено внимание заказчиков.

Так, в конце XVI — начале XVII века, особенно в тревожной обстановке Смуты, стремятся не только отметить факт смерти, но и указать ее обстоятельства. Важно, что обстоятельства называют не вообще любые, а только гибель на государственной службе — обычно это выражают формулой "убиен бысть" или иной вид — "не своей" (насильственной, случайной), "напрасной" смерти.

Подобных надписей много на некрополях пограничных городов — например, на "керамидах" Пскова — но есть они и в Москве — достаточно напомнить надгробие князя Юрия Юрьевича Мещерского, убитого "на государеве службе под Калугою" в 1607 году; плиту дворянина, убитого под Юрьевым в Ливонии из Спасского "на усть-Угры" монастыря; некоторые плиты конца XVII века. Напомним, что формулу "убиен бысть" содержит и надгробный текст царевича Дмитрия [*Гиршберг-2*. №№ 148, 149; *Беляев,* 1995а].

По-видимому, можно предполагать четкое различение составителями надписей двух видов смерти — "своей" и "несвоей" — в связи с чем и закрепились два варианта сообщения о ней — "преставися" и "убиен бысть". Смерть вдали от дома вызывала подозрения, могла попасть в разряд "напрасных", послужить определенным препятствием к христианскому погребению и поминанию. Отсюда — стремление подчеркнуть гибель "на рати" или на государевой службе, которая в категорию "случайных" не включалась.

Но это, конечно, не единственная причина. По-видимому, требование отмечать обстоятельства смерти при экстраординарных обстоятельствах вызывалось и эмоциональными мотивами. Недаром те немногие случаи, когда текст доносит до нас оттенки чувства, связаны именно с неожиданными смертями.

Следует обратить внимание на уникальный текст 1639 года, в котором, сквозь равнодушие "формуляра", внезапно прорывается живой тон человеческого горя: "...престависи Илья Ивановичь Зубов на Саратове как шол из Астраханя; сына ево в Астрахани Василия не стало; погребен Илья Иванович и сын ево Василей..." (Кат. БМ № 27). Составитель текста — скорее всего родственник покойных — как бы старается через описание подробностей печального события, через детали "трагической географии" передать скорбь отца, ощущение непереносимой утраты, оказавшейся для него смертельной.

Почти все ранние "расширения" надписей связаны не со стремлением подробнее описать земные свершения или выразить надежду на загробное воздаяние, а все с той же потребностью точнее отобразить "событие смерти"

и подробности погребения. Наиболее часты данные о роде и времени смерти, но встречаются также известия о перевозе тела с места гибели или первоначального упокоения, другие "топографические" уточнения. (Характерный пример — плита царя Василия Шуйского, см. далее).

Поздние литературные элементы. Завершение традиции

До сих пор мы не применяли к надписям термин "эпитафия", поскольку, как ни определяй жанр исследуемых текстов, ясно, что они находятся вне сферы литературы. Однако текст о смерти Зубовых как будто предполагает возможность развития в этом направлении — через описание обстоятельств смерти и родственных связей — к другим атрибутам "надгробного слова".

Действительно, эта довольно поздняя плита — лишь один из примеров зарождающейся в XVII веке эпитафики. К ней можно добавить такие "официальные" памятники как пространный текст на плите Михаила Васильевича Скопина-Шуйского [*Панова*, 1987. С. 116] или Василия Шуйского [*Сокровище*, С. 17–18], надписи над погребениями царя Ивана Васильевича Грозного и его сына Федора в приделе Архангельского собора — но, к сожалению, их точные даты составления неизвестны. Вероятно, они относятся к середине — второй половине XVII века.

Надпись для погребения Василия Шуйского, во всяком случае, не могла появиться до возвращения его праха из Польши в 1635 г. Ее пространный текст, возможно, служил своего рода возражением, "антиэпитафией" на доставленную позже в Москву мраморную плиту с уничижительной латинской надписью, помещавшуюся в каплице Шуйских в Варшаве. (Судьба этой мраморной плиты, кстати, — одна из привлекательных археологических загадок). [*Цветаев*, 1901. Т. 1. С. 99–142].

Разумеется, русская литература знала жанр надгробного слова и раньше. Однако между литературной эпитафией и надписью над могилой вплоть до конца русского средневековья сохранялась дистанция. Достаточно указать на агиографические панегирики, развившиеся, как полагают, из простых погодных записей о смерти князей и митрополитов [*Еремин*, 1966; *Пауткин*, 1989. С. 231–246].

Добавим к ним вышитые тексты на покровах чтимых погребений внутри храмов, резные или чеканные надписи на раках с мощами, сопроводительные слова "лицевых" надгробных изображений — фресок на стенах и в аркосо-

лиях, надгробных икон. Напомним хотя бы описание устройства Дмитрием Ивановичем Годуновым в третьей четверти XVI века родовой усыпальницы в Ипатьевском монастыре, для которой было заказано несколько десятков покровов с вышитыми на них надписями [*Веселовский,* 1969. С. 165].

Они содержат все те элементы, которых "не хватает" рядовому надгробию, — обширные литургические вставки, фрагменты житийного повествования, пространные записи вкладного или исполнительного характера. Тексты такого рода соотносятся с надписями на белокаменных плитах примерно так же, как икона или идеализированное церковное изображение с реалистическим портретом — в средневековом мире создание последнего просто не предусматривается.

Развернутого литературного сочинения, в глазах средневековых людей, заслуживают только святые или неординарные, прославленные подвигом или служением личности. Поэтому художественное оформление раки и связанный с нею текст соотносятся с обычным надгробным памятником так же, как праведник (святой) — с рядовым человеком, грешником. Понятно, что на большинстве произведений церковного прикладного или изобразительного искусства мы не находим прямых соответствий скромным надгробным надписям белокаменных плит.

Только развитие жанра, появление стихотворной эпитафии, вероятное влияние европейской барочной традиции — приведут в последней четверти XVII столетия не просто к умножению типов текстов "на погребение", но и к помещению их на каменные памятники. (Самая известная из которых — плита Симеона Полоцкого в трапезной Заиконоспасского монастыря с виршами "Эпитафиона" Сильвестра Медведева, заказанная и выбранная лично царем Федором Алексеевичем, который распорядился также нарезать и вызолотить текст). [*Русская,* 1970. С. 188–189, 379; *ПЛДР,* 1994. Фотография в альбоме].

Изучение такого рода текстов, несомненно, принадлежит филологии. В нашу задачу входило только провести разграничительную линию между русской эпитафикой как литературным жанром (в целом, конечно, также ожидающей специального исследования), и надписями надгробий как бытовым письменным жанром.

Этот последний продолжал сохранять сложившуюся в начале XVI столетия текстовую схему вплоть до петровских реформ и даже позднее, меняя лишь заполнение "формулярных разделов". Интересно наблюдать, как на

плитах рубежа XVII–XVIII вв. сочетаются чины старой московской службы ("окольничий") с новым званием по гвардейскому полку, а дата дается уже от рождества Христова, но еще буквенными обозначениями, как на доске 1712 г. из церкви Сергия в Старых Серебрениках (Кат. СК № 6).

В XVIII веке старая схема служила для оформления "черновых" временных надгробий, которые впоследствии заменяли заказные, снабженные текстами профессиональных литераторов. В XIX и даже XX веке древнерусский "формуляр" упорно использовался на периферийных некрополях. (Автору приходилось видеть составленные по этой схеме надписи, имеющие даты вплоть до 1913 г. В послереволюционный период они исчезают, как и вообще традиция горизонтального надгробия, надолго сменяемого стелой).

Надгробные тексты и поминальные граффити

Мы проследили развитие надписи на плитах от конца XV до XVII века, и даже, в пережиточных формах, позднее. Убедились в устойчивости основной формулы текста, ее широкой распространенности и несомненном своеобразии. Теперь необходимо задуматься о корнях этого своеобразия, о том, что обусловило именно такую схему. Поэтому обратимся к предыстории надгробных надписей на Руси.

Их формула хорошо знакома древнерусским летописям и поминальным граффити. Первые играют роль свидетельств, служат накоплению информации. Вторые, в гораздо большей степени, являются молитвенными обращениями. На это указывают добавляемые к тексту благопожелательные надписи или просьбы, а также частый пропуск года смерти, не столь обязательного для поминания.

Эпиграфический канон таких меморативных надписей (записей) восходит к традиции византийских некрологов, которая, как позднее московская традиция, "требовала упоминания...месяца, дня, часто имени святого, память которого приходилась на этот день, имени умершего" [*Рождественская,* 1993. С. 167]. Уже древнейшая известная кириллическая поминальная надпись (921 г.) достаточно близка такой структуре: "Лет[о] ϚѲЛ почи р[аб] [б]ожий Антон мес[яца] октября". [*Рождественская,* 1993. С. 174]. По мнению Т. В. Рождественской: "древнейшие из этих надписей являлись прообразом летописных некрологов", а не наоборот.

Граффити имеются в центральных соборах Киева и Новгорода, во многих храмах и пещерных монастырях. Древнейшие из них (о смерти епископа

Белгородского Луки и, возможно, Ярослава Мудрого) восходят к XI веку, однако ни в XI, ни в XII веке их нельзя признать распространенными [*Высоцкий,* 1966. С. 39, 45–47]. Гораздо чаще они становятся в XIII столетии, когда умножаются и молитвенные обращения.

Построенная по привычной уже схеме запись 1279 г. о смерти мужа и жены завершается фразой: "Господи, помози рабу своему Кюрилу и Оксении" [*Рыбаков,* 1964. № 45]. "Помяни Господи душу раба своего Климента игумена", — молит надпись, соседствующая со списком игуменов в Зверинецких пещерах Киева. "Помяни господи души раб своих", — вторит ей граффити из Кирилловской церкви [*Высоцкий,* 1985. С. 52–53, 89]. Однако по-прежнему встречаются краткие пометки типа "Месяца июля в 8 преставился раб божий Юрий", которые почему-то кажутся публикатору торжественными [*Высоцкий,* 1985. С. 89]. В этот же период появляются первые попытки переноса поминальных записей на камни — если можно опираться на датировку надписи из Смоленска о смерти черноризца Зеновия в 1271 году [*Рыбаков,* 1964. № 44].

Как известно, среди всех вообще граффити преобладают прямые обращения к Господу. Эффективность обращения обеспечивалась самим нанесением текста на стену храма в сакрально значимых местах — в алтарных полукружиях, на подкупольных столбах, вблизи особо чтимых фресковых изображений. Поскольку функция текстов — почти исключительно молитвенная и не предполагает вторичного обращения за информацией — их могли наносить в местах, трудно доступных для чтения. Оставаясь там, они должны были служить непрекращающимся напоминанием, овеществленной вечной молитвой, в случае записи о смерти — молитвой поминальной.

Чрезвычайная близость формул поминальных записей и текстов надгробных плит, тем более — при схожем способе их нанесения на ранние надгробия, позволяет высказать предположение о сходстве предназначения, видеть в них род молитвенного обращения, а в плите — своего рода заменитель стены для погребенных вне храма. (Напомним, что надгробия могли восприниматься и как маленькие индивидуальные модели архитектурных сооружений).

Правда, нам неизвестны примеры надписей на плитах с прямыми благопожеланиями или молитвами (они есть только на крестах), но само упоминание имени погребенного в определенной степени являлось напоминанием, обращенным к небесным силам, что подтверждается анализом надписей на иконах, церковных служебных предметах, раннехристианских надгробиях.

Во всяком случае, в работах теологов признается и подчеркивается именно такое назначение надписи. "В иконе есть душа ее — надписи", — писал Павел Флоренский [*Флоренский,* 1994. С. 134]. "Надписи-имена, содержащие смысл не сообщения (для зрителя), а скорее поминовения, поименования (для изображенного) названия — несли в себе и значение призывания" [*Трубачева,* 1985. С. 69].

Нам нет нужды далее углубляться в сложный герменевтический анализ смысловых функций имени, в том числе имени праздника, имени святого или имени Божьего, тем более, что таковым много занимались и занимаются специалисты-философы. Здесь отметим только необходимость учитывать и эту важнейшую функцию надписей, содержавших если не призывание имени Создателя, то по крайней мере — его упоминание в формуле "раб Божий".

Тексты плит и записи в поминальных книгах

Однако не молитвенная функция надгробного текста определила его широчайшее распространение и устойчивое повторение на плитах. Решительную роль сыграло церковное, служебное — то есть, по сути дела, меморативное — предназначение. Оно обеспечило давно известной и привычной текстовой формуле связь с практическими нуждами, прежде всего — поминальной службой.

Чтобы убедиться в этом, сопоставим надписи на плитах с аналогичными, но более подробными надписями на крестах.

Хорошо известный крест для сына дьяка Стефана Бородатого несет весьма развитую рельефную композицию, в которую включены литургико-молитвенные тексты. Однако, на основание креста нанесен дополнительный текст, уже не литургического, но скорее делового содержания. По сути дела, это лапидарная вкладная запись, где перечисляются переданные Воскресенскому монастырю деревни, говорится о распределении доходов между чернецами и причтом, указываются поручители. Вкладную завершает прямое указание на договоренную форму поминальной службы: "А по сыну моему Илье по вся субот поют два попа с дьяконом, весь род наш поминают" [*Николаева,* 1971. № 100].

Как известно, выписки из вкладных и духовных, вносимые в специальные актовые (Кормовые, Вкладные) или поминальные (Синодики) книги — практика довольно обыкновенная, призванная обеспечить соответствие порядка поминальных служб сделанным вкладам, а также распределение этих служб по конкретным дням — именины покойного, день смерти, праздники и др.

Следовательно, фиксация имен покойного (крестильного, монашеского) и его отца, а также дня смерти были необходимы. Важно заметить, что информация не могла оставаться только в книгах — следовало как-то сохранять ее и на месте упокоения.

Это проистекало из обычая чтения и службы непосредственно над могилой, что специально оговаривается в ряде текстов. Мы знаем также об обычае сооружать, по крайней мере в XVI–XVII вв., специальные каменные или деревянные палатки для удобства чтения.

Итак, служба требовала не только различать одно погребение от другого, — но и как можно дольше сохранять память о точном именовании покойного, празднике, приходившемся на день его смерти и близкую по смыслу информацию.

Например, синодик Новоспасского монастыря, имеет специальный заголовок: "Описание царских прародителей, в которыя лета и месяцы и числа бысть преселение их... небесному царствию... и в те месяцы и числа памяти о них творятся" [*Дмитриев,* 1909. Приложения. С. 9].

Иногда можно встретить прямые указания на день памяти покойного. (Например в Симонове монастыре к тексту о смерти на плите Ирины Александровны, жены князя И. Ф. Мстиславского, умершей 6 августа 1566 г. на праздник Преображения Господня, добавлено: "а память ея апреля в 16 день, святых мучениц Ирины, Агапии и Хеонии" [*Гиршберг-1.* № 63].

Стремлением к точности, в известной мере, продиктовано появление такого вида церковных документов, как описания монастырских некрополей — своего рода синодики-путеводители. Часть их опубликована и давно вошла в научный оборот — это описания кладбищ Троице-Сергиева, Иосифова Волоколамского, Кириллова Белозерского монастырей, но специально общность никогда не изучалась.

Можно отметить, что их списки в значительной мере ориентированы по надписям на плитах, то есть обнаруживают обратное влияние лапидарной эпиграфики на служебную литературу.

В том же "Описании" Новоспасского монастыря тексты, вероятно, прямо перенесены с камней — все они составлены по устойчивой формуле, причем дополняются обычными и для нскоторых синодиков, и для надгробий указаниями на возрастную категорию ("младенец", "девица"), отношения родства ("дочь", "жена"), факт принятия пострига и некоторые другие.

По-видимому, можно считать доказанным если не прямое возникновение надписей на плитах от поминальных церковных записей, то, по меньшей

мере, сильнейшее влияние их на сложение устойчивой формулы надписи и на дальнейшее ее распространение. Эти надписи имеют родство также и с церковными граффити — но более отдаленное и сложное, опосредованное.

Конечно, можно задаться вопросом о причинах столь позднего развития надписей на плитах — ведь и плиты, и церковная поминальная документация существовали "параллельно" по меньшей мере два столетия, с конца XIII до конца XV века.

Причин запаздывания, вероятно, было несколько. Можно предположить постепенное распространение письменной культуры в околоцерковной сфере, и вообще грамотности. Но весьма вероятно, что причины еще более прагматичны.

Выше уже упоминалось о плитах, на которых стоит только имя или только год. Это, например, плиты с надписью "Хриса" из Троице-Сергиева монастыря; "Степан" из Тверского музея; "Григорий" из музея "Коломенское"; имена на крестах в Изборске и т. д. Некоторые из них лежали в ряду одинаковых орнаментированных плит без надписей, как надгробие с надписью "Мавра" из некрополя в Зарядье [*Дубынин,* 1955. С. 132. Табл. LI. Рис. 1; Табл. LII. Рис. 6в].

Следовательно, пометки делались для их выделения, они фиксируют одно из погребений и напоминают, таким образом, и о погребенных под соседними плитами.

Вероятно, раньше без этого обходились — могилы с каменными плитами были на каждом некрополе сравнительно редки, и разнообразие узора казалось достаточным. Полагаясь на живую родовую память, на семейную традицию (несомненно, более устойчивую в средневековье) можно было отличать плиты друг от друга и соотносить сведения церковных записей с расположением могил.

Можно указать на довольно многочисленные неподписные камни некрополей XVI–XVII вв., память о погребенных под которыми сохранялась. Она зафиксирована, например, в описи кладбища Кирилло-Белозерского монастыря, часто сообщающего о расположении могилы того или иного старца с добавлением: "а камень на нем не подписан" [*Никольский,* 1910]*.

---

* Отметим некоторые параллели в Европе. Довольно многие ранние монастырские надгробия там не имеют надписей. Среди встреченных текстов на плитах аббатов до конца XII века преобладают простейшие маркировки — прежде всего — имя, иногда — "номер" в списке настоятелей [*Butler,* 1993. P. 81]. Известно много простейших граффити на плитах чрезвычайно известных исторических лиц — например, имя "Боэмунд" на камне Боэмунда I, герцога Антиохийского в его мавзолее в Каноссе начала XII века [*Mende,* 1983. Abb. 25].

Плиты, однако, быстро умножались, особенно на кладбищах крупных монастырей и в Москве, население которой стремительно росло в конце XV — начале XVI века. Каменные надгробия становились более доступными по цене, а их выработка "на рынок" достаточно стандартизировала декор. Это вызывало острую потребность в надписях.

Особую роль могли сыграть случаи перестройки храмовых комплексов, связанные с перезахоронением останков. Мы знаем о самых известных акциях — прежде всего о переоформлении великокняжеского и митрополичьего некрополей в Кремле в конце XV — начале XVI века. Саркофаги с останками выносились из старых соборов и перекладывались позднее в новые.

Понятна необходимость обозначить вместилище каждого праха, для чего использовали именные пометки-граффити. На саркофагах великих княгинь из собора Воскресенского монастыря надписали "Евдокея", "София инока" и просто "София" — вполне вероятно, что это были гробы Евдокии Суздальской, жены Дмитрия Донского, Софьи Витовтовны и Софьи Палеолог (соответственно 1407, 1453 и 1503 гг.). [*Панова*, 1990. С. 7–9]. Интересно, что на остальных гробах пометок нет — возможно, их принадлежность вызывала сомнения уже в начале XVI века.

Вполне вероятно, что именно с этого времени погребения в новых соборах были отмечены плитами с текстом — во всяком случае, вскоре резные надписи на крышках саркофагов входят в обычай наряду с надписями на "досках". Это могло оказать дополнительное воздействие на сложение традиции.

По-видимому, начало распространения надписных надгробных плит должно быть включено в широкий круг небывалых ранее новшеств, которые проявились или были восприняты культурой Московского государства на рубеже XV–XVI вв.

Можно говорить о проявлении здесь общей гуманистической тенденции, нарастании интереса к личности отдельного человека — пока на уровне фиксации таких неотъемлемых личностных атрибутов как имя и дата смерти.

Интересно, что аналогичные изменения прослеживаются и в синодиках рубежа XV–XVI вв. Ведущие их священники начинают внимательно относиться к родословию, включают дополнительные сведения об умершем, пометки, излишние для простого поминания. Описывают социальный статус и обстоятельства смерти. Ни до этого времени, когда господствовали глухие именные списки, делавшие исключения только для епископов и архиепископов; ни позже, в XVI–XVII вв., когда сведения о поминаемом и его родичах

ограничивались строгой неизменной формулой — мы не находим в синодиках такого внимания к личности.

Заключение

Наблюдения показывают, что первые надписи надгробных плит 1490 — 1510-х гг. походили на обычные владельческие, должны были напоминать читающему о "хозяевах" камня или его заказчике. Плита воспринимается прежде всего как вещь, сооружение, "собственность".

Поскольку надписи содержали сведения об имени погребенного (а иногда — о дне погребения или смерти), можно предполагать их родство с молитвенно-поминальными церковными граффити и иными надгробными текстами в церквях — что подкрепляется архетипической соотнесенностью понятий "камня" и "храма".

Вскоре, однако, структура надписи изменилась, приняв форму, традиционную еще для византийских панегириков, унаследованную меморативными текстами славянских народов в IX–X вв. и Киевской Русью X–XI вв. в виде поминальных граффити и летописных записей.

Процесс распространения надписи тесно связан с практикой церковной службы, прежде всего — поминальной. Обычай требовал совершать обряды не только в храме, но также и на месте погребения — и в определенные дни. То и другое нужно было зафиксировать. Поэтому надписи надгробных плит довольно точно соответствуют содержанию церковных документов поминального и вкладного характера.

"Доски" стали страницами огромного каменного Синодика. Они надежно обеспечили возможность проверки точного соответствия служб праздникам церковного календаря и месту захоронения. Понятно, что это повлияло на содержание и форму текста, который приобрел отчетливое церковное звучание. Исчезли нотки бытовой речи, следы влияния владельческих надписей. На первый план выступили потребности поминания — подробная дата смерти с включением названия праздника, именование покойного и его близких (отца, мужа, рода), некоторые социальные и возрастные характеристики ("инок", "схимник", "младенец", "девица" и др.).

Практичность надписей обеспечила их широчайшее и быстрое распространение, а это, в свою очередь, не могло не сказаться на формализации текста, который к середине XVI века окончательно обретает деловитое, суховатое звучание. Становится своего рода "заполняемым формуляром".

Эти стандартные тексты, остающиеся неизменными по форме как для великого князя, так и для незнатного горожанина или крестьянина, равно именующие их "рабами божьими" и отрицающие любые украсы и славословия — очень точно соответствуют типу московской государственности. Они рисуют нам облик культуры, наделенной чертами своеобразной эгалитарности и аскетизма при крайней стертости элементов индивидуального.

Конечно, в надписях отражается и определенное "несогласие" погребенных на такое забвение земной части их жизни. Горожане стараются добавлять к имени название своей профессии (обычно торговой или ремесленной), знать — указания на родовитость или высокий служебный чин. В XVII веке иногда, хотя и очень редко, в надпись попадают фрагменты живой речи — как правило, в связи с особо трагическими обстоятельствами гибели — но в целом она сохраняет серьезность и невозмутимую холодность.

В. Б. Гиршберг, много занимавшийся текстами как источниками по социальной истории, сделал тонкое наблюдение — в XVI веке было принято обозначать княжеское достоинство, но не чин московской службы. Только в XVII веке эти чины стали указывать на плитах родовитых людей.

В течение XVII века можно наблюдать отдельные попытки усложнить надгробные тексты, но это может касаться только тех памятников, которые уже подверглись определенной сакрализации — например, надгробия великих князей и царей в Архангельском соборе. Их оформление обнаруживает некоторое влияние рак для святых мощей (которые, разумеется, изготовлялись и ранее).

В конце XVII столетия начинает сказываться воздействие церковного стихосложения и среди надгробных надписей появляются эпитафии-вирши, возвещая близкий переход к господству сочиненной, литературной эпитафии XVIII века. Это справедливо, однако, прежде всего для вестернизованных слоев общества. Для той его части, которая сохраняла "старомосковский" стиль жизни, — сложившаяся в первой половине XVI века формула надгробной надписи сохраняла привлекательность вплоть до начала нашего столетия.

ЧАСТЬ II

КАТАЛОГ НАДГРОБИЙ

НАЙДЕННЫХ
ПРИ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПКАХ
И
АРХИТЕКТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
в 1970–80-х годах

ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ

При описании надгробий соблюдается следующий порядок.

Название предмета.

Положение в момент обнаружения (например: in situ, перемещено, случайная находка, в кладке здания и т. п.).

Форма камня (симметричная, прямоугольная, расширенная к изголовью и т. п.) и его *размеры* (длина по оси, ширина в изголовьи — ширина в изножии, толщина=высота). Если размер не восстанавливается полностью, цифра сохранности дается в скобках.

Способ нанесения декора лицевой грани и технический характер резьбы ("треугольчатая", "жгутовая", "комбинированная"); описание отдельных элементов орнамента.

Характеристика композиции согласно принятой системе ("осевая линия", "три круга", "антропоморфная устойчивая") с необходимыми дополнениями. В исключительных случаях приводится полное описание композиции. (Для плит со жгутовым орнаментом тип композиции не описывается, поскольку иных вариантов, кроме антропоморфного, не встречено).

Декор боковых граней или указание на его отсутствие.

Характеристика надписи. Ее размещение, техническое описание, количество строк, высота букв, палеографические особенности.

Воспроизведение и чтение надписи. Графика текста воспроизводится в фотографии и/или прорисовке. Чтение текста дано набором в строку, с раскрытием титлов и сокращений в круглых скобках. Лигатуры даются раздельно. Выносы подчеркнуты. Утраты и конъектуры — в квадратных скобках.

Дата. (Устанавливается на основе сведений надписи, типологических особенностей и стратиграфии).

Сведения о погребенном, комментарии, аналоги.

* * *

Этими пунктами, в основном, ограничивается описание плит.

Надгробия с иностранными текстами описываются в том же порядке, но снабжаются переводом и комментариями к нему.

Фрагменты плит включаются в общий каталог, если они достаточно велики для восстановления схемы композиции или надписи, а также если они имеют оригинальные, редко встречающиеся детали. Поводом для включения фрагмента в каталог может служить его особо важное положение в слое, в кладке памятника и т. п.

Фрагменты могут быть описаны суммарно, под одним номером с буквенными дополнениями, или под несколькими последовательными номерами — если они однотипны.

Описание ведется по объектам (монастырь, храм, некрополь, урочище), а внутри них — по хронологии. Таким образом, каталог не имеет сплошной нумерации, но лишь пообъектную. Преимуществом раздельной нумерации является возможность ее продолжения по мере появления новых находок. (До начала работы над общим сводом единой продолжающейся нумерации для всех изданий достичь все равно невозможно). Для различения надгробий номера даются после буквенного индекса объекта — примерно так, как принято в полевых описях находок.

Поскольку надгробия с одного памятника являются своего рода археологическим комплексом, их описанию предпосылается общая историко-археологическая характеристика некрополя, включающая также информацию о материалах, опубликованных нашими предшественниками.

В описаниях каталога отразилась разница фиксации отдельных памятников. Тексты не унифицированы, поскольку в будущем, для свода, предстоит работа над созданием системы единого морфологического описания.

Сноски на материалы каталога в тексте первой части книги даются сокращенно, например: Кат. ВПм № 13.

НАДГРОБИЯ ДАНИЛОВА МОНАСТЫРЯ

Характеристика некрополя

Некрополь монастыря, традиционно считающегося древнейшим в Москве (и, как показали исследования, действительно обладающего древними слоями), вызывает естественный интерес. Возможность научно изучить его появилась только в 1983 г., когда началась реконструкция зданий и территории. Включенные в каталог плиты в основном собраны при археологических надзорах, сравнительно небольших по площади раскопках и реставрационных работах 1983–88 гг. (В 1871 г. три средневековые плиты были опубликованы архимандритом Амфилохием: Кат. Дм № 20).

К сожалению, древние остатки полностью переработаны в XVIII–XX вв. Ни одна из плит не могла быть исследована вместе с погребением, но все они взяты из переотложенных слоев или архитектурных сооружений, где использовались вторично. Это касается и других каменных погребальных сооружений — фрагмента гроба-саркофага XVI–XVII века, части белокаменного креста XV–XVI века.

Местом наибольшего скопления находок надгробий XV–XVII вв. (более ранних не обнаружено, хотя погребения XIV–XV вв. здесь несомненно существовали) является участок вокруг церкви Семи Вселенских соборов (особенно к северу, востоку и западу от нее), кладки нижних частей самой церкви, подвал и первый этаж которой построены в середине — второй половине XVII века, а позже ремонтировались. Самые ранние плиты отнесены к слою некрополя, который существовал до возобновления монастыря Иваном Грозным и постройки первого храма из камня (начало 1560-х гг.).

Второй кладбищенский участок, исторически связанный с жизнью монастыря и окружавшей его слободы, помещался на месте нынешнего храма Воскресения Словущего "вне стен". В прошлом здесь был каменный храм того же посвящения, построенный на рубеже XVII–XVIII вв., а до этого, вероятно с середины XVI века, деревянная церковь во имя Даниила Столпника. На этом некрополе было найдено только одно надгробие конца XVI века, вторично использованное при строительстве каменного храма, и несколько обломков XVI–XVII вв.

Материалы исследований отражены в отчетах автора за соответствующие годы, а частично — в публикациях [*Беляев*, 1991; 1991а; 1995. *Монастыри*]. Отчеты в Архиве Института археологии РАН (Р-1, №№ 9354, 9355, 11839, 11506, 13827).

Надгробия с иностранными надписями во вторичном использовании

Надгробия из Данилова монастыря стали известны очень рано благодаря обнаружению здесь плит с английскими, армянскими, голландскими, итальянскими, латинскими и немецкими надписями. Архимандрит Амфилохий опубликовал 18 таких плит, к которым добавилась еще одна благодаря находке архитектора Н. А. Ловкунас. Надгробия, написанные латинским алфавитом, были вторично опубликованы в специальном своде. Материал для их прочтения общедоступен [*Дрбоглав*, 1988]. В данный каталог включены из старой публикации [*Амфилохий*, 1871] только основательно забытые плиты с армянскими надписями.

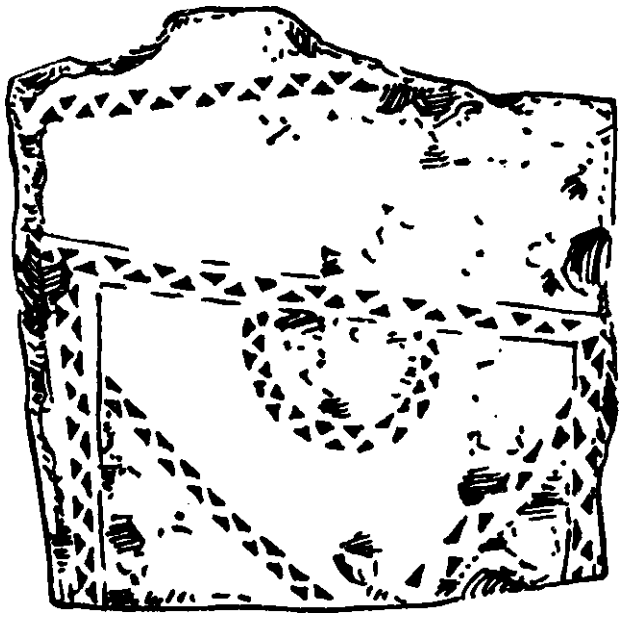
Все плиты, несомненно, происходят с расположенного севернее монастыря древнейшего кладбища христиан-иноверцев, существовавшего по крайней мере с начала XVI века в районе современной Мытной улицы. Этот некрополь (окончательно локализованный в результате обнаружения там надгробия Каспара Эльферфельдта) был заброшен, вероятно, в первой половине XVII века в связи с изменением положения иноземных сеттлментов в Москве. Плиты с него использовались для строительства окрестных улиц, они встречаются в кладках зданий между кладбищем и монастырем.

Вывоз большой партии камня с заброшенного некрополя, предпринятый монастырскими строителями, можно датировать временем сооружения каменной ограды в последней четверти XVII века, на что мог быть получен специальный указ (аналогичные документы известны в XVIII веке), — однако периодическое "заимствование" камней наверное происходило и раньше. Надгробия, как можно наблюдать, использованы для некоторых внешних частей сооружений, прежде всего порогов и проемов, — но основная масса, видимо, пошла в фундамент стен. Там их и обнаружил архимандрит Амфилохий в ходе разборки основания башен ограды и подвала церкви Покрова Богородицы в 1869–70 гг. При реставрации 1980-х гг. фундаменты стен не перебирались, в остатках же западных прясел не удалось найти ни фрагмента — вероятно, в XIX веке их выбрали достаточно полно.

Надгробия и их фрагменты, не включенные в нумерацию

В ходе работ было собрано несколько десятков мелких осколков с остатками резьбы XVI–XVII вв. — треугольчатой и жгутовой. Кроме них, заслуживают упоминания мелкие фрагменты и даже целые плиты, которые не могли быть тщательно обмерены по обстоятельствам обнаружения.

Среди них важны небольшие (сохранность 25/30 см) фрагменты тонких (10/13 см) плит с мелким треугольчатым орнаментом, по-видимому антропоморфной композиции, второй половины XV — начала XVI века, заложенные в фундамент апсидной части храма середины XVI века в качестве строительного бута.

1

2

1. Плита второй половины XV — начала XVI века. Дм № 1; 2. Плита Михаила Прокофьева сына,1598 г. Дм № 7.

Plate LXII. Fragments of the graveslabs from St Daniil monastery: 1) the second-half-fifteenth- or early-sixteenth-century graveslab; 2) the graveslab of Michail — a son of Prokofiev, 1598.

Следует отметить два почти целых надгробия того же типа, использованных при строительстве трапезной церкви Семи Вселенских соборов, как выравнивающие камни над фундаментом северной стены. Упомянутые экземпляры следов надписи не имели.

Фрагменты камней с каннелированным орнаментом конца XVI–XVII вв. отмечены в кладках подвала вышеупомянутой церкви, а также в фундаментах храма Воскресения Словущего (порог входа в подклет; основание паперти-колокольни). Описаны лишь некоторые из них.

Вторичное использование надгробий продолжалось в монастыре и позже, в XVIII–
Фото 1 XIX вв., но в кладки средневековый материал уже почти не попадал. Так, очень характерный фундамент столба галереи рубежа XVIII–XIX вв. сложен исключительно рельефными надгробиями середины — третьей четверти XVIII столетия.

Хранение находок

Коллекции, собранные при раскопках в Даниловом монастыре, были переданы в музей "Коломенское". К сожалению, это не коснулось надгробных плит, которые были включены в экспозицию церковно-исторического музея монастыря. В ходе многочисленных перестроек и переездов в начале 90-х гг. эти надгробия вынесли из музея, а затем использовали как строительный материал.

В настоящее время сохраняются только плиты, оставленные в кладках (№№ 7, 8, 15, а также ненумерованные фрагменты под фундаментами собора середины XVI века, нынешней церкви Семи Вселенских соборов и храма Воскресения Словущего). До последнего времени в экспозиции надгробий XVIII–XX вв. с монастырского некрополя (напротив часовни у западной стены) сохранялись мелкие фрагменты плит, не вошедших ранее в экспозицию музея (№№ 1, 4, 17, 18).

Описание надгробий

Дм № 1

Табл. LXII 1 Фрагмент (изголовье) плоской плиты. Случайная находка вблизи церкви Семи Вселенских соборов в 1983 г.

Размеры: (50) x 49 x 11/12 см.

Фото 3 Орнамент — треугольчатая резьба раннего типа, из крупных неровных равнобедренных треугольников с широким основанием, по неровно прочерченной графье. Композиция антропоморфная, с высоко поднятыми "плечиками", верхняя розетка без заполнения, средняя не сохранилась. Как рамка, так и остальные элементы образованы одной лентой раппорта. Все элементы, а также и блок, вытесаны неровно.

Особенность — дополнительная полоса над рамкой изголовья. Возможно, плита сделана из остатка камня или "учебного" куска.

Без надписи. Дата по особенностям орнамента — вторая половина XV — начало XVI века.

Дм № 2

Фото 2 Средняя часть плоского надгробия. Обнаружена при раскопках 1984 г. к северу от церкви Семи Вселенских соборов (раскоп II). Использовалось как стенка склепа XVIII века. Камень слегка расширен к изголовью.

Размеры: (50) x 49 x 11/12 см.

Орнамент треугольчатый. Выполнен тщательно по графье. Треугольники близки равносторонним и также разделены графьей. Композиция антропоморфная неустойчивая. Общая схема не восстанавливается, поскольку нет полного аналога.

Сохранившееся крупное (18/13 см) центральное клеймо без заполнения, от него вправо и влево уходит поперечный "поясок", как на плите митрополита Фотия и аналогичных. Однако он не пересекает круга. Возможна его трактовка и как сложенных рук, держащих "чашу", — тем более, что к изголовью подходят соединительные линии от боковых сторон, как бы продолжающие после перелома линию "пояска" и образующие с ним почти равносторонний треугольник, вершина которого утрачена.

Это решение уникально. Его необычность подчеркивается редким элементом — от центрального круга к изножию уходят еще две линии орнамента из очень мелких треугольников, образующих как бы две веревочки или цепочки, упирающихся в вершину еще одного треугольника, пересеченного уже одной продольной "веревочкой".

Реконструкция этого элемента может быть предложена на основании мотива, изредка встречающегося на рубеже XV–XVI вв., как изображение ромбического креста.

Надписи нет. Дата устанавливается по типу орнамента и композиции в пределах последней четверти XV — начала XVI века.

Дм № 3

Фрагмент плоской плиты. Обнаружен при раскопках 1984 г. севернее церкви Семи Вселенских соборов. Использовался как стенка склепа XVIII века. Фото 5

Размеры: (53) x 48/42 x 8,5 см.

Орнамент треугольчатый, мелкий, однообразный. Схема композиции антропоморфная. Внутренняя рамка из таких же мелких треугольников в один ряд, вершинами наружу. Общая ширина рамки — 6.5/7 см.

Надпись сохранила шесть строк почти во всю длину, высота строки — 7 см. Выполнена с помощью резца, не очень уверенно, но отчетливо. Резчик старался следовать ранее нанесенному орнаменту, не пересекая его. Лигатуры, типичные для ранней вязи, отсутствуют. Пробелов между словами нет, как будто нет и выносов.

Читается:

1. [...] на [...]
2. [па]мать [...]
3. преставися [раб бо]
4. жеі лево[н]тей ва[сильев]
5. сынъ н[о]
6. гин

В зависимости от толкования строки 5 можно восстановить полное имя как Леонтий Иванов сын Ногин (что более вероятно по ширине строки), либо как Леонтий Васильев сын Ногин.

Дата по типу орнамента и палеографии — первая четверть XVI века.

Ногины упоминаются во второй половине XV века в Угличе а позже — и в других местах [*Веселовский,* 1974. С. 222].

Дм № 4

Фрагмент изножия плоской симметричной плиты. Случайная находка вблизи церкви Семи Вселенских соборов. Фото 4

Ширина — 33 см, толщина — 8 см. Орнамент — из мелких вытянутых противопоставленных треугольников. Дата (по оформлению) — первая половина XVI века.

Дм № 5

Фото 6 Угол изголовья плиты. Обнаружен при земляных работах у северо-западного прясла внутри монастырской стены в 1985 г., случайная находка.

Орнамент треугольчатый. Композиция антропоморфная устойчивая.

Сохранилось начало двух строк надписи и нечитаемая часть третьей. Надпись резная, ранний вариант вязи с выносами и лигатурами, очень оригинально исполнена. Сочетает глубоко врезанные строчные буквы с тонко наведенными выносными.

Читается:

1. лѣт҃ ҃зоз҃ [...]
2. дна на память с(вя)т(ого)
3. [...]

Точная дата плиты — 7067 (1559/1560) г. — важна не только для изучения палеографии и орнаментики. Она показывает существование некрополя и, следовательно, храма на месте древнего монастыря в годы, максимально близкие его возобновлению Иваном IV.

Дм № 6

Фото 8 Верхняя треть плиты. Обнаружена в кладке подвала церкви Семи Вселенских соборов при реставрационных работах осенью 1983 г. Вторичное использование середины — второй половины XVII века.

Орнамент жгутовой. На боковых гранях частые каннелюры.

Надпись в четыре строки. Тонкая поздняя ("проволочная") вязь с единой толщиной линий, многочисленными лигатурами и выносами.

Читается:

1. лѣто҃ зр҃в *(клеймо)* м(есѧ)ца ѳев
2. рала ѥ҃и д(ѣ)нь преставис раб(а) б(о)жиа
3. соломонѣа матѳѣева доч(ь) анисимава же
4. на и[г]ина с(ы)на житника

Дата смерти — 5 февраля 7102 (1594) — года не противоречит оформлению надгробия.

В тексте обращает внимание упоминание профессии мужа покойной — "житника", то есть торговца хлебом.

К сожалению, выносная согласная над его фамилией не сохранилась, и можно только догадываться о полном звучании (Итин? Ивин ? и пр.). В полевых отчетах и предварительной публикации [*Монастыри.* Табл. 103: 3] дата определена неправильно.

Дм № 7

Табл. LXII 2 Фрагмент изголовья плоской плиты. Обнаружен при раскопках 1987 г. в храме Воскресения Словущего. Вторично использован при строительстве здесь каменной церкви на рубеже XVII–XVIII вв. Камень перетесан, находился в развале кладок. Расширен к изголовью.

Размеры: (60) x 39/45 x 13/14 см.

Орнамент резной жгутовой. Верхняя розетка 9 см.

Декора на боковых гранях нет.

Сохранилось пять строк надписи вязью с характерными элементами декора рубежа XVI–XVII вв. Высота строки — 6/6.5 см., промежуток — 3/3.5 см. Буквы глубоко резаны, с утолщенными мачтами. Судя по тексту, в нем отсутствует нижняя строка.

Читается:

1. лѣт҃ѯ҃ *(клеймо)* ҁз̃ г(о)
2. ноѧбрѧ к҃а д(ѣ)н(ь) на вє
3. денѣевъ д(ѣ)н(ь) преставис
4. раб (бо)жей михаило
5. прокоѳевъ с(ы)нъ [...]

Указанная дата смерти — 21 ноября 7107 (1598) г. — не противоречит оформлению плиты и соответствует празднику Введения Богородицы во храм. Родовое прозвище покойного, видимо, утрачено.

Дм № 8

Плита. Обнаружена в основании южной апсиды церкви Семи Вселенских соборов (середина — вторая половина XVII века). Вторично использована при строительстве придела Покрова Богородицы. Сохранилась полностью, но сильно растрескалась. Расширена к изголовью. Фото 9, 11

Размеры лицевой поверхности: 208 х 75/60 см.

Орнамент жгутовой. Боковые грани не видны.

Надпись в восемь строк декоративной, глубоко врезанной вязью с резко утолщенными мачтами, умеренным количеством лигатур и выносов, без разделения слов и переносов. День смерти выделен точками посредине строки.

Читается:

1. лѣт҃ѯ҃ *(клеймо)* ҁлє̃ г(о) ноѧб
2. ѧ в҃ѵ. к҃з. д(ѣ)нь на памѧть с(вѧ)т(о)го и вє
3. ликомѵченика и много
4. страдал(ь)ного иакова п(є)р(сиѧ)
5. нина преставис раб божий андреи
6. тимоѳеевич быкасов
7. во инацех скимник анто
8. неи

Указанная дата смерти — 27 ноября 7135 (1626) г. — не противоречит оформлению плиты. Род Быкасовых известен по крайней мере с XVI века — Герасим Быкасов упомянут как конюх Ивана IV, Андрей Быкасов в 1595 г. был сослан по "опале" в Сибирь [*Веселовский*, 1974. С. 59]. Не исключено его возвращение в начале XVII века и погребение в Даниловом монастыре. (Ср. следующую плиту).

Дм № 9

Плита. Обнаружена в основании южной апсиды придела Покрова Богородицы симметрично надгробию № 8. Обе плиты вмонтированы изголовьями к центру апсиды, как бы "головой к голове", и укреплены в кладке железными полосами, прихватывающими Фото 7, 10

края плит. Вторичное использование обеих плит несомненно. Сохранность хорошая, но с многочисленными трещинами. Камень расширен к изголовью.

Размеры лицевой поверхности: 210 х 74/63 см.

Орнамент жгутовой. Боковые грани не видны.

Надпись в пять строк палеографически близка плите № 8, что естественно ввиду их хронологической близости. Декоративная вязь с утолщенными мачтами, умеренным количеством лигатур и выносов.

Читается:

1. лѣта ҂з҃ *(клеймо)* ҁм г(о) года и
2. юлѧ в҃ѳ кѣ д(ѣ)н(ь) престависѧ
3. раба б(о)жия григоревскаѧ же
4. на тимофѣевича быкасова
5. инока скимница марѳа

Таким образом, жена Григория Тимофеевича умерла 25 июня 7140 (1632) г., через шесть лет после Андрея Тимофеевича — вероятно, брата ее мужа. Никаких сведений о происхождении самой схимницы Марфы в тексте нет (о Быкасовых см. выше: Дм № 8).

Оригинальное положение надгробий в фундаментной кладке, возможно, указывает на близость родового участка Быкасовых и его, по крайней мере, частичное разрушение в момент строительства каменного храма. Даты плит № 8 и № 9 важны как terminus post quem сооружения Покровской церкви.

Дм № 10

Фрагмент плиты. Обнаружен в кладке фундамента северной апсиды церкви Семи Вселенских соборов, в ее центре (придел пророка Даниила, середина — вторая половина XVII века). Вторичное использование.

Орнамент жгутовой. Типологически аналогично двум предыдущим. Надпись глубоко врезанной вязью.

Читается:

1. лѣт ҂з҃ *(розетка)* [...]
2. октѧбрıа [...] (престави)
3. сѧ раб [...]
4. иноста [...]

Полнее надпись не могла быть прочитана. (Надгробие заложено в кладку лицевой стороной вверх, и на нем держится стена). Дата — первая треть XVII века.

Дм № 11

Фото 12

Фрагменты верхней половины плиты. Обнаружены в слое строительного мусора вблизи настоятельских покоев, к востоку от них, при земляных работах 1985 г. На обратной стороне вытесано круглое углубление — для использования в качестве чаши умывальника. Два осколка обнаружены по отдельности.

Толщина — 20 см. Орнамент жгутовой. Боковая сторона — без декора.

Сохранилась левая часть надписи в четыре строки характерной декоративной вязью конца XVI — начала XVII века.

Читается:

1. лѣт҃з *(розетка)* [дє]
2. кабрꙗ вꙋ д(ѣ)н(ь) [прєстависꙗ]
3. рабъ б(о)жий [...]
4. ивано [...]

Четвертая строка является последней.

Оформление и палеография скорее конца XVI, чем XVII века.

Дм № 12

Фрагмент плиты. Обнаружен при уборке мусора с территории вокруг церкви Семи Вселенских соборов в 1983 г. Случайная находка. Фото 14

Толщина — 19 см. Орнамент жгутовой.

Сохранились последние строки надписи. Буквы — тонких, вытянутых в высоту пропорций, резаны линией одинаковой толщины.

Читается:

[...]

1. прєставис рабъ б(о)жи(й) [...]
2. ин с(ы)нъ садовник

Надгробие можно датировать концом XVI — первой третью XVII века. Интересна частота упоминания профессии садовника в надгробных надписях той эпохи [*Гиршберг-2.* №№ 232, 242, 249].

Дм № 13

Фрагмент изголовья плиты. Случайная находка при работах 1983 г. вблизи церкви Семи Вселенских соборов. Фото 13

Толщина — 17 см. Орнамент жгутовой.

Сохранилось начало четырех строк надписи буквами очень вытянутых пропорций без графьи. Мачты слегка утолщены. Обращает внимание написание слова "лето" — через "о".

Читается :

1. лѣто *(клеймо)* [...]
2. ноꙗ(б)рꙗ [...] [на па]
3. мєть с(вꙗ)т(ого) [...]
4. мы [...]

Ниже четвертой строки начинается боковое "плечо" орнамента.

По эпиграфическим и типологическим признакам дата фрагмента — конец XVI — начало XVII века.

Дм № 14

Плита. Обнаружена при реставрационных работах в подвале церкви Семи Вселенских соборов. Вторично использована в качестве порога двери, ведущей в подвал, в южном членении западной стены. Фото 17

Сохранилось целиком. Поверхность сильно выхожена, но орнамент и надпись, в основном, уцелели. Камень расширен к изголовью.

Размеры: 82 х 46/36 х 21 см (указывают на принадлежность надгробия детскому погребению).

Орнамент жгутовой. Боковые грани украшены каннелюрами.

Сохранилась надпись в десять строк, занимающая почти всю поверхность внутри орнаментальной рамки. Текст написан на старонемецком, без выносов и лигатур, шрифтом, отдаленно напоминающим латинский капитальный.

Читается:	Перевод:
1. ANO.159().IS(IN?)	Лета 159 (1?) (в)
2. GODT.ENT	боге почил мой сын
3. SLAPEN MIN(..?)	Григорий Холмес
4. SON.GRIGORI	октября 25
5. HOLMES.DEN	Господи даруй (ему)
6. 25.OKTOBER.	счастливое
7. GODT GEEEM	воскресение
8. EINE ROLICK	Аминь
9. VPERSTAN	
10. DING.AMEN.	

Слова отделены друг от друга точками в середине ширины строки, вырезанными в виде ромбов. Таким же ромбом обозначен "умляут" в слове "rolick" = frolich.

Перевод требует некоторых комментариев. Предварительное толкование текста было предложено несколько лет назад Д. А. Дрбоглавом в его своде, поскольку Донат Александрович имел возможность знакомиться с находками уже в ходе наших работ [*Дрбоглав,* 1988. С. 71].

Однако некоторые его чтения не казались мне единственно возможными. Сомнения усилились в ходе обсуждения текстов с палеографами в Германии при работе над публикацией новых находок. В результате решено было публиковать прочтения текстов в новой редакции, хотя и без специального комментария*. [*Beljaev,* 1991. S. 490. Abb. 8].

Оговорю изменения в чтении и трактовке. Прежде всего, вместо "Мих" (Mih), сын "Григория Холмеса", предлагается читать "min", что вполне соответствует и написанию слова ("m" с косой перекладиной, а не с прямой), и старонемецкой грамматике. В то же время сокращение "Mih" в значении "Михаил" неизвестно, почему Д. А. Дрбоглав и вынужден изобрести уменьшительную форму [*Дрбоглав* Д. А. 1988. С. 72]. По-видимому, следует исключить "Михаила Холмеса" из будущих указателей, а также не искать Григория Холмеса среди взрослых, состоявших на службе или торговавших в Москве иноземцев, поскольку он умер ребенком. Имя его отца остается неизвестным.

Остальные поправки не так существенны для трактовки содержания, но интересны с точки зрения характеристики самого текста. Последняя цифра года не может однозначно читаться как "1", поскольку на ее месте щербина, так что дата немного шире — 90-е годы XVI века (конечно, и первый год десятилетия не исключен). Дополнение первой строки предлогом "in", по многочисленным аналогиям предложенное Д. А. Дрбоглавом, вполне вероятно, — но верхний правый угол поврежден затесами.

Весьма интересны также "ошибки", выделенные при первой публикации в тексте надписи. Упомянутое "rolick" не является для XVI — XVII вв. ни ошибочным, ни тем

* Особую благодарность хочу выразить фрау Ингеборг Хенке (Восточноевропейский институт, Мюнхен), не пожалевшей усилий для решения наших маленьких проблем.

более "бессмысленным". Оно лишь отражает северогерманские или шведские корни в диалекте писавшего текст для воспроизведения его русскими резчиками. Ср.: rolig, rollick в шведской транскрипции*.

Отмечу также возможность не столь уж нелепого написания слова "geeem" в строке 6. Если читать его не "geneme", что в принципе возможно, а "gebe em", то ошибка минимализируется — легко принять один раз В за Е, тем более в таком насыщенном "е" словосочетании. Наконец, употребление слова "год" без удвоения "о" — вообще не может считаться ошибкой в средневековом немецком написании.

В результате такого пересмотра кажется возможным отказаться от трактовки текста как небрежно составленного или невнимательно исполненного.

Напротив, его эпиграфика говорит о тщательном копировании резчиком оригинала на чужом языке. В свою очередь, составитель текста проявил свободу выражения, отражающую интересные языковые особенности и национальные связи своего времени. Стремлением обеспечить правильное воспроизведение текста можно объяснить изобилие знаков-разделителей между словами, далеко не всегда использующихся столь активно [*Beljaev*, 1991. S. 490. Abb. 8].

Дм № 15

Плита. Обнаружена при реставрации угловой северо-восточной башни монастыря, где использовалась вторично в качестве порога. Это целый экземпляр, края которого заведены в кладку. Оставлен на месте. Фото 15

Широкая плита (67 см) имеет практически квадратную внутреннюю рамку для текста (47 х 47.5 см). Орнамент жгутовой.

Фиксации были доступны 93 см длины — орнамент в изголовьи и вся надпись. Она состоит из 9 строк и хорошо читается за исключением полосы по центру, шириной 6/7 см, совершенно разрушенной железной связью порога. Высота строк 4/4.5 см, промежуток 1/1.2 см.

Буквы расположены просторно, довольно крупны и несколько неловки. Чувствуется, что резчику они непривычны. Он копирует их тонкими однородными линиями, стараясь воспроизвести типичные декоративные элементы — "лучковые" выступы букв I, H и N.

Читается:	Перевод:
1. ANNO (1)O IS IN	Лета 1..0 в Боге
2. GOT V(OR)STORVEN	почила блаженная
3. SELIGE (M?)ARGE PET	Мария Петрова (дочь?)
4. ROW (TO? RI?)CHTER	(судьи?)
5. BARTE(L)EICHHORN	Бартеля Эйхгорна
6. VON LIPH SINE	фон Лип жена
7. FRVWDER SELE.	душу ее Господи.
8. GOT GN (EDI)CH SI	Помилуй
9. AM(E)N	Аминь

В чтении этой плиты есть ряд вопросов. Прежде всего, дата сохранила две наименее интересные цифры — первую и последнюю, так что неясно даже, о каком столетии идет

* См.: Ordbok over Svenska Spraket utgiven av Svenska Akademien. Bd. 22. Lund. 1959. R. 2380 R. 2382. Handworterbuch Schwedisch-Deutsch. Berlin, 1980. S. 423. Langenscheidt's Encyclopaedic Dictionary // Langenscheidt's Enzyklopadisches Worterbuch [*E. Muret, D. Sanders*]. Teil 1: Englisch-Deutsch. 2. Bd. N Z. Berlin Schoneberg. 1963. S. 1202.

речь. Предложенное Д. А. Дрбоглавом решение (1590–1600-е гг.) не обосновано ничем кроме отсутствия ясно выраженных элементов середины XVII века — но ведь элементов более ранних также немного.

Наиболее серьезным разночтением являются, однако, имена погребенной и ее отца. Предложив читать первое как "MARGERET", Д. А. Дрбоглав сам же подчеркнул "необычность переогласовки", а также допускаемую им порчу "третьей буквы от конца", то есть второго "R" [*Дрбоглав,* 1988. С. 72–73]. Дело в том, однако, что именно эта буква читается особенно ясно. Причем хорошо заметно полнейшее, безусловное отсутствие характерной для буквы "R" боковой ножки, отчетливо видимой во всех других случаях. Если и можно говорить здесь о порче буквы, то лишь при нарезке, например, по ошибке писца или резчика. Читать же ее иначе чем "P" совершенно невозможно (надеюсь, это видно даже на несовершенном воспроизведении).

Что касается переогласовки, то нужда в ней отпадет, если прочесть имя в его привычном для средневекового немецкого языка варианте: "MARGE", то есть именно так, как и написано на нашей плите. Чтобы усилить аргумент, укажу на слабый, но явный разрыв текста после "E", возможно обозначающий конец слова. (Ср. другие случаи на той же плите, не имеющие никаких знаков-разделителей). Вариант чтения строк 3 и 4 при такой разбивке, явно подсказываемой размещением букв, дает значение "Марге Петрова (дочь?)".

Разница чтений весьма существенна. Во-первых, речь должна идти о другом имени — "Marge" в простонародном старонемецком обозначает Марию, а не Маргариту [*Grimm.* Bd. 12. S. 1625]. Эти два имени не так уж легко спутать. Во-вторых, если перед нами действительно надгробие женщины по имени Мария — то по-иному читается фамилия (или имя) ее отца. Предложенный Д. А. Дрбоглавом англизированный "Poy" неизвестен источникам, — пришлось сразу допустить сокращение от "Rowley", — что само по себе нуждается в доказательстве.

Кажется более вероятным прочтение буквальное, "как написано", а не "расшифровывающее". Возможно, перед нами один из случаев смешанного брака, и отец покойной Марии был Петров сын или просто Петр. (Можно читать не Petrow Tochter, а просто Petrowna, или Petrowa).

Подчеркну также предложенную доктором Ингеборг Хенке конъенктуру для "CHTER": не как "TOCHTER" — но как "RICHTER", что должно относиться не к самой покойной, но к ее мужу. Эти вполне возможные чтения придают всему тексту гораздо более привычную немецкой фразеологии форму. (Остальные разночтения незначительны и касаются не содержания текста, но особенностей передачи его на русском языке).

Замечу, что сохраняется определенная перспектива поискать в документах не столько отца Марии, сколько ее мужа — исходя из частично сохранившегося обозначения его происхождения из города или владения, где он мог быть судьей или чиновником. (Ср. упоминание прежней должности на плите Каспара фон Эльферфельдта). Хорошо подходят названия типа "Lipach" (сейчас такая деревня существует вблизи Нердлингена) и им подобные.

Дм № 16

Фото 16

Средняя часть плиты. Обнаружена в 1984 г. при реставрации восточного прясла северной стены монастыря. Вторично использована как основание выпускной дренажной арки стены, перетесана. Камень расширен к изголовью.

Размеры (45) x 55/66 x 20 см. Орнамент резной жгутовой.

Надпись на старонемецком языке сохранила пять последних строк и нижнюю часть шестой снизу. Буквы нарезаны тщательно, глубокими равномерными бороздками с немногочисленными расширениями — засечками. Других декоративных элементов нет. Слова отделены друг от друга маленькими точками посредине строк.

Читается:	Перевод:
1. (DT.ALLERREVS)	всея Руси
2. SEN.DOLMASC	толмач
3. H.DER .SELENGO	К их душам будь
4. DT.GENEDICH	господи милостив и
5. VND.BARMHE	сострадателен
6. RZICH SEY	

Дата — конец XVI — начало XVII века. В чтении нижних строк нет никаких сомнений, однако шестая может быть поводом для дискуссии.

Д. А. Дрбоглав совершенно правильно предложил восстановить ее на основе нижних частей несохранившихся букв, однако получившаяся в результате фамилия — Диаллерклиссен (Diallerklissen) хотя и звучит "по-иностранному", абсолютно неизвестна не только русским источникам, но и европейской ономастике [*Дрбоглав*, 1988. С. 72]. Конечно, мы можем допустить ее существование — но кажется разумным поискать другой вариант чтения на основе тех же "хвостиков".

В центре строки легко выделить прочитанное и нашим коллегой "ALLER". Вместе с последним слогом "SEN" в строке 2 можно предположить тогда чтение второго слова как "REVSSEN" — "русские, русских", что сразу смыкается с очевидным "толмач" и составляет завершающий оборот фразы типа "(государя) всея Руси толмач". Точно такой оборот — "ALLER REUSSEN HOFFGOLDSCHMIDT" — давно известен по надгробию жены ювелира, опубликованному самим Донатом Александровичем вслед за В. Н. Щепкиным [*Дрбоглав*, 1988. Рис. 11–12].

Хочу подчеркнуть, что при этом не нарушается предложенный изначально принцип реконструкции. "K" и "R" имеют в написании одинаковый рисунок основания, также как "L"–"E", "I"–"T", которые взаимозаменяемы. Первые буквы на строке 1 могут быть прочитаны как "DI"–"DT" и относятся, видимо, к предыдущему слову (от следующего их отделяет промежуток вполне достаточный, чтобы разместить точку. Ср. далее аналогичные промежутки строк 2–6). Что это за слово, не решаюсь гадать до тех пор, пока не собрано достаточно аналогов.

Дм № 17

Фрагмент изголовья плиты. Обнаружен в мусоре при очистке подвала церкви Семи Вселенских соборов в 1983 г. Вторично использован, перетесан. Фото 18

Размеры: (52) x (54) x 16 см.

Орнамент треугольчатый. Композиция антропоморфная. Боковые грани, вероятно, без орнамента.

Внешняя рамка и "плечики" образованы мелкими противопоставленными треугольниками, не соприкасающимися даже вершинами. Внутренние фланкирующие ленты по сторонам надписи — из крупных равнобедренных тесно сведенных треугольников, образующих "змейку", что характерно для второй половины XVI века.

От надписи сохранилось начало пяти строк на старонемецком, которые, видимо, ее и составляли. Д. А. Дрбоглавом предложена реконструкция текста, которая позволяет

восстановить по крайней мере формуляр надписи и (не столь очевидно) пол покойника. Материала для проверки толкования недостаточно, приводим сохранившийся текст.

Читается:

1. HIR
2. SELIG
3. FECH
4. SE(L или I)
5. AN
6. GO

[Реконструкция: *Дрбоглав*, 1988. С. 70–71].

Дм № 18

Фото 19 Фрагмент верхней части плиты. Обнаружен при уборке строительного мусора на территории монастыря. Случайная находка. Толщина — 17 см.

Остатки резного жгутового орнамента. Боковая сторона гладкая.

Сохранилось начало семи строк надписи на старонемецком языке, нарезанной характерным для этого вида старомосковской эпиграфики шрифтом — с небольшими засечками, раздельными буквами и без декоративных элементов. Слова разделены простыми точками.

Читается:

1. (вероятно существование в оригинале 8 строк)
2. LE
3. H(V?)
4. MA(N или M — наклонная мачта)
5. PAL(H или, менее вероятно, P)
6. N.GOD
7. VND.(B?)
8. ICH. S

Текст не восстанавливается, однако последние строки явно указывают на использование характерного благопожелательного заключения типа " да будет Господь милостив и сострадателен". Дата — конец XVI — начало XVII века.

Среди плит, опубликованных ранее исследователями Данилова монастыря, нет ни одной, с которой остатки № 18 совпадали бы полностью. Следовательно, это не сколок с одного из обнаруженных архимандритом Амфилохием экземпляров, но часть нового надгробия.

Дм № 19

Под этим номером условно описаны пять надгробий, найденных архимандритом Амфилохием, и несущих греческие надписи. Тексты двух опубликованы в виде прорисей и переводов. Одно несет имя погребенного — "Николай" и дату 1050 г. армянской эры (= 1601 г. от Р. Х.) [*Амфилохий*, 1871. № 14]; другое — без даты, но сохранило имя — "Гавриил" [*Амфилохий*, 1871. № 15]. С двух других [*Амфилохий*, 1871. №№ 16, 17] были изготовлены копии и помещены в таблице к статье, но исследователь не успел организовать их перевод. С пятой плиты [*Амфилохий*, 1871. № 18] не было сделано даже рисунка. Надгробия, судя по описанию Амфилохия, имели "стандартное" московское оформление, и отличались лишь надписями.

Обнаружение армянских плит, да еще в таком количестве, — уникальный случай в истории русского средневекового некрополя. Вероятно они происходят с того же кладбища, что и плиты христиан-европейцев. Армяне как монофиситы не могли хоронить покойных на церковных православных кладбищах Москвы, своего же некрополя в XVI–XVII вв., видимо, не имели.

Интересно было бы предпринять повторное чтение опубликованных Амфилохием прорисей, оставленных до сих пор без всякого внимания.

Дм № 20

Под этим номером упоминаем три плиты с древнерусскими надписями, опубликованные Амфилохием. Все три обнаружены во вторичном использовании в кладках подвала церкви Покрова Богородицы, все датируются XVII веком.

(а) — по Амфилохию № 19, фрагмент 1563/64 г. с указанием даты: "Лет ЗОВ (7062) инокъ на"

(б) — по Амфилохию № 20, наиболее полный, но разрезанный пополам еще в XVII веке. Надпись датирована 1628 г. ("Лета ЗРЛS (7136) год(а) в Е день на памят(ь) святых мученик Феопемта и Феоны преставис раб божий Андрей Арсене(в) или (вич)").

(в) — по Амфилохию № 21, со значительными утратами текста, особенно в части имен собственных, но с полной датой — 1638 г. ("Лета ЗРМS (7146) сентяб(ря) КО день преставис (раб) божий свещ(енник) инок схимник Дтов").

Дм № 21

Фрагмент каменного креста. Обнаружен при раскопках в северной галерее церкви Семи Вселенских соборов осенью 1983 г., в позднем могильном перекопе. Фото 20

Это единственный случай находки в монастыре каменного креста — вероятно, надгробного. Сохранилась левая боковая ветвь и мачта ниже перекрестья — 30 х 45 см, с остатком перекрестья — 65 см. Подошва оббита — возможно, здесь имелся "зуб" для крепления на постаменте. Верхняя часть и вторая ветвь утрачены. Форма ветвей восстанавливается как простейшая, без расширений или сужений, в сечении прямоугольная (30 х 16 см). Боковая ветвь немного короче мачты-подставки (30 х 30 см).

Посредине этой мачты — глубоко процарапанное изображение восьмиконечного креста на высокой, почти квадратной П-образной Голгофе. Справа от него — маленький (6 х 6 см), но глубоко и очень тщательно выбитый равноконечный крестик, все концы которого округло расширены ("каплевидны").

Вероятная дата — XVI век.

НАДГРОБИЯ БОГОЯВЛЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В МОСКВЕ ("ЗА ТОРГОМ")

Характеристика некрополя

Некрополь Богоявленского монастыря — одно из наиболее знаменитых средневековых и постсредневековых кладбищ Москвы. В XVII и XVIII веках оно служило местом захоронения членов родовитейших княжеских, боярских и дворянских фамилий. Некрополь неоднократно описан авторами XIX века на основе надписей с памятных досок и надгробий, но при этом хронология не опускалась ранее середины XVII века. Наиболее квалифицированная опись — И. М. Снегирева [*Снегирев,* 1876]. Часть этих текстов, до 1650 года, включена в сводку В. Б. Гиршберга [*Гиршберг-2*].

В послереволюционный период монастырь и его кладбище существенно пострадали — практически вся территория, полученная монастырем в XVII веке, была использована под новое строительство. Некрополь сохранившегося старого двора многократно перекапывался, подавляющее большинство надгробий было уничтожено или вывезено. (Справедливости ради необходимо указать, что наиболее важный участок кладбища — внутри и в непосредственной близости от собора — активно перекапывали и ранее, в ходе модификации инфраструктур здания в XIX веке, что наглядно показали раскопки).

В 1930-х гг. и позднее на территории монастыря велись надзорные археологические работы, при которых обнаружили 4 надгробные плиты XVI–XVII вв. [*Горюнова,* 1947. С. 47; *Гиршберг-1.* № 41; *Гиршберг-2.* №№ 230, 241; *Гиршберг,* 1952]. Проводившиеся в 1980-х гг. реставрационные исследования и сопряженные с ними археологические работы позволили исследовать средневековый некрополь внутри ныне существующего собора (построен в 1690-х гг.), а частично — и прилегающую территорию.

Обнаруженные древности имели надежную стратиграфию, были тщательно "привязаны" к истории строительства и потому довольно точно датировались. (Особенно надежна их относительная датировка). В результате некрополь стал одним из ключевых памятников, дающих возможность рассмотрения истории надгробий от их возникновения в XIII–XIV вв. вплоть до эпохи преобразований Петра I. (Памятники XVIII века послужат темой отдельной работы). Материалы работ неоднократно публиковались [*Беляев,* 1995; *Монастыри.* С. 42–100. Там же — библиография и указатель отчетов в архивах Ин-та археологии РАН и Ин-та "Спецпроектреставрация"].

Можно выделить несколько групп надгробных памятников, связанных с последовательно сменявшими друг друга кладбищами начиная с конца XIII века. Древнейшая группа — обнаруженные in situ плиты, отложившиеся в период существования первой деревянной церкви на месте монастыря в XIII — первой половине XIV века. (Кат. № 1, а — б). К ним примыкает ряд фрагментов, переотложенных в тот же период в слои кладбища (Кат. №№ 2–6), или использованных в кладке первого каменного собора середины XIV — начала XV века. (Кат. № 7). Эти памятники датируются по инвентарю исследованных погребений, и по содержимому перекопов, и замыкаются двумя дополнительными датами: подстилающего слоя (поселение рубежа XII–XIII — середины XIII вв.) и перекрывающего (каменный храм XIV–XV вв.). Фото 21–22

Все древнейшие плиты собраны ниже строительных засыпок этого храма, в пределах ныне существующего четверика нижней церкви. К ним примыкает группа из забутовки подклета трапезной XVI века. Все они переотложены и не имеют стратиграфической даты. (Трапезная окончательно разрушена только в 1690-х гг., это слишком поздний terminus ante quem). Оформление плит явно говорит об их принадлежности XIV веку, а уникальность некоторых решений определяет важность этих находок для истории орнаментики.

Вслед за постройкой каменного собора, в XV и XVI вв., вокруг него складывается типичный для средневековой Москвы некрополь. От него до нас дошли несколько плит, обнаруженных in situ в пределах нынешнего алтарного помещения нижней церкви (к востоку от апсиды древнего белокаменного храма). Все они повреждены более поздними захоронениями и фрагментарны. Два несут надписи начала XVI века, остальные датируются по орнаментам. Погребения в раскопе "Алтарь" не вскрывались, и датировка не может быть подкреплена археологическими данными. Близкая стратиграфическая картина обнаружена и в раскопе к западу от трапезной, где некоторые плиты конца XVI века сохранились in situ. Кроме плит, лежащих на поверхности кладбища, ряд памятников XV–XVI вв. найден в переотложенном состоянии. Из наблюдений над некрополем XV–XVI вв. необходимо упомянуть фиксацию родового участка фамилии Вельяминовых-Воронцовых к западу от трапезной, которая была возведена на рубеже двух указанных столетий (первое датированное по надписи погребение этого рода — 1590-х гг.).

Важным для датировки кладбища стратиграфическим рубежом является слой пожара, в огне которого обгорела поверхность плит конца XVI века — он прослежен как в западном раскопе, так и за пределами храма к северу и юго-западу от него, и может датироваться периодом Смуты.

Семнадцатый век, как и повсюду, оставил больше материалов. К ним нужно отнести две группы памятников в западном раскопе, на месте некрополя Вельяминовых-Воронцовых. Первая — плиты середины века (1630–50-х гг.) с надписями на верхней грани. Вторая — плиты 1680-х гг. (хотя и несущие иногда более ранние даты) с торцевыми надписями в изножиях. Эта группа возникла в момент разрушения древнего собора после пожара, а когда были начаты работы по сооружению ныне существующего храма. Стена его трапезной проходила прямо по древнему участку Вельяминовых, чем и была вызвана необходимость переоформления некрополя, позднее, при строительстве XVIII–XIX вв., вновь подвергшегося частичному разрушению. Плиты рубежа 1680–90-х гг. — последняя группа, детально изученная при археологических работах.

Следующий комплекс начал складываться вслед за возведением нынешнего собора в 1690-х гг., хотя на его стенах имелись доски с датами от 1630-х гг. и позднее (что вызвало предположение о более ранней датировке нижней церкви). Однако существование подклетной части собора с первой половины XVII века полностью исключается на основе архитектурных и археологических данных, полученных при работах 1980-х гг.

Вероятно на стены храма 1690-х гг. попал ряд старых памятных досок, или часть надписей, перенесенных с плит середины — второй половины столетия. Эти памятники логично рассматривать вместе с надгробиями XVIII века.

Упомяну также ряд надгробий, в основном XVII века, обнаруженных при археологических надзорах за прокладкой коммуникаций вокруг собора и, вообще, в зоне монастыря вплоть до Никольской улицы, которые позволяют представить некрополь несколько шире и добавляют новые имена к его "просопографии".

При составлении каталога показалось правильнее следовать не только хронологическому принципу (в целом соблюдаемому), но и отразить сочетание памятников в синхронно складывавшихся комплексах. Разумеется, небольшие хронологические перестановки заметны только там, где много абсолютных дат — в описании надгробий с середины до конца XVII столетия.

Хранение находок

Все материалы археологических исследований переданы для хранения в Музей истории города Москвы. Из надгробий туда попали только мелкие фрагменты древнейших плит с профилированным краем и граффити (Кат. №№ 2, 3). Остальные плиты оставлены на местах или хранятся в подвале собора. Одно из надгробий XVII века (Бм № 29) взято в качестве памятника декоративного искусства в Музей истории архитектуры имени В. И. Щусева и находится на территории Донского монастыря.

Описание надгробий

Бм № 1 (а — г)

Табл. LXIII 1–4

Полностью или частично сохранившиеся плиты без орнамента. Обнаружены in situ в раскопе "Четверик" (1987 г.).

Плиты сравнительно толстые, удлиненных пропорций. Форма симметричная прямоугольная, не совсем правильная. Поверхность несколько выпуклая, заглаженная. Без надписей. Погребения под плитами — разной степени сохранности, но все — без инвентаря.

Даты по стратиграфии от середины XIII до середины XIV века. Наиболее вероятен конец XIII — начало XIV века. Плиты Бм № 1в и Бм № 1 г, непосредственно перекрытые слоем пожара, обожжены.

Индивидуальные особенности:

Фото 150

(1а) Над погребением в юго-западном углу раскопа (погребение № 15). Перекрыта кладкой столба храма XIV–XV века. Сохранность полная, но плита просела в могилу и растрескалась на фрагменты.

Размеры: 190 x 60 x 8/9 см.

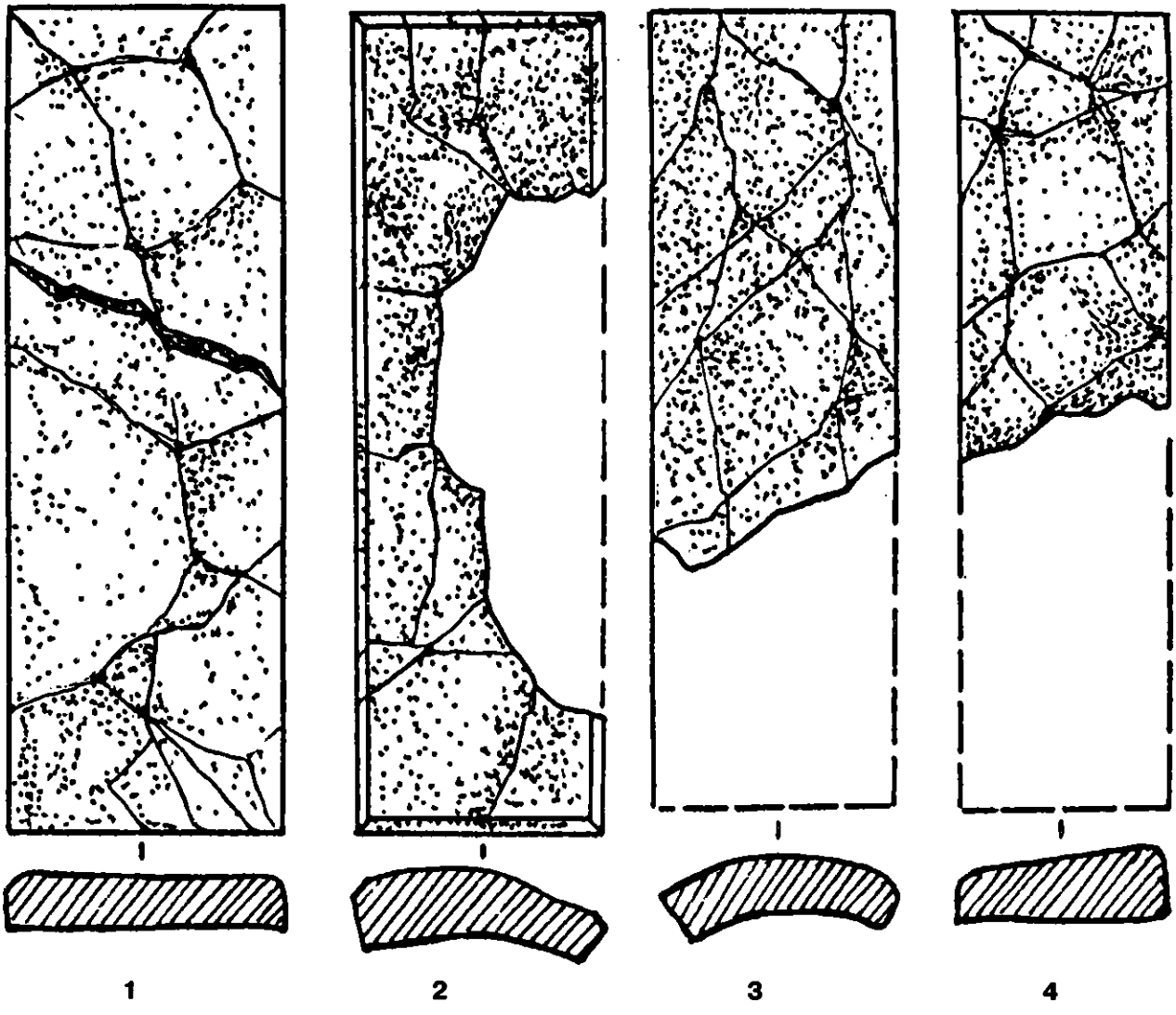
Все четыре верхних ребра имеют неширокие фаски. Нижняя поверхность плоская. Этот экземпляр обработан несколько тщательнее остальных.

Фото 21–22

(1б) Над погребением в центральной части раскопа (погребение № 4). Повреждена поздней ямой, но полностью восстанавливается. Растрескалась на фрагменты.

Размеры: 200 x 62 x 12.5/15.5 см.

Имеет отчетливые фаски. Камень утолщается к южному краю, а затем снова сужается. В продольном направлении толщина равномерная.

1–5. Плиты XIII — середины XIV века: Бм № 1а—1г.

Plate LXIII. The thirteenth- and mid-fourteenth-century graveslabs without inscriptions from Bogoiavlenskii monastery in Moscow.

(1в) Над погребением № 1, перерезанным северо-западным столбом. Сильно растрескалась по длине, при обмере распадалась на куски. В длину сохранилась не полностью.

Размеры: (130) х 48 х 12 см.

По одному краю прослежена фаска. Поверхность слегка выпукла по продольной оси. Нижняя плоскость чуть вогнута.

(1г) Над погребением № 2 (к югу от плиты Бм 1в). Сохранность хуже, чем у предыдущего.

Размеры: (115) х 55 х 10 см.

Поверхность очень слабо выпукла, нижняя плоскость почти ровная.

Бм № 2 (а — г)

Табл. LXIV 1–3

Мелкие фрагменты надгробий(?). Обнаружены в раскопе "Четверик" (1987 г.). Собраны в центральной части раскопа в слое пожара, уничтожившего деревянный храм, и в слоях последующей расчистки территории.

Рельефная обработка верхних ребер ступеньками, фасками и треугольчатыми бордюрами.

Дата по стратиграфии от середины XIII до середины XIV века, уточнению не поддается.

Аналог — материалы кремлевского некрополя, продатированные концом XIII — началом XIV века [*Шеляпина,* 1971. Рис. 1–7].

Индивидуальные описания:

(2а) Угловая часть надгробия с уступчатой обработкой края в 2 ступеньки и с фасками по внешним ребрам (в том числе и вертикальному). Общая сохранность в высоту — 7.2 см, из которых 1 см приходится на уступ. Ширина уступа — 1.2 см, ширина фаски — 0.7 см. Теска тщательная, с заглаживанием.

(2б) Фрагмент края плиты с уступом, нарезанным треугольчатыми фестонами с заглублением ниже уровня уступа. Внешний край обработан фаской.

Размеры камня не восстанавливаются (фрагмент ничтожно мал, 3 х 4.5 см). Размеры декора: ширина уступа — 1.5 см, высота — 0.5 см.

Фаска — 6 мм. Основание треугольника — 2 см, высота — 1.5 см, заглубление от поверхности — до 7 мм. Поскольку сохранилось не более 1 см ровной поверхности позади треугольчатой каймы, нельзя исключить существования еще одного уступа.

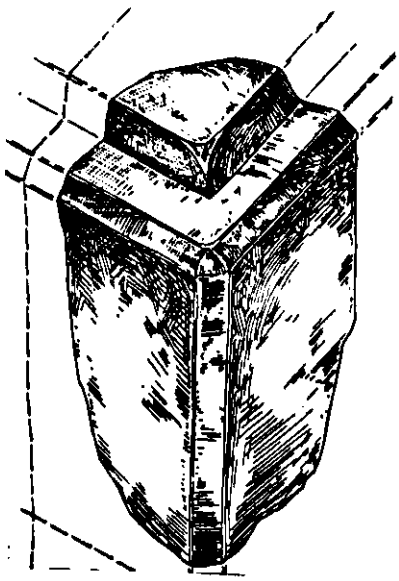
(2в) Фрагмент края плиты, близкой по обработке. Разница в размерах декора есть, но настолько незначительная, что возможно происхождение фрагментов от одного изделия, хотя и от разных его сторон. (Например, ширина уступа — 1.2 вместо 1.5 см). Сохранность несколько полнее — 6 см в длину (4 треугольника-фестона) и 4 см в ширину. (Толщина в обоих случаях незначительна — 2.5 см). На поверхности плиты заметен маленький крестик, прочерченный острым инструментом (граффити).

(2г) Фрагмент края плиты, обработанный крупными и пластичными треугольниками, резаными вглубь. Ширина основания треугольников — не менее 6 см (скорее близка 7 см) при высоте около 3 см. Противопоставленной ленты орнамент, видимо, не имел. Сохранность слишком плоха для определения полного вида обработки ребра, но фрагмент несомненно показывает еще один, до сих пор не встречавшийся вариант оформления плит.

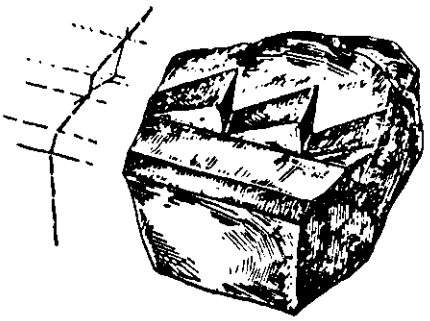
Бм № 3 (а — в)

Табл. LXIV 4–6

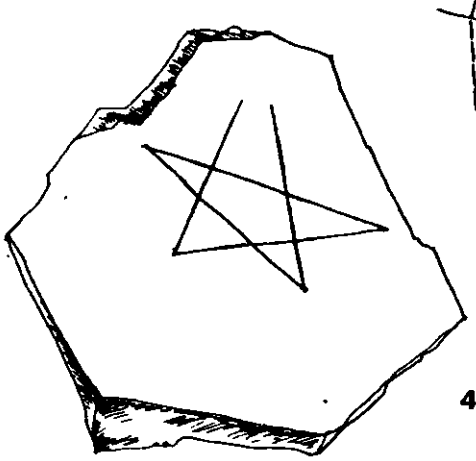
Фрагменты плит или саркофагов, на которые нанесены граффити. Обнаружены в раскопе "Четверик" (1987 г.). Собраны в слое пожара, уничтожившего деревянный храм, и последовавшей расчистки территории. Фрагмент 3в — из юго-восточной части раскопа (ров фундамента столба белокаменного собора).

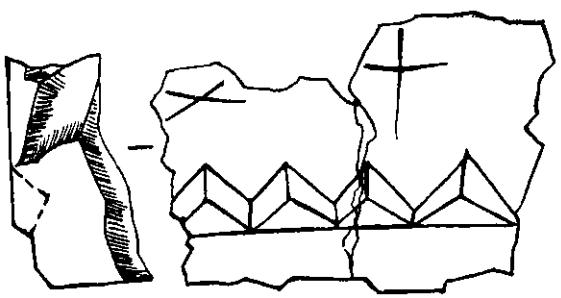
1

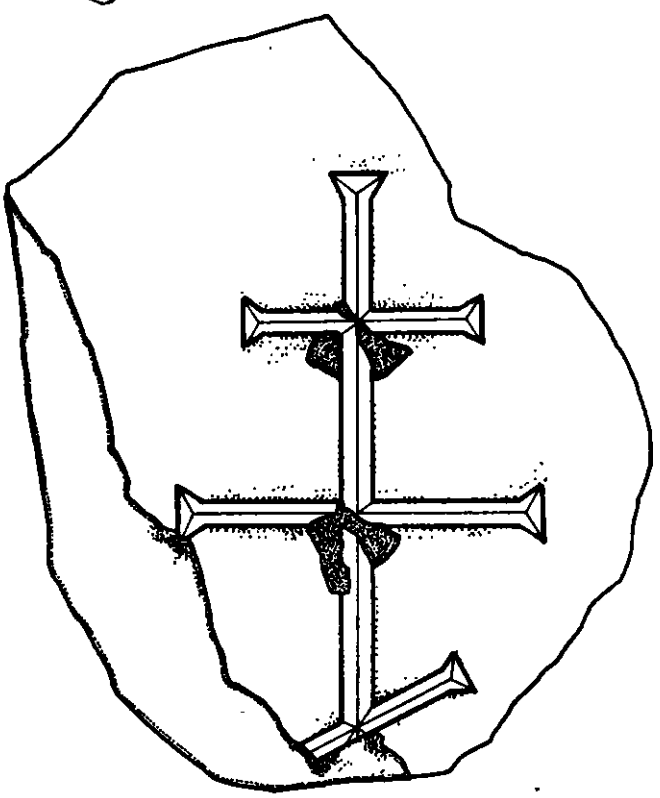
2

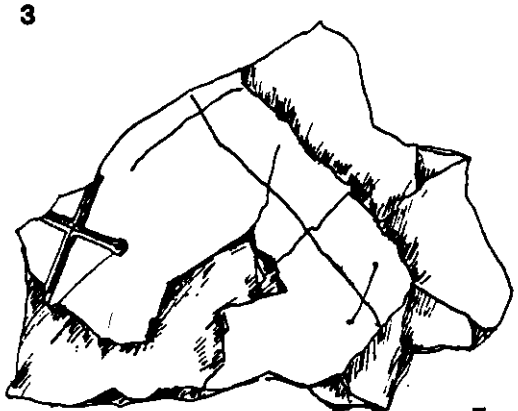
4

3

6

5

1–6. Фрагменты XIII — середины XIV века: Бм № 2а—2в; Бм № 3а—3в.

Plate LXIV. Small fragments of the thirteenth- and mid-fourteenth-century graveslabs from Bogoiavlenskii monastery in Moscow.

Дата по стратиграфии — от середины XIII до середины XIV века.

Индивидуальные описания:

(3а) Фрагмент с процарапанной пятиконечной звездой. Размер знака — до 4.7 см, фрагмента — до 9 см.

(3б) Фрагмент с изображением креста с удлиненным нижним концом и круглым утолщением на краю боковой ветви. Знак нанесен резцовым инструментом, уверенно. Канавка трехгранная. Ширина ветвей — около 2 см, длина нижней части — не менее 1.5 см. Поверхность обоих фрагментов гладкая, но потрескавшаяся от огня.

(3в) Фрагмент с изображением восьмиконечного креста с засечками по краям ветвей. Крест выполнен резцом, бороздки трехгранные шириной до 7 мм. Размер верхней перекладины — 4.3 см, средней — 6 см, нижней косой — около 4 см. Сохранилось 11 см высоты мачты креста, но нижний конец утрачен. Не исключена возможность существования там изображения Голгофы.

Бм № 4

Табл. I 6

Фото 21–23

Фрагмент изголовья (?) плиты. Обнаружен в центральной части раскопа "Четверик" (1987 г.). Ниже основания алтарной преграды белокаменного храма. Сверху прикрыто надгробием Бм № 5а. Частично перекрывает восточную часть плиты Бм № 1б. Погребение под плитой отсутствует — вероятно, плита перемещалась. Ось не совпадает с ориентировкой первоначального кладбища.

Размеры: (45) x 65 x 10/11 см. Камень симметричный, прямоугольный, плоский. Теска очень гладкая, верхняя и нижняя плоскости параллельны, выпуклости или вытески нет, углы прямые.

Композиция орнамента рамочная. Ряд крупных, почти равносторонних треугольников пущен вдоль края плиты вершинами внутрь. Размер треугольника: основание — 3 см, высота — 2 см. Резьба глубокая, но без малейшей рельефности — нет ни фаски, ни уступа.

Надпись отсутствует. Дата по стратиграфии, от середины XIII до середины XIV века. Вероятнее — начало XIV века.

Бм № 5 (а — в)

Табл. I 7

Фото 21–23

Фрагменты прямоугольной плиты. Обнаружены в раскопе "Четверик" (1987 г.). Плита была перемещена. Фрагменты рассредоточены в промежутке восточной пары столбов белокаменного храма (от начала фундамента алтарной преграды до начала стены четверика XVII века). Стратиграфически они залегают выше Бм № 1 б и Бм № 4, причем самый большой фрагмент — прямо на этой последней. Сверху вся "свита" перекрыта слоем пожара, куда частично входят и фрагменты Бм № 5.

Всего фрагментов три, они собираются в один большой, позволяющий восстановить форму и размеры: 190 x 64 x 9/10 см. Плита прямоугольная, симметричная, без существенных колебаний толщины.

Орнамент треугольчатый, трехгранно-выемчатый. Композиция симметричная, рамочно-осевая. Рамка и ось выполнены совершенно идентично — две полосы графьи, между которыми размещена лента противопоставленных крупных треугольников, образующих "змейку". Общая ширина рамки — 4 см. Треугольники нарезаны глубоко и тщательно, по форме близки равносторонним со стороной 2.8 см. и высотой 2 см.

Надписи нет. Дата по стратиграфии от середины XIII до середины XIV века. Вероятнее — первая половина XIV века. Ближайший аналог — плиты из раскопок в Кремле, датированные второй половиной — первой четвертью XIII века [*Шеляпина,* 1971. Рис. 1: 4, 3, 2, 6, 8].

Бм № 6 (а — в)

Фрагменты плит. Обнаружены в раскопе "Четверик" (1987 г.). Слои перекопа некрополя XIII–XIV вв. Вероятно, эти фрагменты принадлежат плитам Бм № 4 и Бм № 5, однако они не "собираются" с ними непосредственно. Фрагменты (а) и (б) имеют орнамент из одного ряда треугольников как Бм № 4; фрагмент (в) аналогичен по орнаменту Бм № 5. Описание особенностей не повторяем, так как аналогия читающегося размера и орнаментики полная.

Бм № 7

Фрагмент крышки саргофага(?). Обнаружен в раскопе "Четверик" (1987 г.). Вторично использован в кладке фундамента северной стены белокаменного собора. Табл. LXVII 2

Размеры: (45) х (24) х 7.5/9 см. Вероятно памятник имел симметричную прямоугольную форму. Следуя обычной для этого времени пропорции, можно предположить длину 120/140 см при ширине 40/41 см, в противном случае камень получится чрезвычайно вытянутым. (Ширина реконструируется легко, поскольку композиция орнамента — осевого типа, и центральная полоса сохранилась). Фото 23

Следует обратить внимание на колебание толщины. Разница в полтора сантиметра возникает не из-за неровностей обработки, но благодаря сознательно вытесанному вдоль внешнего края выступу шириной 6 см. Эти особенности могут указывать на использование камня не в качестве собственно-надгробия, но крышки ящичного саркофага. (Постамент одного обнаружен, их могло быть и несколько). В известной мере это подтверждается композицией резного треугольчатого орнамента. Можно предположить, что она была симметричной, осевой, и включала в качестве центрального элемента круг.

Рамку образует полоса шириной 2.2 см из довольно мелких противопоставленных треугольников (сторона — 1.5, высота — 1.2 см), отстоящих далеко друг от друга и объединенных тонкими линиями графьи (расстояние от края — 3.3 см).

Точно таким же образом проведена осевая полоса. Она разрывается (в центре плиты ?) очень большим "клеймом". Это единственный круговой орнамент, встреченный на плитах в раскопе "Четверик". Фигура очень "сжата" и образует скорее овал, чем круг, с длинной осью — 20/17 см и короткой — 16/13 см.

Композиции орнаментов с большим центральным кругом или с подходящей к нему осью известны на крышке саркофага из Старой Рязани и на плите(?) Бм № 9 [*Тихомиров*, 1844; *Мансуров*, 1927. Рис. 4].

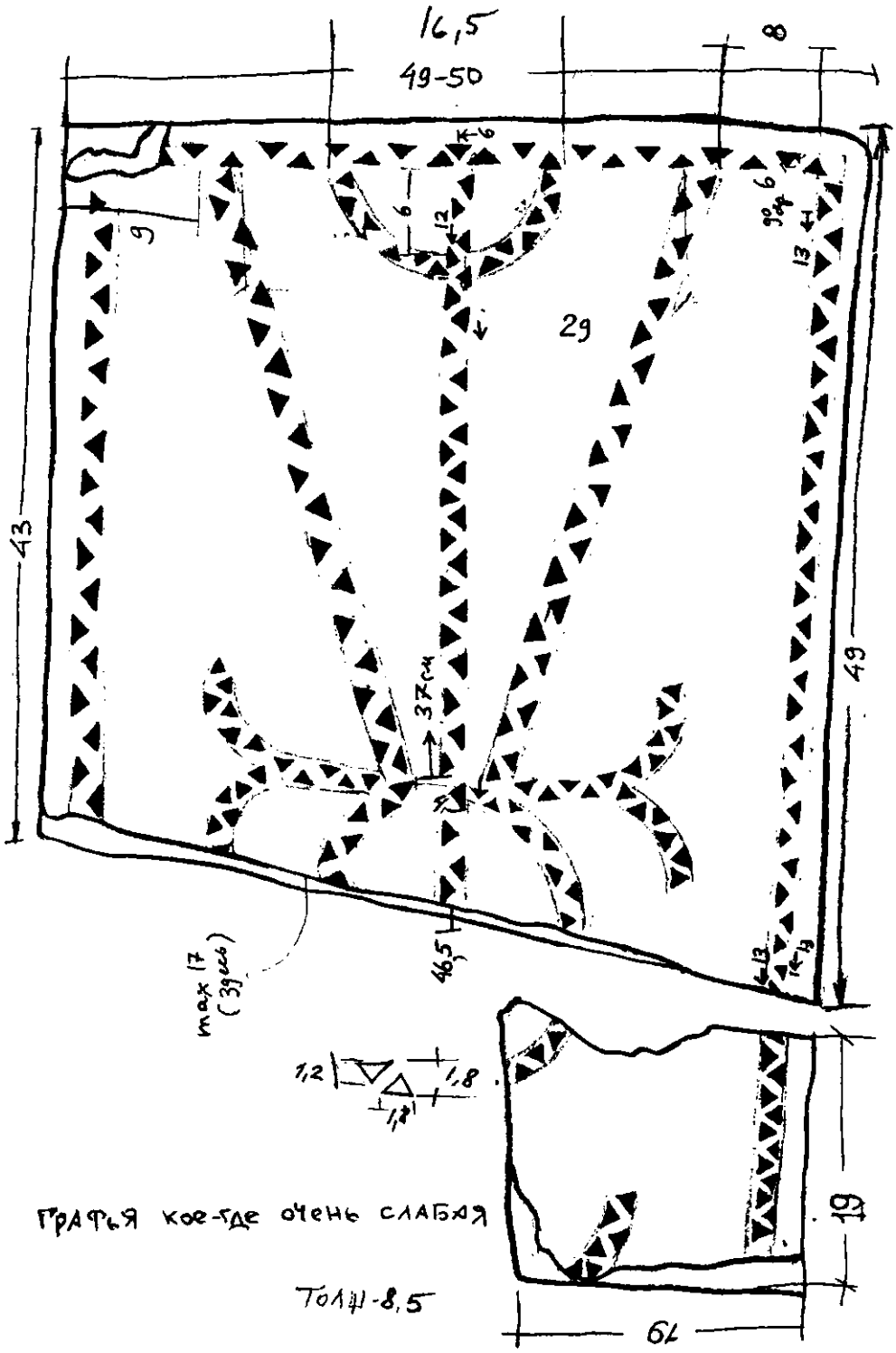
Бм № 8

Фрагмент плоской плиты. Обнаружен в раскопе "Трапезная" в забутовке конца XVII века. Камень симметричный прямоугольный. Табл. LXVII 4

Размеры: (106) х 44/40 х 8/10 см. Правая сторона плиты не совсем ровная, она выдается посередине и сужается к торцам — почему ширина имеет два размера. Реконструируемая длина — 115 см, так что сохранность довольно полная.

Поверхность плиты очень выхожена. Прослеживается симметричная композиция из рамки и, по крайней мере, одного круга в центре (нельзя исключить, что два другие полностью стерты — как стерта значительная часть рамки и центрального клейма).

Орнамент резной треугольчатый, противопоставленный, в графье. Рамка следует неровностям края. Ее ширина — 3 см, расстояние от края — 2 см. Треугольники довольно крупные (основание — более 3 см, высота — 2/2.5 см). Образуют "змейку" неустойчивой ширины (0.5/1.5 см).

Фрагменты плиты Бм № 9; XIII — середина XIV века.

Plate LXV. Fragments of the thirteenth- or mid-fourteenth-century graveslab from Bogoiavlenskii monastery in Moscow.

Центр клейма находится на расстоянии 57 см от сохранившегося торца (что дает полную длину при удвоении). Диаметры — 21.5 и 15 см, при этом количество противопоставленных треугольников в обеих полосках равное — 13 см. Заполнения клейма нет. Надписи нет. Дата может быть установлена только по аналогиям. Наиболее близкая композиция — на плите из некрополя в Кремле, которую принято датировать концом XIII века [*Шеляпина,* 1971. С. 287. Рис. 1 : 5].

Бм № 9

Два фрагмента плоской плиты. Обнаружены в раскопе "Трапезная" в забутовке конца XVII века. Камень симметричный прямоугольный. Табл. LXV

Размеры: (49 + 19) x 50 x 8.5 см. Длина может быть реконструирована в зависимости от трактовки декора.

Орнамент — ленты из противопоставленных треугольников, близких равносторонним, с высотой — 1.2 см, основанием — 1.8 см при общей ширине лент также 1.8 см. Графья тонкая, едва читающаяся.

Композиция сочетает осевую основу с круговыми и, возможно, антропоморфными мотивами. Она состоит из общей рамки и сплошной осевой линии. На эту последнюю "нанизаны" полукруг, примыкающий краями к торцевой стороне рамки, и круг-клеймо, центр которого помещен на расстоянии 46.5 см от торца плиты. Определить изголовье по имеющемуся фрагменту невозможно.

Обе круговые фигуры не имеют внутреннего заполнения. Их диаметры: 16.5/12 см — для верхней и 19/15 см — для средней. Можно предположить существование по меньшей мере еще двух аналогичных фигур, зеркально расположенных на оси, или даже трех полных кругов и двух "половинок" — но есть и другие, несимметричные варианты реконструкции. Нельзя исключить, что перед нами — детская плита длиной около 1 м. Тогда сохранившееся клеймо превратится в центральное.

Композиция имеет дополнительные элементы: от среднего круга к торцу расходятся две симметричные прямые ленты орнамента, образуя фигуру, близкую равнобедренной трапеции с основаниями 32 см и 8 см при высоте 37 см. От тех же точек окружности в стороны выпущены Y-образные слегка круглящиеся отростки ("лепестки"), причем меньший из двух найденных фрагментов позволяет предполагать существование другой пары таких же лепестков — а следовательно, еще одного круглого клейма.

В целом композиция абсолютно уникальна, но для всех ее отдельных элементов могут быть предложены аналоги. "Лепестки" есть на крышке саркофага из Старой Рязани. Осевая композиция распространена достаточно широко, как и ее сочетание с кругами. Наконец, трапецевидные и треугольные фигуры в композиции становятся обычными во второй половине XIV–XV вв. [*Ермонская,* 1978. С. 21–22 и фото; *Шеляпина,* 1971. Рис. 1 : 2–6, 8–9]. Весьма близкое по композиции надгробие [*Шеляпина,* 1971. Рис. 1 : 10], как выяснилось, никогда не существовало. Это неудачная попытка реконструкции, предпринятая В. Поповым [*Попов,* 1912; *Беляев,* 1995. Рис. 3 : 7 — следует исключить как неверный].

Дата возможна по аналогиям от середины XIII до середины XIV века.

Дм № 10

Фрагмент плоской плиты. (Изголовье или изножие — неясно). Обнаружен в раскопе "Трапезная" в забутовке XVII века. Камень прямоугольный симметричный. Табл. LXVI 3

Размеры: (45) x 49 x 6.5/7.5 см.

Орнамент треугольчатый, противопоставленный. Лента шириной 2.8 см, ограниче-

на графьей, однородна для всех элементов. Треугольники близки равносторонним с основанием 1.5/2 см при высоте 1.3/1.5 см. Ширина образуемой ими "змейки" — 1 см.

Композиция антропоморфная неустойчивая. Кроме рамки, сохранилось небольшое круглое клеймо (диаметры 15 и 9 см), отстоящее от торца на 35 см. От него к торцу отходят две прямые симметричные ленты, образуя трапецевидную равнобедренную фигуру. (Внутренние размеры: основания трапеции — 22.5 и 4 см, высота — 25.5 см).

Возможна двоякая реконструкция: с разделительной осью, начинающейся ниже клейма, или симметричная, с повторением "трапеции" на противоположном торце.

Надпись отсутствует. Дата — в пределах XIV века. Аналог — плита из Кремля с ярко выраженными антропоморфными чертами — вероятно, несколько позднее Бм № 10 [*Шеляпина,* 1971. Рис. 1–9. Рис. 2].

Бм № 11

Табл. LXVI 1

Фрагмент плоской прямоугольной(?) плиты. Обнаружен в раскопе "Трапезная" в забутовке конца XVII века. Сохранилась полная ширина, но оба торца утрачены.

Размеры: (43) x 40 x 9 см.

Орнамент треугольчатый "змейкой", из треугольников, близких равносторонним (высота — 1.5, основание — 1.8 см). Ширина ленты — 1.8 см, графья не прослеживается.

Композиция не совсем ясна, вероятно антропоморфная неустойчивая. Кроме остатков рамки вдоль длинных ребер плиты, сохранилась часть крупного незаполненного клейма (диаметры — 21.5 и 18 см), особенно выделяющегося на нешироком поле.

От окружности к торцу отходят две прямые ленты орнамента (внутреннее расстояние между ними — 13 см, внешнее — 16.6 см), по-видимому, упиравшиеся в углы рамки. В этом случае расстояние от центра клейма до торца плиты может равняться 50 см.

Остается неясным общее решение плиты. Варианты те же, что и для Бм № 10 — антропоморфный с разделительной осью или симметричный с зеркально повторенной на другом торце трапецией.

Надпись отсутствует. Дата по аналогам — XIV век.

Бм № 12

Плоская слабо асимметричная плита. Обнаружена в раскопе "Трапезная", в забутовке конца XVII века.

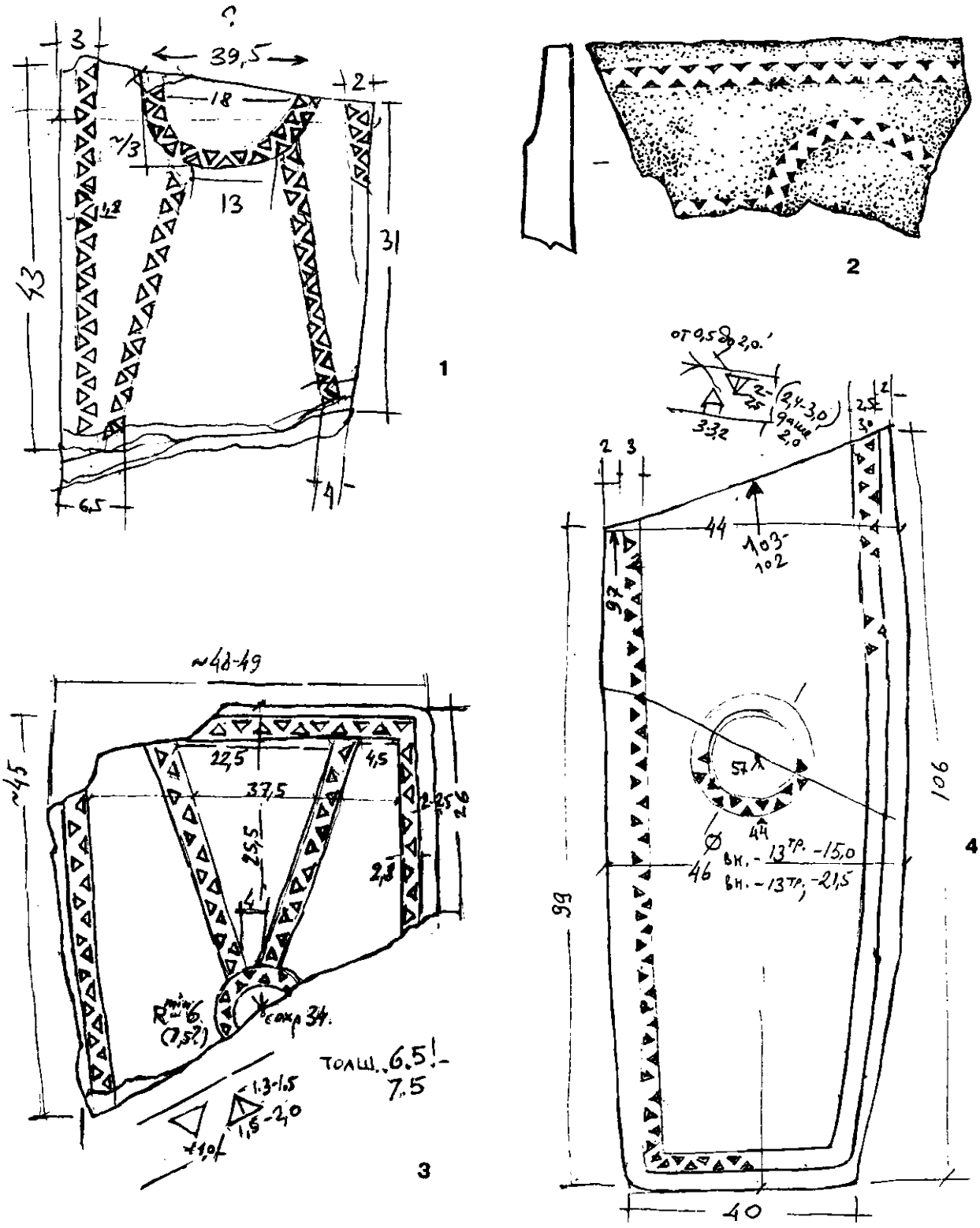
Размеры: (107) x 51/(49) x 8/11 см.

Табл. LXVII

Орнамент треугольчатый "змейкой". Применены два типа треугольников — основной (крупные, близкие равносторонним, с основанием 2/2.5 см при высоте 1.5/2 см, ширина ленты — 2.5/2.8 см) и дополнительный, которым исполнена осевая линия (из очень мелких треугольничков — ширина их ленты не достигает 1.5 см). Графья сильно стерта, поверхность плиты протесана при вторичном использовании, но общая схема полностью восстанавливается.

Композиция антропоморфная неустойчивая. Кроме рамки (2/3 см от края) видны остатки среднего круглого клейма без внутреннего заполнения, с диаметрами 22 и 17 см. Его "нижний" край находится в 85 см от торца изголовья. От "верхнего", который не сохранился, были проведены две расходящиеся прямые ленты, упиравшиеся в торцевой бордюр вблизи его углов. Уникальным пока является решение торцевого полукруга, который имеет форму дуги значительного радиуса, ограниченной только краями "трапеции". (Внутренние параметры дуги: хорда — 31.5 см, высота — 11 см).

От "нижнего" края среднего клейма к изножию уходит прямая разделяющая лента из уже упомянутых мелких треугольников. Ее соединение с торцом не сохранилось, но

1–3. Фрагменты плит XIV века: Бм № 11; Бм № 8; Бм № 10.
4. Крышка саркофага XIV века. Бм № 7.

Plate LXVI. Fragments of the fourteenth-century graveslab (1–3) and sarcophagus-lid (4) from Bogoiavlenskii monastery in Moscow.

вряд ли следует ожидать в этом месте каких-то неожиданных деталей. Длина от 155 до 175 см.

Надписи нет. Дата определяется по аналогам, упомянутым в описании плиты № 10, в пределах XIV века. Следует указать, что нынешнее состояние знаний заставляет считать гораздо более вероятной середину или вторую половину столетия, поскольку мы наблюдаем довольно развитую антропоморфную композицию орнамента.

Рудименты симметричной композиции — крупные незаполненные клейма, прямые соединительные ленты, широкая дуга в изголовьи — конечно, исключают пока более позднюю дату. Можно указать и на сохранение такого важного признака как близкие равносторонним крупные треугольники и однородная почти во всех частях "змейка". В памятниках, которые сейчас связываются с началом XV века, можно наблюдать уже более сложно разработанную орнаментику.

Бм № 13

Фото 24 Плита прямоугольная. Обнаружена в раскопе "Апсида" (1985 г.). Использована при строительстве калорифера XIX века у западной стены алтарного помещения.

Размеры: 110 х 42/41 х 14 см.

Орнамент рамки резной треугольчатый, однородный. Треугольники равнобедренные, тесно поставленные, "змейка" с заостренными переломами. Ширина ленты — 2.3 см.

Композиция антропоморфная устойчивая. Клейма без заполнения. Верхнее — менее половины окружности, образовано только одним рядом треугольников вершинами наружу, размеры их мельче чем у основных. Среднее клеймо 16/12 см. Его центр — в 45 см от изголовья, то есть несколько выше середины плиты. От клейма отходит к изножию разделяющая осевая лента, а к боковым сторонам плавно отогнуты тяги-плечики. Бордюры рамки в изголовьи и особенно в изножии отодвинуты от края плиты сильнее, чем по бокам, до 5 см. Орнамента на боковых гранях нет.

Надпись отсутствует. Дата по орнаменту — вторая половина XV — начало XVI века. (Поздними признаками можно считать отказ от заполнения "поля" в изголовьи, ранними — прямоугольность камня, небольшую толщину, незаполненность клейм).

Бм № 14

Верхняя часть плоской плиты. Обнаружена в соборе при работах в алтарном поме-
Фото 26 щении, в слоях засыпок пола XIX века. Камень расширен к изголовью.

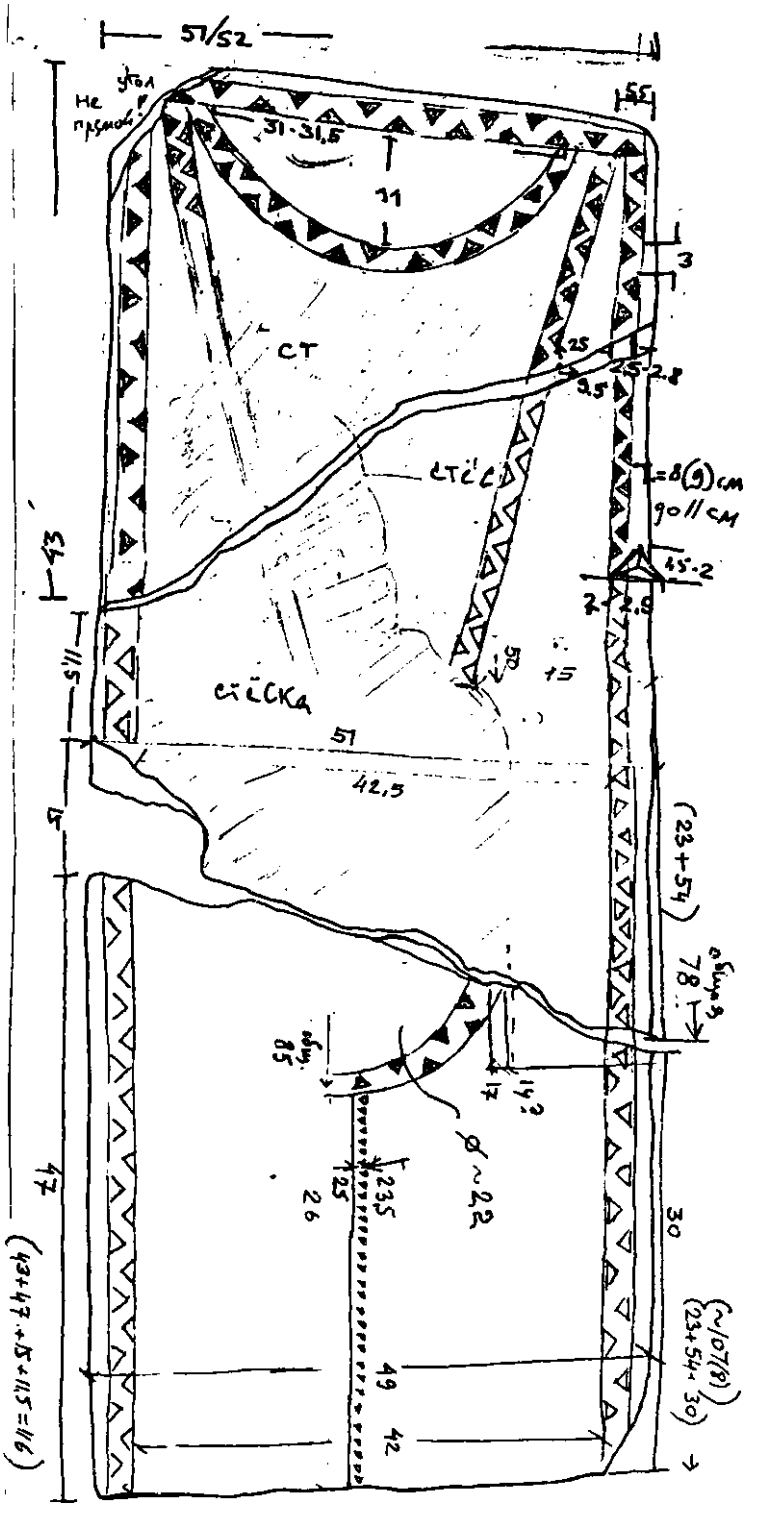
Размеры: (68) х 55 х 11 см.

Орнамент резной треугольчатый. Композиция антропоморфная устойчивая. Внешний бордюр нарезан более крупными треугольниками в изголовьи и помельче — вдоль боков, но в обоих случаях в виде "змейки". Близкой по типу лентой образованы "плечики" (сохранился фрагмент правого). Торец изголовья имеет дополнительные рамки в верхней трети: узкую ленту противопоставленных треугольников и ленту одиночных, вершинами внутрь. Эта последняя продолжается и вдоль боковых сторон до "плечиков".

Среднее клеймо не сохранилось, его место можно примерно рассчитать. Верхнее клеймо — восьмилучевая розетка, нарезанная вытянутыми треугольниками с разделкой графьей и отмеченным центром разбивки. Она окружена лентой "змейки", обведенной по циркулю. Розетка едва касается верхним краем торцевой рамки.

Оригинальным и редким элементом декора являются дополнительные дуги, образованные одним рядом треугольников вершинами наружу. Они как бы отчеркивают по два сегмента в каждом из углов изголовья. Подобный элемент известен на плите архиепископа Сергия; плите Бм № 17 и некоторых других.

Надписи нет. Плита типична для конца XV — начала XVI века.

Плита Бм № 12; XIII — середина XIV века.

Plate LXVII. The thirteenth- or mid-fourteenth-century graveslab from Bogoiavlenskii monastery in Moscow.

Бм № 15

Табл. LXVIII

Фрагмент верхней части плоской плиты. Обнаружен в раскопе "Трапезная", в забутовке конца XVII века. Камень расширен к изголовью.

Размеры : (39) x (50) x 9 см.

Орнамент резной треугольчатый. Композиция антропоморфная устойчивая. Клеймо изголовья в виде целой окружности. "Плечики" близко придвинуты к клейму, так что поля для надписи почти не осталось. Ленты орнамента разделены графьей. Треугольники в "змейках" очень вытянутых пропорций, устойчивого размера. Ширина "змейки" — 2.5 см, с графьей — 3.5 см. Бордюр изголовья не соединяется с боковыми линиями, которые упираются в дополнительную ленту внутренней рамки (идентичной бордюру). Таким образом, здесь бордюр и рамка как бы перепутаны. "Плечики" переходят непосредственно в боковую рамку.

Орнаментация изголовья однообразна, но обильна. Суммарная ширина орнаментальных полос достигает 8.5/9 см. Некрупное клеймо дополняет декор. Оно образовано внешней окружностью из ленты треугольников (11 см) и совсем маленькой восьмилепестковой розеткой (4.5 см).

Надписи на фрагменте нет. Дата по аналогам — конец XV — начало XVI века. Не исключено, что это фрагмент Бм № 16.

Бм № 16

Табл. LXVIII

Фрагмент средней части плоской плиты, Обнаружен в раскопе "Трапезная", в забутовке конца XVII века. Камень расширен к изголовью.

Орнамент — резной треугольчатый, аналогичный описанному в предыдущем случае. Композиция антропоморфная устойчивая. Сохранилась почти полная окружность среднего клейма (14 см), несколько большего, чем у Бм № 15. Диаметр розетки — 7 см.

От верхнего края клейма начинаются две тесно сомкнутые ленты орнамента, выше расходящиеся в виде плечиков. Края фрагментов № 15 и № 16 не соединяются — видимо, не хватает мелких осколков — но в остальном одно является продолжением и подобием другого.

Это весьма важно, так как № 16 имеет надпись в одну строку, нарезанную вдоль оси плиты. По-видимому, текст начинался на правой половине камня и мог продолжаться далее к изножию. Высота строки — 8 см, длина — 34 см. Это крупный, профессионально размеченный и нарезанный декоративный шрифт с довольно толстыми мачтами.

Читается:

[...] (раб) божии никита [...]

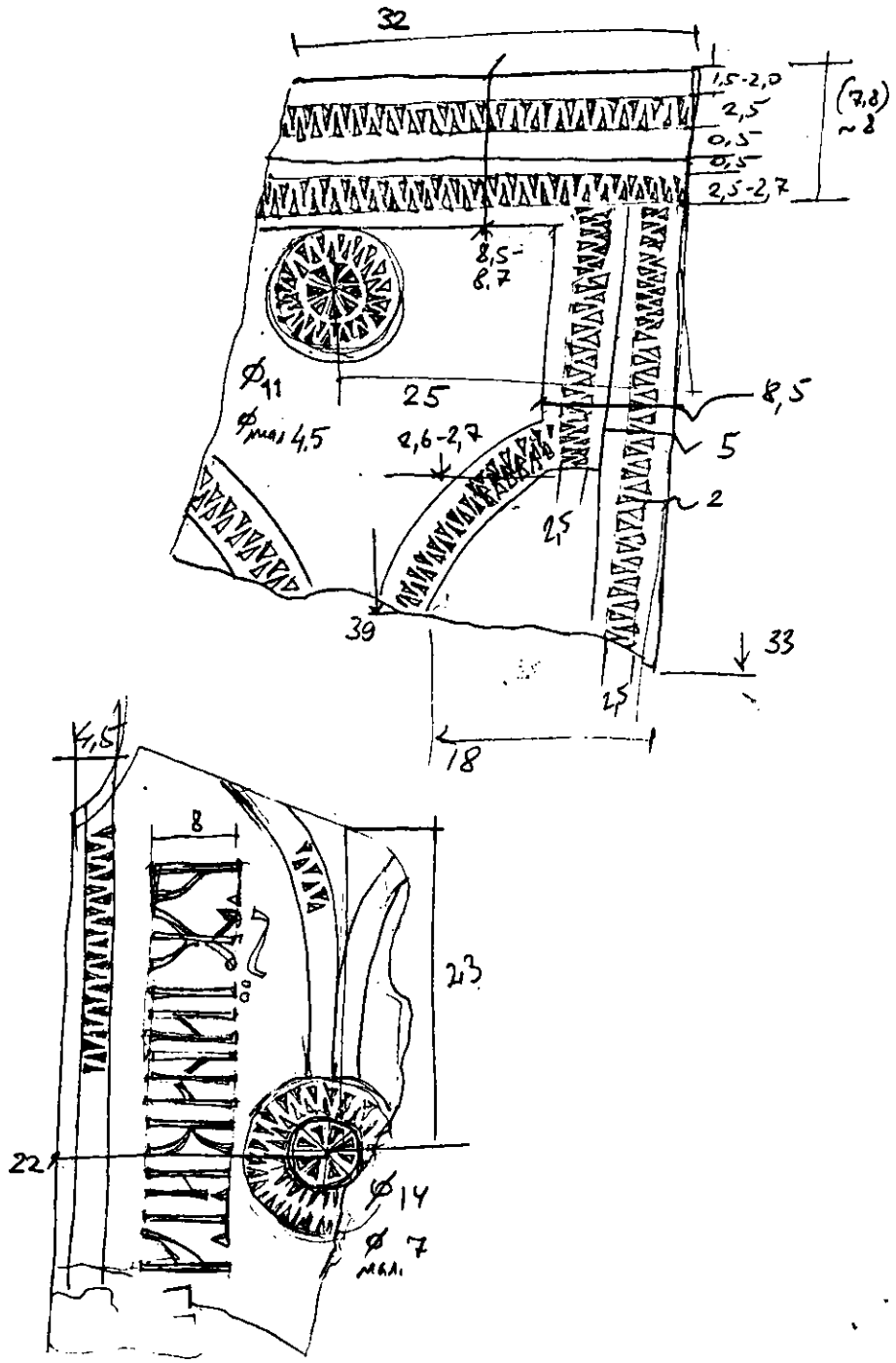
Дата не сохранилась, палеография позволяет говорить скорее о первой половине XVI, чем о конце XV века. Необычное помещение надписи может быть объяснено расположением камня на некрополе или тем, что использована старая (реально или типологически) плита, на которой не было оставлено достаточно места для надписи в традиционном "верхнем" поле.

Бм № 17

Фото 25

Фрагмент правой части изголовья плоской трапецевидной плиты. Обнаружен в раскопе "Апсида" (1985 г.).

Орнамент треугольчатый. Композиция антропоморфная, устойчивая. Ленты орнамента обрамлены широкой графьей, треугольники расставлены так далеко, что даже не соприкасаются вершинами. Сохранилась часть верхнего клейма в виде полного круга графьи; внутри нее — два ряда треугольников, обращенных вершинами внутрь и многолепестковая розетка из широких и коротких штрихов с углубленной точкой в центре.

Фрагменты плиты Никиты. Бм № 15; Бм № 16. Первая половина XVI века.

Plate LXVIII. Fragments of the first-half-sixteenth-century graveslab of Nikita from Bogoiavlenskii monastery in Moscow.

"Плечики" подняты близко к клейму и оставляют мало места для текста. Специальной внутренней рамки нет, но по торцу проходит дополнительная линия орнамента.

Особенность композиции — короткие прямые ленты (однорядные треугольники в линиях графьи), "отрезающие " углы изголовья и углы примыкания "плечиков" к бордюру.

Сохранились остатки четырех строк надписи, занимающей верхнее поле и вписанной в основные границы орнамента, однако пересекающей верхний угловой "отрезок". Надпись — граффити без разметки, свободным почерком, уверенно прочерчена острым инструментом. Буквы высотой 6/12 см, в верхних строках выше; написаны раздельно, за исключением одной (сомнительной) лигатуры. Пропорции умеренно-вытянутые. Дата выделена резко укрупненной буквой "земля" под титлом, веретенообразная "фита" перечеркнута не только горизонтально, но и по вертикали.

Читается:

1. [лѣта] (*клеймо*) ѕѳ го
2. [прѣста]висѧ
3. [...] на(ρ)сен
4. [...] пос [...]

Если петля, завершающая мачту "аз" в третьей строке прочитана нами неверно — здесь можно предположить имя "Афанасей". Однако ее загиб кажется слишком очевидным. Кроме того, слово "сей" хорошо известно надгробным надписям Москвы.

Ясно читаемая дата смерти — 7009 (1500/1501 г.) не противоречит характеру оформления. Эта плита — один из самых ранних надписных памятников в лапидарии Москвы.

Бм № 18

Фото 27

Изножие и средняя часть плоской прямоугольной плиты. Обнаружены в раскопе "Апсида" (1985 г.). Видимо, in situ, над могилой против центральной апсиды XVII века, ближе к северному простенку. Как и предыдущий фрагмент — связаны с поверхностью некрополя, сложившегося вокруг белокаменного храма в XV–XVI вв. Изголовье уничтожено одним из поздних погребений.

Размеры: (165) х 62 х 14 см.

Орнамент резной, в основном треугольчатый. Ленты однородного характера: "змейка" из тесно сомкнутых треугольников с острыми углами. Оформление изголовья точно восстановить нельзя.

Интересны детали изображения в средней части плиты. Бордюр, разделительная полоса, "плечики" — весьма просты. Центральное клеймо — крупный (19 см) круг из треугольников, в который вписана восьмилепестковая розетка. Она образована не обычными "лучами", но рельефно обработанными закругленными лепестками с маленьким кругом из точек — "тычинок" в середине. Такое оформление клейма указывает на быстрое распространение "итальянизмов" (среди которых мотив цветка-розетки занимал важное место) в русской декоративной резьбе конца XV — первой половины XVI века.

Необычность усиливает дополнительный элемент: над "верхним" краем клейма изображена ромбическая фигура на тонком стержне, длиной около 20 см и шириной 10 см. Ее образуют мелкие треугольники (которые проще изобразить, чем понятно описать) и делит на две зоны поперечная диагональ ромба. Верхняя часть сплошь покрыта орнаментом, нижняя — в виде перевернутого основанием вверх треугольника на тонкой ножке — только очерчена линией одиночных треугольников. Этот элемент может быть трактован как изображение свечи, которая вложена в руки покойного, или поставлена на его гроб.

Надгробие сохранило пять завершающих строк надписи крупными, глубоко врезанными буквами с широкими мачтами, близкими уставному письму. Высота строк — 8 см, промежутки — до 4 см. Буквы в строках расставлены очень свободно, они проходят по орнаментированным частям, но так, чтобы не повредить их. Поэтому надпись при всей простоте очень красива.

Дата не сохранилась, в тексте довольно много повреждений, однако реконструкцию предложить можно.

Читается:

1. [...]ь (в?б?) [...]
2. ѡрина с[є]
3. ме[на]
4. клено[ва]
5. же (*клеймо*) на

Такое чтение фамилии и имени мужа погребенной (Семен Кленов) весьма соблазнительно. Возможно это известный нам из "Послания Ивану III о еретике Семене Кленове, присланном в 1504 г. в Иосифов монастырь", и "Сказание о новоявленной ереси" Иосифа Санина. Кленов — еретик, обвиненный как жидовствующий и сосланный (1504 г.) в Иосифов Волоцкий монастырь, но в ереси упорствовавший. Предполагалось его купеческое новгородское происхождение и перевод в Москву, что делает вероятным погребение жены в Богоявленском монастыре [*Послания*. С. 5, 30, 103, 14, 128, 178–179, 257].

Дата в таком случае — 1490-е гг. — начало XVI века, чему не противоречат оформление и палеография.

Бм № 19 Фото 28

Верхняя часть плиты. Обнаружена в кладке основания центральной апсиды при его переборке в 1986 г. Камень расширен к изголовью.

Размеры: (135) x 60/(55) x 19 см.

Орнамент треугольчатый резной. Композиция антропоморфная устойчивая. Бордюр и "плечики" образованы двумя линиями мелких треугольников вытянутых пропорций, противопоставленных вершинами и едва соприкасающихся ими. В результате орнамент напоминает частый зигзаг. Лента отчеркнута глубокой графьей.

Внутренняя рамка — из близко сведенных линий крупных треугольников на сравнительно широком основании, образующих привычную рельефную "змейку". Рамка охватывает боковые и торцевую стороны. К последней примыкает полукруглое, несколько уплощенное клеймо, образованное полоской графьи, двумя лентами треугольников вершинами внутрь круга и полурозеткой с восемью удлиненно-треугольными лучами. Среднее клеймо (диаметр — 17 см) оформлено так же. Оно отстоит от торца изголовья на 102 см, оставляя до двух третей длины под надпись. Боковые грани не орнаментированы.

Надпись в четыре строки, образует квадрат со стороной в 40 см. Верхняя строка отодвинута от изголовья на 40 см. Высота строк — 7.7 см, промежутки — 3/3.5 см. Шрифт — упрощенная вязь удлиненных пропорций с широкими мачтами, с выносами при отсутствии лигатур. Разбивки на слова нет.

Читается:

1. лѣт҃ ҃з҃ ѳа҃ г(о) маѧ ҃л҃ д(є)н(ь) пре
2. ставис василеи але
3. ѕандровъ сынъ воробъ
4. евъ

Дата смерти — 30 мая 1563 года — не противоречит оформлению плиты. В тексте отсутствует формула "раб Божий", опускаемая сравнительно редко в заказных профессиональных надписях. Интересно также, что не упомянуто второе известное из источников имя Василия — Вассиан.

Василий (Вассиан) Александров Воробьев упоминается как дьяк митрополита Макария в 1548–1549 гг. Его брат Григорий (Шемет) был дьяком великого князя, упомянут в 1514 и 1542 гг. Происходят, возможно, из рода Мотякиных [*Веселовский,* 1975. С. 107–108].

Бм № 20

Фото 29 Надгробие (торец изголовья утрачен). Обнаружено в соборе, в основании центральной апсиды конца XVII века при его ремонте в 1986 г. Вторичное использование. Камень слегка расширен к изголовью.

Размеры: (112) х 52 (в изножии) х 17 см.

Орнамент резной треугольчатый. Композиция антропоморфная. Характер нанесения аналогичен плите № 19 за исключением мелких деталей. Среднее клеймо имеет не два пояса треугольников, а один. Отметим дополнительную внутреннюю орнаментацию изножия полосой орнамента из прямоугольников, разделенных диагональю ("косынка") Это характерный признак середины XVI века. Среднее клеймо отстоит от торца изножия на 57 см, оставляя почти две трети плиты для рамки с надписью. Боковые ребра не орнаментированы.

Надпись сохранилась только в нижней части. По-видимому, утрачены две верхние строки. Палеографически близка надписи Бм № 19. Высота строки — 8 см, промежуток — 3 см. Разбивки на слова нет.

Читается:

1. [...] (васи)льев[а]
2. [же]на александ[ро]
3. ва с(ы)на воробъ
4. ева

Начало текста легко восстановить за исключением точной даты смерти. По-видимому, оба надгробия Воробьевых изготовил в начале 1560-х гг. один и тот же ремесленник. (О семье Василия Воробьева см. Бм № 19).

Бм № 21 (а, б)

Фрагменты изножий двух плит. Обнаружены in situ в раскопе "Алтарь" (1986 г.), на поверхности кладбища XV–XVI вв. По-видимому, это один ряд с плитой жены Кленова (Бм № 18), вблизи от южного простенка центральной апсиды. Сохранились до среднего клейма. Остальное уничтожено последующими захоронениями. Камни слегка расширены к изголовью.

Размеры: 21а — (90) х (50)/48 х 15 см;

21б — (110) х 50 х 16 см.

Орнамент резной треугольчатый. Композиция антропоморфная устойчивая. Дата по стратиграфии и характеру орнамента, конец XV — первая половина XVI века.

Бм № 22

Фото 30 Средняя часть плиты. Обнаружена в соборе при работах в апсидной части, вблизи юго-западного рукава калорифера XIX в. Переотложена. Изголовье и изножие утрачены. Камень расширен к изголовью.

Размеры: (120) х (70)/(58) х 17 см.

Орнамент резной жгутовой. Ширина лент с графьей — 10 см. Центральный узел — в виде большой розетки, диаметр — 20 см. Боковые грани не орнаментированы.

Сохранились три нижних строки надписи упрощенной вязью, вытянутых пропорций, с широкими мачтами. Высота букв — 7 см, промежутков — 2.5 см. Разбивки на слова нет.

Читается:

1. [...] преставис(ѧ раб) (б)ожии
2. спиридон семенов с(ы)нъ медоваръ
3. цовъ

Дата определяется орнаментом и палеографией как последняя четверть XVI века.

Медоварцев — довольно распространенная фамилия на Руси в средневековье. Отметим возможную связь погребенного в Богоявленском монастыре Медоварцева со знаменитым книжником Михаилом Яковлевичем Медоварцевым, руководившим вплоть до начала 1530-х гг. рукописной мастерской в Никольском Старом монастыре, ближайшем соседе Богоявленского [*СКДР* XIV–XVI вв. Ч. 2. С. 109–113.].

Бм № 23

Плита плоская. Обнаружена в раскопе "Колокольня" (1985 г.), в помещении к западу от трапезной. In situ, на поверхности некрополя XVI века, в ряд с другими плитами. Лицевая грань сильно обожжена пожаром. Камень слабо расширен к изголовью.

Размеры: 182 х 80/77 х 12 см.

Орнамент резной жгутовой. Боковые грани без орнамента.

Текст в четыре строки вязью удлиненных пропорций с умеренно расширенными мачтами. Сильно выкрошился, читается с трудом.

Читается:

1. лѣт ҃зр̃ *(клеймо)* г̃ го сентѧбря
2. в ѝ дн҃ь престависа раба божиа ѵлиа
3. (н)а левонтьева жена ивановича
4. (а)ксакова

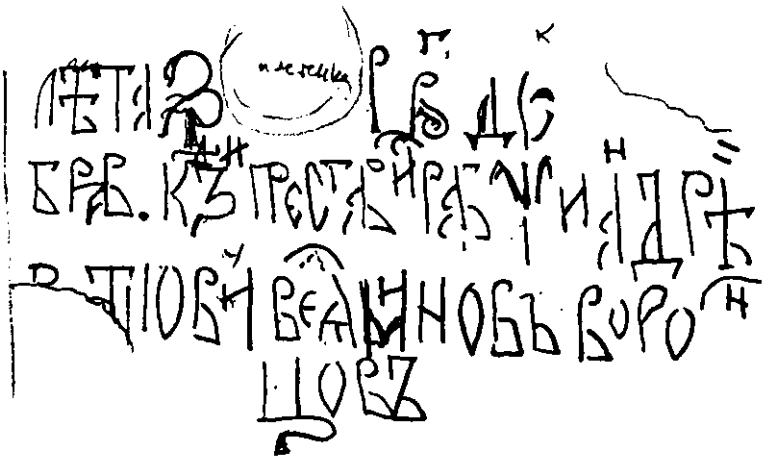
Дата смерти — 8 сентября 7103 (1595) г. — не противоречит декору плиты и стратиграфии.

Муж погребенной достаточно известен источникам — в 1590 г. его назначают комендантом взятой у шведов крепости Ям. До этого он упомянут Боярским списком 1577 г. среди дворян, служащих по Дмитрову, с окладом в 600 четей. В списке 1588/89 г. оговорен его перевод из Рыльска в Белев. В 1598/99 г. указан "в холопьем суде", а во время шведского похода отправлен "орлян збирать". В списке 1604 г. не значится, но после 1595 г., видимо, успел вновь жениться, поскольку в списке 1604 г. упомянуты люди его жены Пелагеи [*РК 1559–1605.* С. 13, 17, 64, 65, 80, 93, 97, 104, 105, 155, 186; *Боярские списки.* Т. 1. С. 91].

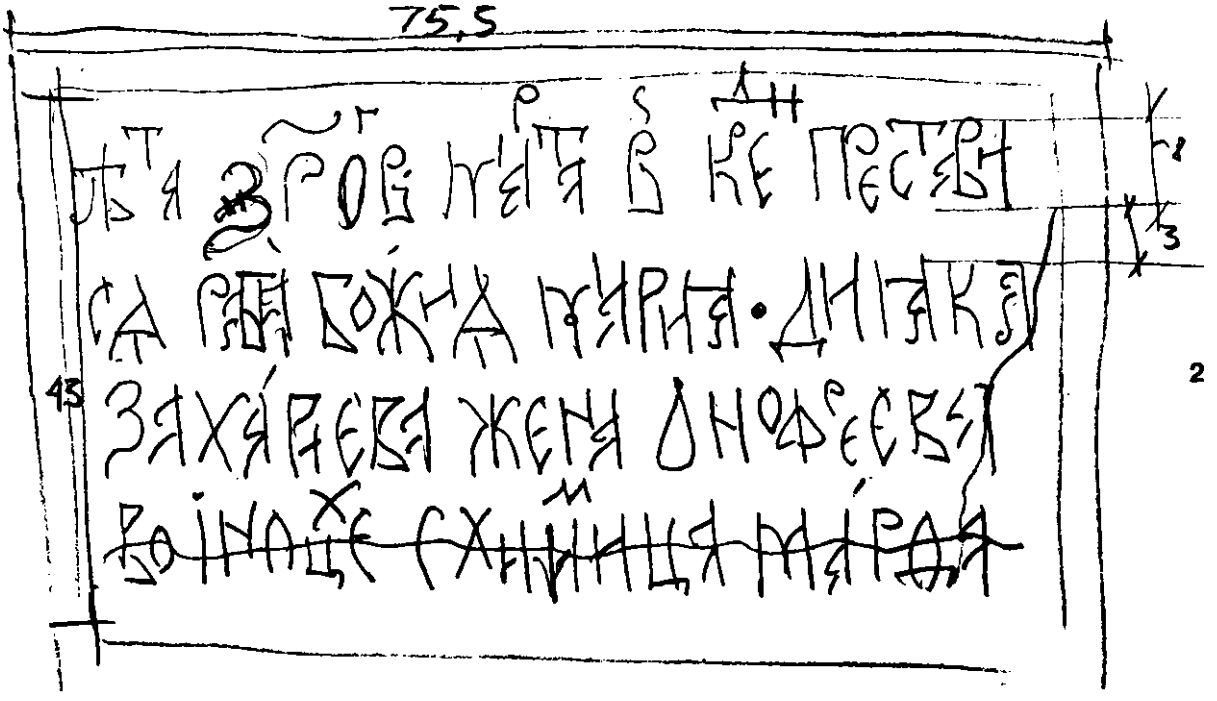
Бм № 24

Плоская плита. Обнаружена в раскопе "Колокольня", к западу от трапезной (1985 г.). In situ, на поверхности кладбища XVI века в ряд с другими, к югу от Бм № 23. Поверхность сильно обожжена и потрескалась. Камень расширен к изголовью. Табл. LXIX 1

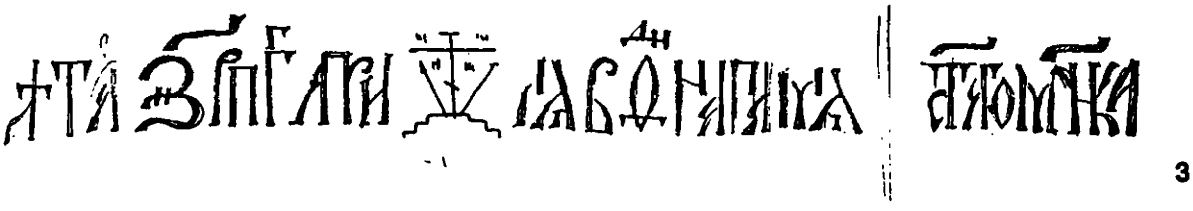
Размеры: 188 х 73/(?) х 15/16 см.

1

2

3

Надписи на плитах XVI–XVII веков. Полевые зарисовки. 1. Плита Андрея Воронцова-Вельяминова, 1595 г. Бм № 24; 2. Торец плиты Марии (Марфы) Онофриевой, 1665 г. Бм № 40; 3. Боковые грани плиты 1675 г. Бм № 36.

Plate LXIX. Inscriptions on the sixteenth- and seventeenth-century graveslabs from Bogoiavlenskii monastery in Moscow. Field-sketches. 1) the graveslab of Andrei Vorontsov-Veliaminov, 1595; 2) front of the graveslab of Maria (Marfa) Onofrieva, 1665; 3) sides of the graveslab, 1675.

Орнамент резной жгутовой. На боковых гранях орнамента нет.

Надпись в четыре строки вязью конца XVI века с удлиненными буквами и вытянутыми мачтами. Читается плохо — поверхность состояла при обнаружении из массы мелких фрагментов и не поддавалась очистке от копоти.

Читается:

1. лѣта *(клеймо)* рв г(о) дек(а)
2. бра в .кз. д(ѣ)н(ь) преставис раб (бо)жий андрей
3. (р?)т[...]ович веламиновъ ворон
4. цовъ

Дата — 27 декабря 7003 (1595) г. — не противоречит оформлению плиты. Это — древнейшее из найденных в монастыре надгробий, безусловно принадлежавших членам рода Вельяминовых-Воронцовых.

Среди представителей этой семьи в конце XVI века известно несколько Андреев, однако выбрать подходящего сложно. Отчество начинается с "рцы" или "веди" — поэтому вряд ли подходит Андрей Иванович по прозвищу Батрак (исчезающий из Боярских списков и Разрядов как раз после 1589/90 г.). Андрей Петрович и Андрей Игнатьевич продолжали служить в первые годы XVII века.

Вопрос о личности погребенного остается открытым. Между "Т" и "ОВИЧ" в отчестве прослеживаются две разновысокие мачты (первая — под перекладиной "Т"), а расстояние между первой буквой слова и "Т" довольно велико и может включать несколько знаков.

Бм № 25

Плоская плита. Обнаружена in situ в раскопе "Колокольня", к западу от трапезной (1985 г.). Крайнее к северу из трех надгробий, лежавших в ряд на поверхности некрополя XVI века и обожженных пожаром начала XVII века. Камень расширен к изголовью.

Орнамент резной жгутовой. Декора на боковых гранях нет.

Поверхность практически уничтожена огнем. Из надписи в пять строк удалось прочесть часть строк 3 и 4.

Читается:

3. [...] евдокеа [...]анова
4. жена се [...]

Попыток найти имя жены или ее мужа в документах не предпринималось.

Бм № 26

Фрагмент плоской плиты. Обнаружен в раскопе "Колокольня", к западу от трапезной (1985 г.), в слое кладбищенского перекопа (ниже плиты Агафьи Головиной: Бм № 32).

Толщина — 12 см.

Орнамент резной жгутовой. Боковые грани не орнаментированы.

От надписи уцелели части двух строк, выполненных простой вязью.

Читается:

1. [...] престависа раб божии
2. [...] семенович гагарин [...]

В конце XVI века известен князь Семен Семенович Гагарин по прозвищу Ветчина. С 1617 г. в службе упоминается Михаил Семенович Гагарин Турок — сначала рындой, а

затем воеводой в Сургуте. Вероятнее принадлежность надгробия отцу, а не сыну, поскольку дата камня должна быть ближе к концу XVI, чем к середине XVII века.

Бм № 27

Фото 31–34

Плита. Обнаружена in situ в раскопе "Колокольня", к западу от трапезной (1985 г.), в ряду с двумя другими камнями некрополя середины XVII века. Сохранность полная (отколот правый край изножия, но и он сохранился). Стоит на фундаменте из белокаменных блоков, вплотную к основанию юго-восточного столба колокольни XVIII–XIX вв. Камень расширен к изголовью.

Размеры: 203 х 78/72 х 29 см.

Орнамент резной жгутовой. Композиция антропоморфная. Рамка широкая — 10 см. Следует говорить не только о резьбе, но и об элементах рельефного декора, поскольку весь фон внутри рамки выбран на 1.5 см. В результате рамка может быть описана как рельефная с резным узором. Тем более рельефны декоративные растительные элементы, исполненные очень живо и необычно в сравнении с "типовыми" памятниками конца XVI — середины XVII века.

В углы изголовья помещены маленькие трилистники. По сторонам от верхнего клейма — цветок, напоминающий тюльпан, обрамленный симметрично расходящимися кверху побегами (поздний вариант лотосовидного орнамента). В клеймах розетки — цветок с четырьмя лепестками и выпуклой сердцевиной.

Орнамент боковых граней — сильно уплощенные, широко расставленные каннелюры, трактуемые как арочки или "ложки". Этот пояс обрамлен сверху и снизу насечками, а затем — полосами трехгранно-выемчатой резьбы (крупные равнобедренные тесно сомкнутые треугольники, графья). На торце изножия орнамента нет.

Манера оформления лицевой грани отражает ориентализацию русской резьбы в середине XVII века. Интересно сопоставить ее с содержанием надписи на плите, которая подчеркнуто орнаментальна и выглядит роскошным эпиграфическим орнаментом.

Надпись в тринадцать строк сохранилась полностью, но многие буквы повреждены. Ею занято все поле внутри рамки, от изголовья до изножия. Орнаментальные вставки искусно обойдены. Буквы нарезаны по вынутому фону (обронная резьба), шрифт декоративный, с лигатурами и выносами, декоративными утолщениями и другими добавочными деталями. Высота строк — 9/10 см, промежутки — 3/5 см. Разбивки на слова нет, но дата смерти выделена небольшими рельефными звездочками.

Читается:

1. лѣта *(клеймо)* рмз г[о]
2. преставися иванови
3. чь зубов на сара
4. тове как шолъ из ас
5. траханта сына ево
6. в астрахани василита
7. не стала и погребен иль
8. та
9. ивано *(клеймо)* вич
10. и с(ы)н ево ва
11. силеи и поло
12. женъ вмест [...]
13. в[ис?]зие[в..?]

Текст отличается оригинальностью, поскольку сообщает не столько дату смерти и погребения, сколько их обстоятельства и отношение погребенных друг к другу.

Надпись сообщает о том, что Илья Иванович Зубов скончался в Саратове по пути из Астрахани (в Москву?), после того, как его сын Василий Ильич умер в Астрахани. К сожалению, конец надписи прочесть пока не удалось — слишком многие буквы осыпались, их можно восстанавливать только по следам, которые в изножии затерты. Видимо, здесь говорится о месте или обстоятельствах погребения обоих покойных, подчеркивается, что они положены "вместе" (ср. текст: Бм № 41в). Нельзя исключить, что строки содержали какое-то уточнение даты погребения или смерти сына Зубова, поскольку тот умер раньше чем отец, время смерти которого также указано черезчур общо.

Указанная дата смерти И. И. Зубова 7147 (1638/1639 г.) не противоречит оформлению плиты, хотя по смыслу рассказа можно понять, что памятник изготовлен несколько позже — например, на рубеже 40-х гг. Об отце кое-что известно. В 1621–22 г. мы видим его вторым воеводой в Березове (вместе с Л. М. Волконским). В 1627 и 1629 гг. он упомянут как "дворянин московский". Его братья — Афанасий, Даниил (о нем см. Бм № 29), Дмитрий — постоянно бывают на воеводстве в городах Сибири.

Роспись Москвы 1638 года показывает их дворы близко один от другого. "Двор Ильи Зубова" назван у "Николая Чюдотворца на Старом Ваганькове на церковной земле на белых местах". В нем "стоит" князь М. А. Кольцов-Мосальский со своими людьми [*Росписной список*. С. 31]. Видимо в это время И. И. Зубов еще жив и дату на плите следует поместить в пределах сентября — декабря 1639 г.

Василий Иванович Зубов по Разрядам не проходит. Возможно, он не успел в службу. "Волжский" эпизод жизни Зубовых, окончившийся их смертью, пока никак не освещен документально. Его дальнейшее изучение кажется возможным и важным.

Бм № 28

Изголовье плиты. Обнаружено in situ в раскопе "Колокольня" (1985 г.), к западу от трапезной, в уровне некрополя середины XVII века, к северу от Бм № 27, в одном с ним ряду. Большая часть плиты уничтожена поздним погребением, от которого осталась стенка склепа из кирпича XVIII века.

Размеры: ширина — 76 см, высота — 36 см.

Орнамент лицевой грани — резной жгутовой, с элементами рельефа, поскольку поверхность внутри рамки выбрана на глубину до 2 см. Боковые грани орнамента не имеют.

Надпись выполнена обронной резьбой, декоративной вязью. Сохранилось две верхние строки и часть букв третьей.

Читается:

1. лѣта ҃з҃ *(клеймо)* ҃рмѳ.
2. іюня вч҃ гі҃ числѣ
3. стой҃ [а҃]н(то)ни(н)ы прѣ[ставис]

Дата смерти — 11 июня 7149 (1641) г. — не противоречит оформлению плиты.

Бм № 29

Массивное надгробие. Обнаружено в раскопе "Колокольня" (1985 г.), западнее трапезной, на поверхности некрополя середины XVII века, в одном ряду с надгробиями Бм № 27 и Бм № 28, севернее последнего. In situ (?) Камень слабо расширен к изголовью.

Размеры: 199 x 70/63 x 41 см.

Орнамент резной жгутовой. Декор боковых граней — каннелюры, обрамленные насечками и полосой трехгранно-выемчатой резьбы.

На лицевой грани резная надпись в четыре строки декоративной вязью, выполненная весьма профессионально.

Читается:

1. лѣта ҂з҃ *(клеймо)* ҁ҃з҃ѕ
2. сентабря в ді дѣнь
3. престависѧ раб божии
4. данило иванович зубов

Дата смерти — 14 сентября 1658 года — не противоречит оформлению надгробия.

Вероятно Данило Иванович приходился младшим братом погребенному под плитой Бм № 27 Илье и дядей Василию Зубовым. В росписи 1638 г. его двор также показан в районе Старого Ваганькова.

Бм № 30

Фото 35, 36

Надгробие. Обнаружено в раскопе "Колокольня" (1985 г.), к западу от трапезной. Сохранилось полностью, но перемещено. Вторично использовано в кладке фундамента северо-восточного столба, так что виден только торец изножия.

Размеры поверхности торца: 77 х 64 см.

Орнамента на боковых гранях нет. Вероятно его нет и на верхней плоскости.

Надгробие имеет надпись на торце изножия, поэтому выглядит как заложенная в кладку памятная плита. Аналогичные надгробия составляют ряд памятников вдоль западной стены трапезной (см. Бм №№ 31–35). Видимо, памятник взят в кладку из этого же ряда.

Надпись — в четыре строки, глубоко и аккуратно врезанными буквами, декоративной вязью конца XVII века. Сохранились следы прокраски букв темным (синим или черным) и красным. Высота букв — 8 см, промежутков — до 5 см. Строки "отбиты" графьей. Рамки нет.

Читается:

1. лѣта ҂з҃ ҁѻи гѡдѹ августа в
2. ѳі д(ѣ)нь престависѧ раб б(о)жиі
3. василеи васильевичь
4. зѹбов

Дата смерти — 19 августа 7178 (1670) г. — не противоречит оформлению плиты. Не исключено, однако, одновременное исполнение всех плит этого ряда в конце 1680 — начале 1690-х гг.

Позволительно пытаться уточнить родственную связь между упомянутыми на плитах Зубовыми. Имя отца повторялось для сына, как правило, в случае преждевременной смерти первого. Следовательно, Василий Васильевич мог быть сыном названного в тексте Бм № 27 Василия Ильича, ранняя или внезапная кончина которого нам известна со значительной долей достоверности. Допуская, что Василий Васильевич родился после смерти отца, можем предположить его появление на свет в 1639 г. Хронологически это возможно — между концом 30-х и концом 70-х гг. прошло 40 лет, а для XVII века это уже солидный возраст.

Бм № 31

Фото 37

Массивное надгробие. Обнаружено in situ в раскопе "Колокольня" (1985 г.), западнее трапезной, в уровне некрополя конца XVII в. Крайнее с севера в восточном ряду. Частично опирается на фундамент простенка колокольни XVIII века. Камень расширен к изголовью.

Размеры: 198 х 63/53 х 51 см.

Орнамента нет, все грани гладко протесаны.

Надпись — на прямоугольной торцевой грани в изголовьи, резана вглубь. Три строки декоративной вязью, по разметке.

Высота строк — 8.5 см, начальные буквы каждого слова и дата сохранили прокраску киноварью, остальные буквы — черной или темносиней краской. Две буквы даты, день месяца и конец его названия отделены точками посредине высоты строки.

Читается:

1. лѣта ҂з҃.ρ҃ч.го марта. в. к҃в. д(ѣ)нь преставис раб
2. б(о)жии иоан алеѯѣевич воронцов вела
3. миновъ

Дата смерти — 22 марта 7190 (1682) г. — не противоречит оформлению плиты.

Бм № 32

Массивное надгробие. Обнаружено in situ в раскопе "Колокольня" (1985 г.), в уровне некрополя конца XVII века. Второе с севера в восточном ряду плит. Левый верхний угол сколот. Камень расширен к изголовью. Фото 38

Размеры: 196 х 74/63 х 62 см.

Орнамент отсутствует, грани гладко протесаны.

На прямоугольном торце изголовья надпись в три строки по разметке. Высота строки — 9 см, промежутка — 4 см. Буквы декоративной вязи глубоко врезаны и прокрашены. Для выделения чисел применяются, кроме титла, точки на уровне середины строки.

Сохранились следы орнаментальной красной прямой полосы, окаймлявшей надпись.

Читается:

1. [лѣта] ҂з҃.ρ҃ѯ҃г.г(о) .сентабрѧ в .к҃. д(ѣ)нь престависѧ
2. раба б(о)жиѧ агаѳиѧ во иноцех схимница анисиа
3. иванова жена петровича головина

Указанная дата — 9 сентября 7163 (1654) г. — представляется слишком ранней для подобного оформления. Весьма вероятно более позднее, конца 80-х — начала 90-х гг., исполнение или повторение плиты. (Ср. Бм №№ 30–32).

Бм № 33

Массивное надгробие. Обнаружено in situ в раскопе "Колокольня" (1985 г.), в помещении западнее трапезной, в восточном ряду памятников конца XVII века. Сохранилось не полностью — западная часть обрублена. Левый верхний угол изголовья поврежден. Камень расширен к изголовью. Фото 39

Размеры: 110 х 68/(?) х 53 см.

Орнамента нет, грани гладко протесаны.

Надпись в три строки глубоко врезанной вязью по графье заполняет почти всю ширину прямоугольного торца.

Читается:

1. [лѣта] ҂з҃ ρ҃ѯ҃г году февралѧ во в҃і дѣн(ь)
2. [прес]тависѧ на слѹжбе великогѡ го(сѵ)д(а)р(ѧ) в вилне раб
3. б(о)жіи алеѯѣй алеѯѣевич воронцов велѧминов

Дата смерти — 12 февраля 1655 г. — представляется слишком ранней для такого оформления. Возможно изготовление или переработка памятника в конце XVII века. (Ср. Бм №№ 30–32, 34–35).

Бм № 34

Фото 41 Массивное надгробие. Обнаружено in situ в раскопе "Колокольня" (1985 г.), к западу от трапезной, в восточном ряду плит на поверхности некрополя конца XVII века. Камень расширен к изголовью.

Размеры: 196 х 65/52 х 63 см.

Орнамента нет, все грани гладко протесаны.

Надпись на прямоугольном торце изголовья — четыре строки врезной декоративной вязью с прокраской красным и темно-синим. Высота строк — около 9 см. Кроме точек в верхней строке, слова разделены небольшими промежутками. Последние две буквы не поместились и перенесены в отдельную строку с уменьшением размера до 4 см.

Читается:

1. лѣта ҂з҃.р҃з҃г г(о). сентѧбрѧ. в .еі҃. д(ѣ)нь престависѧ
2. раба божиѧ евфимиѧ дмитриевна алеѯѣе
3. ва жена кириловича воронцова велѧмино
4. ва

Дата смерти — 15 сентября 1654 г. — слишком ранняя для этого типа оформления. Вероятно повторение надписи позднее — в конце XVII века (Ср. Бм №№ 30–33).

Бм № 35

Фото 42 Массивное надгробие с трапецевидными торцами. Обнаружено in situ в раскопе "Колокольня" (1985 г.), западнее трапезной. Самое северное надгробие в восточном ряду плит на уровне некрополя конца XVII века. Имеет незначительные повреждения. Камень несколько короче остальных, расширен к изголовью. Нижняя трапецевидная грань существенно меньше верхней, поэтому торец не прямоугольный, а в форме трапеции с уменьшенным основанием.

Размеры: 180 х 80/66 х 55 см.

Орнамента нет, поверхность плиты гладко протесана.

Надпись — в три строки декоративной вязью, крупными глубоко врезанными буквами с прокраской инициалов красным, остальных букв темным (синим). Занимает две трети высоты. Ниже — отчетливые следы протески — возможно, срезанный орнамент. Вокруг текста — рамка-графья и следы прокраски фона.

Читается:

1. лѣта ҂зрчз҃ гѡ маїа в з҃ д(ѣ)нь престависѧ раба
2. в(о)жиѧ мариѧ ивановна столника иванова жена
3. федоровича загрѧскова

Дата — 6 мая 7197 (1689) г. — самая поздняя на плитах этого горизонта. Она не противоречит формальному решению надгробия. Переоформление плит, датирующихся серединой века, вероятно было произведено вскоре после ее установки или одновременно с ней. По дате единственное близкое надгробие — Бм № 31, следующий памятник несет дату почти на 20 лет раньше (Бм № 30), а основная группа — в пределах 1650-х гг. (Бм №№ 32–34).

Все пять надгробий, принадлежащих к ряду конца XVII века, стоят на фундаментах из довольно длинных, грубо отесанных блоков белого камня.

Бм № 36

Плоская плита. Обнаружена при работах в помещении алтаря собора. Вторично использована в кладке центральной апсиды в 1690-х гг. (Южный простенок, верхняя часть фундамента, в перевернутом состоянии). Не извлекалась. Изучена видимая часть — торец изголовья и часть левой стороны. Табл. LXIX 3

Размеры: ширина торца — 80 см, толщина — 21 см.

На лицевой поверхности, сколько можно судить, орнамента нет, как и на боковых сторонах. В центре торца — изображение Голгофского креста с орудиями страстей, исполненное врезанными линиями, с необходимыми буквенными обозначениями. Фото 43, 44

Надпись в одну строку, резана декоративной вязью. Начинается на торце, продолжается на правой грани.

Читается:

(на торце)

лѣта ҂ зрпг г(о) апри *(Голгофа)* лѧ в ѳ҃ д(ѣ)н(ь) на памѧ[ть]

(на правой боковой стороне)

с(вѧ)таго м(ч)ч(є)ника [...]

Указанная дата — 9 апреля 7183 (1675) г. — соответствует оформлению надгробия.

Бм № 37

Фрагмент надгробия. Обнаружен при работах в алтаре, в кладке фундамента центральной апсиды, рядом с плитой Бм № 36. Вторично использован в конце XVII века. Камень расширен к изголовью. Фото 43, 44

Размеры: (?) х 63 х 18 см.

Орнамент верхней грани — резной жгутовой. Орнамент боковых граней — каннелированный, ранний. Желобки плотно сомкнуты. Над ними "антаблемент" из двух полочек. Нижняя полочка оформлена насечками в виде "веревочки".

Сохранилась верхняя строка надписи вязью тонкими резными линиями, и часть следующей. По техническим обстоятельствам находки не было возможности прочесть текст.

Дата по особенностям оформления — последняя четверть XVI — первые годы XVII века.

Бм № 38

Плита. Обнаружена и описана Н. П. Пахомовым при наблюдениях 1985 г. за прокладкой траншеи вдоль южного фасада собора, в группе других памятников.

Размеры: 220 х 55 — 60 х ? см.

Орнаментированы лицевая грань и боковая сторона. Вероятно, жгутовая резьба и каннелюры.

Текст нарезан декоративной углубленной вязью. Зафиксирована дата и имя погребенной: 1655 г., Марфа Васильева жена Яковлевича Колтовского. Указанная дата не противоречит типу оформления.

Бм № 39

Плита. Обнаружена и описана Н. П. Пахомовым при наблюдениях 1985 г. за прокладкой траншеи вдоль южного фасада собора, в 20 см восточнее надгробия Бм № 38, в линию с ним.

Размеры: 134 х 63/43 х 23 см.

Боковые грани орнаментированы (каннелюры?). На лицевой поверхности сохранилась врезанная декоративной вязью надпись в шесть строк.

Читается:

1. лѣта ҂з҃ *(клеймо)* рни го
2. августа в ді дѣнь преста
3. вис раба божиа деви
4. ца мариа рни августа
5. в ки день преставис раб
6. божии младенец наков

Даты смерти — 14 и 28 августа 7158 (1650) г. — не противоречат описанным деталям оформления или формуле текста.

Бм № 40

Табл. LXIX 2

Фрагмент изголовья массивного надгробия. Обнаружен при наблюдениях за земляными работами на углу улиц Никольской и Богоявленского переулка (22.06.1986), в остатках фундамента дома(?) конца XVII—XVIII вв., вдоль которого проходила деревянная дренажная труба того же периода.

Размеры: (?) х 75.5 х 67 см.

Орнаментов на гранях нет.

Надпись в четыре строки тонкой глубоко врезанной вязью на торце высокого изголовья, занимает его верхнюю часть. Нижняя строка повреждена, но восстанавливается.

Размер поля надписи: 74 х 43 см. Высота строк — 8 см, промежуток — 3 см.

Читается:

1. лѣта ҂зров г(о) марта в кѣ д(ѣ)н(ь) престави
2. см раба божиа мариа. диака
3. захариева жена онофреева
4. во іноцех схимница мар҃а

Указанная дата смерти — 25 марта 7173 (1665) г. — соответствует оформлению плиты.

Захарий Онофриев — пожалован из торговых людей в дьяки и назначен на Казенный двор (12 марта 1647 г.), где и был по февраль 1654 г. [*Веселовский*, 1975. С. 388].

Бм № 41 (а, б, в, г)

Четыре надгробия, обнаруженные при строительстве метрополитена в 1935—36 гг. (шахта № 53 на территории монастыря). [Опубликованы: *Горюнова*, 1947. С. 47].

(а) — плита 1546 г. с треугольчатым орнаментом; устойчивая антропоморфная композиция; полукруглое верхнее клеймо; надпись в шесть строк тонкой умеренно-вытянутой вязью, искусно вкомпонована в пространство между орнаментальными элементами. Текст: "Лет ЗND преставис раб божий Федор Иванович Нао(у)мов генваря в КГ день". [Подробное описание: *Гиршберг-1.* № 41. С. 27—28].

(б) — плита 1637 г. с надписью: "Лета ЗРЛВ декабря в Д день на память святыя великомученицы Варвары и преподобного отца нашего Ивана Дамаскина преставися раба божия окольничего князя Григорьева жена Константиновича Волконского княгиня Марья Осиповна дочь Осифа Тимофеевича Плещеева". Упомянут жгутовой орнамент.

Орнамента на боковых гранях, видимо, не было. [Описание и библиография: *Гиршберг-2.* № 230. С. 254–255. Табл. IX. Рис. 3.].

(в) — плита 1642 г. с надписью: "Лета ЗРN году апреля в SI день на память святых мучениц Ирины и Огапии и Леонии преставис раба божия Мария Иванова жена Ондреева сына Безобразова а погребено тело ее подле мужа ее Ивана и дочери Гликерьи". (Ср. окончание надписи и оформление текста с Бм № 27).

Дата читалась Е. И. Горюновой как 7153 год, заново прочитана В. Б. Гиршбергом как 7150 г. Следую последнему чтению. [Подробное описание: *Гиршберг-2.* № 241. С. 258-259. Табл. IX. Рис. 2.].

(г) — плита 1655 г. с надписью "Лета 7164 в 23 день преставися раб божий князь Прокофей Демьянович лов". Орнамент жгутовой. Вторично опубликована с чтением фамилии: "Смайлов" [*Гиршберг,* 1952. С. 142].

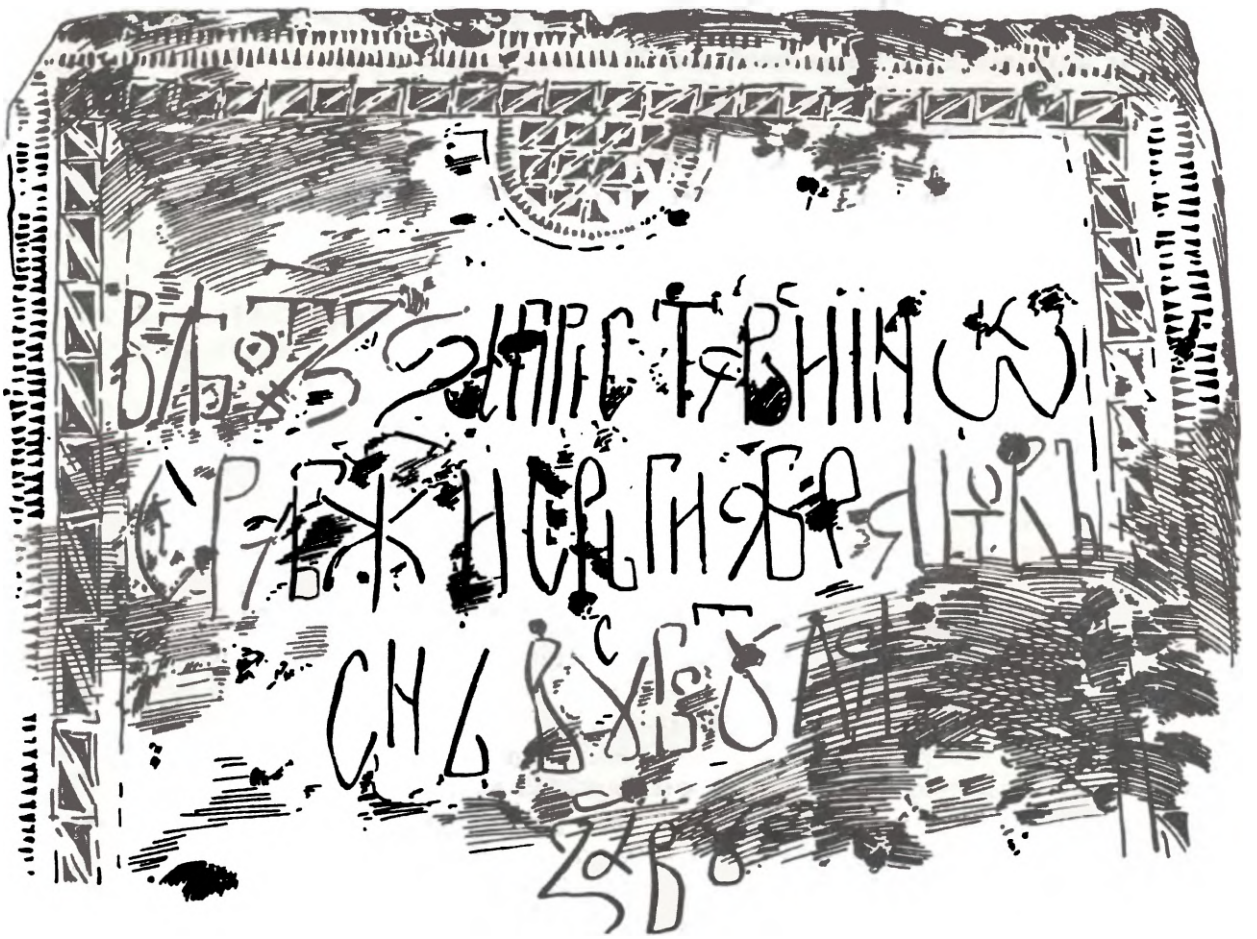
Бм № 42

Под этим номером условно показаны 32 текста, датированные XVII веком, списанные с плит внутри собора и опубликованные среди более поздних надписей в XIX веке [*Снегирев,* 1876]. Часть их, практически без комментариев, повторена в своде В. Б. Гиршберга.

Такой подход кажется не совсем верным. Неутомимый краевед И. М. Снегирев следовал правилам историков своего времени и не давал ни описаний, ни изображений памятников. Мы не можем проверить аутентичности текстов или пополнить наши знания о развитии декора. Однако поздняя нарезка или переоформление ряда ранних надгробий — совершенно очевидны. Например, в тексте с датой 1625 г. упомянуты "граф и графиня" Головины, причем весь формуляр явно следует традиции XVIII века [*Снегирев,* 1876. № 135]. Мы вправе заподозрить либо неверное чтение, либо позднейшее исполнение надписи. Все надписи с № 93 по № 95 на стене Казанской церкви выполнены не ранее 1730-х гг., хотя № 93 датирован 1668 г., и так далее.

Приведение в порядок списка И. М. Снегирева требует тщательной проверки генеалогии нескольких дворянских княжеских фамилий в пределах XVII–XVIII вв. Эта работа с большим успехом может быть проведена в рамках изучения материалов по Богоявленскому монастырю в период Нового времени.

Тем не менее, совсем пренебречь текстами И. М. Снегирева — значит обеднить список монастырского некрополя XVII века.

Изголовье надгробия Сергея Абрамова († 1498 или 1508 г.). ВПм № 4. Прорисовка.

Plate LXX. Head of the graveslab of Sergei Abramov († 1498 or 1508) from Vysoko-Petrovskii monastery in Moscow. Drawing.

НАДГРОБИЯ ВЫСОКО-ПЕТРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Общая характеристика

Некрополь Высоко-Петровского монастыря в XVIII–XIX вв. был одним из самых известных в Москве. Однако интерес всегда сосредотачивался на памятниках конца XVII — начала XVIII века — эпохи, когда монастырю оказывали особое внимание Нарышкины и сам государь Петр Алексеевич — как известно, из этого рода происходивший. В последней трети XVII века монастырь получает большой участок земли от Кирилла Нарышкина, деда Петра I, прилегавшие к владениям монастыря здания, богатые вклады. В 1680-х и особенно в 1690-х гг. здесь строят новые храмы, кельи, колокольню и многое другое. В церкви во имя Образа Божьей матери Боголюбской, специально привезенного Петром, хоронят его родичей с материнской стороны, погибших во время стрелецких мятежей. Понятно, что кладбище Нарышкиных описывали неоднократно и сравнительно подробно. Их некрополь, однако, был полностью уничтожен после упразднения монастыря, сохранилась лишь погребальная церковь, остатки склепа, один — два памятника XIX века.

Сегодня можно изучать скорее плиты XVI — середины XVII века, абсолютно неизвестные до революции. Делать это очень важно, поскольку ранний период монастырского некрополя с точки зрения истории надгробия и средневекового погребального обряда необычайно интересен. Главные его свойства — древность, неплохая сохранность, простота стратиграфии и доступность материала, довольно многочисленного.

Эти достоинства проявились при работах 1980-х гг., включавших археологическое и архитектурное исследование центральной территории монастырского двора [*Монастыри*. С. 152–176].

Основные участки некрополя. Скопления надгробий

При раскопках выяснилось, что древний некрополь занимал когда-то пространство, на котором стоит ныне храм Петра Митрополита (оказавшийся памятником не конца XVII, а начала XVI века). Здесь, примерно на глубине 1 м, уцелели участки кладбища XVI–XVII вв., впоследствии не перекапывавшиеся, с плитами, лежащими на своих мес-

тах, с остатками отмосток и дорожек. Прослеживаются многие мелкие детали организации пространства, смены памятников — совершенно неизвестные на других некрополях

Ближайший к собору участок застроен в начале XVIII века округлой четырехлепестковой галереей, которая прикрыла лежавший ниже некрополь и, частично переработав
Фото 96 его слои, — все же сохранила их от дальнейшей порчи. Взятые с некрополя плиты тоже не пропали, но были использованы в кладках, обеспечив их датировку. Основания четырех столбов западного крыльца, сооруженные в середине — третьей четверти XVII века, были сложены практически из одних надгробий.

Этот "исторический склад" удалось исследовать, хотя и не целиком, в ходе реставрационных работ. Изучение кладок показало, что они являются настоящими сокровищницами сведений по эпиграфике и истории декора надгробий. Основная масса плит, конечно, осталась неизученной. В будущем возможно возобновление работ со специальной целью зафиксировать все уложенные в фундаменты плиты.

Внутри собора сохранилась поверхность некрополя XIV–XV вв., на которой первым же шурфом было обнаружено одно надгробие in situ. При широких раскопках, несомненно, будут найдены и другие.

Ряд памятников был перемещен в XX веке. Это несколько камней XVII и целая вереница саркофагообразных надгробий XVIII века, расставленных вблизи колокольни во дворе. Памятники, относящиеся к интересующему нас периоду, зафиксированы. Остальные ждут исследования. (По воспоминаниям старожилов, ряд из которых вполне заслуживает доверия, в монастыре еще в 1940–50-х гг. имелся штабель белокаменных надгробий, который позже куда-то исчез, — во всяком случае, в 1970-х гг. его уже не было).

Следует подчеркнуть, что погребения практически не изучались, возможность их исследования сохраняется. (Многие плиты оставлены на местах, участки поднятых — зафиксированы на планах). Все же небольшая часть некрополя изучена с целью установить археологическую и архитектурную стратиграфию. Несколько погребений XV — XVI вв. были обследованы, поэтому плиты можно рассмотреть вместе с другими элементами погребального комплекса.

Особенности учета. Хранение материала

Строительные работы в Высоко-Петровском монастыре не были ни особенно быстрыми, ни энергичными, что оставляло много времени для тщательной фиксации и медленного, подробного изучения каждой ситуации. В частности, велся сплошной, а не погодный список обнаруживаемых надгробий и их фрагментов, который включил почти весь материал. Поэтому кажется целесообразным в каталоге приводить и номера по этому списку (чего не делалось для двух других коллекций, хотя подобные списки существуют и среди их полевой документации). Материалы исследований находятся в архиве Института "Спецпроектреставрация", их первые экземпляры — в архиве Института археологии РАН (перечислены в конце очерка). В статьях каталога указывается поэтому только год и номер по списку.

К сожалению, наши попытки (мои и главного архитектора, реставратора Б. П. Дедушенко) передать плиты для хранения в один из музеев не увенчались успехом. Большая часть их сохраняется на месте обнаружения, в кладках или на поверхности некрополя (под консервирующей насыпью), другие — в ставшем уже традиционном месте их складывания, на дерновом газоне к югу от колокольни. Остальные археологические на-

ходки 1980-х гг. переданы в Музей истории города Москвы. (См. погодные отчеты в Архиве Института археологии РАН: *Л. А. Беляев, М. В. Фролов.* Отчет о раскопках на территории Высоко-Петровского монастыря в г. Москве, 1980 г. // Р-1. № 8572; *Л. А. Беляев.* Отчет об археологических исследованиях Высоко-Петровского монастыря. 1981 г. // Р-1. № 8535; Л. А. Беляев. Отчет об археологических исследованиях на территории Высоко-Петровского монастыря в 1982 г. // Р-1. № 8953; *Л. А. Беляев.* Отчет о научных археологических исследованиях на территории Высоко-Петровского монастыря в 1983 г. // Р-1. № 9754; *Л. А. Беляев.* Отчет об археологических исследованиях на территории Высоко-Петровского монастыря в 1984 г. // Р-1. № 11701; *Л. А. Беляев.* Отчет об археологических исследованиях Высоко-Петровского монастыря и церкви Сергия Радонежского в Крапивниках в Москве. 1986 г. // Р-1. № 11505).

Описание надгробий

ВПм № 1

Фрагмент плоской плиты (изножие). Обнаружен in situ при раскопках. Уровень некрополя XIV–XVI вв. Погребение не вскрывалось. (Шурф № 1 у южной площадки крыльца галереи церкви Петра Митрополита. Отчет 1980 г. № 10. С. 27–28. Табл. 2 и 6). Камень имеет прямоугольную форму.

Размеры: (60) х 35 х 10/12 см.

Поверхность и боковые грани тщательно протесаны. Ребра и углы смягчены и заглажены — возможно, выхожены. Нижняя грань сохранила бугристую структуру ломаного камня, что характерно и для других плит.

Орнамент и надпись отсутствуют. Дата по стратиграфии в пределах XIV–XV вв., аналоги позволяют говорить скорее о XIV веке.

ВПм № 2

Фрагмент плоской плиты. Обнаружен при земляных работах юго-западнее церкви Петра Митрополита. (Отчет 1982 г. № 21. С. 33–34. Рис. 71). Камень имеет, по-видимому, прямоугольную форму. Фото 48

Размеры: (25) х 47 х 8/10 см.

Орнамент резной треугольчатый. Две ленты противопоставленных равносторонних треугольников вдоль краев, отделенные графьей. Графья разделяет также отдельные треугольники. Размер стороны треугольников — 1.8 см, ширина образуемой "змейки" очень значительна — 1.8/2.0 см. Расстановка треугольников свободная.

Орнамента на боковых гранях нет. Надписи нет.

Дата по аналогам — XIV–XV вв.

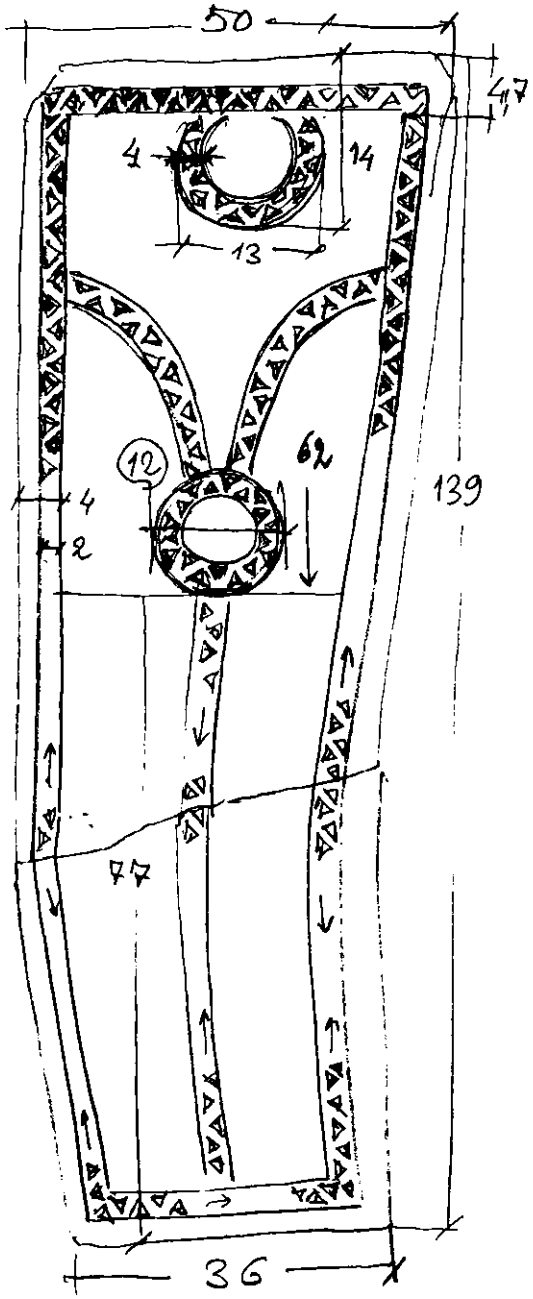
ВПм № 3

Плоская плита. Обнаружена при раскопках в шурфе внутри церкви Петра Митрополита. [Отчет 1983 г. № 48. С. 22]. Табл. LXXI 1

In situ, над погребением, совершенным до постройки каменного собора (1510-е гг.). Погребение не вскрывалось. Камень имеет неправильную форму, расширяется к изголовью.

Размеры: 139 х 50/36 х 11 см.

Орнамент резной треугольчатый. Композиция антропоморфная, устойчивая, образована одной лентой противопоставленных треугольников общей шириной 2 см. Бордюр

1

2

1. Плита рубежа XV–XVI веков. ВПм № 3. Полевой обмер; 2. Плита 1538/39 г. ВПм № 8. Рисунок.

Plate LXXI. The fifteenth- and sixteenth-centuries graveslabs from Vysoko-Petrovskii monastery in Moscow: 1) turn of the fifteenth- and sixteenth-centuries graveslab. Field-sketch and drawing; 2) the graveslab from 1538/39. Drawing.

следует неровностям краев. Верхнее клеймо — неполный круг диаметром 13 см из одного ряда треугольников. Центральное — примерно в середине плиты (77 см от изножия) — круг диаметром 12 см. Оба не имеют заполнений. От центрального клейма к изножию отходит осевая лента, к боковым ребрам — плавно изогнутые "плечики". Никаких дополнительных элементов нет. Орнамента на боковых сторонах нет.

Дата по аналогам, вторая половина XIV — начало XVI века, что вполне соответствует стратиграфии.

ВПм № 4

Верхняя часть плоской плиты. Обнаружена при раскопках южнее церкви Петра Митрополита на уровне кладбища XVI века. [Отчет 1980 г. № 1. С. 17–18. Табл. 7–11]. Возможно, in situ, — уровень ниже поверхности кладбища не исследован. Камень расширен к изголовью. Фото 47, 49

Размер: (95) х 64/(?) х 14/16 см. Табл. LXX

Орнамент резной треугольчатый, композиция устойчивая антропоморфная. Бордюр и "плечики" образованы лентой мелких противопоставленных треугольников вытянутых пропорций, сторона — 6/8 мм. В изголовьи — дополнительная рамка из соединенных гипотенузой прямоугольных треугольников ("косынки"). Ширина ленты — 1.5 см, длина прямоугольника — 3 см. Верхнее клеймо близко к полукругу, заполнено тремя рядами таких же диагонально разделенных прямоугольников с врезанными в них "косынками".

Ниже клейма — надпись-граффити в четыре строки, вполне уверенная. Почерк уверенный полууставный, с лигатурами и выносными буквами, вытянутых пропорций. Писал не профессиональный каменосечец, но привычный к книжному делу человек. Предварительная разметка отсутствует, параллельность строк соблюдена плохо.

Читается:

1. в лето ѕѕі престависѧ їнѡк
2. сє[и] раб (бо)жии серьги(й) абрамовъ
3. с(ы)нъ в сѹботѹ ла
4. зар(є)вѹ

Суббота Лазарева — в шестую неделю Великого поста. Ясно написанные первые буквы дают дату 7006 (1498 г.). Она кажется слишком ранней в сравнении с декором плиты. Подобные варианты резьбы распространяются только со второй трети XVI века. Между "зело" и словом "преставис" видна мачта какого-то знака. Можно толковать ее как "есть" ("семь тысяч седьмое"), или как цифру 10, обозначенную "йотой". В последнем случае памятник войдет в круг надгробий начала XVI века (1508 г.).

Надпись, при достаточной свободе составления (а это ранний признак), палеографически ближе графике первой половины XVI, чем наиболее архаичным почеркам конца XV века. Не следует исключать более позднего, чем дата, исполнения плиты. Оставим 1498 или 1508 год "в подозрении".

ВПм № 5

Фрагмент левой части изголовья плиты. Обнаружен при переборке юго-западной части галереи начала XVIII века. Вторично использован. (Отчет 1983 г. С. 16, 20. Рис. 38). Фото 52

Размеры: (46) х (40) х 20 см.

Прослеживаются остатки треугольчатого мелкого орнамента — бордюр и клеймо. Вероятна антропоморфная устойчивая композиция.

Остатки надписи состоят из начала трех строк. Нижняя практически не читается, но первые позволяют реконструировать дату и имя погребенного. Высота строк — 10 см, промежуток — 4 см. Вероятно, использовалась разметка. Буквы резаны вглубь, пропорции вытянуты, применяются лигатуры и выносы.

Читается:

1. лѣт ҃з҃кн҃ июлѧ. ла҃ (?)
2. и[лiи] прⷣстависⷣ епїѳ

Весьма ранняя дата — 7028 (1519) г. — не противоречит декору и палеографии. Плита очень стерта, поэтому нет уверенности в правильности чтения дня смерти и имени святого. К буквам года это не относится. 31 июля есть празднование св. Иулитте.

ВПм № 6

Фото 50

"Верх" крупной плиты. Обнаружен в цоколе юго-восточного пилона западного крыльца церкви Петра Митрополита, пристроенного в XVII веке. (Отчет 1982 г. № 12. С. 23. Рис. 57–58). Камень расширен к изголовью.

Размеры: (104) x 62/(60) x 34 см.

Орнамент резной треугольчатый. Композиция антропоморфная устойчивая. Образована лентами однородных мелких треугольников вытянутых пропорций, в графье. Бордюр и плечики — из противопоставленных, далеко разведенных линий треугольников (ширина в графье — 5 см). Внутренняя рамка — из одного ряда треугольников вершинами наружу — практически повторяет бордюр, что необычно. Клейма не были видны. Орнамента на боковых гранях нет.

Надпись в две строки, опущена ближе к "плечикам". Высота строк — 9.5, промежутка — 4.5 см. Выполнена врезанными буквами вытянутых пропорций, по разметке, простой ранней вязью. Вертикальные элементы подчеркнуто расширены, хотя и не так сильно, как в надписях конца века.

Читается:

1. лѣт ҃зм҃ (г)о марта в ҃si҃ день прⷣставис
2. василеи wгаѳонов с(ы)нъ ширѧев солодѧнин

Дата смерти Василия Агафоновича Ширяева — 16 марта 7040 (1532) г. — не противоречит оформлению надгробия. Привлекает внимание последнее слово, определяющее род занятий. Солодяники (солодяне, солодежники, солодовщики) — изготовители и продавцы солода. Селились неподалеку от монастыря, в том числе — в монастырской слободе.

Семейство Ширяевых в этой местности мне неизвестно, сама же фамилия (от "Ширяй" — широкоплечий) — очень распространена в средневековой Руси.

ВПм № 7

Фото 53, 54

Верхняя часть плоской плиты. Обнаружена в строительной засыпке под одной из арок галереи начала XVIII века. Переотложена. (Отчет 1980 г. № 3. С. '20. Табл. 13–18). Камень расширен к изголовью.

Размеры: (125) x 82/(?) x 16/18 см.

Орнамент резной треугольчатый. Композиция антропоморфная устойчивая. Ленты набраны из однообразных маленьких треугольников (сторона — 8 мм), окружены графьей. В бордюре, "плечиках" и окружности обоих клейм они противопоставлены, причем есть разница в сближении рядов. В бордюре расстояние меньше, поэтому лента образует

"змейку" с острыми переломами ("зигзаг"). Внутренние элементы имеют более широкий промежуток, так что треугольники даже не касаются вершинами. Внутренняя рамка для надписи состоит из одинарной ленты треугольников вершинами наружу, вдоль торца таких лент пущено две. Клейма внутри заполнены "солнышком" из вытянутых глубоких треугольников. Клеймо изголовья — меньше полуокружности. Боковые грани без орнамента.

Для надписи оставлено сравнительно немного места, и она заполняет его целиком, начинаясь ниже клейма. Надпись вязью в пять строк — две в ширину поля, три вкомпонованы между "плечиками". Высота строк — 8 см, промежутков — 2 см. Буквы — врезанные, имеют вытянутые пропорции при тонких вертикальных элементах. Простые формы букв перемежаются довольно вычурными, что оставляет, при всей отделанности надписи, ощущение претенциозности.

Ниже правого "плечика" сохранились нарезки букв "Н" и "Ш"("Т"?) — возможно, проба резца или знак мастера.

Читается:

1. лет з҃.мд го. декабря л҃. д(ѣнь) святыа мч(ени)цы анусии преста
2. вися рабъ божеи иванъ александровичъ беззубцов
3. нареченнии въ и
4. ноцехъ ию
5. на

Дата смерти Ивана Александровича Беззубцева — 30 декабря 7044 (1535) г. — не противоречит оформлению плиты. День праздника совпадает с календарным.

Погребенный, вероятно, относился к роду бояр Беззубцевых, одному из древнейших в среде московской знати. Его выводили от известного боярина первой половины XV века, Александра Федоровича Кошки (Беззубца), который мог приходиться Ивану Александровичу прадедом. Вероятный отец — Александр Константинович Беззубцев Сова (вторая половина XV века), который имел сына Ивана: "один сын Иван. А по росписи Шереметевых Иван был бездетен" [*Бархатная книга,* С. 127]. Андрей Константинович Шеремет — брат Совы — приходился, таким образом, дядей Ивану Александровичу. Впрочем, нужно отметить, что в актах первой трети XVI века встречается довольно много Ивановичей из рода Беззубцевых — Семен, Федор и другие, которые по возрасту могли бы приходиться Ивану Александровичу сыновьями.

ВПм № 8

Плоское маленькое надгробие. Обнаружено при земляных работах к западу от церкви Петра Митрополита. Переотложено. Изножие не сохранилось. (Отчет 1982 г. № 18. С. 32. Рис. 68–69). Камень расширен к изголовью. Фото 51

Размеры: (68) x 40 x 10 см. Табл. LXXI 2

Орнамент резной треугольчатый. Композиция антропоморфная устойчивая. Бордюр нарезан лентой мелких вытянутых треугольников, противопоставленных друг другу так, что вершины не соприкасаются. Лента — 25 мм шириной, без графьи, отстоит на 12 мм от края. Внутренняя дополнительная рамка отчеркнута графьей. Она состоит по бокам из мелких треугольников в один ряд вершинами наружу. В изголовьи пущена лента из противопоставленных крупных и глубоких равнобедренных треугольников. Образовавшаяся "змейка" подчеркнута зигзаговидной графьей. Вся лента также дополнительно отчеркнута с двух сторон. Основание треугольника — 8 мм, высота — 1 см, ширина всей

ленты по графье — 2 см. Интересно, что лента бордюра в изголовьи также несколько крупнее, чем по бокам, и образует "змейку" с острыми переломами. Клейма обведены одним рядом мелких треугольников в графье, внутри заполнены многолучевой розеткой с "лепестками" в виде вытянутых треугольников вершинами к центру. Диаметр среднего круга — 12 см, верхний сегмент — 9.5 см. Орнамента на боковых гранях нет.

В изголовьи ниже клейма, вплотную к нему, проходит надпись из глубоко врезанных букв в одну строку. Высота букв — 6 см. Пропорции вытянутые.

Читается:

лєт. ҂з. мз го. пр(єставися?)

Дата — 7047 (1538/1539) г. — не противоречит оформлению плиты, хотя это весьма ранний случай применения крупных равнобедренных треугольников такого типа, более характерных для середины и особенно — для 1560-х гг. Незавершенная надпись, имеющая только дату, — довольно обычный случай для русского средневекового надгробия.

ВПм № 9

Фото 56

Табл. LXXII 2

Плоская плита. Обнаружена in situ при раскопках вокруг галереи церкви Петра Митрополита, к востоку от ее центрального восточного столба. (Отчет 1986 г. № 52. С. 4–5. Рис. 1). Погребение не вскрывалось. Плита частично перекрыта кладкой галереи начала XVIII века.

Ниже "плечиков" поверхность плиты полностью испорчена. Верхнее клеймо недоступно обмеру. Камень расширен к изголовью.

Размеры: (73) x 75/(67) x 14 см.

Орнамент резной треугольчатый, композиция антропоморфная устойчивая. Ленты без графьи, из мелких треугольничков. Бордюр и "плечики" — из двойных рядов, сдвинутых довольно близко, внутренняя рамка для надписи — из одинарного ряда вершинами наружу. Дополнительный внутренний бордюр проходит вдоль изголовья, над клеймом. Его образуют сопоставленные гипотенузами прямоугольные треугольники, типичные для второй трети XVI века. Орнамента на боковых гранях нет.

Резаная вглубь надпись в четыре строки целиком заполняет оставленное рамкой место. Сохранилась полностью. Она выполнена изящно, уверенной декоративной вязью середины столетия с несколько возросшей уже шириной вертикальных элементов. Высота строк — 11/11.5 см. Промежутки — 4 см — активно использованы для выносов и значков.

Читается:

1. **лєт ҂з.нѳ.г(о) мєс(ѧц)а авгꙋ̑ста въ**
2. **҃є д(ѣ)нь на памѧт(ь) с(вѧ)т(о)го м(ꙋ)ч(є)ника євсє(г)ниа**
3. **прєстави(с)є рабъ божеї спаскои**
4. **с(вѧ)щ(є)нїкъ іевъ а во їноцѣх иван**

Дата смерти — 5 августа 7059 (1551) г. — соответствует оформлению плиты, хотя и несколько старомодна для середины столетия.

В какой именно Спасской церкви был священником Иван/Иов, неясно. В монастыре такой престол неизвестен, также как в его близких окрестностях.

ВПм № 10

Фото 55

Плоская плита. Обнаружена in situ при раскопках вокруг галереи церкви Петра Митрополита. (Отчет 1982 г. № 2. С. 18–19. Табл. 12). Край изголовья перекрыт фунда-

Надписи надгробий XVI века. Полевые зарисовки. 1. Граффити на торце плиты Окулины Атрепьевой, 1570/71 г. ВПм № 13; 2. Плита спасского священника Иева (Ивана). 1551 г. ВПм № 9; 3. Плита Никона Степановича Милославского. 1598 г. ВПм № 14.

Plate LXXII. Inscriptions on the sixteenth-century graveslabs from Vysoko-Petrovskii monastery in Moscow. Field sketches. 1) graffiti on the front side of the graveslab of Okulina Atrepieva, 1570/71; 2) the graveslab of a priest Iev (Ivan), 1551; 3) the graveslab of Nikon Stepanovitch Miloslavskii, 1598.

ментом галереи начала XVIII века, левый край изголовья испорчен. Погребение не вскрывалось. Камень расширен к изголовью.

Размеры: (140) х 69/(?) х 15 см.

Орнамент резной треугольчатый. Композиция антропоморфная, устойчивая. Бордюр из мелких треугольников (сторона — 7/8 мм) без графьи, сдвинутых близко (менее 2 см) и образующих "змейку"- зигзаг. Внутренняя рамка для надписи — из крупных равносторонних треугольников (сторона — 1/1.3 см), отчеркнута графьей. Верхнее клеймо сохранилось не полностью — видна часть круга диаметром 9.5 см из одного ряда мелких треугольников вершинами внутрь, обведенного графьей, и розетка с "лепестками" в виде узких треугольников вершинами к центру.

Ниже клейма во всю ширину поля проходит надпись из трех строк простой ранней вязью. Высота строки — 7/6 см, промежутки — 1/2 см. Буквы нарезаны глубокими бороздками, причем не только вертикальные элементы, но и косые, и округлые — что отличает почерк от других плит (ВПм №№ 6, 7, 9).

Читается:

1. [лета҃з] з҃.о҃. м(єсѧ)ца мая ла҃ д(ѣ)нь прє
2. (ста)виса инокъ єронтеи
3. скиникъ

Особенность построения надписи — выделение некоторых слов пропусками.

К сожалению, дата сохранилась не полностью. Хорошо читается последняя буква — "фита", но перед ней стоит литера, остатки которой можно трактовать как "зело" или "кси". В первом случае это 7069, во втором — 7009. Дата, судя по оформлению плиты, должна находиться во второй трети или последней четверти XVI века. 7009 год не подходит — слишком рано. Наиболее вероятная дата смерти схимника Геронтия — 31 мая 7069 (1561) г.

ВПм № 11

Фото 56–60

Массивное надгробие. Обнаружено in situ при раскопках вокруг галереи начала XVIII века у одного из юго-восточных столбов. (Отчет 1982 г. № 15. С. 26–29. Рис. 60–63). Сохранилась отмостка вокруг надгробия и подставка(?) под него из плиты XVI века. (Ср. ВПм № 29). Камень имеет форму параллелепипеда.

Размеры: 200 х 70 х 36 см.

Орнамент резной жгутовой, очень тщательно выполнен. Расстояние от изголовья до среднего клейма — 110 см. Клейма образуют четкие круг и полукруг, в плетеном обрамлении помещены четырехлепестковые розетки ("раскрытый цветок"). Боковой орнамент — двойные каннелюры раннего типа, сверху и снизу обрамлены рельефной "веревочкой", а за ней — "полочкой".

Надпись в четыре строки, декоративным шрифтом соразмерных пропорций, ниже клейма. Элементы вязи использованы экономно, буквы расставлены свободно и довольно широки. Мачты утолщены. Высота строк — 9 см, промежутки — 3.5 см.

Читается:

1. лет҃з҃. о҃а҃. г(о) ѡктѧбрѧ к҃д д(ѣ)нь прє
2. стависа ра(б бо)жий инок ски
3. мникъ конанъ клементиев
4. сын ножевникъ

Дата, указанная на плите — 24 октября 7071 (1562) г. — кажется слишком ранней. Этот тип оформления характерен для конца XVI и особенно — первой половины XVII века. Если со жгутовым орнаментом, даже при наличии сложных розеток, еще можно примириться, то появление каннелюр датируется двадцатью годами позже. Возможно, здесь мы встречаем несоответствие даты смерти и момента изготовления плиты. Возможно, подтверждение тому — лежащая под камнем ВПм № 11 еще одна плита — без надписи, но с орнаментом, соответствующим середине XVI века (ВПм № 29). Погребение под плитой не вскрывалось.

Конечно, нельзя исключать и возможность изменения наших взглядов на время появления каннелированных надгробий. Абсолютный аналог декору памятника — плита Фетинии Прокофьевны Ляпуновой (1588 г.) [*Ермонская,* 1971. С. 36].

Ножевники — торговцы скобяными изделиями — распространенная профессия в средневековой Москве. В описи 1638 г. их названо несколько, в актах начала XVI века они выступают как торговая корпорация [*Бахрушин,* 1952. С. 168]. Конан Клементьв (или Клементиевич) мне неизвестен.

ВПм № 12

Плоская плита. Обнаружена в выстилке западного крыльца XVII века церкви Петра Митрополита. Изголовьем на запад, лицевой гранью вверх. Вторичное использование. Разумеется, сильно выхожена. Камень расширен к изголовью. Фото 61, 62

Размеры: 160 х 55/45 х 15 см.

Орнамент резной треугольчатый. Бордюр из лент мелких треугольников, далеко отстоящих друг от друга. Внутренняя рамка из равносторонних крупных треугольников, образующих "зигзаг". Верхнее клеймо — меньше полукруга, заполнено вытянутыми треугольниками в виде розетки. "Плечики" и среднее клеймо стерты.

Орнамента на боковых сторонах нет.

Сохранилась надпись из пяти строк вязью вытянутых пропорций. Буквы резаны вглубь. Высота строк — 10 см, промежутки — 3 см. Надпись изобилует выносами и лигатурами, удачно расположена, очень изящна.

Читается:

1. лет҃ ҃з҃. ҃оа҃. г(о). ноябрѧ в ҃їа҃. д(ѣ)нь.
2. на намет҃(ь) їже в(о) с(вя)тыхъ҃. ѡ(т)ца. нашего
3. їѡ(а)н(н)а м(и)л(о)ст҃(и)ваго. преставис҃. раба. б(о)жиа. аграѳ҃и
4. ониѧ. іванова. жена. ѳ҃едоровича [жильца?] сѵ
5. [мин?]а

Указанная дата смерти — 10 ноября 7071 (1562) г. — не противоречит оформлению плиты. К сожалению, прочесть несколько букв перед фамилией мужа погребенной не удалось — в четвертой строке не читается примерно одно слово (типа: "жильца"), или начало длинной фамилии. Можно предположить родовитость, поскольку отчество написано с "вичем". Неясно написано также имя погребенной — начатое в третьей строке как "Аграфена", оно закончено в следующей как "Агафоника" или "Агафоклия".

ВПм № 13

Плоская плита, вмонтированная в кладку фундамента. Обнаружена в фундаменте юго-западного столба западного крыльца XVII века церкви Петра Митрополита. (Отчет 1983 г. № 41. С. 19). Вторичное использование. Табл. LXXII 1

Тип неопределим. Виден только торец высотой 22 см и шириной 60 см. Теска поверхности грубоватая. Орнамент отсутствует.

Сохранилась процарапанная надпись-граффити в две строки. Над ней рисунок, возможно, примитивное изображение полукруглого клейма. Почерк копирует вязь резных надгробий.

Читается:

1. лет҃ ҂зоѳ҃ [...]
2. окѵлина іванова. жена. атрепьева

Дата плиты, судя по надписи, — 7079 (1570/1571) гг.

ВПм № 14

Табл. LXXII 3

Плоская плита, вмонтированная в кладку. Обнаружена в кладке столба галереи начала XVIII века ц. Петра Митрополита, в северо-восточной части. (Отчет 1984 г. № 50. С. 8–9). Вторичное использование. Из кладки не извлекалась, обмерена на месте. Камень расширен к изголовью.

Размеры: 168 х 72/66 х 25 см.

Орнамент верхней грани резной жгутовой. Верхнее клеймо — почти полный круг, заполнено "вращающейся" розеткой. Декор боковых граней — двойные каннелюры раннего типа, сверху и снизу обрамленные лентой витой "веревочки" и гладкой полочкой.

В верхней части плиты — четырехстрочная надпись, резаная вглубь вязью с лигатурами и выносами. Длина строк — от 51 до 46 см, высота — 7.5 см, промежутки — 4 см. Сохранилась разлиновка. Надпись "подтянута" к бордюру изголовья и первая строка разрывается клеймом.

Читается:

1. лѣт҃ ҂зр҃ *(клеймо)* ѕ҃ г(о) маѧ
2. вѵ҃ д҃ д(ѣ)н(ь) преставис раб҃ б(о)жеи
3. никанъ степановъ
4. с(ы)нъ милославскои

Указанная дата — 4 мая 7106 (1598) г. — не противоречит оформлению плиты.

"Никон Степанов сын Милославский " упомянут в 1588/89 г. как участник шведского похода среди жильцов, перед служилыми князьями. Его двор, видимо, стоял в районе между Сретенкой и Рождественкой. Во всяком случае, здесь показан двор его сына в 1638 г.: "Двор Дмитрея Никанова сына Милославского, сам в деревне" [*Боярские списки.* Т. 1. С. 119; *Росписной список.* С. 89].

ВПм № 15

Табл. LXXIII

Два фрагмента небольшого плоского надгробия. Обнаружены в цоколе северо-восточного столба западного крыльца XVII века церкви Петра Митрополита. (Отчет 1982 г. № 17 а, б. С. 31–32. Рис. 66-67). Вторичное использование. Камень расширен к изголовью.

Размеры: 120 х 63/54 х 14 см.

Орнамент резной жгутовой. В клеймах — маленькие "вращающиеся розетки". Между "плечиками" над средним клеймом — штриховка. Декор боковых граней отсутствует.

Надпись в три строки декоративной вязью, глубоко врезанными буквами с утолщенными мачтами. Начинается в уровне клейма изголовья. Заметно разделение на слова.

Фрагменты плиты Якова Яковлевича (?), 1596 г. ВПм № 15.

Plate LXXIII. Fragments of the graveslab of Iakov Iakovlevitch (?) 1596, from Vysoko-Petrovskii monastery in Moscow. Drawing.

Читается:

1. лет҃з *(клеймо)* ҁ҃ѕ г(о)
2. апрѣля ҃к д(ѣнь) преставис
3. аковъ іаковлев

Дата смерти — 20 апреля 7106 (1596) г. — не противоречит оформлению плиты.

ВПм № 16

Фото 63

Фрагмент верхней части плоской плиты. Обнаружен в выстилке западного крыльца XVII века церкви Петра Митрополита. Фрагмент сильно растрескался. (Отчет 1983 г. № 34. С. 17. Рис. 33). Камень расширен к изголовью.

Размеры: (32) х (37)/(30) х 16 см.

Орнамент резной треугольчатый. Бордюр из ленты противопоставленных треугольников, очень мелких и частых. Внутренняя рамка из более крупных равнобедренных треугольников "змейкой" с острыми изломами. Заполнение верхнего клейма сколото, обрамление — два ряда мелких треугольников в графье. Орнамента на боковых сторонах нет.

Сохранилось пять строк надписи вязью с утолщенными, глубоко врезанными мачтами. Верхняя строка — в уровне клейма, высота строк — 7/8 см, промежутки — 3 см.

Читается:

1. лета҃з *(клеймо)* (о҃?) [ноя?]
2. бря ҃кѳ ден(ь) престависи иванъ
3. декабря ҃а д(ѣ)нь преставися
4. варѳоломѣи ісаевы дѣти
5. руготина

Дата читается плохо — от одной буквы, справа от клейма, сохранился только нижний хвостик петли — возможно, "О", но возможно и "Е". Поскольку на этом уровне, ближе к клейму, никаких следов еще одной буквы нет, можно предполагать, что это все же "О" ("ЗРЕ" исключаем, так как нет следов "Р", "ЗЕ" или "ЗЕІ" невозможны с точки зрения хронологии). Получается дата в пределах 7070-х (1560-е — начало 1570-х) гг., что хорошо сочетается с типом орнамента и эпиграфическими признаками. Название месяца смерти первого из детей, Ивана, вероятно ноябрь, поскольку 1 декабря умер второй сын Варфоломей.

Фамилия "Руготин" довольно распространена на Руси в XVI–XVII вв. Исай среди них пока не встречен.

ВПм № 17

Фото 66, 67

Фрагмент изголовья плоской плиты. Обнаружен при раскопках вокруг галереи церкви Петра Митрополита, к юго-востоку от нее. Возможно in situ. (Отчет 1982 г. № 13. С. 25–26. Рис. 59). Камень, вероятно, расширен к изголовью.

Размеры: (60) х (50) х 10 см.

Орнамент резной треугольчатый. Композиция антропоморфная. Треугольники в "плечиках" мелкие, их ленты широко расставлены. Верхнее клеймо очень крупное — 20 см, обрамление — два ряда треугольников вершинами внутрь окружности. Заполнение не сохранилось. Орнамента на боковых сторонах нет.

Сохранилась одна строка надписи врезанными буквами вязью, она проходит над "плечиками" во всю ширину плиты. Начало сбито.

Читается:

[...] прє(с)тави(с) ра(б божии) wлексѣи єргольскои

Дата утрачена. По формальным признакам — вторая треть XVI века.

Ергольские — многочисленный дворянский род, в XVI веке участвовали в походах воеводами, пострадали в опричнину, владели землями в разных частях государства, в том числе в Московском уезде. Алексея среди них пока найти не удалось.

ВПм № 18 (а, б)

(18а). Фрагмент плиты. Обнаружен на участке церкви Петра Митрополита, в галерее конца XVII века. (Отчет 1982 г. № 20. С. 33. Рис. 70). Переотложен. Сохранилась часть правого "плечика", внутренней рамки и бордюра, фрагмент надписи. Фото 64, 65

Орнамент резной, из мелких треугольников, ряды которых противопоставлены и не соприкасаются. Композиция реконструируется как антропоморфная устойчивая. Орнамента на боковых гранях нет.

Надпись над уровнем "плечиков" — остатки одной строки. Верхняя часть букв утрачена. Текст не читается, хотя отдельные буквы можно угадать или разобрать (П, Р, П, ОСВ).

(18б). Фрагмент изголовья с клеймом, частью орнамента и надписи. Обнаружен там же. Переотложен. В отчеты не включался. Размеры: (30) х (21) х (12).

Орнамент резной треугольчатый. Композиция реконструируется как антропоморфная устойчивая. Бордюр не сохранился, внутренняя рамка — из прямоугольников, в которые врезаны парные "косынки". Клеймо образовано графьей, двумя одинарными линиями мелких вытянутых треугольников вершинами к центру и розеткой с лепестками — треугольниками.

Надпись врезана крупными буквами с мачтами умеренной толщины.

Читается:

[...] *(остатки букв под двумя титлами)* прєста(вись) [...]

Дата не восстанавливается. По формальным признакам — середина или третья четверть XVI века.

ВПм № 19

Фрагмент плиты. Обнаружен при раскопках в цоколе северо-восточного столба крыльца XVII века церкви Петра Митрополита. (Отчет 1982 г. № 19. С. 33). Вторичное использование. Надгробие оставлено в кладке.

Размеры: (105) х 73 х 22 см.

Орнамент резной треугольчатый, композиция антропоморфная устойчивая, внутренняя рамка изголовья набрана "парными косынками".

Надпись из четырех строк — тонкими, сильно стертыми бороздками, вероятно вязью. Текст не читается.

Дата по аналогам — середина XVI века.

ВПм № 20

Фрагмент плиты. Обнаружен в выстилке западного крыльца XVII века церкви Петра Митрополита. (Отчет 1983 г. № 38. С. 19. Рис. 26). Вторичное использование. Фото 69

Квадратный фрагмент со стороной — 62 см, толщиной — 9 см. Орнамента нет. Обе стороны гладкие, на "тыльной" стороне обнаружилась лигатура, читающаяся как слово "ЛЕТ", вырезанная очень тщательно и глубоко. Возможно, это проба резца на обороте заготовки — впрочем, даже такие краткие надписи известны.

Палеографическая дата: середина XVI — начало XVII века.

ВПм № 21

Фото 46 Плита плоская. Обнаружена при прокладке коммуникаций юго-западнее церкви Петра Митрополита. (Отчет 1982 г. № 24. С. 35. Рис. 74). Положение в слое неизвестно. Сохранилась почти целиком. Камень расширен к изголовью.

Размеры: (120) х 55/45 х 11 см.

Орнамент треугольчатый. Композиция антропоморфная устойчивая. Бордюр из ленты мелких треугольников, ряды которых отодвинуты далеко друг от друга. Внутренняя рамка в изголовьи — один ряд таких же треугольников вершинами наружу. Ими же образованы окружности клейм. Изнутри все ленты обведены графьей.

Верхнее клеймо (уплощенный полукруг, около 20 см) не заполнено. Обрамление — два ряда треугольников вершинами к центру. Среднее клеймо (13 см) обрамлено так же и заполнено розеткой из удлиненных треугольников — "лепестков". Орнамента на боковых гранях нет. Надписи нет.

По технике исполнения близка к началу XVI века.

ВПм № 22

Фото 70 Плоская плита. Обнаружена при вскрытии южной стенки западного крыльца XVII века церкви Петра Митрополита. (Отчет 1983 г. № 49. С. 23. Рис. 41). Вторичное использование. Сохранились два фрагмента. Камень расширен к изголовью.

Размеры: (84) х 54 х 9 см.

Орнамент треугольчатый резной. Композиция антропоморфная устойчивая. Бордюр из ленты противопоставленных мелких треугольников, расстояние между их рядами значительно. Так же выполнены "плечики". Внутренняя рамка из одного ряда треугольников вершинами наружу, а полоса вдоль торца — из двух противопоставленных рядов.

Клейма образованы двумя рядами треугольников вершинами к центру. Среднее клеймо (18 см) заполнено розеткой из вытянутых треугольников вершинами к центру. Клеймо в изголовьи — полукруг, по диаметру (16 см) которого пущена лента из более крупных и глубоких треугольников, расставленных крестообразно. На ленте поместились два таких "греческих" креста, немного вытянутых по горизонтали. Поднятые довольно близко к изголовью "плечики" сходятся, соприкасаясь, у среднего клейма. В этом месте они соединены горизонтальной штриховкой, отчего образовался клинышек с высотой 8 см. Надписи нет, орнамента на боковых гранях нет.

Дата по особенностям декора — конец XV — начало XVI века.

ВПм № 23

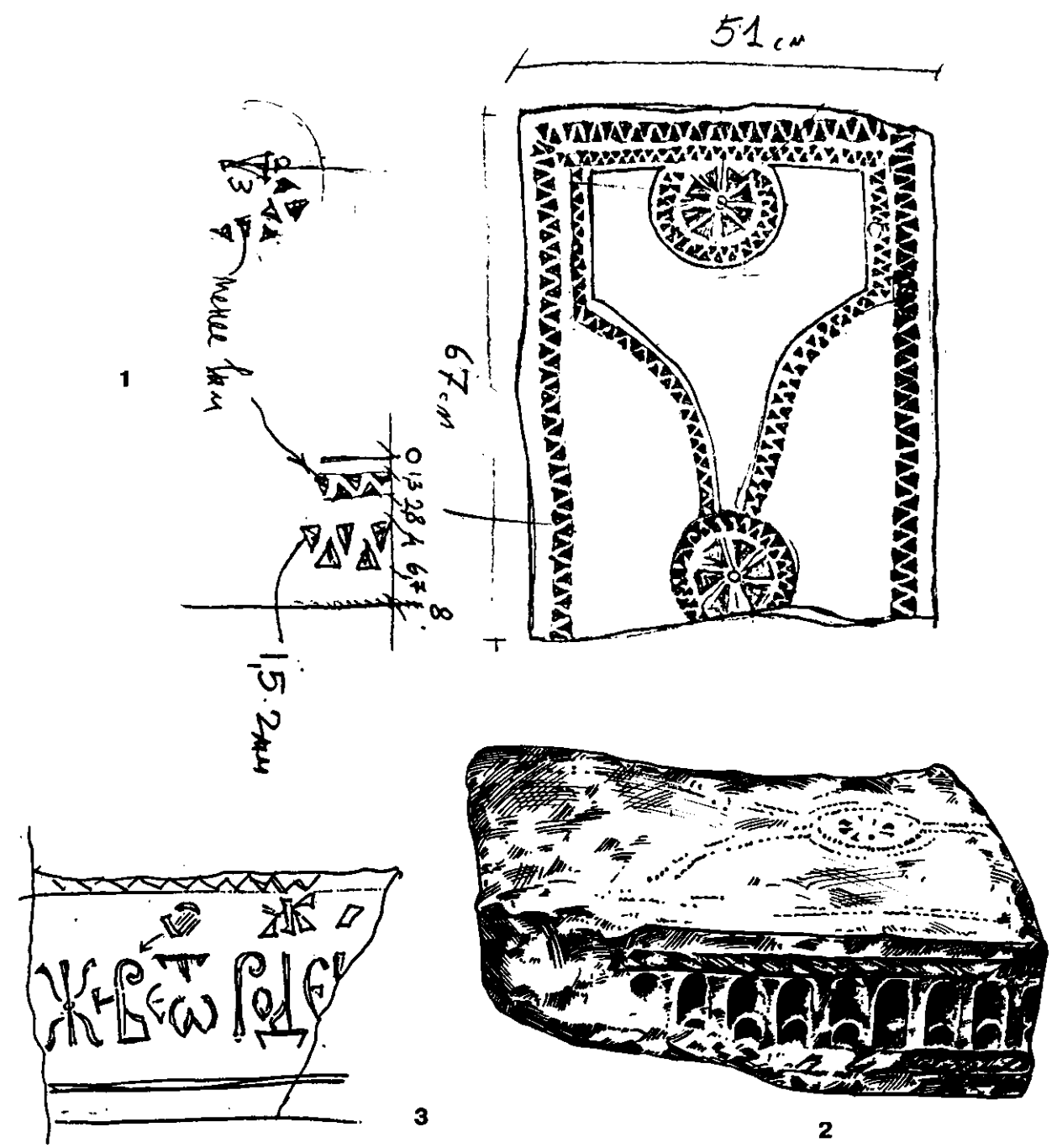
Табл. LXXIV 1 Верхняя половина надгробия. Обнаружена при раскопках галереи начала XVIII века церкви Петра Митрополита. (Отчет 1982 г. № 22б. С. 35. Рис. 74). Переотложена. Камень почти прямоугольный.

Размер: (67) х 52/51 х 15 см.

Фото 46 Орнамент треугольчатый резной. Композиция антропоморфная устойчивая. Бордюр нарезан равносторонними противопоставленными довольно крупными и близко сдвинутыми треугольниками, образует тонкую "змейку". Ширина ленты без графьи — 2.7 см, сторона треугольника — 1.5/2 см. Внутренняя рамка изголовья — из более мелких, но также близко сдвинутых треугольников (ширина ленты — 1.5 см) Изнутри рамка обведена графьей. Обращает внимание своеобразный изгиб высоко поднятых "плечиков". Клеймо в изголовьи — восьмилепестковая розетка из довольно крупных треугольников вершинами к центру, среднее клеймо — шестилепестковая розетка.

Орнамента на боковых сторонах нет. Надписи нет.

Дата по формальным признакам, конец XV — начало XVI века.

1. Плита конца XV — начала XVI века. ВПм № 23. Полевой обмер. 2. Плита последней четверти XVI века, вторично использованная в XVII веке. ВПм № 36. 3. Надпись на торце плиты. Последние годы XVII века. ВПм № 48.

Plate LXXIV. Fragments of the fifteenth- and seventeenth-century graveslabs from Vysoko-Petrovskii monastery in Moscow: 1) the late fifteenth- or early-sixteenth-century graveslab, field-sketch; 2) the last-quarter-sixteenth-century graveslab, reused in the seventeenth century. Drawing; 3) inscription on the front side of the late-seventeenth-century graveslab.

ВПм № 24

Фото 71 Фрагмент изножия узкой плиты. Обнаружен при земляных работах к юго-западу от церкви Петра Митрополита. (Отчет 1982 г. № 22а. С. 34–35. Рис. 73). Переотложен.

Размеры: (36) х 33/34 х 11 см.

Орнамент резной треугольчатый. Композиция неясна, поскольку для ее определения необходимо знать декор изголовья. Сохранился бордюр и разделительная линия посредине. Они образованы одной лентой тесно сдвинутых, глубоко врезанных равносторонних треугольников со стороной 1.5/1.7 см.

Надписи нет, орнамента на боковых сторонах нет.

Аналогичные приемы характерны для конца XV — первой трети XVI века. Вероятнее видеть во фрагменте изножие плиты с антропоморфной устойчивой композицией (а не с осевой, как было предположено в отчете).

ВПм № 25

Фото 75 Фрагмент надгробия (изголовье). Обнаружен при земляных работах к юго-западу от церкви Петра Митрополита. (Отчет 1982 г. № 23. С. 35. Рис. 72). Переотложен. Поверхность почти стерта.

Размеры: (48) х (43) х 10 см. Полная ширина около 60 см.

Орнамент резной треугольчатый. Композиция антропоморфная. "Плечики", обрамления клейм, внутренняя рамка — нарезаны довольно крупными глубокими треугольниками, тесно противопоставленными, так что образуется "змейка"- зигзаг с острыми углами. Размер треугольников: основание — 8 мм, высота — 12 мм. Ленты орнамента обрамлены декоративной глубокой графьей. Общая ширина — 3.5 см. Верхнее клеймо — более полукруга; заполнение образуют ряды равноконечных "греческих" крестиков с расширяющимися лопастями, которые набраны из составленных вершинами треугольников (основание — 15 мм). Поскольку их сочетания не заполняют окружность целиком, вводятся дополнительные треугольники по краю, что позволяет трактовать орнаментальное поле и как серию розеток. Другой особенностью орнамента является очень близкое расположение "плечиков" к изголовью. Между клеймом и линий "плечиков" — всего 11 см. Это ранний признак.

Надписи нет, орнамента на боковых гранях нет.

Особенности оформления позволяют относить плиту к последним десятилетиям XV — самому началу XVI века.

ВПм № 26

Фото 68 Изножие плоской плиты. Обнаружено в кладке фундамента северо-восточного столба крыльца XVII века церкви Петра Митрополита. (Отчет 1982 г. № 25. С. 36. Рис. 75). Вторичное использование. Правый край стесан. Камень расширен к изголовью.

Размеры: (78) х (30) х 11 см.

Орнамент резной треугольчатый. Композиция антропоморфная.

Расстояние от центра среднего клейма до торца 42 см, до верха "плечиков" — 68 см. Бордюр, разделительная линия, "плечики" и окантовка клейма — из мелких частых треугольников. В окантовке клейма — один ряд вершинами внутрь, в остальных лентах — два противопоставленных ряда, очень далеко отстоящих друг от друга (промежуток — 1.5 см) Все ленты обведены глубоко прорезанной графьей. Внутренняя рамка — из одного ряда таких же мелких треугольников вершинами наружу. Клеймо заполнено шестилепестковой розеткой из вытянутых равнобедренных треугольников вершинами к центру, разделенных графьей.

Надписи нет, орнамента на боковых сторонах нет.

Дата по формальным признакам, первая треть — середина XVI века.

ВПм № 27

Фрагмент изножия плоской плиты. Обнаружен в выстилке западного крыльца XVII века церкви Петра Митрополита. (Отчет 1983 г. № 42. С. 19–20. Рис. 27). Камень расширен к изголовью. Фото 73

Размеры: (35) х 55 х 12 см.

Орнамент резной треугольчатый. Композиция антропоморфная устойчивая. Боковые бордюры и разделительная лента образованы мелкими плотно поставленными треугольниками, ряды которых не соприкасаются вершинами. Особенность орнамента — бордюр вдоль торца изножия. Он образован лентой небольших прямоугольных треугольников с катетами почти равной длины. Сложенные гипотенузами, они составляют прямоугольники, — в отличие от обычных "косынок", поставленные перпендикулярно торцу. Это редкая деталь. Второй ряд вдоль торца — из обычных мелких треугольников обращенных вершинами внутрь поля.

Надписи нет, орнамента на боковых сторонах нет.

На правом поле вырезана большая (8 см) буква "Л" и мачта от еще одной буквы. Проба резца или пометка каменотеса?

Дата по типу орнаменту, вторая четверть — середина XVI века.

ВПм № 28

Фрагмент изголовья плоской плиты. Обнаружен в выстилке западного крыльца XVII века церкви Петра Митрополита. (Отчет 1983 г. № 39. С. 19. Рис. 28). Вторичное использование. Фото 72

Размеры: (30) х 43 х 10 см.

Орнамент резной треугольчатый. Композиция антропоморфная. Бордюр из мелких треугольников (без графьи), ряды которых расставлены довольно широко (вершины примерно на одной линии). Внутренняя рамка — из одного ряда треугольников вершинами наружу, от поля плиты отграничена графьей. Клеймо в изголовьи также отделено графьей, за которой следуют два ряда треугольников вершинами к центру. Третий ряд — из крупных удлиненных треугольников — сходится к этому центру, отмеченному точкой, образуя половину розетки с двенадцатью лепестками. Клеймо — 14 см (по графье). В левом углу поля изголовья — граффити: неправильно-шестигранная фигура с внутренними диагоналями (поле для игры?).

Надписи нет, орнамента на боковых стенках нет.

Дата по аналогиям — середина — вторая половина XVI века.

ВПм № 29

Плоская плита. Обнаружена при раскопках к юго-востоку от галереи начала XVIII века церкви Петра Митрополита, точно под плитой Конана Клементьева (ВПм № 11), в качестве ее основания. (Отчет 1983 г. № 47. С. 21–22. Отчет 1986 г. Фото 3). In situ? Камень имеет почти прямоугольную форму. Фото 74

Размеры: (62) х 64 х 20 см.

Орнамент резной треугольчатый. Композиция антропоморфная устойчивая. Бордюр вдоль боковых сторон — из довольно крупных треугольников, ряды которых тесно сведены и образуют "змейку" с острыми переломами. Внутренняя рамка по боковым сторонам — из очень крупных треугольников типа равносторонних со стороной 2 см, сведенных столь тесно, что образуется весьма тонкая "змейка". От поля плиты бордюры

отделяет глубокая графья. Общая ширина бордюров — 9 см. Орнамент в изголовьи не является продолжением боковых бордюров, но начинается прямо со "змейки" из самых крупных треугольников. Следующий пояс его образован крестообразно противопоставленными и вписанными в квадратики графьи треугольниками со стороной 4.5 см. (Сторона квадратика — 6 см, всего их девять). Образовавшийся узор тщательно подчеркнут графьей, проходящей по всем элементам. Общая ширина торцевого бордюра — 13 см.

Клеймо изголовья примыкает к крестчатой ленте. Оно крупное, слегка уплощенное, шириной 23 см, при высоте 11 см. Заполнено тремя рядами почти столь же крупных, как з крестчатом узоре, треугольников, которые образуют не кресты, а тонкие "змейки", разделенные барьерчиками и подчеркнутые графьей.

К сожалению, раскопками была открыта только часть плиты длиной до 62 см — до этого места не доходили даже линии "плечиков", так что часть орнамента осталась неизвестной. Боковые грани плиты не орнаментированы. Борт профилирован уступом, так что верх плиты выступает карнизом над нижней частью. Высота этого карниза — 11 см, вынос — 2 см.

Надписи на обследованной части нет.

По сумме внешних признаков плита может быть датирована серединой XVI века, и весьма вероятно — именно 1560-ми годами, к которым относится погребение Конана Клементьева. Возможно видеть в ней именно его первоначальную плиту, несколько позже замененную на надписную со жгутовым орнаментом. Следует отметить и ряд ранних, в сущности пережиточных для середины века элементов декора — крестчатую ленту изголовья и клеймо, заполненное горизонтальными поясками вместо розетки.

Вспоминается также традиция XVIII века. устанавливать при погребении временное надгробие и одновременно заказывать окончательный, гораздо более парадный вариант.

ВПм № 30

Фото 77 Фрагмент центральной части плиты. Обнаружен при раскопках вокруг галереи церкви Петра Митрополита начала XVIII века, к югу от нее. (Отчет 1980 г. № 4. С. 21–22. Рис. 21). (См. вместе с ВПм № 31). Сохранилось среднее клеймо, "плечики", часть внутренней рамки. Камень расширен к изголовью.

Размеры: (40) x (40)/35 x 11/12 см.

Орнамент резной треугольчатый. Композиция антропоморфная устойчивая. Бордюр из мелких треугольников, ряды которых тесно сведены и образуют "змейку" с острыми переломами. Основание треугольника — 8/9 мм, высота — 13 мм. Так же оформлены "плечики" и окружность клейма — один ряд треугольников вершинами к центру. Внутренняя рамка — из двух рядов крупных равносторонних треугольников со стороной 1.8/1.9 см, образующих тонкую зигзагообразную линию. Заполнение клейма — многолепестковая розетка, "лучи" которой — вытянутые треугольники, обращенные вершиной к центру круга.

Надписи нет, орнамента боковых граней нет.

Формальные элементы позволяют датировать фрагмент серединой XVI века, возможно — 1560-ми годами.

ВПм № 31

Фото 76 Фрагмент изголовья плиты. Обнаружен при раскопках галереи начала XVIII века церкви Петра Митрополита, к югу от нее. (Отчет 1980 г. № 5. С. 22. Табл. 22, 23). (См. выше: ВПм № 30).

По восстанавливаемым размерам и типу орнамента аналогичен предыдущей плите. Вероятно, ее часть, хотя общего излома не обнаружено. Бордюр и рамка изголовья не

отличаются от боковых орнаментов. Розетка изголовья образована полукругом с "лучами"-треугольниками.

Надписи нет. Дата, как и у предыдущего фрагмента — середина XVI века (1560-е гг.?).

ВПм № 32 (а — е)

Под этим номером дана группа надгробий, вторично использованных в XVII веке для выстилки площадки западного крыльца церкви Петра Митрополита и не включавшаяся в общий индекс отчетов.

Все камни лежали в выстилке лицевой стороной наружу, поэтому орнамент очень стерт. Все они датируются по характеру декора (резного, треугольчатого, антропоморфной композиции) серединой XVI века. У них нет ни надписей, ни декора боковых граней. В большинстве эти плиты имели внутреннюю рамку из прямоугольников, разделенных на "парные косынки", а также широко расставленные ряды мелких треугольников в качестве бордюра.

Их подробного описания не было сделано, но самые крупные сфотографированы и помечены на фиксационном чертеже специальными значками, указывающими общий характер орнаментации. На том же чертеже обозначены и более мелкие фрагменты, не дающие восстановить полную композицию. (Отчет 1983г. Инв. № 32006. Лист АРИ-15].

(а) — изголовье плиты с розеткой в виде полукруга, заполненного узором шестиконечных звездочек или крестиков, образованных мелкими врезными треугольниками. Размеры: (45) х 55 см. (Отчет 1983 г. Рис. № 19);

(б) — фрагмент изножия плиты (до начала среднего клейма). Размеры: (50) х 45 см. Заполнение клейма — розетка с треугольчатыми вытянутыми лепестками. (Отчет 1983 г. Рис. 20);

(в) — почти целая плита, заметно расширяющаяся к изголовью; орнамент почти стерт — сохранились лишь остатки лент из мелких противопоставленных треугольников. Размеры: (70) х 42/(37) см. (Отчет 1982 г. Рис. 21).

(г) — фрагмент правого угла изголовья плиты с остатком бордюра из мелких треугольников и внутренней рамкой из более крупных равносторонних. (Отчет 1983 г. № 22).

(д, е) — два почти целых надгробия со стертой орнаментацией, фланкировавшие внешнюю площадку крыльца; внутренняя рамка — в виде прямоугольников с "косынками". (Отчет 1983 г. Рис. 5, 6).

ВПм № 33

Фрагмент средней части плиты. Обнаружен в основании северо-восточного столба западного крыльца XVII века церкви Петра Митрополита. (Отчет 1983 г. № 43. С. 20. Рис. 29, 30). Вторичное использование. Камень резко расширен к изголовью. Фото 84–85

Размеры: (21) х 45 (по оси клейма) х 14 см.

Орнамент резной треугольчатый. Композиция антропоморфная устойчивая. Бордюр, разделительная лента изножия и "плечики" нарезаны мелкими, тесно сведенными лентами треугольников с основанием, равным половине высоты, образующими зигзагообразную "змейку" с очень острыми краями. Среднее клеймо обрамлено одним рядом таких треугольников вершинами к центру, и заполнено розеткой из 18 треугольчатых вытянутых лепестков. Ее диаметр по графье — 16.5 см. Ширина бордюров по графье — 5 см, внутренних лент — 4 см. Особенность плиты — боковой орнамент в виде витой ленты или "веревочки". Это тонкий выпуклый валик (2 см), проходящий по граням на 7 см ниже верхней грани и рассеченный косыми нарезками через каждые 12 см.

Надписи нет. Дата по декоративным особенностям — середина — вторая половина XVI века.

ВПм № 34

Фото 78–79

Детское надгробие в форме гроба с расширенной к изголовью "крышкой". Обнаружено в кладке цоколя северо-восточного столба западного крыльца XVII века церкви Петра Митрополита. (Отчет 1982 г. № 26. С. 36–37. Рис. 76, 77). Вторичное использование.

Размеры : (60) x 37/(34) x 18 см. Полная длина равнялась примерно одному метру. "Крышка" выступает на 2 см от боковых граней, ее высота — 5.5 см.

Орнамент резной треугольчатый. Композиция антропоморфная устойчивая. Весь орнамент набран одним элементом — очень вытянутыми прямоугольниками и графьи с "парными косынками" внутри. Абсолютные размеры прямоугольников колеблются от 4.5 x 1.2 до 8 x 2 см, но общая конфигурация и пропорции сохраняются. Одна лента орнамента образует бордюр и "плечики". В поле изголовья добавляется вторая, в виде трехсторонней рамки. Клейма заполнены тем же элементом: "верхнее" горизонтально расположенными лентами, среднее — вертикально расположенными. Обрамления кроме графьи, клейма не имеют.

По боковой стороне "карниза" нарезан треугольчатый орнамент, заключенный в прямоугольники графьи, однако внутри треугольников композиция меняется. На меньшей стороне прямоугольника строится крупный врезной равнобедренный треугольник так, чтобы его вершина достигала противоположной стороны. Остающиеся прямоугольные ячейки заполняют врезные треугольники соответствующей формы и размера. Все выступающие элементы прочерчены графьей. Это оригинальный вариант орнаментики.

Надписи на плите нет. Дата по внешним признакам, последняя треть XVI века, когда появляется некоторое количество "высоких" детских надгробий с орнаментированными боковыми гранями.

ВПм № 35

Фото 80

Плоская плита. Обнаружена при раскопках вокруг галереи церкви Петра Митрополита, в уровне кладбища XVI–XVII вв. (Отчет 1980 г. № 6. С. 22–23. Рис. 24). In situ. (?) Изножие не сохранилось. Камень расширен к изголовью.

Размеры: (100) x 52/(47) x 12.5 см.

Орнамент жгутовой. Клеймо изголовья чуть больше полукруга, образовано лентой из пяти витков жгута. В центре крошечная "вращающаяся розетка". Все элементы отделены от поля плиты глубокой графьей. Орнамента на боковых сторонах нет.

Надписи нет. Дата по стратиграфии и формальным признакам — последняя треть XVI века.

ВПм № 36

Табл. LXXIV 2

Фрагмент плиты. Обнаружен при раскопках вокруг галереи начала XVIII века церкви Петра Митрополита. (Отчет 1981 г., фото. Отчет 1982 г. № 31. С. 39). Переотложен.

Размеры: (70) x 57 x 25 см.

Плита использована дважды. Лицевая поверхность имеет резной треугольчатый орнамент антропоморфной композиции. Сохранились "плечики", оба клейма и начало разделительной ленты. Бордюр из лент мелких широко расставленных треугольников, заполнение клейм — многолепестковые розетки из вытянутых треугольников.

Боковые грани орнаментированы двойными каннелюрами, которые разделены узкими полосками без столбика — "тени", что довольно необычно. Лента каннелюр обрамлена сверху и снизу одинаково: двумя простыми полочками, а затем четвертным валом с витой нарезкой.

Орнаментация боковых граней, судя по ее расположению, изначальная, относившаяся к первому оформлению плиты.

Оборотная сторона нарезана типичным жгутовым орнаментом — видимо, для повторного использования.

Надписей нет. Вероятная дата создания плиты — последняя четверть XVI века. Переработка — первой половины XVII века.

ВПм № 37

Фрагмент изножия небольшой плиты. Обнаружен при раскопках галереи начала XVIII века церкви Петра Митрополита. (Отчет 1982 г. № 27. С. 37–38. Рис. 77–78). Переотложен. Фото 81–82

Размеры: (45) x 40/(30) x 20 см.

Орнамент комбинированный — резной треугольчатый и жгутовой. Композиция антропоморфная устойчивая. Бордюр нарезан типичной трехпрядной плетенкой (жгутом), разделительная полоса и среднее клеймо — треугольниками, противопоставленные ряды которых сведены до соприкосновения вершинами. Клеймо обрамлено только графьей, заполнено розеткой с короткими треугольчатыми "лепестками". Интересно, что разделительная полоса проходит прямо по клейму, разрезая розетку.

Боковые грани украшены каннелированным орнаментом, превратившимся уже в арочно-ложчатый, с типичными тенями — "столбиками" между двухуровневыми арочками. Пояс каннелюр обрамлен сверху и снизу довольно широкой полосой с косой нарезкой ("шнур") и прямыми, не выступающими полочками.

Надписи нет. Дата по сочетанию орнаментальных признаков конец XVI — первая треть XVII века.

ВПм № 38

Небольшая (детская) плита. Обнаружена при раскопках в центральной апсиде церкви Петра Митрополита. (Отчет 1984 г. № 51. С. 5, 9–10, чертеж). Вторично использована как подножие горнего места, примазана раствором к кирпичному полу XVI–XVII вв. Правая часть стесана. Камень расширен к изголовью.

Размеры: 73 x 32/28 x 16 см.

Орнамент лицевой грани резной комбинированный, жгутовой с элементами треугольчатого. Композиция антропоморфная устойчивая. Разделительной ленты и среднего клейма нет (что обычно у детских плит). Клеймо изголовья (10 см) образовано двумя рядами треугольников вершинами к центру круга. Боковые стороны нарезаны близко поставленными каннелюрами.

Надписи нет. Дата по формальным признакам — конец XVI — начало XVII века.

ВПм № 39

Фрагмент плиты. Обнаружен в кладке столба галереи начала XVIII века церкви Петра Митрополита. (Отчет 1983 г. № 46. С. 21. Отчет 1986 г. Рис. 2). Вторичное использование. Камень расширен к изголовью. Фото 83

Размер: (40) x (58) x (8) см.

Орнамент резной жгутовой. Ширина жгута — 6 см, всего бордюра с графьей — 9 см. Клеймо из жгута в графье (23.5 см) выступает от бордюра на 16 см. В центре — маленькая "вращающаяся розетка" в двойной графье (6.5/10 см). Боковые грани не орнаментированы.

Сохранилась часть двух первых строк врезанной надписи. Высота строк — 8.5/7.5 см, промежуток — 4.5 см. Разметка не прослежена. Простая вязь с резко утолщенными вертикальными элементами.

Читается:

1. лѣта ҂з҃ *(клеймо)* ҃рі г(о) [...]
2. вч [...] преставис инок вар[сонофии?]

Дата может быть прочитана несколькими способами, так как конец ее сохранился не полностью (ЗР; ЗРІ; ЗРГІ; ЗРГ) Наиболее вероятным представляется первое или второе чтение — буква "глаголь" выносная, она часто завершает таким образом группу знаков, обозначающих год. Кроме того, она "подвешена" между Р и І — таким образом, числительное кончается на Р. Впрочем, допущение любого из чтений не изменит датировку столь уж значительно.

Предложенные годы — 7100 или 7110 (1591/92 или 1601/1602) — не противоречат оформлению плиты.

ВПм № 40

Фото 86, 88

Верхняя часть надгробия. Обнаружена в цоколе юго-западного столба западного крыльца XVII века церкви Петра Митрополита. (Отчет 1982 г. № 11). Вторичное использование. Сохранилась примерно половина, левый край слегка протесан. Камень расширен к изголовью.

Размеры: 104 х 68/(50) х 36 см.

Орнамент резной жгутовой, клеймо изголовья не совсем ровное, образовано также жгутом (5 петель) в центре которого маленькая вращающаяся розетка. Композиция антропоморфная устойчивая. Среднего клейма или плечиков не видно — их не было, или они занимали очень мало места в изножии. Боковые грани без орнамента.

Сохранилось восемь строк надписи, врезанной декоративной стройной вязью с утолщенными вертикальными элементами. Высота верхних пяти строк — 9 см, нижних — 5 см. Промежутки строк — 5 см.

Читается:

1. лѣта ҂зр҃ *(клеймо)* ҃лв го марта вч
1а. сто
2. ҃л. д(ѣ)н(ь) преставис раба б(о)жиа алексан
3. дра петрова доч(ь) константиновича
4. стюнеева андреева жена ѡнр
5. совича лазарева во иноцех анисиа
6. да тч же погребены дочери
7. [єѧ] [мавра?] девица да натал
8. [иѧ] [...] вч ҃кѳ день

Особенностью надписи является повторенное прописью число "сто", прорезанное тонкими линиями, мелкими буквами, ниже клейма а также граффити ІИ(18?) над словом ЛЕТА.

Первая дата надгробия — 30 марта 7132 (1622) г. — не противоречит оформлению плиты. Вероятно плита исполнена после смерти дочерей покойной Александры Петровны Стюнеевой (по мужу Лазаревой), девиц Натальи и Мавры(?), которые умерли 28 числа неизвестного месяца и года. (Это событие могло произойти раньше — например, 28 марта, за два дня до смерти матери). Неясно, дописаны ли нижние мелкие строчки

позже, или таково первоначальное оформление, вызванное отсутствием достаточного места на плите. Однако даты смерти всех упомянутых лиц вряд ли отстоят на значительный промежуток.

К сожалению, ни Стюнеевых, ни каких-то созвучных им фамилий типа — Стунеевы, Истюнеевы, Тюнеевы — в XVII веке найти не удалось, хотя написание имени отца покойной в форме "Петр Константинович" как будто указывает на достаточно высокое социальное положение. Об этом же может свидетельствовать брак его дочери. Из многочисленных Лазаревых, встречающихся в документах конца XVI — начала XVII века, только один носил имя Фирс — это Фирс Иванович Лазарев, упомянутый как подъячий в 1566/67 г. в делах Троицкого монастыря. В 1581 г. он уже дворцовый дьяк, с 1598 г. — дьяк Патриаршего Дворца. В 1605 г. он, в качестве патриаршего дьяка, скрепляет последние грамоты патриарха Иова. Еще раз упомянут как дьяк Ямского приказа в 1606 г. Вероятно его карьера оборвалась в период Смуты. Не исключено, что упоминаемый в 1617 г. в Суздале в качестве дозорщика из Москвы Андрей Лазарев и муж погребенной — одно и то же лицо [*Веселовский,* 1975. С. 285-287; *Веселовский,* 1916. С. 192].

ВПм № 41

Массивное надгробие. Обнаружено на территории монастыря, у его западной ограды, вблизи колокольни. (Отчет 1980 г. № 9. С. 25–27. Табл. 26–28). Перемещено. Камень расширен к изголовью. Фото 91

Размеры: 198 х 85/65 х 48 см.

Орнамент резной жгутовой. Клеймо изголовья имеет в центре маленькую "вращающуюся розетку". Дополнительные элементы отсутствуют. Бокового орнамента нет.

Надпись в девять строк, декоративной вязью по графье. Буквы 5/7 см. Некоторые слова отделены точками посредине строки. В качестве декоративного элемента в конце текста поставлены три точки треугольником.

Читается:

1. лѣта з̃ *(клеймо)* ρнг̃ году
2. [...] престави
3. [...] (р)аба б(о)жиа. наталиа
4. [мла]денець. того же году
5. дѣнь [февр]аля .є̃. преставис ра(б)
6. б(о)жии. иван мл(а)д(є)н(є)ць астрада
7. мовы дети радиво
8. навича всеволо
9. жскаго.

Время смерти двух детей Астрадама (Александра) Родионовича Всеволожского — зима 1643 г. — не противоречит оформлению плиты. Необходимо обратить внимание на то, что для детского погребения взято полноразмерное надгробие.

Род князей Всеволожских очень известен, хотя к концу XVI века он утратил былое значение, его представители не писались князьями и не считались даже особенно родовитыми. В росписи войска 1598 г. дедушка погребенных — Родион Васильевич — указан как пристав при командующем полком правой руки царевиче Уразмаамете Андановиче после бояр В. И. Шуйского, И. В. Годунова, И. В. Сицкого. В начале XVII века он упоминается как дворянин, занимает приказные должности [*РК 1559–1605.* С. 312; *Белокуров,* 1907. С. 202; *Сторожев,* 1909. С. 90].

Третий сын Родиона — Астрадам-Александр, упомянут в конце 20-х — начале 40-х гг. как патриарший стольник, затем стряпчий и дворянин московский [*Иванов,* 1853. С. 82]. По родословцам известна лишь одна его дочь, бывшая замужем за Чоглоковым, но не младенцы Наталия и Мавра. Упомяну еще, что девочки приходились двоюродными сестрами известной Евфимии Федоровне Всеволожской, дочери старшего брата Астрадама, Рафа — Федора, нареченной невесте царя Алексея Михайловича.

Братья имели один двор неподалеку от монастыря, в районе Петровки: "у Григория Богослова на церковной земле двор Рафа да Астрадама Всеволожских" [*Росписной список.* С. 71–72].

ВПм № 42

Фото 87

Фрагмент плиты. Обнаружен в выстилке западного крыльца XVII века церкви Петра Митрополита. (Отчет 1983 г. № 35. С. 18. Рис. 34). Вторичное использование.

Форма плиты неясна — обрубленная часть обычной плоской плиты (?); сколотая "торцевая" надпись (?); памятная доска (?). Размеры: (40) х 55 х 9 см. Орнамент утрачен.

Сохранилось четыре строки врезанными буквами и часть пятой. Текст занимает практически всю поверхность. Это не характерно ни для таблиц, ни для торцевых надписей, так что края скорее всего просто обрублены. Декоративная вязь более вычурного рисунка, чем в начале XVII века, с выделением некоторых заглавных букв и элементами разбивки на слова. Высота строки — 7 см, заглавных букв — 8 см, промежуток 4 см.

Читается:

1. лѣта҃з. ҃рнд г(о) марта вѵ ҃а д(ѣ)н(ь)
2. на памят(ь) прпод(о)бныѧ мѵче
3. ницы евдокеі престависѧ
4. (раб бо)жии [...]

Имя погребенного не читается. Дата — 1 марта 7154 (1644) — соответствует манере письма.

ВПм № 43

Фото 89–90

Крупное надгробие. Обнаружено при раскопках галереи начала XVIII века церкви Петра Митрополита. (Отчет 1982 г. № 16. С. 29. Рис. 64–65). Вторичное использование в качестве основания северо-западных арок галереи. Камень расширен к изголовью.

Размеры: 176 х (52)/42 х 38 см.

Орнамент резной жгутовой. В среднем клейме — маленькая "вращающаяся розетка". Боковые грани украшены каннелированным орнаментом позднего типа, с широко расставленными двойными "арочками". Утраты в верхней части надписи.

Надпись в шесть строк занимает большую часть плиты. Врезные буквы декоративной вязи с широкими вертикальными элементами. Высота букв — 8 см, промежуток — 4 см.

Читается:

1. лѣта ҃з *(клеймо)* [...]
2. ѡктѧбрѧ вѵ ҃и прста
3. вис раб (бо)жии иван фе
4. досеевич кѵтѵ
5. зов во иноцех схимни[к]
6. ѡна

Дата смерти Ивана Федосеевича Кутузова уточняется по Боярским книгам — 1645 (7154) г. Там же фиксируется его положение в сословной иерархии: "дворянин московский" (1640/39, 1636/35, 1629/28, 1627/26 гг.). До этого, в 1632 г., "указал государь быть для береженья в Белом городе по воротам дворянам у Трубы князь Андрей княж Романов сын Гагарин да Иван Федосеев сын Кутузов". В этой же службе он назван в 1633 г. С 1631 по 1634 г. И. Ф. Кутузов упоминается в "Списке дворян и дьяков", "которых Государь Царь и Великий Князь Михайло Федорович всея Руси пожаловал, велел свои государские очи видети, на праздник на светлое Воскресение". За четыре года он существенно продвинулся в службе. Двор И. Ф. Кутузова показан в 1638 г. рядом с монастырем: "у Сергия Чудотворца Старых Серебреников двор Ивана Федосеева сына Кутузова, людей не сказали" [*Иванов,* 1853. С. 211; *Росписной список.* С. 79; *Дворцовые разряды.* Т. 3. С. 278–279, 325, 849, 859, 855, 858].

Какой ветви принадлежал И. Ф. Кутузов — неясно. Единственный Федосей в росписи рода (№ 143 по росписи Долгорукого) как будто умер бездетным. Фамилия Кутузовых довольно распространена в XVII веке. Напомним "государева писца" Ивана Кутузова, который окладывал сошным окладом Устюжскую четь в 1626 г. На него в 1643 г. устюжане подают челобитную, он "по недружбе" описал их посад богаче остальных [*Веселовский,* 1913. С. 37–40, 54–57].

ВПм № 44

Плита. Обнаружена во дворе монастыря, у западной ограды, вблизи колокольни. (Отчет 1980 г. № 8. С. 24–25. Табл. 25). Перемещена. Камень расширен к изголовью. Фото 92

Поверхность сильно потерта. Орнамент резной жгутовой без дополнительных элементов. Бокового декора нет.

Надпись в шесть строк, декоративной вязью, глубоко врезана. Высота букв — 8 см, промежуток — 3 см.

Читается:

1. [лѣта з̃] *(клеймо)* р҃а
2. мая в [а̃? день] преста
3. вися раб божи(и)
4. фе҃и васи҃левич исканскои҃
5. во іноцех̃ схи҃мник[ъ]
6. тихо҃н

Дата смерти — май 7161 (1653) г. — не противоречит оформлению плиты. Исканские относятся к служилому дворянству. В XVII веке они располагали землями в районе Тарусы. Их имена встречаются среди воевод небольших стрелецких отрядов. Тимофей Васильевич — один из наиболее удачливых в службе. С начала 1630-х по 1634 г. он второй воевода у Арбатских ворот Белого города вместе с князем И. А. Дашковым. В начале 40-х гг. включен в комиссию по размежеванию спорных Северских земель с Литвой и послан в Путивль. После смерти Тимофея Васильевича в службе упоминается его сын — Алексей Тимофеевич, в 1654 г. прибывший к Алексею Михайловичу к Смоленску из-под Полоцка гонцом от князя Юрия Алексеевича Долгорукого с известием о взятии города. Представители рода встречаются вплоть до конца XVII века, но не занимают заметных постов [*Дворцовые разряды.* Т. 2. С. 336, 628. Т. 3. С. 435; *РК 1550–1636.* С. 381].

ВПм № 45

Фото 98 Фрагмент средней части плиты. Обнаружен при раскопках к югу от галереи начала XVIII века церкви Петра Митрополита. (Отчет 1980 г. № 7. С. 23. Табл. 19, 20).

Размеры: (35) х (78) х 35 см.

Орнамент лицевой части резной жгутовой. Боковые грани обколоты, их орнаментация неизвестна.

Хорошо видны остатки последних трех строк врезанной надписи.

Декоративная вязь, очень крупные буквы (12 см) с широкими "мачтами", выраженными расширениями и засечками по краям линий, вычурного рисунка. Слова разделены точками посредине строки, завершающий знак — три точки треугольником.

Читается:

1. [прє]ставис раб бож(ии)
2. фома иванов. с(ы)нъ.
3. семичов.

Дата утрачена, но особенности надписи и декора говорят о середине XVII века.

Фома Иванович Семичов в источниках не встречен. Эта фамилия достаточно часто упоминается в среде московского дьячества и провинциального дворянства.

ВПм № 46

Фото 94–95 Фрагмент изголовья плиты. Обнаружен в кладке арки галереи начала XVIII века церкви Петра Митрополита. (Отчет 1983 г. № 45. С. 20. Рис. 39). Вторичное использование.

Размеры: (47) х (28) х (18) см.

Орнамент резной жгутовой. Боковые грани оформлены рядом каннелюр, расставленных достаточным далеко (8 см) чтобы считаться арочками с врезными "колонками". Сверху и снизу пояс каннелюр обрамлен широкими лентами с косой насечкой и гладкими полочками заподлицо с нарезными.

Сохранилось начало трех строк надписи, врезанной глубокими бороздками, декоративной вязью рубежа XVI–XVII вв. Высота букв — 8 см.

Читается:

1. лѣтѫ̃з *(клеймо)* [прє]
2. ставис раб б(о)жи(и)
3. роман остаф(ьев)

Дата по внешним признакам, конец XVI — первая половина XVII века.

Среди многочисленных служивших в это время Остафьевых никого с именем Роман не встречено.

ВПм № 47

Крупное надгробие. Обнаружено при переборке кладки северо-восточного участка галереи начала XVIII века ц. Петра Митрополита. (Отчет 1982 г. № 14. С. 26). Вторичное использование. Торец и правая грань сколоты. Камень расширен к изголовью.

Размеры: 170 х 68/(?) х 40 см.

Орнамент резной жгутовой, композиция антропоморфная поздняя. Разделительной полосы и "плечиков" нет.

Надпись углубленная, вязью, нарезана на боковых гранях и торце изголовья. Она начиналась вблизи него на левой грани, проходила торец и кончалась на правой грани,

примерно на 1/3 длины. Высота строки — 7.5 см.

Читается:

[...] вера жена александровича дулова

Оформление и палеография позволяют датировать плиту последней третью XVII века.

В это время в многочисленном княжеском роде Дуловых известны по крайней мере три Александровича, сыновья Кирилла (Александра) Игнатьевича — Петр, Иван и Василий. Кроме этого рода, восходившего к Рюрику через князя Андрея Львовича Моложского-Дуло и к XIX веку угасшего, существовала и дворянская ветвь Дуловых, а также их незнатные однофамильцы.

ВПм № 48

Фрагмент края плиты. Обнаружен при очистке территории в перемешанном слое XIX века. (В отчеты не включен). Случайная находка. Орнамент боковой грани — крупные врезные треугольники "зигзагом" (вверху) и полочка (внизу). Между ними — углубленное поле, на котором врезанными буквами нанесена надпись в одну строку декоративной вязью. Табл. LXXIV 3

Читается :

[...] (про)живе wт рожден(ца) [...]

По особенностям палеографии, декору и формуле надписи надгробие должно быть отнесено к последним годам XVII века.

ВПм № 49

Крупное надгробие. Обнаружено при раскопках вокруг галереи начала XVIII века церкви Петра Митрополита к востоку — юго-востоку от нее. (Отчет 1982 г. № 49. С. 38. Рис. 80–81). In situ, сохранилась прилегающая отмостка. Камень расширен к изголовью. Изучена видимая часть. Фото 97–98

Размеры : (80) x 68/(?) x 37 см.

Орнамент лицевой грани — плетенка с клеймом в изголовьи. Орнамент боковых граней — низкие и очень широко расставленные каннелюры (между ними до 25 см) с дополнительными "колонками"-"тенями". Они обрамлены сверху и снизу широкой полочкой, косо "перевитой" лентой, на витках которой нарезано по три грани. За этой полочкой идут, также с двух сторон, нарезки крупными равнобедренными треугольниками, углубленными к вершине. Крайние полочки гладкие, без резьбы.

Дата по стратиграфии и орнаменту — середина XVII века.

ВПм № 50

Крупное надгробие. Обнаружено при раскопках галереи начала XVIII века церкви Петра Митрополита. (Отчет 1982 г. № 29. С. 38. Рис. 82). In situ. Фото 99–101

Сохранилось почти целиком. Стоит на подставке из кирпича рядом с опустевшим фундаментом из белокаменных блоков на участке будущей галереи, к югу от западного крыльца XVII века. (Возможно, от надгробия ВПм № 51). Камень расширен к изголовью.

Размеры: 170 x (64)/58 x 29 см.

Орнамент лицевой грани — резной жгутовой бордюр. Компзиция антропоморфная упрощенная. Среднего клейма, разделительной линии и плечиков нет, есть ли клеймо изголовья — неизвестно.

Орнамент боковых сторон — "елочка" из двух поясов с косыми редкими насечками, которые разделаны на четырехстороннюю грань ("лента с гранями"). По вертикали сторона делится на 4 пояса равной высоты.

Надписи нет. Дата по стратиграфии и особенностям оформления — вторая треть XVII века.

ВПм № 51

Фото 102 Крупное надгробие. Обнаружено при раскопках западного крыльца XVII века церкви Петра Митрополита. (Отчет 1982 г. № 30. С. 39. Рис. 52. Отчет 1983 г. Рис. 4, 5, 11). Вторичное использование. Плита взята с кладбища в конце XVII века для закладки площадки крыльца (возможно это было ближайшее к нему с юга надгробие, от которого остался белокаменный постамент. См. ВПм № 50). Камень расширен к изголовью.

Размеры: 180 х 64/55 х 38 см.

Орнамент лицевой резной жгутовой, очень стертый. Орнамент боковых поверхностей — уплощенные широкие каннелюры — "арочки", "зажатые" между двумя поясами "ленты с гранью"; за ними следуют углубляющиеся равнобедренные треугольники, нарезанные на слегка выступающей полочке.

Надписи нет. Дата по стратиграфии и декоративным особенностям — середина XVII века.

ВПм № 52

Фото 107 Фрагмент надгробия. Обнаружен при раскопках галереи начала XVIII века церкви Петра Митрополита. (Отчет 1983 г. № 32. С. 17. Фото в отчете 1981 г.). Вторичное использование. Верхняя грань сколота.

Общая высота надгробия составляла когда-то не менее 50 см.

Уцелел ряд крупных (сторона 6 см) равносторонних треугольников, обрамленных лентой с гранями; ряды более мелких треугольников с углубленной вершиной, без обрамления; ряд косых насечек "лента с гранями". От уровня каннелюр-арочек остался только след, но он удостоверяет наличие такого пояса.

ВПм № 53

Фото 108 Надгробие. Обнаружено в фундаменте юго-западного столба западного крыльца XVII века церкви Петра Митрополита. (Отчет 1983 г. № 40). Вторичное использование. Повернуто в кладке боковой стороной наружу.

Размеры: 120 х (?) х 21 см.

Орнаментация лицевой поверхности скрыта. На боковой грани — двойные каннелюры-арочки, разделенные удвоенным по ширине промежутком с врезанной "тенью". Фриз каннелюр обрамлен сверху и снизу полуваликом, по которому пущены обвивающие его косые "ленты", разделанные на грани. К ребрам боковая сторона выходит полочкой.

Дата по декоративным особенностям — рубеж XVI — первая четверть XVII века.

ВПм № 54

Фото 104 Детское надгробие. Обнаружено в выстилке западного крыльца XVII века церкви Петра Митрополита. (Отчет 1983 г. № 37. С. 18. Рис. 37). Вторичное использование.

Размеры: (55) х 32 х 17 см.

Орнамент лицевой стороны резной жгутовой, очень стертый. На боковых сторонах — каннелюры-арочки. Промежуток между ними больше удвоенной ширины арочки.

Обрамляющие пояса — косые ленты с гранями и треугольники с углубляющимися вершинами.

Надписи нет. Дата по формальным признакам — первая половина — середина XVII века.

ВПм № 55

Фрагмент плиты. Обнаружен в выстилке западного крыльца XVII века церкви Петра Митрополита. (Отчет 1983 г. № 36. С. 18. Рис. 35–36). Вторичное использование. Камень расширен к изголовью. Фото 105–106

Размеры: (110) x 62/54 x 20 см.

Орнамент комбинированный, резной жгутовой с элементами треугольчатого. Рамка — из трехпрядного жгута, разделительная полоса и "плечики" нарезаны искривленными треугольниками в виде "птичек". Среднее клеймо — один ряд мелких треугольников вершинами к центру и маленькая "вращающаяся розетка", окруженная дополнительным кругом "вихрящихся" штрихов. Клеймо изголовья не сохранилось.

Орнамент боковых сторон — очень редко расставленные каннелюры и "колонки", обрамленные широкой плоской полочкой с нарезанными косыми лентами с "гранью".

Надписи нет. Дата по формальным признакам — конец XVI — первая четверть XVII века.

ВПм № 56

Фрагмент боковой стороны плиты. Обнаружен в фундаменте северо-восточного столба западного крыльца XVII века церкви Петра Митрополита. (Отчет 1983 г. Рис. 17, 18, номера не имеет). Вторичное использование. Фото 103

Высота — 22 см, сохранность длины — 17 см.

Орнамент лицевой стороны неизвестен. Орнамент боковых сторон — пояс каннелюр-арочек с вертикальными бороздками "колонок", расширенных вверху. Промежутки между элементами равны ширине каннелюры. Пояс обрамлен полуваликами, нарезанными на косые ленты с разгранкой. Местами вместо лент пущены "птички". За полуваликами — две гладкие, немного более узкие полочки, завершающие орнаментацию.

Конец XVI — первая половина XVII века.

НАДГРОБИЯ ЦЕРКВИ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО В "СТАРЫХ СЕРЕБРЕНИКАХ"

("В НОВЫХ СТРОЖАХ" "В КРАПИВНИКАХ", "ЧТО НА ТРУБЕ")

Общая характеристика некрополя

Церковь во имя Сергия Радонежского в нынешнем Крапивенском переулке находится примерно в таком же отношении к Высоко-Петровскому монастырю, в каком церковь Воскресения Словущего — к Даниловскому. Она является типичным храмом подмонастырской слободы, стоящим вне стен обители и служащим для совершения обрядов, которые в самом монастыре не могут быть совершены.

Такой тесной исторической связи, какая наблюдалась в Даниловском, между церковью Сергия и монастырем не прослеживается — видимо из-за их расположения внутри города, где приходский храм невольно отделялся от обители и приобретал самостоятельное значение. Поэтому опишем остатки приходского некрополя отдельно.

Сам храм известен по документам с 1625 г. Он с большей или меньшей достоверностью может быть определен на ранних планах Москвы. Вероятно даже его появление на век или полтора раньше (поскольку слобода, упоминающаяся с конца XV века, должна была иметь приходский храм). Кроме того мы знаем, что церковь получала ругу — следовательно, существовала в XVI веке.

Каменная церковь, зачаток нынешней, возникла в 1677–78 гг., в 1679 г. о ней пишут как о построенной. (Деревянная погибла от пожара в 1677 г.) В 1702 г. появилась каменная трапезная с южным приделом (во имя Иоанна Предтечи), а в 1749 г. последовал указ о постройке вместо обветшавшего здания XVII века новой церкви с двумя приделами — в результате чего возник новый северный придел Николая Чудотворца, и колокольня.

Приход церкви в Старых Серебрениках описан в 1638 году, в нем было тогда 54 двора. Для нас особенно интересно упоминание церковного кладбища, имевшего небольшие размеры (17 х 18 саженей): "и то кладбище тесно, порожжей земли нет". Такая ситуация была типична для приходских некрополей середины XVII века — почему и последовал указ о временном их закрытии и прирезке новых участков. Известно, что смена кладбищ в Старых Серебрениках действительно была произведена.

В XVIII веке храм сменил топонимическое название и стал называться по переулку — "в Крапивниках" (от фамилии землевладельца Алексея Крапивина). Среди его прихожан в XVII — XVIII веках упоминаются члены знатных родов — Шаховских, Плещеевых, Ухтомских, Долгоруковых и других, которые вероятно здесь и погребались [*Серафим,* 1844].

Исследования некрополя. Хранение надгробий

Надгробия были обнаружены у церкви при реставрационных работах 1980-х гг., которые сопровождались небольшими археологическими расчистками и наблюдениями за укреплением фундаментов.

В 1986 г. было обнаружено и изучено семь надгробий с надписями, из которых 4 принадлежат XVII веку, 2 — началу XVIII и одно не имеет даты (конец XVII века?).

Плиты конца XVII — начала XVIII века — это вмонтированные в стену северного придела таблицы. (На них обращали внимание наши предшественники как на "закладные доски с уже трудночитаемым текстом").

Три ранних надгробия первой половины XVII столетия — типичные намогильные камни, которые вторично использованы в фундаментах при строительстве.

Хотя дата строительства придела по письменным источникам определяется как 1749 г., обнаруженные плиты, их даты и тексты, указывают на существование этой части придела уже в конце XVII — начале XVIII века. (Николаевский придел упоминается в 1722 г.).

На участке, несомненно, имелись и другие плиты — часть их использована при формировании отмостки вокруг храма — но они не сохранили ни надписей, ни орнаментов, и атрибутируются по характерной трапецевидной форме.

Сколько-нибудь широких земляных работ на некрополе не велось, траншеи вдоль стен не превышали шириной 1/1.5 м, поэтому никакого представления об остатках самого кладбища составить нельзя. Несомненно, при земляных работах вокруг церкви или при ремонтах ее фундаментов будут обнаружены как остатки погребений, так и надгробия в гораздо большем количестве.

В процессе реставрации плиты извлечены из-под фундамента и выставлены вдоль стены придела, где с ними можно познакомиться. Настенные таблицы сохранены на их местах и дополнены вновь найденными в переотложенном состоянии фрагментами.

Материалы натурных исследований не публиковались, отражены в отчете 1986 г. (Архив Института археологии РАН. Р-1. № 11505). Историческая справка — в архиве института "Спецпроктреставрация" (шифр 532, № 3432).

Описание надгробий

СК № 1

Крупная расширяющаяся к изголовью плита. Обнаружена в фундаменте северного придела. Сохранность плохая, лицевая грань сильно потерта, орнамент практически уничтожен. Фото 109, 110

Размеры: 198 х 80/65 х 36 см.

Орнамент лицевой поверхности резной жгутовой.

Орнамент боковых сторон каннелированный, уплощенный. Высота пояса двойных каннелюр — "арочек" — 4.5/5.0 см при расстоянии между ними — 12 см, посредине промежутка — вертикальная бороздка с треугольно расширяющейся верхней частью ("колонка").

Сверху и снизу пояс обрамлен лентой косых частых насечек (4 см), лентой "зигзага" из очень крупных противопоставленных треугольников (4 см) и гладкой лентой (5 см).

Пояс каннелюр слегка "утоплен", остальные заподлицо друг с другом и разделены только глубокими бороздами или графьей.

Надпись в пять строк общей высотой 56 см, шириной 61 см. Высота строки — 8 см, промежутка — 3.5 см. Буквы врезанные, вязь.

Читается:

1. [лѣта] ✻ зрм̃ *(клеймо)* д̃ г(о) ноябрѧ
2. в дї̃ д(ѣ)н(ь) прѣстави(с) раб(а) б(о)жиѧ
3. матрѣна во иноц(ѣх) ским(ни)ца мар
4. фа андрѣѧ[но]ва жена
5. борисович[а] потинина

Указанная дата смерти Матрены Потининой, жены Андреяна Борисовича (схимницы Марфы) — 14 ноября 7144 (1632) г. — не противоречит оформлению плиты.

В Росписи 1638 г. двор семьи Потининых не указан.

СК № 2

Фото 111, 112

Крупная плита, расширяющаяся к изголовью. Обнаружена в фундаменте северного придела. Сохранность камня и надписи хорошая.

Размеры: 167 х 66/42 х (?) см.

Орнамент резной жгутовой. Орнамент боковых сторон остался нам недоступен.

Надпись в десять строк занимает почти всю поверхность, спускаясь ниже "узла". Общие размеры ее поля — 115 х 42/30 см, высота строк — 7 см, промежутков — 4 см. Вязь, врезанные буквы с утолщенными мачтами и декоративными элементами. Для разделения двух половин текста применена розетка-звездочка с шестью лепестками.

Читается:

1. лѣта *(клеймо)* ✻ зр̃.
2. м̃з̃ г(о). апрѣлѧ. вꙋ.кг̃.д(ѣ)н(ь)
3. прѣставис раба б(о)жи
4. ѧ анна *(клеймо)* р̃мѝ г(о).
5. июлѧ. вꙋ. ѣї̃. д(ѣ)н(ь). прѣ
6. ставис раб б(о)жии
7. панфил юрѣвъ с(ы)нъ
8. маркова вн[ꙋ]къ ива
9. новича позде
10. єва

Даты смерти погребенных — 23 апреля 7147(1639) г. и 15 июля 7148 (1640) г. — не противоречит оформлению плиты. Надпись могла быть продолжена, но не исключен и заказ нового надгробия в 1640 г.

Поздеевы — хорошо известная в московской службе фамилия. Их род записан в Синодике Московского Успенского собора. Ранее других (1573 г.) упомянут источниками Иван Поздеев — среди группы "самопальщиков" двора Ивана Грозного. Этот, видимо, искусный стрелок получал оклад в 15 руб. "да сукно доброе, да тафт, да 300 четей поместья" [*Альшиц,* 1988. С. 189].

Вероятно на плите не случайно названо имя деда умершего, практически никогда на надгробиях не упоминающееся. Марк Иванович жил интересно и побывал во всяческих переделках Смуты. Впервые упомянут в 1605 г. в Разрядном приказе, в 1606-1607 гг. был дьяком в Большом полку под Калугой (то есть в армии, действовавшей против Болотникова). В 1610 г. — дьяк Посольского приказа, а летом 1611 г. дьяк в стане Прокопия Ляпунова, где подписывает Земский приговор ополчения. Упоминается во многих документах, в 1610 г. даже ошибочно показан погибшим, но служит вплоть до 1636 г. В 1613 г. — "приложил руку" к выбору Михаила Федоровича на царство, в 1617 г. был в посольстве в Англии вместе со Степаном Волынским, в 1620–30-х гг. в Ярославле, Астрахани, и других местах, в 1626 г. попал под следствие и конфискацию имущества, но в начале 1630-х гг. его двор показан в Москве, он заканчивает карьеру в Московском судном приказе.

Его сын Иван и внуки также известны источникам. Иван Марков — дьяк уже в конце 1620-х гг., у него свой двор "в переулке к Володимеру в сады", в то время как Марк имеет двор "Петра Митрополита на монастырской земле". Вероятно здесь с ним живут и не упомянутые домочадцы — сын Панфил, а также внук Юрий, погребенный в 1640 г. на местном приходском кладбище [*Веселовский,* 1975. С. 418; *Росписной список.* С. 77, 124, 454; *Холмогоровы,* 1881. С. 61].

СК № 3

Крупное надгробие, расширяющееся к изголовью. Обнаружено в фундаменте северного придела. Правая часть плиты сильно повреждена. Фото 113–115

Размеры: 188 х 75/50 х 40 см.

Орнамент резной жгутовой, ширина бордюра — 9.5 см; расстояние от изножия до верха "плечиков" — 74 см.

Орнамент боковых граней — двойные каннелюры уплощенного типа. Высота пояса — 6.8 см, расстояние между желобками — 12/12.5 см. Посредине нарезаны глубокие бороздки — "колонки" с треугольным расширением. Пояс каннелюр нарезан по протесанной ленте в середине высоты боковых граней. Выше и ниже выступает ряд "лента с гранями" — косые широкие нарезки, чередующиеся с обработкой фасками, с разделкой на мелкие, квадратные "грани". Следующий ряд — из широких равносторонних треугольников, образующих "змейку", разрезанную на мелкие "грани". Крайние пояса сверху и снизу — гладкие.

Надпись покрывает практически всю поверхность плиты и состоит из двух частей, нарезанных разной техникой.

Внутри рамки она выпуклая, в обронной технике, вычурной вязью второй четверти XVII века, в пятнадцать строк вплоть до самого изножия. Высота строк и самих букв в них неодинакова, в изголовьи они вдвое крупнее чем в изножии (от 8/11 см до 4/4.5 см).

Надпись очень красива. Резчик использовал самую тесноту места как декоративный прием — например, предпоследняя строка врублена прямо в полосу жгута, которая при этом переоформлена в завитки.

Декоративность плиты усиливает вторая надпись, пущенная прямо по полосе жгута в изголовьи и вдоль боковых сторон. При этом сам жгут срублен, его место заглажено, и

на получившейся "утопленной" строке врезанными буквами ("приземистой" вязью с расширенными мачтами) нанесен текст.

Можно полагать, что это — дополнительная надпись, сделанная позднее основной. Читается:

1. лѣта *(клеймо)* [з̃]
2. р҃мѳ г(о) ге[нваря]
3. вч҃ ла҃. де[нь на па]
4. мат(ь) с(вя)тыхъ чю[дот]
5. ворецъ і безсребренн[ик]
6. кира і иванна пре
7. стави(с) рабъ б(о)жи[и се]
8. минѡ григор[евич]
9. че
10. лицевъ [проз]
11. ви[цем]
12. бѹлѹ[шъ с сыновыа]
13. ми своими фе
14. дотомъ да с [ма]
15. ксимомъ

Из надписи-бордюра читается:

вдоль изголовья: лѣта з̃.р҃[н?]в̃ [...]

на левой стороне: **раба божиа девица феѡдосиа бѹлѹшева дочь григорьевича челицева.**

Дата основной надписи — 31 января 7149 (1641) г. — не противоречит оформлению плиты, также как не совсем ясная дополнительная дата — 7152 (1643/44 гг.). Плита вероятно изготовлена в 1641 г., дополнительная надпись — в 1643–44 гг.

Плита отмечала захоронение представителей одной из ветвей известного дворянского рода Челищевых, потомков Григория Федоровича Чеботая: Семена Григорьевича Чеботаева и трех его детей — Федота, Максима и Феодосии. Согласно родовой росписи, С. Г. Чеботаев (Булуш) умер бездетным, что не следует понимать буквально — по-видимому, двое его сыновей умерли одновременно с отцом в 1641 г., а дочь — несколько позже.

Дата смерти Булуша подтверждена документально. В качестве дворянина московского он упоминается в службе с конца 1620-х гг. В 1638 г. "Петра митрополита на церковной земле" показан "Двор Балуша Григорьева сына Челищева" [*Руммель, Голубцов*, Т. II. С. 661; [*Челищев,* 1893; *Росписной список,* С. 78].

СК № 4

Фото 117

Настенная ("памятная") плита. Врезана в северную стену северного придела церкви, снаружи. Крайнее к западу из трех аналогичных надгробий.

Квадратная плитка (62 х 62 см) с очень простой рамкой в виде гладкой узкой полочки. Почти целиком заполнена врезанной надписью в шесть строк четким и простым шрифтом почти без элементов вязи. Высота строк — 5 см, промежутков — 2.5 см.

Читается:

1. лѣта зрчи г(о) месяца [сен]те
2. бря в а д(ѣ)н(ь) преставися раб
3. б(о)жии столнїкъ михай
4. ла борисовичъ чели
5. цевъ и погрѣбенъ про
6. тивъ сеи таблицы

Дата смерти — 1 сентября 7198 (1689) г. — не противоречит оформлению доски. Нехарактерная для древней Руси формулировка также должна быть отнесена на счет весьма поздней даты. Но нельзя исключить и переоформление камня, скажем, в начале или первой половине XVIII века.

Михаил Борисович — племянник Семена Григорьевича Булуша, сын его старшего брата Бориса Енаклыча. В источниках назван многократно, с конца 1650-х гг. как стряпчий, а с 1676 г. — как стольник. Последние упоминания в службе датируются 1686 г. [*Руммель, Голубцов*, Т. II. С. 663].

Интересно, что его похоронили у церкви Сергия в Старых Серебрениках, хотя росписью 1638 г. двор отца показан совсем в другом приходе, на Сивцевом Вражке. Вероятно здесь были древнейшие владения Челищевых и, соответственно, сформировался их родовой некрополь.

СК № 5

Настенная ("памятная") плита. Вмонтирована в наружную стену северного придела рядом с плитой СК № 4, к востоку от нее. Верхний левый угол утрачен. Фото 116

Типичный памятник рубежа XVII–XVIII вв. в виде трапецевидной "таблицы" с обронной надписью, окруженной очень пышным рельефным растительным орнаментом барочных форм.

Размеры: 70 х 85/73 см.

Ширина внутренней рамки для надписи — 52 см. Надпись вязью в шесть строк, заполняет всю рамку. Высота строк — 5 см, промежутков — 2.5 см.

Читается:

1. [...] дѣн(ь)
2. [...] [раб]а б(о)жиа вдова
3. [...] [ива]новна михаило
4. ва жена борисовича чели
5. цева а от рождениа житиа
6. еа было пг. года

Дата плиты утрачена, однако оформление, идентичное следующей плите, вкупе с указанием на почтенный возраст покойной, прожившей 83 года и существенно пережившей мужа, заставляет относить ее к 1710-м гг. (Ср. СК № 4).

Не хочется отказываться от публикации этой и следующей плиты из-за их принадлежности XVIII веку — во-первых, по соображениям целостности этого семейного комплекса, но также — в связи с очень ясно выраженными отличиями оформления и текста, ясно показывающими отмирание средневекового надгробия.

СК № 6

Фото 118

Настенная ("памятная") плита. Вмонтирована в наружную стену северного придела, крайняя с востока в ряду надгробий семьи Челищевых.

Типологически аналогична предыдущей (СК № 5) — пышная рама рельефного растительного орнамента барочных форм окружает трапецевидное поле для надписи в дополнительной узкой рамке.

Размеры: 65 х 92/86 см, рамка текста: 41 х 64/53 см.

Надпись в шесть строк декоративной вычурной вязью, выпуклыми буквами (обронная). Занимает все поле.

Читается:

1. лѣта wт сотворенїа мира ꙁвѳі. wт р(о)ж(дє)ства
2. хр(и)ст(о)ва а҃цві г(о) октѧбрѧ в а҃ д(є)н(ь) на памят(ь) по
3. кров прес(вѧ)тыѧ б(огоро)д(и)цы. престависѧ раба б(о)жиѧ
4. кн(ѧ)г(и)ня евдокиѧ михаиловна столнїка і ка
5. питана лєб гвардіи семеновского полку кн(ѧ)жь
6. федоровскаѧ жена івановича дашкова

Дата смерти, 1712 г., указана двумя способами — традиционным древнерусским и европейским. Переходный характер памятника подчеркивается и указанием на чин московской службы (стольник) одновременно с новым чином по гвардейскому Семеновскому полку. Следует отметить, однако, сохранение древнерусского "формуляра" надписи, в который добавляются лишь новые элементы.

Федор Иванович Дашков упоминается как стольник в конце 1680–90-х гг., его служба в пределах XVIII века не прослеживалась (но это нетрудная задача).

Жена Ф. И. Дашкова, Евдокия Михайловна, видимо приходилась дочерью М. Г. Челищеву Енаклычу, почему и похоронена на семейном кладбище.

СК № 7

Фото 119

Фрагмент настенной плиты. Обнаружен в перекопе вблизи северного придела.

Размеры: (33) х 43 см.

"Таблица" с простой рамкой (полочка и обратный четвертной валик) и четырьмя сохранившимися строками надписи врезными буквами простой вязью с остатками прокраски.

Читается:

1. [...] кнѧгинѧ ѵлене [...]
2. чъ борцієва а жена [кнѧ]
3. зѧ василиѧ ѵхтомско[го]
4. и погребена протнв сеи натпїсї

Дата не сохранилась, но характер таблицы, близкий надгробию СК № 4, а также возможные сведения о муже погребенной заставляют считать плиту принадлежащей последним десятилетиям XVII или самому началу XVIII столетия.

Князей Василиев Ухтомских в это время известно два — Дмитриевич и Юрьевич, один упоминается последний раз в службе в 1677, другой — в 1676 году. Без более подробного исследования, к которому в этой работе нет оснований, "выбрать" невозможно.

Девичья фамилия покойной — Борщева — также мало помогает, так как ее носило слишком много современниц.

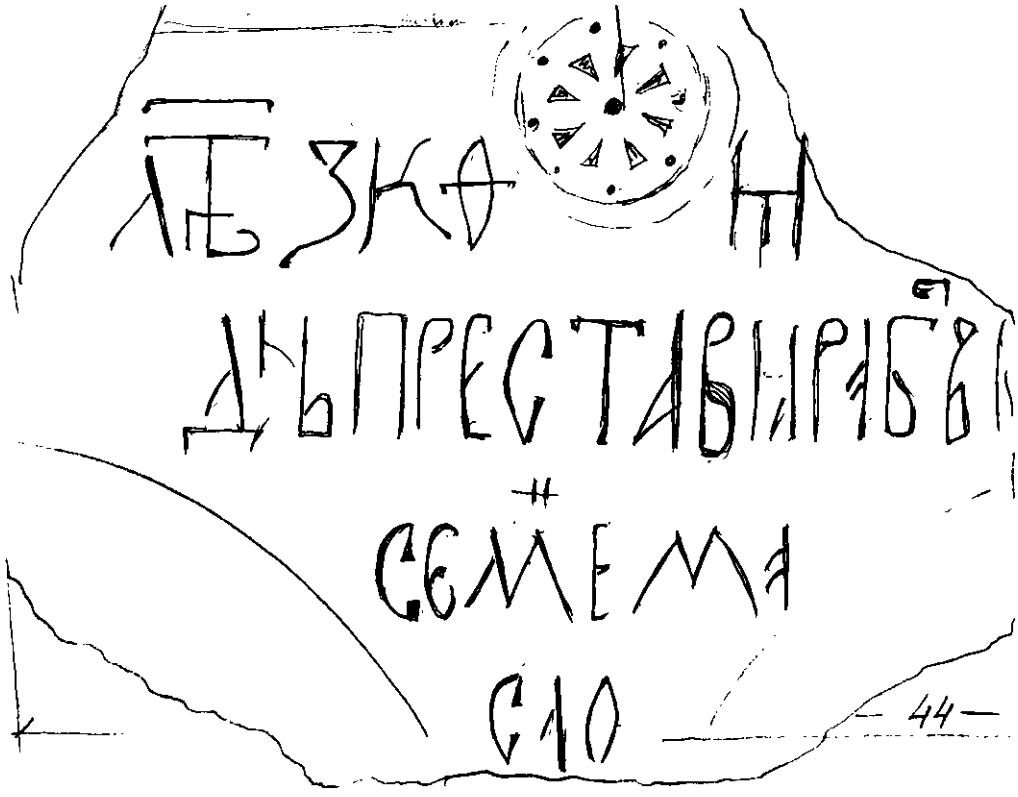
СК № 8

Крупная плита, расширяющаяся к изголовью. Найдена при рытье траншеи вдоль южного фасада.

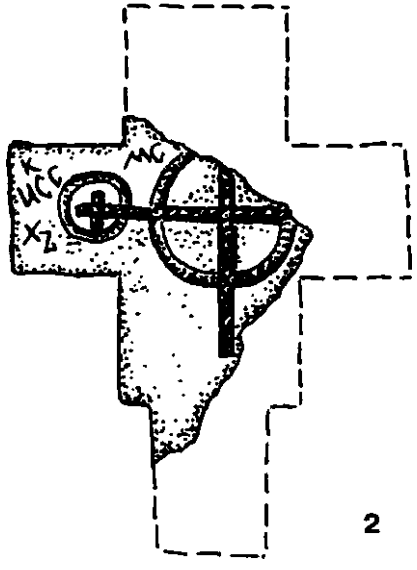
Размеры: 195 х 70/53 х 29 см.

Орнамент резной жгутовой. Орнамент боковых сторон — каннелированный уплощенный. Низкие двойные каннелюры — "арочки" обрамлены сверху и снизу полосами косых нарезок и гладкой полочкой. Без надписи.

Дата по характеру декора — первая половина — середина XVII века.

1

2

1. Надпись на плите Семена Масло, 1520/21. СР № 1; 2. Фрагмент креста. XVII (?) век. СР № 5. Полевые зарисовки.

Plate LXXV. Fragments of the sixteenth- and seventeenth-century graveslabs from the Church of Sergii "in Rogozshskaia" in Moscow. Field-sketches. 1) inscription on the graveslab of Semion Maslo, 1520/21; 2) fragment of the seventeenth-century (?) stone-cross.

НАДГРОБИЯ ЦЕРКВИ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО В РОГОЖСКОЙ СЛОБОДЕ

Характеристика памятника

Церковь Сергия Радонежского — приходский храм Рогожской (Гонной) подмонастырской слободы Спасо-Андроникова монастыря. Ее некрополь восходит по крайней мере к XVI веку, но церковь упоминается документами только с 1625–28 гг. (в то время — Троицкая с приделом Сергия). Каменный храм существовал уже в начале XVIII века. Нынешняя церковь принадлежит рубежу XVIII–XIX вв. [*Перфильева, Разина,* 1994. С. 109–120].

До реставрации 1980-х гг. не было известно следов построек или погребальных памятников ранее XVIII века. При очистке подвальных помещений храма в 1987 г. (под наблюдением М. В. Фролова, ин-т "Спецпроектреставрация") был найден ряд белокаменных плит и крестов, несомненно относящихся к XVI–XVII вв., что удревняет церковь и кладбище. Памятники были переданы Музею имени Андрея Рублева. До сих пор не публиковались. Отчет хранится в Институте "Спецпроектреставрация" и в архиве Института археологии РАН.

Дальнейшие исследования некрополя и оснований храма, поиск остатков его предшественников — кажутся перспективными.

Описание надгробий

СР № 1

Фрагмент изголовья плоской плиты. Обнаружен в засыпке подвала церкви. Камень расширен к изголовью. Табл. LXXV 1

Размеры: (43) x (44) x 9 см.

Орнамент резной треугольчатый. Композиция антропоморфная устойчивая. Очень стертые края плиты не позволяют описать детали, однако очевидно существование бордюра из мелких треугольников, на довольно значительном расстоянии друг от друга. Также оформлены "плечики", располагавшиеся близко к изголовью. Внутреннюю рамку образовал один ряд треугольников вершинами наружу. Фото 120

Клеймо изголовья — часть круга, очерченного графьей и двумя рядами мелких треугольников вершинами внутрь. В середине — восьмилепестковая розетка из коротких и широких треугольников, обращенных вершинами к ямке — центру. Аналогичные ямки-точки шли вокруг розетки, размечая промежутки "лепестков".

Надпись сохранилась почти целиком. Четыре строки полууставом аккуратно "врисованы" в поле между рамкой и "плечиками". Буквы врезные, линии тонкие, напоминающие граффити, выполнены вполне профессионально.

Читается:

1. лѣт҃ зкѳ҃ *(клеймо)* м[аа? марта?]
2. нї҃ д(ѣ)нь преставис҃ рабъ б[ожии]
3. семен҃ ма
4. сло

Дата — 7029 (1521/20) г. — не противоречит оформлению плиты. Наиболее вероятна принадлежность указанного дня к одному из майских месяцев, но нельзя исключить, что начальное "М" относится к слову "месяц", — тогда сам месяц останется неизвестным.

Маслов — распространенная фамилия, но перед нами скорее прозвище "Масло", поскольку иначе следовало бы ожидать "сын Маслов". Такие прозвания хорошо известны [*Веселовский,* 1974. С. 194].

СР № 2

Фото 121 Небольшое (детское) надгробие. Обнаружено в засыпке подвала церкви. Камень расширен к изголовью.

Размеры: 84 х (27)/33 х 9.5 см.

Орнамент резной треугольчатый. Композиция антропоморфная устойчивая. Бордюр из мелких, но глубоко врезанных треугольников, ряды которых близко сдвинуты и образуют зигзаг — "змейку" с острыми изломами. Также нарезаны "плечики", разделительная полоса, боковые ленты внутренней рамки. Полоса рамки вдоль изголовья и оба клейма нарезаны редкими крупными треугольниками, разделенными графьей. Остальное — неправильными треугольниками.

Клеймо изголовья — сегмент менее полукруга, заполнено двумя горизонтальными рядами равнобедренных треугольников, причем против их вершин поставлены крупные точки-ямки. Среднее клеймо очень близко к изножию; это правильная восьмилепестковая розетка с центром, отмеченным ямкой. Обрамление и разделение лепестков выполнено четкой графьей.

Орнамента на боковых сторонах нет. Надписи нет.

Дата по типу оформления — середина — вторая половина XVI века.

СР № 3

Фото 122 Маленький фрагмент надгробной плиты с остатком среднего клейма. Обнаружен при очистке подвала церкви. Толщина 17 см. Орнамент резной треугольчатый. Середина занята крупной многолепестковой розеткой, лепестки выбраны широкими канавками, сужающимися к центру и округлыми в сечении, которые упираются широкой стороной в край круга. Наружная сторона клейма — две полосы графьи, между которыми — лента вытянутых мелких треугольников вершинами внутрь круга.

Дата по декоративным особенностям — вторая половина XVI века.

СР № 4

Каменный крест. Обнаружен при очистке подвала церкви. Размеры: высота (без "зуба") — 42 см, ширина — 27 см. Фото 123

Крест восьмиконечный, уплощенный, с обычным для крестов Центральной России треугольчатым "голубцом". В нижней части трапецевидное расширение — "Голгофа". Перекладины очень короткие, рудиментарные, слабо выступающие из общей плоскости (на 3–4 см при ширине 10 см). Край оформлен невысоким бортиком, в подошве сохранился широкий "зуб", которым крест крепился к постаменту.

Плоская поверхность креста несет крупное (высота 30 см) рельефное изображение традиционного восьмиконечного креста, у которого, однако, косая перекладина помещена не внизу, а между короткой верхней ("табличка") и основной ("перекрестье"). Изображения Голгофы крест не имеет. Все его части нарезаны одинаковыми узкими полосами с бортиком, внутри разделаны цепочкой пирамидок ("граней").

В верхней части памятника, справа и слева от рельефного креста, ниже "таблички", традиционная надпись под титлами:

ца(р)ь славы
і(исѵ)с х(ристо)с

Надпись нарезана углубленными буквами с высокими и не очень широкими мачтами. Палеографически крест может датироваться второй половиной XVI — первой третью XVII века, хотя прочие признаки скорей позволяют отнести его ко второй половине XVII столетия.

СР № 5

Каменный крест обнаружен при очистке подвала церкви. Сохранилась часть перекрестья, нижняя часть ствола (12 см) и левая ветвь (10 см). Крест с прямыми ветвями, видимо, равноконечный (30 х 30 см). Без "Голгофы". Поверхность гладко протесана, на ней низким рельефом изображен строго отцентрированный крест (24 х 24 см). Рельеф — валик округлого сечения, с косыми нарезками ("веревочка"). Средокрестье обведено заглубленным кругом (диаметр почти в ширину ствола, 12 см). Левая ветвь ближе к концу "перечеркнута" рельефным отрезком, так что образовался маленький крестик, целиком заключенный в круг диаметром 5 см. Края большого и малого кругов не соприкасаются. Табл. LXXV 2

В подошве имеется "зуб" для крепления на подставке.

Левее маленького круга, на оставшемся до края ветви пространстве, глубокое и тщательное граффити:

і(н)с(ѵ)с хъ(ристос)

В левом углу перекрестья, сверху от большого круга, сохранились еще две буквы граффити — "МО"

Дата по декору и палеографии — (XVI)–XVII вв.

НАДГРОБИЯ КРУТИЦКОГО ПОДВОРЬЯ

Общая характеристика некрополя

Некрополь древнего подворья епископов Сарских и Подонских. Успенский монастырь на Крутицах в Москве, никак не может считаться серьезно исследованным. В то же время это одно из весьма древних и интересных средневековых кладбищ. Время появления здесь обители точно не установлено, однако со второй половины XV века о ней можно говорить совершенно уверенно [*Монастыри*, С. 180–183]. Примерно так же можно датировать первые памятники некрополя, который привлекал внимание неоднократно.

Говоря о надгробиях, следует назвать три группы. Во-первых, давно известные надписные таблицы в приделе святого Николая Мирликийского и нижней соборной церкви апостолов Петра и Павла. Последняя была построена в конце XVII века и древнейшая надпись здесь датируется 1688 г. В Никольском приделе сохранялись надгробные надписи конца XV — середины XVI века.

Необходимо иметь в виду многочисленные перестройки и ремонты памятников, один из которых повлек за собой переоформление плит в начале XIX века, причем неизвестно, располагали ли реставраторы подлинными памятниками для копирования [*Корюкина, Виноградов,* 1988. С. 21, 24–25]. По-видимому, именно это не позволило В. Б. Гиршбергу включить давно известные надписи Крутиц в свой свод XVI века.

Вторую группу надгробий составляют фрагменты, собранные при многолетних реставрационных работах и планировках территории. Это совершенно депаспортизованный материал, который давно был свален в углу Красного двора и нуждался в разборке. В 1988 г. при любезной помощи руководившего раскопками Н. В. Пахомова мне удалось в основном пересмотреть комплекс. В нем не оказалось ни надписных камней, ни экземпляров, которые датируются ранее XVI–XVII вв. Эта небезынтересная коллекция заслуживает подробной фиксации и поступления в одно из музейных хранилищ.

Третья группа памятников — ряд надгробий in situ над могилами, открытый работами Н. В. Пахомова в районе восточной стены Красного двора. Благодаря его любезности мне удалось познакомиться с находками в момент открытия. Именно этот комплекс, весьма редкий по сохранности и однородности, включен в каталог. Он до сих пор не

публиковался, отчета в архиве ИА РАН нет. После изучения плиты были оставлены на своих местах.

Описание надгробий

КП № 1

Табл. LXXVI

Фото 124–125

Плоская плита, слабо расширенная к изголовью. Обнаружена в траншее вдоль восточной стены Красного двора Крутицкого подворья (XVIII в.), фундамент которого частично перекрывает надгробие. In situ. Расчищено почти полностью сохранившееся изголовье и средняя часть.

Размеры: (97) х 50/(?) х 11 см.

Орнамент резной треугольчатый. Композиция антропоморфная устойчивая. "Плечики" близко подняты к изголовью. Бордюр, внутренняя рамка и "плечики" нарезаны одинаковыми полосами противопоставленных треугольников, довольно крупных, равнобедренных, весьма близко сведенных и образующих зигзаг — "змейку" без внутренней графьи. Боковая графья полос очень глубокая, отчего орнаментальные элементы кажутся приподнятыми. Внутренняя рамка — только вдоль боковых сторон.

Клейма обрамлены все теми же треугольниками, верхнее немногим больше полуокружности, среднее — круг. Заполнение — восьмилепестковые розетки, разделенные внутри графьей с вписанными короткими треугольниками вершинами к центру. Боковые стороны без орнамента.

В поле изголовья, ниже розетки, сохранилась надпись-граффити, выполненная очень уверенно почерком типа полуустава, без разметки. Все девять строк примерно равной высоты, они заполняют промежуток "плечиков", нигде не залезая на орнамент.

Читается:

1. в лѣт(о) ҂зѕ го м(є)с(ѧ)ца ав[густа]
2. ѳ на памѧт[ь] с(вѧ)т(о)го (а)
3. п(о)с(тол)а матѳѣ
4. ѧ [поло]жена бы
5. сть дска си
6. ѧ на раба
7. б(о)жиѧ мі
8. санла и
9. нока

Дата, указанная на плите, 9 августа 7006 (1498) г., одна из самых ранних среди надгробных надписей Москвы. Она дает надежный ориентир в хронологии памятников рубежа XV–XVI вв. и, сколько можно судить, не противоречит манере оформления "доски". Указанный праздник совпадает с календарной датой.

Следует обратить внимание на свободную формулировку надписи, еще не полностью подчиненную привычной схеме. Весьма важно также, что дата отнесена не к смерти (или не только к смерти), но к факту укладки плиты (и погребения?). Следовательно, есть уверенность, что момент изготовления плиты не отличается существенно от указанной в надписи даты.

Надпись на плите инока Мисаила, 1498 г. КП № 1. Прорисовка.

Plate LXXVI. Inscription on the graveslab of a monk Misail, 1498. Uspenskii Krutitskii monastery in Moscow. Drawing.

КП № 2

Плоская плита. Обнаружена рядом с плитой КП № 1. In situ. Перекрыта фундаментом восточной стены Красного двора. Видна до среднего клейма. Камень слегка расширен к изголовью. Фото 126–127

Размеры: (90) x 58/(49) x 11 см.

Орнамент резной треугольчатый. Композиция антропоморфная устойчивая. Бордюр и "плечики" — из довольно крупных треугольников, лента которых сведены таким образом, что промежутки образуют не столько "змейку" или зигзаг, сколько цепочку соединенных углами ромбов. Внутренняя рамка — из одного ряда таких же треугольников вершинами наружу, одинаковая с боков и в изголовьи. Выше ленты бордюра в изголовьи проходит дополнительный ряд треугольников вершинами внутрь плиты.

Клеймо изголовья — неправильная дуга, образованная очень близкими по типу треугольниками. Заполнения не имеет. Среднее клеймо обрамлено более мелкими треугольниками и заполнено восьмилепестковой розеткой, образованной треугольниками с широким основанием вершинами к центру.

В поле ниже клейма изголовья сохранилась надпись-граффити в одну строку, почерком указывающим на знакомство с ранними образцами вязи. Читается плохо, смысл не восстанавливается (прямо по строке проходит трещина). Довольно хорошо различимы буквы:

[о? в]иси[є? в?]вог[и?]о[ю?]спасєс

Дата по особенностям оформления — первая половина XVI века.

КП № 3

Плоская плита. Обнаружена в траншее при расчистке фундамента восточной стены Красного двора. In situ. На поверхности кладбища XV–XVI вв. Камень слегка расширен к изголовью.

Размеры: 135 x 36/32 x 9 см.

Орнамент резной треугольчатый. Композиция антропоморфная устойчивая. Все ленты нарезаны одинаковыми, близко сведенными рядами довольно крупных треугольников. В основном они образуют зигзаг — "змейку", но часто ряды сдвинуты и получается цепочка ромбов (в разделительной полосе и "плечиках"). Особенность декора — дополнительный ряд одинарных треугольников вершинами наружу, проходящий поперек плиты в изголовьи и изножии, прерывая бордюр.

Клеймо изголовья — сегмент меньше полуокружности; образовано двумя рядами треугольников вершинами к центру, без заполнения. Среднее клеймо обрамлено лентой противопоставленных треугольников и заполнено восьмилепестковой розеткой с округло завершенными лепестками; внешний диаметр — 13 см. Боковые стороны без орнамента. Надписи нет.

Дата по формальным признакам — первая половина XVI века.

КП № 4

Фрагменты слабо расширяющейся к изголовью плоской плиты. Обнаружены в одном ряду с другими надгробиями в уровне кладбища рубежа XV–XVI вв. у восточной стены Красного двора. In situ. Нижняя часть утрачена. Фото 129

Размеры: (45) x 52/(?) x 9 см.

Орнамент резной треугольчатый. Композиция антропоморфная устойчивая. Бордюр, внутренняя рамка, "плечики" и обрамление клейма — в однородной манере. Это

тесно противопоставленные треугольники вытянутых пропорций, образующие тонкие зигзаги — "змейки" с довольно острыми углами. Разница в размерах есть, но она происходит от ошибок исполнения более, чем от замысла. (Ширина лент колеблется от 1 см в обрамлении клейма и внутренней рамке до 2 см в бордюре).

Клеймо сильно выступает из рамки, но частью все же срезано ею (диаметр 10,5 см). Внутреннее заполнение — три ряда квадратиков, разделенных графьей, каждый из которых поделен диагональю на два треугольника, которые и врезаны в поверхность доски. Орнамента на боковых сторонах нет. Надписи нет.

Дата по типу орнамента — первая половина XVI века.

КП № 5

Фото 128

Фрагменты средней части плоской плиты, расширяющейся к изголовью. Обнаружены при раскопках фундамента восточной стены Красного двора (XVII в.) на уровне кладбища XV–XVI вв. Сохранились остатки резного треугольчатого орнамента антропоморфной устойчивой композиции: среднее клеймо, "плечики" и часть бордюра. Два последних элемента выполнены мелкими треугольниками, противопоставленные ленты которых образуют цепь из ромбов. Ленты отчеркнуты графьей. Клеймо имеет обрамление из одного ряда мелких треугольников вершинами к центру. Середина заполнена восьмилепестковой розеткой с лепестками-треугольниками (равнобедренными, укороченных пропорций). Орнамента боковых сторон нет, надписи нет.

Дата по типу оформления — первая половина XVI века.

НАДГРОБИЯ КЛАДБИЩА XIV — НАЧАЛА XVI ВЕКА В КОЛОМЕНСКОМ

История некрополя

Музей-заповедник "Коломенское" обладает прекрасной коллекцией средневековых русских надгробий, небольшая часть которых принадлежала когда-то окрестным кладбищам, а остальные поступили из других районов Москвы. (Этой коллекции будет посвящена специальная публикация, подготовленная хранителем фонда Т. В. Левиной).

Здесь описывается только группа плит, обнаруженных при археологических работах 1978–79 гг. над могилами внезапно открытого на центральной площади усадьбы кладбища. Этот некрополь, вероятно, сложился вокруг деревянной церкви великокняжеского села, которая лишь в 1530-х гг. была сменена новым усадебным комплексом с всемирно известной каменной церковью Воскресения.

Всего было изучено около полутора сотен погребений, плиты которых исчезли бесследно. Однако на четырех могилах камни уцелели — над ними прошло полотно дороги, скрывшее памятники. К сожалению, инвентарь в погребениях отсутствовал, поэтому дата устанавливалась на основе общих стратиграфических наблюдений и исторических данных. Они подробно изложены в специальной публикации.

Общая дата некрополя — в пределах конца XIII — первой трети XVI века, уточнение датировки плит возможно только на основе анализа их оформления. Предварительное описание плит в публикации некрополя было слишком кратким, а обмерные чертежи столь резко уменьшены, что не позволяли составить полного представления о надгробиях. Считаю необходимым повторить публикацию этой важной для исследуемой темы группы [*Беляев*, 1991а. С. 47–57; в примечании 16 была перепутана принадлежность обмеров погребений, которую пользуюсь случаем привести в порядок]. (Отчеты в архиве ИА РАН, Р-1, № 7034 за 1978 г., № 7724 за 1979 г.).

Описание надгробий

КЛ № 1

Табл. LXXVII 2, 4

Плита в форме не совсем правильного параллелепипеда. Один торец отколот. Обнаружена при раскопках кладбища XIII/XIV — начала XVI века над погребением № 60. In situ. Погребение без инвентаря.

Размеры: (90) х 35 х 10/12 см.

Фото 131

Орнамент лицевой поверхности — резной треугольчатый. Композиция симметричная (неустойчивая антропоморфная?). Основные элементы — бордюр и примыкающие к нему уплощенные дуги. По-видимому, утраченный торец украшала такая же дуга. Композиция может быть трактована также как крестообразная. Теоретически возможно представить существование еще одной или двух пар боковых дуг, но получающаяся длина при заданной ширине плиты кажется мало вероятной. Скорее всего, полный размер камня не превышал 110/120 см.

Бордюр отстоит от края плиты на 3 см, его собственная ширина — 3 см. Основание дуги в торце — 19,5 см при таком же выносе от края.

Боковые дуги имеют ширину 27/28 см при выносе около 15 см. Все элементы нарезаны по слабой графье, в однородной технике — крупными треугольниками, близкими равносторонним со стороной 2/2,5 см. Ряды треугольников противопоставлены так, что вершины касаются линии основания противоположного ряда. В результате образуется простой и ясный орнамент в виде ломаной линии. Заполнения внутри дуг нет. Орнамента боковых сторон нет. Надписи нет. Близких аналогов нет.

Предположительная дата — XIV век.

КЛ № 2

Табл. LXXVII 5

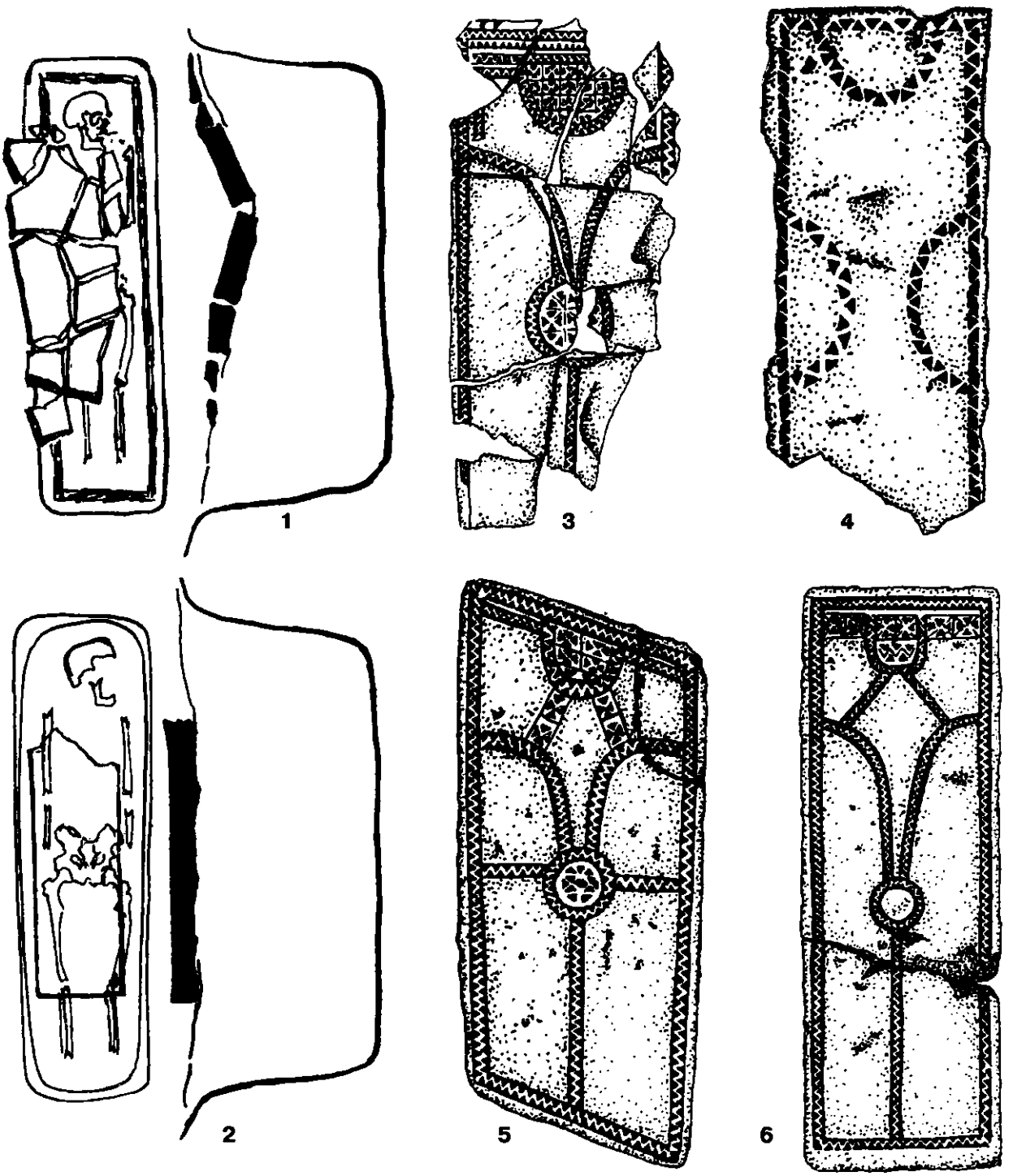
Плита неправильной формы (со скошенным изножием). Обнаружена при раскопках некрополя XIII/XIV — начала XVI века над погребением № 52. In situ. Погребение без инвентаря.

Размеры: 93/98 х 46/42 х 10/14 см.

Орнамент резной треугольчатый. Композиция антропоморфная устойчивая с дополнительными элементами — "поясом" и крестчатыми лентами, соединяющими клеймо изголовья с "плечиками". Последние подчеркнуто Т-образны — от среднего клейма поднимаются к изголовью почти параллельно, а затем резко отгибаются к боковым сторонам, не теряя прямизны. Среднее клеймо — практически точно по центру плиты, "плечики" от изголовья отстоят на 16 и 21 см (из-за неровности изголовья). Вынос верхнего клейма от края (по оси) — 17 см, оно имеет неправильно-округлую форму и срезано бордюром изголовья. Диаметр центрального совершенно круглого клейма — 11.5 см.

Оба клейма и соединительные ленты от "плечиков" нарезаны крестчатым орнаментом — квадратиками, разделенными внутри диагоналями, так что врезанные затем четыре треугольника образуют равноконечный крестик с расширенными ветвями. Сторона треугольников колеблется от 1 до 1.5 см. В верхнем клейме помещается два раза по два крестика, ленты и среднее клеймо тоже имеют по два крестика. Остающиеся сегменты клейм заполняются противопоставленными треугольниками "по месту", не образуя крестов. Остальные элементы образованы полоской противопоставленных крупных треугольников (сторона — 1.5/2.0 см), причем ряды тесно сведены и образуют очень тонкую, менее 1 см, "змейку". По сторонам от клейма изголовья пущены дополнительные полоски аналогичных, но уменьшенных треугольников. Орнамента на боковых гранях нет, надписей нет.

Дата по аналогам — начало (первая половина) XV века.

1–2. Погребения № 60, № 61 с плитами КЛ № 1, КЛ № 4; 3. Плита середины XV — начала XVI века. КЛ № 4; 4. Плита первой половины XV века. КЛ № 2; 5. Плита XIV века. КЛ № 1; 6. Плита XV века. КЛ № 3.

Plate LXXVII. 14–16th-centuries graveslabs from the estate of Kolomenskoe in Moscow. 1–2. burials with the graveslabs; 3. the mid-15th- or early-16th-century graveslab; 4. the first-half-15th-century graveslab; 5. the 14th-century graveslab; 6. the 15th-century graveslab.

КЛ № 3

Табл. LXXVII 6

Плита плоская, симметричная, прямоугольная. Обнаружена при раскопках некрополя XIII/XIV — начала XVI века над погребением № 11. In situ. В отличие от предыдущего, обработана очень тщательно, имеет правильную форму. Погребение без инвентаря.

Размеры: 140 х 47 х 10/11 см.

Фото 130, 132

Орнамент резной треугольчатый. Композиция антропоморфная устойчивая. Дополнительные элементы — соединительные ленты между "плечиками" и клеймом изголовья. Заслуживает внимания очень развитая "верхняя" часть плиты — "плечики" и соединительные ленты занимают более трети длины, среднее клеймо на 10 см ближе к изножию, чем к изголовью. Верхнее клеймо напоминает прямоугольник со скругленными углами, а не круг, и сильно отступает от линии бордюра. В целом композиция производит впечатление большой организованности и стройности.

Все структурные элементы, включая ленты от "плечиков" к изголовью, выполнены полоской противопоставленных треугольников со стороной 1,5 см, образующих довольно широкую (более 1 см) "змейку". Треугольники врезаны глубоко и поставлены так тесно, что углы одного ряда соприкасаются, вершины же отстоят от противолежащих оснований примерно на ширину "змейки".

Среднее клеймо (12 см) оставлено пустым. Верхнее имеет заполнение в виде двух квадратиков графьи (сторона 5 см), разделенных диагоналями на четыре треугольных поля, в которые врезаны выемчатые треугольники. Два аналогичных квадрата располагаются справа и слева от изголовья вдоль торцевого бордюра. Вместе этот орнамент образует как бы широкую полосу, украшенную поставленными в ряд равноконечными "греческими" крестиками с треугольчато-расширенными ветвями. Оставшийся внутри клейма сегмент окружности занят полоской аналогичных по исполнению и размеру треугольников, но образующих обычную полоску — "змейку".

Орнамента на боковых гранях нет. Надписи нет.

Дата по имеющимся аналогам, середина — вторая половина XV века.

КЛ № 4

Табл. LXXVII 1, 3

Фрагменты изголовья и средней части плоской плиты, расширенной к изголовью. Обнаружены при раскопках некрополя XIII/XIV — начала XVI века над погребением № 61. In situ. Погребение без инвентаря. Плита разбита на мелкие куски.

Размеры: (103) х 56/50 (посередине) х 15 см.

Фото 133

Орнамент резной треугольчатый. Композиция антропоморфная устойчивая. Отличительная особенность — очень крупное и богато украшенное клеймо изголовья, утяжеленная орнаментация вдоль торца изголовья, появление внутренней рамки. Среднее клеймо находится на расстоянии 65 см от торца изголовья, что дает общую длину плиты 130/140 см (при утроении ширины было бы 150/170 см). Диаметр его — 13 см. Диаметр клейма изголовья — 19 см при выносе от бордюра 16 см (выступает более полуокружности).

Бордюр, разделительная линия, обрамление клейм, "плечики" и внутренняя рамка набраны однотипными лентами некрупных противопоставленных треугольников (сторона 0,5/1,0 см при общей ширине 2 см), образующих в зависимости от ритма расстановки то змейку — "зигзаг", то орнамент, близкий цепи соединенных ромбов.

Дополнительные полосы орнамента в изголовьи: линия ромбов, затем ряд мелких треугольников вершинами наружу, далее ряд, аналогичный бордюру (вероятно, это и есть бордюр, углы утрачены и соединение изголовья с орнаментами боковых линий неясно), наконец неполная лента противопоставленных мелких треугольников, прерываемая клеймом. В

сумме ширина орнаментов изголовья считая от ребра плиты — 12/12,5 см, ширина отдельных лент — от 1 до 2 см, расстояние от торца до первой ленты — 3,5/4 см.

Заполнение клейм — крестчатые квадраты, аналогичные использованным в предыдущей плите, но помельче (сторона 3/3,5 см). В "верхнем" клейме умещается 5 х 5 рядов таких квадратов, в среднем — 3 х 3 ряда (боковые ячейки не позволяют поместить полный квадрат: таким образом, четыре полных квадрата в свою очередь образуют крест). В местах пересечения графьи, которая делит поле на квадраты, поставлены крупные точки-выемки. Это усиливает декоративный эффект и объединяет раппорты таким образом, что читаются скорее не равноконечные крестики врезных треугольников, но восьмиугольные звездочки или розетки из разделительных полосок с точкой посередине. К заполнению вполне применим термин "ковровое". Декор плиты в целом явно ориентирован на создание ощущения нарядности, что вполне достигается.

Хотя наличие внутренней рамки должно свидетельствовать о возможности нанесения надписи, очень крупное клеймо и близко подтянутые к нему "плечики" явно указывают на сохранение традиции изготовлять плиты без расчета на эпитафию.

Боковые стороны без орнамента. Надписи нет.

Дата по аналогам, середина XV — начало XVI века.

НАДГРОБИЯ В ПОКРОВСКОМ СОБОРЕ В ИЗМАЙЛОВЕ

Общий характер некрополя

Древний некрополь на Измайловском острове был обнаружен в марте 1984 г. при надзоре за реставрационными работами внутри существующего Покровского собора (1670-е гг.). Ранее было известно, что в Измайлове существовала усадьба Ивана Никитича Романова, где в 1620-х гг. выстроили деревянный храм.

В небольшом шурфе вблизи алтарной части, у крайней с востока пилястры северной стены, были обнаружены следы не менее чем шести погребений без инвентаря, в простых ящичных гробах. Они совершены задолго до постройки каменного собора. В засыпке встречена керамика — красноглиняная, белоглиняная и чернолощеная.

Все остатки надгробий оставлены в соборе и экспонировались на месте обнаружения [*Датиева,* 1983. С. 71–92]. (Отчет за 1986 г. в Архиве института "Спецпроектреставрация", шифр 91, инв. № 4726).

Описание надгробий

ПИ № 1

Плита прямоугольная. In situ над погребением № 3.

Размеры: 2.00 x 0.65 x 15 см.

Орнамент резной треугольчатый. Композиция антропоморфная устойчивая. Надписей нет, орнамента на боковых сторонах нет.

Дата по аналогам и стратиграфии — конец XV — первая треть XVI века.

ПИ № 2, 3

Фрагменты не менее чем двух плоских плит. Собраны в перекопанных слоях некрополя. Толщина 15 см.

Размеры фрагментов не дают возможности восстановить композицию, но элементы резного треугольчатого орнамента позволяют предполагать устойчивую антропоморфную схему.

На лицевой поверхности некоторых фрагментов — остатки надписей-граффити в виде отдельных букв. В одном случае удалось прочесть слово "жена".

Вероятная дата — начало или первая половина XVI века.

НАДГРОБИЯ СПАССКОГО НА УСТЬ-УГРЫ МОНАСТЫРЯ

Общая характеристика некрополя

Остатки Спасо-Преображенского монастыря с довольно известным шатровым храмом XVI века и трапезной церковью Введения лежат на левом берегу реки Оки немного южнее впадения Угры. Сам монастырь был распущен уже в начале XVIII века, но его древности неоднократно привлекали внимание исследователей. Это типичный пример монастырского средневекового кладбища небольшой волости (Крайшина), на котором погребали прежде всего землевладельцев и других местных жителей. Надгробия, лежавшие на поверхности кладбища, изучались Л. В. Кавелиным, опубликовавшим чтение нескольких надписей. Прорисовки текстов и тем более орнаментов сделаны не были, кроме того, некоторые чтения явно неуверенны [Ср. *Беляев,* 1995а. С. 72].

В ходе работ по реставрации собора (конец 1970–80-х гг.) проводились раскопки (1979, 1981) и осмотр земляных работ (1987 г.), показавшие существование некрополя на месте каменного храма по крайней мере в первой половине XVI века. Кроме того, был обнаружен и обмерен ряд плит, лишь одна из которых (и то предположительно) могла быть прочитана уже Л. В. Кавелиным. Погребения под ними не вскрывались. В основном плиты перемещены с их мест (древний некрополь вплоть до недавнего времени использовали для захоронений). Фото 134

Все плиты после изучения оставлялись на местах. Материалы раскопок подробно опубликованы, включая отчет об основном сезоне. При этом дано подробное описание надгробий. Поэтому здесь позволю себе ограничиться приведением ранее не печатавшихся фотографий и обмеров, а также перечислением памятников с их общей характеристикой.

Продолжение архитектурных и археологических исследований, несомненно, принесет новые находки — исследователи прошлого упоминают целые помещения и площадки, вымощенные надгробными плитами (сейчас они завалены мусором). [*Леонид,* 1863. С. 95–101; *Беляев,* 1995а. С. 55–72; *Беляев,* 1991б. С. 40–49]. (Отчеты за 1979, 1981 гг. хранятся в Архиве ИА РАН).

Описание надгробий

СУМ № 1

Фото 135–138

Плоская плита. Обнаружена севернее апсиды собора, вероятно перемещена. Камень расширен к изголовью.

Размеры: 182 х 64/58 х 17 см.

Табл. XLII 1

Орнамент резной треугольчатый. Композиция антропоморфная устойчивая. Бордюр, разделительная линия, "плечики" — из рядов мелких противопоставленных треугольников, цепи которых едва касаются вершинами. Ширина ленты — 2/2,4 см.

Внутренняя рамка устроена сложно. Первый слой — два ряда мелких треугольников вершинами внутрь плиты вдоль торца. Он ограничен боковыми полосами из противопоставленных треугольников, причем внутренний ряд поставлен обычным образом, так что высоты перпендикулярны ленте, а внешний — наискось к ней, вершинами к изголовью. Два ряда мелких треугольников образуют также обрамление клейм и внутренний дополнительный одинарный ряд вдоль торца изножия.

Боковые полосы внутренней рамки "усилены" рядом прямоугольников с "парными косынками". Общая ширина орнаментального пояса в изголовьи — 9,5 см, по бокам — 8/8,2 см.

Среднее клеймо (15 см) заполнено розеткой с прямыми лепестками из вытянутых треугольников вершинами к центру. Верхнее в виде полукруга, примыкает к специальной ленте, которая помещена между бордюром и внутренними рамками. Эта лента разделена графьей на 20 горизонтальных прямоугольников, диагонали которых образуют поля для врезных треугольников. Из последних, таким образом, строятся слегка уплощенные "греческие" крестики с расширяющимися ветвями. Аналогичным образом заполнено само клеймо — в нем помещены 3 х 5 рядов квадратов, в которые врисованы равноконечные крестики с расширенными лопастями. Точки пересечения графьи квадратов отмечены углублениями. Разбивка полей ленты и клейма не совпадает осями. Ширина клейма с обрамлением — 16,5 см, крестчатого заполнения — 12,5 см.

В изножии проходит дополнительная лента внутренней рамки из крупных равносторонних треугольников, образующих тонкую "змейку". Ширина ленты — 2,7 см, суммарная ширина орнамента здесь до 9,5 см, как и в изголовьи.

Особого внимания заслуживает такое дополнение как отштриховка по обе стороны разделительной ленты в изножии, образующая равносторонний треугольник (основание — 22 см при высоте — 9,5 см). Этот элемент может быть трактован как "Голгофа" или как антропоморфная деталь (ступни покойного).

Боковые стороны не орнаментированы.

Сохранилась надпись — довольно небрежное граффити из двух строк в верхней части плиты. Конец стерт.

Читается:

1. лѣт҃зм҃ *(клеймо)* з҃ го пре
2. ставис раба б(о)жиа [...]

Дата — 7047 (1538/39) г. — не противоречит оформлению плиты. Некоторая архаичность заполнения клейма в изголовьи может объясняться провинциальностью некрополя.

СУМ № 2

Плоская плита. Обнаружена севернее апсиды собора. Перемещена. Камень расширен к изголовью. Фото 139

Размеры: 177/(180) x 67/50 x 11 см.

Орнамент резной треугольчатый. Композиция антропоморфная устойчивая. Бордюр, разделительная полоса и "плечики" набраны мелкими треугольниками, образующими зигзаг с острыми переломами.

Все элементы обведены глубокой графьей. Ширина бордюра — 3.3 см.

Внутренняя рамка из ленты прямоугольников, разделенных диагональю на "косынки" с врезанными треугольниками, одинакова в торце и вдоль боковых сторон. Общая ширина орнамента в торце — 10 см, с боков — 9 см. Розетка изголовья — полукруг (ширина — 15 см, вынос от рамки — 8.5 см) обрамлена графьей и двумя рядами мелких треугольников вершинами к центру. Заполнена шестью треугольчатыми тонкими врезными лепестками. Средняя розетка имеет только одну окружность из мелких треугольников и восьмилепестковую розетку диаметром 14 см.

Орнамента на боковых гранях нет.

Надпись в две строки ниже клейма изголовья, по разметке, очень тщательно и декоративно выполненная. Письмо с выносами, но без лигатур, с ромбическими маленькими петлями. Мачты вытянутые, ровные, без засечек. Высота строк — 9,5 см, промежутков — 5 см.

Читается:

1. лѣт ҃з҃н҃г҃. июня. ҃s҃. преставис҃
2. иван҃. инок҃ їона капустин҃

Дата смерти, 6 июля 7053 (1545) г., не противоречит оформлению плиты.

Род Капустиных хорошо известен источникам XVII века именно как дворян, служащих "по Воротынску". В Синодике монастыря они стоят после Хотетовских, Стрешневых и Тургеневых. Один из них — Утеш Андреевич — казнен в опричнину (1570 г.).

СУМ № 3

Плита. Обнаружена севернее апсид собора, вероятно перемещена. Камень слабо расширен к изголовью. Фото 142

Размеры: 170 x 64/51 x (?) см.

Орнамент резной треугольчатый. Композиция антропоморфная устойчивая. Бордюр, разделительная линия и "плечики" — из ленты противопоставленных мелких треугольников, общей шириной 2,7 см (в графье от 4 до 5 см). Ленты тесно сдвинуты и образуют зигзаг. Внутренняя рамка по бокам из мелких треугольников в один ряд вершинами наружу, в изголовьи — из очень крупных равносторонних треугольников с широким основанием, два ряда которых формируют ломаный уплощенный зигзаг. Общая ширина орнамента в изголовьи — 7 см. Все элементы окружены глубокой графьей. Клейма обрамляют два ряда мелких треугольников вершинами к центру. Верхнее — меньше полукруга (16,5 см), заполнено четырьмя треугольниками вершинами к середине. Центральное клеймо — круг графьи, разделенный на шесть секторов; в каждый врезан небольшой равносторонний треугольник.

Орнамента на боковых сторонах нет.

По сторонам от "верхнего" клейма выбиты (грубо и глубоко) буквы даты. Продолжения надписи нет.

Читается:

лѣт҃з *(клеймо)* ѻа [...]

Дата — 7071 (1562/63) г. — не противоречит оформлению плиты.

СУМ № 4

Фото 140–141

Плита. Обнаружена южнее храма, перемещена. Вторичное использование. Камень расширен к изголовью.

Орнамент резной жгутовой. Боковой орнамент — каннелюры (трансформированный вариант) с отделившимися от "арочек" врезными "колонками". Обрамление снизу — полоса косых насечек, сверху — витая лента.

Надпись в девять строк занимает две трети плиты. Декоративная вязь, глубоко врезанная в поверхность, сохранилась несмотря на сильную потертость. Мачты утолщены, выносы немногочисленны. Промежутки приблизительно равны высоте строк.

Читается:

1. лѣта҃з *(клеймо)* рмз го
2. [ян]варѧ в кѣ [дѣнь] на памѧть иже
3. [во] с(вѧ)т(ы)х отца нашего
4. (гри)гориѧ богослова
5. престависѧ раба
6. божиѧ инока схи
7. мница вера григорь
8. ева жена ивано
9. вича матава

Дата смерти — 25 января 7147 (1639) г. — не противоречит оформлению надгробия.

Григорий Иванович Матов мне неизвестен, но вообще Матовы — довольно многочисленный род, в XVI–XVII вв. существовало несколько их линий. Синодик называет не только "род Матовых", но и "род Ефима Матова", "род Романа Федорова, сына Матова". Особенно известны Утеш Афанасьевич Матов, администратор и военный в 1600-е гг., а также Иван Матов, вероятно — отец Григория. Федор Иванович, возможно, брат Григория, после службы в провинции (с 1631 г.) — объезжий голова в Москве, имел свой двор на Покровке. Служебные наделы Матовых по Воротынску в 1620-х гг. — по 400-500 четей. Их фамилия отразилась во владельческой топонимике верхней Оки: село Матово и др. [*Росписной список*. С. 122-123; *Скрынников*, 1988. С. 78, 94; *РК 1598–1638*. С. 131, 149, 173, 150, 338; *РК. 1550–1636*. С. 362, 370, 371; *Боярские списки*. Ч. 1. С. 233. Ч. 2. С. 86; *Дворцовые разряды*. Т. 1. Стб. 330. Т.2. Стб. 66, 172, 197, 269, 272, 367, 449, 484, 522, 727. Т. 3. Стб. 888. Т. 4. Стб. 110, 156].

СУМ № 5

Фото 143

Плита. Обнаружена при срезке грунта (1987 г.) в полутора метрах к востоку от южной апсиды собора. In situ (?). Ребра и поверхность сильно оббиты. Камень расширен к изголовью.

Полный обмер не производился. Ширина в изголовьи — 60 см.

Орнамент резной жгутовой. Боковой орнамент неизвестен, была открыта лишь поверхность плиты.

Сохранилась надпись в пять строк декоративной вязью, врезанными буквами с широкими мачтами и расширениями у краев. Размер строк — 7.5/8.0 см, промежутков — 4 см. Ширина надписи — 33 см, общая длина — 60 см.

Читается:

1. [лѣта з҃] *(клеймо)* р҃ив г(о)
2. [...] в к҃ дѣнь преста[вис]
3. [раб] б(о)жи(и) инок схи
4. [мник] макарєи єрголь
5. скои

Дата — 7152 (1643/44) г. — не противоречит оформлению плиты.

Ергольские в Синодике монастыря не упомянуты, хотя фамилия эта довольно распространена (Ср. ВПм № 17).

СУМ № 6

Гранитная (?) плита. Обнаружена при срезке грунта (1987 г.) в 3 м к востоку от центральной апсиды собора. Камень расширен к изголовью. Фото 144

Размеры: 198 х 70/44 х (?) см.

Без орнамента.

Сохранилась надпись в две строки, глубоко врубленная в поверхность ближе к изголовью. Верхняя строка высотой 5 см, нижняя гораздо больше — 13 см. Промежуток — 15 см.

Гранитные надгробия не характерны для центральной России, но на Севере они довольно широко использовались, по крайней мере, в XVII веке. Формула надписи, впрочем, тоже нетипична для древнерусских надгробий.

Читается:

1. помяни гос(по)ди
2. іхх (иисусє христє ?)

Использование в первой строке титла для слова “Господи” и форма некоторых букв позволяют предложить дату в пределах позднего средневековья.

SUMMARY
MEDIEVAL RUSSIAN TOMBS: THEIR PLACE IN CHRISTIAN ART

In this monography we have assembled and investigated about one thousand medieval Russian graveslabs, which are recorded up to the present time (more than 150 items are found by the author and published for the first time). One of the main purpose of this work is to prove that medieval Russian graveslabs fit in with European cultural tradition. The monography defines and examines some important historical and cultural problems: the origin of medieval Russian funerary monuments; the archaeological and documentary evidence of close connections between medieval Rus' and the Christian World; similarities and differences between both cultural traditions, etc.

The funerary monuments (graveslabs), which were used in North-Eastern and Northern Rus' (Moscow, Tver' and other principalities) from the thirteenth to late seventeenth century are taken for the materials for consideration. (Later they were replaced by more complicated structures: sculptures, funerary monuments with architectural treatment and the others, deliberately imitating European art tradition). What was the cultural tradition that medieval Russian graveslabs derived from? What has influenced the formation of their particular historical form? These problems deserve serious consideration, however, they have never been challenged before.

The only known fact was that medieval graveslabs were produced basically by local craftsmen related to stone-production and construction works. As raw material they used local limestone (loosely known as "white stone"), and sometimes used other kinds of stone: sandstone, schist, granite, etc.

The graveslabs from the fifteenth to seventeenth century can be regarded as mass production. They were manufactured in advance and later were frequently finished according to customer's requirements. Thus, they undoubtedly reflected the taste of the inhabitants of medieval cities and villages and corresponded to their religious conceptions. At the same time decoration of the graveslabs indicated the direction of the art contacts of ancient Russian craftsmen.

Since the thirteenth century Russian graveslabs were decorated with carved ornaments or with low relief representations. Since the late fifteenth century they have started to add a carved inscription. In the late fifteenth century they also have started to decorate the sides of a graveslab as well as the top surface.

These three elements give us a rich food for comparison. However, till the present time they have never been analyzed in details. Even no attempts have been made to study the transformation of a slab-ornament in connection with its form and inscription. No analogy have been drawn yet between ancient Russian graveslabs and West-European or Byzantine medieval structures.

The following important aspects that identify national mentality have remained incomprehencible:

- roots of the investigated phenomenon, its genesis;
- reasons and sources of its evolution;
- semantics of its ornamental forms,
- place of medieval Russian graveslabs among European funerary monuments.

Moreover, because the problem wasn't worked out at all — it caused a lot of doubts in reasonableness of consideration of ancient Russian graveslabs within the context of West-European or Mediterranian applied arts and sculpture.

Instead of this there were numerous attempts to relate decorations and forms of North-Eastern Russian graveslabs with pre-Christian, pagan beliefs and Slavic taste. Carved decoration of Russian graveslabs was compared with whatever one likes: with late sixteenth — seventeenth-century carved wooden household objects, with embroidered design and textile ornamentation — but practically there never was any analogues with funerary monuments of medieval cultures related to ancient Rus'.

Just after we started the research — the necessity of comparative analysis has become obvious. At once very important results were reseaved. Beforehand, however, we had to systematize the analised material according to evolution of its form and decoration during the thirteenth-seventeenth centuries.

I shall present only a brief description of the results with the emphasis on the genesis and early stages of evolution of forms and ornaments.

The first known Russian graveslabs dating from the second-half-thirteenth to first-half-fourteenth-century were recorded in Moscow. The earliest graveslabs are rather flat without any decoration on the top surface, but with relief ornament carved along the edges of a slab. Some of them bear various designs carved as three-edged deepenings:

1) a border (like a frame) along the sides;

2) an axis (like a band) dividing a graveslab into two symmetrical parts along its length;

3) the depiction of "three circles" (like stamps) carved with regular intervals along its length;

4) the double quantity of "three circles" carved symmetrical to an axial line.

There are a diversity of the main variants — for example, instead of "three circles" sometimes they carved only one in the centre, which was sometimes decorated as a *patera* in a rose shape.

These excessively simple ornaments just stumped the researchers because, taken in isolation, they do not allow proposals of more or less reasonable explanations of their sense and origin. However, within the context of all-European evolution of memorial monuments, it looks rather usual and natural.

The fact is that a graveslab as a kind of a funerary monument has been developed in Europe not at once — it was the result of multicentury evolution of conceptions related to death and its rituals.

Dissemination of the leaning of the necessity to preserve a body of the deceased in the ground has caused extreme multiplication of different sorts of stone coffins-sarcophaguses. Among them the most typical for countries of late-antique Europe has become gabled, with ridged lid, sarcophagus shaped like a temple and surrounded with a collonade. Such sarcophaguses have derived from East Mediterranean regions — Near East, the Islands of Aegean and Marble Sea, European part of Byzantine Empire.

From these regions sarcophaguses were delivered by sea to Rome, Gallia, Germany and other provinces as ready-made monuments or semifinished products. They were widely used by pagans as well as by Christians. They were also very popular in Hellenistic and Roman Judea (where they have influenced the forms of stone ossuaries widespread during the period of the Second Temple).

An important stage in the evolution of early-medieval European funerary monuments was the transformation of temple-shaped sarcophaguses into the early-Christian of Ravenna type, many of which were really produced in Ravenna in the fifth-sixth centuries and were stored there.

The simplification of sculptural decoration in which the Christian motifs began to prevail is essential for us. First of all it concerns wreathes or circles, which included crosses, cross-like monograms of Jesus and other Christian symbols. These elements were usually depicted on the lid-slopes or on the front side.

In the second half of the first millenium A. D. the imitations of the sarcophagus of this type were widely spread all over "barbarian" Europe within the borders of the former Empire. Practically, all over the Christendom were created various versions of stone coffins, which corresponded to local art and cultural traditions and to the development of applied arts and sculpture in antiquity at particular region. Therefore, funerary monuments of the "barbarian kingdoms" are rather diverse.

It is possible, however, to note some common elements, eg. genetic attributes, which had already transformed into rudiments, but still allow us to relate them to their ancient prototype.

Among the attributes there was, first of all, a longitudinal band along the axis of a sarcophagus-lid, which derived from the ridge-lid simultaneously with lid becoming flattened. Such band (usually — a kind of a ridge, but sometimes — a kind of a flute) not only marked sarcophagus-lid as a roof of a temple (which doubtless had a semantic significance) — but also allowed the creation on its basis, various cross-like compositions, which included rudiments of acroterias, tiles, etc.

Not the least important was the motif of "three circles", not only as a resemblance of Early Christian wreath, but, in general, very popular in the decoration of pre-Romanesque and Romanesque Europe. In diverse combinations — with an axial band (or without it) — the motif of "three circles" often appears on a coffin-lid as a cross-like composition. Even when there was no direct Christian semantic — the circles still were interpreted as Christian symbols. This Early Christian composition was a great favourite of the eleventh- and twelfth-century Italian sculptors, who represented it on sarcophaguses in Italy and Sicily.

Besides this, numerous coffin-lids and graveslabs have been evidently made as an imitation of the model of the tomb of Christ in the Church of the Holy Sepulchre at Jerusalem. This practice was widely spread in Europe at least from the tenth century. There were also carved three circles, middle of which was made as an aperture for anointing oil (the most known is "the tomb in Aquileia").

This motif had played a specially important role in the formation of funerary ornamentation in the twelfth century after the capture of Jerusalem by Crusaders. For the first time, Europeans became directly acquainted with the Holy Places of Jerusalem and actively participated in their decoration.

During the eleventh-twelfth centuries the main Christian shrines — the Holy Sepulchre and the tomb of the Blessed Virgin Mary — had received marble casings around the funerary shelfs. Both slabs had three large round apertures — allowing pilgrims contact with relics — and arcading above the holes. The pierced slabs also resemble the ancient iconographical tradition to depict three rings on sarcophaguses.

Very quikly new decoration of the shrines had become an integral part of the iconography of depictions on New Testament topics ("Three Holy Woman at the Tomb", "Entombment", etc). In pilgrims' descriptions, in depictions on maps, on enamels and ivory objects, casting and sculptural decoration of churches and cathedrals — these new decoration was widely spread all over Christendom along transit pilgrims' roads. It's natural, that just these archetype-motifs had survived in the decoration of funerary monuments after the sarcophagus-lids "have been separated" from them and transformed into an independent funerary structure — a graveslab. It has happened, probably, on the turn of the first and second millenium A.D. From the eleventh to twelfth century these graveslabs appeared to be comparatively numerous within "Romanesque" necropolises.

(Certainly, as individual artefacts they were well known before, we should outline their second important source — wall memorial plates, which covered niche-loculs of the Early Christian catacomb burials).

The earliest recorded graveslabs have diverse borders, but mainly — they frequently bear the rudimental axial division or various compositions with "three circles".

Evolution of sarcophagus decoration was developing slightly different in the regions of East Roman Empire, but the same typological motifs — the axis and "three circles" — had become an integral part of the decoration of funerary structures.

Actually, they just had not worked out their own version of a graveslab. However, in the boundary Slavonic regions, which inherited a lot of late-antique elements, the evolution of funerary monuments have been developing during the tenth-thirteenth centuries, and later. For example, on the graveslabs of the Bosnian kingdom — the motifs of an axis and "three circles" are rather numerous.

Thus the relationship between the ornaments of ancient Moscow graveslabs and the phenomenon, which we have traced through in Western Europe and East Mediterranean we can consider being established.

First of all, I should outline a rather early acquaintance of Southern Rus' with temple-shaped sarcophaguses of "mid-Byzantine type". Some of them were transported to Kiev since the late tenth century and some of them were produced

on site. (The shape of funerary monuments were also influenced by numerous reliquaries widespread all over the Christian world. This also probably influenced the decoration of the graveslabs).

Later, from the late tenth to twelfth century the Southern Rus' as well as North-Eastern had become acquainted with the typical shapes of gabled Romanesque sarcophacuses, which were especially popular in the twelfth-thirteenth centuries at Vladimiro-Suzdal' lands.

There are recorded examples of absolutely flat sarcophagus-lids, which sometimes were located on the floor-level of churches or cathedrals, where the burials have been taken place. However, the lids were decorated with the same ornaments as the early tombs.

It is necessary to emphasize, that the process of establishing the new iconography of the Holy Sepulchre, accomplished in Europe in the twelfth century, also had touched ancient Rus'. A pilgrim, Russian Abbot Daniel, in the early twelfth century described the marble slab with three holes, which were cut through in order to see the Holy Tomb. Artists and craftsmen immediatedly adopted the iconographical motifs, which have been already spread in Romanesque art. The same motifs can be easily identified on the thirteenth — fifteenth-century Russian carved icons and on "Magdeburg Gates" of the Cathedral of Sofia at Novgorod.

Thus, early Moscow graveslabs not only have been derived from the lids of stone sarcophaguses, but its ornamentation had reflected the very ancient cultural tradition based on the deep roots of Mediterranian civilizations dating at least from the late-antique epoch.

The key basis for this phenomenon had become, probably, the culture of Romanesque Europe. Sometimes the acquaintance with its monuments occured directly, during trips and pilgrimage, more often — due to acquaintance with the iconography of movable objects. We must also take into account the tradition to invite numerous craftsmen from abroad. They participated in ordered decorations and construction works using local materials for graveslabs and sarcophaguses, which later were copied and re-shaped.

The important role in understanding the essence — the semantics of sarcophaguses — had played the preliminary acquaintance with monuments of Near-Eastern and, in general, East-Mediterranean type, provided by wide cultural and artistic connections with Byzantium during the tenth — twelfth centuries.

It appears that essential contribution to this tradition was made by the artists of western regions of the Balkan peninsula, first of all — Bosnia and Herzegovina during the thirteenth — fourteenth centuries. Their presence in Rus' at this

period is doubtless, and we know some monuments which were created under the direct influence of South-Slovenian iconography.

However, we should remember, that the funerary monuments of the Bosnian kingdom were not only classical (though just very late samples of "barbarian transformation " of antique sarcophaguses) but they were strongly influenced by developed late-medieval art of Romanesque (and later — Renaissance) Europe.

Thus, we can say that the genetic relationship between medieval Russian graveslab-ornaments in the thirteenth — fourteenth centuries and all-European process of evolution of decoration — did exist, though extremely weakly expressed. Powerful Mediterranean culture put down new roots even in the remote and cold periphery.

Certainly, the compositions on early Moscow graveslabs couldn'd fully satisfy all requirements of a quickly-developing young culture. The all-European tendency of late Middle Ages — was that of humanizm. It was expressed in "general and complete anthropomorphism" of the material world, and first of all — of its semantically important elements.

With reference to European funerary monuments in the late Middle Ages it is also possible to note a general direction of anthropomorphism — whatever the process was expressed in practice — in the creation of sculptural representations, reliefs, mosaics or painted funerary portraits.

It seems to be a paradox, but also ancient Rus' was going within the course of all-European art processes. First of all, we should note the distribution of anthropoid sarcophaguses from the late fourteenth and, especially, — in fifteenth and sixteenth centuries. In accordance with this — the ornamental compositions as well as graveslabs have become acquiring the proportions of a human figure.

Thus, the usual elements of ancient sarcophagus decoration were still used there. An axis was used already as a dividing line for the bottom part of a human figure. The rings represented a head and a belly with crossed hands on it. The characteristic feature of human representation such as broadening of shoulders was combined out of trapezium or triangle. Trapeziums and triangles were sometimes represented on graveslabs earlier. The sense of this depiction on a flat slab was to imitate a sarcophagus-lid with not two — but four sloping surfaces.

In establishing this anthropoid composition a large role was played by the graveslabs, widespread over the Russian North, with relief depiction of the Tau-cross — known to represent a human figure.

The Tau-cross, which is even more ancient than the "axis" and "three circles" derived from sarcophaguses decoration, doubtless takes origin from the

Old Testament tradition. During the milleniums it bears the meaning of apotropaic.

It is extremely important for our theme that amplification of interest to this symbol in Western Europe is approximately coincident with the depiction of Tau-crosses or croziers on the monuments of Tver', Beloozero, Ferapontov monastery and other regions of Russian North.

Rather sophisticated from the point of view of the history of its semantic, a cross-crozier (in the shape of St Antony-cross) became the most significant protection from epidemic deseases (especially the plague) for population of England, Germany, France and other countries. Also we can find depictions of the Tau-cross on the funerary structures of South-Slovenian regions, especially in those regions where artistic contacts with Western Russian lands could be proven by direct similarity of their monuments.

Thus, in the process of evolution of medieval Russian funerary monuments, we notice in many instances the processes which are parallel with those in Western Europe. As well, we notice the direct extraction from a huge sphere of West-European artistic elements — a certain number of characteristic details, which become reinterpreted in accordance with formation of national religious mentality. For example, we cannot exclude the relationship between the use of the Tau-cross and dissemination of the heresy of the Judaizers, which showed interest in the Old Testament symbolics as well as in modern European teology.

While the forms of contacts are not yet thoroughly investigated — their iconographical sence is quite obvious, as well as the mentioned above cases of direct contacts.

Among the parallel processes, in medieval Europe and Rus', we should mention the fact of comparatively fast failure of sculptural funerary monuments (or monuments with high relief) with regard to the taste of "mass" consumer. They were rather expensive, and besides, unduly blocked the internal space of churches and cathedrals. Therefore, the graveslabs with low relief, and especially — metal-casted with deepened, engraved-type depictions were quickly multiplied. As a matter of fact, Russian funerary monuments developed very similar to the European ones. In the sixteenth century the graveslabs of "Moscow-type" with carved ornaments finally have superseded relief "Northern" monuments.

Later, in the sixteenth — seventeenth centuries we discover some more characteristic elements indicating the relationship between medieval Russian and West-European graveslabs. Because the history of this period is known in much more detail and monuments found preserved in better condition, it is possible to trace the development of innovations of the artistic details.

As a major innovation we should mention the appearence of fluting ornaments on the sides of graveslabs, which were becoming thicker. There is a special name for such ornaments in Russian literature — "arch-shaped". That is, certainly right,if we consider it only in connection with the descriptions of late transformed versions. However, on the early samples dating from the second half of the sixteenth century we can notice the very moment of the origin of this motif by seeing densely closed up raws of shortened double-fluting.

This mode, favourite among Italian architects in the fifteenth century, has penetrated Russian architecture due to works of north-Italian architects and sculptors in Moscow. For the first time it appeared at the portals and capitals of the church of the Ascension at Kolomenskoe. The decoration of the "Throne" from the east side of the gallery emphasizes the complete acquaintance of the craftsmen, who carved the stone, with diverse variants of fluting and its semantics.

The church of the Ascention is dated to the early 1530's, whereas the first graveslabs with similar ornaments are dated not earlier than 1560's. Nevertheless, the relationship of the details is doubtless and indicates the essencial impact of the decoration of European architectural orders upon the ornaments of the graveslabs. It is significant that this motif had not been understood by the majority of Russian craftsmen and was quickly transformed into a flat ornament — a kind of sparsely situated low arches with small "pillars", the rudiments of the dividing lines between fluting of the same height between them.

Nevertheless, the fact of establishing this motif in the sixteenth century is very important for us. It allows us to interpret a funerary monument as an architectural monument — a temple surrounded with an arcade. Such interpretation was one of the most popular in post-medieval Europe. Thus Russian funerary monuments of the sixteenth — seventeenth centuries are naturally included into this structure.

Certainly, in the mid — second half of the seventeenth century it is possible to point out a sufficient number of samples, indicating the gradual penetration of the Baroque elements into the decoration of Russian funerary monuments. From the 1680's rich capricious and florid ornamentation becomes its characteristic attribute. Then follows the direct reorientation to the European samples. However, this period of westernization of Russian art is covered reasonably well, so it is possible not to consider it in details.

On the contrary, the doubtless (though not always obvious without special research) relationship, which we have managed to establish, between medieval

Russian graveslabs and the West-European funerary monuments during the thirteenth — seventeenth centuries — appears to be an absolutely new and very important evidence of deep similarity of both cultures. They have the same roots, derived from the same sources and possess the similar tendentions of their evolutions, regardless all distinctions, caused by stage-differences and dissimilar historical fates.

It indicates also the particular sources of the motifs of the applied arts. They appear to be genetically related in the formal sence (and probably also in a semantic sence) with the Old Testament tradition, with late-antique culture of East-Mediterranean regions, with the Early Christian art and the art of Romanesque Europe and not with mythological pagan period of ancient Russian culture, from which no documented funerary structures are left.

ФОТОТАБЛИЦЫ

PHOTOGRAPHS

▲ Фото 1

Данилов монастырь. Храм свв. Отцов Семи Вселенских соборов.
Фундамент столба галереи, сложенный из надгробий второй половины XVIII в.

View of the foundations of the gallery pillar, shows the reused second-half-18th-century graveslabs.
Church of the Seven World Congresses Fathers at St Daniil monastery in Moscow.

Все фотографии в альбоме принадлежат автору, за исключением :
Фото 21, 31–32, 34–44 (В. М. Рудченко); Фото 120–123 (М. В. Фролов);
Фото 30, 124–129 (Н. П. Пахомов)

The photographs are made by the author except the No 21, 31–32, 34–44 (V. M. Rudchenko);
No 120–123 (M. V. Frolov); No 30, 124–129 (N. P. Pahomov)

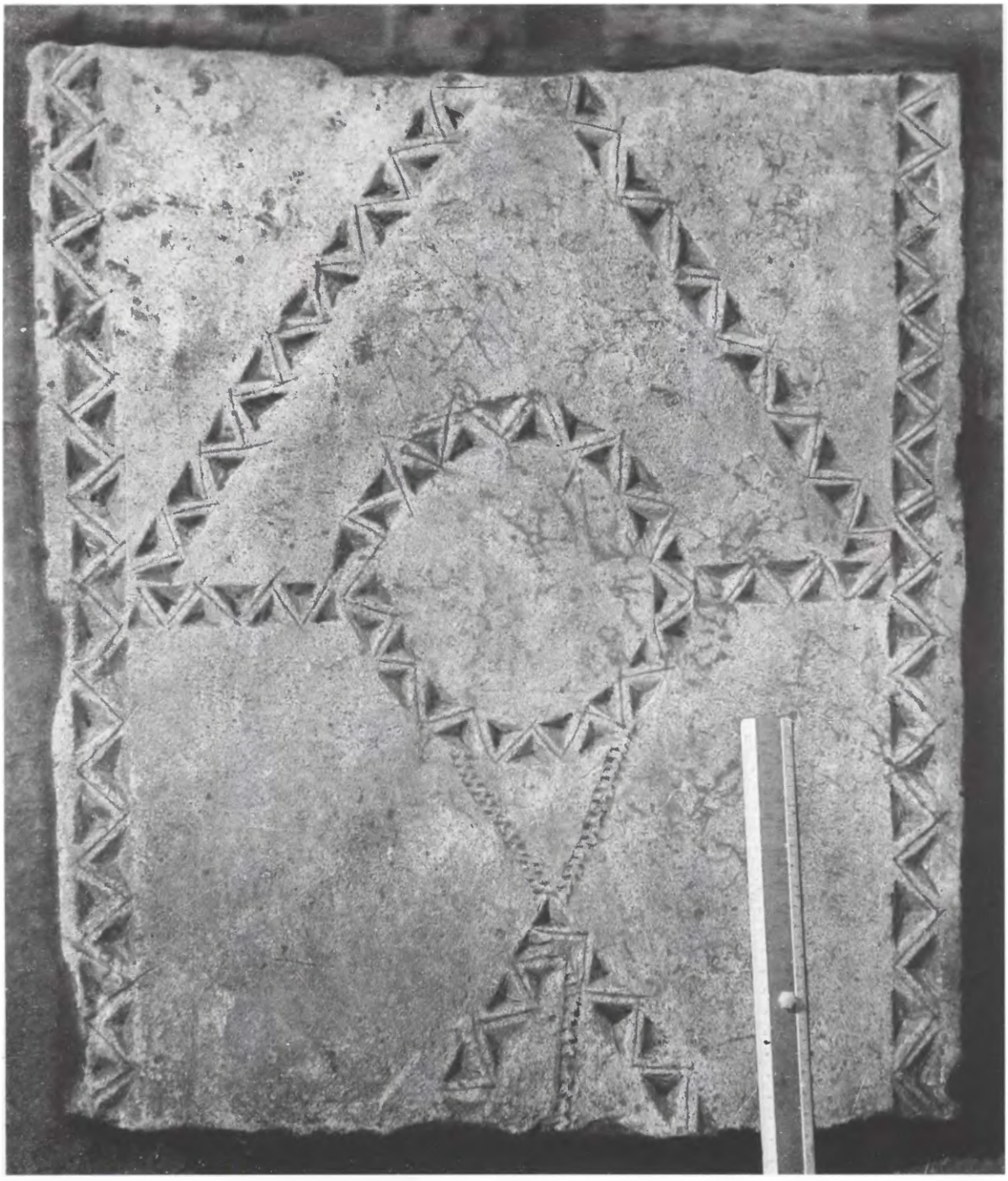

Фото 2 ▲

Фрагмент надгробия; XV в. (Кат. Дм № 2)

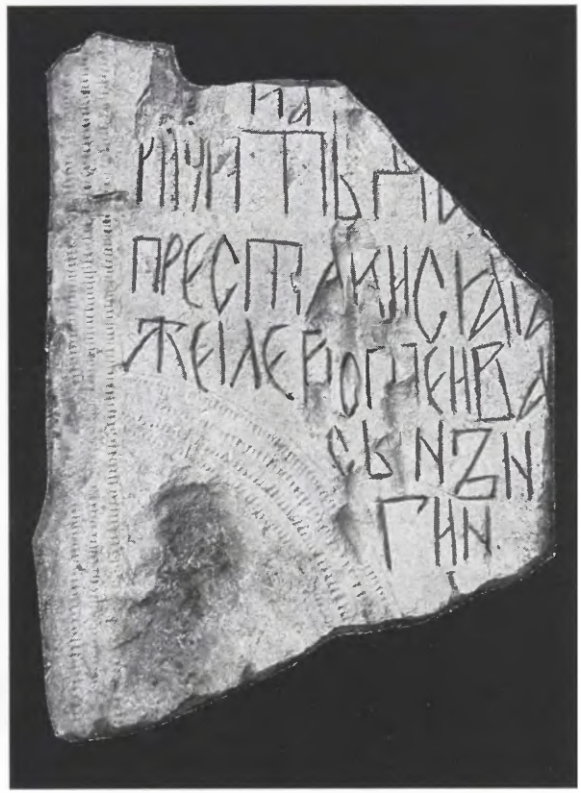
Fragment of the 15th-century graveslab. St Daniil monastery.

◄ Фото 3

Фрагмент надгробия; XV (?) в.
(Кат. Дм № 1)

Fragment of the 15th-century (?) graveslab.
St Daniil monastery.

▼ Фото 4

Фрагмент надгробия;
первая четверть XVI в. (Кат. Дм № 4)

Fragment of the first-quarter-16th-century
graveslab. St Daniil monastery.

▲ Фото 5

Фрагмент надгробия Ногина; начало XVI в.
(Кат. Дм № 3)

Fragment of the early-16th-century graveslab
of Nogin. St Daniil monastery.

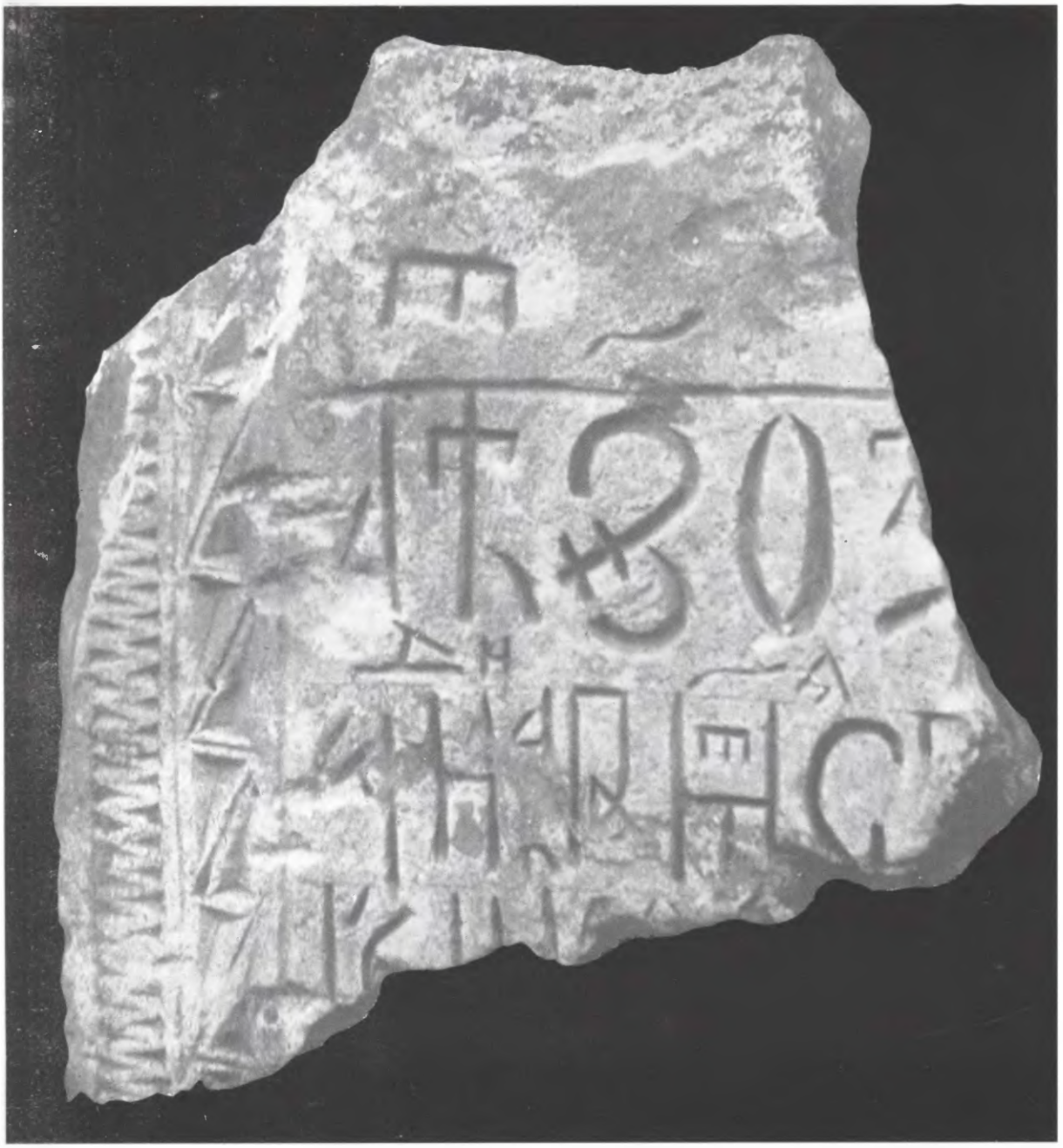

Фото 6 ▲

Фрагмент надгробия; 1559/1560 г. (Кат. Дм № 5)

Fragment of the graveslab, 1559/1560. St Daṇiil monastery.

▲ Фото 7

Надгробие иноки Марфы, жены Григория Тимофеевича Быкасова; 1632 г. (Кат. Дм № 9)

The graveslab of a nun named Marfa — the wife of Grigorii Timofeevich Bykasov, 1632. St Daniil monastery. (Also see 10).

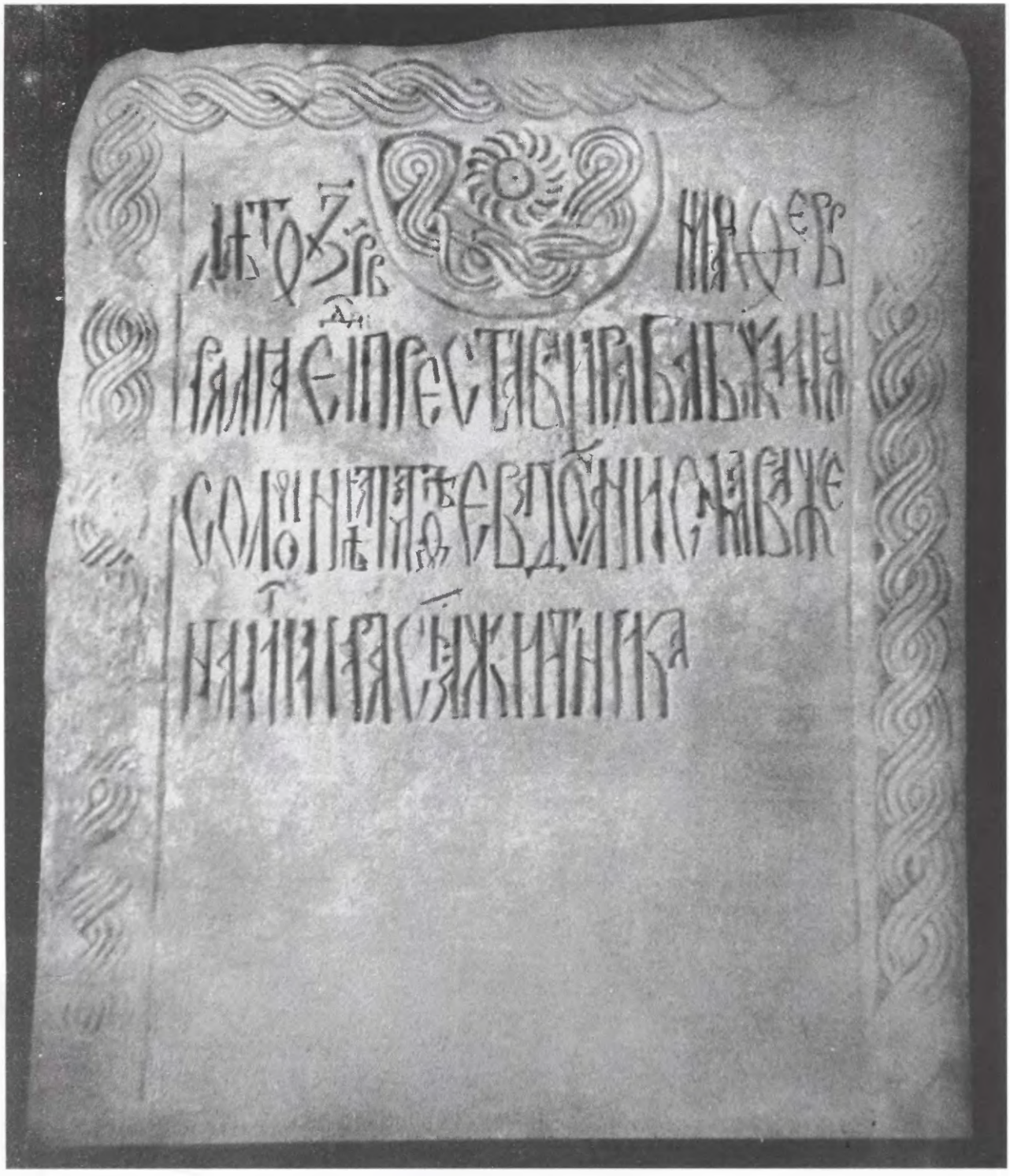

Фото 8 ▲

Фрагмент надгробия Соломонии Матвеевны, жены житника; 1594 г. (Кат. Дм № 6)

Fragment of the graveslab of Solomonia Matveevna — the wife of a grane-trader, 1594. St Daniil monastery.

◄ Фото 9

Надгробие Андрея (Антония) Тимофеевича Быкасова; 1626 г. (Кат. Дм № 8). Полный текст надписи.

The inscription (detail of 11). St Daniil monastery.

Фото 11 ►

Надгробие Андрея (Антония) Тимофеевича Быкасова; 1626 г. (Кат. Дм № 8). Вид в кладке.

View of the graveslab of Andrei (Antonii) Timofeevich Bykasov in the church foundations, 1626. St Daniil monastery. (Also see the detail 9).

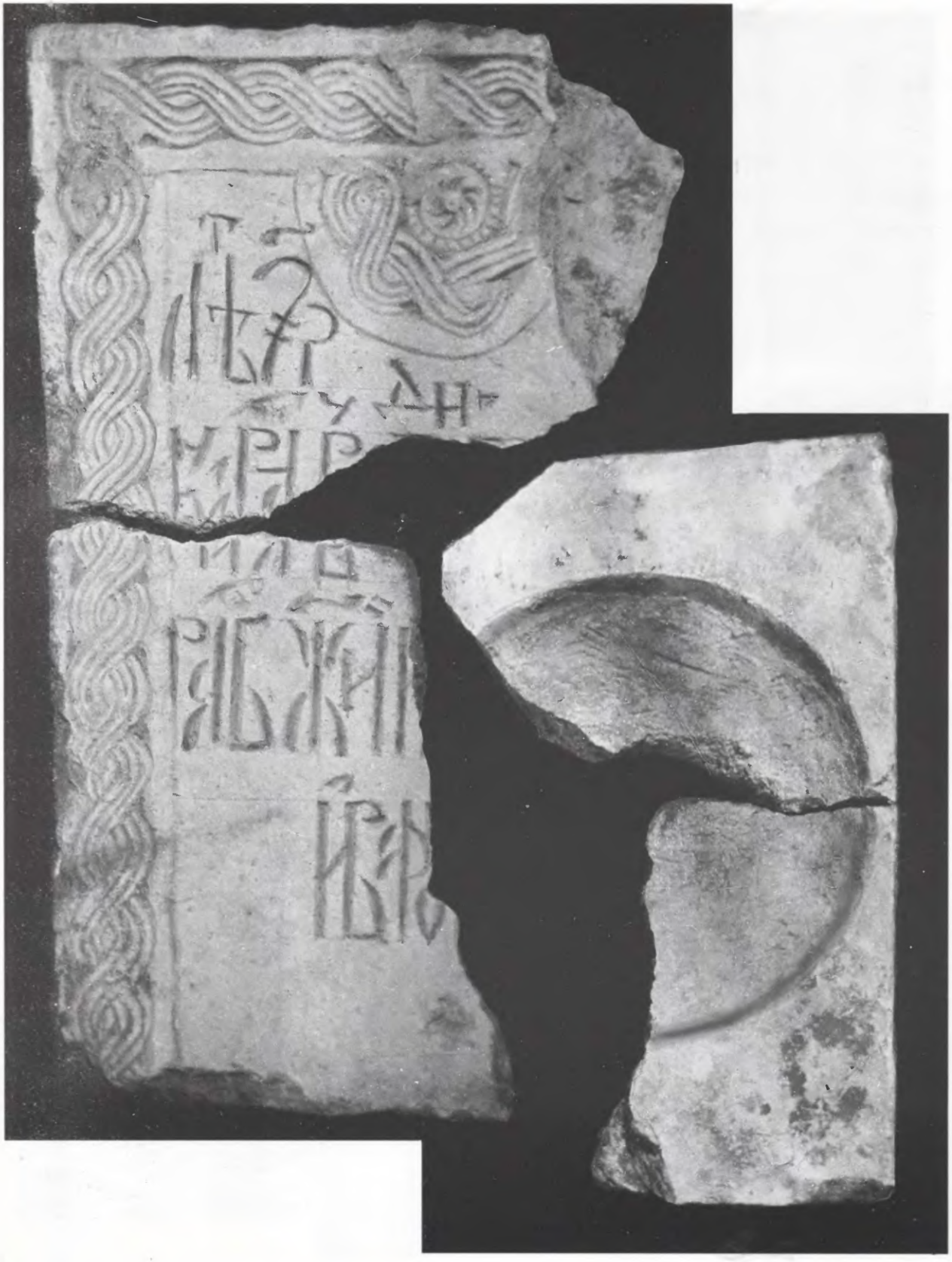

Фото 10 ►

Надгробие иноки Марфы, жены Григория Тимофеевича Быкасова; 1632 г. (Кат. Дм № 9). Вид в кладке.

View of the graveslab of a nun named Marfa (see 7) in the church foundations. St Daniil monastery.

◄ Фото 13

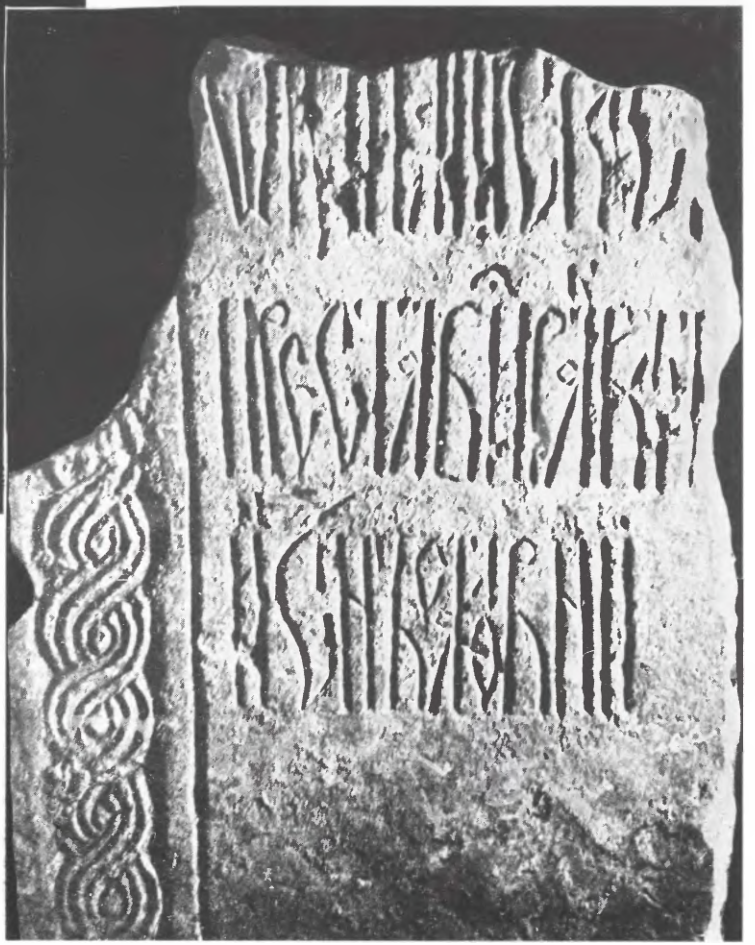
Надгробие с остатками надписи;
конец XVI — начало XVII в.
(Кат. Дм № 13)

Fragment of the late-16th
or early-17th-century graveslab.
St Daniil monastery.

Фото 14 ▼

Фрагмент надгробия садовника;
конец XVI — начало XVII в.
(Кат. Дм № 12)

Fragment of the late-16th
or early-17th-century graveslab
of a gardener. St Daniil monastery.

◄ Фото 12

Фрагменты надгробия с остатками
надписи; конец XVI в.
(Кат. Дм № 11).
Лицевая и оборотная стороны.

Fragments of the late-16th-century
graveslab: front and reverse.
St Daniil monastery.

▲ Фото 15

Надпись на плите Марии (Marge); конец XVI — начало XVII в. (Кат. Дм № 15)

Fragment of the late-16th or early-17th-century graveslab of Marge. St Daniil monastery.

▲ Фото 16

Фрагмент плиты толмача;
конец XVI — начало XVII в.
(Кат. Дм № 16)

Fragment of the late-16th or
early-17th-century graveslab of an interpreter.
St Daniil monastery.

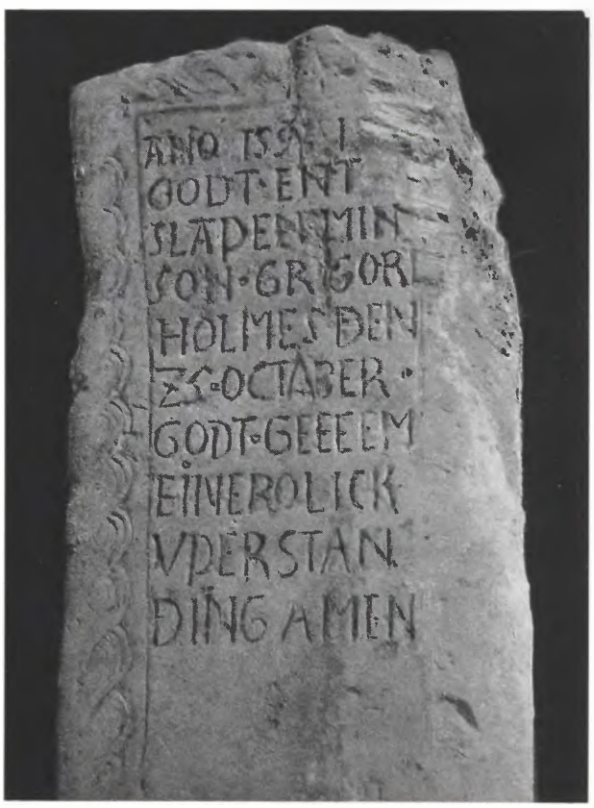

Фото 17 ►

Надгробие Григория Холмеса; 1590-е гг.
(Кат. Дм № 14)

The graveslab of Grigorii Holmes, the 1590's.
St Daniil monastery.

◄ Фото 18

Надгробие с остатками надписи по-немецки; конец XVI в. (Кат. Дм № 17)

Late 16th-century graveslab with the remains of German inscription. St Daniil monastery.

Фото 19 ►

Надгробие с остатками надписи по-немецки; конец XVI — начало XVII в. (Кат. Дм № 18)

Late-16th or early-17th-century graveslab with the remains of German inscription. St Daniil monastery.

Фото 20 ▲

Фрагмент надгробного (?) креста; XVI (?) в. (Кат. Дм № 21)
Fragment of the 16th-century (?) stonecross. St Daniil monastery.

▲ Фото 21

Богоявленский монастырь. Общий снимок раскопа "Четверик" с запада. (1978 г.)
Между восточными столбами белокаменного храма видны надгробия XIII — XIV вв.
(Кат. Бм №№ 1б; 4; 5а)

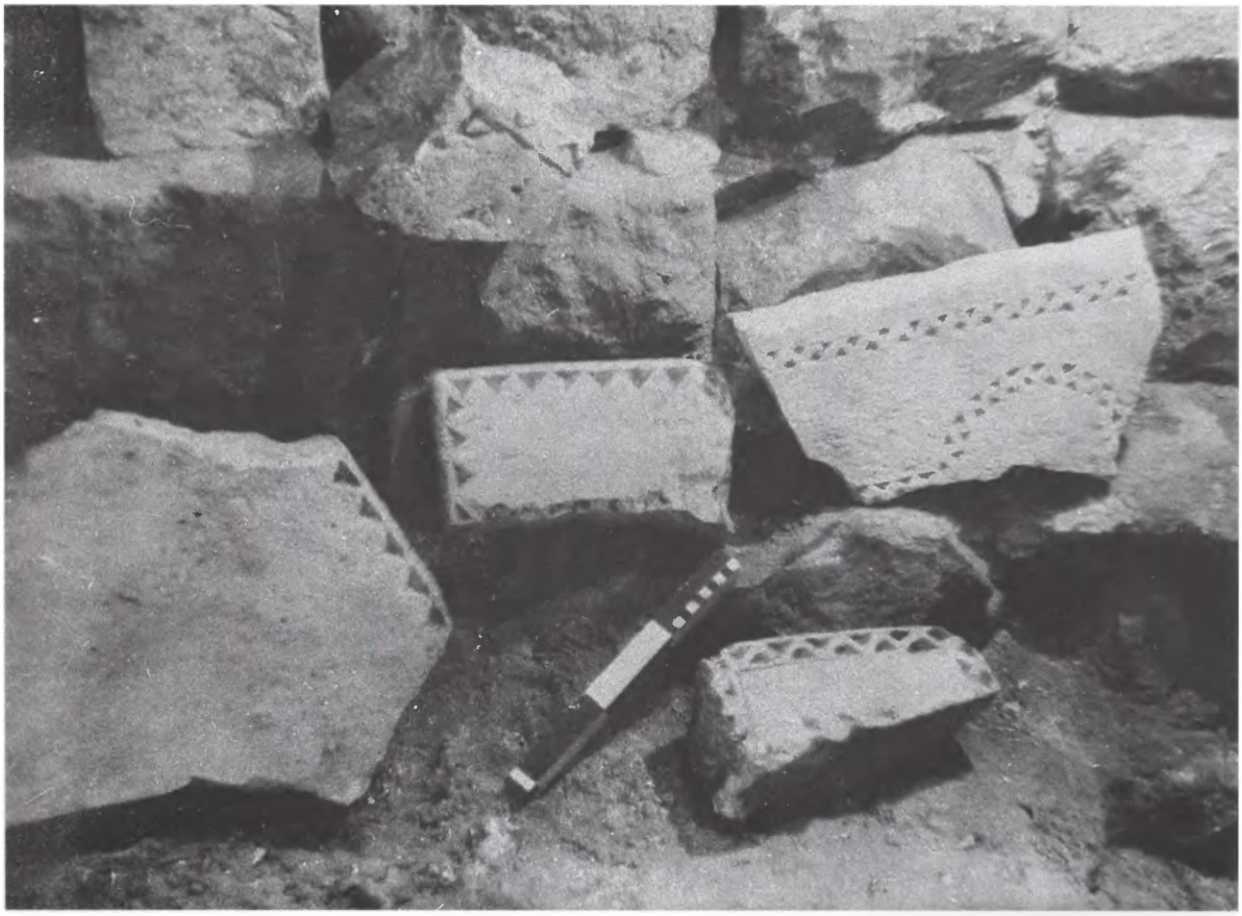
View (from the west) of the excavations (1978) inside Bogoiavlenskii monastery (the monastery of Epiphany) in Moscow. Shows the 13th and 14th-century graveslabs between the east pillars of the limestone Cathedral.

Фото 22 ▲

Надгробия XIII — XIV вв. (Кат. Бм №№ 1б; 4; 5а) под фундаментом алтарной преграды белокаменного храма.

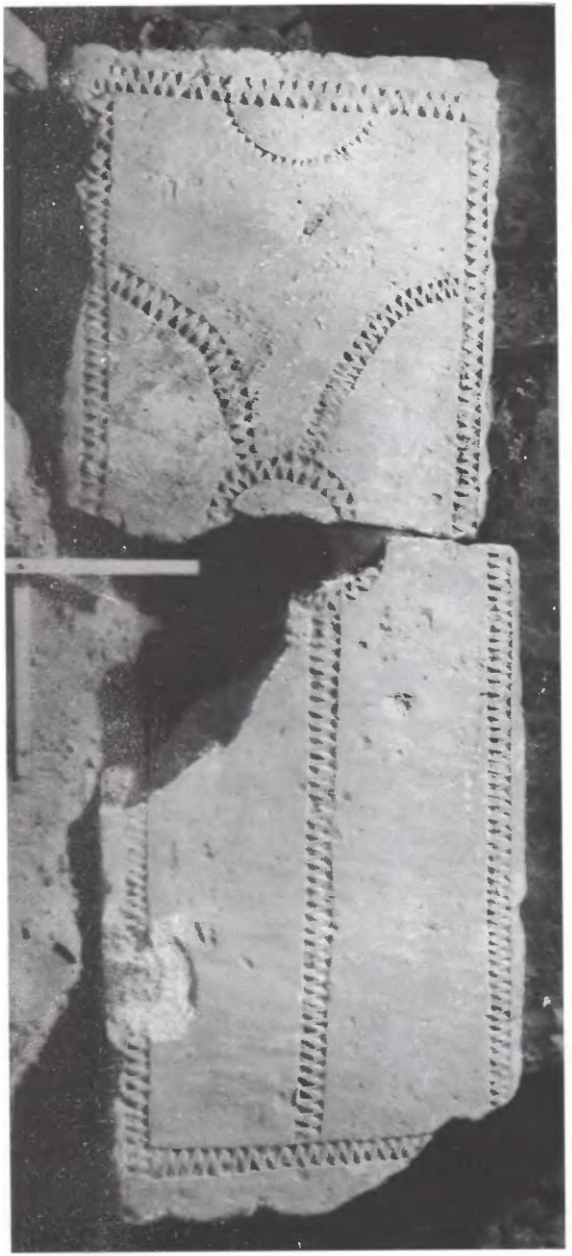
The 13th and 14th-century graveslabs under the foundations of the templon of the limestone Cathedral. Bogoiavlenskii monastery.

▲ Фото 23

Фрагменты надгробий XIII — XIV вв. (Кат. Бм №№ 6; 7)

Fragments of the 13th and 14th-century graveslabs. Bogoiavlenskii monastery.

◄ Фото 24

Надгробие; конец XV — начало XVI в.
(Кат. Бм № 13)

Late-15th or early-16th-century graveslab.
Bogoiavlenskii monastery.

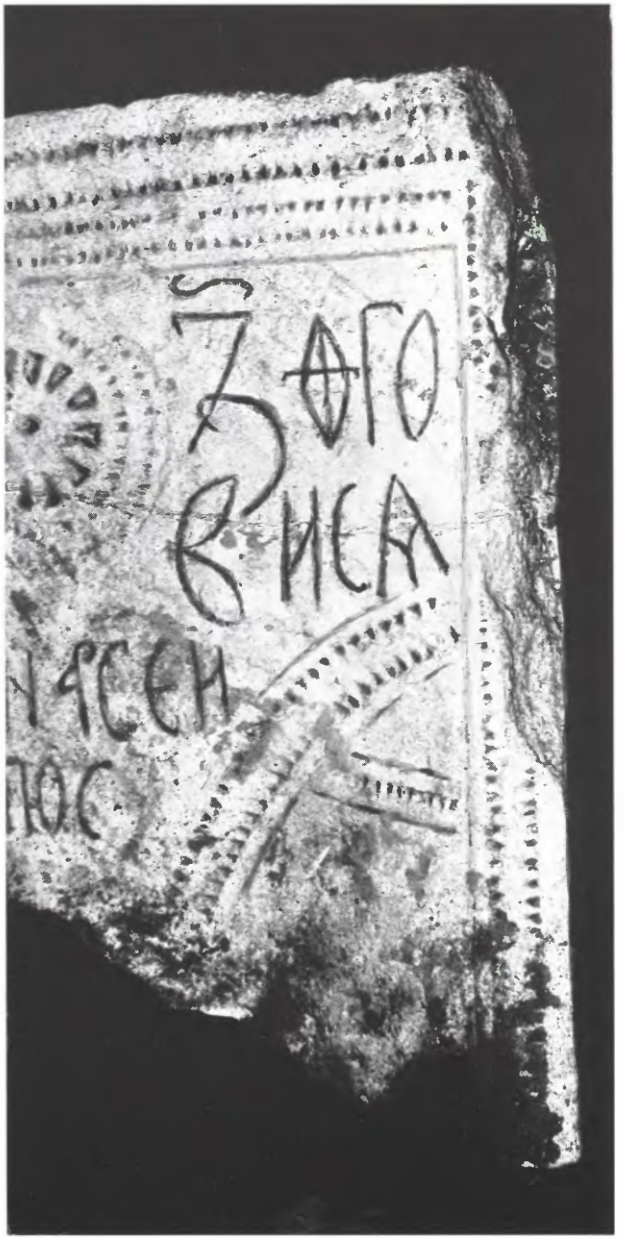

Фото 25 ►

Фрагмент надгробия с надписью;
1500/1501 г. (Кат. Бм № 17)

Fragment of the graveslab with inscription,
1500/1501. Bogoiavlenskii monastery.

▲ Фото 26

Фрагмент надгробия; конец XV — начало XVI в. (Кат. Бм № 14)

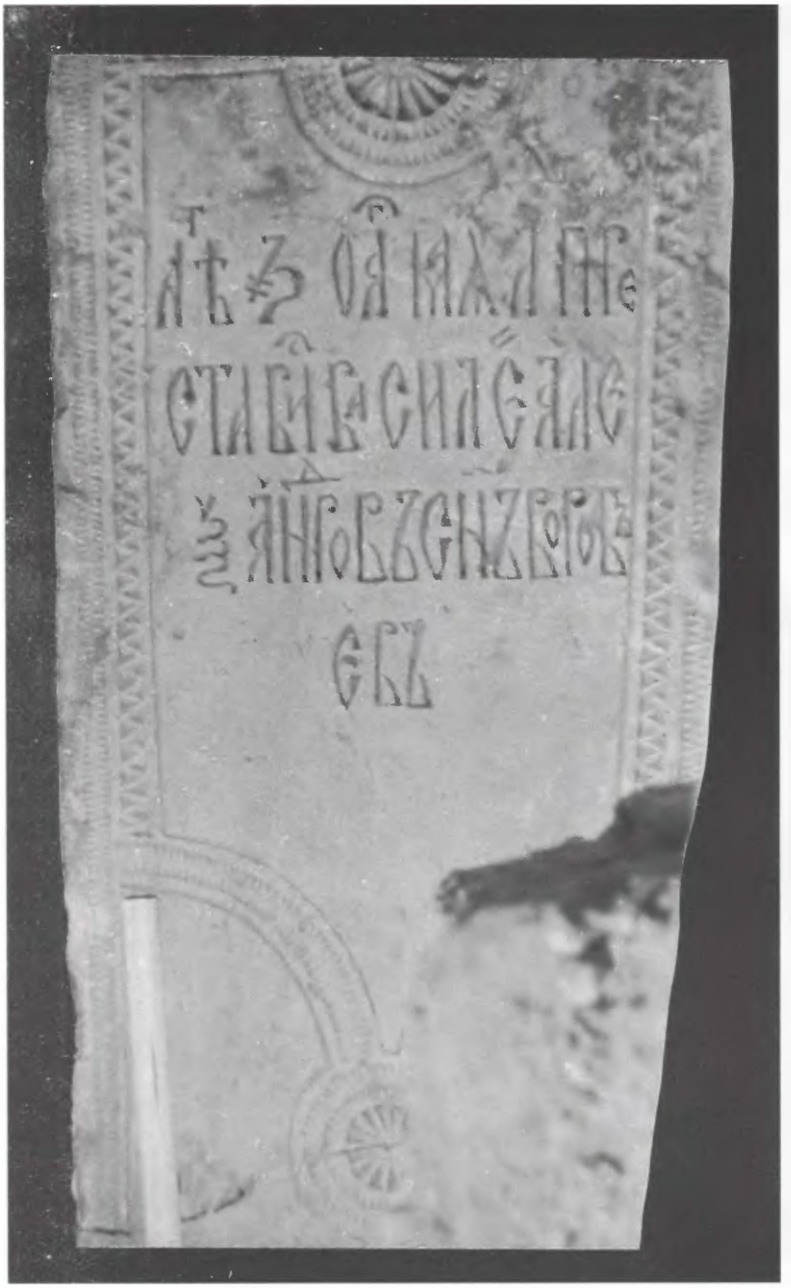
Fragment of the late-15th or early-16th-century graveslab. Bogoiavlenskii monastery.

Фото 27 ▲

Надгробие Орины Кленовой; конец XV — начало XVI в.
(Кат. Бм № 18)

The late-15th or early-16th-century graveslab of Orina Klenova.
Bogoiavlenskii monastery.

◄ Фото 28

Надгробие Василия Адександровича Воробьева; 1561 г. (Кат. Бм № 19)

The graveslab of Vasilii Aleksandrovich Vorobiev, 1561. Bogoiavlenskii monastery.

Фото 29 ►

Надгробие жены В. А. Воробьева; 1560-е гг. (?) (Кат. Бм № 20)

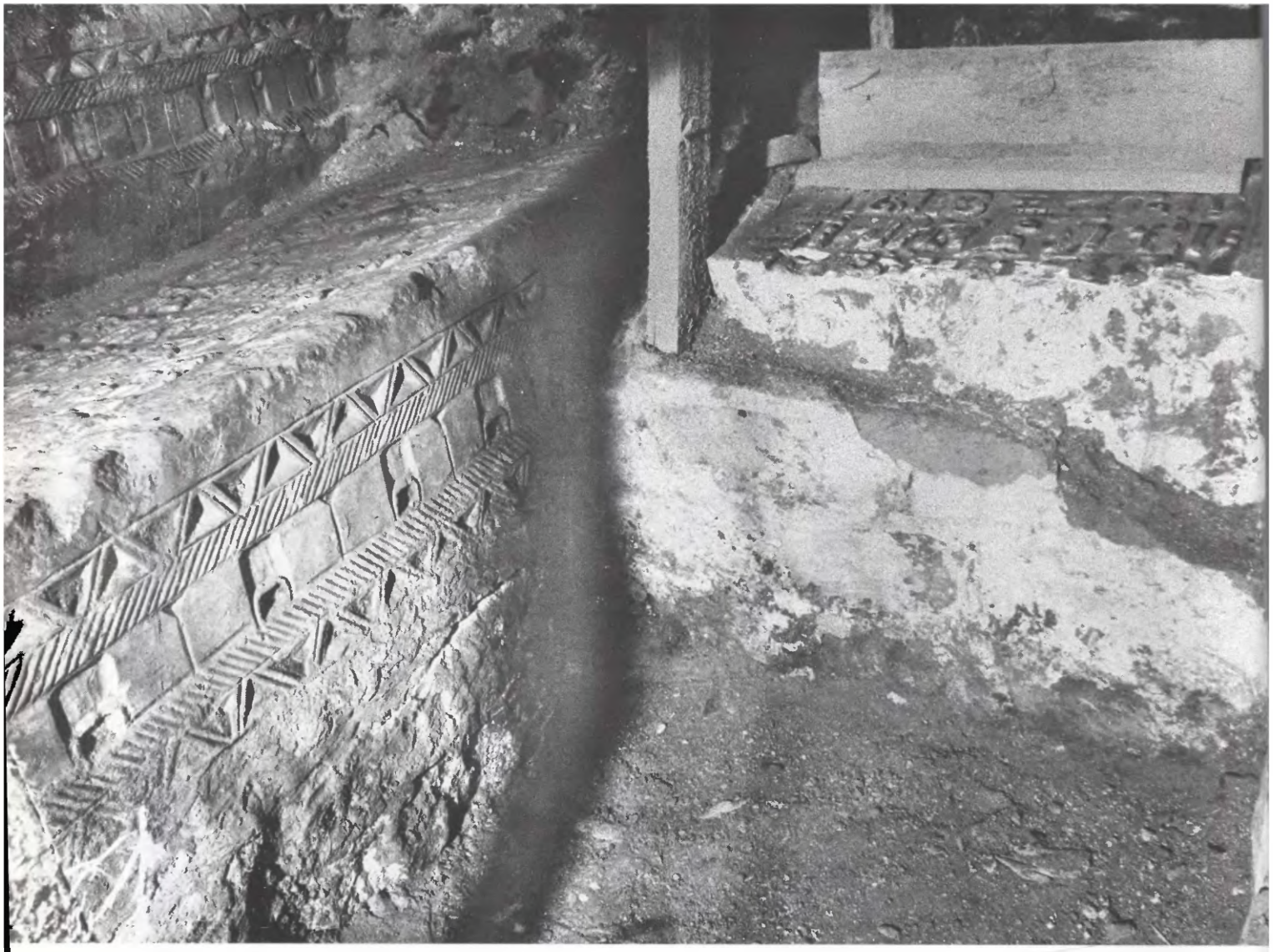
The graveslab of the wife of Vasilii Alexandrovich Vorobiev, the 1560's (?). Bogoiavlenskii monastery.

Фото 30 ▲

Надгробие Спиридона Семеновича Медоварцева; последняя четверть XVI в. Общий вид в раскопе. (Кат. Бм № 22)

The last-quarter-16th-century graveslab of Spiridon Semenovich Medovartsev. View in the process of excavations. Bogoiavlenskii monastery.

▲ Фото 31

Надгробие Ильи Ивановича и Василия Ильича Зубовых; 1638/1639 г. (Кат. Бм № 27)
Орнаментация боковой грани. Справа — надгробие 1641 года (Кат. Бм № 28)

View (flank ornamentation) of the graveslab of the Zubov's family: Ilia Ivanovich and Vasilii Ivanovich 1638/1639. From the right: graveslab, 1641. Bogoiavlenskii monastery. (Also see 32–34).

Фото 32 ►

Надгробие И. И. и В. И. Зубовых. Вид с востока.

The graveslab of the Zubov's family: Ilia Ivanovich and Vasilii Ivanovich. View from the east. Bogoiavlenskii monastery.

◄ Фото 33, 34 ►

Надгробие И. И. и В. И. Зубовых.

The graveslab of the Zubov's family: Ilia Ivanovich and Vasilii Ivanovich. Front view. Bogoiavlenskii monastery.

▲ Фото 35

Торец надгробия Василия Васильевича Зубова; † 1670 г. (Кат. Бм № 30).

Front of the graveslab of Vasilii Vasilievich Zubov, 1670. Bogoiavlenskii monastery.

Фото 36 ▲

Надгробия в кладке фундамента колокольни. Вид с юга.
Справа — торец надгробия В. В. Зубова.

South view of the graveslabs in the foundations of the belfry. From the right: front of the graveslab of Vasilii Vasilievich Zubov (see 35). Bogoiavlenskii monastery.

▲ Фото 37

Торец надгробия Ивана Алексеевича Воронцова-Вельяминова; † 1682 г. (Кат. Бм № 31)

Front of the graveslab of Ivan Alekseevich Vorontsov-Veliaminov, 1682. Bogoiavlenskii monastery.

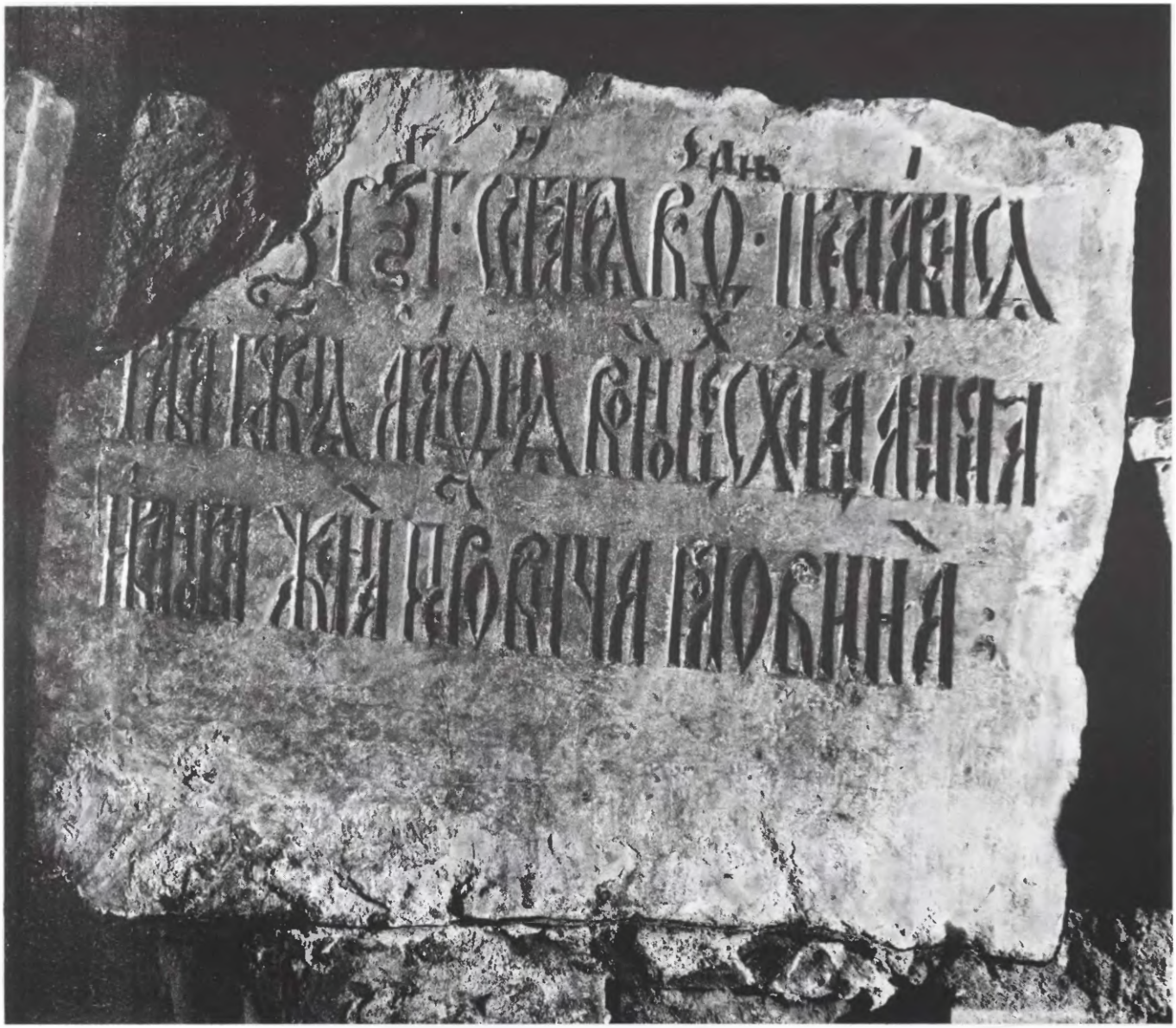

Фото 38 ▲

Торец надгробия Агафьи (Анисии), жены И. П. Головина; † 1654 г. (Кат. Бм № 32)

Front of the graveslab of Agafia (Anisia) — the wife of Ivan Petrovich Golovin, 1654. Bogoiavlenskii monastery.

▲ Фото 39

Торец надгробия Алексея Алексеевича Воронцова-Вельяминова; † 1655 г. (Кат. № Бм 33)

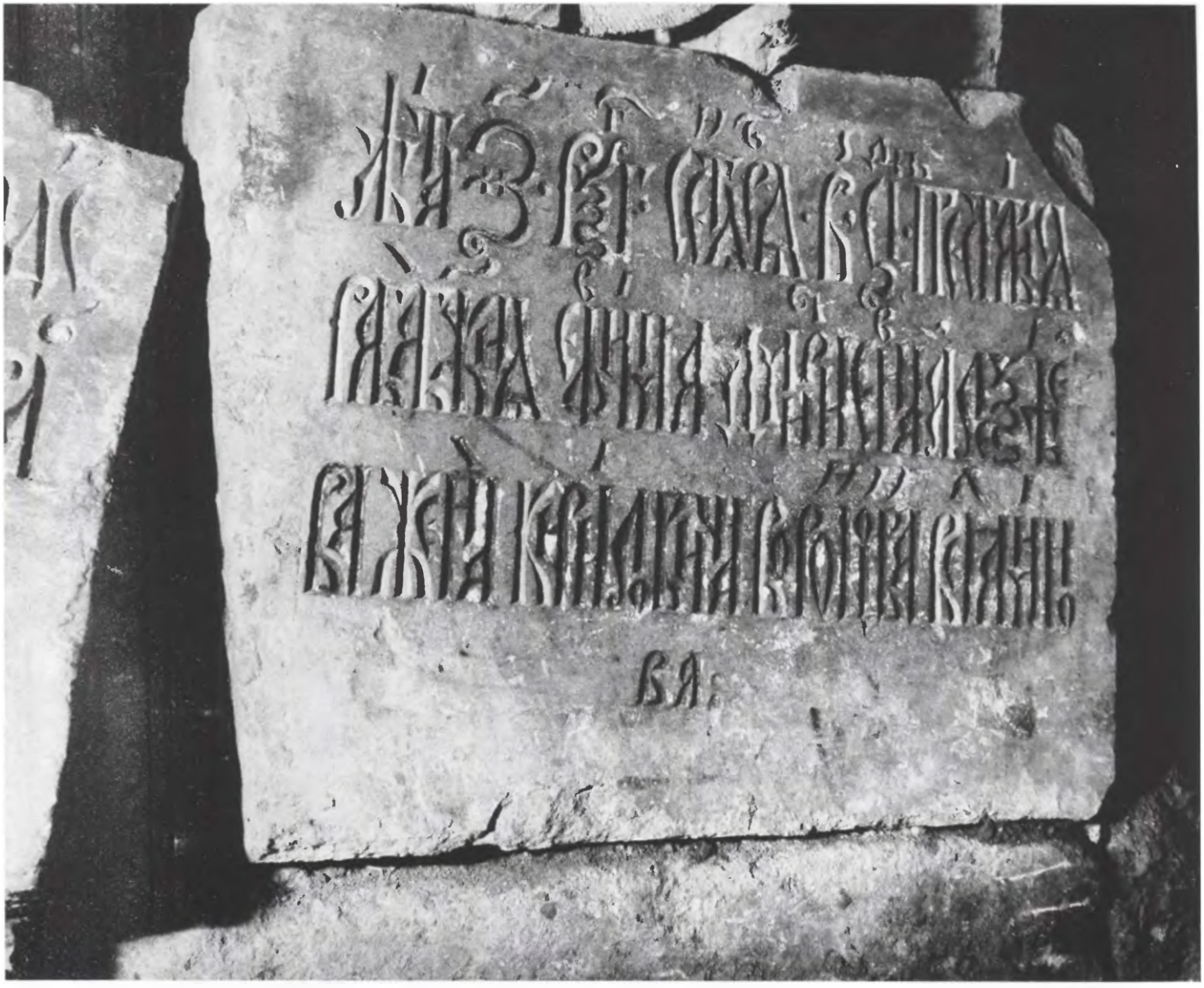
Front of the graveslab of Aleksei Alekseevich Vorontsov-Veliaminov, 1655. Bogoiavlenskii monastery.

Фото 40 ▲

Плиты Агафии Головиной, А. А. и Е. Д. Воронцовых-Вельяминовых в ходе раскопок. Вид с запада.

West view of the graveslabs of Agafia Golovina (see 38), A. A. Vorontsov-Veliaminov (see 39) and E. D. Vorontsov-Veliaminov, shows the process of excavations in Bogoiavlenskii monastery.

▲ Фото 41

Торец надгробия Евфимии Дмитриевны, жены Алексея Кирилловича Воронцова-Вельяминова; † 1654 г. (Кат. № Бм 34)

Front of the graveslab of Evfimia Dmitrievna — the wife of Aleksei Kirillovich Vorontsov-Veliaminov, 1654. Bogoiavlenskii monastery.

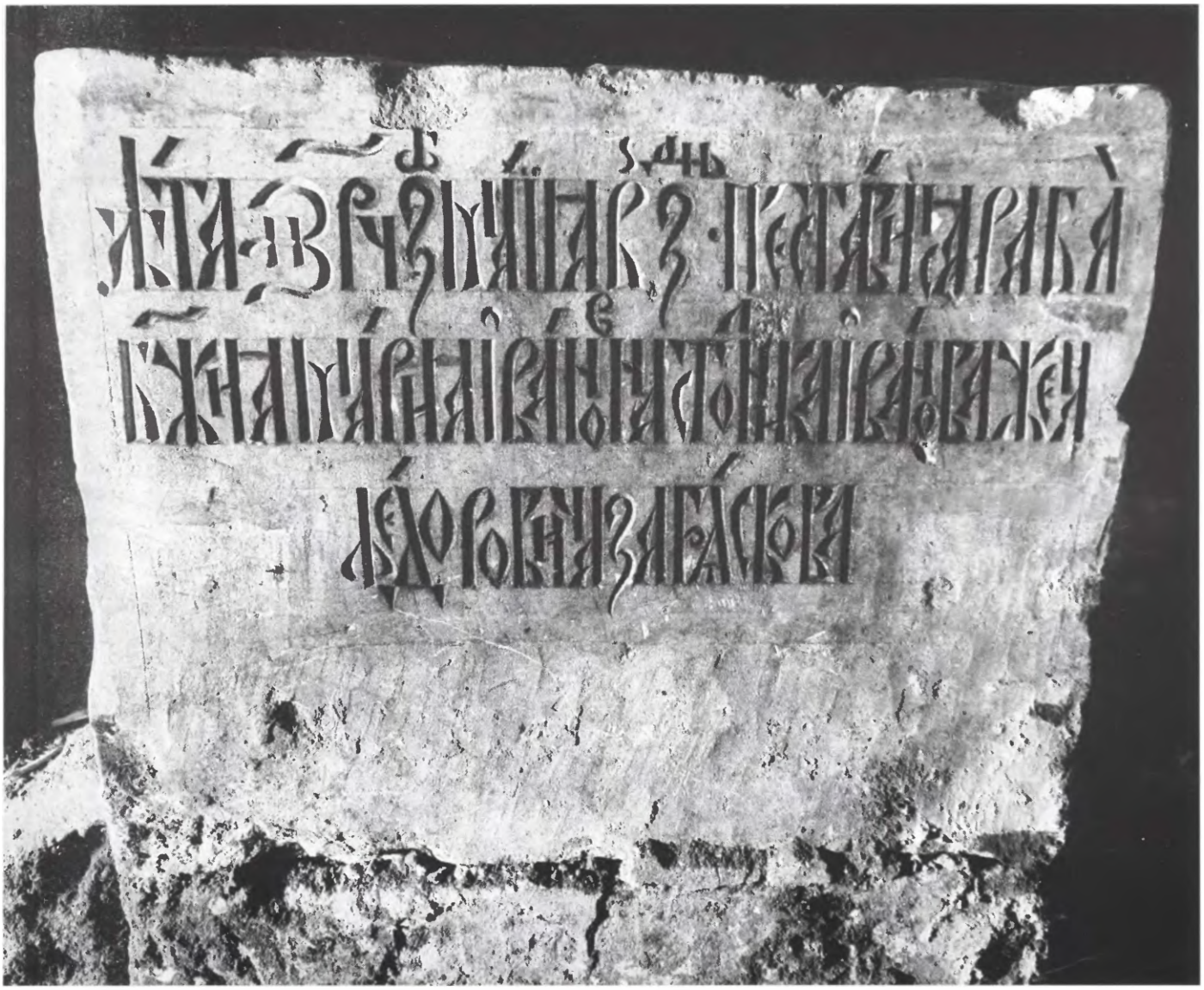

Фото 42 ▲

Торец надгробия Марии Ивановны, жены стольника Ивана Загрязского; † 1689 г. (Кат. Бм № 35)

Front of the graveslab of Maria Ivanovna — the wife of a stolnik Ivan Zagriazskii, 1689. Bogoiavlenskii monastery.

▲ Фото 43

Надгробия XVII в. в фундаменте центральной апсиды собора 1690-х гг.
(Кат. Бм № 36, 1675 г.; Кат. Бм № 37). Вид с запада.

West view of the 17th-century graveslabs in the foundations of the central apse of Bogoiavlenskii Cathedral dating back to the 1690's.

Фото 44 ▲

Надгробия XVII в. в фундаменте центральной апсиды собора Богоявленского монастыря. Вид с севера.

North view of the 17th-century graveslabs in the foundations of the central apse of Bogoiavlenskii Cathedral.

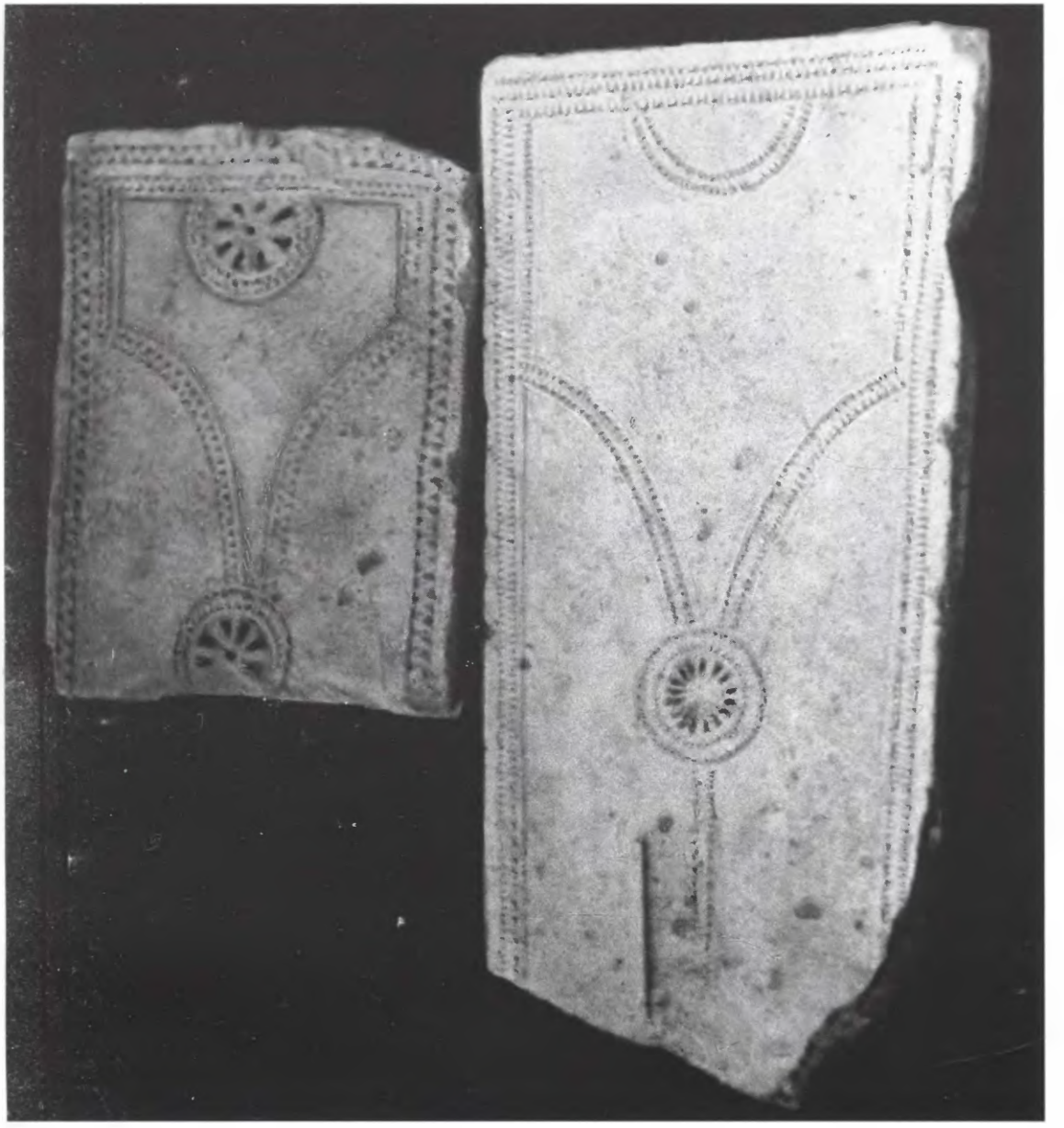

Фото 46 ▲

Высоко-Петровский монастырь. Надгробия без надписей; начало XVI в.
Слева ВПм № 23, справа ВПм № 21.

The early-16th-century graveslabs without inscriptions from Vysoko-Petrovskii (St Peter the Metropolitan) monastery in Moscow.

◄ Фото 45

Собор Богоявленского монастыря. Белокаменные антропоморфные саркофаги XVI в. к западу от трапезной. Раскопки 1988 г.

The 16th-century limestone anthropoid sarcophaguses found to the west of the refectory. Excavations of 1988. Bogoiavlenskii monastery.

▲ Фото 47

Надгробие Сергея Абрамова; † 1498 или 1508 г. (Кат. ВПм № 4) Надпись.

The graveslab of Sergei Abramov (detail, see 49). Vysoko-Petrovskii monastery.

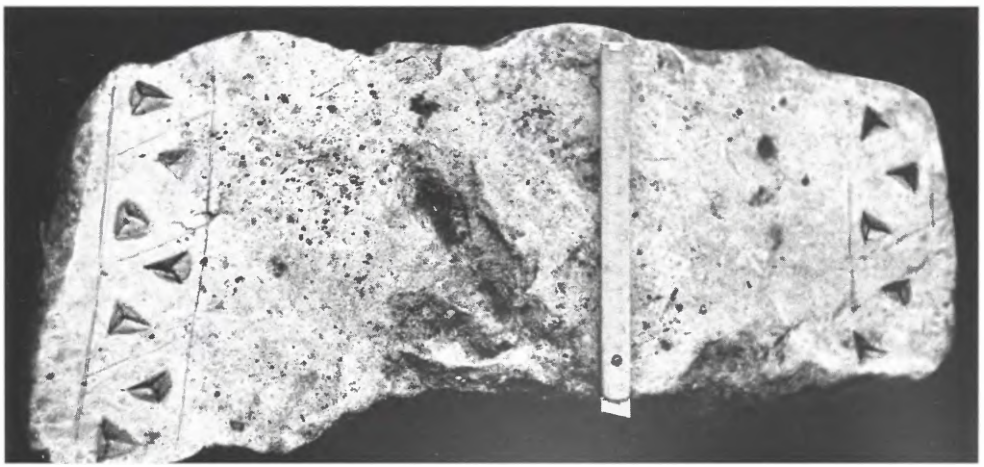

Фото 49 ▲

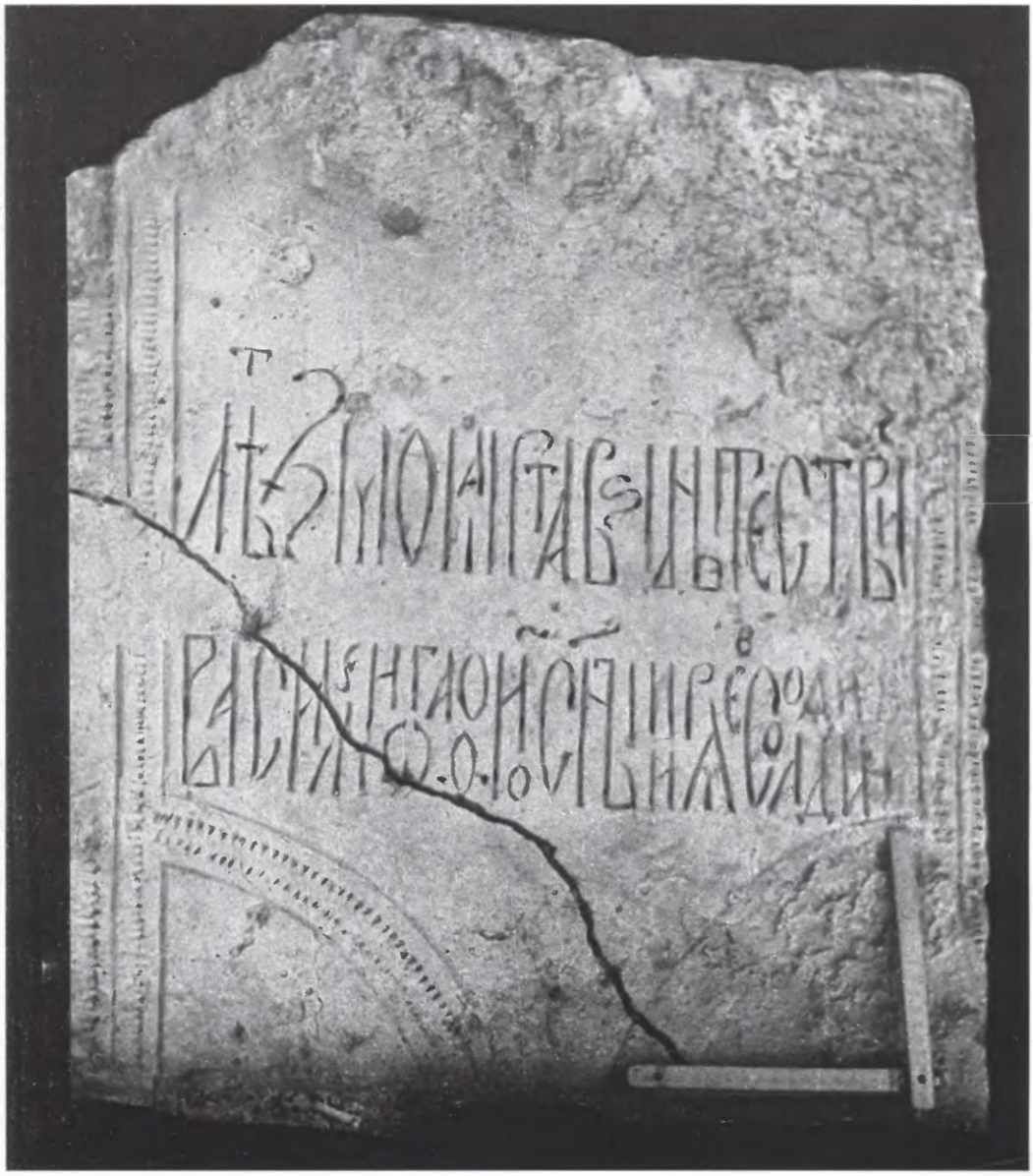
Надгробие Сергея Абрамова; † 1498 или 1508 г. (Кат. ВПм № 4) Общий вид.

The graveslab of Sergei Abramov, 1498 or 1508. Vysoko-Petrovskii monastery.

◄ Фото 48

Фрагмент надгробия; XIV — XV вв. (Кат. ВПм № 2)

Fragment of the 14th or 15th-century graveslab. Vysoko-Petrovskii monastery.

▲ Фото 50

Надгробие солодяника Василия Агафоновича Ширяева; 1532 г. (Кат. ВПм № 6)

The graveslab of a maltster Vasilii Agafonovich Shiriaev, 1532.
Vysoko-Petrovskii monastery.

Фото 51 ▲

Фрагмент надгробия с датой 1538/1539 г. (Кат. ВПм № 8)

Fragment of a graveslab with the date 1538/1539. Vysoko-Petrovskii monastery.

Фото 52 ►

Надгробие инока (Епифания ?);
1519 г. (Кат. ВПм № 5)

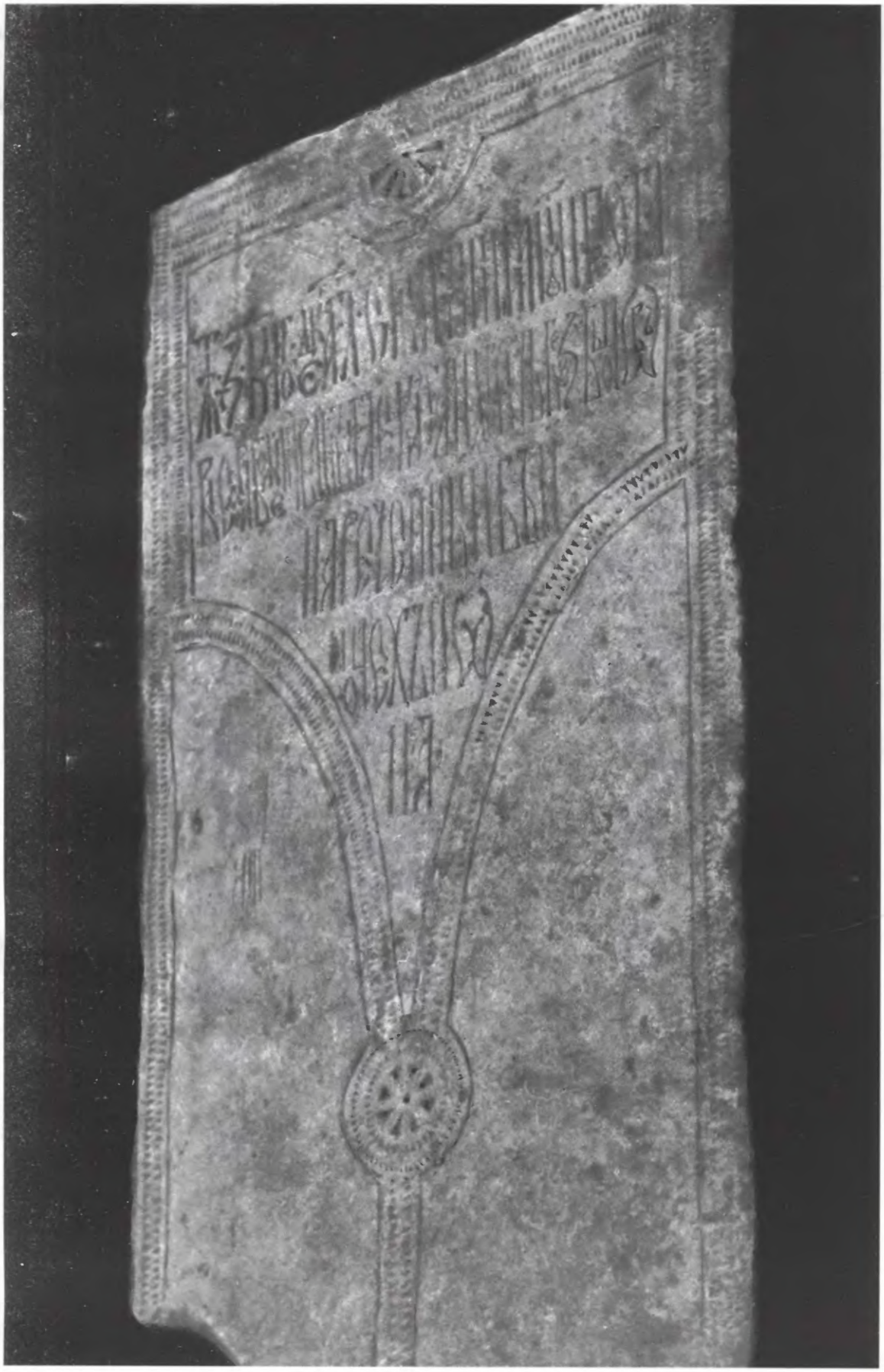
Graveslab of a monk (Epiphanii ?),
1519. Vysoko-Petrovskii monastery.

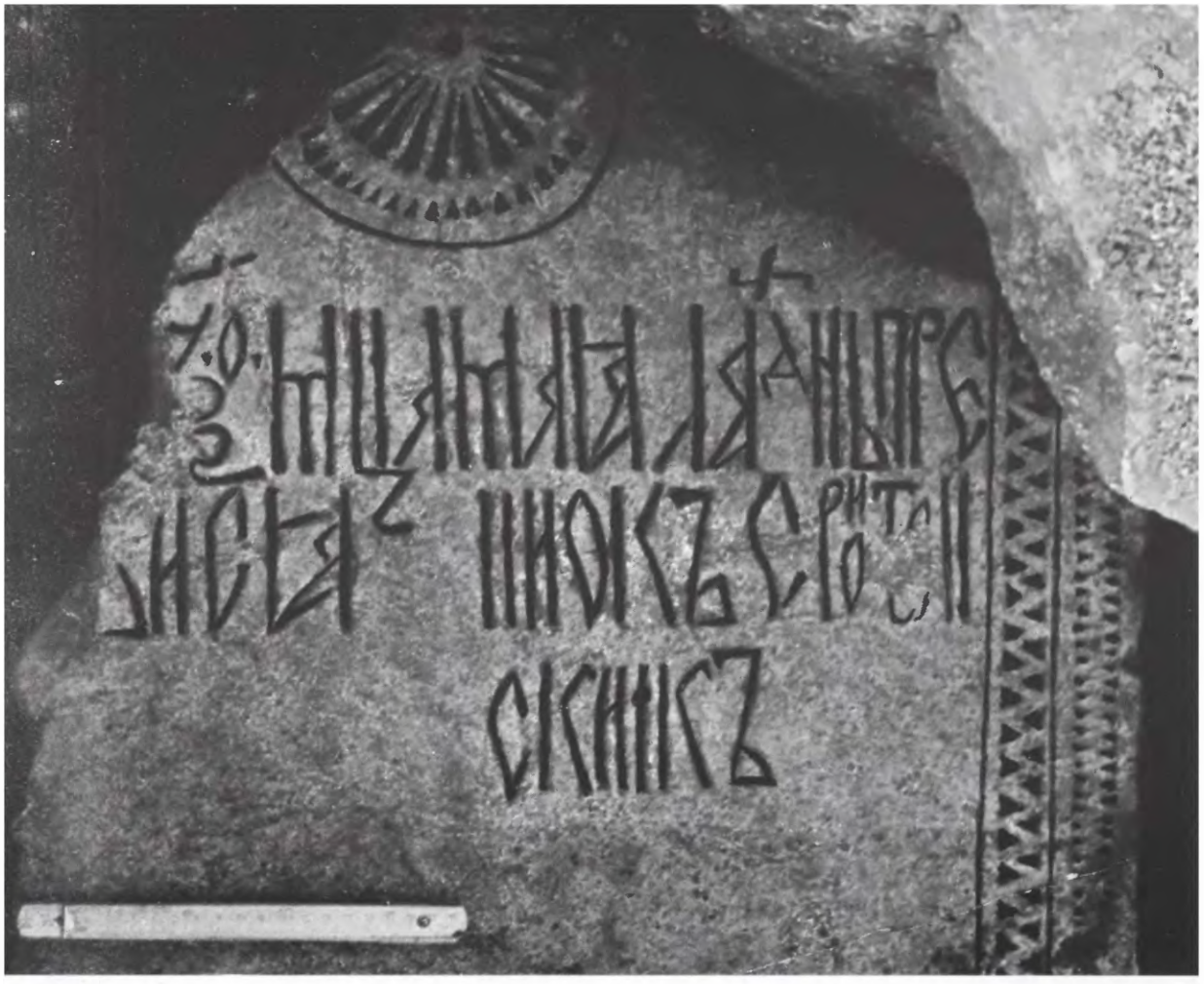

▲ Фото 53, 54 ►

Надгробие Ивана (Ионы) Александровича Беззубцева; 1535 г. (Кат. ВПм № 7)
Надпись и общий вид.

The inscription and the graveslab of Ivan (Iona) Aleksandrovich Bezzubtsev, 1535.
Vysoko-Petrovskii monastery.

▲ Фото 55

Надгробие инока “Еронтия”; 1561 г. (Кат. ВПм № 10)

The graveslab of a monk named “Erontii”, 1561. Vysoko-Petrovskii monastery.

Фото 56 ▲

Надгробие "спасского священника" Иева (Ивана); 155[illegible] г.
(Кат. ВПм № 9)

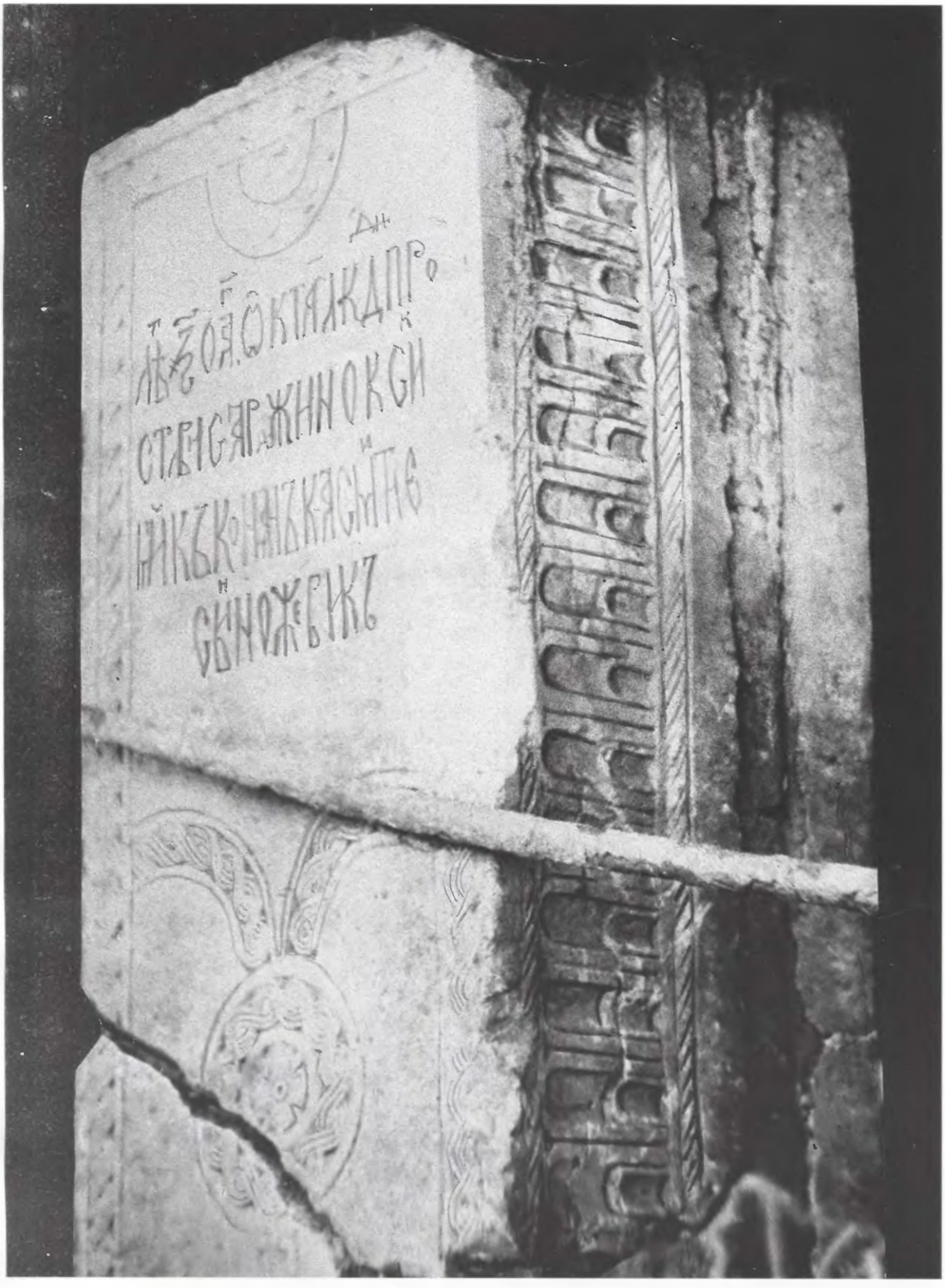
The graveslab of a priest Iev (Ivan), 1551. Vysoko-Petrovskii monastery.

▲ Фото 57, 58 ►

Надгробие ножевника Конана Клементьева; † 1562 г.
Общий вид и вид сбоку. (Кат. ВПм № 11)

The graveslab of a hard-ware trader Konan Klementiev, 1562: top and flank.
Vysoko-Petrovskii monastery. (Also see 59, 60).

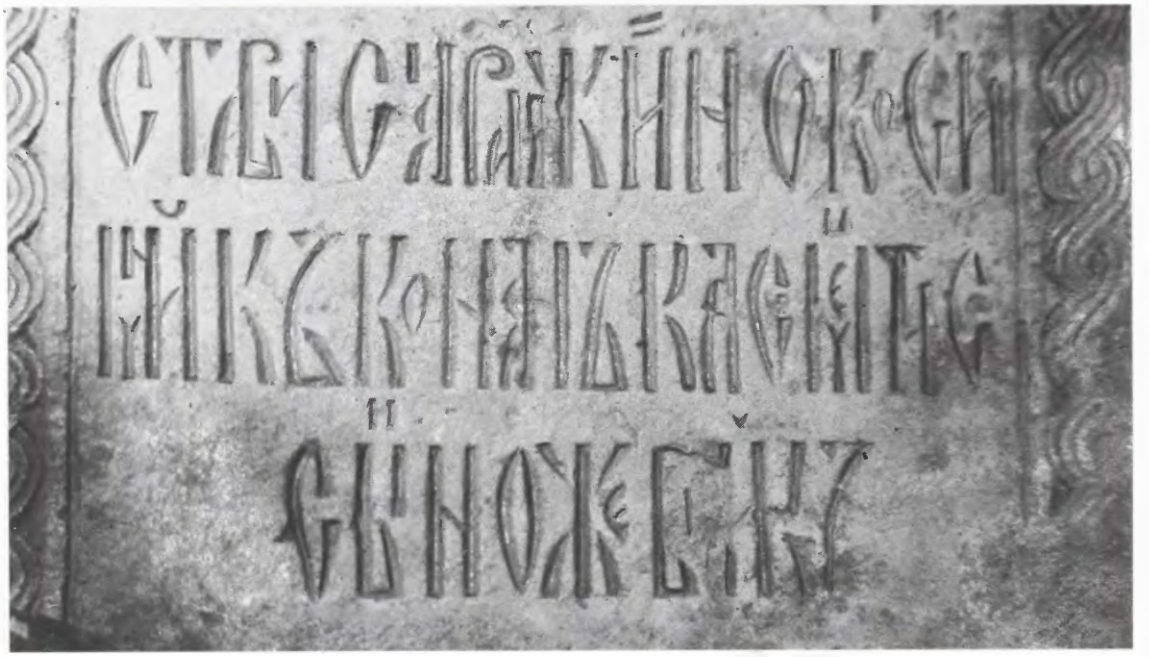

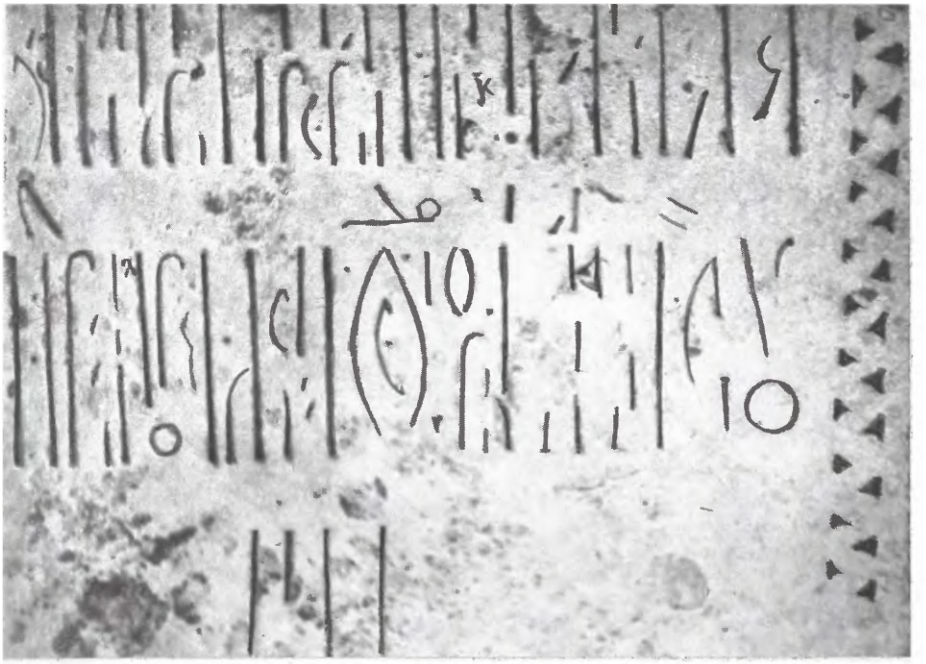
▲ Надгробие ножевника Конана Клементьева; † 1562 г., in situ. Часть кладбища XVI — XVII вв.; на втором плане — столб галереи начала XVIII в., окружившей собор Петра Митрополита. (Кат. ВПм № 11) и фрагмент надписи.

Фото 59, 60

The graveslab of a hard-ware trader Konan Klementiev, 1562. In situ, within of the 16th — 17th-century necropolis. At the background: the pillar of the early-18th-century gallery, which surrounded the Cathedral of St Peter the Metropolitan. Vysoko-Petrovskii monastery. Detail of the inscription.

▼

▲ Фото 61, 62 ►

Надгробие жены Ивана Федоровича (Сумина ?) Аграфены (?); 1562 г. (Кат. ВПм № 12). Общий вид и фрагмент надписи.

The graveslab of Agrafena (?) — the wife of Ivan Fedorovich Sumin (?), 1562, and detail with the inscription. Vysoko-Petrovskii monastery.

◄ Фото 63

Фрагмент надгробия Ивана и Исая Руготиных; 1560-е — начало 1570-х гг. (Кат. ВПм № 16)

Fragment of the graveslab of the Rugotin family: Ivan and Isaia, the 1560's or early 1570's. Vysoko-Petrovskii monastery.

▼ Фото 64

Фрагмент надгробия с надписью; третья четверть XVI в. (Кат. ВПм № 18б)

Fragment of the third-quarter-16th-century graveslab with inscription. Vysoko-Petrovskii monastery.

Фото 65 ▼

Фрагмент надгробия с надписью; третья четверть XVI в. (Кат. ВПм № 18а)

Fragment of the third-quarter-16th-century graveslab with inscription. Vysoko-Petrovskii monastery.

Фрагмент надгробия Алексея Ергольского; вторая треть XVI в. (Кат. ВПм № 17)
Надпись и общий вид.

Fragment of the second-third-16th-century graveslab of Aleksei Ergolskii and detail with inscription. Vysoko-Petrovskii monastery.

▲ Фото 66, 67 ►

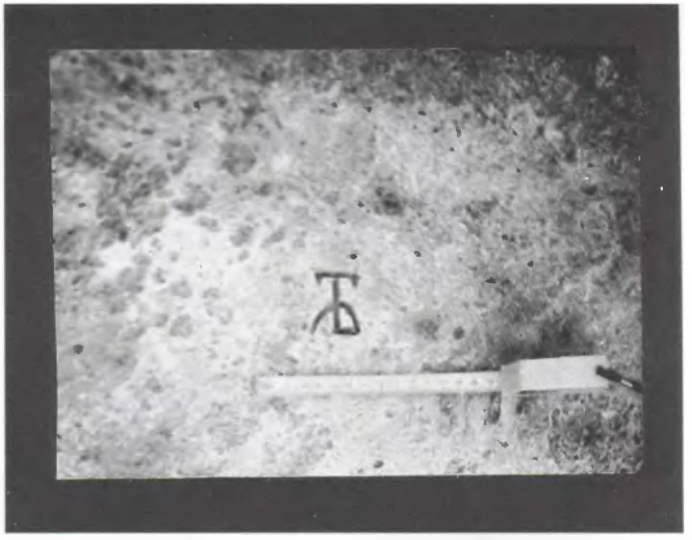

▲ Фото 68

Фрагмент надгробия; середина XVI в.
(Кат. ВПм № 26)

Fragment of the mid-16th-century graveslab.
Vysoko-Petrovskii monastery.

▲ Фото 69

Фрагмент надгробия со словом "лет"; XVI в.
(Кат. ВПм № 20)

Fragment of the 16th-century graveslab with
inscription. Vysoko-Petrovskii monastery.

Фото 71 ▲

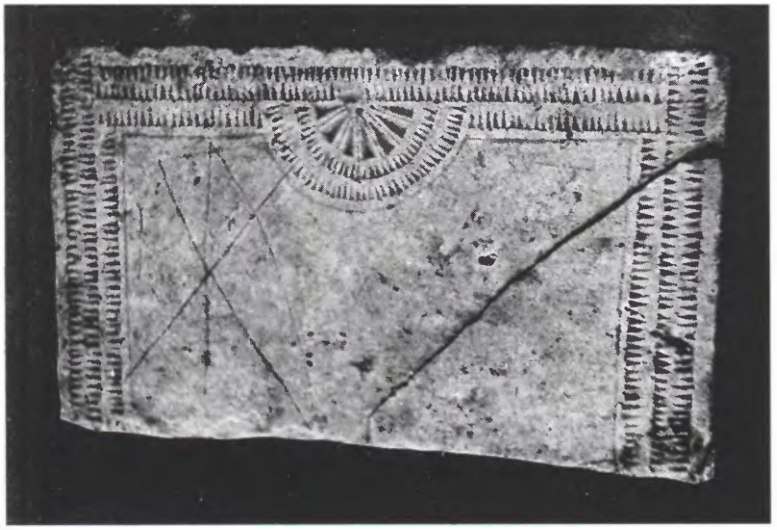
Фрагмент надгробия; конец XV — начало XVI в. (Кат. ВПм № 24)

Fragment of the late-15th or early-16th-century graveslab. Vysoko-Petrovskii monastery.

◄ Фото 70

Фрагмент надгробия; первая половина XVI в. (Кат. ВПм № 22)

Fragment of the first-half-16th-century graveslab. Vysoko-Petrovskii monastery.

▲ Фото 72

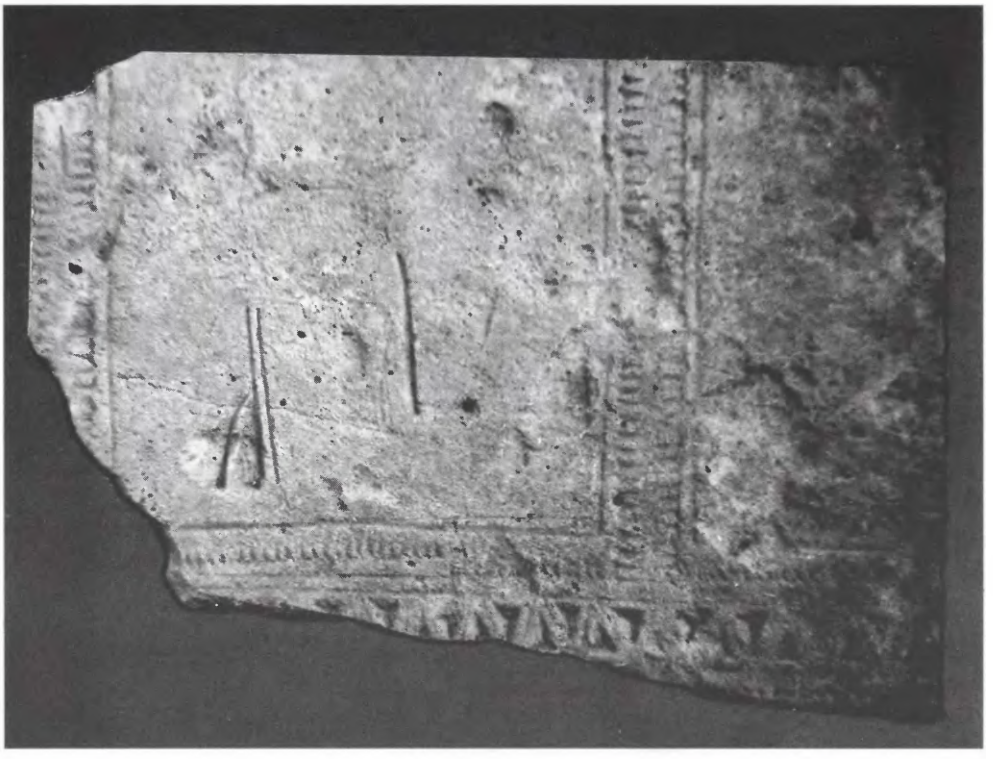
Фрагмент надгробия; середина XVI в. (Кат. ВПм № 28)

Fragment of the mid-16th-century graveslab. Vysoko-Petrovskii monastery.

▼ Фото 73

Фрагмент надгробия; середина XVI в. (Кат. ВПм № 27)

Fragment of the mid-16th-century graveslab. Vysoko-Petrovskii monastery.

◄ Фото 74

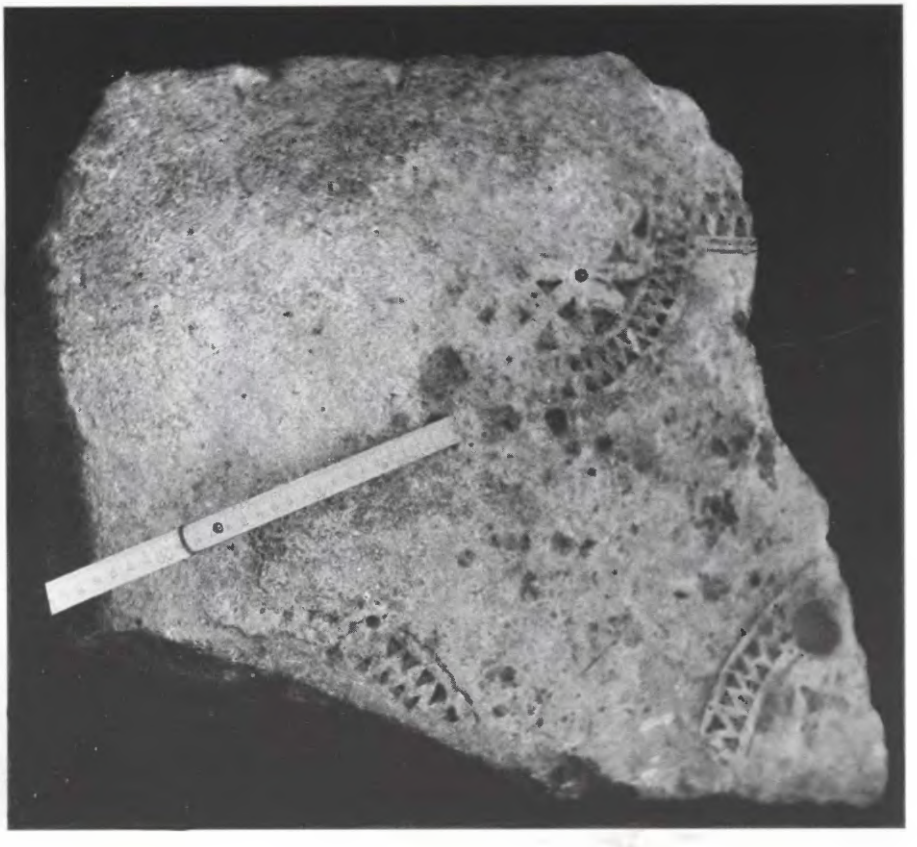
Фрагмент надгробия; середина XVI в. (Кат. ВПм № 29)

Fragment of the mid-16th-century graveslab. Vysoko-Petrovskii monastery.

Фото 75 ▼

Фрагмент надгробия; конец XV — начало XVI в. (Кат. ВПм № 25)

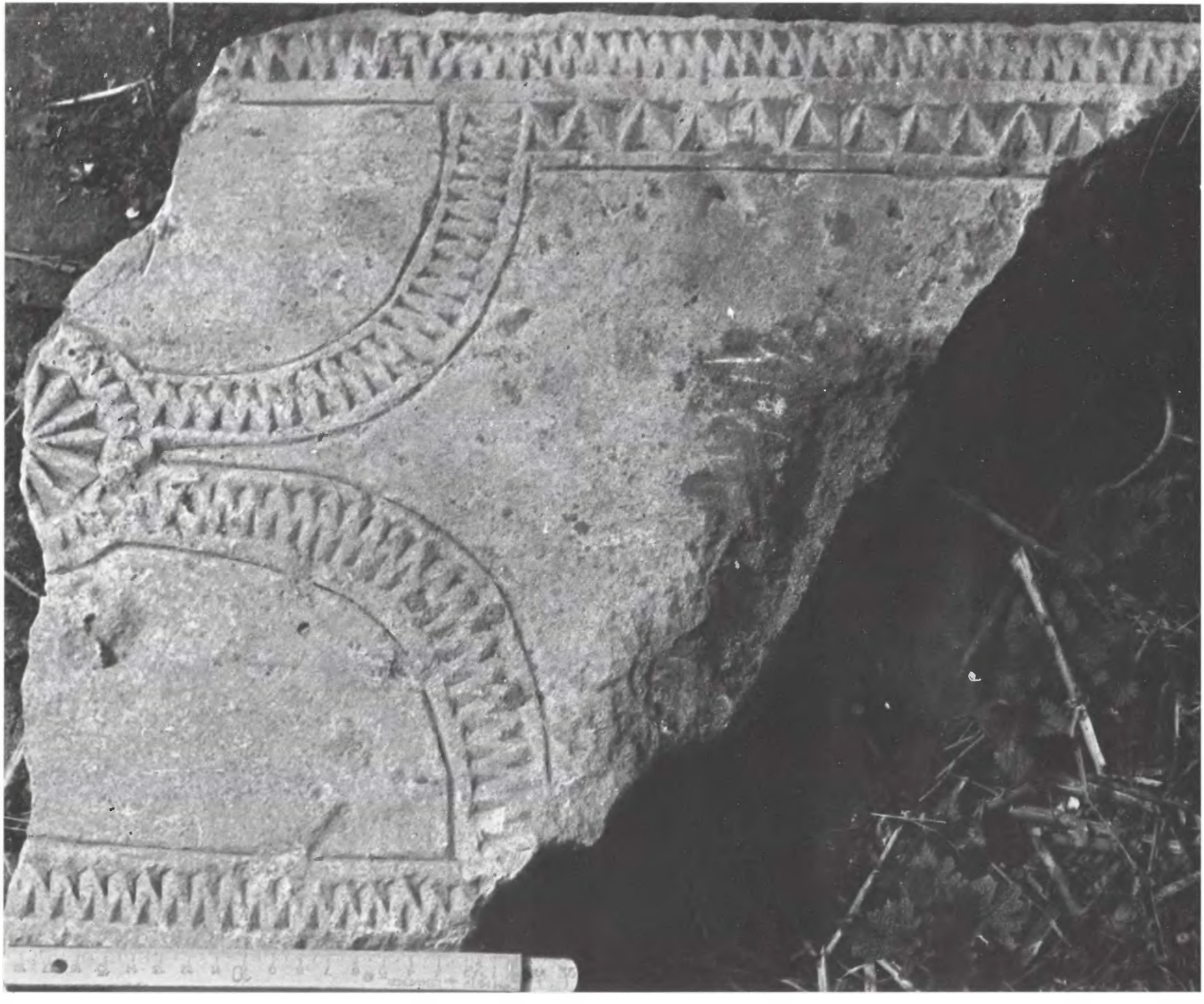
Fragment of the late-15th or early-16th-century graveslab. Vysoko-Petrovskii monastery.

▲ Фото 76, 77 ►

Фрагменты надгробия; вторая половина XVI в. (1560-е гг. ?) (Кат. ВПм № 31 и 30)
Fragments of the second-half-16th-century graveslab (the 1560's ?). Vysoko-Petrovskii monastery.

◄ Фото 78, 79 ▲

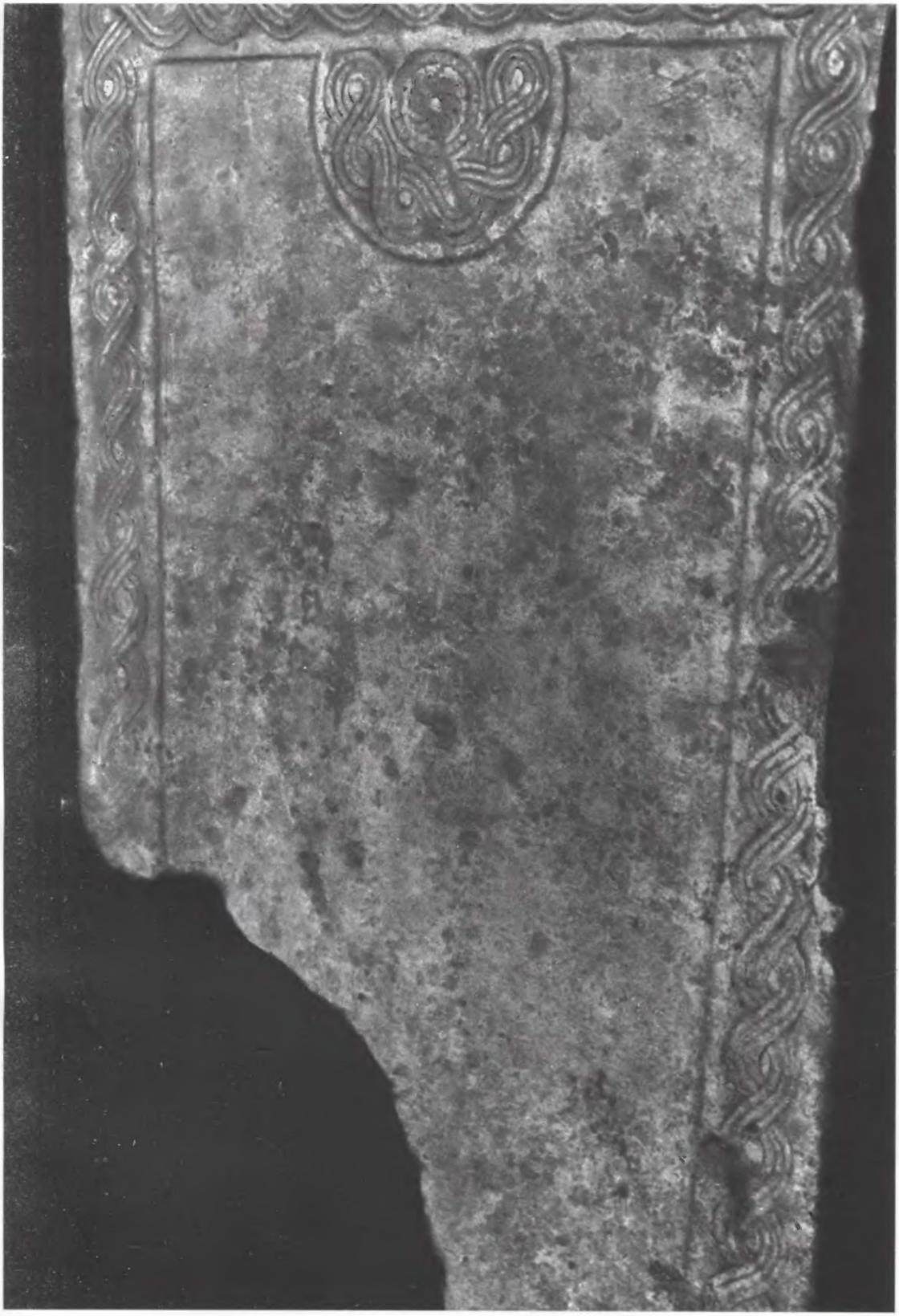
Детское надгробие в форме гроба; последняя треть XVI в. (Кат. ВПм № 34).
Общий вид и орнаментация верхней грани.

The last-third-16th-century infantile graveslab in a shape of a coffin: flank and top with ornamentation. Vysoko-Petrovskii monastery.

Фото 80 ►

Надгробие; последняя треть XVI в. (Кат. ВПм № 35)

The last-third-16th-century graveslab. Vysoko-Petrovskii monastery.

▲ Фрагмент надгробия; конец XVI — первая треть XVII в. (Кат. ВПм № 37)
Фото 81, 82 Вид сбоку и сверху.
▼ Fragment of the late-16th or first-third-17th-century graveslab: flank and top. Vysoko-Petrovskii monastery.

▲ Фото 83

Фрагмент надгробия с частью надписи; 1591/92 или 1601/1602 г. (Кат. ВПм № 39)

Fragment of the graveslab with inscription, 1591/92 or 1601/1602. Vysoko-Petrovskii monastery.

◄ Фото 84, 85 ▲

Фрагмент надгробия; середина — вторая половина XVI в. (Кат. ВПм № 33) Вид сбоку и сверху.

Fragment of the mid-or second-half-16th-century graveslab: flank and top. Vysoko-Petrovskii monastery.

▲ Фото 86

Надгробие А. П. Стюнеевой (Лазаревой), фрагмент.

Detail of the graveslab (see 88).

▼ Фото 87 Фрагмент надгробия с частью надписи; 1644 г. (Кат. ВПм № 42)

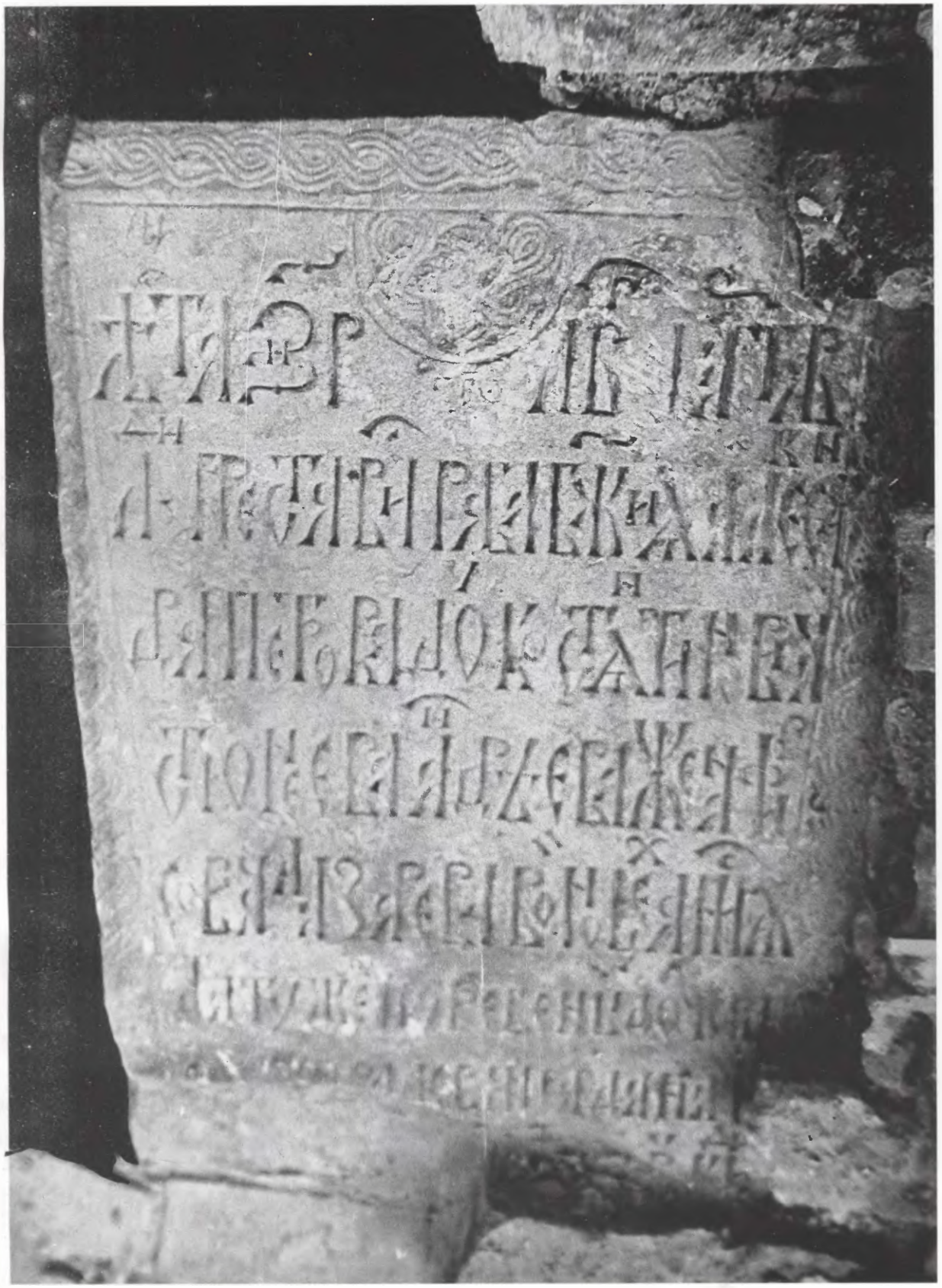
Fragment of the graveslab with inscription, 1644. Vysoko-Petrovskii monastery.

Фото 88 ►

Надгробие Александры Петровны Стюнеевой, по мужу Лазаревой, († 1622 г.) и ее детей (Кат. ВПм № 40)

The graveslab of Aleksandra Petrovna Stiuneeva (Lazareva) and her children, 1622. Vysoko-Petrovskii monastery.

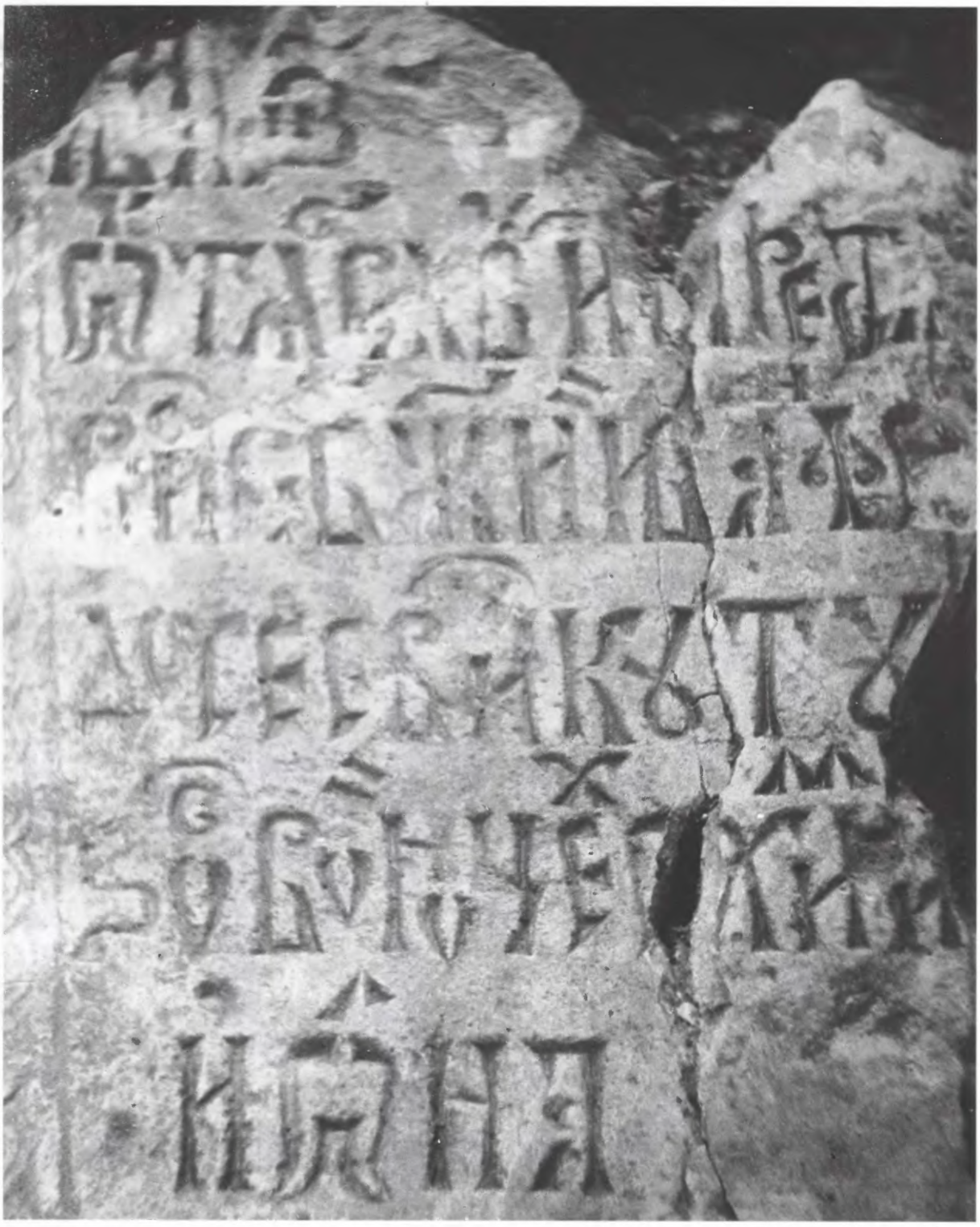

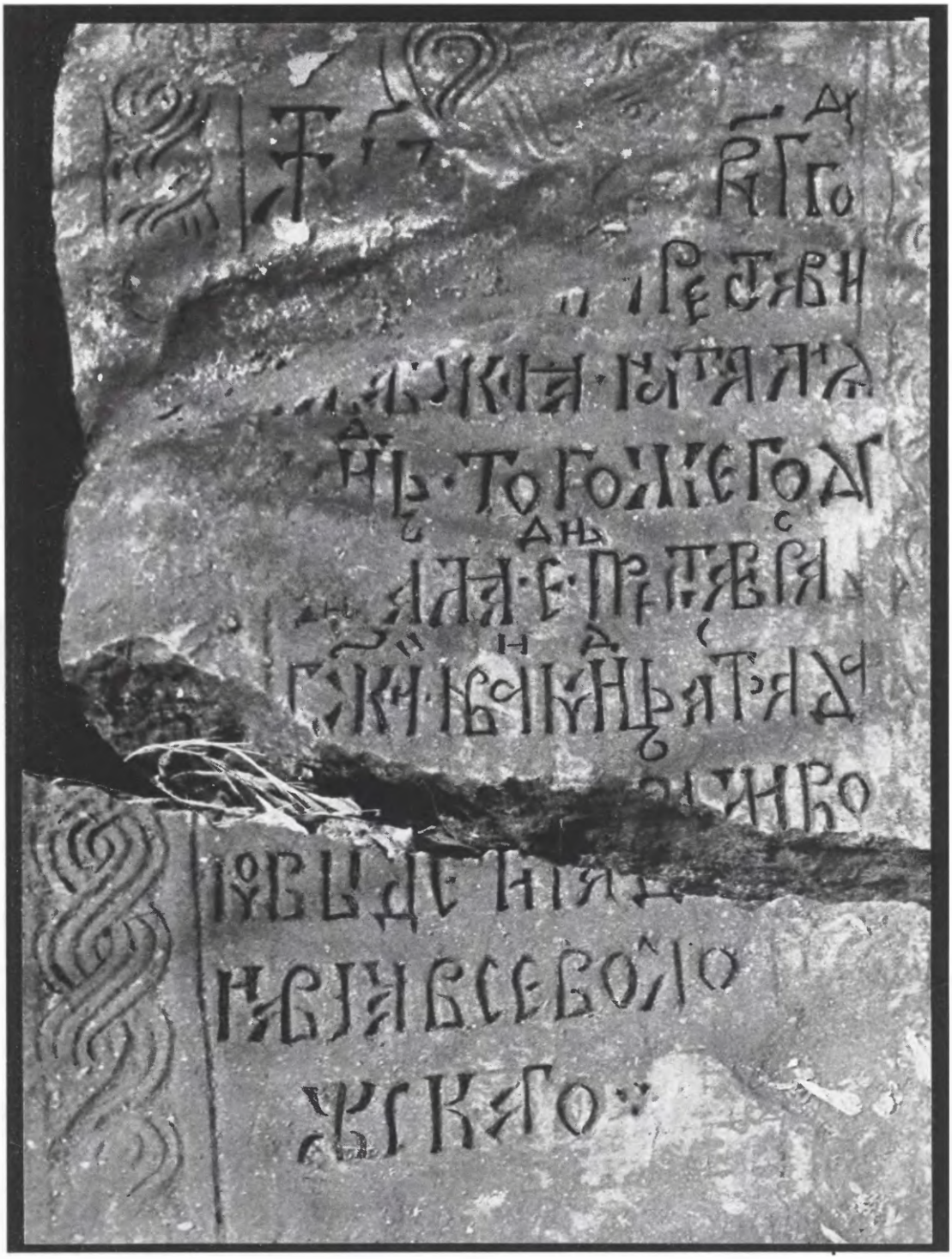

◄ Фото 89, 90 ►

Надгробие Ивана (Ионы) Федосеевича Кутузова; 1645 г. (Кат. ВПм № 43)
Общий вид и фрагмент надписи.

The graveslab of Ivan (Iona) Fedoseevich Kutuzov, 1645, and detail of the inscription.
Vysoko-Petrovskii monastery.

▲ Фото 91

Надгробие Натальи и Ивана, детей Астрадама Родионовича Всеволожского; 1643 г. (Кат. ВПм № 41)

The graveslab of Natalia and Ivan — the children of Astradam Rodionovich Vsevoloshzkii, 1643. Vysoko-Petrovskii monastery.

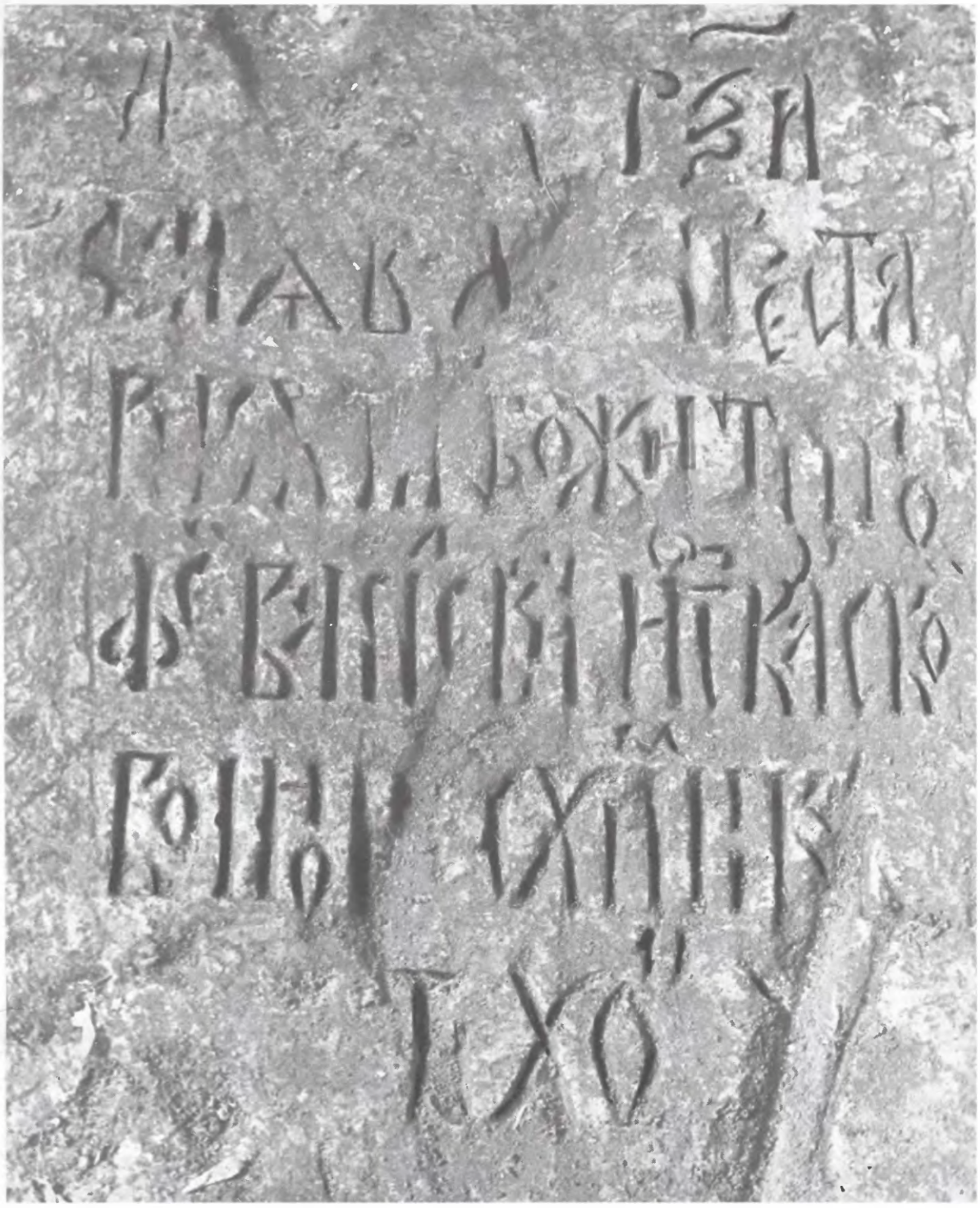

Фото 92 ▲

Надгробие Тимофея (Тихона) Васильевича Исканского; 1653 г. (Кат. ВПм № 44)

The graveslab of Timofei (Tikhon) Vasilievich Iskanskii, 1653. Vysoko-Petrovskii monastery.

▲ Фото 93

Фрагмент надгробия Фомы Ивановича Семичова; середина XVII в. (Кат. ВПм № 45)

Fragment of the mid-17th-century graveslab of Foma Ivanovich Semichov. Vysoko-Petrovskii monastery

◄ Фото 94, 95 ▼

Фрагмент надгробия Романа Остафьева;
конец XVI — первая половина XVII в.
(Кат. ВПм № 46) Надпись и орнамент боковой грани.

Fragment of the late-16th or first-half-17th-century graveslab of Roman Ostafiev: the inscription and flank ornamentation. Vysoko-Petrovskii monastery.

Фото 96 ▲

Высоко-Петровский монастырь. Фундамент северо-восточного столба крыльца собора Петра Митрополита, сложенный из надгробных плит XVI — XVII вв. Раскопки 1985 г.

View of the foundations of the north-eastern pillar of the porch of St Peter the Metropolitan Cathedral, shows the reused 16th and 17th-century graveslabs. Excavations of 1985. Vysoko-Petrovskii monastery.

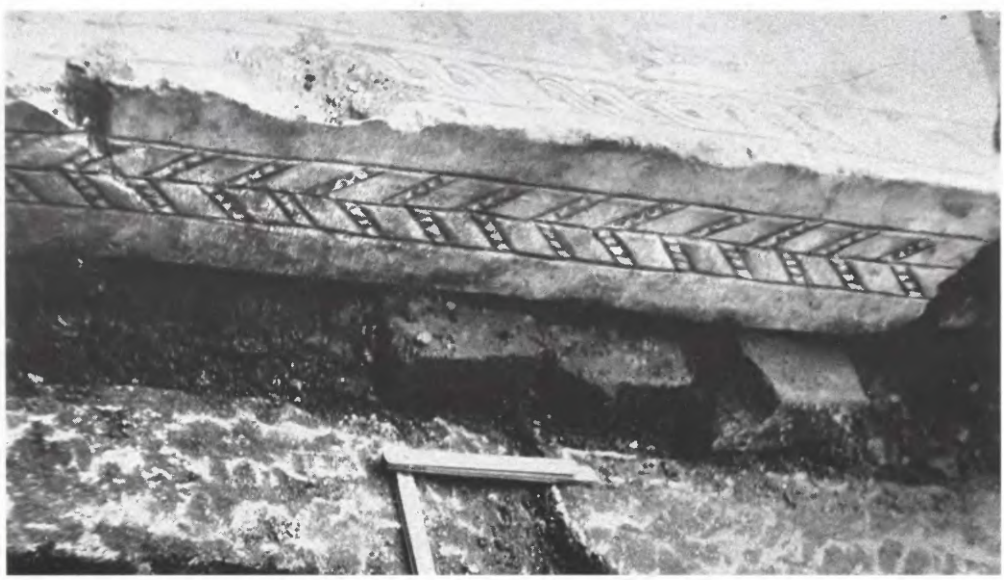
▲ Фото 97, 98 ►

Изголовье надгробия; середина XVII в. (Кат. ВПм № 49)
Орнамент боковой грани и общий вид.

Head of the mid-17th-century graveslab: flank ornamentation and fragment. Vysoko-Petrovskii monastery.

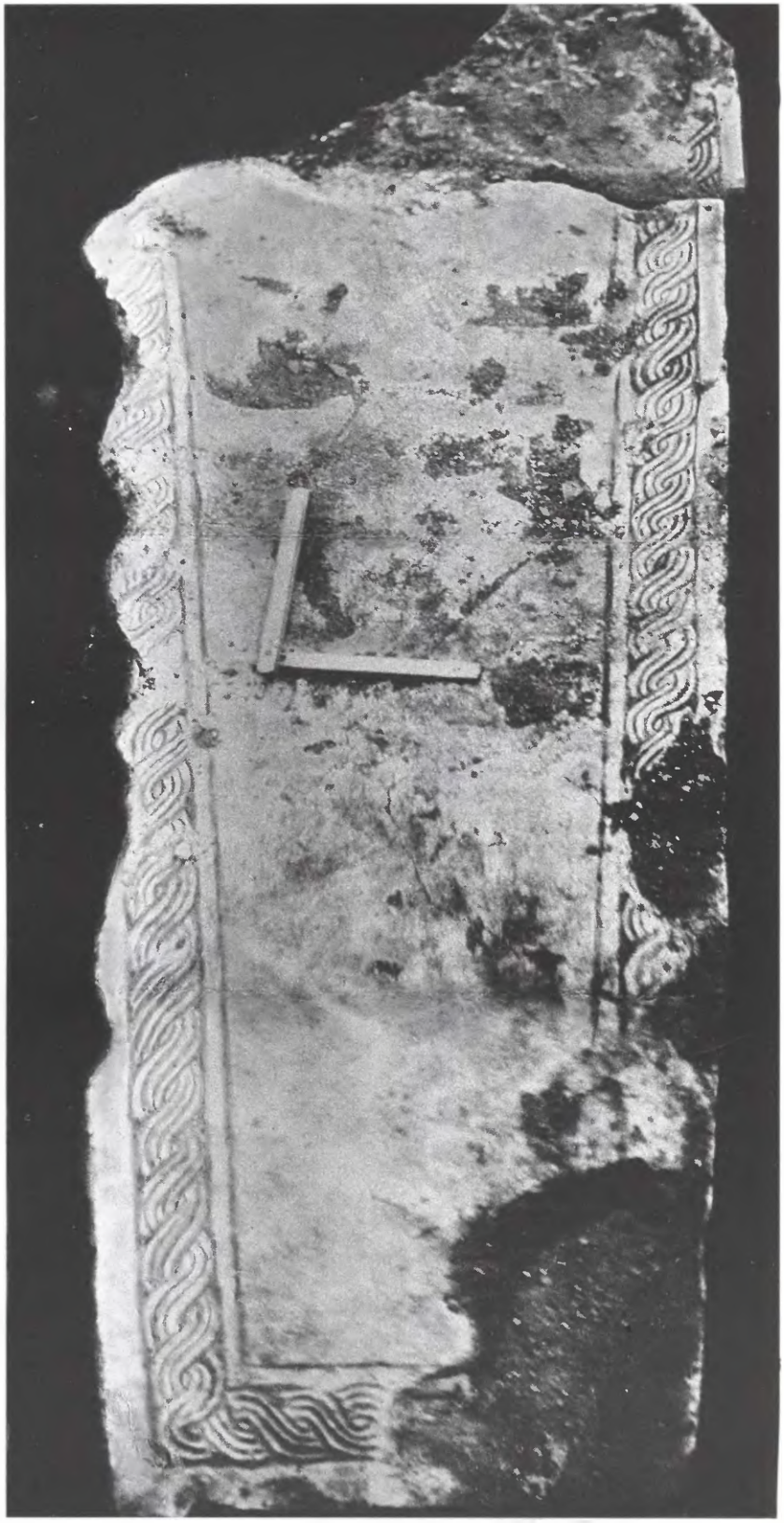

◄ Фото 99

Надгробие и фундамент для надгробия к югу от площадки крыльца собора Петра Митрополита; середина XVII в. Вид с запада. (Кат. ВПм № 50)

The mid-17th-century graveslab and the foundation for another graveslab (south to the porch of St Peter the Metropolitan Cathedral). Excavations of 1985. View from the west. Vysoko-Petrovskii monastery.

◄ Фото 100, 101 ►

Надгробие; середина XVII в. (Кат. ВПм № 50)

Орнамент боковой грани.
Орнамент лицевой грани.

The mid-17th-century graveslab: flank and top ornamentation. Vysoko-Petrovskii monastery.

◄ Фото 103

Фрагмент боковой грани надгробия; конец XVI — первая половина XVII в. (Кат. ВПм № 56)

Flank fragment of the late-16th or first-half-17th-century graveslab. Vysoko-Petrovskii monastery.

◄ Фото 102

Надгробие; середина XVII в.
(Кат. ВПм № 51)

The mid-17th-century graveslab.
Vysoko-Petrovskii monastery.

▼ Фото 105, 106 ▲

Надгробие; конец XVI — первая четверть XVII в. (Кат. ВПм № 55)
Вид сверху и сбоку.

The late-16th or first-quarter-17th-century graveslab: top and flank.
Vysoko-Petrovskii monastery.

◄ Фото 104

Детское надгробие;
первая половина —
середина XVII в.
(Кат. ВПм № 54)

The first-half or
mid-17th-century infantile
graveslab.
Vysoko-Petrovskii
monastery.

▲ Фото 107

Надгробие середины XVII в. в кладке западного крыльца галереи собора Петра Митрополита. (Кат. ВПм № 52)

View of the foundations of the west porch of the gallery of St Peter the Metropolitan Cathedral, shows the mid-17th-century graveslab. Excavations of 1985. Vysoko-Petrovskii monastery.

Фото 109 ▲

Церковь Сергия в Старых Серебряниках. Фундамент.
Надгробие Матрены (Марфы) Потининой; 1632 г. (Кат. СК № 1)

View of the foundations of the Church of Sergii in Starye Serebrianiki in Moscow.
Shows the graveslab of Matrena (Marfa) Potinina, 1632.

◄ Фото 108

Надгробие в кладке юго-западного столба галереи собора Петра Митрополита;
конец XVI — начало XVII в. (Кат. ВПм № 53)

Flank of the late-16th or early-17th-century graveslab within the foundations of the gallery of St Peter the Metropolitan Cathedral. Vysoko-Petrovskii monastery.

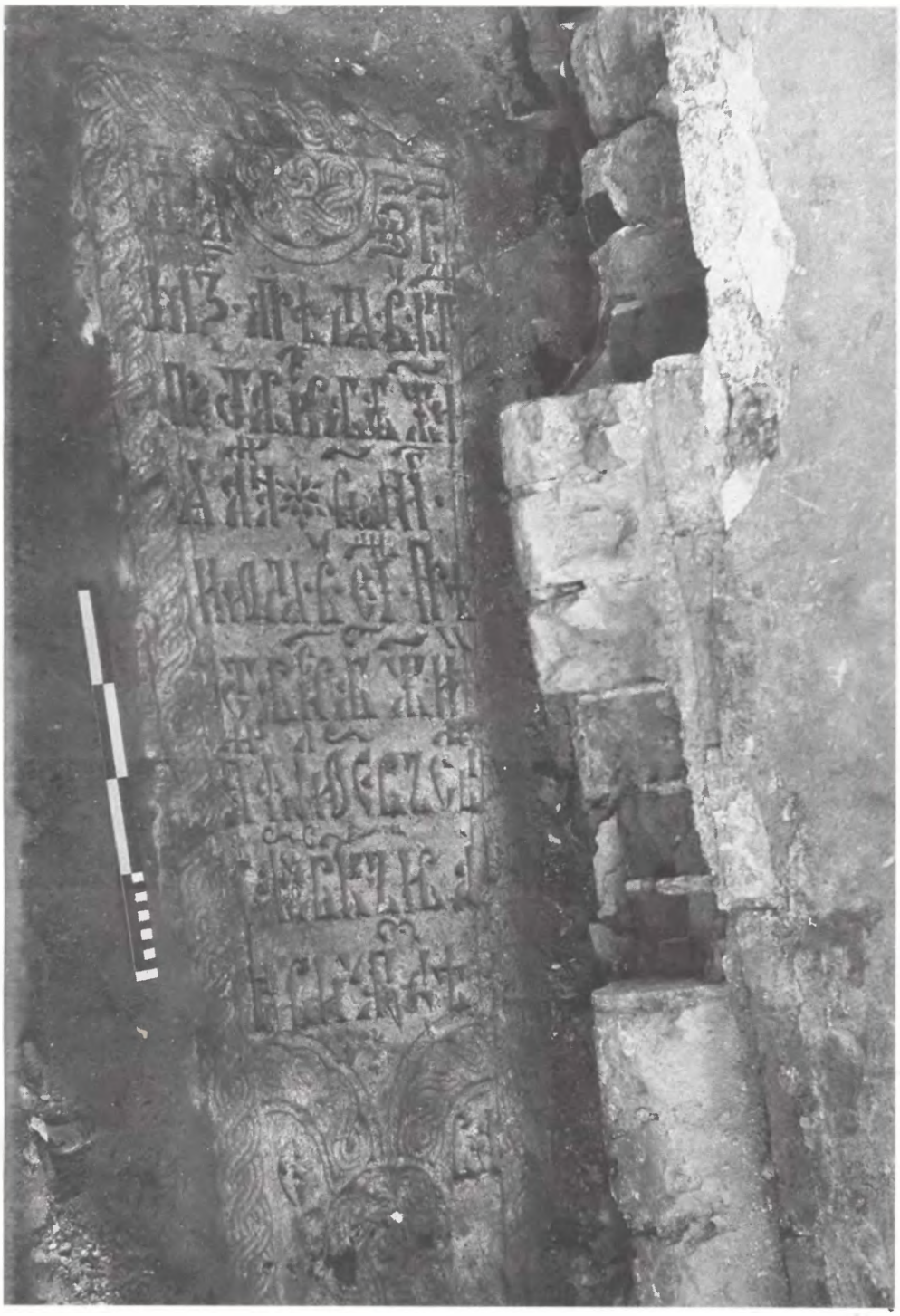

◄ Фото 110

Церковь Сергия в Старых Серебряниках. Фрагмент надписи надгробия М. Потининой. (Кат. СК № 1)

Detail of the inscription (see 109). Church of Sergii in Starye Serebrianiki in Moscow.

◄ Фото 111, 112 ▲

Церковь Сергия в Старых Серебряниках. Надгробие Панфила Юрьевича Поздеева; 1639 г. (Кат. СК № 2) Фрагмент надписи. Общий вид в фундаменте.

View of the foundations of the Church of Sergii in Starye Serebrianiki in Moscow. Shows the graveslab of Panfil Jurievich Pozdeev, 1639. Detail of the inscription.

◄ Фото 113, 114 ▲

Церковь Сергия в Старых Серебряниках. Надгробие семьи Семиона Григорьевича Челищева; 1640-е гг. (Кат. СК № 3). Фрагменты надписи.

Details of the inscription (see 115).

Фото 115 ▲

Церковь Сергия в Старых Серебряниках. Надгробие семьи Семиона Григорьевича Челищева, 1640-е гг. (Кат. СК № 3). Общий вид в фундаменте.

View of the foundations of the Church of Sergii in Starye Serebrianiki in Moscow. Shows the graveslab of the family of Semion Grigorievich Chelischev, the 1640's.

▲ Фото 116

Церковь Сергия в Старых Серебряниках. Надгробие вдовы Михаила Борисовича Челищева; начало XVIII (?) в. (Кат. СК № 5)

The early-18th-century (?) wall memorial plate of the widow of Mikhail Borisovich Chelischev. Church of Sergii in Starye Serebrianiki in Moscow.

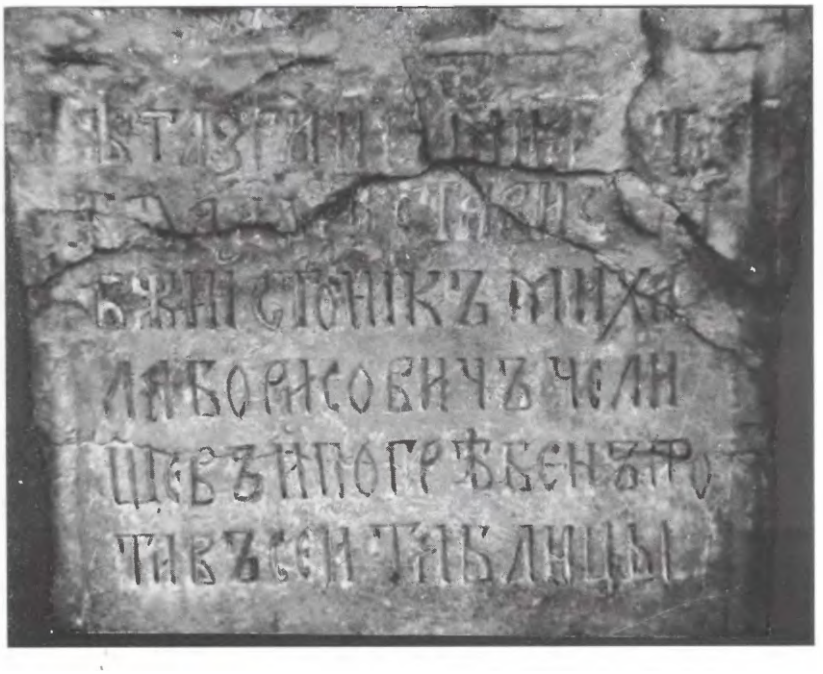

Фото 117 ►

Церковь Сергия в Старых Серебряниках. Надгробие стольника Михаила Борисовича Челищева; 1689 г. (Кат. СК № 4)

Wall memorial plate of a stolnik Mikhail Borisovich Chelischev, 1689. Church of Sergii in Starye Serebrianiki in Moscow.

▲ Фото 118

Церковь Сергия в Старых Серебряниках. Надгробие Евдокии Михайловны Дашковой; 1712 г. (Кат. СК № 6)

Wall memorial plate of Evdokia Mikhailovna Dashkova, 1712. Church of Sergii in Starye Serebrianiki in Moscow.

Фото 119 ►

Церковь Сергия в Старых Серебряниках. Надгробие Борщовой, жены князя Василия Ухтомского; начало XVIII (?) в. (Кат. СК № 7)

The early-18th-century (?) wall memorial plate of Borschova — the wife of prince Vasilii Ukhtomskii. Church of Sergii in Starye Serebrianiki in Moscow.

▲ Фото 120

Церковь Сергия “в Рогожской”. Надгробие Семена Масло; 1520/1521 г. (Кат. СР № 1)

The graveslab of Semen Maslo, 1520/1521. Church of Sergii “in Rogozshskaia” in Moscow.

Фото 121 ►

Церковь Сергия “в Рогожской”. Надгробие; середина — вторая половина XVI в. (Кат. СР № 2)

The mid-or second-half-16th-century graveslab. Church of Sergii “in Rogozshskaia” in Moscow.

◄ Фото 122

Церковь Сергия “в Рогожской”. Фрагмент надгробия; вторая половина XVI в. (Кат. СР № 2)

Fragment of the second-half-16th-century graveslab. Church of Sergii “in Rogozshskaia” in Moscow.

Фото 123 ►

Церковь Сергия “в Рогожской”. Надгробный крест; XVII в. (Кат. СР № 2)

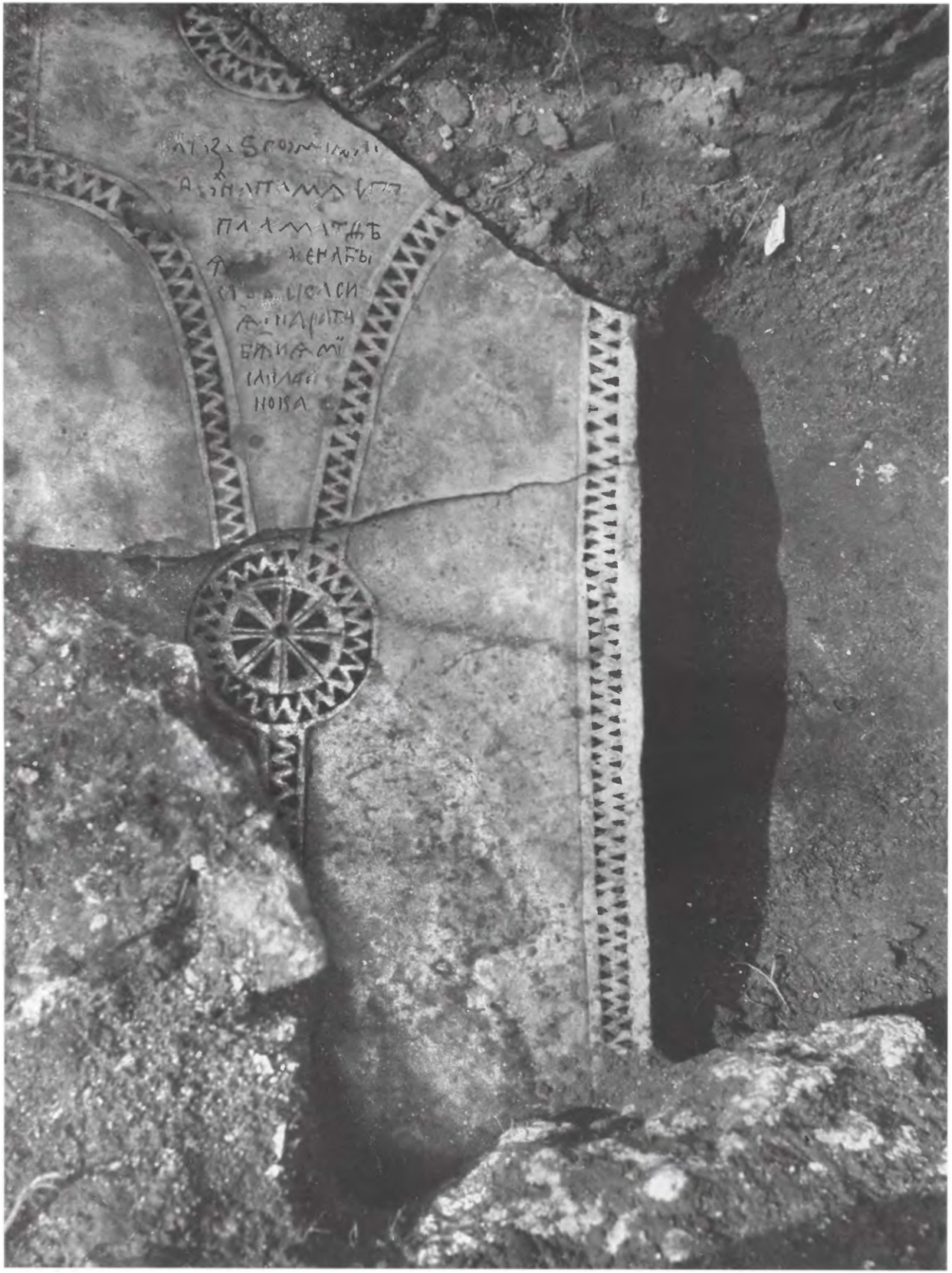
The 17th-century stone-cross. Church of Sergii “in Rogozshskaia” in Moscow.

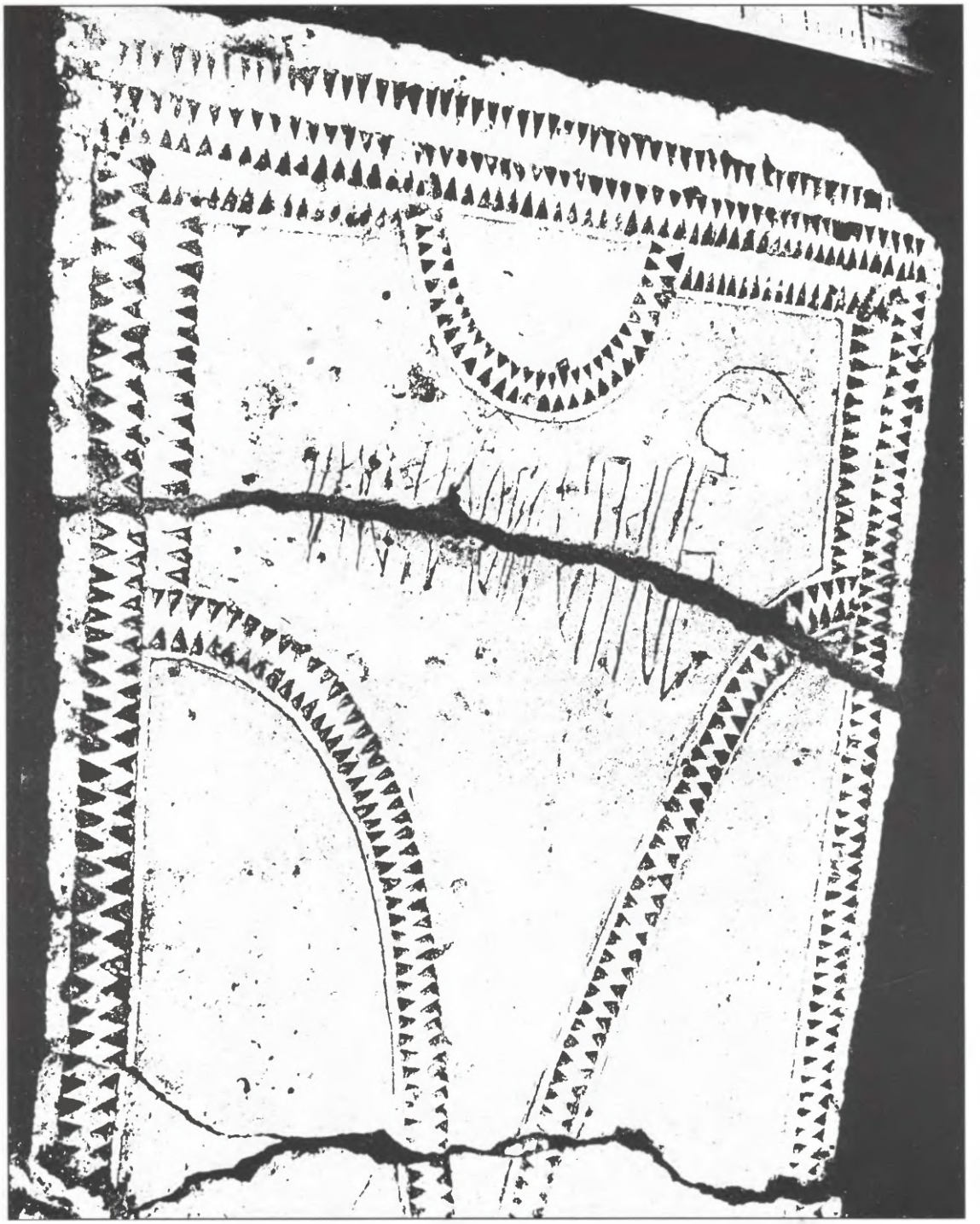

▲ Фото 124, 125 ►

Крутицкое подворье. Надгробие инока Мисаила; 1498 г. (Кат. КП № 1)
Верхняя часть с надписью-граффити. Общий вид in situ.

The graveslab of a monk named Misail, 1498. Detail and view *in situ*.
Uspenskii Krutitskii monastery in Moscow.

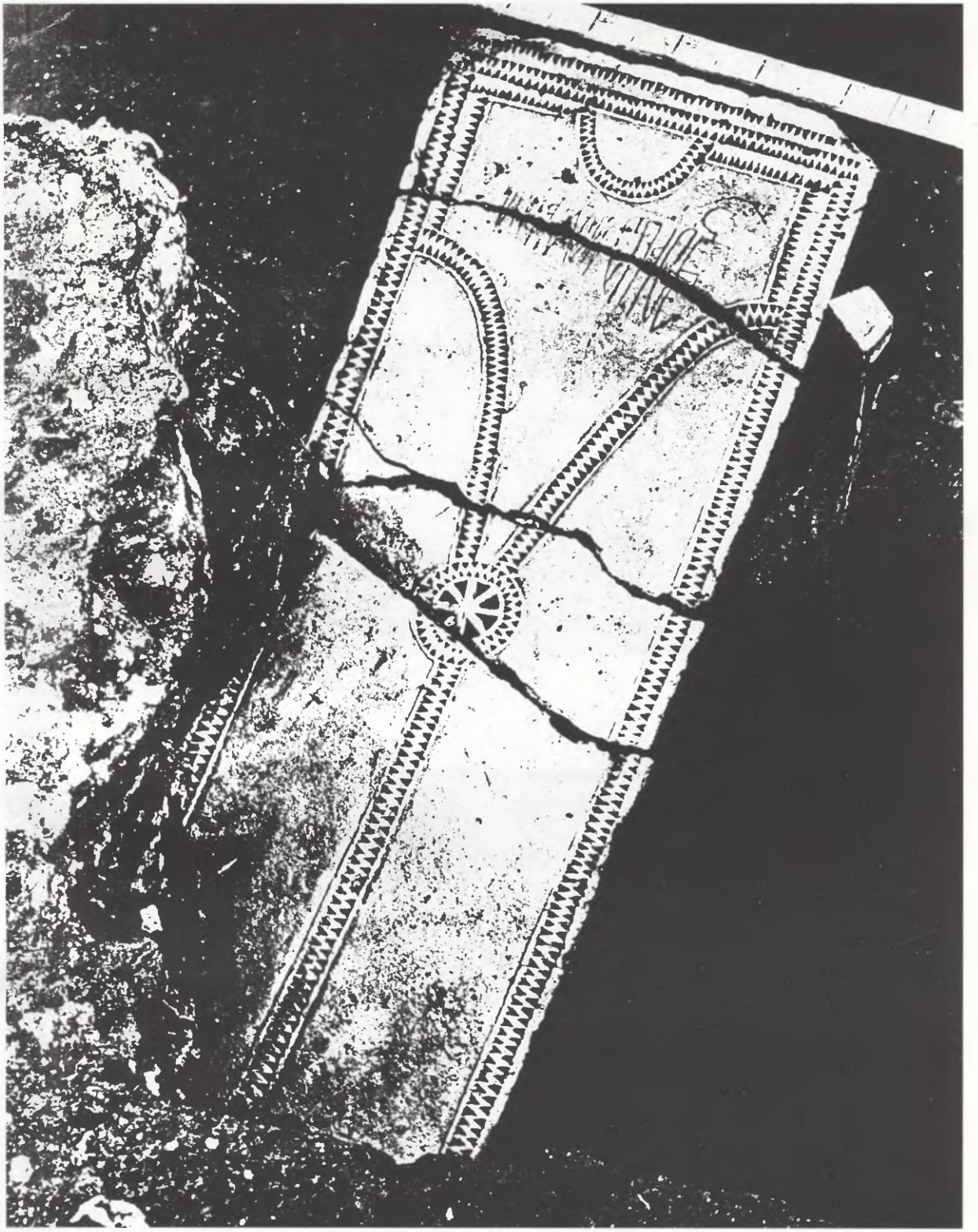

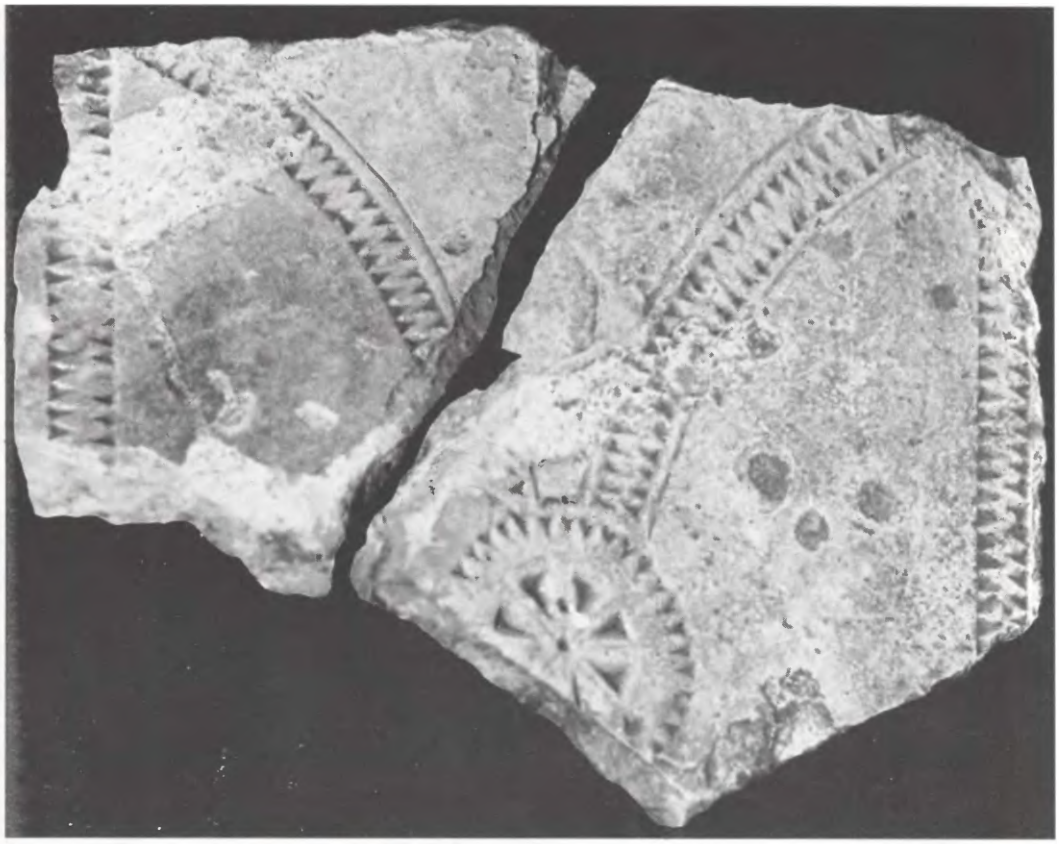

▲ Фото 126, 127 ►

Крутицкое подворье. Надгробие; конец XV — начало XVI в. (Кат. КП № 2)
Верхняя часть с надписью — граффити. Общий вид in situ.

The late 15th or early-16th-century graveslab. Detail and view *in situ*.
Uspenskii Krutitskii monastery in Moscow.

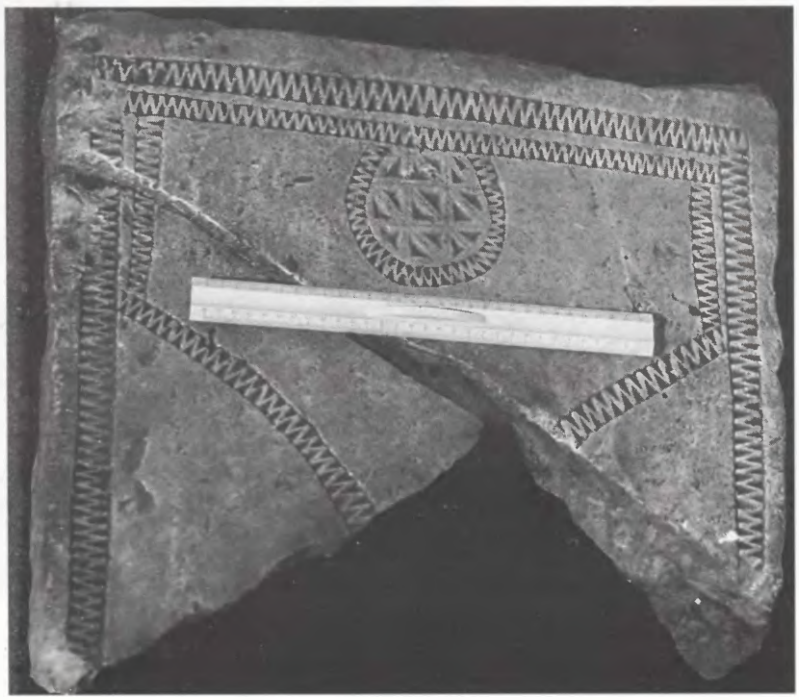

▲ Фото 128

Крутицкое подворье. Фрагменты надгробия; первая половина XVI в. (Кат. КП № 5)

The first-half-16th-century graveslab. Uspenskii Krutitskii monastery in Moscow.

◄ Фото 129

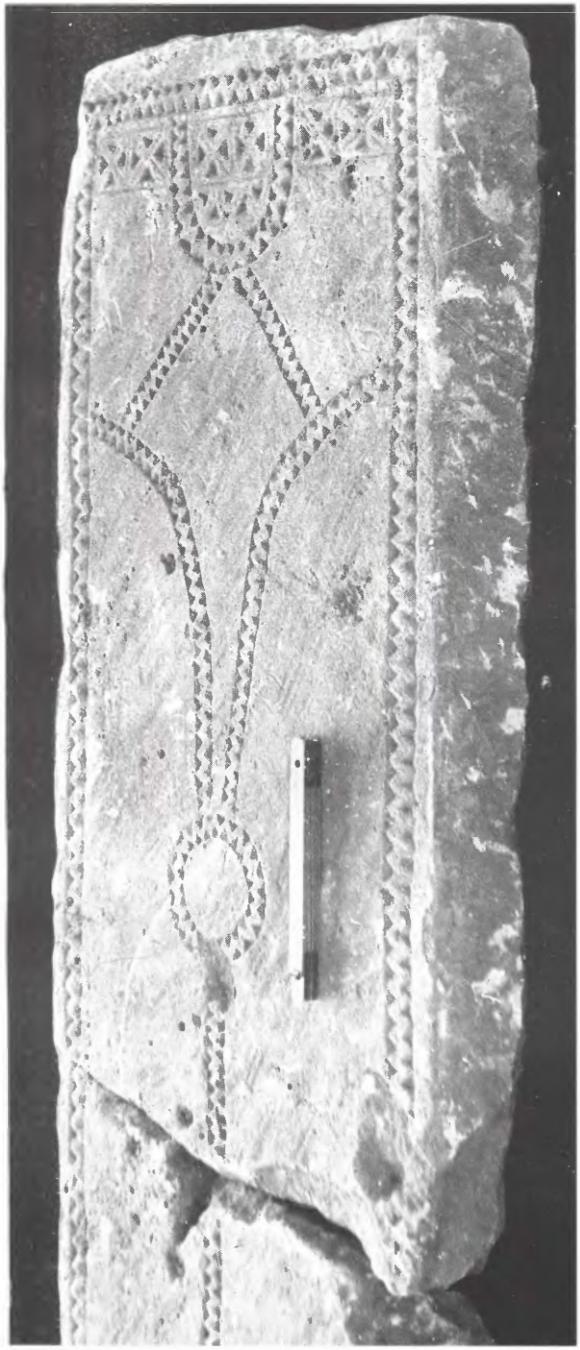
Крутицкое подворье. Надгробие первая половина XVI в. (Кат. КП № 4)

The first-half-16th-century graveslab. Uspenskii Krutitskii monastery in Moscow.

▼ Фото 130

Коломенское. Надгробие; середина — вторая половина XV в. Изголовье и средняя часть. (Кат. КЛ № 3)

The mid or second-half-15th-century graveslab. The estate of Kolomenskoe in Moscow. (Also see 132)

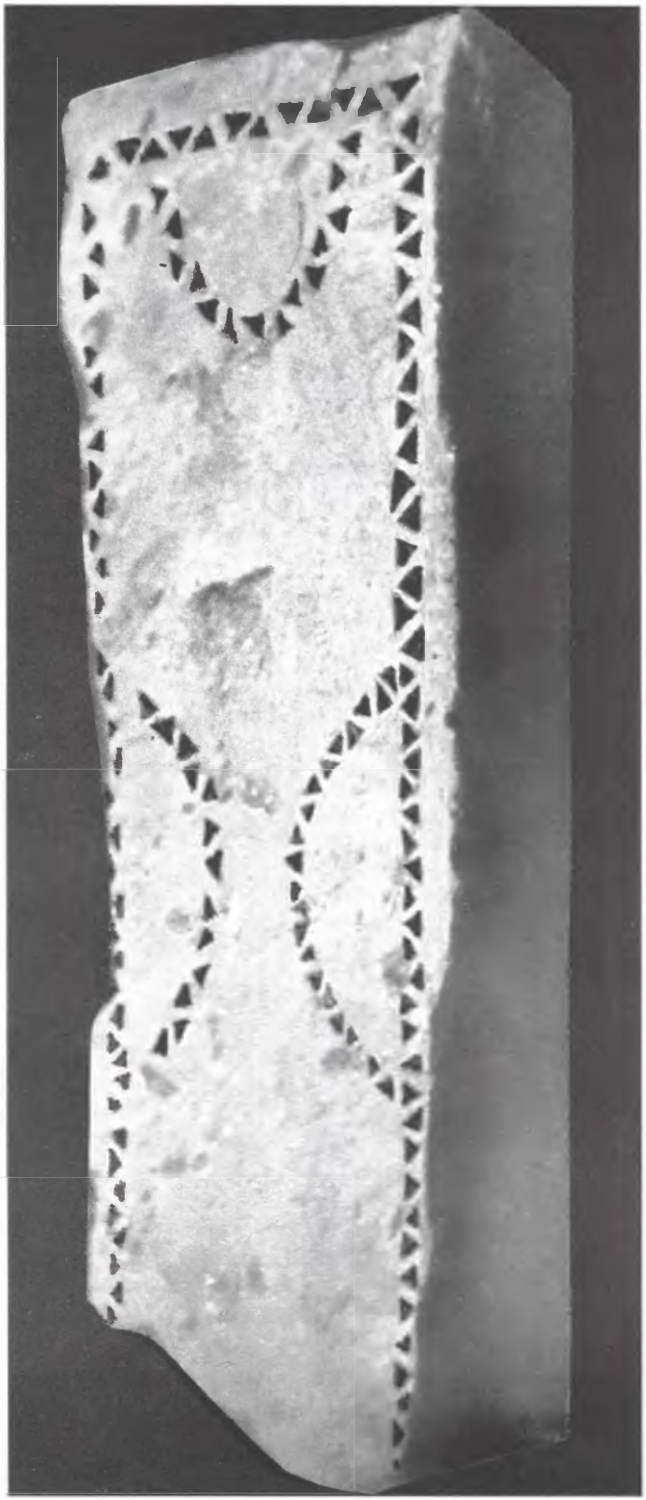

Фото 131 ▲

Коломенское. Надгробие; XIV в. (Кат. КЛ № 1)

The 14th-century graveslab.
The estate of Kolomenskoe in Moscow.

▲ Фото 132

Коломенское. Надгробие; середина — вторая половина XV в. Вид от изножия. (Кат. КЛ № 3)

The mid-- or second-half-15th-century graveslab. The estate of Kolomenskoe in Moscow. (Also see 130)

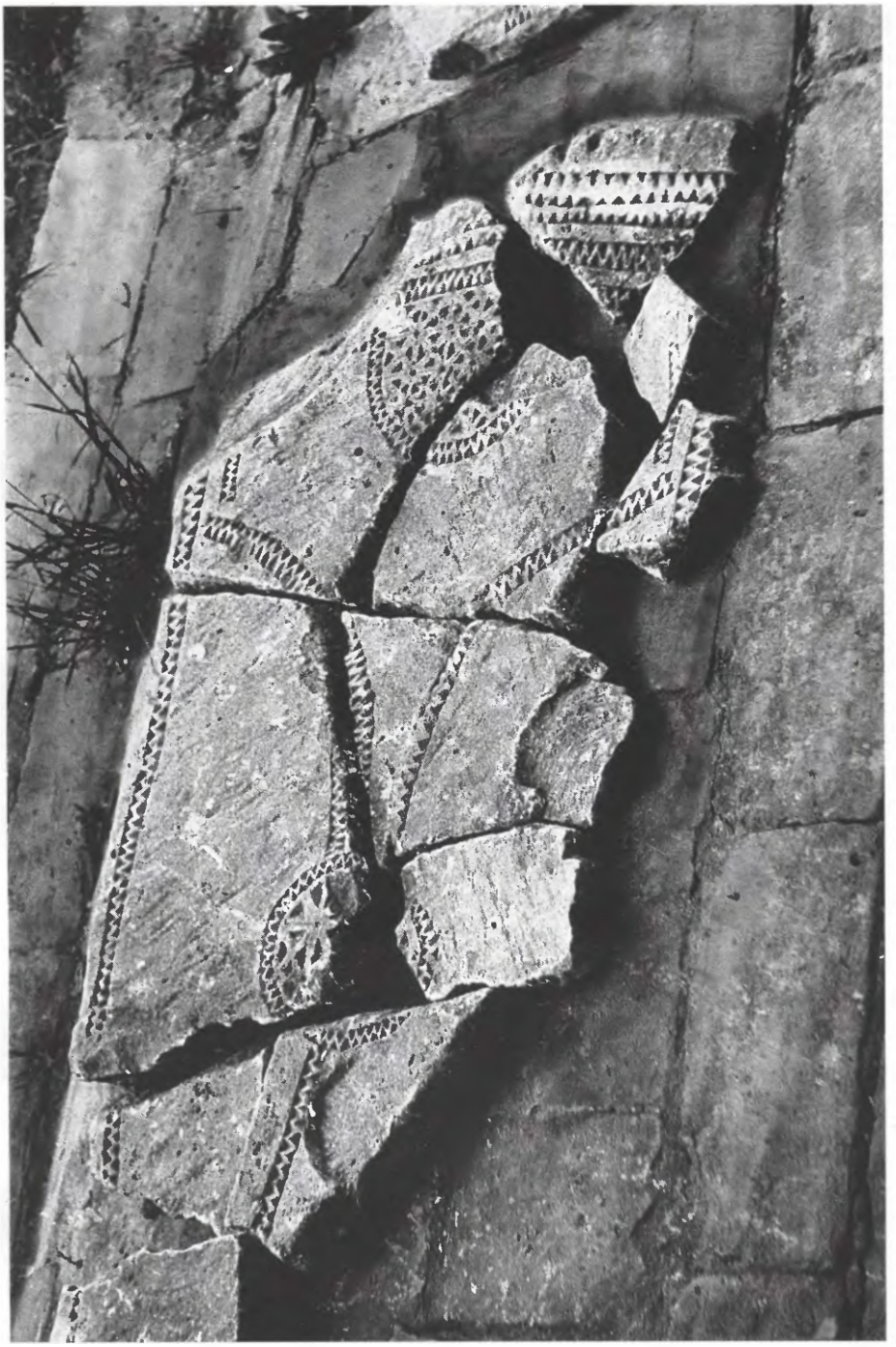

Фото 133 ▲

Коломенское. Надгробие; середина XV — начало XVI в.
(Кат. КЛ № 4)

The mid-15th or early-16th-century graveslab.
The estate of Kolomenskoe in Moscow.

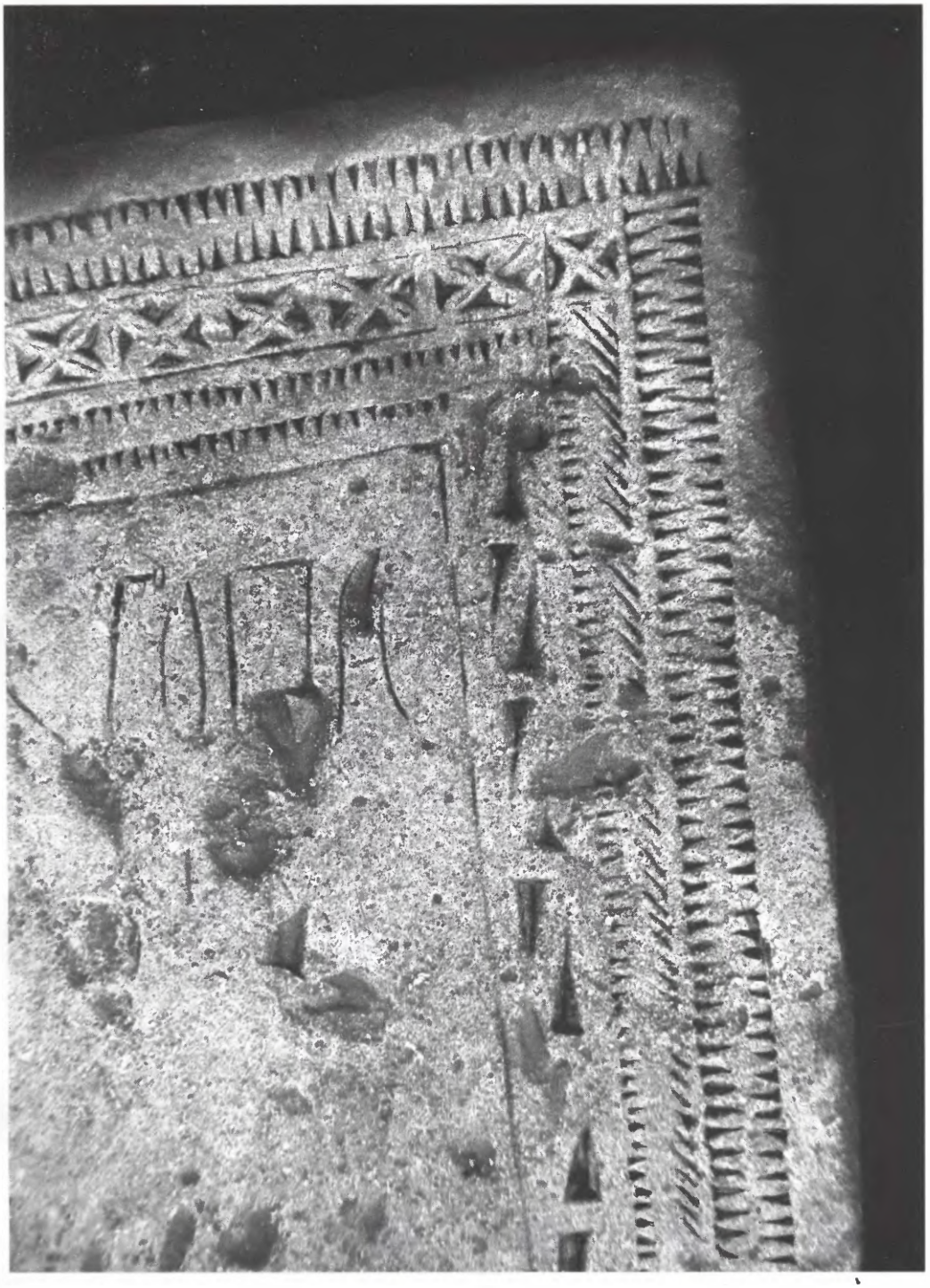

▲ Фото 134

Спасо-Преображенский “на усть-Угры” монастырь. Плиты-надгробия к востоку от апсид собора XVI в. Вид с северо-востока.

North-east view of Spaso-Preobrazshenskii monastery on Ugra river. Shows the graveslabs to the east of the apses of the 16th-century Cathedral.

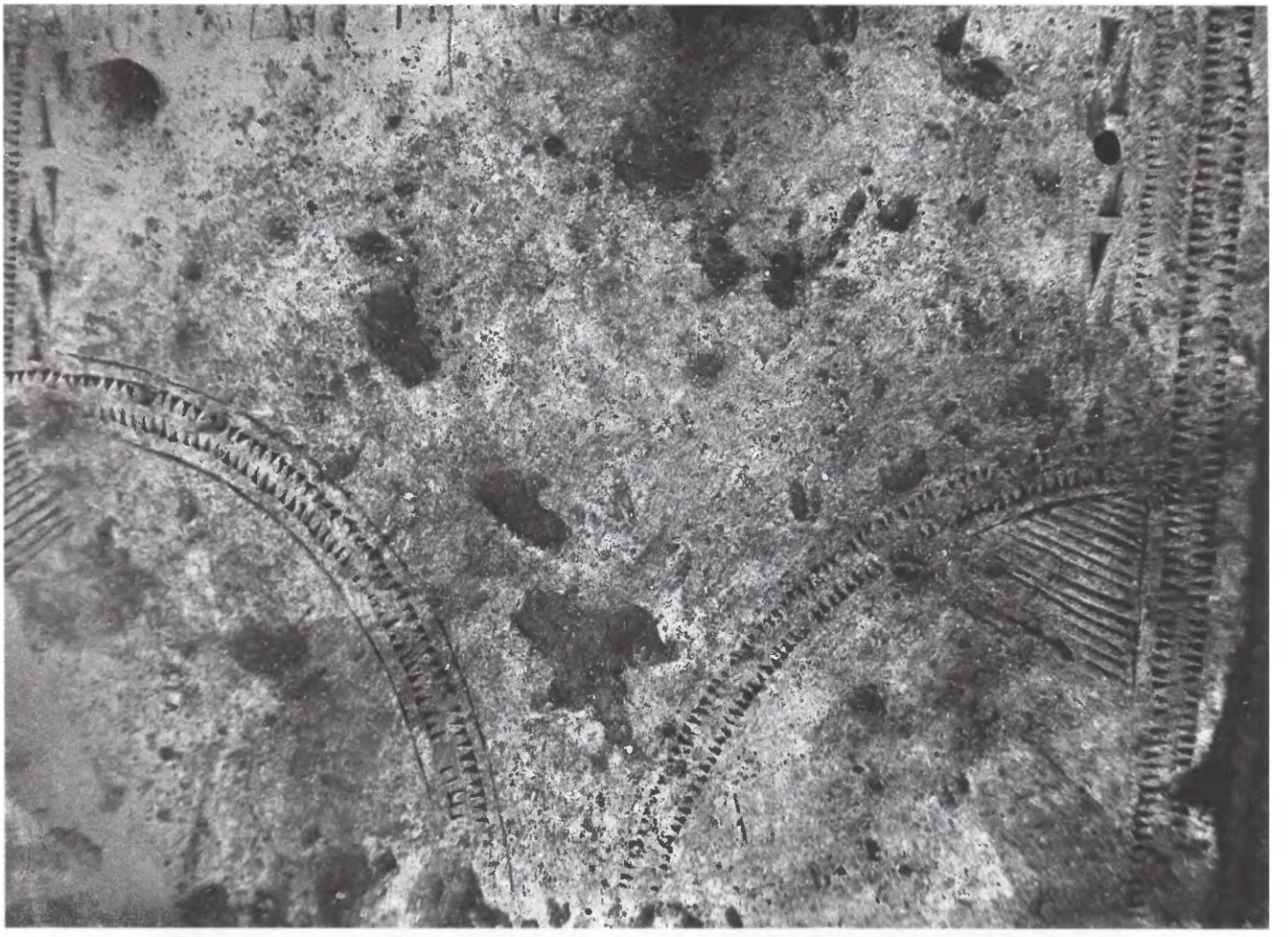

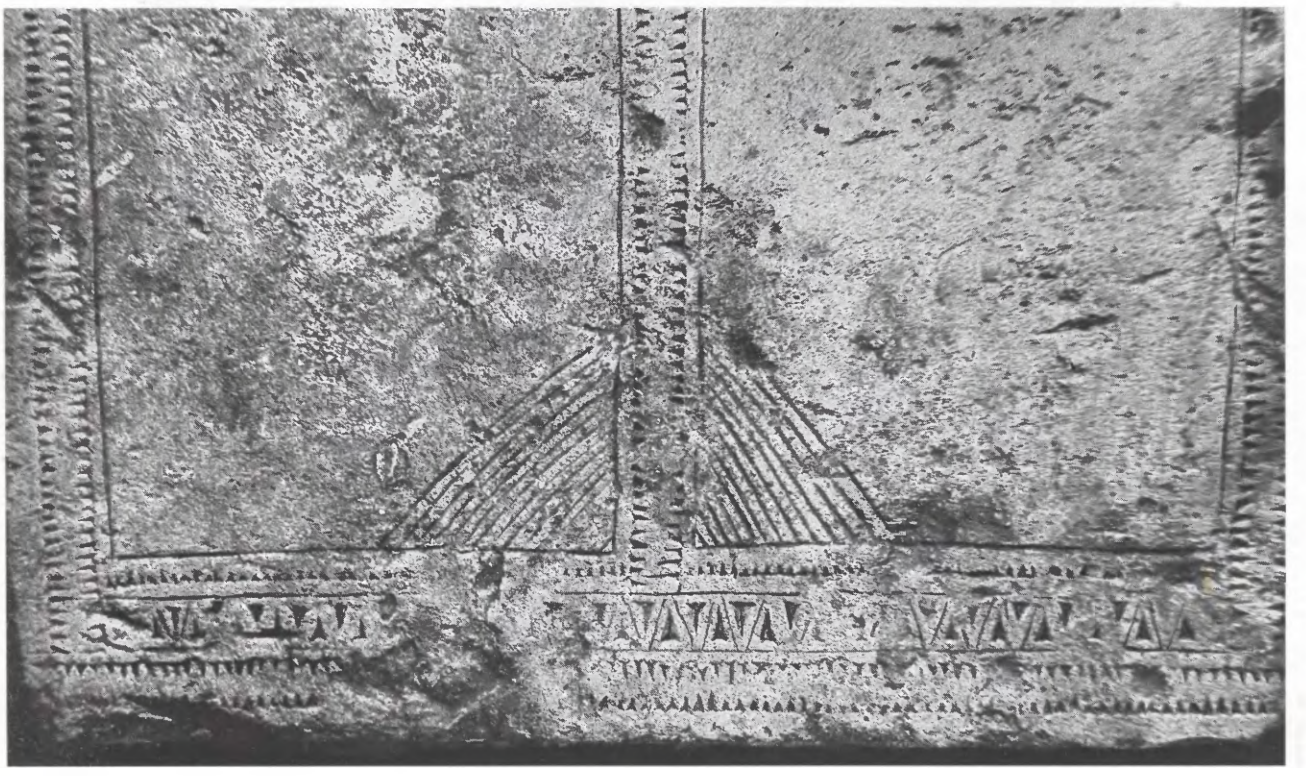

◄ Фото 135, 136 ▲

Спасо-Преображенский "на усть-Угры" монастырь. Надгробие 1538/1539 г. Фрагмент граффити и орнамент изголовья. (Кат. СУМ № 1)

Details of the graveslab, 1538/1539. Spaso-Preobrazshenskii monastery on Ugra river. (Also see 137, 138)

▲ Фото 139

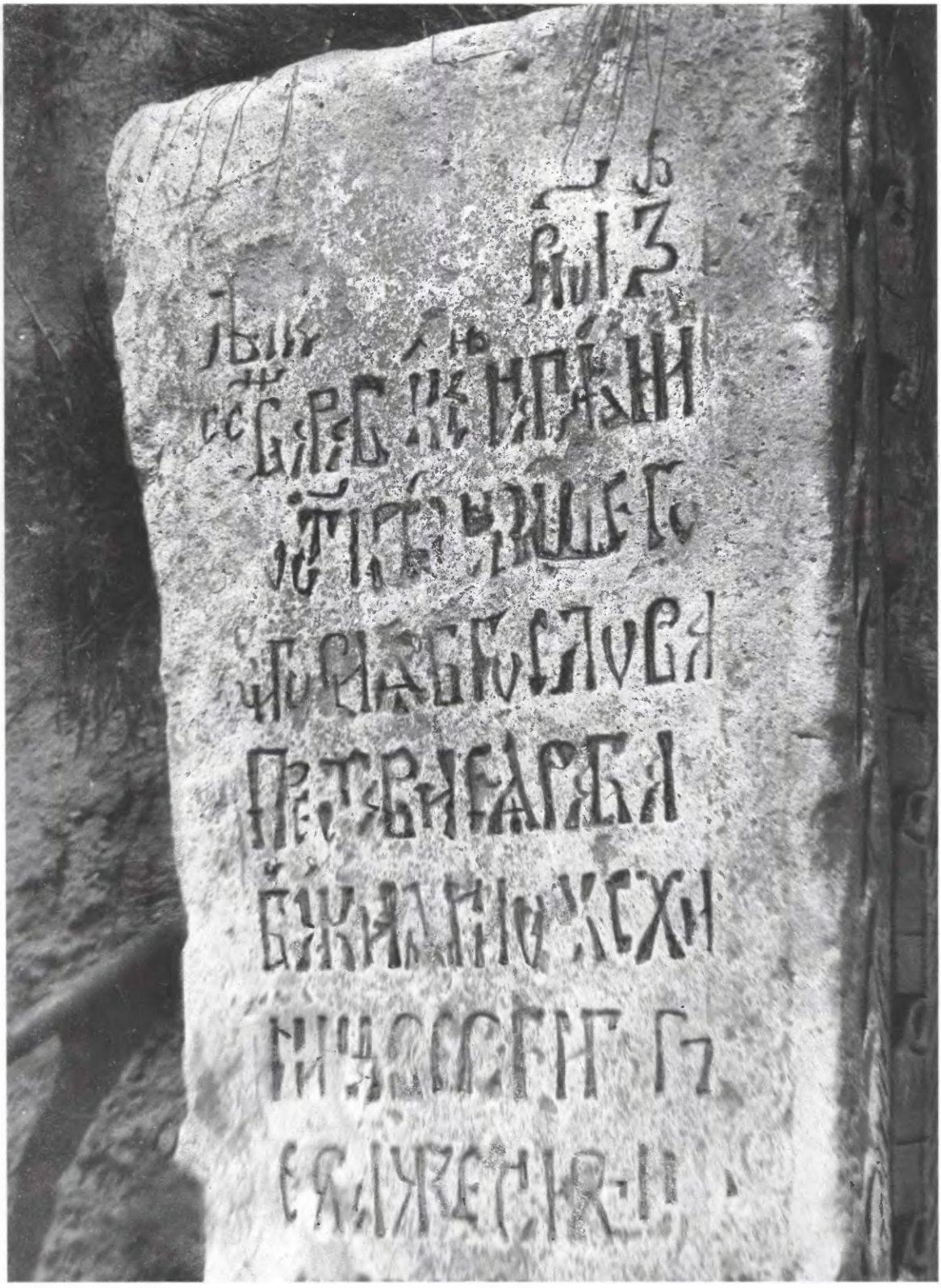
Спасо-Преображенский “на усть-Угры” монастырь. Надгробие Ивана (Ионы) Капустина; 1545 г. (Кат. СУМ № 2)

The graveslab of Ivan (Iona) Kapustin, 1545. Spaso-Preobrazshenskii monastery on Ugra river.

◄ Фото 137, 138

Спасо-Преображенский “на усть-Угры” монастырь. Надгробие; 1538/1539 г.
Средняя часть с отштриховкой “плечиков” и изножие с отштриховками. (Кат. СУМ № 1)

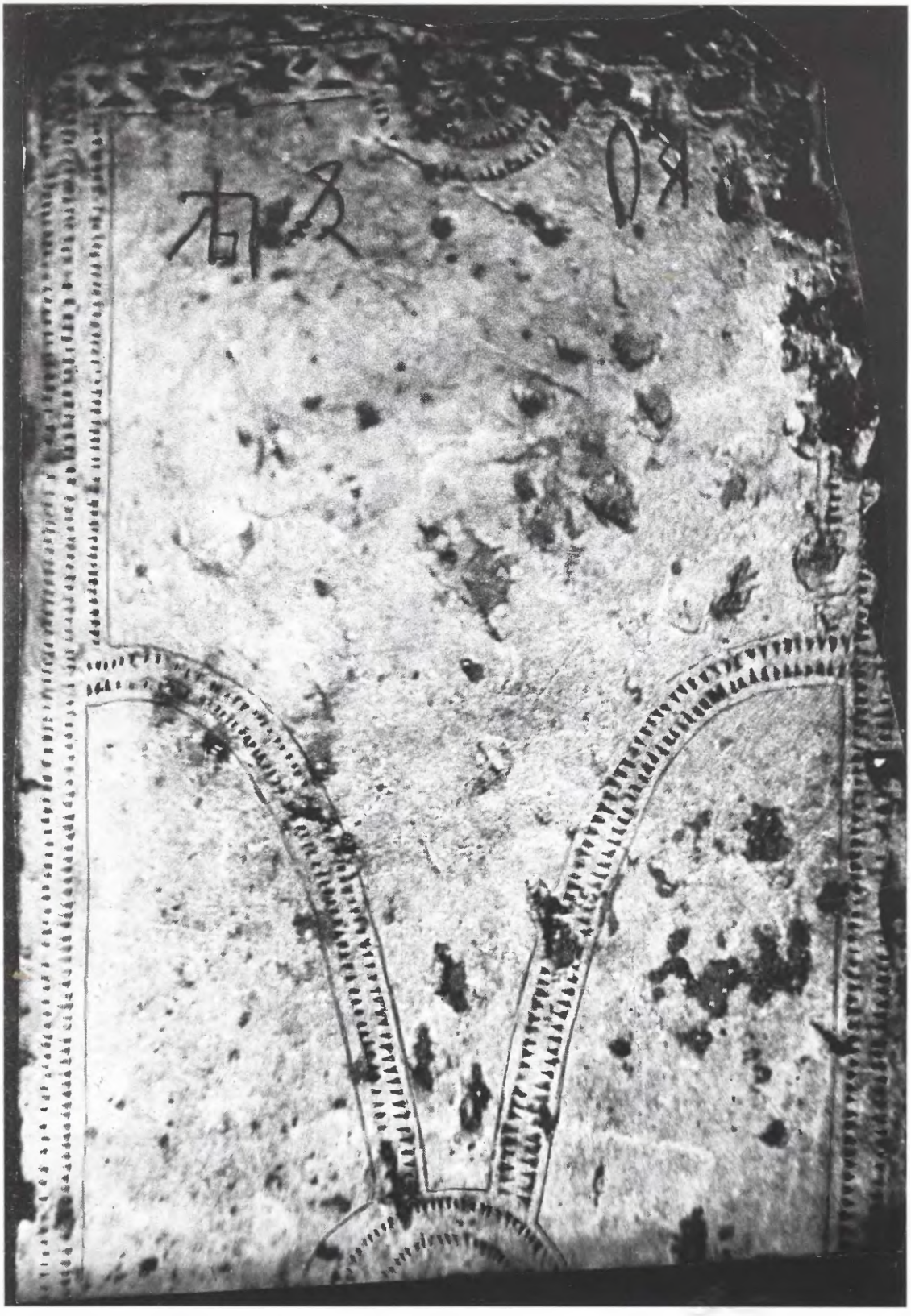
Details of the graveslab, 1538/1539. Spaso-Preobrazshenskii monastery on Ugra river. (Also see 135, 136)

▲ Фото 140, 141 ►

Спасо-Преображенский “на усть-Угры” монастырь. Надгробие Веры Матовой; 1639 г. (Кат. СУМ № 4)

The graveslab of Vera Matova, 1639. Spaso-Preobrazshenskii monastery on Ugra river.

▲ Фото 142

Спасо-Преображенский "на усть-Угры" монастырь. Надгробие с надписью 1562/1563 г. (Кат. СУМ № 2)

The graveslab with inscription 1562/1563. Spaso-Preobrazshenskii monastery on Ugra river.

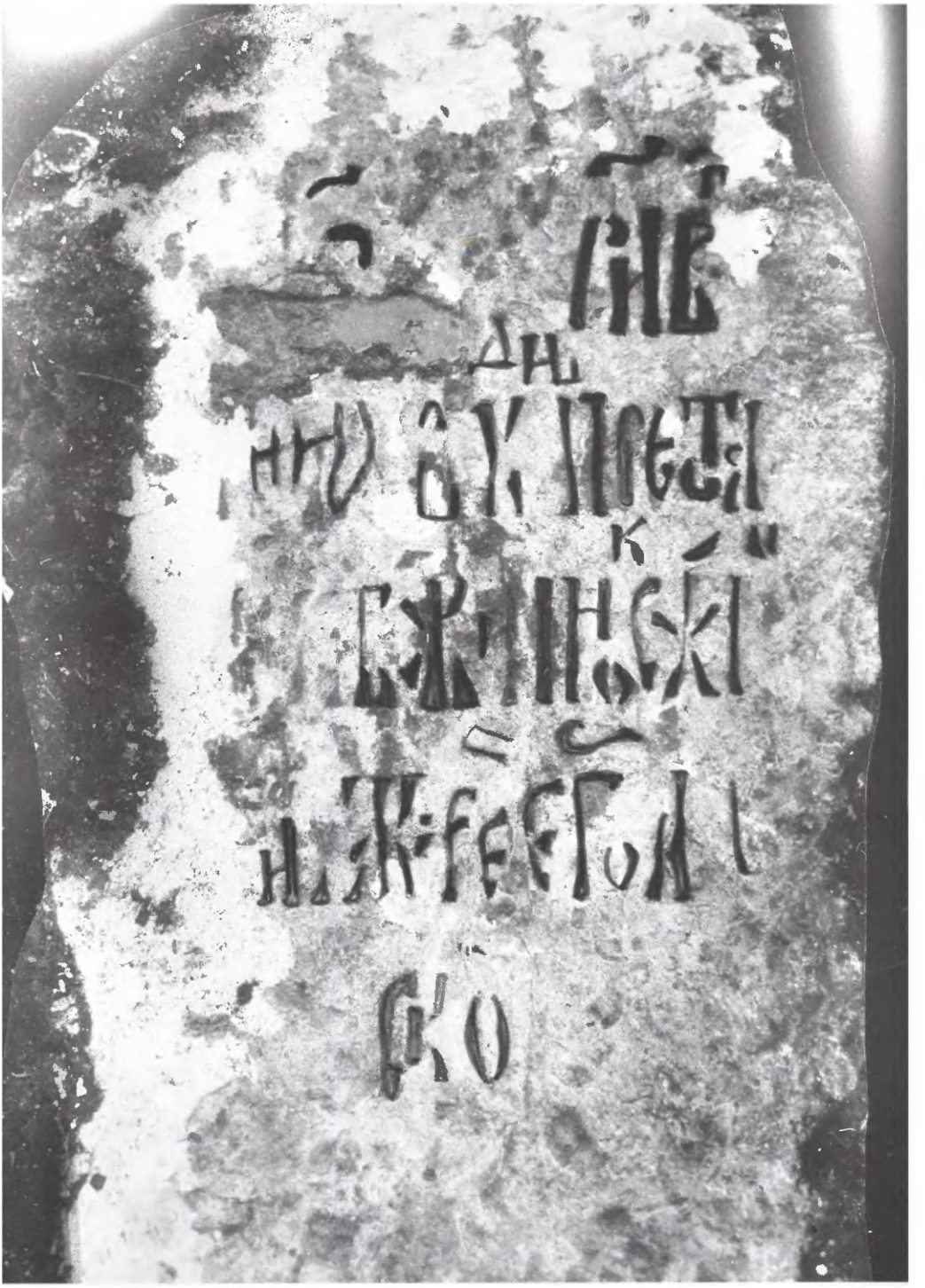

Фото 143 ▲

Спасо-Преображенский “на усть-Угры” монастырь.
Надгробие Макария Ергольского; 1643/44 г. (Кат. СУМ № 5)

The graveslab of Makarii Ergolskii, 1643/1644.
Spaso-Preobrazshenskii monastery on Ugra river.

▲ Фото 144

Спасо-Преображенский "на усть-Угры" монастырь. Надгробие с надписью. (СУМ № 6)

The graveslab with inscription. Spaso-Preobrazshenskii monastery on Ugra river.

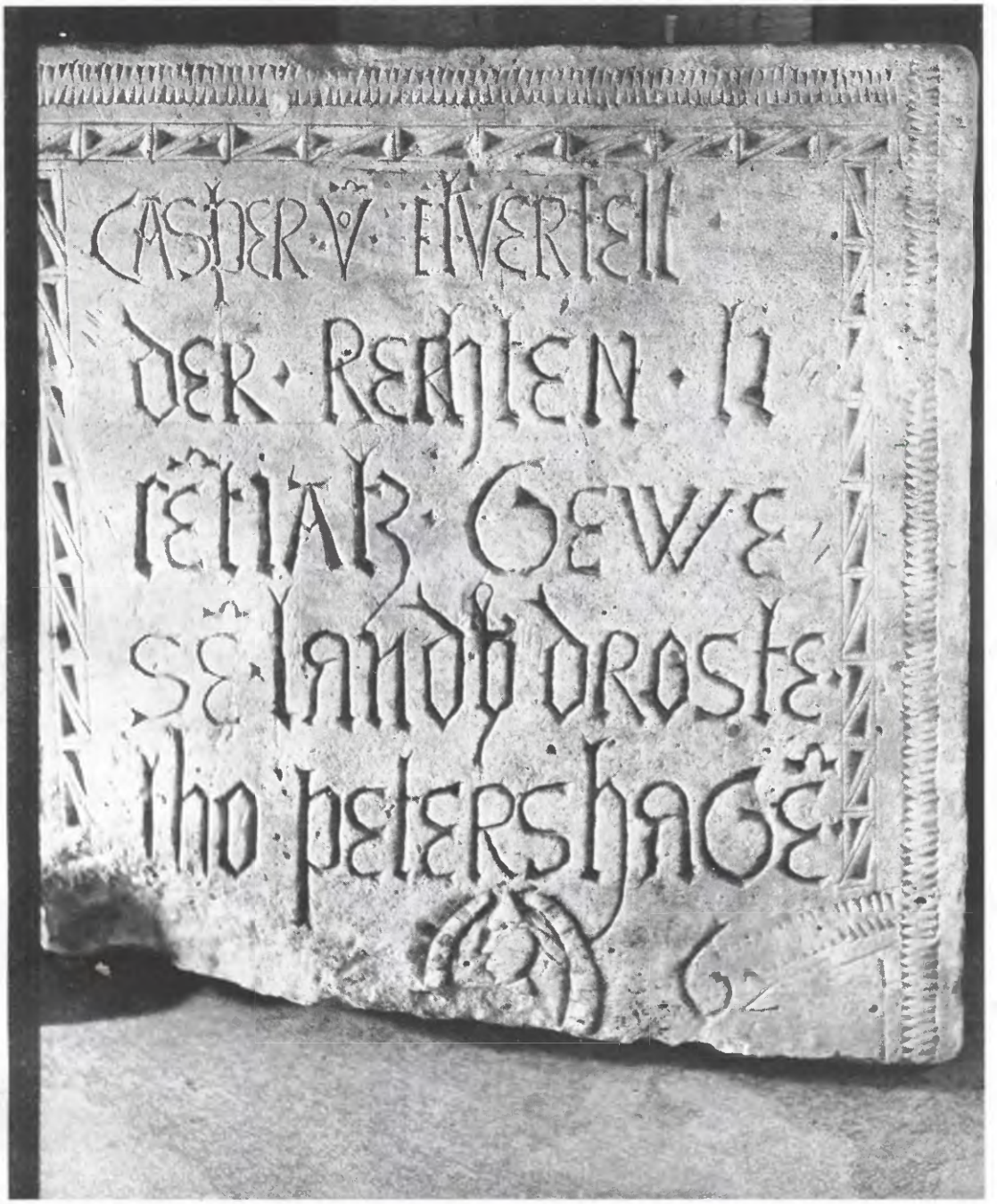

Фото 145 ▲

Находка на Мытной улице в Москве.
Надгробие Каспара фон Эльферфельдта. 1570-е гг.

The graveslab of Kaspar fon Elferfeldt, the 1570's.
The first ancient necropolis for foreigners in Moscow.

▲ Фото 146, 147 ▼

Находка на Мытной улице в Москве. Фрагмент надгробия с остатком надписи по-немецки и декоративной резьбой на обратной стороне (вторичное использование).
Конец XVI — первая половина XVII в.

Fragment of the late-16th or first-half-17th-century graveslab with German inscription: front and carved reverse (reused). The first ancient necropolis for foreigners in Moscow.

Кириллов Белозерский монастырь. Подставка креста или подсвечника; конец XVI — начало XVII вв. Вид сбоку.

The late-16th or early-17th-century stand for a cross or a candlestick. Kirillov Belozerskii monastery.

▲ Фото 148, 149 ►

▲ Фото 150

Богоявленский монастырь. Раскопки 1987 г. Надгробие (Кат. БМ № 1а) XIII–XIV в. в юго-западном углу раскопа "Четверик". *In situ* над погребением, перекрыто фундаментом столба собора XIV — начала XV в. Вид с востока.

East view of the foundations of the pillar of the 14th — early-15th-century Cathedral in the process of excavation in 1987. Shows the 13th — 14th-century graveslab *in situ* under the foundations. Bogoiavlenskii monastery.

УКАЗАТЕЛИ

БИБЛИОГРАФИЯ

АГАФОНОВ, 1966 — Агафонов С. Л. Шатровая церковь 1552 г. в Балахне // СА. 1966. № 3.

АЙНАЛОВ, 1906 — Айналов Д. В. Некоторые данные русских летописей о Палестине // Сообщения Православного Палестинского Общества. Т. 17. Вып. 3. 1906.

АЙНАЛОВ, 1928 — Айналов Д. В. Русское известие о латинском обряде // Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского. Л., 1928.

АКТЫ, 1847 — Акты, относящиеся до рода дворян Голохвастовых // ЧОИДР. 1847. № 3–5.

АЛЕШКОВСКИЙ, 1982 — Алешковский П. М. Научный отчет о производстве археологических исследований на территории Ферапонтова монастыря Вологодской области в августе 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 9027.

АЛЬТШУЛЛЕР, 1976 — Белокаменные рельефы Спасского собора Андроникова монастыря // Средневековая Русь. М., 1976.

АЛЬШИЦ, 1988 — Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Л., 1988.

АМФИЛОХИЙ, 1871 — Амфилохий (архимандрит). Надгробные памятники иноверцев, найденные в 1870 г. в Московском Даниловом монастыре // ЧОЛДП. 1871. № 10. С. 37–42.

АНДРЕЕВ, 1989 — Андреев М. Л. Средневековая европейская драма: Происхождение и становление: (X–XIII вв.): М., 1989.

АНТОНОВА, МНЕВА, 1963 — Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII вв. Государственной Третьяковской галереи. М., 1963. Т. 2.

АНТОНЯН, — Антонян А. С., Банковский Н. Н. Из опыта реставрации

АНТОНЯН, БАНКОВСКИЙ, 1985	Антонян А. С., Банковский Н. Н. Из опыта реставрации древнерусской белокаменной скульптуры // ДРИ: Исследования и реставрация. М., 1985.
АНУЧИН, 1890	Анучин Д. Н. Сани, ладья и кони как принадлежность похоронного обряда // Древности. Труды МАО. Т. 14. М., 1890.
АРХИПОВА, 1994	Архипова Е. И. Монументальная пластика древнего Киева: Автореферат канд. дисс. Киев, 1994.
АРХИПОВА, 1996	Архипова Е. И. Архітектурно-пластичний декор та саркофаги Десятиної церкви // Церква Богородиці Десятинна в Києві. Київ, 1996.
АРЦИХОВСКИЙ, 1936	Арциховский А. В. Надписи, найденные на Метрострое // По трассе первой очереди Московского метрополитена. Л., 1936.
АРЦИХОВСКИЙ, 1944	Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.
АРЦИХОВСКИЙ, 1947	Арциховский А. В. Основные вопросы археологии Москвы // МИА. Т. 7. 1947.
БАНК, 1965	Банк А. В. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.–М., 1965.
БАРХАТНАЯ КНИГА	Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 2. М., 1787.
БАХРУШИН, 1952	Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1952. Т. 2.
БЕЛОКУРОВ, 1907	Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907.
БЕЛОКУРОВ, 1911	Белокуров С. А. Надгробные плиты XVI в. в селе Образцове Московской губернии. М., 1911.
БЕЛЯЕВ, 1988	Беляев Л. А. Белокаменное надгробие из Ферапонтова монастыря // ФС. М., 1988. Вып. 2.
БЕЛЯЕВ, 1991	Беляев Л. А. Материалы к археологии Ферапонтова монастыря // ФС. М., 1991. Вып. 3.
БЕЛЯЕВ, 1991а	Беляев Л. А. Некрополь древнего Коломенского // КММ. 1991. Вып. 2.
БЕЛЯЕВ, 1991б	Беляев Л. А. Проведение археологических исследований при реставрации памятников истории и культуры. М., 1991. Прилож. 2.
БЕЛЯЕВ, 1991в	Беляев Л. А. Русское белокаменное средневековое надгробие // МН. 1991.
БЕЛЯЕВ, 1992	Беляев Л. А. Археология церкви Вознесения в Коломенском // КММ. 1992. Вып. 3.
БЕЛЯЕВ, 1994	Беляев Л. А. Иерусалимские мотивы в надгробиях средневековой Москвы // ИВРК.

БЕЛЯЕВ, 1994а	Беляев Л. А. Проблема христианского и «языческого» в погребальном обряде средневековой Москвы // Истоки русской культуры: Археология и лингвистика. М., 1994.
БЕЛЯЕВ, 1994б	Беляев Л. А. Древние монастыри Москвы (конец XIII — начало XV вв.) по данным археологии. М., 1994.
БЕЛЯЕВ, 1995	Беляев Л. А. Орнамент надгробий Москвы XIII–XVII вв.: Формальный и семантический анализ // Славянская археология. 1990. М., 1995. (МАР: Вып. 2.).
БЕЛЯЕВ, 1995а	Беляев Л. А. Спасский «на Усть-Угры» монастырь XVI в.: Археология, история, архитектура // РАА. 1995. Вып. 2.
БЕЛЯЕВ, ВЕКСЛЕР, 1996	Беляев Л. А., Векслер А. Г. Археология средневековой Москвы // РА. № 3.
БЕЛЯЕВ, ФРОЛОВ, 1984	Беляев Л. А., Фролов М. В. Археологические исследования специалистов специалистов института "Спецпроектреставрация" в 1976–1980 гг. // Архитектурное наследие и реставрация. М., 1984.
БОБРИНСКИЙ	Бобринский А. А. Народные русские деревянные изделия. М., 1911–1914.
БОБЧЕВ, ДИКОЛОВ, 1960	Бобчев С., Диколов Л. Бачковската костница. София, 1960.
БОГОЯВЛЕНСКИЙ, 1946	Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.–Л., 1946.
БОЯРСКИЕ СПИСКИ	Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 года. М., 1979. 2 части.
БРУНОВ, 1927	Брунов Н. К. К вопросу о болгарских двухэтажных церквах-гробницах // ИБАИ 1926–1927. София, 1927. Т. 4.
БУКВАРЬ	Истомин Карион. Букварь... отпечатан в 1694 году в Москве. Л., 1981.
БУССОВ, 1961	Буссов К. Московская хроника: 1584–1613. М., 1961.
БРЮСОВА, 1984	Брюсова В. Г. Русская живопись 17 века. М., 1984.
ВАГНЕР, 1980	От символа к реальности: Развитие пластического образа в русском искусстве XIV–XV веков. М., 1980.
ВЗДОРНОВ, 1980	Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси. М., 1980.
ВЕСЕЛОВСКИЙ, 1913	Веселовский С. Б. Акты писцового дела. Т. 1. М., 1913.
ВЕСЕЛОВСКИЙ, 1916	Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. 2. М., 1916.
ВЕСЕЛОВСКИЙ, 1969	Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
ВЕСЕЛОВСКИЙ, 1974	Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974.
ВЕСЕЛОВСКИЙ, 1975	Веселовский С. Б. Дьяки и подъячие XVI–XVII вв. М., 1975.
ВОРОНИН	Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. М., 1961–1962. 2 тома.

ВОРОНИН, 1934 — Воронин Н. Н. Очерки по истории русского зодчества XVI–XVII вв. М.–Л., 1934.

ВОРОНИН, 1947 — Воронин Н. Н. Боголюбовский саркофаг // КСИИМК. Вып. 14. 1947.

ВОРОНИН, 1949 — Воронин Н. Н. Раскопки в Переяславле-Залесском // МИА. Т. 11. 1949.

ВИСОЦЬКИЙ, 1969 — Висоцкий С. О. Про дослідження та первісне місце саркофага Ярослава Мудрого в Київській Софії // Слов'яно-руські старожитності. Київ, 1969.

ВКЛАДНАЯ. 1993 — Вкладная книга Серпуховского Высоцкого монастыря. М., 1993.

ВЫГОЛОВ, 1988 — Выголов В. П. Архитектура Московской Руси середины XV века. М., 1988.

ВЫГОЛОВ, 1993 — Выголов В. П. Об Успенском соборе 1326–1327 гг. в Московском Кремле // ДРИ: Проблемы атрибуции. М., 1993.

ВЫСОЦКИЙ, 1962 — Высоцкий С. А. Древнерусские граффити Софии Киевской // НЭ. Т. 3. 1962.

ВЫСОЦКИЙ, 1966 — Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966. Вып. 1.

ВЫСОЦКИЙ, 1976 — Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской. Киев, 1976.

ВЫСОЦКИЙ, 1985 — Высоцкий С. А. Киевские граффити XI–XVII вв. Киев, 1985.

ГАВРИЛОВ, 1985 — Гаврилов С. А. Борисоглебский крест 1467 года // СА. 1985. № 2.

ГАВРИЛОВ, 1991 — Гаврилов С. А. Церковь Вознесения в Коломенском. Исследования 1972–1990 гг. // РАА. 1991.

ГЕРБЕРШТЕЙН, 1988 — Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988.

ГИРШБЕРГ-1 — Гиршберг В. Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. // НЭ. Т. 1. 1960.

ГИРШБЕРГ-2 — Гиршберг В. Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. // НЭ. Т. 3. 1962.

ГИРШБЕРГ, 1952 — Гиршберг В. Б. Надгробие 1655 года из Богоявленского монастыря в Москве // КСИИМК. Вып. 39. М., 1952.

ГИРШБЕРГ, 1954 — Гиршберг В. Б. Надписи из Георгиевского монастыря // АПМП. 1954.

ГИРШБЕРГ, 1961 — Гиршберг В. Б. Эпиграфические заметки. Крест XV в. из собрания музея "Покровский собор" // СА. № 3. 1961.

ГОЛУБЦОВ, 1909 — Голубцов А. П. О происхождении, символическом значении и устройстве архиерейского посоха // Богословский вестник. Сергиев Посад, 1909. Июль.

ГОЛУБЦОВ, 1995	Голубцов А. П. Из чтений по церковной археологии и литургике. СПб., 1995.
ГОРСЕЙ, 1990	Джером Горсей. Записки о России: XVI — начало XVII в. М., 1990.
ГОРЮНОВА, 1947	Горюнова Е. И. Итоги работ археологического надзора на строительстве II очереди метрополитена.// МИА. Т. 7. Л.–М., 1947.
ГРАБАР, 1924	Грабар А. Болгарские церкви-гробницы // ИБАИ 1921–1922. София, 1924. Т. 1. Св. 1–2.
ГРАЩЕНКОВ, 1987	Гращенков А. В. Две мемориальные плиты из древних монастырей Московского Кремля // ГММК МИ. Т. 5. М., 1987.
ГРАЩЕНКОВ, 1989	Гращенков А. В. Надгробная плита ливонского рыцаря Бернта фон Белля // ГММК МИ. Т. 6. М., 1989.
ДАЛЬ	Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1880–1882. 4 тома.
ДАЛЬ, 1957	Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957.
ДАРКЕВИЧ, 1961	Даркевич В. П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // СА. 1961. № 4.
ДАРКЕВИЧ, 1966	Даркевич В. П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе: X–XIV вв. М., 1966.
ДАРКЕВИЧ, 1968	Даркевич В. П. Романские элементы в древнерусском искусстве и их переработка // СА. 1968. № 3.
ДАРКЕВИЧ, 1976	Даркевич В. П. Аргонавты средневековья. М., 1976.
ДАТИЕВА, 1983	Датиева Н. С. Покровский собор в Измайлове // ПРАМИ: Города. Ансамбли. Зодчие. М., 1983.
ДВОРЦОВЫЕ РАЗРЯДЫ	Дворцовые разряды, изданные вторым Отделением. Т. 1. СПб, 1850; Т. 2. СПб, 1851; Т. 3. СПб, 1852; Т. 4. СПб, 1855.
ДЕЛА	Дела пап римских 1580–1582. №1 // Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т. 1. СПб., 1851.
ДМИТРИЕВ, 1909	Дмитриев И. Д. Московский первоклассный Новоспасский ставропигиальный монастырь в его прошлом и настоящем. М., 1909.
ДМИТРИЕВ, 1973	Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973.
ДОБИАШ-РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, 1987	Добиаш-Рождественская О. А. История письма в средние века. М., 1987.
ДРБОГЛАВ, 1988	Дрбоглав Д. А. Камни рассказывают... М., 1988.

ДРБОГЛАВ, ШИЛОВ, 1979	Дрбоглав Д. А., Шилов В. В. Надгробия иноземцев из Серпухова // СА. 1979. № 4.
ДУБЫНИН, 1955	Дубынин А. Ф. Отчет о работе Московской археологической экспедиции за 1955 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1110. Т. 1.
ДУБЫНИН, 1944	Дубынин А. Ф. Археологические исследования города Суздаля: 1936–1940 // КСИИМК. Вып. 11. 1944.
ДУБЫНИН, СОБОЛЕВА, 1960	Дубынин А. Ф. Соболева Д. А. Надгробие Никиты Ширяева из Зарядья. XVII в. // СА. 1960. № 4.
ДЪОРДЬЕВИЧ, 1970	Дьордьевич С. Богородична црква у Дону код Студенице // Саопштења. Кн. 9. Београд. 1970.
ЕРЕМИН, 1966	Еремин И. П. Литература Древней Руси. Этюды и характеристики. М.–Л., 1966.
ЕРМОНСКАЯ, 1978	Ермонская В. В., Нетунахина Г. Д., Попова Т. Ф. Русская мемориальная скульптура. М., 1978.
ЖИЗНЕВСКИЙ, 1888	Жизневский А. К. Описание Тверского музея. Археологический отдел. М., 1888.
ЗАБЕЛИН, 1891	Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Т. 2. М., 1891.
ЗАРУБИН, 1982	Зарубин Н. Н. Библиотека Ивана Грозного. Л., 1982.
ЗОЛОТОВ, 1960	Золотов Ю. М. Каменный крест XVII в. со станции Жилево // СА. 1960. № 3.
ЗОЛОТОВ, 1961	Золотов Ю. М. Надгробия московских ремесленников XVII в. // СА. 1961. № 1.
ЗОЛОТОВ, 1962	Золотов Ю. М. Два каменных надгробия XVI в. из Москвы // СА. 1962. № 2.
ЗОЛОТОВ, 1963	Золотов Ю. М. Памятная доска московского подъячего XVII в. // СА. 1963. № 1.
ЗОЛОТОВ, 1963а	Золотов Ю. М. Две надписи московских немцев // СА. 1963. № 3.
ЗОЛОТОВ, 1984	Золотов Ю. М. Три памятника старомосковской эпиграфики // СА. 1984. № 2.
ЗОЛОТОВ, 1986	Золотов Ю. М. Памятный крест по стряпчем Пустошкине // СА. 1986. № 1.
ЗОЛОТОВ, 1987	Золотов Ю. М. Семь надписей XVI–XVII вв. из Москвы // СА. 1987. № 3.
ЗОЛОТОВ, 1996	Золотов Ю. М. Надписи XVI века из Волоколамска // СА. 1996. № 2.
ИВАНОВ, 1853	Иванов П. И. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упомянутых в Боярских книгах. М., 1853.

ИВАНОВА, 1991	Иванова Л. В. История изучения московского некрополя // МН.
ИВАНЧИН-ПИСАРЕВ, 1842	Иванчин-Писарев Н. Д. Описание Андрониева монастыря. М., 1842.
ИСКУССТВО	Искусство Византии в собраниях СССР. М., 1977. 3 тома.
ИСТОРИЧЕСКОЕ	Историческое описание московского Спасо-Андроникова монастыря. М., 1865.
ЙОВИН, 1969	Јовин Р. М. Црква св. Николе и Стари Конек у Студеници // Саопштења. Кн. 8. Београд, 1969.
КАВЕЛЬМАХЕР, 1989	Кавельмахер В. В. Фрагмент памятной плиты первой половины XVII в. из Иосифо-Волоколамского монастыря // ПКНО: 1988. М., 1989.
КАЛАЙДОВИЧ, 1862	Письмо К. Ф. Калайдовича графу Н. П. Румянцеву // ЧОИДР. 1862. Т. 3, разд. I.
КАПТЕРЕВА, 1980	Каптерева Т. П. Искусство стран Магриба. Древний мир. М., 1980.
КАРАМЗИН	История государства Российского. М., 1989–1993, Т. I–V.
КАРАМЗИН, 1843	История государства Российского. Т. 9. СПб., 1843.
КУРБСКИЙ, 1986	Андрей Курбский. История о великом князе Московском // ПЛДР. 1986.
КАРИНСКИЙ, 1928	Каринский Н. М. Русская надпись XVI века с именем Марка, сына палача // РАНИОН. Труды секции археологии Института археологии и искусствознания. М., 1928.
КИРША ДАНИЛОВ, 1938	Древние российские стихотворения собранные Киршею Даниловым. М., 1938.
КИЯНОВСКИЙ, 1914	Кияновский М. Гробница боярина Артамона Матвеева. М., 1914.
КЛЕЙН, 1905	Надписи на гробницах в церкви Николая на Столпах. М., 1905.
КОЛЧИН, 1971	Колчин Б. А. Новгородские древности: Резное дерево. М., 1971.
КОЛЫШНИЦЫН, МОЛЧАНОВ, 1990	Архитектурно-археологические исследования в Иосифо-Волоколамском монастыре // РИПК. Вып. 3. М. 1990.
КОМАРОВА, 1991	Комарова И. И. Источники литературы по провинциальным некрополям // МН.
КОМПАНЕЦ, 1988	Архитектура малых форм в Пафнутьев-Боровском монастыре // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Боровск, 1988.
КОМПАНЕЦ, 1990	Компанец С. Е. Надгробные памятники XVI — первой половины XIX вв. М., 1990.
КОМПАНЕЦ, 1991	Клейма на надгробных плитах XVI–XVII вв. // МН.

КОРЮКИНА, ВИНОГРАДОВ, 1988 — Корюкина Т. А., Виноградов В. А. Новые данные по истории Крутицкого подворья в Москве // АН. Т. 35. 1988.

КРАЙНОВ, ГАДЗЯЦКАЯ, 1967 — Крайнов Д. А., Гадзяцкая О. С. Исследования в Верхнем Поволжье // АО 1967 года. М., 1967.

КУРГАНОВА, 1994 — Надгробные плиты из усыпальницы князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля // ПКНО: 1993. М., 1994.

ЛАЗАРЕВ, 1986 — Лазарев В. Н. История византийской живописи. М., 1986. 2 тома.

ЛАПКОВСКАЯ, 1971 — Лапковская Э. А. Прикладное искусство средних веков в Государственном Эрмитаже. Изделия из металла. М., 1971.

ЛЕВЕНОК, 1960 — Левенок В. П. Надгробия князей Трубецких // СА. 1960. № 1.

ЛЕОНИД, 1863 — Леонид (Кавелин Л. В.) Церковно-статистическое описание упраздненных монастырей, находящихся в пределах Калужской епархии // ЧОИДР. 1863. Кн. 1

ЛЕСМАН, 1995 — Лесман Ю. М. Мотив креста в декоре ювелирных изделий Новгорода XI–XIV вв. // ЦА. Вып. 2.

ЛИДОВ, 1994 — Лидов А. М. О символическом замысле скульптурной декорации Владимиро-Суздальских храмов XII–XIII вв. // Искусство Руси, Византии и Балкан XIII века. СПб, 1994.

ЛОРДКИПАНИДЗЕ, 1991 — Лордкипанидзе Г. А. Пицундское городище Питиунт в системе «Кавказского лимеса». Тбилиси, 1991. (на грузинском языке).

ЛОСЕВ, 1957 — Лосев А. Ф. Античная мифология в её историческом развитии. М., 1957.

ЛУКИАН, 1935 — Лукиан из Самосаты. Собрание сочинений. Т. 2. М.–Л., 1935.

ЛЬУБИНОВИЧ, 1961 — Льубинович М. Археолошка ископаваньа у Давидовици // Саопштења. Кн. 4. Београд, 1961.

МАДЖЕСКА, 1994 — Маджеска Дж. Русско-византийские отношения в 1240–1453 г.: паломники, дипломаты, купцы // Архив русской истории. Вып. 4. М., 1994

МАКАРЕНКО, 1930 — Макаренко М. Е. Скульптура й різбярство Київської Руси перед монгольських часів // Київські збірники історії й археології, побуту й мистецтва. Київ, 1930. Кн. 1.

МАКАРЕНКА, 1904 — Макаренка Н. Е. Поездка 1903 г. по верхнему течению реки Волги // ИАК. Вып. 6. СПб, 1904.

МАКАРОВ, 1981 — Макаров Н. А. Каменные подушки в погребениях древнерусских некрополей // СА. 1981. № 2.

МАКАРОВ, 1981б — Макаров Н. А. Магические обряды при сокрытии клада на Руси // СА. 1981. № 4.

МАЛАНИН, 1980 — Маланин И. Д. Каменный крест из Калининской области // СА. 1980. № 4.

МАНСУРОВ, 1927 — Мансуров А. А. Старая Рязань. Путеводитель. Рязань, 1927.

МАРКОВИЧ, 1953 — Маркович З. Древне гробнице у околини Рудог // GZM. Нов. сер., арх. Св. 8. (1953).

МАРКОВИЧ, 1969 — Маркович О. Прилог проучавань у архитектуре манастыря Сопочана // Саопштења. Кн. 8. 1969, Београд.

МАРТЫНОВ, 1895 — Мартынов А. Надгробная летопись Москвы // Русский архив. М., 1895.

МАШКОВ, 1912 — Машков И. Доклад о изысканиях погребений кн. Репниных в Боровском Пафнутьевском монастыре // Древности. Труды КСДП. Т. 4. М., 1912.

МЕДЫНЦЕВА, 1968 — Медынцева А. А. Древнерусские надписи из церкви Федора Стратилата в Новгороде // Славяне и Русь. М., 1968.

МЕДЫНЦЕВА, 1978 — Медынцева А. А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора XI—XIV века. М., 1978.

МЕЛЬНИК, 1994 — Мельник А. Г. Оссуарий ростовского Успенского собора // СРМ. Вып.6. 1994.

МИФЫ — Мифы народов мира. М., 1982. 2 тома.

МИХАЙЛОВ 1913 — Михайлов М. Н. Памятники русской вещевой палеографии. СПб, 1913.

МОЛЕВА, БЕЛЮТИН, 1965 — Молева Н. М., Белютин Э. М. Живописных дел мастера. М., 1965.

МОЛЧАНОВ, 1987 — Молчанов А. А. Древнерусские надгробия из раскопок в Иосифо-Волоколамском монастыре // Задачи советской археологии в свете решений XXVIII съезда КПСС. М., 1987.

МОНАСТЫРИ — См.: БЕЛЯЕВ, 1994б.

НЕКРАСОВ, 1937 — Некрасов А. И. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937.

НИКИТИНА, 1993 — Никитина Ю. И. К истории Магдебургских врат Софии Новгородской // ПКНО: 1992. М., 1993.

НИКОЛАЕВА, 1957 — Николаева Т. В. Новые находки на территории Загорского музея-заповедника // СА. 1957. № 1.

НИКОЛАЕВА, 1958 — Николаева Т. В. Надгробные плиты под западным притвором Троицкого собора // СЗМ. Вып. 2. Загорск, 1958.

НИКОЛАЕВА, 1958а — Николаева Т. В. О некоторых надгробных надписях XV—XVII вв. Загорского музея-заповедника // СА. 1958. № 3.

НИКОЛАЕВА, 1960 — Николаева Т. В. К изучению некрополя Троице-Сергиевой лавры // СЗМ. Вып. 3. Загорск, 1960.

НИКОЛАЕВА, 1965 — Николаева Т. В. Надгробие новгородского архиепископа Сергия // СА. 1965. № 3.

НИКОЛАЕВА, 1966 — Николаева Т. В. Новые надписи на каменных плитах XV—XVII веков из Троице-Сергиевой лавры // НЭ. Вып. 6. 1966.

НИКОЛАЕВА, 1971 — Николаева Т. В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI вв. М., 1971.

НИКОЛАЕВА, 1976 — Николаева Т. В. Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976.

НИКОЛАЕВА, 1983 — Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня. XI–XV вв. М., 1983.

НИКОЛЬСКИЙ, 1910 — Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четвверти XVII века. Т. 1, вып. 2. СПб, 1910.

ОСТРОУХОВ, 1893 — Остроухов В. Московское Лазаревское кладбище. М., 1893.

ОВЧИННИКОВ, 1955 — Овчинников Е. С. Портрет в русском искусстве XVII века. М., 1955.

ПАМЯТНИКИ, 1982 — Памятники архитектуры Москвы: Кремль — Китай-город — Центральные площади. М., 1982.

ПАНОВА, 1982 — Панова Т. Д. Средневековый погребальный обряд по материалам некрополя Архангельского собора Московского Кремля // СА. 1987. № 4.

ПАНОВА, 1989 — Панова Т. Д. Погребальные комплексы на территории Московского Кремля // СА. 1989. № 1.

ПАНОВА, 1990 — Панова Т. Д. Городской погребальный обряд средневековой Руси: Автореферат канд. дисс. М., 1990.

ПАНОВА, 1990а — Панова Т. Д. Три надписи-граффити из некрополя церкви Вознесения Московского Кремля // ПКНО: 1989. М., 1990.

ПАНОВА, 1991 — Панова Т. Д. Каменные саркофаги антропоидного типа // СА. 1991. № 2.

ПАУТКИН, 1989 — Пауткин А. А. Характеристика личности в летописных княжеских некрологах // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 1. М., 1989.

ПЕРФИЛЬЕВА, РАЗИНА, 1994. — Перфильева Л. А., Разина Н. Г. К истории церкви Сергия в Рогожской в Москве // ПРАМИ: Столица и провинция. М., 1994.

ПЕТРУХИН, 1995 — Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск-М., 1995.

ПИСАРСКАЯ, 1965 — Писарская Л. В. Памятники византийского искусства в Государственной Оружейной палате. Л.–М., 1965.

ПЛЕТНЕВ, 1903 — Плетнев В. А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь, 1903.

ПЛЕШАНОВА, 1966 — Плешанова И. И. Керамические надгробные плиты Псковско-Печерского монастыря // НЭ. VI. М., 1966.

ПЛЕШАНОВА, 1978 — Плешанова И. И. Каменные надгробные плиты Псковско-Печерского монастыря // НЭ. XII. 1978.

ПОВЕСТЬ	Повесть о победах Московского государства. М. 1982.
ПОГОДИН, 1871	Погодин М. П. Судьбы археологии в России // Труды 1 АС в Москве. (1869) Т.1. М. 1871.
ПОДОБЕДОВА, 1969	Подобедова О. И. К вопросу о поэтике древнерусского изобразительного искусства. (Распространенные сравнения в памятнике мелкой пластики XIII в.) // Старинар. Кн. XX. Београд.
ПОДЪЯПОЛЬСКИЙ, 1994	Кочетков И. А., Лелекова О. В., Подъяпольский С. С. Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри. М., 1994.
ПОПОВ, 1912	Попов В. Древняя часовня деревни «Поливанова» // Древности. Труды КСДП. Т. IV. М., 1912.
ПОПОВ, 1975	Попов Г. В. Живопись и миниатюра Москвы середины XV — начала XVI в. М., 1975.
ПОПОВИЧ, 1992	Попович Д. Српеки владарски гроб у средньем веку. Београд, 1992.
ПОРФИРИДОВ, 1939	Памятник новгородской эпиграфики XVI века // Новгородский исторический сборник. Вып. 6. Новгород, 1939.
ПОСЛЕДОВАНИЕ	Последование погребения мирских человек // Требник. Киев, 1646.
ПОССЕВИНО, 1983	Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI века. М., 1983.
ПОСТНИКОВА-ЛОСЕВА, 1983	Постникова-Лосева М. М., Платонова Н. Г., Ульянова Б. Л. Золотое и серебряное дело XV–XX вв. М. 1983.
ПРОНИЧ, 1970	Пронић Р. Конзерваторско-рестаураторски радови на црквини «Петковица» код Страгара // Саопштења. 9. (1970). Београд.
ПРОПП, 1946	Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки // Л. 1946.
ПРОХОРОВ, 1991	Прохоров Г. М. Сказание Паисия Ярославова о Спасо-Каменном монастыре // Книжные центры Древней Руси XI–XVI вв. СПб., 1991.
ПУЦКО, 1971	Пуцко В. Г. Каменные иконки и кресты в Ростове Великом // Byzantinoslavica. XXVII. Прага, 1971.
ПУЦКО, 1995	Пуцко В. Г. Сюжеты новгородских каменных икон // ЦА. Ч. 2.
РАБИНОВИЧ, 1949	Рабинович М. Г. Раскопки 1946–1947 гг. в Москве на устье Яузы // МИА. Т. 12. 1949.
РАБИНОВИЧ, 1953	Рабинович М. Г. Основные итоги изучения Москвы // КСИИМК. Вып. 42. 1953.
РАБИНОВИЧ, 1978	Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М.

РАДОЙЧИЧ, 1961 — Радойчич С. Рельефи босанских и херцеговачских стећака // Летопис Матице Српске. Кн. 387, св. 1 (јануар). Нови Сад.

РК 1550–1636 — Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. II. Вып. 1–2. М., 1976.

РК. 1559–1605 — Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974.

РК. 1598–1638 — Разрядные книги 1598–1638 гг. М. 1974.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, 1993 — Рождественская Т. В. Древнерусская эпиграфика X–XIII вв. Текст и норма // Russian Linguistics. 17. 1993.

РОЗАНОВ, 1868 — Розанов Н. П. О московских городских кладбищах. М., 1868.

РОЗАНОВ, 1869 — Розанов Н. П. История Московского епархиального управления со времени учреждения св. Синода. (1721–1821 гг.). М., 1869.

РОМАНОВ, 1992 — Романов А. Г. Крест резной: Московский Сретенский монастырь. М., 1992.

РОСПИСНОЙ СПИСОК — Росписной список Москвы 1638 года // Труды Московского отдела Русского военно-исторического общества. Т. 1. М., 1911.

РУММЕЛЬ, ГОЛУБЦОВ, 1887 — Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 2. СПб., 1887.

РУССКАЯ. 1970 — Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв. Л., 1970.

РЫБАКОВ, 1964 — Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI–XIV вв. М., 1964.

РЫБАКОВ, 1969 — Рыбаков Б. А. Раскопки в Белгороде Киевском // АО 1968 года. М., 1969.

РЫБНИКОВ, 1932 — Рыбников М. А. Загадки. М.-Л., 1932.

РЫНДИНА, 1968 — Рындина А. В. Особенности сложения иконографии в древнерусской мелкой пластике: «Гроб Господень» // ДРИ: Художественная культура Новгорода. М., 1968.

РЫНДИНА, 1973 — Рындина А. В. Складень мастера Лукиана // Византия.

РЫНДИНА, 1978 — Рындина А. В. Древнерусская мелкая пластика. Новгород и Центральная Русь XIV–XV веков. М., 1978.

РЫНДИНА, 1979 — Рындина А. В. Живопись и прикладное искусство Твери XIV–XVI вв. М., 1979.

РЫНДИНА, 1994 — Рындина А. В. Древнерусские паломнические реликвии. Образ Небесного Иерусалима в каменных иконах XIII–XV вв. // ИВРК.

САВВА, 1883 — Савва, архиепископ. Указатель для обозрения Московской патриаршей ризницы. М. 1883.

САВИНОВ, 1982 — Савинов А. Н. Иван Алексеевич Ерменев. Л., 1982.

САГАЙДАК, 1991 — Сагайдак М. А. Давньокиівський Поділ. Київ, 1991.

САГАЙДАК, СЕЛИВАЧЕВ, 1986 — Сагайдак М. А., Селивачев М. Р. Общность и специфика художественной деревообработки Русского Севера и Украины (по археологическим источникам) // М. В. Ломоносов и Север. Архангельск, 1986.

САЗОНОВ, 1994 — Сазонов С. В. Монашеское имя Александра Невского и традиции монашеского имянаречения в средневековой Руси // СРМ. Вып. 6. 1994.

САИТОВ — Саитов В. И. Московкий некрополь. СПб, 1907–1908. 3 тома.

СИЗОВ, 1976 — Сизов В. С. К атрибуции княжеского цикла в росписях Архангельского собора // ГММК МИ. Т. 2. М., 1976.

СЕДАКОВА, 1990 — Седакова О. А. Тема «доли» в погребальном обряде (восточно- и южнославянский материал) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990.

СЕДОВ, 1978 — Седов В. В. Изборские каменные кресты // Культура средневековой Руси. М., 1978.

СЕДОВ, 1982 — Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. («Археология СССР»).

СЕДОВА, 1965 — Седова М. В. Каменные иконки древнего Новгорода // СА. 1965. № 3.

СЕДОВА, 1994 — Седова М. В. Паломнический комплекс XII в. с Неревского раскопа // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994.

СЕРАФИМ, 1844 — Серафим, архимандрит. Церковь преподобного Сергея Радонежского в Крапивниках на Трубе. М., 1844.

СМИРНОВ, 1869 — Смирнов С. К. Древние надгробные надписи, открытые в Троицкой лавре // Труды I АС в Москве (1869 г.) Т. 2. М., 1869.

СНЕГИРЕВ, 1876 — Снегирев И. М. Богоявленский монастырь в Москве на Никольской улице. М., 1876.

СОБОЛЕВСКИЙ, 1901 — Соболевский А. И. Славяно-русская палеография. Курс 1. СПб, 1901.

СОКОЛОВ, 1978 — Соколов В. И. Намогильная плита из Тверского Саввина монастыря // НЭ. Т. 12. 1978.

СОКРОВИЩЕ, 1986 — Сокровище Российских Древностей. М., 1986.

СОЛОВЬЕВ, 1934 — Соловьев Н. Н. Русская народная резьба по дереву. М.-Л., 1934.

СПИЦЫН, 1903 — Спицын А. А. Заметки о каменных крестах, преимущественно новгородских // ЗОРСА. Т. V. Вып. 1. СПб., 1903.

СРЕЗНЕВСКИЙ — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб, 1893–1912. 3 тома.

СТОРОЖЕВ, 1909 — Сторожев В. В. Материалы для истории русского дворянства. Вып. 2. М., 1909.

СУМАРОКОВ, 1757 — Сумароков А. П. Надписи, означающие лета преставления высочайших персон фамилии царской в Московском Архангельском соборе опочивающих // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб., 1757. Ч. 2.

ТАМОЖЕННАЯ КНИГА — Таможенная книга Московского государства XVII века. Т. 1. М.-Л., 1950.

ТИХОМИРОВ, 1844 — Тихомиров Д. Исторические сведения об археологических исследованиях в Старой Рязани. М., 1844.

ТИХОМИРОВ, 1968 — Тихомиров М. Н. Русская культура X–XVIII веков. М. 1968.

ТОЛСТОЙ, 1864 — Толстой М. В. Замечательный надгробный камень // ЧОИДР. 1864. Кн. 1.

ТОЛСТОЙ, 1887 — Толстой М. В. Книга глаголемая описание о российских святых. М., 1887.

ТРОМОНИН, 1844 — Тромонин К. Краткое описание Воскресенского монастыря до 1685 г. М., 1844.

ТРУБАЧЕВА, 1985 — Трубачева М. С. О происхождении и некоторых свойствах надписей на иконах // ДРИ: исследование и реставрация. М., 1985.

ТРУБНИКОВА, 1991 — Трубникова О. А. История некрополя Новодевичьего монастыря (30-е гг. XVI — 30-е гг. XX в.) // МН.

УВАРОВ, 1910 — Уваров А. С. Работы по разысканию могилы князя Д. М. Пожарского // Сборник мелких трудов. Т. 3. М., 1910.

УКАЗ, 1734 — Указ 12.08.1734 г. «О собрании лежащих на кладбище белых камней и об отдаче их в Данилов монастырь роспискою» // РГАДА. Ф. 1188. Оп. 1. Ед. хр. 6.

УСПЕНСКИЙ, 1993 — Uspenskii B. Солярно-лунарная символика в облике русского храма // California Slavic Studies. V. 16. (Christianity and the Eastern Slavs, V. 1) Berkeley, 1993.

УСПЕНСКИЙ, 1994 — Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка. (XI–XIX вв.). М., 1994.

ФАРМАКОВСКИЙ, 1901 — Византийский пергаменный рукописный свиток с миниатюрами, принадлежащий РАИК // Известия РАИК. Т. VI. Вып. 2–3. София, 1901.

ФЕХНЕР, 1949 — Москва и ее ближайшие окрестности в XV и начале XVI в. // МИА. Вып. 12. М.-Л., 1949.

ФИРСОВ, 1990 — Фирсов Л. В. Исары. Новосибирск, 1990.

ФЛОРЕНСКИЙ, 1994 — Иконостас. М., 1994.

ФОРСТЕН, 1884 — Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетии. СПб., 1884.

ФОРСТЕН, 1889 — Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. СПб., 1889.

ФОРСТЕН, 1893 — Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. Т. 1. СПб, 1893.

ХАМАН-МАК ЛЕН, 1973 — Хаман-Мак Лен Р. Византийский стиль в мастерской Николая Верденского // Византия.

ХВОРОСТОВА, 1988 — Хворостова Е. Л. Отчет об археологических исследованиях на территории, предназначенной для строительства Старицкого районного узла связи в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12962

ХОЛМОГОРОВЫ, 1881 — Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы о церквях и селах в XVI–XVII столетиях. Вып. 1. М., 1881.

ЦВЕТАЕВ, 1890 — Цветаев Д. Протестантство и протестантизм в России до эпохи преобразований. М., 1890.

ЦВЕТАЕВ, 1901 — Цветаев Д. Царь Василий Шуйский и места погребения его в Польше. Т. 1. Варшава, 1901.

ЧЕЛИЩЕВ, 1893 — Челищев А. Н. Сборник материалов для истории рода Челищевых. СПб., 1893.

ЧЕРЕПНИН, 1956 — Русская палеография. М. 1956.

ЧЕРНЕЦОВ, 1980 — Чернецов А. В. Три резных посоха XV в. // СА. 1980. № 2.

ЧЕРНЕЦОВ, 1987 — Чернецов А. В. Резные посохи XV в. (работа кремлевских мастеров). М. 1987.

ЧЕРНЕЦОВ, 1988 — Чернецов А. В. Посох Стефана Пермского // ТОДРЛ. 1988. Т. 41.

ЧЕРНЕЦОВ, 1991 — Чернецов А. В. К изучению эволюции архиерейского посоха и его символики. (Так называемый посох Никиты Новгородского) // СА. 1991. № 3.

ЧЕРНОВ, 1991 — Чернов С. З. Сельские некрополи XIV–XVI вв. на северо-востоке Московского княжества // МН.

ШАМУРИН, 1911 — Московские кладбища // Москва в её прошлом и настоящем. Вып. 8. М., 1911.

ШИЛОВ, 1979 — Шилов В. В. Надгробные плиты с надписями из Серпухова // СА. 1979. № 3.

ШЕЛЯПИНА, 1971 — Шеляпина Н. С. Надгробия XIII–XIV вв. из раскопок в Московском Кремле // СА. 1971. № 3.

ШЕЛЯПИНА, 1971а — Шеляпина Н. С. Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963–1965 гг. // Древности Московского Кремля. М., 1971. (МИА. № 167; МИАМ. Т. 4).

ШЕЛЯПИНА, 1973 — Шеляпина Н. С. Надгробия митрополитов Киприана и Фотия в Успенском соборе Московского Кремля // СА. 1973. № 4.

ШЕРЕМЕТЕВСКИЙ, 1914 — Шереметевский В. В. Русский провинциальный некрополь. М., 1914.

ШЛИХТИНГ, 1934 — Новое известие о России // Сказание Альберта Шлихтинга. Л., 1934.

ШЛЯПКИН, 1906 — Шляпкин И. А. Древние русские кресты. 1. Кресты новгородские до XV века, неподвижные и не церковной службы. СПб., 1906.

ШТАДЕН, 1925 — Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. М., 1925.

ЩЕПКИН, 1907 — Щепкин В. Н. Описание надгробий (Собрание 1-е) // ОИМ за 1906 год. Приложение. М., 1907.

ЩЕПКИН, 1913 — Щепкин В. Н. Описание надгробий (Собрание 2-е) // ОИМ за 1911 год, приложение. М., 1913.

ЩЕПКИН, 1967 — Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967.

ЭНГОВАТОВА, 1994 — Энговатова А. В. Погост начала XV века в г. Можайске // Макариевские чтения. Вып. 2, ч. 1. Можайск, 1994.

ЮШКО, 1977 — Юшко А. А. Отчет о работе разведочного отряда в 1977 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 6249.

ЯНИН, 1988 — Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. Церковная традиция и историческая критика. М., 1988.

ЯНИН, 1962 — Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962.

ЯНИН, 1970 — Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. 2. Новгородские печати XIII–XV вв. М., 1970.

AANDER-HEDEN, 1883–1890 — Aander-Heden E. Geschichte des Geschlechts der Freiherren von Elverfeldt. Bde. 1–3. Elberfeld, 1883–1890.

ADAIR, 1978 — Adair J. E. The Pilgrims' Way: Shrines and Saints in Britain and Ireland. London, 1978.

ADHEMAR, 1939 — Adhemar J. Influences antiques dans l'art du Moyen Age francais. London, 1939.

ANDELIC, 1973 — Andelic P. Bobovac i kraljeva Sutjeska: stolna mjesta bosanskih vladara u XIV–XV stoljecu. Sarajevo, 1973.

ARENS, 1958 — Arens F. V. Die Inschriften der Stadt Wimpfen am Neckar. Stuttgart, 1958. (DI. Bd. 4.)

ARENS, BAUER, 1958 — Arens F. V., Bauer K. F. Die Inschriften der Stadt Mainz von Fruhmittelalterlicher Zeit bis 1650. Stuttgart, 1958. (DI. Bd. 5.)

ART OF SPAIN, 1993 — The Art of Medieval Spain: A. D. 500–1200. N.-Y., 1993.

BACKHOUSE, 1992 — Backhouse J. Vi devotions and delights. The Illuminated Books of Gothic England // Age of Chivalry. N.-Y., 1992.

BAGATTI, 1975 — Bagatti B., Piccirillo M., Prodomo A. New Discoveries at the Tomb of Virgin Mary in Gethsemane. Jerusalem, 1975. (Studium Biblicum Franciscanum. Collectio Minor. 17).

BAILEY, CRAMP, 1988 — Bailey R. N., Cramp R. Cumberland, Westmorland and Lancashire North-of-the-Sands // CASS. V.II. 1988.

BANDINELLI, 1971 — Bandinelli R. B. Rome: The Late Empire. (Roman Art A. D. 200–400). N.-Y., 1971.

BARTMAN, 1993 — Bartman E. Carving the Bodminton Sarcophagus // MMJ. V. 28 (1992). 1993.

BASLER, 1972 — Basler D. Neke likovne paralele steccima // Nase starine. T. 13. Sarajevo, 1972.

BATEMAN, 1978 — Bateman K. R. Pembroke 120 and Morgan 736: A Reexamination of the St. Albans Bury St. Edmunds Manuscript Dilemma // Gesta. V. 17 (I). 1978.

BAYLE, 1990 — Bayle M. La sculpture preromana en Normadic et ses prolongements jusgu'au debut du XIe siecle // Cashiers. T. 38. 1990.

BAUCH, 1976 — Bauch K. Das mittelalterliche Grabbild. Berlin N.-Y., 1976.

BECKWITH, 1989 — Beckwith J. The Influence of Islamic Art on Western Medieval Art // Beckwith J. Studies in Byzantine and Medieval Western Art. London, 1989.

BECKWITH, 1972 — Beckwith J. Ivory Carving in Early Medieval England. London, 1972.

BEENKEN, 1924 — Beenken H. Romanische Skulptur in Deutschland (11. und 12. Jahrhundert). Leipzig, 1924.

BELJAEV, 1991 — Beljaev L. Der Grabstein Caspars von Elverfeldt und der alteste Auslanderfriedhof in Moskaw // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Bd. 39. Hf. 4. Stuttgart, 1991.

BENAC, 1950 — Benac A. Radimlja. Sarajevo, 1950. (SNSBH, № 1).

BENOIT, 1947 — Benoit. Cimetieres paleochretiens de Provence // Cahiers. T. 2. 1947.

BERGMAN, 1975 — Bergman R. P. A School of Romanesgue Ivory Carving in Amalfi // MMJ. V. 9 (1994). 1975.

BERGNER, 1906 — Bergner H. Handbuch der Burgerlichen Kunstaltertumer in Deutschland. Bd. II. Leipzig, 1906.

BESLAGIC, 1967 — Beslagic S. Stecci centralne Bosne. Sarajevo, 1967.

BESLAGIC, 1982 — Beslagic S. Stecci: kultura i umjetnost. Sarajevo, 1982.

BESLAGIC, 1971 — Beslagic S. Stecci i njihova umjetnost. Sarajevo, 1971.

BIDDLE, 1966 — Biddle M. Archaeology, Architecture and the Cult of Saints in Anglo-Saxon England // CBARR. № 60. 1966.

BIENEMANN, 1876 — Bienemann F. Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in der Jahren 1558–1562. Bd. 4. Riga, 1876.

BLAIR, 1989 — Blair J. An Early 12th-century Purbeck Marble Graveslab from St. Frideswide's Priory // Oxoniensia. V. 53 (1988). Oxford, 1989.

BLAIR, 1991 — Blair J. The Early Church at Cummor //Oxoniensia. V. 54 (1989). Oxford, 1991.

BLANCHET, 1954	Blanchet M. A. Le «Tau gallicum» // Memoires de la Societe Nationale des Antiquaires de France. Ser. 19. № 3. Paris, 1954.
BLOCH, 1946	Bloch H. Monte Cassino, Byzantium and the West in the Earlier Middle Ages // DOP. V. 3. 1946.
BOSSAGLIA, 1968	Bossaglia R. 1200 years of Italian Sculpture. N.-Y., 1968.
BOTTINEAU, 1964	Bottineau J. Les chemins de Saint-Jacques. Paris, 1964.
BOUBE, 1957	Boube J. Les sarcophages paleochretiens de Martres-Tolosane // Cahiers. T. 9. 1957.
BRAUN, 1925	Braun F. Russland und die Deutschen // Germanica. Festschrift fur E. Sievers. Halle, 1925.
BRAUNFELS, 1968	Braunfels W. Die Welt der Carolinger und Ihre Kunst. Munchen, 1968.
BROOKS, 1921	Brooks N. C. The Sepulchre of Christ in Art and Liturgy; with special reference to the liturgical drama // University of Illinois Studies in Language and Literature. V. VII (2). Urbana, Illinois, 1921.
BRUCE MITFORD, 1956	Bruce Mitford R.L.S. Recent Archaeological Excavations in Britain. London, 1956.
BRUSIN DALLA BARBA, LORENZONI, 1968	Brusin Dalla Barba D., Lorenzoni G. L'arte del Patriarcato di Aguileia del secolo IX al secolo XIII. Padova Antenore, 1968.
BUDDE, 1979	Budde R. Deutsche Romanische Skulptur: 1050-1250. Munchen, 1979.
BUSCHHAUSEN, 1971	Buschhausen H. Die Spatromischen Metallscrina und Fruhchristlichen Reliquiare. Teil I // Wiener Byzantinistische Studien. Bd. 9. Wien, 1971.
BUSH-BROWN, 1952	Bush-Brown A. Giotto: Two Problems in the Origin of His Style // Art Bul. V. 34 (1). 1952.
BUTLER, 1987	Butler L.A.S. Symbols on Medieval Memorials // Ant J. V. 144. 1987.
BUTLER, 1964	Butler L.A.S. Minor Medieval Monumental Sculpturein the East Midlands // Ant J. V. 121. 1964.
BUTLER, 1993	Butler L.A.S. Cistercian Abbots' Tombs and Abbey Seals // Studies in Cistercian Art and Architecture. V. 4. (Cistercian Studies Series, 134). Kalamazoo, 1993.
BUTLER, RODWELL, 1993	Butler L.A.S., Rodwell W. The Medieval Grave Slabs // Rodwell W., Rodwell K. Rivenhall. V. 2. London, 1993. (CBA RR № 80)
BUTLER, 1995	Butler J. The Quest for Becket's Bones. New Hawen-London, 1995.
CAPPELLI, 1928	Cappelli A. Lexicon abbreviaturarum. Leipzig, 1928.
CARLEY, 1988	Carley J. P. Glastonbury Abbey. Woodbridge, 1988.

CHATEL, 1981 — Chatel E. Recuel General des Monuments Sculptes en France: IV–X sicele. T. 2. Paris, 1981.

COCHE DE LA FERTE, 1981 — Coche de la Ferte E. L'art de Byzance. Paris, 1981.

COLDSTREAM, 1976 — Coldstream N., 1976. English Decorated Shrine Bases // Journal of BAA. V. 129. 1976.

COLLINGWOOD, 1907 — Collingwood W. G. Anglian and Anglo-Danish Sculpture in the North Riding of Yorkshire // YAJ. V. 19. 1907.

COLLINGWOOD, 1909 — Collingwood W. G. Anglian and Anglo-Danish Sculpture at York // YAJ. V. 20. 1909.

COLON-GEVAERT, 1972 — Colon-Gevaert S. A Treasury of Romanesque Art. London, 1972.

COOK, 1914 — Cook A. B. 1914. Zeus. V. 1. Cambridge, 1914.

COOK, 1955 — Cook G. H. Old S.Paul's Cathedral. London, 1955.

COOK, 1928 — Cook W. W. S. The Earliest Painted Panels of Catalonia (VI) // Art Bul. V. X (4). 1928.

CORMAK, 1985 — Cormak R. Wrighting in Gold: Byzantine Society and Its Ikons. N.-Y., 1985.

COROVIC, 1956 — Corovic V. Prilog proucavanju nacina sahranjivanja i podizanja nadgrobnih spomenika u nasim krajevima u srednjem vijeku // Nase starine. № 3. Sarajevo, 1956.

CORPUS — Corpus des Inscriptions de la France Medievale. T. 14. Paris, 1989.

COSTA, 1964 — Costa D. Art Merovingien. Inventaire des collections du Musee Dobree, 10. Paris, 1964.

CRICHTON, 1954 — Crichton G. H. Romanesque Sculpture in Italy. London, 1954.

CRAMP, 1984 — Cramp R. County Durham and Northumberland // CASS. V. I. 1984.

CREMOZNIK, 1957 — Cremoznik I. Rimski spomenici iz okoline Bihaca // GZM, Now. Ser., V. 12.

CROOK, 1990 — Crook J. The Typology of Early Medieval Shrines: a Previously Misidentified «Tomb-Shrine» Panel from Winchester Cathedral // Ant J. V. 70, part 1. London, 1990.

CROSBY, 1987 — Crosby S. M.-K. The Royal Abbey of Saint-Denis: from its beginnings to the death of Suger, 475–1156. N.-Haven/London, 1987.

CUCUEL, ECKERT, 1969 — Cucuel E., Eckert H. Die Inschriften des Landischen Main-und Taubergrundes. Stuttgart, 1969. (DI. Bd. 1)

CURCIC, 1984 — Curcic S. Medieval Royal Tombs in the Balkans: an Aspect of the «East or West» Question // GOTR. V. 29. 1984.

CUTLER, NESBITT, 1986 — Cutler A., Nesbitt J. W. L'arte Byzantina e il suo publico. Torino, 1986.

DALTON, 1909 — Dalton O. M. Catalogue of the Ivory Carvings of the Christian Era. London, 1909.

DALTON, 1961 — Dalton O. M. Byzantine Art and Archaeology. N.-Y., 1961.

DEER, 1959 — Deer J. The Dynastic Porphyry Tombs of the Norman Peroid in Sicily. Cambridge, Mass., 1959.

DEHIO, GALL, 1961 — Dehio G., Gall E. Pfalz und Rheinhessen. Berlin, 1961.

DELAHAYE, 1987 — Delahaye G.-R., Les sarcophages merovingiens en platre de Villemomble // Cahiers. T. 35. 1987.

DELAHAYE, 1992 — Delahaye G.-R. Les sarcophages de platre exhumes autours des cryptes de Jouarre // Cahiers. T. 40. 1992.

DICTIONARY, 1986 — Illustrated Dictionary and Concordance of the Bible. N.-Y., 1986.

DOM ZU REGENSBURG, 1989 — Dom zu Regensburg. Ausgrabungen. Restaurierung. Forschung. Munchen-Zurich, 1989.

DROS, FRITZ, 1994 — Dros H., Fritz G. Die Inschriften des Rems-Murr-Kreises. Wiesbaden, 1994. (DI. Bd. 37)

DULL, 1984 — Dull S. Die Inschriften der Stadt Oppenheim. Wiesbaden, 1984. (DI. Bd. 23)

DURLIAT, 1957 — Durliat M. Quelques sarcophages inedits // Cahiers. T. 9. 1957.

DYGGVE, 1951 — Dyggve E. History of Salonitan Christianity // Instituttet for sammenlignende kulturforskning. Serie A, 21. Oslo, 1951.

DYGGVE, 1962 — Dyggve E. Sepulcrum Domini. (Form und Einrichtung) // Festschrift Friedrich Gerke: Kunsthistorische Studien. Baden-Baden, 1962.

ECKHARD, 1984 — Eckhard M. Die Inschriften des Luneburger St. Michaelis Klosters und des Klosters Lune. Wiesbaden, 1984. (DI. Bd. 24)

ELBERN, 1955 — Elbern V. H. Dar Adelhausener Tragaltar // Wallraf Richartz Jahrbuch. 1955.

ENCYCLOPEDIA, 1975 — Encyclopedia of Excavations in the Holy Land. V. 1, 1975.

ENGLISH ROMANESQUE ART — English Romanesque Art. 1066-1200. London, 1984.

EPSTEIN, 1964 — Epstein F. T. Heinrich von Staden: Aufzeichnungen uber den Moskauer Staat. Hamburg, 1964.

EVANS, 1950 — Evans I. Cluniac Art of the Romanesque Period. Cambridge, Eng., 1950.

FECHNER, 1876 — Fechner A. W. Chronik der Evangelischen Gemeinden in Moscau. Bd. 1–2. M., 1876.

FEHRING, 1966 — Fehring G. P. Fruhmittelalterliche Kirchenbauten unter St. Dionysius zu Esslingen am Neckar // Germania. Bd. 44. Berlin, 1966.

FEHRING, 1991 — Fehring G. P. The Archaeology of Medieval Germany: an introduction. London, 1991.

FELD, 1970 — Feld O. Mittelbyzantinische Sarkophage // Romische Quartalschrift fur christliche Altertumskunde und Kirchengeschichte. Bd. 65. Hf. 3–4. Rom-Freiburg-Wien, 1970.

FIGUERAS, 1983 — Figueras P. Decorated Jewish Ossuaries. Leiden, 1983.

FINEGAN, 1981 — Finegan J. The Archeology of the New Testament: the Mediterranian World of the Early Christian Apostles. London, 1981.

FIRATLI, 1969 — Firatli N. Decouverte une eglise byzantine a Sebaste de Phrygie // Cahiers. T. 19. 1969.

FORSYTH, 1970 — Forsyth W. H. The Entombment of Christ. (French Sculpture of the Fifteenth and Sixteenth Centuries). Cambridge, Mass., 1970.

FOSSARD, 1965 — Fossard D. Le tombeau Carolingien de Saint Pons a Cimiez (Alpes Maritimes) // Cahiers. T. 15. 1965.

FOSSARD, 1978 — Fossard D., Viellard-Troiekouroff M., Chatel E. Recueil General des Monuments Sculptes en France pendant le Moyen Age (IV–X siecles). T. 1. Paris, 1978.

FRAZER, 1986 — Frazer M.-E. Medieval Church Treasuries // MMA Bulletin, V. 43 (3). N.-Y., 1986.

FRAZER, 1975 — Frazer M. E. Hades Stabed by the Cross of Christ // MMJ. V. 9 (1974). N.-Y., 1975.

FUCHS, 1991 — Fuchs R. Die Inschriften der Stadt Worms. Wiesbaden, 1991. (DI. Bd. 29)

FUSSBROICH, 1991 — Fussbroich H. Metamorphosen eines Grabes. (Grabstatten der Theophanu in der Kirche der ehemaligen Benediktinerebtei Sankt Pantaleon) // KT. Bd. 2.

GABERSCEK, 1973 — Gaberscek C. La scultura altomedioevale in Friuli et in Lombardia // Aquileia e Milano. Udine, 1973. (AA. IV. SSA, 3.)

GALLAGHER, 1969 — Gallagher S. Medieval Art. N.-Y., 1969.

GARDNER, 1951 — Gardner A. English Medieval Sculpture. Cambridge, Eng., 1951.

GARNIER, 1982 — Garnier J. Le langage de l'image au Moyen Age. T. 1. Paris, 1982.

GASSEN, 1991 — Gassen R. W. Romanik in der Pfalz. Landau, 1991.

GAUTHIER, 1983 — Gauthier M.-M. Les Routes de la Foi. Fribourg, Suisse, 1983.

GERKE, 1940 — Gerke Fr. Die christlichen Sarkophage der vorkonstantinischen Zeit // Studien zur spatantiken Kunstgeschichte. Bd. 2. Berlin Leipzig, 1940

GERUSALEMME, 1983 — Gerusalemme celeste: Jmmagine delle Gerusalemme celeste dal III al XIV secolo. Milano, 1983

GILLERMAN, 1980 — Gillerman D. Gothic Sculpture in American Collections. I. The New England Museums // Gesta. V. 19 (2). 1980.

GILYARD-BEER, 1983 Gilyard-Beer R. Byland Abbey and the Grave of Roger de Mowbray // YAJ. V. 55. Bradford, 1983.

GILYARD-BEER, 1987 Gilyard-Beer R. The Graves of the Abots of Fountains // YAJ V. 59. Bradford, 1987.

GIOSEFFI, 1974 Gioseffi D. Le companenti islamicke dell'arte altomedioevale in Occidente //Aquileia e L'Africa. Udine, 1974. (AA.5. SSA, 4. 1973).

GOLDSCHMIDT Goldschmidt A. Die Elfenbeinsculpturen: Aus der Zeit der Karolingischen und Sachsischen Kaiser. VIII–XI. Jahrhundert. Bd. 1–2 Berlin-Oxford, 1969, 1970 Die Elfenbeinsculpturen: Aus der romanischen Zeit XI–XIII. Jahrhundert. Bd. 3, 4. Berlin, 1972, 1975.

GOLDSCHMIDT, WEITZMANN, 1979 Goldschmidt A., Weitzmann K. Die Byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X–XIII. Jahrhunderts. Bd. I–2. Berlin, 1979.

GOODENOUGH, 1953 Goodenough E. R. Jewish Symbols in the Greco-Roman Period. V. 8. N.-Y., 1953.

GRABAR, 1946 Grabar A. Martirium. V. 1–2. Paris, 1946

GRABAR, 1943 Grabar A. Martirium. Album. Paris. 1943

GRABAR, 1964 Grabar A. Recherches sur les sources juives de l'art paleochretien. (Troisieme article) // Cahiers. T. 14. 1964.

GRABAR, 1968 Grabar A. La fresque des saintes femmes au tombeau a Doura // L'art de la fin de l'Antiquite et du Moyen Age. V. I, 3. Paris, 1968.

GRABAR, 1976 Grabar A. Sculptures Byzantines du Moyen Age, II. (XI–XIV). Paris, 1976.

GREENE, 1992 Greene J. P. Medieval Monasteries. Cambridge, Eng N.-Y., 1992.

GREENE, 1989 Greene J. P. Norton Priory: the archaeology of a medieval religious house. Cambridge, Eng. / N.-Y., 1989.

GREENHUT, 1992 Greenhut Z. Burial Cave of the Caiaphas Family // Bibl.A.R., № 5. Washington, D.C., 1992.

GRESHAM, 1968 Gresham C. A. Medieval Stone Carving in North Wales. (Sepulchral Slab and Effigies of the Thirteenth and Fourteenth Centuries) Cardiff, 1968.

GRIERSON, 1962 Grierson Ph. The Tomb and Obits of the Byzantine Emperors (337–1042) // DOP. V. 16. 1962.

GRIMM Grimm J. und W. Deutsches Worterbuch. Leipzig.

GRUNEWALD, 1991 Grunewald M. Die Grabungen an der Stiftskirche St.Paul in Worms. Worms, 1991. (Separater Anhang zum "Wormsgau", Bd. 15. 1987/1991)

GUERRA, 1978 Guerra M. Simbologia Romanica. Madrid, 1978.

GUTBERLET, 1935 Gutberlet S. H. Die Himmelfahrt Christi in der Bildenden Kunst. Leipzig, 1935.

GUTSCHER, 1985	Gutscher D. Die St. Petersinsel im Bielersce (Vorbericht uber die Ausgrabungen und Bauuntersuchungen im Ehemaligen Cluniazenserpriorat) // Zeitschrift fur Archeologie des Mittelalters. Jahrgang 13. 1985.
HAAS, 1984	Haas W. Der Dom zu Speyer. Konigstein im Taunus, 1984.
HACHLILI, 1988	Hachlili R. Ancient Jewish Art and Archaeology in the Land of Israel. Leiden N.-Y., 1988.
HALLOF, 1992	Hallof L., Hallof K. Die Inschriften der Stadt Jena bis 1650. Berlin-Wiesbaden, 1992. (DI. Bd. 33)
HASSIG, 1991	Hassig D. He Will Make Alive Your Mortal Bodies: Cluniac Spirituality and the Tomb of Alfonso Ansurez // Gesta. V. 30 (2). N.-Y., 1991.
HAUPT G, 1938	Haupt G. Die Graber im Dom, unter Benutzug der Protokollen und Zeichnerischen Aufnahmen von Ph. Brandt // Kautzsch R. Der Dom zu Worms. Bd. 1. Berlin, 1938.
HEARN, 1981	Hearn M. F. Romanesque Sculpture. Ithaca N.-Y., 1981.
HEITZ, 1963	Heitz C. Recherches sur les rapports entre architecture et liturgic a l'epoque carolingienne. Paris, 1963.
HENKEL, SCHONE, 1978	Henkel A., Schone A. Emblemata. Stuttgart, 1978.
HENRY, 1981	Henry A. The Living Likeness: The Fourty-Page Blockbook «Biblia pauperum» and the Imitation of Images in Utrecht and Other Manuscripts // JBAA. V. 134. 1981.
HERKLOTZ, 1990	Herklotz I. «Sepulcra» e «Monumenta» del Medioevo: studi sull'arte sepolcrale in Italia. Roma, 1990.
HEY, MAGILTON, 1983	Hey D., Magilton J. R. St. Peter's Church, Warmsworth // YAJ. V. 55. Leed, 1983.
HIRST, 1983	Hirst S. M., Walsh D. A., Wright S. M. Bordesley Abbey, II. (Second report on the excavations at Bordesley Abbey) // BAR. V. 111. Oxford, 1983.
HJORT, 1975	Hjort O. The Sculpture of Kariye Jamii // DOP. V. 33. 1975.
HODGES, 1909	Hodges Ch. C. On Some Medieval Grave-Covers of Exceptional or Unusual Character in the County of York // YAJ. V. 20. 1909.
HOEKSTRA, 1988	Hoekstra T. J. The Early Topography of the City of Utrecht and its Cross of Churches // JBAA. V. 141. 1988.
HOFFELD, 1971	Hoffeld J. M. An Image of St.-Louis and the Structuring of Devotion // MMA Bulletin. V. 29. N.-Y., 1971.
HOLMQVIST, 1939	Holmqvist W. Kunstprobleme der Merowingerzeit. Stockholm, 1939.
HORNUNG, 1966	Hornung H. H. Die Inschriften Niederosterreichs. I Teil. Graz-Wien-Koln, 1966. (DI. Bd. 10)

HORSTE, 1982 — Horste K. Romanesque Sculpture in American Collections. XX. Ohio and Michigan // Gesta. V. 21 (2). 1982.

HUBERT, 1970 — Hubert J, Porcher J., Volbach W. F. The Carolingian Renaissance. N.-Y., 1970.

HUBERT, 1969 — Hubert J, Porcher J., Volbach W. F. Europe of the Invasions. N.-Y., 1969.

HUNT, 1989 — Hunt L.-A. The al-Mu'allaqa Doors Reconstructed: An Early Fourteenth-Century Sanctuary Screen from Old Cairo // Gesta. V. 28 (1). 1989.

HUSBAND, 1992 — Husband T. B. The Winteringham Tau Cross and Ignis Sacer // MMJ. V.27. N.-Y., 1992.

I BIZANTINI, 1982 — I Bizantini in Italia. Milano, 1982.

INFORMATIONS, 1980 — Informations Archeologiques. 1980 // Gallia. T. 38. 1980.

INFORMATIONS, 1983 — Informations Archeologiques. 1983 // Gallia. T. 41. 1983.

INFORMATIONS. 1985 — Informations Archeologiques. 1985 // Gallia. T. 43, fasc. 2. 1985.

ITALIANA, 1986 — Italiana romanica. V. 8, La Puglia. Milano, 1986.

JAMES, 1977 — James E. The Merovingian Archaeology of South-West Gaul. Part 2 // BAR. Supplementary series. V. 25 (II). Oxford, 1977.

JANTZEN, 1947 — Jantzen H. Ottonische Kunst. Munchen, 1947.

JERUSALEM — Jerusalem. Rome. Constantinople. Colloque du Departement d'Etudes Medievales de l'universite de Paris-Sorbonne. Paris,

KAHLER, 1967 — Kahler H. Hagia Sophia. N.-Y., 1967.

KAHSNITZ, 1991 — Kahsnitz R. Ein Bildnis der Theophanu // KT. Bd. 2.

KAJMAKOVIC, 1981 — Kajmakovic Z. Drina u doba kosaca. (Novi archeolosko arhitektonski spomenici) // Nase starine. T. 14, 15. Sarajevo, 1981.

KAUTZCH, 1938 — Kautzch R. Der Dom zu Worms. Bd. 1–3. Berlin, 1938.

KIRCHLICHEN, 1938 — Kirchlichen Denkmaler der Stadt Trier. Dusseldorf, 1938.

KIRCHENKUNST, 1989 — Kirchenkunst des Mittelalters: Erhalten und Erforhen: Katalog zur Ausstellung des Diozesan-Museums Hildesheim. Hildesheim, 1989.

KIRCHENSCHATZE, 1991 — Kirchenschatze in Deutschland und Osterreich. Augsburg, 1991.

KLAUSER, 1971 — Klauser Th. Die Cathedra im Totenkult der Heidnischen und Christlichen Antike. Munster, 1971.

KOLLING, 1992 — Kolling A. Das Spatlatenezeitliche Graberfeld von Perl // Der Kreis Merzig-Wadern und die Mosel Zwischen Nenning und Metz. Stuttgart, 1992.

KOLLWITZ, HERDEJURGEN, 1979 — Kollwitz J., Herdejurgen H. Die Sarkophage der Westlichen Gebiete des Imperium Romanum. 2 Teil. Die Ravennatischen Sarkophage. Berlin, 1979.

KRAUSS, 1966	Krauss S. Talmudische Archeologie. Bd. 2. Hildesheim, 1966.
KROOS, 1985	Kroos R. Der Schrine des Heiligen Servatius in Maastricht und die Vier Zugehorigen Reliquiare in Brussel. Munchen, 1985.
KRUSE, 1861	Elert Kruse's Warhafftiger Gegenbericht. Riga, 1861.
KOSEL, 1991	Kosel K. Der Augsburger Domkreuzgang und seine Denkmaler. Sigmaringen, 1991.
KUBACH, 1974	Kubach H. E. Der Dom zu Speyer. Darmstadt, 1974.
KUBACH, HAAS, 1972	Kubach H. E., Haas W. Der Dom zu Speyer. Bd. 2. Berlin, 1972.
KUBACH, VERBEEK, 1976	Kubach H. E., Verbeek A. Romanische Baukunst an Rhein und Maas. Bd. 3. Berlin, 1976.
KUHNEL, 1987	Kuhnel B. From the Earthly to the Heavenly Jerusalem: Representations of the Holy Site in Christian Art of the First Millenium. Rom-Freiburg-Wien, 1987.
LANG, 1991	Lang J. York and Eastern Yorkshire // CASS, V. 3. 1991.
LANGE, 1955	Lange B. C. Gravmonumenter fra Tidling Middelalder // Viking. 1955.
LAPEYRE, 1960	Lapeyre A. Des facades occidentales de Saint-Denis et de Chartres aux portals de Laon. Macon, 1960.
LARRIEU, 1968	Larrieu M. Decouverte, a lectoure, d'un nouveau sarcophage sculpte del'ecole d'Aquitaine // Cahiers. T. 18. 1968.
LASKO, 1971	Lasko P. The Kingdom of the Franks. N.-Y., 1971.
LASKO, 1987	Lasko P. The Tomb of St. Bernward of Hildesheim // Romanesque and Gothic: essays for George Zarnecki. V. I (text), V. 2 (ill.). Woodbridge, Suffolk, 1987.
LECLERCQ, 1907	Leclercq H. Manuel d'archeologie chretienne. T. 1. Paris, 1907.
LEGNER, 1982	Legner A. Deusche Kunst der Romanic. Munchen, 1982.
LEITNER, 1982	Leitner F. W. Die Inschriften des Bundeslandes Karnten. Teil 1. Munchen, 1982. (DI. Bd. 21)
LENZ, 1970	Lenz W. Deutschbaltisches Biographisches Lexicon: 1710-1910. Koln-Wien, 1970.
LEOPOLD, 1991	Leopold G. Die Stiftskirche der Konigin Mathilde in Quedlinburg / / Fruhmittelalterliche Studien. Bd. 25. Berlin-N.-Y., 1991.
LEOPOLD, SCHUBERT, 1984	Leopold G., Schubert E. Der Dom zu Halberstadt bis zum Gotischen Neubau. Weinheim, 1984.
LEXIKON	Lexikon der Christlichen Ikonographie. Rom-Freiburg-Basel-Wien, Bd. I. 1968; Bd. II. 1970; Bd. III. 1971; Bd. IV. 1972.
LOUIS R., 1954	Louis R. La visite des saintes femmes au tombeau // Memoires de la Societe Nationale des Antiquaires de France. S. 19. T. 3. Paris, 1954.

LOWRIE, 1947 Lowrie W. Art in the Early Church. N.-Y., 1947.

LUTZ, 1976 Lutz D. Die Inschriften der Stadt Rothenburg ob der Tauber // Munchen, 1967. (DI. Bd.15)

MACRIDY, 1964 Macridy J. The Monastery of Lips (Fenari Isa Camii) // DOP. V. 18. 1964.

MALE, 1976 Male E. Religious Art in France. The XII-th century. Princeton, N.J., 1976.

MALE, 1984 Male E. Religious Art in France. The XIII-th century. Princeton, N.J., 1984.

MALE, 1986 Male E. Religious Art in France. The Late Middle Ages. Princeton, N.J., 1986.

MAGUIRE, 1992 Maguire H. The Mosaics of Nea Moni: An Imperial Reading // DOP. V. 46. 1992.

MANGO, 1963 Mango C. Antique Statuary and the Byzantine Beholder // DOP. V. 17. 1963.

MAURIN, THAURE, 1980 Maurin L., Thaure M. Inscriptions revisees ou nouvelles du Musee de Saintes // Gallia. T. 38. 1980.

MAZZOTTI, 1986 Mazzotti M. S. Apollinare in Classe: indagini e studi degli ultimi trent'anni // RivACr. T. 62 (1-2). 1986.

MC CANN, 1978 Mc Cann A.-M. Roman Sarcophagi in the Metropolitan Museum of Art. N.-Y., 1978.

MEGAW, HAWKINS, 1962 Megaw A. H. S., Hawkins E. J. W. The Church of the Holy Apostles at Perachorio, Cyprus, and Its Frescoes // DOP. V. 16. 1962.

MEGAW, 1963 Megaw A. H. S. Notes on Recent Work of the Byzantine Institute in Istambul // DOP. V. 18. 1963.

MENDE, 1983 Mende U. Die Bronzeturen des Mittelalters. 800-1200. Munchen, 1983.

MENDEL, 1966 Mendel G. Catalogue des sculptures Greques, romaines et byzantines Musees Imperiaux Ottomans. V. 1–3. Roma. 1966.

MEYERS, 1971 Meyers E. M. Jewish Ossuaries: Reburial and Rebirth. Secondary Burials in Their Ancient Near Eastern Setting. Rome, 1971.

MILETIC, 1957 Miletic M. Krstjani di Bosnia alle luce dei loro monumenti di pietra. Roma, 1957.

MOBIUS, 1979 Mobius H. Passion und Auferstehung in Kultur und Kunst des Mittelalters. Wien, 1979.

MONTELIUS, 1903 Montelius O. Die Alteren Kulturperioden in Orient und in Europa. Bd. 2 Stockholm, 1903.

MORRIS, 1992 Morris J. Death-ritual and Social Structure in Classical Antiquity. Cambridge, 1992.

MUSEUM, 1992 — Museum fur Spatantike und Byzantinische Kunst: Staatliche Museen zu Berlin. Mainz, 1992.

NEBENZAHL, 1986 — Nebenzahl K. Maps of the Holy Land: Images of Terra Sancta through Two Millennia. N.-Y., 1986.

NELLI, 1966 — Nelli R. Le Musee du Catharisme. Toulousse, 1966.

NERO, 1971 — Nero D. Il Santo Sepolcro riprodotto in Occidente. Jerusalem, 1971.

NEU-KOCK, 1991 — Neu-Kock R. Secundum postlationem et desiderium cordis eius... (Das Grab Erzbischof Brunos in St. Pantaleon) // KT. Bd. I.

NEUMULLERS-KLAUSER, 1970 — Neumullers-Klauser R. Die Inschriften der Stadt und des Landkreises Heidelberg. Stuttgart, 1970. (DI. Bd. 12)

NEUMULLERS-KLAUSER, 1977 — Neumullers-Klauser R. Die Inschriften des Rhein- Neckar Kreises (II). Munchen, 1977. (DI. Bd. 16)

NEUMULLERS-KLAUSER, 1983 — Neumullers-Klauser R. Die Inschriften des Enzkreis bis 1650. Munchen, 1983. (DI. Bd. 22)

NEUMULLERS-KLAUSER, 1992 — Neumullers-Klauser R. Die Inschriften des Landkreises Calw. Wiesbaden, 1992. (DI. Bd. 30)

NEUSS, 1926 — Neuss W. Die Kunst der Alten Christen. Augsburg, 1926.

NICHOLS, 1994 — Nichols A. E. Seeable Signs: the Iconography of the Seven Sacraments, 1350–1544. Woodbridge, Suffolk, 1994.

NIKITSCH, 1993 — Nikitsch E. J. Die Inschriften des Landkreises Bad Kreuznach Wiesbaden, 1993. (DI. Bd. 34)

NISTERS-WEISBECKER, 1983 — Nisters-Weisbecker A. Die Grabsteine des 7–11. Jahrhunderts am Niederrhein // Bonner Jahrbucher. Bd. 183. Koln, 1983.

NOLAN, 1990 — Nolan K. Narrative in the Capital Frieze of Notre-Dame at Etampes // Art Bul. V. 71 (2). 1990.

NORDHAGEN, 1990 — Nordhagen J. The «Cross under Arch» Motif in Early Medieval Art and its Origin // Studies in Byzantine and Early Medieval Painting. London, 1990.

NOTARIATS, 1862 — Notariats Instrument uber die Aussage zweier Landes-Verrather... // Archiv fur die Geschichte Liv.- Esth.- und Curlands. Neue folge. Bd. 2. Reval, 1862.

NOVELLI, 1976 — Novelli S. C. La Cattedrale ed i marni Carolingi di Torino nelle date dell'episcopato di Claudio L'Iconoclasta // Cahiers. T. 25, 1976.

O'MEARA, 1977 — O'Meara C. F. The Iconography of the Facade of Saint-Gilles- du-Gard. N.-Y.–London, 1977.

ORNAMENTA, 1985 — Ornamenta Ecclesiae: Kunst und Kunstler der Romanic. Bd. 1-3. Koln, 1985.

OTTAWAY, 1983 — Ottaway P. A Burial from the South Aisle of Winchester Cathedral // Ant. J. V. 139 (1982). London, 1983.

OURSEL, 1982 — Oursel R. Routes romanes. T. 1–3. St. Leger-Vauban, 1982.

PAFFGEN, 1992 — Paffgen B. Die Ausgrabungen in St. Severin zu Koln. Teil 1. Mainz am Rhein, 1992.

PANOFSKY, 1964 — Panofsky E. Tomb Sculpture. N.-Y., 1964.

PANOFSKY, 1994 — Panofsky E. Renaissance and Renascences in Western Art. N.-Y., 1994.

PATTISON, 1973 — Pattison I. R. The Nunburnholme Cross and Anglo-Danish Sculpture in York // Archaeologia. T. 104. London, 1973.

PERIN, 1987 — Perin P. Des necropoles romaines tardives aux necropoles du Haut- Moyen Age // Cahiers. T. 35. 1987.

PERIN, 1985 — Perin P., Velay P., Renon L. Collections Merovingiennes. Catalogues d'art et d'histoire du musee Canavalet. Paris, 1985.

PETROVIC, 1970 — Petrovic P. Z. Srpski mitoloski rechnik. Beograd, 1970.

PETRUCCI, 1964 — Petrucci A. Cattedrali di Puglia. Roma, 1964.

PICARD, 1988 — Picard J.-Ch. Le souvenir des eveques: sepultures, listes episcopales et culte des eveques en Italia du Nord de origines au X siecle. Rome, 1988.

PINDER, 1973 — Pinder Wilson R. H. The Reliquary of St. Petros and the Ivories of Norman Sicily // Archaeologia. T. 104. 1973.

PIUSSI, 1977 — Piussi S. Il Santo Sepolcro di Aquileia // Aquileia e l'oriente Mediterraneo. Udine, 1977. (AA XII; SSA, 7, 1976)

PLATT, 1981 — Platt C. The Parish Churches of Medieval England. London, 1981.

POGGIBONSI, 1945 — Fra Niccolo da Poggibonsi: il Libro d'Oltramare. Jerusalem, 1945 (Studium Biblicum Franciscanum, 2)

PORTER, 1923 — Porter A. K. Romanesque Sculpture of the Pilgrimage Roads. V. 1–10. Boston, 1923.

PRITCHETT, 1907 — Pritchett H. D. Sculptured Stones at Wicliffe // YAJ. V. 19. 1907.

PUIG-I-CADAFALCH, 1961 — Puig-i-Cadafalch J. L'art wisigothique et ses survivances. Paris, 1961.

QUELLEN, 1879 — Quellen zur Geschichte des Untergangs livlandischer Selbstandigkeit. Bd. 6. Reval, 1879.

QUELLEN, 1901 — Quellen und Darstellungen zur Geschichte Niedersachsens. Hannover-Leipzig, 1901.

RAHTZ, HIRST, 1976 — Rahtz Ph., Hirst S. Bordesley Abbey. (First report on excavations 1969-1973) // BAR. V. 23. Oxford, 1976.

RAMM, 1971 — Ramm H. G. The Tomb of Archbishops Walter de Gray (1216–1255) and Godfrey de Ludham (1258–1265) in York Minster and their Contents // Archaeologia. V. 103. London, 1971.

REALLEXIKON — Reallexikon zur Byzantinischen Kunst. Bd. 1–5. Stuttgart, 1966-1993.

REICH, 1992 — Reich B. Caiaphas Name Inscribed on Bone Boxes // Bibl.A.R. № 5. 1992.

RENDEO, 1943 — Rendeo J. Simbolika stapa na steccima // Hrvatski planinar. T. 39. Sagreb, 1943.

RENNER, 1953 — Renner J. Livlandische Historien: 1556–1561. Lubeck, 1953.

RIGAUD, 1988 — Rigaud J.-P. Gironde // Gallia informations. 1987/88. T. 1. Paris, 1988.

RODWELL, 1981 — Rodwell W. The Archaeology of the English Church. London, 1981.

RODWELL, 1989 — Rodwell W. English Heritadge Book of Church Archaeology. London, 1989.

SAINT BERNARD, 1990 — Saint Bernard and Le Monde Cistercien. Paris, 1990.

SALIN, 1952 — Salin E. La civilisation merovingienne d'apres les sepultures, les textes et le laboratoire. Part 2. Paris, 1952.

SCHAFER-SCHUCHARDT, 1987 — Schafer-Schuchardt H. Die Figurliche Steinplastic des 11–13. Jahrhunderts in Apulien. Bari, 1987.

SCHETTINI, 1946 — Schettini F. La scultura pugliese dall'XI al XII secolo. Bari, 1946.

SCHILLER, 1971 — Schiller G. Ikonographie der christlichen Kunst. Bd. 3. Gutersloh, 1971.

SCHILLER, 1972 — Schiller G. Iconography of Christian Art. V. 2. Greenwich, Connecticut, 1972.

SCHWARTZBAUM, 1981 — Schwartzbaum E. Three Tournai Tombslabs in England // Gesta. V. 20. 1981.

SCHUBERT, 1965 — Schubert E. J. Die Inschriften des Landkreises Naumburg an der Saale. Berlin-Stuttgart, 1965. (DI. Bd.9)

SEELIGER, 1958 — Seeliger S. Pfingsten: die Ausgiessung des Heiligen Geistes am funfzigsten Tage nach Ostern. Dusseldorf, 1958.

SEELIGER-ZEISS, SCHAFFER, 1986 — Seeliger-Zeiss A., Schaffer H. U. Die Inschriftendes Landkreises Ludwigsburg. Wiesbaden, 1986. (DI. Bd. 25)

SEVCENKO, 1984 — Sevcenko N. P. Foreword // GOTR. V. 29, № 2. 1984.

SEYMOUR, 1977 — Seymour D. Torre Abbey. Torguay, 1977.

SHEIGON, 1987 — Sheigon P. The Easter Sepulchre in England. Kalamazoo, 1987.

SIMMER, 1987 — Simmer A. La necropole merovingienne d'Audun-Le-Tiche // Cahiers. T. 35. 1987.

SOMMER, 1978 — Sommer J. St. Michael zu Hildesheim. Konigstein im Taunus, 1978.

SPLEUNDER, 1982 — Spleunder de Byzance. Bruxelles, 1982.

STAMM-SAURMA, 1988 — Stamm-Saurma L. E. Die «auctoritas» des Zitates in der Bernwardinischen Kunst // Bernwardinische Kunst. Gottingen, 1988.

STODDARD, 1987 — Stoddard W. S. Sculptors of the West Portals of Chartres Cathedral. N.-Y., 1987.

STRIKER, 1981 — Striker C. L. The Myralaion (Bodrum Camii) in Istambul. Princeton, N.J., 1981.

STRIKER, DOGAN KUBAN, 1975 — Striker C. L., Dogan Kuban Y. Work at Kalenderhane Camii in Istambul: Fifth Preliminary Report (1970–1974) // DOP. T. 29. 1975.

SWARZENSKI, 1967 — Swarzenski H. Monuments of Romanesque Art. Chicago, 1967.

TAVANO, 1986 — Tavano S. Aquileia e Grado. Trieste, 1986.

TCHERIKOVER, 1979 — Tcherikover A. Two Romanesque Ivory Combs // JBAA. T. 132. London, 1979.

TETERIATNIKOV, 1984 — Teteriatnikov N. B. Burial Places in Cappadocian Churches // GOTR. Vol. 29. 1984.

TIMMERS, 1971 — Timmers J. J. M. De Kunst van bet Maasland. Assen, 1971.

LE TRESOR, 1991 — Le Tresor de Saint-Denis. Paris, 1991.

UNDERWOOD, 1959 — Underwood P. A. Notes on the Work of the Byzantine Institute in Istambul: 1957 // DOP. T. 13. 1959.

VAN DER HORST, 1992 — Jewish Funerary Inscriptions // Bibl.A.R. № 5. 1992.

VALEVA, 1986 — Valeva J. La Tombe aux Archanges de Sofia. (Significetion eschatologique et cosmogonique du decor // Cahiers. T. 34. 1986.

VASILIEV A. A., 1948 — Vasiliev A. A. Imperial Porphyry Sarcophagi in Constantinople // DOP. T. 4. 1986.

VEGO, 1957 — Nadgrobni spomenici porodice Sankovica u selu Biskupu kod Konjica // GZM, Arheologija. Nov. Ser. Sv. 12. 1957.

VEGO — Zbornik srednjovjekovnih nadpisa Bosne i Hercegovine. Sarajevo. Kn. 1.1962. Kn. 2.1963. Kn. 3.1964. Kn. 4.1970.

VERGESSENE, 1990 — Vergessene Zeiten: Mittelalter im Ruhrgebiet. Bd. I–2. Essen, 1990.

VINACCIA, 1915 — Vinaccia A. I monumenti medioevali di Terra di Bari. V. 1. Bari, 1915.

VOIGTLANDER, 1989 — Voigtlander K. Die Stiftskirche St. Servatius zu Quedlinburg. Berlin, 1989.

VOLBACH, 1936 — Volbach V. F. Sculture medioevale della Campania // Rendiconti della Pontifica Academia Romana di Archeologia. T. 12. Roma, 1936.

WACKERNAGEL, 1911 — Wackernagel M. Die Plastik des XI. und XII. Jahrhunderts in Apulien. V. 2. Leipzig, 1911.

WARICHEZ, 1934 — Warichez J. La cathedrale de Tournai. Partie 1. Bruxelles, 1934.

WESENBERG, 1955	Wesenberg R. Bernwardinische Plastik. (Zur Ottonischen Kunst unter Bischof Bernward von Hildesheim). Berlin
WENZEL, 1962	Wenzel M. Bosnian and Herzegovinian Tombstones: Who Made Them and Why // Sudost-Forschnungen. Bd. 21. Munich, 1962.
WENZEL, 1965	Wenzel M. Ukrasni motivi na steccima. Sarajevo, 1965.
WESTFEHLING, 1982	Westfehling U. Die Messe Gregors des Grossen. Koln, 1982.
WILKINSON, 1972	Wilkinson J. The Tomb of Christ. An Outline of the Structural History // Levant. T. IV. London
WILKINSON, 1977	Wilkinson J. Jerusalem Pilgrims before the Crusades. Warminster, 1977.
WILKINSON, 1988	Wilkinson J. Jerusalem Pilgrimage, 1099–1185. London, 1988.
WILLIAMSON, 1982	Williamson P. Elfenbeinschnitzereien aus dem Mittelalter. (Victoria and Albert Museum, London.) Bern, 1982.
WILLIS, 1849	Willis R. The Architectural History of the Church of the Holy Sepulchre in Jerusalem. London, 1849.
WOLF, 1993	Wolf S. R. Archaeology in Israel // AJA. V. 97. 1993.
WORMALD, 1973	The Winchester Psalter. London, 1973.
YEAR 1200, 1970	The Year 1200. V. 1–2. N.-Y., 1970.
YEGUL, 1974	Yegul F. K. Early Byzantine Capitals from Sardis. (A Study on the Ionic Impost Type) // DOP. V. 28. 1974.
YOUNG, 1988	Young B. K. Sacred Topography and Early Christian Churches in Late Antique Gaul // First Millenium Papers: Western Europe in the First Millenium A. D. Oxford, 1988.
ZAJADACZ-HASTENRATH, 1978	Zajadacz-Hastenrath S. Chaukhandigraber. (Studien zur Grabkunst in Sind und Baluchistan). Wiesbaden, 1978.
ZARNECKI, 1979	Zarnecki G. Romanesque Sculpture at Lincoln Cathedral // Zarnecki G. Studies in Romanesque Sculpture. London, 1979.
ZARNECKI, 1986	Zarnecki G. Henry of Blois as a Patron of Sculpture // Art and Patronage in he English Romanesque. London, 1986.
ZARNECKI, 1988	Zarnecki G. Romanesque Lincoln. The Sculpture of the Cathedral. Lincoln, 1988.
ZERAVICA, 1982	Zeravica L. Grobovi ispod stecaka na Pavlovcu kod Sarajeva // GZM. Arheologija. Nov. Ser. Sv. 37. 1982.
ZEIT DER HABSBURGER, 1979	Die Zeit der Fruhen Habsburger: Dome und Kloster. 1279–1379. Wien, 1979.
ZULIANI, 1985	Zuliani F. Nicolaus, Venezia e Bisancio // Nicolaus e l'arte del suo tempo. V. 2. Ferrara, 1985.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	Археологические открытия
АПМП	Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М.
АС	Археологический съезд
Византия	Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Сборник статей в честь В. Н. Лазарева. М. 1973.
ГММК МИ	Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования.
ЗОРСА	Записки Отделения русской и славянской археологии Имп. Русского археологического общества.
ДРИ	Древнерусское искусство.
ИА	Институт археологии.
ИАК	Известия Императорской Археологической комиссии.
ИБАИ	Извстия на Болгарски археологический институт.
ИВРК	Иерусалим в истории русской культуры. М. 1994.
КММ	Коломенское. Материалы и исследования. М.
КСДП	Комиссия по сохранению древних памятников Московского археологического общества.
КСИА	Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
МАО	Московское Археологическое общество.
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР.
МИАМ	Материалы и исследования по археологии Москвы.
МИгМ	Музей истории города Москвы.
МН.	Московский некрополь. Сборник статей. М., 1991.
НЭ	Нумизматика и эпиграфика. М.
ОИМ	Отчет Исторического музея. М.
ПКНО	Памятники культуры. Новые открытия.

ПЛДР. 1980	Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980.
ПЛДР. 1981	Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1981.
ПЛДР. 1986	Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986.
ПЛДР. 1994	Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 3. М., 1994.
ПРАМИ	Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М.
ПСЗРИ	Полное собрание законов Российской империи.
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей.
РА	Российская археология. М.
РАА	Реставрация и архитектурная археология. М.
РАИК	Русский Археологический институт в Константинополе.
РАН	Российская Академия Наук.
РАНИОН	Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. Л.
РИПК	Реставрация и исследования памятников культуры. М.
СА	Советская археология. М.
СлРЯ	Словарь русского языка XI–XVII вв. М.
СКДР	Словарь книжников Древней Руси.
СЗМ	Сообщения Загорского музея-заповедника. Загорск.
СРМ	Сообщения Ростовского музея. Ростов.
ТОДРЛ	Труды Отдела древнерусской литературы. «Пушкинский Дом». РАН. СПб.
ФС	Ферапонтовский Сборник. Ферапонтово.
ЦА	Церковная археология: Материалы 1 Всероссийской конференции. СПб.-Псков, 1995.
ЧОИДР	Чтения в Обществе истории и древностей российских. М.
ЧОЛДП	Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. М.
AA	Antichita Altoadriatiche. Udine, Italy.
Ant J	Antiquaries Journal. London.
Arch J	Archaeological Journal.
AJA	American Journal of Archaeology. Boston.
Art Bul	Art Bulletin. New York
BAA	British Archaeological Association.
BAR	British Archaeological Report.
Bibl.A.R.	Biblical Archaeology Review. Oxford.
Cachiers	Cachiers archeologiques. Paris.
CASS	Corpus of Anglo-Saxon Stone Sculpture in England. V. 1. part 1–2. 1984. V.2.1988. V.3.1991. Oxford.
CBA RR	Council for British Archaeology. Research Report.
DI	Deutsche Inschriften.
DOP	Dumbarton Oaks Papers. Washington.
GOTR	Greek Orthodox Theological Review.
GZM	Glasnik Zemalskogo Museja. Sarajevo.
JBBA	Journal of the British Archaeological Association. London.
KT	Kaiserin Theophanu: Begegnung des Ostens und Westens um die Wende des ersten Jahrtausends. Bd. 1–2. Koln. 1991.

MMA	Metropolitan Museum of Art
MMJ	Metropolitan Museum Journal. New York.
RivACr	Rivista di archeologia cristiana. Roma.
SNSBH	Srednjevjekovni nadgrobni spomenici Bosne j Herzegovine.
SSA	Settimana di studi aquileiesi. Aquileia, Italy.
YAJ	Yorkschire Archaeological Journal.

СВОДНЫЙ ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ К НАДПИСЯМ НАДГРОБИЙ РУСИ XV–XVII ВВ.

Индекс не претендует на полноту и носит сугубо предварительный характер. Предпочтение отдается сводкам, содержащим дальнейшую библиографию. По возможности собраны последние работы. Старые работы привлекаются, если их материал не был включен в сводки наших предшественников. Индекс можно рассматривать как продолжение указателя В. Б. Гиршберга, расширенное на территорию всей Руси. Особое внимание уделено памятникам Москвы и ее окрестностей.

Мы стремились собрать сведения прежде всего о памятниках, изученных "археологически" и опубликованных вместе с материалами их фиксации, избегая простых списков погребённых. Поэтому не включены старые списки собраний, монастырских и церковных кладбищ, требующие специальной обработки.

В дальнейшем индекс может стать не просто сводом плит, но "средневековым некрополем Руси", включив надписи на керамидах, иконах, фресках; стенные граффити; редкие пока деревянные саркофаги и кресты; данные рукописей XVI–XVII вв. — Синодиков, Обиходников и др.

Публикации индекса предполагается вести "нарастающим итогом" — повторяя каждый раз все приведённые в данной книге сведения после соответствующих проверок, исправлений и дополнений. Надеемся, что в пополнении списка примут участие коллеги — читатели.

Сокращения: **в. кн.** — великий князь; **дв.** — дворянин; **еп.** — епископ; **кн.** — князь; **к-ня** — княгиня; **мл.** — младший; **млнц** — младенец; **мон.** — монастырь; **м-ря** — монастыря; **ст.** — старший; **схмк** — схимник; **схца** — схимница; **ц-ч** — царевич.

Ключ к библиографическим отсылкам

Курсивом в Указателе 1 даны имена из Каталога. Также обозначены отсылки к именам на текст книги. Ссылки на Каталог указывают только номер плиты. Литература дана в "Указателе" с сокращениями (первые буквы фамилии автора и две последние цифры года публикации). Во избежании путаницы даём раскрытие до уровня, принятого в книге:

Арцх. 36 = Арциховский, 1936
Бел. 11 = Белокуров, 1911
Гавр. 85 = Гаврилов, 1985
Гирш. 1 = Гиршберг — 1
Гирш. 2 = Гиршберг — 2
Гирш. 52 = Гиршберг, 1952
Гирш. 54 = Гиршберг, 1954
Гращ. 87 = Гращенков, 1987
Дрбг 88 = Дрбоглав, 1988
Дуб. 55 = Дубынин, 1955
Ерм. 78 = Ермонская, 1978
Зол. 60 = Золотов, 1960
Зол. 61 = Золотов, 1961
Зол. 62 = Золотов, 1962
Зол. 63 = Золотов, 1963
Зол. 84 = Золотов, 1984
Зол. 86 = Золотов, 1986
Зол. 87 = Золотов, 1987
Зол. 96 = Золотов, 1996
Кав. 89 = Кавельмахер, 1989
Кол. 90 = Колышницын, Молчанов, 1990
Комп. 88 = Компанец, 1988
Комп. 90 = Компанец, 1990
Кург. 94 = Курганова, 1994
Мак. 904 = *Макаренко,* 1904
Маш. 12 = *Машков,* 1912
Мих. 13 = *Михайлов,* 1913
Ник. 58 = *Николаева,* 1958
Ник. 60 = *Николаева,* 1960
Ник. 88 = *Николаева,* 1988
Пан. 87 = *Панова,* 1987
Пан. 90а = *Панова,* 1990а
Пор. 39 = *Порфиридов,* 1939
Ром. 92 = *Романов,* 1992.
Сал. 94 = *Салимов,* 1994
Сед. 78 = *Седов,* 1978
Сед. 82 = *Седов,* 1982
Смир. 71 = *Смирнов,* 1871
Сок. 78 = *Соколов,* 1978
Тр. 91 = *Трубникова,* 1991
Шил. 79 = *Шилов,* 1979
Шл. 06 = *Шляпкин,* 1906
Щеп. 07 = *Щепкин,* 1907
Янин 88 = *Янин,* 1988

Абрамов, Сергий — см. Сергий
Авдотья (Авидотья) — Зол. 87 Рис. 1
Агапий Иванович слуга кн. И. М. Глинского — Ник. 66 № 22
Агафия, княжна — Гирш. 1 № 121
Аграфена — см. Огрофена к-ня (Хворостинина?)
Аграф(о)ния Су(мин?)а— жена Ивана Федоровича Су(мин)а— ВПм № 12
Аг...на Андревна, жена Петра В. Ромодановского — Гирш. 54 № 26
Акиндин — см. Александра Леонтьева дочь
Акинфовы:
Андрей Павлович — Гирш. 2 № 261
Павел — Гирш. 2 № 261
Татьяна Федоровна, дочь Ф. Елагина — Гирш. 2 № 261
Аксаков Левонтей Иванович — Бм № 23
Аксакова Улияна, жена Л. И. Аксакова — Бм № 23
Аксентий отец Ирины, жены Г. В. Бирюкова — Лев. № 15
Аксинья ("Оксиня") попадья — Гирш. 1 № 15
Аксинья Богданова — жена И. А. Большаго Вельяминова — Гирш. 54 № 5
Александр Афо...тов — Гирш. 2 № 143
Александра, Леонтьева дочь Акиндина, схца Анна — Гирш. 2 № 252
Александра инока — см. Ирина Захарьина
Александра схца — см. Анастасия Мстиславская
Алексеев Иван, государева слова писец — Зол. 63. С. 310
Алексеев, Юрий Романов — *139, 212, 249,* Гирш. 1 № 11,
Алексей Михайлович, ц-ч, сын царя Михаила Федоровича — Гирш. 2 № 229, 239
Алексей Михайлович, царь — *340, 343,* Гирш. 2 № 260
Алуев Яков, отец Я. Я. Алуева — Гирш. 2 № 147
Алуев Яков Яковлевич, сын — Гирш. 2 № 147
Анастасия — Гирш. 1 № 89
Анастасия Ивановна — царица, см. Анастасия Мстиславская
Анастасия схца, жена Романа Юрьевича — Гирш. 1 № 135
Анастасия, жена Ивана IV — Гирш. 1 № 124
Андреев Артемон Сергеевич — Гирш. 2 № 240
Андреева Екатерина — млнц, дочь А. С. Андреева — Гирш. 2 № 240
Андрей отец Аг...ны, жены П. Г. Ромодановского — Гирш. 54 № 26
Андрей — см. Арсенев
Андрей Иванович — Гирш. 54 № 28
Андрей Федоров сын — Гирш. 2 № 200
Андрейян (Ондрейян) инок — см. А. И. Трубецкой
Анисим житник, сын И(?)ин — Дм № 9
Анна, девица, дочь Феодоро(ва) — Арцх 36 Рис. 102
Анна, дочь царя Василия Ивановича — Гирш. 2 № 155
Анна, дочь Ивана IV — Гирш. 1 № 47
Анна, жена И. Ю. Шигоны-Поджогина — см. Еуфимей "Аннин человек"
Анна, Моисеева дочь, попадья Успенского попа Иосифа — Ром. 92
Антипов Петр Федоров сын, Казенной слободы тяглец, суроженин — Зол. 87 Рис. 5
Арс(е)нев Онтоней Тимофеев сын — *250,* Гирш. 1 № 118
Арсенев Андрей— Дм № 206
Артамоновы:
Игнатий — Гирш. 2 № 257
Федор Игнатьевич, успенский поп — Гирш. 2 № 257
Евфимия Федоровна, дочь Ф. И. Артамонова — Гирш. № 257
Артемий — см. Терентий тяглец — Гирш. 2 № 253
Атрепьев Иван— ВПм № 13
Атрепьева Окулина — ВПм № 13
Баим — см. Воейков Е. В.
Барднишлев Андрей Афанасьевич — Гирш. 54 № 4
Барднишлев Афанасий — Гирш. 54 № 4
Баскаков Григорий — отец К. Г. Баскакова
Баскаков Константин Григорьев сын, человек М. Я. Черкасского — Арцх. 36 С. 164
Басманов Иван Федорович, окольничий — Гирш. 2 № 243
Басманов Федор, отец И. Ф. Басманова — Гирш. 2 № 243
Беззубцев Александр (Константинович?), отец И. Беззубцева — ВПм № 7
Беззуб(о)цов Иван Александрович, инок Иона — ВПм № 7
Безобразовы:
Андрей — Гирш. 2 № 241
Иван Андреевич — Гирш. 2 № 241
Гликерия Ивановна, дочь Ивана Андреевича и Марьи — Гирш. 2 № 241
Марья, жена Ивана Андреевича — Гирш. 2 № 241
Бекбулат — отец царя Симеона Бекбулатовича — Гирш. 2 № 169
Бельские, князья:
Анна — Гирш. 1 № 125
Иван — Гирш. 1 № 128
Иван Дмитриевич — Гирш. 1 № 125
Федор Иванович — Гирш. 1 № 128
Бибиков инок Герасим — Ник. 66 № 23
Бибиков инок Ферапонт — Шил. 79 № 3
Бирюков Василий отец Г. В. Бирюкова — Лев. № 15
Бирюков Григорий Васильев сын трубчевский житель — Лев. № 15
Большой см. Вельяминов Большой
Борис, отец жены Д. Т. Трубецкого — Гирш. 2 № 171
Борис, отец схцы Ворвары — Гирш. 2 № 153
Борис Васильевич князь суздальский — Ник. 66 № 2
Борисов, Василий — Гирш. 1 № 75
Борисова, инока Варсонофия, жена Василия Борисова — Гирш. 1 № 75
Бородатый — прозвище, см. Степан
Борщова (Ульяна?), жена кн. В. Ухтомского— СК № 7

Боташев-Безбородый Савва — Ник. 66 № 25
Булуш— см. Челищев С. Г.
Бутурлины, род: *250*
Бутурлины:
Григорий, отец Ф. Г. Бутурлина — Гирш. 2 № 220
Емельян Иванович — Гирш. 2 № 263
Иван отец И. И. Бутурлина — Гирш. 2 № 211
Иван Иванович — Гирш. 2 № 211
Никон Федорович, схмк Исайя — Гирш. 2 № 220
Федор Григорьевич — Гирш. 2 № 220
Евфимия Ивановна, жена Н. Ф. Бутурлина — Гирш. 2 № 220
Екатерина Васильевна — Гирш. 2 № 263
Марья Григорьевна, жена И. И. Бутурлина — Гирш. 2 № 211
Быкасов Андрей Тимофеевич,схмк Антоней— Дм № 7
Быкасов Григорий Тимофеевич— Дм № 8
Быкасова — схца Марфа, жена Г. Т. Быкасова — Дм № 8
Вагин Савва Омельянов сын, московский жилец — Гирш. 1 № 95
Вантеев, инок Галактион — Смир. 71 С. 421
Варвара — Гирш. 1 № 92
Варвара (схца Ворвара) Борисова дочь, псковка — Гирш. 2 № 153
Варвара, Иванова жена — Зол. 62 Рис. 1
Варлам инок — см. Шуйский В. В.
Варлам настоятель Владычного м-ря — Шил. 79 С. 214
Вар(санофий) инок — ВПм № 39
Варсанофий (Ворсунофей) игумен Владычного м-ря — Шил. 79 № 4
В(арсо)нофия игумения Вознесенского мон. — Гращ. 87 Рис. 2
Василий — Гирш. 1 № 70
Василий, отец Е. В. Бутурлиной — Гирш. 2 № 263
Василий, отец Анны, жены Б. Никулина — Гирш. 2 № 242
Василий, отец Мавры, жены Ф. И. Пожарского — Смир. 71 С. 422
Василий Назар... — Ник. 60 С. 186
Василий Иоаннович III, в. кн. — *130, 244,* Гирш. 1 № 28, № 123
Василий Попадья — см. Попадья
Василий Шуйский — см. Шуйский
Василье(в) — Гирш. 1 № 113
Васильев (или Васильевич) — Арцх. 36 С. 164
Вассиан инок — см. В. П. Головин
Вассиан инок — см. Емельянов сын
Васьян инок, иконник — Зол. 96
Васьян инок — см. Кулюбакин
Вельяминовы-Воронцовы — см. Воронцовы-Вельяминовы
Вельяминов Андрей Стефановиич — Гирш. 54 № 8
Вельяминова Анна Ивановна, дочь И. А. Вельяминова Большого — Гирш. 54 № 7
(Вельяминов?) Андрей Иванович — Гирш. 2 № 244
Вельяминов Большой Иван Андреевич — Гирш. 54 № 5, № 7
Вельяминов Воронцов Андрей— Бм № 24
(Вельяминов?) Иван — Гирш. 2 № 244
Вельяминов Никита Андреевич стольник — Гирш. 54 № 5 С. 101
Вельяминов Стефан — Гирш. 54 № 8
Вердеревский Василий Петрович, думный дв. — Гирш. 2 № 191
Вердеревский Петр — Гирш. 2 № 191
Верховитины, купеческий род:
Максим Филиппов сын, строитель церкви Максима Исповедника на Варварке — Зол. 87 С. 227
Виляновы:
Иван — Гирш. 2 № 206
Стефан млнц, сын А. И. Виляновой — Гирш. 2 № 206
Акилина Ивановна — Гирш. 2 № 206
Влас Софронов сын — Ник. 66 № 13
Власий архимандрит — *250,* Шил. 79 № 1
Воейков Евфимий (Баим) Васильевич — Ник. 66 № 21
Воейков Исидор сын Евфимия Васильевича — Ник. 66 № 21
Воинские:
Иван Иванович — Гирш. 2 № 221
Ульянея Ивановна, жена И. И. Воинского — Гирш. 2 № 221
Волыжка Иван Петров сын — см. Иван
Волконские, род:
Григорий Константинович — Гирш. 2 № 230
Константин — Гирш. 2 № 230
Мария Осиповна — жена Г. К. Волконского, дочь О. Т. Плещеева — Гирш. 2 № 230
Волынский Андрей Васильевич, (инок?) Наум — Смир. 71 С. 423
Волынский Василий — см. Андрей Васильевич Волынский
Воробьевы, род — *302*
Воробьев Василей (Вассиан) Александров сын— Бм № 19
Воробьев Григорий Шемет — *302*
Воробьева — жена В. А. Воробьева — Бм № 20
Воронцов Василий Феодорович — Смир. 71 С. 422
Воронцов Феодор — см. Воронцов Василий Феодорович
Воронцовы-Вельяминовы, род — *32, 285, 303*
Воронцовы-Вельяминовы:
Алексей Алексеевич— Бм № 33
Алексей Кириллович— Бм № 34
Евфимия Дмитриевна— Бм № 34
Иоанн Алексеевич— Бм № 31 см. также Вельяминовы
Воронь(и)ко — Сед. 78 С. 106
Воротынские, род — *32, 173, 174*
Воротынские, князья:
Агрепена, дочь Михаила Ивановича — Гирш. 1 № 68
Александр Иванович — Гирш. 1 № 66

Александра, дочь Владимира Ивановича — Гирш. 1 № 85
Алексей — Гирш. 2 № 259
Алексей Иванович — Гирш. 2 № 215, см. также Воротынский И. А.
Анастасия инока, дочь кн. Александра Ивановича — Гирш. 1 № 66
Владимир Иванович — *173,* Гирш. 1 № 85
Иван — Гирш. 2 № 215
Иван Алексеевич, сын Алексея Ив. Воротынского — Гирш. 2 № № 215, 259, Арцх. 36 С. 164
Иван Михайлович ст. — *32, 164,* Гирш. 1 № 31, 34, 99
Иван (Иона) Михайлович мл. — *32,* Гирш. 2 № 193
Логгин Михайлович — *173*
Марья жена И. М. Воротынского мл. — Гирш. 2 № 193
Михаил Иванович — *173,* Гирш. 1 № 68
Михаил (Иванович) — Гирш. 2 № 193
Наталья Федоровна — Тр. 91 С. 112
Екатерина, дочь Ивана Михайловича — Гирш. 1 № 34
Парасковея, дочь Ивана Михайловича — Гирш. 1 № 99
Стефанида, жена Михаила Ивановича — Гирш. 1 № 68
Всеволожские:
Астрадам Радивонович— ВПм № 41
Иван млнц— ВПм № 41
Наталия млнц — ВПм № 41
Вязметин — см. Ферапонт Вязметин
Гавриил (армянин)— Дм № 19а
Гагарин Афанасий Федорович — Гирш. 54 № 9
Гагарин... Семенович — Бм № 26
Гагарин Семен (Ветчина) Семенович — *305*
Гагарин Михаил (Турок) Семенович — *305*
Гагарин Федор — Гирш. 54 № 9
Гагарина Мавра Алексеевна, схца Марфа, жена А. Ф. Гагарина — Гирш. 54 № 9
Галактион инок — см. Вантеев.
Гвоздев — см. кн. И. Ф. Ростовский.
Геласий, митр. Сарский и Подонский — Гирш. 2 № 139
Геронтий (Еронтий) схмк — ВПм № 10
Глинская, княгиня — Гирш. 1 № 116
Глинские, княжеский род:
Анна жена И. М. Глинского, дочь И. Ф. Ростовского Гвоздева — Ник. 66 № 24
Василий Михайлович — Гирш. 1 № 116
Иван Михайлович, боярин царя Бориса Годунова — Ник. 66 № 23, 24, Шил. 79 № 5
Иван Михайлович (Глинский?) — Ник. 66 № 12
Михаил — см. Василий Михайлович, Иван Михайлович
Годунов Василий Иосифович — Ерм. 1978. С. 37
Годунов Никита — Ерм. 1978. С. 37
Годунова Анфиса схца старица — Гирш. 1 № 94
Голенищев-Кутузов Иван — Гирш. 2 № 268
Голенищев-Кутузов Федор Иванович — Гирш. 2 № 268
Голицыны:
Андрей Иванович кн. — Гирш. 1 № 87
Василий, отец В. В. Голицына — Ник. 58 № 14
Василий Васильевич — Ник. 58 № 14
Федор Андреевич кн. — Гирш. 1 № 87
Феодосья Андреевна — *22,* Тр. 91 С. 110
Головины, боярский род:
Агафия, инока Анисия, жена И. П. Головина — Бм № 32
Василий — Гирш. 2 № 188
Василий Петрович, инок Вассиан — Гирш. 2 № 159
Владимир — Гирш. 54 № 10
Дмитрий Владимирович — Гирш. 54 № 10
Иван Алексеевич меншой, стольник — Шил. 79 № 7
Иван Петрович— Бм № 32
Марфа Ивановна, схца Меремяна, жена Д. В. Головина — Гирш. 54 № 10
Петр отец В. П. Головина — Гирш. 2 № 159
Петр отец П. П. Головина — Гирш. 2 № 192
Петр Петрович схмк Павел — Гирш. 2 № 192
Семен Васильевич — Гирш. № 2 № 212
Ульяна (инока Елена) жена В. П. Головина — Гирш. 2 № 159
Федор Васильевич, окольничий — Гирш. 2 № 188
Головкины:
Ефросиня инока — Ник. 60 С. 184
Иосиф — Ник. 60 С. 184
Голохвастовы, род — *250*
(Горбатый) Василий Борисович кн. — Гирш. 1 № 14
Горихвостовы:
Григорий Иванович — Гирш. 2 № 160
Григорий Иванов сын — Гирш. 2 № 260
Елена жена Г. И. Горихвостова — Гирш. 2 № 160
Иван строитель церкви Успения на Успенском Вражке — Гирш. 2 № 160, 260
Прасковья Григорьевна, млнц — Гирш. 2 № 160
Григорей — *262*
Григорей — Гирш. 1 № 29
Григорей — Комп. 90 С. 10
Григорей Дмитриев сын, кольчужник — Гирш. 1 № 96
Григорий — см. тж. Еуфимия, Федор Григорьевич — Гирш. 2 № 202
Грид... Павел, Дмитриев сын, человек И. А. Воротынского — Арцх. 36 С. 163
Гросыви(н) Бориска — Гирш. 2 № 173
Груздев Григорий Иванов сын — Зол. 60
Груздев Иван — см. Григорий Иванов сын
Грязевы:
Андрей — Гирш. 2 № № 181, 182
Иван Кириллович, думный дьяк — Гирш. 2 № 218, 234
Ирина схца Александра, жена К. А. Грязева — Гирш. 2 № 182
Кирилл Андреевич, инок Киприан — Гирш. 2 № № 181, 182

Кирилл отец И. К. Грязева — Гирш. 2 № 218, 234
Пелагея жена И. К. Грязева — Гирш. 2 № 234
Губин-Моклоков Яков Никитич, муж Евдокии, дочери Г. Обарина — Гирш. 1 № 52
Губина-Моклокова Евдокия, дочь Г. Обарина, жена Якова Никитича — Гирш. 1 № 52
Даниил старец — Смир. 71 С. 420
Дарья юродивая, схца Марфа — Гирш. 2 № 231
Дарья — см. Неклюдова, Ерохова
Дарья жена И. И. Траханиотова — Гирш. 54 № 27
Дашков Федор Иванович, капитан Семеновского полка— СК № 6
Дашкова Евдокия Михайловна, жена Ф. И. Дашкова — СК № 6
Девочкина Елена схца — *248,* Гирш. 1 № 28
Деденев Семен, отец Пелагеи — Мих. 13 С. 54
Дементьев Неустрой сын Я. П. Дементьева, стряпчий Троицкого мон. — Ник. 66 № 29
Дементьев Яков Петрович, слуга Троицкого мон. — *250,* Ник. 66 № 29
Денис Степанович — Гирш. 2 № 228, см. также Екатерина дочь Д. И. Чайкина
Дионисий скмк — Комп. 88 С. 34
Дионисий (Деонисей) скмк — см. Льгота Д. Я.
Дмитриев-Булгаков Василий — Гирш. 2 № 167
Дмитриев-Булгаков Юрий Васильевич — Гирш. 2 № 167
Дмитрий Иванович (Углицкий) — *255,* ц-ч, сын Ивана IV -- Гирш. 2 № 148
Дмитрий, отец Павла Д. Грид... — см. П. Д. Грид...
Долгоруковы, княжеский род:
Алексей — Гирш. 2 № 254
Алексей Григорьевич — Гирш. 2 № 256
Владимир (Тимофеевич) — отец Марии, жены царя Михаила Федоровича — Гирш. 2 № 187
Григорий — Гирш. 2 № 256
Дмитрий Алексеевич, окольничий — Гирш. 2 № 254
Ирина Ильинична, жена Д. А. Долгорукого — Гирш. 2 № 254
Дорофей отец Марии, жены М. Г. Кокорева — Гирш. 54 № 15
Дорофей Филип(ов) сын волосовьского старосты — Пор. 39 Рис. 6
Досадин Никита — Гирш. 2 № 184
Досадина, схца Дорофея, жена Н. Досадина — Гирш. 2 № 184
Досифей, еп. Сарский и Подонский — Гирш. 1 № 39
Дудин Серапион схк — *131, 132,* Гирш. 1 № 18
Дудин-Квашнин Василий Яковлев сын, инок Варлаам — Гирш. 1 № 59
Дулов... Александрович— ВПм № 47
Дулова Вера, жена... Александровича Дулова — ВПм № 47
Евдокея (вдова Дмитрия Донского?) — *263,* Гирш. № 119. Пан. 90а С. 8
Евдоким инок — Смир. 71 С. 420
Евдоким(ов?) инок — Смир. 71 С. 420
Евдокия Лукьяновна жена царя Михаила Федоровича — Гирш. 2 № 250
Евдокия Михайловна дочь царя Михаила Федоровича — Гирш. 2 № 226
Евзникея схца — см. Ефросиния (Мария) Пожарская
Евпраксия (Еупраксея) дочь белозерского веденца Ивана — Гирш. 1 № 97
Евфимий еп. — Гирш. 1 № 38
Евфимий митрополит Новгородский — Янин 88 С. 15
Евфимий — см. Игнатий Ефимиев сын
Екатериная царица, жена царя Василия Ивановича (Шуйского), схца Елена — Гирш. 2 № 190
Елагин — Гирш. 2 № 261 см. также Т. Ф. и А. П. Акинфова
Елена схца — см. Екатерина царица
Елена (Васильевна) вел. к-ня — Гирш. 1 № 123
Елена инока — см. Головина Ульяна
Елецкие, княжеский род:
Мария Алексеевна — жена С. В. Елецкого — Гирш. 2 № 247
Семен Васильевич — Гирш. 2 № 247
(Елизаров Данило) Тимофее(вич), стряпчий, муж Марфы — Арцх. 36 С. 164
Емельянов сын, инок Вассиан, пушкарь — Гирш. 1 № 112
Епиф(аний)— ВПм № 5
Ергольской Алексей — ВПм № 17
Ергольский, схмк Макарей — СУМ № 5
Ерохов, муж Дарьи Неклюдовой — Смир. 71 С. 421
Ерохова жена, Дарья Неклюдова — Смир. 71 С. 421
Еуфимей, человек Анны, жены И. Ю. Шигоны (Поджогина) — Мак. 904 С. 90
Еуфимия — жена Федоровича Григорьева — Гирш. 2 № 202
Желябовский Василий Федорович — Гирш. 2 № 224
Желябовский Федор — Гирш. 2 № 224
Загряжские (Загрязские), род: *32,*
Григорий Юрьевич — Гирш. 1 № 55
Иван Федорович — Бм № 35
Мария Ивановна — Бм № 35
Михайло Юрьевич — Гирш. 1 № 56
Симеон Авраамович — Гирш. 1 № 26
Тимофей Иванович — Гирш. 1 № 74
Федор Дмитриевич — Гирш. 1 № 54
Зайцев Афонасей, Кривой — Смир. 71 С. 420
Замятин Василий Феодоров сын, думный дв. — Гирш. № 21, № 22
Замятина Марфа, Парфентьева дочь, вдова В. Ф. Замятина — Гирш. 1 № 22
Засекин Федор Васильевич кн., комнатный стольник — Шил. 79 № 8
Захаров Иван — Зол. 87 Рис. 2
(Захарьин) Григорий Юрьевич, боярин — Гирш. 1 № 50, 60
Захарьина Ирина, инока Александра, жена Юрия Захарьина — Гирш. 1 № 30
(Захарьина) Ульяна схца Евпраксея, жена Григория Юрьевича — Гирш. 1 № 60

Захарьин Юрий — Гирш. 1 № № 30, 50, 60
Зачесломской Иван — см. Тимофей Иванович.
Зачесломской Тимофей Иванович — Гирш. 1 № 45
Зеновий черноризец — *259*
Зенов(ий?) — Зол. 60
Змиев Андрей Григорьевич — Гирш. 2 № 216
Змиев Григорий — Гирш. 2 № 216
Зу... Петр Семенов сын, человек И. А. Воротынского — Арцх. 36 С. 164
Зубовы:
Василей Васильевич— Бм № 30
Василий Ильич— 255–256, 308, Бм № 27
Данило Иванович— 307, Бм № 29
Илья Иванович — 255–256, Бм № 27
Зыков Кондратий Тихоноввич, стольник — Шил. 79 № 6
Зыкова Евдокия, младенец, дочь К. Т. Зыкова — Шил. 79 № 6
Зьялов Даниил, отец кн. Константина Данилова сына — Гирш. 1 № 122
Зьялов Константин Данилов сын, кн. — Гирш. 1 № 122. Пан. 89 Рис. 6
Иаков, млнц— Бм № 39
Иван — *250,* Гирш. 1 № 16
Иван, государева слова писец — см. Алексеев Иван
Иван, муж Варвары — Зол. 62 Рис. 1
Иван отец Е. И. Бутурлиной — Гирш. 2 № 220
Иван отец Марфы, жены Д. В. Головина — Гирш. 54 № 10
Иван отец А. И. Сулешовой — Гирш. 2 № 179
Иван отец Ф. И. Пронской — Гирш. 2 № 195
Иван отец Ираиды Ивановны — Гирш. 2 № 198
Иван отец Софьи Одоевской — Ник. 58 № 5
Иван отец Марфы Одоевской — Ник. 58 № 6
Иван инок — см. Иев "Спасской священник"
Иван — см. Тимофей (схк Тихон) — Гирш. 2 № 162
Иван — см. Роман, человек И. А. Воротынского — Гирш. 2 № 259
Иван — см. Семен Иванов сын — Гирш. 2 № 269
Иван...тев — см. Федор Иванович ...тев, Клешнина А. Б. — Гирш. 2 № 186
Иван Васильевич — Смир. 71 С. 423
Иван (Иоанн) Васильевич царь Иван IV, инок Иона — *171, 235-236, 239–241, 256, 275, 349,* Гирш. 1 № № 47, 117, 124, 129, 134, Гирш. 2 № № 148, 161 Пан. 87 С. 113, 114
Иван Иванович сын царя Ивана IV — *171, 240,* Пан. 87 С. 112
Иван Михайлович сын царя Михаила Федоровича — Гирш. 2 № 229
Иван Михайлович (Глинский?) — Ник. 66 № 12
Иван Михайлович, отец Марии — Смир. 71 С. 423
Иван Петров сын Волыжка — Гирш. 1 № 48
Иван Юрьев сын зелейщик — Гирш. 2 № 204
Иван Федорович Су(мин?)— см. Аграф(о)ния
Ивша — см. Ободаев
Игнатей инок, Ефимиев сын — Зол. 96
Илья — сын Стефана Бородатого — *252, 260*
Иев Олексеев сын, схмк — Гирш. 1 № 78
Иев "Спасской священник", инок Иван — ВПм № 9
Иов — см. также "Иев"
Иов инок — см. Курцев
Иона инок — см. Иван Васильевич, царь Иван IV
Иона Коростель — см. Коростель
Иона схмк— см. Кутузов И. Ф.
Иона схмк, И. П. Шерерметев — Гирш. 2 № 258
Иосиф патриарх всея Руси — Гирш. 2 № 260
Иосиф митрополит Псковский — Шил. 79 № 9
Иосиф, поп Успенский, муж Анны Моисеевой дочери — Ром. 92
Иосиф схмк — см. Я. Д. Милюков
Ираида Ивановна полусхимница, посестрина С. Ф. Стрешнева — Гирш. 2 № 198
Исай Никифоров сын, человек Н. К. Наумова — Гирш. 2 № 219
Исайя схмк, Н. Ф. Бутурлин — Гирш. 2 № 220
Ирина Аксентьева дочь жена Г. В. Бирюкова — Лев. № 15
Ирина Александровна — см. И. А. Мстиславская
Ирина (Орина)— жена С. Кленова
Исканской Тимофей Васильевич, схмк Тихон — ВПм № 44
Кайсаковы:
Афанасий — Гирш. 2 № 150
Венедихт Афанасьевич — Гирш. 2 № 150
жена В. А. Кайсакова — Гирш. 2 № 150
Капителина схца, К. С. Трубецкая — Гирш. 2 № 168
Капустин Иван, инок Иона— СУМ № 2
Карп Семионов сын ярославец, слуга Савина мон. — Сок. 78 С. 186
Карпов Михаил Андреевич — Ник. 66 № 18
Карпов Степан — Гирш. 2 № 144
Карпова Анна, жена М. А. Карпова — Ник. 66 № 18
Карпова Евдокея Онтонева дочь, жена С. Карпова — Гирш. 2 № 144
Каспар фон Эльферфельдт — см. Elverfeldt Caspar von
Катырев-Ростовский Михаил Петрович, кн. — Янин 88 С. 152
Катырев-Ростовский Петр — отец кн. М. П. Ростовского-Катырева — Янин 88 С. 152
Катырева-Ростовская Домникея Васильевна, жена М. П. Катырева-Ростовского, дочь В. Д. Палецкого — Янин 88 С. 152
Каша — см. Холмский И. И., кн.
Кашин-Оболенский Иван — Гирш. 1 № 105
Кашина-Оболенская, инока Марфа, жена кн. Кашина-Оболенского — Гирш. 1 № 105
Киликея инока (мать Семена Василиевича Шереметева?) — Смир. 71 С. 423
Киприан инок, К. А. Грязев — Гирш. 2 № 181
Кирилов садовник — Зол. 87 Рис. 3
Кирилова Марья дочь садовника — Зол. 87 Рис. 3
Кириллов Стефан, схмк Сергей, государев садовник — Гирш. 2 № 249; Зол. 87 Рис. 4
Кириллов Филипп, государев садовник — Гирш. 2 № 232
Клементий— см. Конан схмк ножевник

Клено(в) С(е)ме(н)— Бм № 18
Кленова — см. Орина Кленова
Клешнин (Луп) Андрей Петрович, окольничий, дядька царя Федора Ивановича — Маш. 12 С. 308
Клешнин Бахтеяр Ильич — Гирш. 2 № 167, 185, 186
Клешнин Иван Федоров сын, младенец — Гирш. 54 № 14
Клешнин Петр — отец Андрея Клешнина — Маш. 12 С. 308
Клешнин Федор — Гирш. 54 № 14
Клешнина Анастасия Бахтеяровна, жена Феодора Ивановича ...тева — Гирш. 2 № 185, 186
Клешнина Прасковья Юрьевна, дочь Ю. В. Дмитриева-Булгакова, жена Б. И. Клешнина — Гирш. 2 № 167
Клокачев Петр инок — Кол. С. 27
Кобел — см. Прокопей Кобел
Ковадовых Марина — Шл. 906 С. 9
Кокоревы:
Василий — Гирш. 54 № 16
Григорий — Гирш. 54 № 15
Матфей Григорьевич стольник — Гирш. 54 № 15
Мария Дорофеевна жена М. Г. Кокорева — Гирш. 54 № 15
Петр Васильевич — Гирш. 54 № 16
Кокошкин из Глебова, инок Феодосий Покровского мон. — Ерм. 1978 С. 36
Колесов Борис Михайлов сын, селитерный мастер — Гирш. 2 № 199
Колесов Михаил — Гирш. 2 № 199
Колмин Иван — Комр. 90 С. 10
Колтовская Марфа Васильевна— жена Яковлевича Колтовского Бм № 38
Колтовской... Яковлевич— Бм № 38
Конан схмк Клементиев сын,ножевник— 147, 164, ВПм № 11
Кондрат см. инок Корнилий
Кононов Федор Яковлевич стряпчий — Ник. 66 № 31
Корнилий, инок Кондрат, богородский протопоп — Гирш. 2 № 203
Коробов Гаврила — Гирш. 2 № 265
Коробов Иван Гаврилов сын (сытного двора стряпчий) — Гирш. 2 № 265
Коростель Иона — *251,* Гирш. 1 № 103
Костя Филипов — см. Филипов
Кубенские, князья:
Гликерия Ивановна, дочь Марьи — см. Г. И. Морозова
Марья, жена Михаила Ивановича — Гирш. 1 № 101
Ульяна, инока Евпраксея, жена Ивана Семеновича — Гирш. 1 № 33
Иван Иванович — Гирш. 1 № 42
Иван Семенович — Гирш. 1 № 33
Козьма (Косма) Федорович — Ник. 66 № 16
Михаил Иванович — Гирш. 1 № № 101, 102
Кузьма — Ник. 66 № 4
Кривой — прозвище Афонасея Зайцева — Смир. 71 С. 420
Куликов Феодор благоуродивый, человек князя И. М. Глинского — Шил. 79 № 5
Кулюбакин, инок Васьян — Смир. 71 С. 420
Курлятев Константин, отец Панкратия — Маш. 12 С. 310
Курлятев Панкратий Константинович — Маш. 12 С. 310
Курцев, инок Иов — Смир. 71 С. 421
Кутузовы, род — 341
Кутузов Андрей Михайлович — Гирш. 1 № 58
Кутузов Иван Федосеевич, схмк Иона — ВПм № 43
Кутузов Михаил — Гирш. 1 № 58. Гирш. 54 № 17
Кутузов Тимофей Михайлович — Гирш. 54 № 17
Кутузов Федосей — ВПм № 43
Кутузова Евдокея, инока Евфросиния, жена Андрея Михайловича — Гирш. 1 № 58
Кучуков Стефан Зиновьев сын — Гирш. 1 № 69
Лазаревы— ВПм № 40:
Александра дочь П. К. Стюнеева, жена Андрея Фирсовича Л.
Андрей Фирсович
Мавра(?) млнц— дочь А. П. и А. Ф. Лазаревых
Наталья млнц— дочь А. П. и А. Ф. Лазаревых
Фирс Иванович, отец А. Ф. Лазарева
Лазарь ("Лазоревы братья") — Сед. 82 С. 182
Ларионов Иоаким схмк, строитель Дмитровского Борисоглебского мон. — Ник. 66 № 28
Левкей схк — см. А. П. Клешнин, Луп.
Лево(н)тей — см. Л. Н(о)гин
Леонтий — см. Александра (схца Анна), Акиндиновская жена — Гирш. 2 № 252
Леонтьев муж Марии Лодыженской — Шил. 79 С. 214
Лодыженские:
Абросим отец Ф. А. Лодыженского — Шил. 79 С. 214
Анна Матвеевна жена М. И. Лодыженского — Шил. 79 С. 214
Иван отец М. И. Лодыженского — Шил. 79 С. 214
Мария дочь М. И. Лодыженского, жена Леонтьева — Шил. 79 С. 214
Михаил Иванович — Шил. 79 С. 214
Ульяна жена Ф. М. Лодыженского — Шил. 79 С. 214
Федор Абросимович — Шил. 79 С. 214
... инок схмк — Шил. 79 С. 214
Луп (Лупп), прозвище А. П. Клешнина — Маш. 12 С. 308
Льгота Дмитрий Яковлев сын, схмк Дионисий — Зол. 84 Рис. 5
Льгота Яков — отец Д. Я. Льготы
Ляпунов Прокофей — *349,* Ерм. 1978 С. 36
Ляпунова Фетиния, Прокофьева жена — Ерм. 1978. С. 36
Мавра — *262,* Дуб. 1955. С. 150
Мавра Алексеевна, жена А. Ф. Гагарина, схца Марфа — Гирш. 54 № 9
Малчан, прозвище — см. Ростопчин Г. И.

Маракушев Тимофей муж А. Маракушевой — Зол. 84 Рис. 3
Маракушева Анна дочь М. Новосильского — Зол. 84 Рис. 3
Маремьяна схца — см. Марфа И. Головина
Мария — см. также Марья
Мария девица— Бм № 39
Мария Дорофеевна — жена М. Г. Кокорева — Гирш. 54 № 15
Мария Иванова дочь Михайловича — Смир. 71 С. 423
Мария Ковадовых — Шл. 906 С. 9
Марко Никитин сын палача — *164,* Гирш. 1 № 57
Марфа — Жизн. 88. С. 33
Марфа схца, юродивая, см. также Дарья — Гирш. 2 № 231
Марфа жена стряпчего (Даниила) Тимофее(вича Елизарова) — Гирш. 2 № 267
Марфа (Васильевна) — вел. к-ня, царица — Гирш. 1 № 134
Марфа Ивановна, схца Меремьяна, жена Д. В. Головина — Гирш. 54 № 10
Марфа Михайловна, дочь царя Михаила Федоровича — Гирш. 2 № 208
Марья — см. также Мария
Марья — Гирш. 2 № 143
Марья Андреевна, жена Петра Афанасьева сына, кожевника — Гирш. 1 № 86
Марья Владимировна, жена царя Михаила Федоровича — *21,* Гирш. 2 № № 187
Марья Кирилова дочь садовника — Зол. 87 Рис. 3
Марья инока — см. Марфа жена Д. Д. Мезецкого
Марья (Темрюковна) — вел. к-ня, царица — Гирш. 1 № 129
Марья Федоровна жена царя Ивана IV — Гирш. 2 № 161
Масло Семен— СР № 1
Матвеев Артамон Сергеевич — Гирш. 2 № 240
Матвеев Даниил, Сергеев сын Прохорова — см. Прохоров
Матвеева Екатерина Артамоновна млнц, дочь А. С. Артамонгова — Гирш. 2 № 240
Матвей отец Анны, жены М. И. Лодыженского — Шил. 79 С. 214
Матов Григорий Иванович— СУМ № 4
Матова,схца Вера,жена Г. И. Матова— СУМ № 4
Медоварцевы,род— 303
Ме(до)варцов Спиридон Семенов сын— Бм № 22
Мезецкие, княжеский род:
Дмитрий — Гирш. 2 № 205
Дмитрий Дмитриевич — Гирш. 2 № 209
Д. И. Мезецкий — Комп. 88 С. 7
Марфа — жена кн. Д. Д. Мезецкого, схца Марья — Гирш. 2 № 209
Мещерские, княжеский род:
Григорий — Гирш. 2 № 142
Ирина Юрьевна, дочь Ю. Г. Мещерского — Гирш. 2 № 142
Юрий — Гирш. 2 № 149
Юрий Григорьевич — Гирш. 2 № 142
Юрий Юрьевич стольник — *255,* Гирш. 2 № 149
Милославский Данило Иванович — Гирш. 2 № 236
Милюковы:
Давид — Гирш. 54 № 23
Дмитрий, кн. — Гирш. 2 № 262
Марфа Ивановна, жена Д. Милюкова — Гирш. 2 № 262
Евстафий Иванович — Гирш. 54 № 22
Ива́н — Гирш. 54 № 22
Яков Давидович схмк Иосиф — Гирш. 54 № 23
Милославской Никан Степанов— ВПм № 14
Мирослав — Сед. 82 С. 182
Мисаил инок— 249,КП № 1
Мисаил схмк — см. М. И. Чириков
Михаил Федорович царь — *341, 349,* Гирш. 2 № 187, 196, 208, 223, 226, 229, 239, 250
Михайло Прокофьев сын — Дм № 6
Моисей (Моисеев?) — отец Анны, попадьи Успенского попа Иосифа — Ром. 92
Мокий инок, Мики(та?) Константинов (7) сын — Кол. С. 28
Морозов Петр Васильевич, муж Гликерии Михайловны Кубенской — Гирш. 1 № 102
Морозова Гликерия Михайловна, дочь кн. Кубенского — Гирш. 1 № 102
Мстиславские, князья:
Анастасия Федоровна, царица Настасья, жена царя Семиона Бекбулатовича, схца Александра — Гирш. 2 № 152
Василий Иванович — Гирш. 1 № 80
Домника Михайловна, дочь М. Темкина — Ростовского, жена Ф. И. Мстиславского — Гирш. 2 № 201
Евдокия, дочь Федора Ивановича — Гирш. 1 № 137
Иван — Гирш. 2 № 177
Иван — Гирш. 2 № 201
Иван Федорович, отец А. Ф. Мстиславской — Гирш. 2 № 152
Иван Федорович, боярин — Гирш. 2 № 235
Иван Федорович — Гирш. 1 № 63
Ирина Александровна, жена Ивана Федоровича — *261,* Гирш. 1 № 63
Ирина Ивановна, старица, дочь И. Ф. Мстиславского — Гирш. 2 № 235
Ирина Федоровна — Гирш. 2 № 177
Ольга дочь кн. Ф. И. Мстиславского — Гирш. 2 № 156
Улиания, жена Ивана Федоровича — Гирш. 1 № 84
Федор — Гирш. 2 № 152
Федор — Гирш. 2 № 235
Федор Иванович — Гирш. 1 № 84, 137
Федор Иванович, боярин — Гирш. 2 № 156, 177, 180, 201
Федор Михайлович — Гирш. 1 № 35
Мятлев Артемий келарь Троицкого мон. — Ник. 66 № 20
Нагие:
Михаил Михайлович — Ник. 66 № 27

Михаил Федорович — Ник. 66 № 26
Федор Федорович отец царицы Марии Федоровны жены Ивана IV — Гирш. 2 № 161
(Феодосья) жена М. Ф. Нагого — Ник. 66 № 26
Надежда схца, жена И. К. Огарева — Гирш. 54 № 24
Назар... — см. Василей Назар...
Назарий Михайлович — муж Анны дочери Вельяминова Большого — Гирш. 54 № 7
Назовлов Василий Иванович, инок Макарий — Гирш. 1 № 13
Нао(у)мов Федор Иванович — Гирш. 1 № 41
Наум (инок?) — см. Андрей Васильевич Волынский
Наумов Никита Константинович — Гирш. 2 № 219
Наумов Константин — Гирш. 2 № 219
Нащокин Давыд соборный старец — Ник. 60 С. 188
Неклюдова Дарья жена Ерохова — Смир. 71 С. 421
Неледин(с)кой (Васи)лей Иванович — Салимов 1994 Рис. 77
Неустрой — см. Дементьев
Никандр архиеп. ростовский и ярославский — Ник. 66 № 17
Никита — Бм № 16
Никита, отец Марка, палач — Гирш. 1 № 57
Никита Федоров сын, коширенин — Гирш. 1 № 71
Никити(н) Кондрат — Зол. 87 Рис. 7
Никитин Марко — см. Марко
Никит(ин)сын, Семен — Смир. 71 С. 420
Никифо(а)р скмк — Шил. 79 № 2
Никифор — см. Исай Никифоров сын
Никифор инок — см. Н. А. Хованский
Николай (армянин)— Дм № 20а
Никула священно иерей — *217,* Жизн. С. 31
Никулин Богдан, государев садовник — Гирш. 2 № 242
(Никулина) Анна Васильевна, жена Б. Никулина — Гирш. 2 № 242
Новосильский (Новосилсков) Матфей, отец А. Маракушевой — Зол. 84 Рис. 3
Новосильцов Лука Захарович — Ник. 60 С. 185
Н(о)гин Левонтей (И)ва(нов) сын — Дм № 3
Обарин Григорий, отец Евдокии, жены Я. Н. Губина-Моклокова — Гирш. 1 № 52
Ободаев Ивша — 115, 212-214, 183, 251
Оболенский Александр Васильевич кн. — Гирш. 1 № 114
Огарев Иван Кириллович — Гирш. 54 № 24
Огарев Кирилл — Гирш. 54 № 24
Огарева, жена И. К. Огарева, схца Надежда — Гирш. 54 № 24
Огрофена (Аграфена) к-ня (Хворостинина?) — Ник. 66 № 15
Одоевские, княжеский род:
Алексей Никитич — Ник. 58 № 15
Анастасия Федоровна, жена Ю. М. Одоевского — Ник. 58 № 13
Анна Ивановна жена И. М. Одоевского — Гирш. 2 № 227
Василий Федорович боярин и дворецкий — Ник. 58 № 11
Георгий Георгиевич — Ник. 58 № 14
Георгий Михайлович боярин — Ник. 58 № 10, 14(?)
Евдокия — Тр. 91 С. 112
Иван — Гирш. 2 № 194, Ник. 58 № 12
Иван Иванович, боярин — Гирш. 2 № 197
Иван Михайлович — Гирш. 2 № 227
Иван Никитич — Гирш. 2 № 197
Ирина Васильевна, урожд. Голицына, жена Г. Г. Одоевского — Ник. 58 № 14
Марфа Ивановнна — Ник. 58 № 6
Марья — Гирш. 2 № 183
(...) муж княгини Марьи — Гирш. 2 № 183
Михаил (Никитич?) — Гирш. 2 № 227. Ник. 58 № 10
Михаил Никитич — Ник. 58 № № 6, 7.
Никита Иванович боярин — Гирш. 2 № 197, Ник. 58 № № 5, 8, 12, 15.
Прасковья жена Г. С. Черкасского — Ник. 58 № 8
Софья Ивановна, жена (вдова) Ф. Н. Одоевского — Ник. 58 № 5
Стефан Федорович стольник — Ник. 58 № 4
Федор Никитич боярин — Ник. 58 № 5, 11(?), 13(?)
Юрий Федорович — Ник. 58 № 13
Оксиня (Аксинья) попадья — Гирш. 1 № 1
Олферьев Михаил — см. Сеченой
Онофриев Захарий— Бм № 40
Онофриева Мария,схца Марфа,жена Захария — Бм № 40
Онтоней (Онтон) — отец жены Степана Карпова — Гирш. 2 № 144
Онтоней Тимофеевич сын Арсеньев — см. Арсеньев Онуфрей — Гирш. 1 № 100
Орина, жена Семена Кленова — 131, 132, Бм № 18
Остафьев Роман— ВПм № 46
Острожев Афанасей Иванов сын — *115, 217,* Жизн. С. 30
Острожев Иван — Жизн. С. 30
Охлябин Иннокентий — *138,* Шляп. 906 С. 9
Павел схмк боярин Головин — Гирш. 2 № 192
Павел Дмитриев сын Грид.., человек И. А. Воротынского — Арцх. 36 С. 163
Палеолог — см. Софья
Палецкая Домникея, кн., жена кн. М. П. Ростовского-Катырева — Янин 88 С. 152
Палецкий Василий Дмитриевич — Янин 88 С. 152
Палецкий Дмитрий — см. В. Д. Палецкий
Панаростос (Панагогос?), грек — Дрбг 88 С. 73
Пантелей вощесник — *252,* Гавр. 85. С. 219.
Пафнутий инок — Маш. 12 С. 310
Пахомий архимандрит, отец патриарша поддиако(на) — Гращ. 87 Рис. 1
Пелагея Михайловна, дочь царя Михаила Федоровича — Гирш. 2 № 196
Пелагея (Полагія) младенец, дочь Семена Деденева — Мих. 13 С. 54
Пестов Андрей — Гирш. 2 № 264
Пестов Андрей Андреевич, мастер денежного серебряного двора — Гирш. 2 № 264

Петр инок — см. П. Клокачев
Петр Афанасьев сын, кожевник — Гирш. 1 № 86
Петр Семенов сын Зу.., человек И. А. Воротынского (см.) — Арцх. 36 С. 164
Печерский Исайя, соборный старец Троицкого. мон. — Ник. 66 № 30
Пилемов Дмитрий — Гирш. 2 № 222
Пилемов Никита Дмитриевич, прозв. Фатей — Гирш. 2 № 222
Писемский Иван Андреевич, инок Иор — Гирш. 1 № 93
Плещеев Авраам Григорьевич — Гирш. 54 № 25
Плещеев Григорий — Гирш. 54 № 25
Плещеев Осип Тимофеевич — Гирш. 2 № 230
Плещеев Тимофей — Гирш. 2 № 230
Пожарские, род — *172, 173*
Пожарские:
Василий Петрович младенец — Кург. № 6
Дмитрий — *174,* Кург. № 3, 4, С. 397-398
Ефросиния (Мария) Федоровна, схца Евзникея, мать Дмитрия Пожарского — Кург. № 2
Иван Дмитриевич окольничий — Кург. С. 398
Мавра Васильевна, жена Федора Ивановича Пожарского — Смир. 71 С. 422
Мария — см. Е. Ф. Пожарская
Михаил Федорович, отец Дм. Пожарского — Кург. № 1
Никита Дмитриевич младенец — Кург. № 3
Петр — Кург. № 6
Федор Иванович кн., инок (Фео)дорит — Гирш. 1 № 79; Смир. 71 С. 422
Федор Дмитриевич — Кург. С. 397, № 4
Поздеевы— СК № 2:
Анна
Иван, отец Марка
Марк Иванович, отец Юрия
Панфил Юрьев сын
Юрий Маркович
Полагия — см. Пелагея, дочь С. Деденева
Полевы, род — *33, 250*
Полев Иван — Кав. С. 483
Полев Осип Иванович — Кав. С. 483
Полоцкий Симеон — см. Симеон
Попадья Василий — *251,* Гирш. 1 № 25
Потинин Андреян Борисович— СК № 1
Потинина Матрена схца Марфа, жена А. Б. Потинина — СК № 1
Прокопей Кобел — Зол. 96
Пронские, княжеский род:
(...) — Ник. 66 № 8
Василий — Гирш. 2 № 195
Феодорит Васильевич — Гирш. 2 № 195
Феодосия Ивановна, жена Ф. В. Пронского — Гирш. 2 № 195
Протасей инок — см. П. С. Языков
Прохоровы: (ср. Щеп. 1907 № 20)
Данила Сергеевич, млнц — Гирш. 2 № 172
Матвей (Матвеев?) — Гирш. 2 № 172
Сергей Матвеевич — Гирш. 2 № 172
Пустошкин... Мокеевич, стряпчей — Зол. 86
Пустошкин Мокей (Иванович) — Зол. 86
Пушечникова Агафья Петровна — Шил. 79 С. 214
Пушечников И. П. — Шил. 79 С. 214
Раков Васьян, инок — № 36
Растопчин — см. Ростопчин
Ратманов А. — см. Ратманов К. А.
Ратманов Константин А.., человек А. И. Воротынского — Гирш. 2 № 215
(Рахманов) Васильев сын — Гирш. 1 № 108
Репнины, княжеский род: *14*
Александр, отец Петра — Маш. 12 С. 310
Иван Петрович — Маш. 12 С. 310
Михаил Петрович — Маш. 12 С. 310
Петр Александрович — Маш. 12 С. 310
Петр, отец Ивана и Михаила — Маш. 12 С. 310
Родищев И. — Комп. 88 С. 33
Розова, жена Михаила (?) — Бел. 11 № 1
Роман Иванов сын, человек И. А. Воротынского — Гирш. 2 № 259
Роман Юрьев — Гирш. 1 № 135
Романовы — см. по алфавиту имен, кроме:
Федор Никитич отец царя Михаила Федоровича, патриарх Филарет — *21, 215,* Гирш. 2 № 187, 196, 208, 223, 226, 229, 239, 250
Ромодановский Василий — Гирш. 54 № 26
Ромодановский Петр Васильевич, кн. — Гирш. 54 № 26
Ромодановская Аг... на Андреевна жена Петра Васильевича Ромодановского — Гирш. 54 № 26
Ростовская Прасковья (Ираида инока) жена кн. Д. Б. Ростовского, дочь Д. Б. Сукина — Ник. 60 С. 182
Ростовский Борис — Ник. 60 С. 182
Ростовский Данила Борисович кн. — Ник. 60 С. 182
Ростовский Гвоздев Иван Федорович кн. — Ник. 66 № 24
Ростопчин Герасим Игнатьев сын по прозвищу Малчан — Кол. С. 26
Ростопчин Игнатий — Кол. С. 26
Руготины— ВПм № 16:
Иван сын Исая
Исай
Варфоломей сын Исая
Рыбник — см. Сава инок
Рымский Христофор — Гирш. 2 № 207
Рымский Роман Христофорович, младенец, сын Х. Рымского — Гирш. 2 № 207
Сава инок, Афанасьев сын рыбника — Ерм. 1978. С. 36
Савелов... Тимофеевич стольник — Гирш. 54 № 7
Савостьян инок, квасник — Гирш. 2 № 145
Сакмышев Дмитрий Афанасьевич (тверитин), инок Дмиян (Дамиан) — Ник. 66 № 11
Самойлович Мария — Тр. 91 С. 112
Свачев Симеон инок — Гирш. 2 № 164
Свешниковы, купеческий род (Зол. 87 С. 227):
Акилина, Алексий, Андрей Прокофьев сын, Гостиной сотни, Архипп, Борис, Василий,

Григорий убиенный, Евстафий, Иаков (Ияков), Иоанн, Максим, Михаил, Павел, Параскева, Пелагея, Прокопий, Симион, Стефан, Татияна, Фекла, Феофилакт, Улита
Севрюк сын В. И. Шемячича — Ник. 66 № 14
Семен тверитин — Гирш. 1 № 88
Семен — отец жены Т. Р. Трубецкого, Ксении — Гирш. 2 № 168
Семен отец Петра Зу.., человека И. А. Воротынского (см.) — Арцх. 36 С. 164
Семен Деденев отец Пелагеи — см. Деденев
Семен Иванов сын, аловеничник — Гирш. 2 № 269
Семен Никит(ин)сын, — Смир. 71 С. 420
Семион Бекбулатович царь, схмк Стефан — Гирш. 2 № № 152, 169
Семичов Фома Иванов сын— ВПм № 45
Серапион митрополит Крутицкий — Гирш. 2 № 254
Серапион скмк — см. С. И. Трубецкой
Серапион Дудин — см. Дудин
Серапион Меньшой, инок — *250*
Сергий Абрамов сын — 254, ВПм № 4
Сергий архиеп. Новгорода и Пскова — *133, 137, 139, 143, 212, 249,* Ник. 66 № 1
Сергий инок, в миру Симеон, сын кн. Б. В. Суздальского — Ник. 66 № 2
Сергий схмк, Стефан Кириллов, государев садовник — № 249
Семион — см. Карп Семионов сын.
Сеченой Михаил, Олферьев сын — Смир. 71 С. 422
Сеченой Олферий? — см. Сеченой Михаил Олферьев сын
Симеон Борисович Суздальский кн. — см. Сергий инок.
Симеон, епископ Сарский и Подонский — Гирш. 1 № 81
Симеон Полоцкий — *257*
Сицкая Марья, кн., дочь Юрия Федоровича — Гирш. 1 № 61
Сицкий Юрий Федорович кн. -Гирш. 1 № 61
Скопин М. В. — см. Шуйский — Скопин
Скрипины, купцы — Ерм. 1978. С. 37
Скудина Марья Степановна — Гирш. 2 № 140
Славоне — Сед. 82 С. 182
Смайлов Прокопий Де(мь)янович — Гирш. 52
Смайлов Де(мь)ян — Гирш. 52
Соковнины:
Алексей Прокопьевич, окольничий — *248,* Гирш. 1 № 98
Дмитрий Иванович — Гирш. 2 № 138
Иван — Гирш. 2 № 138
Соловцова Марфа схца — Гирш. 1 № 76
Соломонея И(?)ина, Матвеева дочь, жена Анисима житника— Дм № 9
Солтыков Гирш. 2 № 225
Солтыковы:
Марфа Михайловна, жена Ю. Я. Сулешова — Гирш. 2 № 225
Михаил Михайлович, отец М. М. Сулешовой — Гирш. 2 № 225
Михаил дед Ю. Я. Сулешовой — Гирш. 2 № 225
Софья инока (Софья Витовтовна?) — *263,* Гирш. 1 № 120. Пан. 90а С. 8
Софья (Софья Фоминична Палеолог?) — *263,* Пан. 90а С. 8
Софья Михайловна дочь царя Михаила Федоровича — Гирш. 2 № 223
Спиридоний архимандрит — *250,* Шил. 79 № 1
Степан — *262,* Жизн. 88
Старицкие, князья:
Анастасия, дочь кн. Владимира Андреевича — Гирш. 1 № 127
Владимир Андреевич — Гирш. 1 № 126, 127, 130, 131, 132, 133
Евдокея, жена Владимира Андреевича — Гирш. 1 № 131
Евдокея инока — см. Ефросинья, мать Владимира Андреевича
Евдокея дочь Влададимира Андреевича — Гирш. 1 № 133
Ефросинья, инока Евдокея, мать Владимира Андреевича — Гирш. 1 № 132
Марья, дочь Владимира Андреевича — Гирш. 1 № 130
Татьяна дочь Владимира Андреевича — Гирш. 1 № 126
Степан — Сед. 78 С. 103
Степан отец Дениса, мужа урожденной Чайкиной Е. Д. — Гирш. 2 № 228
Степанов Матвей — № 62
Стефан (Степан) Бородатый, дьяк — *252, 260*
Стефан схмк — см. Симеон Бекбулатович
Стефан см. Стефанов (Тр)етьяк
Стефанов (сын Тр)етьяк — Смир. 71 № 421
Стрешневы:
Ираида Ивановна полусхимница, посестрина С. Ф. Стрешнева — Гирш. 2 № 198
Лукьян — отец царицы Евдокии, жены царя Михаила Федоровича — Гирш. 2 № 250
Степан Федорович — Гирш. 2 № 198
Федор — Гирш. 2 № 198
Стюнеев Петр Константинович, отец А. П. Лазаревой— ВПм № 40
Суздальский, кн. — см. Борис Васильевич
Сукин Борис Иванович, схк Кирило — Гирш. 1 № 73. Ник. 60 С. 182
Сукин Иван Осипович, стольник — Ник. 66 № 32
Сукина Праскевия (Парасковея) Ивановна, жена И. О. Сукина — Ник. 66 № 32
Сулешовы, княжеский род:
Анна Ивановна, жена В. Я. Сулешова — Гирш. 2 № 179
Василий Яншеевич, кравчий — Гирш. 2 № 179, 205, 213, 214, 238, 243
Иван Васильевич младенец — Гирш. 2 № 213
Иван Яншеевич боярин — Гирш. 2 № 245
Илья Васильевич младенец — Гирш. 2 № 214
Марфа Михайловна урожд. Солтыкова, жена Ю. Я. Сулешева — Гирш. 2 № 225

Фетинья Ивановна дочь И. Ф. Басманов, жена В. Я. Сулешева — Гирш. 2 № 243
Юрий Яншеевич, боярин — Гирш. 2 № 225
Яншей — Гирш. 2 № № 179, 205, 213, 214, 225, 238, 243, 245
Суцкая Улиания инока Евпраксея жена кн. Федора Юрьевича — Гирш. 1 № 37
Суцкой Федор Юрьевич кн. — Гирш. 1 № 37
Таисея схца — см. Т. П. Урусова
Тарас, человек Ивана Чамаданова — Гирш. 1 № 109
Тарасиев Сав(в)ва — Сед. 82 С. 182
Татев Андрей — Гирш. 2 № 154
Татев Семен Андреевич, кн. — Гирш. 2 № 154
Татищевы:
Агрипина жена И. П. Татищева, схца Александра — Гирш. 2 № 141
Владимир (Володимер) государев стольник — Гирш. 2 № 166
Григорий Игнатьевич — Гирш. 2 № 175
Игнатий Петрович — Гирш. 2 № 141
Петр — Гирш. 2 № 141
Татьяна дочь Матвея Степанова — Гир. 1 № 62
Телятевский Андрей Петрович, кн. — Ник. 66 № 19
Темкин-Ростовский Михаил, отец Домники жены Ф. И. Мстиславского — Гирш. 2 № 201
Терентий Артемьев сын, Огородной слободы тяглец — Гирш. 2 № 253
Терентий — см. Феофанов Терентий
Тимофей Иванов схмк Тихон — Гирш. 2 № 162
Тихон инок — Зол. 62 Рис. 2
Тихон схмк — см. *Исканской Тимофей,*
Тихон схмк — см. Тимофей Иванов
Томило — см. Тороканов С. Ф.
Тороканов (прозвищем Томило) Софоний Федоров сын — Гирш. 2 № 233
Тороканов Федор — Гирш. 2 № 233
Траханиотов Иван Иванович — Гирш. 54 № 27
Траханиотов Иван — Гирш. 54 № 27
Траханиотова Дарья, жена И. И. Траханиотова — Гирш. 54 № 27
(Тр)етьяк Стефанов — Смир. 71 № 421
Трубецкие, род — *130*
Трубецкие:
Андрей (Ондрей) Иванович, инок Одрейян — Лев. № 5, 7
Василий Андреевич — Лев. № 5
Дмитрий Тимофеевич, боярин — Гирш. 2 № 189, 171
Иван — Лев. № 1
Ксения Семеновна жена Т. Р. Трубецкого, инока Капителина — Гирш. 2 № 168
Марья Борисовна жена Д. Т. Трубецкого — Гирш. 2 № 171
Меркурий Тимофеевич — Гирш. 2 № 158
Михаил Андреевич — Лев. № 7
Роман — Гирш. 2 № 168, 174
Семен Иванович, схмк Серапион — Лев. № 2
Тимофей Романович, боярин, инок Феодорит — Гирш. 2 № 168, 174, 158, 171, 189
Турок — прозвище, см. М. С. Гагарин
Турунтай-Пронский Иван Иванович — Гирш. 1 № 67
Турунтаева-Пронская Мария инока Марфа, жена кн. Ивана Ивановича — Гирш. 1 № 67
Уваров Игнатий — Гирш. 2 № 216
Уваров Мирон Игнатьевич — Гирш. 2 № 217
Улей инок — Смир. 71 С. 423
Ульян схмк — Гирш. 1 № 110
Ульяна (Филипова?) — *250,* Гирш. 1 № 23
Ульяна Палецкая, жена князя Юрия Васильевича, брата Ивана IV — Тр. 91 С. 109
Ульяна жена П. Головина, схца Елена — *248,* Гирш. 2 № 159
Урусов Борис Канмурзич, кн. — Гирш. 2 № 176, 225
Урусова Татьяна Петровна инока Таисея — вдова Б. К. Урусова, дочь П. А. Черкасского — Гирш. 2 № 225
Ухтомские, род — *347, 352*
Ухтомский Василий (Дмитриевич или Юрьевич),кн.— СК № 7
Фатей — см. Пилемов Н. Д.
Федор отец Андрея Федоровича — Гирш. 2 № 200
Федор отец Анастасии Одоевской — Ник. 58 № 13
Федор Владимирович... рапов — Шил. 79 С. 214
Федор Григорьевич, муж Еуфимии — Гирш. 2 № 202
Федор Иванович, муж Анастасии, урожд. Клешниной (см.) — Гирш. 2 № 186
Федор Иоаннович царь — *171, 256,* Гирш. 1 № 136, Пан. 87 С. 115, 116; Маш. 12 С. 308
Федор — см. Федор Феодоров сын
Федор Феодоров сын — *217,* Жизн. С. 30
Федор Шумо — см. Шумо Ф.
Феодорит — см. Т. Р. Трубецкой
Феодорит — см. Ф. И. Хованский
Феодосий еп. коломенский — Гирш. 1 № 117
Феодосий еп. суздальский чудотворец — *251*
Феодосий инок — см. Ф. Д. Чюлков
Феодосия дочь царя Феодора Иоанновича — Гирш. 1 № 136
Феодосия жена Григория Филипова — Жизн. С. 27
Феофанов Терентий келейник мирополита Новгородского Евфимия — Янин 88 С. 15
Ферапонт Вязметин — Гирш. 2 № 246
Ферапонт инок — см. Бибиков
Фетинья, дочь Кузьмы — Ник. 66 № 4
Фи(ли)п крестьянин села Благовещенского — Ник. 60 С. 189
Филипов Григорий — Жизн. С. 27
Филип(ов) сын волосовьского старосты Дорофей — Пор. 39 Рис. 6
Филипов Костя — *250,* Гирш. 1 № 23
Филипова Феодосия — жена Гр. Филипова — Жизн. С. 27
Фоминские, род: *33*
Фоминский Феодор Юрьевич, кн. — *33,* Кав. С. 480
Харитоний свящ — Гирш. 1 № 65
Хитрово Богдан Матвеевич — Тр. 91 С. 110
Хитрово Матвей — см. Б. М. Хитрово

Хитрово Мария жена Богдана Хитрово — Тр. 91 С. 110
Хворостинин Дмитрий — Гирш. 2 № 163
Хворостинин Иван Дмитриевич, боярин — Гирш. 2 № 163
(Хворостинина?) — см. Огрофена к-ня
Хованские, род — *172*
Хованские:
Андрей — Кург. С. 397
Анна жена И. Н. Хованского Кург. № 5
Иван Андреевич боярин — Кург. С. 397
Иван Никитич — Кург. № 5
Никита Андреевич, инок Никифор — Кург. С. 397
Петр Никитич младенец — Кург. № 3
Холмский Иван Иванович Каша, кн. — Ник. 66 № 6
Хриса(нф?) — *262,* Ник. 66 № 3
Чайкин Дмитрий Иванович — Гирш. 2 № 228
Чамаданов Иван — Гирш. № 109
Челищевы-Чеботаевы— СК № 3:
Борис Григорьевич Енаклыч, отец М. Б. Челищева
Семион Григорьевич Булуш
...Ивановна жена Михаила Борисовича
Максим Семенович, сын Булуша
Михаил Борисович, стольник
Федот Семенович, сын Булуша
Феодосия Семеновна, дочь Булуша
Черкасские, княжеский род:
Ахмашук, дед Т. П. Урусовой — Гирш. 2 № 255
Григорий Сунчелеевич, муж Прасковьи Одоевской — Ник. 58 № 8
Михаил Яковлевич, боярин; его человек; К. Г. Баскаков — Арцх. 36 С. 164
Петр Ахмашукович — Гирш. 2 № 255
Сунчелей — Ник. 58 № 8
Яков — см. М. Я. Черкасский
Чириков Иван — Гирш. 2 № 162
Чириков Михаил Иванович, схмк Мисаил — Гирш. 2 № 162
Чюлков Федор Данилович инок Феодосий — Гирш. 2 № 165
Шапиловы:
Алексей — Гирш. 1 № 91
Никита Алексеев сын млц — Гирш. 1 № 91
Анастасия — жена Алексея — Гирш. 1 № 91
Шеин Жмитрий — см. Шеин Иван Дмитриевич
Шеин Иван Дмитриевич — Смир. 71 С. 423
Шемячич Василий Иванович, кн. Новгород-Северский, внук Дм. Шемяки — Ник. 66 № 14
Шереметевы:
Василий Иванович, стольник — Гирш. № 266
Домна инока Евникея — Гирш. № 83
Иван Васильевич — Гирш. 1 № 83
Иван Петрович боярин, схмк Иона Гирш. 2 № 248, 258, 266
Киликея иноца — мать Семена Василиевича Шереметева? — Смир. 71 С. 423
Ксения жена В. И. Шереметева — Гирш. 2 № 266
Матвей Иванович, младенец — Гирш. 2 № 248
Петр — Гирш. 2 № 248, 258
Шестунов Дмитрий Семенович — Гирш. 1 № 53
Шестунова Анна, дочь кн. Д. С. Шестунова — Гирш. 1 № 53
Шетнев Иван Петров сын — Зол. 84 Рис. 2
Шетнев Петр, отец Ивана — Зол. 84 Рис. 2
Шигона (Поджогин) Иван Юрьевич, муж Анны, хозяйки Еуфимия — Мак. 904 С. 90
Шило Иоаким Семенов сын — Ерм. 78 С. 36
Ширяев Василей сын Огафонов солодяник — ВПм № 6
Ширяев Никита Семенов, сын, человек В. Я. Сулешова — Гирш. 2 № 205
Ширяев Семен, отец Никиты — Гирш. 2 № 205
Шишкин Иосиф — Гирш. 2 № 178
Шишкин Петр Иосифович подъячий — Гирш. 2 № 178
Шуйский Василий Иванович, царь — *256*
Шуйский Василий Васильевич, кн. — Гирш. 1 № 115
Шуйский Иван, кн., отец царя Василия — Гриш. 2 № 155, 191
Шуйский Иван Иванович кн., боярин — Кург. С. 403
Шуйский Скопин Михаил Васильевич — *21, 174, 256,* Пан. 87 С. 116, 117
Шумо Федор — Арцх. 36 С. 164
Эльферфельдт,Каспар фон— см. Elverfeldt Caspar von
Юрий подъячий Казанского дворца — Гирш. 2 № 146
Юрий — Гирш. 2 № 204
Юшков Матвей, отец Пимена — Маш. 12 С. 311
Юшков Пимен Матвеевич — Маш. 12 С. 311
Языков Порфеней Семенов сын — Кол. С. 27
Языков Семен — Кол. С. 27
Яков Яковлев (сын?)— ВПм № 15
Ярославец — см. Карп Семионов сын
Ярославская Ирина схца Александра, жена кн. Ивана Семеновича — Гирш. 1 № 49
Ярославский Иван Семенович, кн. — Гирш. 1 № 49
Яшин Дмитрий Иванов сын — Гирш. 2 № 151
Яшин Иван — Гирш. 2 № 151
Ahlen, Urien v(on) — Дрбг 88 С. 45
Alexander Urcini — Дрбг 88 № 2а
Arent Claussen Stellingewere — см. Stellingewere
Barbar, дочь E. Grothusen'a — Дрбг 88 С. 50
(Barb?)er — см. Cette
Barte(l ?)— см. Eichhorn von Lip...h
Bell, Bernt Schal von — см. Bernt
Bernt Schal von Bell, комтур Голдинга — *233, 243* Дрбг 88 С. 37, Граш. 89
Brown Nicolas — Дрбг 88 № 3
Catarina — дочь A. C. Stellingewere и Margaret Heger — Дрбг 88 С. 55
Cette(?) (Barb?)er, жена слесаря Diric'a — Дрбг 88 С. 43
Clasen Geret — см. Kluytems C. G.
Claussen Arent — см. Stellingewere
Conradt Fri(d)rich, придворный ювелир — Дрбг 88 С. 43

Constantino Gabriely — Дрбг 88 № 1
Delens Ioha(n), доктор — Дрбг 88 С. 43
Delens Margareta, жена I. Delens'a — Дрбг 88 С. 43
Diric(?) сдесарь, — Дрбг 88 С. 46
Dreier Elisabet — жена Stellingewere A. C. — Дрбг 88 С. 57
Eeockler Hans (Feogkler? von Ockler?) — Дрбг 88 С. 52
Egell? v(on?), H(ans?)- Дрбг 88 С. 33, см. также Vegell
Eichhorn von Lip...h, Barte(l?) — муж (M?)arge Petrow — Дм № 15. Дрбг. С. 72
Elverfeldt Caspar von, лиценциат права, ланддрост Петерсхагена — 183, 233-243, 270, 280.
Elias проповедник — Дрбг 88 С. 41
Elisabet Dreier — см. Dreier Elisabet
Elisabeth Meynert — см. Meynert
Elsken Sadelers — см. Sadelers
Engelbrecht Grothusen — см. Grothusen
Eva Linder — см. Linder Eva
Fech...(?)— Дм № 17. Дрбг 88 С. 71
(Feogkler?) Hans — см. Eeockler
Frederic — сын A. C. Stellingewere и Elisabet Dreier — Дрбг 88 С. 57
Fri(d)rich Conradt — см. Conradt
Gabriely Constantino — Дрбг 88 № 1
Geret Clasen — см. Kluytems C. G.
Gerretsen Maria — см. Kluytems Maria G.
Glaussen (Claussen) Arent — см. Stellingewere
Grigori Holmes— Дм № 14.
Grothusen Engelbrechtотец Barbar'ы — Дрбг 88 С. 50
(Guilelmi?) (отец Hieronimo?) — Дрбг 88 № 2а
Guilhelmus Jacob — Дрбг 88 № 2б
Hans Eeockler (Feogkler? von Ockler?) — см. Eeockler
H(ans?) v(on?) Egell — см. Egell
Heger Margareta, жена A. C. Stellingewere — Дрбг 88 С. 55
Hieronimo — Дрбг 88 № 2а
Holmes Grigori— Дм № 14.
Iohan, Marte(n) Moel — см. Moel
(Ionas) van Kolin — Дрбг 88 С. 30
Jacob Guilhelmus — Дрбг 88 № 2б
Kolin, (Ionas) van — Дрбг 88 С. 30
Kluytems Geret Clasen, переводчик, отец M. Gerretsen Kluytems — Дрбг 88 С. 61
Kluytems Maria Gerretsen — дочь Geret C. Kluytems — Дрбг 88 С. 61
Linder Eva — жена Conradt'a Fri(d)rich'a — Дрбг 88 С. 43
Lip...h, Barte(l?) Eichhorn von— см. Eichhorn von Lip...h
Margareta Delens — см. Delens
Margareta Heger — см. Heger
Maria Gerretsen — см. Kluytems Maria G.
Marge Petrow— жена Barte(l)'я Eichhorn von Lip...h— Дм № 15. Дрбг. С. 72
Marge(ret Row)— см. *Marge Petrow*
Marte(n), Iohan Moel — см. Moel
Meynert Elisabeth, жена Urien'a v(on) Ahlen — Дрбг 88 С. 30
Mih— см. Grigori Holmes
Moel, Iohan Marte(n), купец — Дрбг 88 С. 60
Nicolas Brown — Дрбг 88 № 3
Nicolaus, сын A. C. Stellingewere и Margaret Heger — Дрбг 88 С. 55
Ockher. сын комтура Rund'a — Дрбг 88 С. 52
(Ockler?) Hans — см. Eeockler
Petrow(?) Marge— см. *Marge Petrow*
Rotkeri — см. Silken
(Row) Marge(ret) — см. Marge Petrow
Rund комтур отец Ockher'a — Дрбг 88 С. 52
Sadelers Elsken — жена R. Silken'a — Дрбг 88 С. 44
Schal von Bell, Bernt — см. Bernt.
Schrove Tideman, ратман Дерпта — Дрбг 88 С. 39
Schroven Timan — Дрбг 88 С. 40 (отец)
Schroven Timan — Дрбг 88 С. 40 (сын)
Silken Rotkeri — Дрбг 88 С. 44
Stellingewere Arent Classen, муж Margarete Heger Elisabet Dreier — Дрбг 88 С. 55, 57
Stellingewere, дети, см: Catarina, Frederic, Nicolaus, V(o?)beke
Tideman Schrove — см. Schrove
Timan Schroven — см. Schroven
Van Kolin, (Ionas) — Дрбг 88 С. 30
(V)egell? H(ans?) — см. Egell
Vincentius Urcini — Дрбг 88 № 2а
v(on) Ahlen, Urien — см. Ahlen
von Bell, Bernt Schal — см. Bernt
von Lip...h, Barte(l ?) Eichhorn — см. Eichhorn von Lip...h
(von Ockler?) Hans — см. Eeockler
V(o?)beke — дочь A. C. Stellingewere и Margarete Heger — Дрбг 88 С. 55
Urcini Vincentius — Дрбг 88 № 2а
Urcini Alexander — Дрбг 88 № 2а
Ur(gen ?) сын? — см. Egell/Vegell
Urien v(on) Ahlen — см. Ahlen
Wo(lf?) — Дрбг 88 С. 52

ОБЩИЙ ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ К ТЕКСТУ

В указатель не включались: фамилии авторов из отсылок на библиографию;имена мифологических и библейских персонажей. Имена из надписей на плитах смотрите в Указателе 1.

Аандер-Хеден — 236
Аббо — 56, 63
Айналов Д. В. — 208, 228–229
Аксакова Пелагея, жена Л. И. Аксакова — 303, см. Указатель 1
Алексей митрополит — 217
Алешковский П. М. — 114, 211
Алонсо Анзурес — 55, 56
Альбан святой — 202
Альбрехт II Баварский — 122
Альберт Бранденбургский — 239
Амфилохий, архим. — 14, 269–270, 282
Анастасия монахиня — 142
Андрей Боголюбский — 74, 209
"Андрей Бесящей" — 216
Андрэ де Коур — 49, 56
Антоний отшельник — 120, 122–124, 230
Антоний Римлянин — 206
Апраксин А. М. — 216
Арнульф, епископ — 204
Аристотель Фиораванти — 34
Артемьев — см. Ждан Артемьев
Арциховский А. В. — 15, 27
Барберини — 102, 109
Беззубцевы — 321 (см. Указатель 1)
Бернар де Мец, аббат — 188
Бернард, епископ — 53, 56
Бернбарб святой — 60
Белль Берндт Шалль фон — см. Bernt в Указателе 1
Белль, Филипп фон — 243
Берта, королева — 195
Бертелин (Бертрам) святой — 202
Билидруда — 102, 103
Боголюбский — см. Андрей Боголюбский
Бойцов И. А. — 233
Болотников Иван — 349
Бонанус Пизанский, скульптор — 192–193
Бонифаций Рагузский — 198
Бороздин К. М. — 19
Боэмунд I Антиохийский — 262
Брунов Н. И. — 158
Буссов Конрад — 242
Быкасовы, род — 275–276, см. Указатель 1
Бяконт — см. Федор Бяконт
Вагнер Г. К. — 14
Варнава святой — 223
Василий Великий — 122, 222
Василий II, император — 78, 152, 157
Василий Наумов, резчик — 21
Вейланд см. Герман, еп.
Вергилий — 224
Верденский Николай — см. Николай
Верижник Михаил — см. Михаил
Венцель М. — 50–52
Виллибранд Ольденбургский — 198

Вильям де Варенн, граф Суррей — 56
Вит святой — 202
Владимир Давыдович, князь — 251
Волконский Л. М., князь — 307
Волынский Степан — 349
Воронин Н.Н. — 65, 68, 70, 74, 108
Воронцовы-Вельяминовы:
  Андрей (Батрак) Иванович — 305
  Андрей Игнатьевич — 305
  Андрей Петрович — 305
Врангель Н. Н. — 14
Всеволожские (см. Указатель 1):
  Евфимия Федоровна — 340
  Родион Васильевич — 339
  Федор (Раф) Родионович — 340
Вук, князь — 212
Гагарин Андрей Романович — 341
Галлен, Генрих фон — 243
Гедвига, жена рыцаря Гудельмана — 56
Герберштейн Сигизмунд — 244
Герке Ф. — 80
Герман Вейланд, еп. Дерпта — 236–238, 240, 243
Герман Писпинг, купец — 235, 239
Гильельмо Иннсбрукский — см. Гильельмо
Гиршберг В. Б. — 11, 15–16, 25, 27, 28, 32, 148, 164, 166, 173, 248, 253–254, 265, 284, 313, 358
Гогенштауфены, династия — 58
Годунов Д. И. — 257
Годунов И. В. — 339
Голохвастов Яков — 250
Голубцов А. П. — 219
Грациозус, архиепископ — 76
Гращенков А. В. — 173
Григорий Эфиоп, дьякон — 21
Григорий, архимандрит — 13
Гудельман, рыцарь — 56
Гульельмо Иннсбрукский, скульптор — 186, 188, 209
Гундрада, жена Вильяма де Варрена — 53, 56
Даниил игумен, паломник — 200, 206, 208
Дашков И. А., князь — 341
Дедушенко Б. П. — 316
Джоан, принцесса — 111
Диггве Э. — 196, 199
Дир Дж. — 82
Дионисий (паломник?) — 206, 208
Дитмар, аббат — 60
Дмитрий Донской — 263
Добрыня Ядрейкович, паломник — 208
Довойна — 243
Долгорукий — см. Юрий Долгорукий
Долгорукий Ю. А. — 341
Долгоруковы, род — 347
Драгач Тихмилич — 212
Дрбоглав Д. А. — 278–281
Драшкович — 212
Дубелен, комтур фон — 243
Дубынин А. Ф. — 108
Дуловы, род — 343:
  Василий Александрович
  Иван Александрович
  Кирилл(Александр) Игнатьевич
  Петр Александрович (см. также Указатель 1)
Ерменев И. А. — 216
Ермолай Еразм — 48
Ермонская В. В. — 25, 28
Ждан Артемьев, резчик — 21
Жизневский А. К. — 114? 230
Жировые-Засекины:
  Иван Иванович — 214
  Иван Иванович младший — 214
Зенг Фейт — 235, 237–238, 240–241
Зиброк Христоф — 243
Зис — 93
Золотов Ю. М. — 16, 20,
Зубов Афанасий Иванович — 307
Зубов Дмитрий Иванович — 307
Иаков Коккиновафский — 88, 102, 109
Иван III Васильевич, царь — 34, 130, 150, 250, 301
Иван Дмитриевич, кн. переяславский — 70
Иван Неверов, резчик — 21
Иванов — см. Роман Иванов
Ивша/Иван и варианты — 213
Изарн, аббат — 106, 113
Иоанн, аббат — 60
Иоаннисян О.М. — 43, 68, 72, 74, 209
Иоасаф I, патриарх — 21
Иов, патриарх — 339
Исканский Алексей Тимофеевич — 341 (см. Указатель 1)
Истомин Карион — 219–220
Итациус — 55, 56
Кавелин Л. А. — 13, 369
Кавельмахер В. В. — 33
Калайдович К. Ф. — 233
Карамзин Н. М. — 206, 235
Кандида святая — 202
Капустин Утеш Андреевич — 371
Каринский Р. М. — 14, 164
Каспар из Виттенберга — 239
Катарина фон Хорнберг — 60
Каюмов Э. — 65
Киприан, митрополит — 33, 34, 132
Кирилл (Кюрил) — 259
Клеве, герцоги — 240
Кленов Семен — 301
Климент игумен — 259
Колтовской С. И. — 21
Кольцов-Мосальский М. А. — 307
Колышницын Н. В. — 16
Конрад II, король — 56
Конрад II, епископ Шонау — 119
Конрад дер Роте Лотарингский — 56
Константин Великий, император — 80
Константин Мономах — 200
Костюхина Л. М. — 212

Кошка Александр Федорович — 321
Крапивин Алексей — 347
Крук Дж. — 200
Крузе Элерт — 238, 240–242
Кунигунда, графиня — 60, 63
Кутузов Иван — 341 (см. Указатель 1)
Левина Т. В. — 363
Леонитий Ростовский, еп. — 65, 68
Ловкунас Н. А. — 270
Лука, еп. Белгородский — 68, 259
Лукиан, мастер — 185
Лукиан Самосатский — 223
Магнус, герцог — 241
Макаренко Н. Е. — 114
Макарий митрополит — 302
Максим Грек — 21
Манериус — 124
Маргарита Мейер — 60
Марков Иван — 349
(см. Указатель 1 "Поздеевы")
Матовы, род — 372 (см. Указатель 1)
Матфей Парижский — 202, 205
Матильда, дочь короля Конрада II — 56
Матильда, тетка короля Конрада II — 56
Матильда Фландрская — 56, 61
Медведев Сильвестр — 257
Медоварцев Михаил Яковлевич — *303*
Мейерберг, А. фон — 168
Меровинги, династия — 54, 73, 75, 105, 119
Микелоццо, архитектор — 150, 153
Милутин, гость — 221
Мирослав посадник — 206, 208
Михаил Верижник 138, 227
Моложский-Дуло Андрей Львович — 343
Молчанов А. А. — 16, 24
Морган, Пирпонт — 155
Мотякины, род — 302
Мэтью Парижский — см. Матфей
Нарышкины, род — 315
Нарышкин Кирилл — 315
Нарышкин М. Ф. — 216
Наумов — см. Василий Наумов
Неверов — см. Иван Неверов
Никколо да Поджибонси — 198
Никодим, архиепископ Палермо — 82, 89
Николаева Т. В. — 11, 15, 22, 32, 254
Николай Верденский — 194–195, 203
Никольский Н. К. — 214
Никон патриарх — 216
Нистерс-Уэсбекер А. — 120
Оксинья — 259
Олеарий Адам — 168
Ольга, княгиня — 66, 156
Осмунд святой — 202, 205
Павел Ноланский — 219
Павлов В. А. — 134
Панова Т. Д. — 16, 28, 106, 110
Панофски Э. — 154
Пахомов Н. П. — 16, 311, 358
Петр митрополит — 215
Петр I Алексеевич — 18, 216, 284
Петронилла Радзивилл — 243
Писпинг — см. Герман Писпинг
Пиусси С. — 196
Плетнев В. А. — 114
Плещеевы, род — 347
Погодин М. П. — 19
Полев А. И. — 33
Поленов Д. В. — 19
Полосин И. И. — 236
Попов В. — 43, 293
Портер Кингсли — 190
Поссевино А. — 244
Прко Райкович — 212
Радатц Адольф — 236
Радзивилл — см. Петронилла Р.
Раймондо делла Торре — 89, 204
Реннер Иоханн — 237–238, 240
Роджер II, король — 82
Рождественская Т. В. — 258
Роман Иванов, резчик — 21
Романов Иван Никитич — 368
Ромодановский Ф. Ю. — 18
Рудольф фон Сашем — 198
Санин Иосиф — 301
Свитун святой — 202
Серватий святой — 204
Симеон Симеонис — 198
Сицкой И. В. — 339
Снегирев И. М. — 284, 313
Софья Витовтовна — 263
Софья Фоминична Палеолог — 263
Спицын А. А. — 114, 118? 230
Срезневский И. И. — 213-
Стефан Новгородец — 209
Стефан святой — 108, 113
Сторн И. Р. — 168
Стрешневы, род — 371
Сумароков А. П. — 13, 248
Тарасов — см. Федор Тарасов
Таубе Ганс — 240–242
Теодешильда святая — 53, 73
Теодор, архиепископ — см. Феодор
Теодорих, пилигрим — 200
Тертуллиан — 223
Томас Бекет, архиепископ Кентерберийский — 202
Торриани — 89
Тургеневы, род — 371
Уваров А. С. — 14
Уразмаамет Анданович, ц-ч — 339
Федор Алексеевич, царь — 257
Федор Бяконт — 33-
Федор Тарасов, резчик — 21
Фейт Зенг — см. Зенг
Феликс, архиепископ — 71, 76
Феликс Фабер — 198
Феодор, архиепископ — 76, 89

Феодосий, император — 80
Фиораванти — см. Аристотель
Флоренский Павел — 260
Франковий святой — 57
Фридесвида святая — 111
Фольбах В. — 82
Фотий, митрополит — 33, 34, 115, 126–127, 273
Фридрих II, король — 82, 87
Фролов М. В. — 134–135
Фюрстенберг, магистр Ливонского ордена — 237
Хворостова Е. Л. — 16, 24, 43, 114
Хелдрунгены, род — 60 , 63
Хенке Ингеборг (Мюнхен) — 235, 278, 280
Хильдегарда фон Штеттен — 217
Хотетовские, род — 371
Чеботаевы, род — 350–351
Чеботай Григорий Федорович — 350
(см. Указатель 1 "Челищевы")
Чернов С. З. — 25, 43, 233
Чоглоков — 340
Шаховские, род — 347
Шевченко Н. — 86
Шеляпина Н. В. — 43, 47, 94
Шилов В. В. — 16
Шлихтинг А. — 244
Шляпкин А. И. — 68, 72, 138
Штаден Генрих — 236, 238–243
Шуйский Василий, царь — 21, 256
Шуйский В. И., боярин — 339
Щепкин В. Н. — 14, 27, 164, 281
Эдуард Исповедник — 202, 205
Эфиоп — прозвище, см. Григорий
Юрий — 259
Юрий Долгорукий — 74
Юшко А. А. — 43
Якоб из Вормса — 60, 63
Ярослав Мудрый — 66, 77, 259

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

В указатель не включены: наиболее общие топонимы — Европа; Москва; Россия; Русь и производные от них; культурно-исторические и культурно-географические понятия — Восток; Запад; Северо-Восток и т. п. Церкви и монастыри Руси собраны под рубриками "Церкви" и "Монастыри".

Аахен — 194, 197
Абхазия — 106
Австрия — 222
Аквилея — 82, 88–89, 187, 196, 199, 204
Аквитания — 54, 105,
Алава (Испания) — 191
Анталия (Турция) — 153
Альтлюсссхайм (Германия) — 63
Англия — 53, 60, 85, 102, 107, 111, 116, 118–120, 122, 124, 178, 187, 200, 204–205, 230–231, 240, 349
Апамея (Сирия) — 86
Апулия — 82, 188–189
Арбатские ворота (Москва) — 341
Арментия (Испания), ц. Сан Андрэ — 190–191
Арль, ц. Сен-Трофим — 186–187, 196
Арта (Эпир), ц. Богородицы Влахерны — 79, 84
Асеновград — 159
Астрахань — 255, 307, 349
Балканы, Балканский п-ов — 52, 54, 67, 84, 118, 121–122, 142, 152, 165, 222
Балтимора — 159
Баннонкур (Франция) — 57
Бари (Апулия) — 82, 89, 204
Барселона — 154
Бачковский монастырь (Болгария) — 154, 159
Бекар — 190
Белгородка (Киевская обл.) — 68, 96
Белев — 303
Белоозеро — 35, 114
Белый город (Москва) — 244, 341
Бельгия — 46
Бемари (Англия) — 111
Беневент — 62
Берг (Германия) — 240
Березов — 307
Берлин — 93, 157
Биледжик (Турция) — 77
Бильбао (Испания) — 207
Бихач — 54
Бишопстоун (Англия) — 84
Ближний Восток — 122
Болвановка (Москва) — 244
Болгария — 154
Босния — 45, 47, 50–52, 67, 74, 96, 108, 113, 116, 118, 121–122, 213, 221, 222
Боушенбург (Ливония) — 243

Британия — 40, 62, 78,
Брянск — 10, 130
Бургундия — 155
Вайнхайм (Германия) — 56
Ваганьково — см. Старое Ваганьково
Варшава — 256
Ватикан, библиотека — 88, 109
Венден (Ливония) — 237
Венеция — 92, 95
Верона — 93
Вестминстер, аббатство — 205
Вестфалия — 236, 238
Византия — 17, 50, 64, 66, 69, 78, 79, 81–82, 86, 88, 94, 102, 109, 128, 165, 177, 209, 215, 221
Виень (Франция) — 119
Виттенберг (Германия) — 239
Винчестер (Англия), собор — 202
Витчеч Каноникорум (Англия) — 202
Владимир на Клязьме — 68
Владимиро-Суздальская земля — 74, 156, 228
Волга — 14, 43, 44, 70, 114, 116, 122, 212, 216
Волго-Окское междуречье — 29, 35, 41, 68
Волжская Болгария — 247
Вологодчина — 116
Вормс — 56, 58, 63, 101
  собор св. Петра — 56, 58, 63, 101–103,
  собор св. Павла — 58
Воронеж — 20
Воротынск — 372
Ворчестер (Англия) — 204
Вышеград (Балканы) — 69
Вюртемберг — 91
Галицко-Волынская земля (княжество) — 74, 108
Галлия — 39, 40, 105,
Германия — 16, 46, 56, 58, 60, 74, 80, 85, 118, 120, 122, 178, 192, 209, 222, 231, 237, 244, 278
Герцеговина — 45, 50–51, 121, 213, 221
Гефсимания — см. Иерусалим
Гильдесгейм — 53, 56, 119
  ц. св. Михаила — 53
Голдинг (Германия) — 233
Гоннная слобода (Москва) — см. Рогожская
Греция — 39, 64, 150, 154
Дания — 238
Дафни — 102, 109
Дерпт — 236–237
Дмитров — 252, 303
Дмитровка, улица (Москва) — 18
Добрун близ Вышеграда (Балканы) — 69
Дорсет (Англия) — 202
Дофинэ (Франция) — 56, 122
Дура Европос — 185
Дурхэм (Англия) — 102, 107
Жиронда (Франция) — 54
Жуарре, аббатство (Франция) — 53, 57, 73, 204
Замоскворечье — 234
Зарядье (Москва) — 262
Заяузье (Москва) — 168
Зубцов (Зубцово) — 114
Иворово, село — 70
Изборск — 262
Измайлово (Москва) — 368
Иерусалим — 88, 90, 92, 156, 184–185, 187, 196, 198, 200, 203, 206, 208–209, 224
Испания — 40, 56, 62, 64, 78, 105, 122, 154, 190–191
Италия — 54, 62, 64, 74, 76, 84, 87, 122, 188–189, 190, 206, 209
Йерихов (Германия) — 148
Йоркшир — 59
Кавказ — 106, 110, 152
Календерхане Джами (Стамбул) — 81
Калуга — 349
Калужские ворота (Москва) — 244
Кальяри (Сардиния) — 186, 188
Кампанья (Италия) — 82
Кан (Нормандия) — 56, 61
Каносса (Италия) — 262
Кандау (Ливония) — 243
Кахрие Джами (Стамбул) — 83, 84
Кведленбург (Германия) — 58
Кельн — 46, 48, 58, 61, 120, 204, 230
  собор св. Северин — 58, 61
  ц. св. Андрея — 58
  ц. св. Марии — 120, 230
  Шнурген-музеум — 46
Кембридж (Англия) — 205
Кентербери (Англия), собор — 202
Киев — 66, 68, 75, 77, 80, 96, 156, 258
Киликия — 110
Киль (Германия) — 236
Кипр — 92, 95
Китай-город (Москва) — 16
Клеве, герцогство — 239–240
Клойстернойбург (Австрия) — 194–195
Клязьма, река — 74
Коломенское, село — 9, 16, 24, 33, 42–43, 127, 148–149, 173, 262, 272, 363–367
Конная площадь (Москва) — 233
Константинополь — 82, 208–209
Коррезе (Франция) — 113
Крайшино, волость — 369
Крапивники, слобода (Москва) — 24, 346
Кремль (Москва) — 13, 16, 33–34, 41, 43, 98, 100, 115, 127, 171, 173–174, 290, 293
  Спасские (Фроловские) ворота — 174

Крутицы — см. Крутицкий мон.
Крым — 106, 110, 116, 152
Кубенское озеро — 116
Курляндия — 236
Лагудера (Греция) — 92
Леве, аббатство (Англия) — 53
Леон (Испания) — 46, 49, 62
Ливония — 236–241
Лизье — 204
Лимож — 192, 194, 204
  аббатство Сент Этьен — 192
Линкольн (Англия) — 84, 85
Линкольншир — 124
Литва (княжество Литовское) — 118, 122, 123, 154, 226, 341
Лифляндия — 241
Ломбардия — 209
Лондон — 107, 155, 195
  Британский музей — 195
  музей Виктории и Альберта — 107, 192, 194
  собор св. Павла — 155
Лорш (Германия) — 60
Лотарингия — 124, 224
Любек — 235, 239
Любержак (Франция) — 108, 113
Маастрихт — 204
Магдебург — 193
Мадрид — 55
Македония — 154, 159
Малая Азия — 64, 68, 84, 153
Маннхайм (Германия) — 56, 63
Марсель — 106, 113
  аббатство Сен Виктор — 106
  музей Борельи — 113
Матово, село — 372
Мидлэнд (Англия) — 111
Милльштатт (Герамния) — 60, 63
Минден (Германия) — 236
Минстер (Англия) — 59
Модена — 190
Монастыри Руси:
  Андроников (Москва) — 13, 32, 134–135, 355
  Богоявленский (Москва) — 13, 16, 24, 32, 33, 41–43, 104, 106, 131, 134–135, 137, 139, 173, 249, 284–313,
  Брусенский (Коломна) — 250
  Воскресенский (Москва) — 127, 263
  Воскресенский (Ростов) — 260
  Владычный (Серпухов) — 129
  Высоко-Петровский (Москва) — 13, 18, 24, 147, 253, 315–346
  Высоцкий (Серпухов) — 250
  Георгиевский (Москва) — 15, 18
  Данилов (Москва) — 14, 24, 131–132, 183, 243–245, 269–283, 346
  Донской (Москва) — 286
  Заиконоспасский (Москва) — 173, 257
  Иосифов Волоколамский — 25, 130, 139, 249, 261, 301
  Ипатьевский (Кострома) — 257
  Каменский (Спас-Каменский) — 21, 116
  Кириллов Белозерский — 19, 148, 154, 173–174, 214, 261–262
  Крутицкий Успенский (Москва) — 16, 24, 139, 247, 249, 358–362
  Мирожский Спасский в Пскове — 94, 95, 102
  Никольский Старый (Москва) — 303
  Новодевичий (Москва) — 22, 27–28, 164, 170, 248
  Новоспасский (Москва) — 13, 261
  Пафнутьев Боровский — 14, 24
  Псково-Печерский — 171, 227
  Симонов (Москва) — 248, 261
  Спаса Преображения "на усть-Угры" — 24, 130, 137, 255, 369–373
  Спасо Евфимиевский (Суздаль) — 172
  Спасо Прилуцкий — 213
  Троицкий Сергиев — 130,133,137, 139, 147, 169, 173, 212, 247, 249–250, 261–262, 339
  Ферапонтов — 9, 114–116, 211, 214, 251
  Хутынский (Новгород) — 208
Монополи (Италия) — 188–189
Монреале — 102, 107, 192–193, 196
Монте Сан-Анджело (Италия), ц. Сан Джованни "ин Тумба" — 188–189
Мытная улица (Москва) — 233, 270
Мюнстер (Германия) — 46
Мюнхен — 235, 278
Наливки, слобода (Москва) — 243–245
Нант — 54, 57
Нарбоннна, собор Сен Жюст — 196
Наумбург-наЗаале, мон. Шульпфорт — 60, 63
Нердлинген (Германия) — 280
Нерчинск — 10
Никольская ул. (Москва) — 286
Новгород — 10, 26, 48, 120, 193, 206, 208, 210, 220, 225, 228, 249, 258
Новые Сторожа, урочище (Москва) — 346
Нью-Йорк — 124, 155, 194
  музей Метрополитен — 124, 194
Образцово, село — 14
Овиедо (Испания) — 55
Ока, река — 369, 372
Оксфорд (Англия) — 111
Опокское городище — 114
Осташков — 211

Остров, село — 18
Отиньи (Виень, Франция) — 119
Палатинат — 54, 209
Палермо — 82, 87, 89, 93
Палестина (Святая Земля) — 200, 208–209
Паннония — 40
Париж — 73, 105
  Лувр — 105, 194
  ц. Сен Жермен де Пре — 73
Перахорио (Кипр) — 92, 95
  ц. Апостолов — 92, 95
Переяславль Залесский — 65, 70, 74, 104, 116
Пиза — 92, 186, 188, 192–193, 196, 207
  собор — 186, 188, 192–193, 196
  ц. Сан-Мартино — 92, 207
Питерсхаген (Германия) — 235
Поволжье — 25
Погорелое Городище — 114
Подол (район Киева) — 75, 80
Покровка, ул. (Москва) — 372
Поливаново, село — 43
Полоцк — 341
Польша — 118, 243, 256
Поморье — 40
Похряне (Подмосковье) — 232
Прибалтика — 122, 240–241
Прилеп (Македония), ц. св. Николая — 154, 159
Причерноморье — 178
Проконесс — 68
Псков — 10, 26, 94–95, 102, 156, 228, 249, 255
Пуатье — 54, 188
  собор св. Петра — 188
Путивль — 341
Пфальц (Германия) — 155
Равенна — 64, 71, 76, 89
Ратлэнд (Rathland) Англия — 230
Ржев (Ржева) — 114, 211
Реймс — 154, 159
Рейн — 56, 78, 85, 101–102, 119,
Ривенхолл, аббатство (Англия) — 60, 61, 111, 120, 230 (Rivenhall),
Рим — 39, 40, 68, 93, 102, 107, 150
  базилика св. Павла (Сан Паоло) — 102, 107
Рогожская слобода — 24, 355–357
Рождественка ул. (Москва) — 326
Ростов Великий — 35, 41, 43, 65, 68, 72, 74, 94, 104, 108, 116, 210
Родез (Франция) — 207
Ротенбург (Германия) — 60, 217
Рыльск — 303
Рязань — 131
Салоники — 196, 216
  ц. Дмитрия — 216
Саратов — 255, 307
Сардиния — 186, 188
Сарды (Турция) — 153
Сассекс (Англия) — 84, 85
Саффолк — 204
Северские земли — 341
Сен Бертен, аббатство (Франция) — 224
Сен Дени, аббатство (Франция) — 57
Сен Дидье-де ла-Мот, ц. (Дофинэ, Франция) — 122
Сен Жермен де Пре, церковь (Франция) — 73
Сен Жиль-дю-Гар, ц. (Франция) — 186, 188
Сен Омер, город (Франция) — 224
Сен Поль-ле-Дакс, ц. (Франция) — 156
Сен Семильен, ц. (Франция) — 57
Сен Сернин, ц. (Франция) — 194
Серпухов — 20, 21
Сибирь — 10, 275, 307
Сиракузы — 69
Сирия — 86
Сицилия — 64, 82, 204
Скандинавия — 154
Смоленск — 10, 243, 259, 341
Солсбери (Англия) — 202, 205
Солхат (Крым) — 118
София — 153
Спас-Тушино, село — 131
Стамбул — 49, 64, 69, 81, 83–84, 153
Старая Рязань — 70, 74, 98, 104, 291
Старица — 24, 35, 41, 43, 114–116, 211, 230
Старое Ваганьково (урочище в Москве) — 16, 307–308
Старые Паны (урочище в Москве) — 135
Старый Крым — 118–119
Стаффордшир — 202
Стретенка ул. (Москва) — 326
Студеница — ц. св. Николая — 142
Суассон — 73, 184, 188
  собор Нотр-Дам — 73
  ц. Сен Пьер-о-Парвэ — 184, 188
Судный двор (Москва) — 242
Суздаль — 14, 110, 170, 339
Сурб-Хач монастырь (Крым) — 118–119
Сургут — 306
Таррагона (Испания) — 190–191, 196
Таруса — 341
Тверская земля (княжество) — 10, 25, 114, 118, 123, 125, 225
Тверь — 35, 114–118, 214, 225
Тиксовер (Англия) — 120, 230 (Tixover)
Трир, церковь св. Матфея — 61
Труба, урочище (Москва) — 341, 346
Трубчевск — 20

Тулуза — 54, 194
Турнэ (Бельгия) — 194–195, 204
Турция — 77
Углич — 273
Угра, река — 24, 369
Утрехт, ц. св. Петра — 186, 188
Уэльс (Англия) — 61
Уэска (Испания), ц., мон. Сан Педро эль Вьехо, — 190–191
Флоренция, ц. Сан Миньянто аль Монте — 150, 153
Франция — 16, 49, 53–54, 56–57, 64, 73, 75, 78, 80, 104, 118–119, 122, 178, 190, 192, 197, 207, 224, 231
Хальберштадт (Германия) — 60
Хайдельберг (Германия) — 60, 63
Хаттенхайм-Эбербах (Германия) — 155
Хауканди (Белуджистан) — 84
Хеппенхайм (Германия) — 103
Херсонес — 86
Холмогоры — 241
Царьград — см. Константинополь
Церкви Руси:
Архангельский собор (Москва) — 13, 171, 174, 248, 256, 265
Боголюбской Божьей матери, Высоко-Петровский мон. — 315
Введения в Спасском "на Усть-Угры" мон. — 368
Владимира, придел собора Кириллова Белозерского мон. — 173
Владимира "в Старых Садех" (Москва) — 349
Вознесения в Коломенском — 148–149, 363
Всех Святых "на Кулишках" (Москва) — 170
Воскресения Словущего близ Данилова мон. (Москва) — 269, 272, 346
Григория Богослова (Москва) — 340
Даниила Пророка в Данилове мон. — 276
Даниила Столпника Данилова мон. — 269
Десятинная в Киеве — 77
Иоанна Лествичника в Кремле — 34
Иоанна Предтечи, придел Архангельского собора (Москва) — 171
Иоанна Предтечи, придел ц. Сергия в Старых Серебрениках — 346
Казанского Образа (Богоявленский мон.) — 313
Кирилловская (Киев) — 259
Козьмы и Дамиана в Кремле — 41
Козьмы и Дамиана "в Старых Панех" в Китай-городе — 134–135,
Мартиниана (Ферапонтов мон.) — 211
Николы, придел ц. Сергия в Старых Серебрениках — 346
Николы придел собора Крутицкого мон. — 358
Николы на Старом Ваганькове (Москва) — 16, 307
Николы "на Щепах" (Москва) — 179
Отцов Семи Вселенских соборов — см. Семи Вселенских соборов
Петра Митрополита в Высоко-Петровском мон. — 18, 316–345, 349–350
Петра и Павла в Крутицком мон. — 358
Покрова в Данилове мон. — 270, 275–276, 282
Покровский собор в Измайлове (Москва) — 368
Рождественский собор (Суздаль) — 251
Семи Вселенских соборов в Данилове мон. — 269, 272–277, 281, 283
Сергия в Рогожской слободе — 355–357
Сергия в Старых Серебряниках (Москва) — 24, 317, 341, 346–353
Софийский собор (Новгород) — 192–193, 206, 213
Спаса Преображения в Переяславле-Залесском — 65
Спаса в Андроникове мон. — 134–135
Спаса (Москва) — 332
Троицы в Рогожской слободе — см. Сергия.
Троицы собор Сергиева монастыря — 173
Успенский собор в Кремле — 34, 41–42, 115, 349
Успенский собор в Ростове — 43, 65, 72, 94, 206, 210
Успенский собор во Владимире на Клязьме — 68
Успения на Малой Дмитровке (Москва) — 179
Черное море — 102
Шаболовка улица (Москва) — 223
Шампань — 155
Шартр — 184, 187
Швейцария — 224
Шератон-сюр-Шер, аббатство (Франция) — 75
Шонау, мон. (Германия) — 60, 63, 119
Шпайер — 58
Шульпфорт, мон. (Германия) — 60, 63
Шуя — 20
Элванген (Германия) — 91
Эрмс (Ливония) — 237, 243
Этамп (Франция) — 184, 187
Эфес (Турция) — 77
Юлих (Германия) — 240
Юркино, село — 250
Юрьев (Дерпт) — 253
Ютландия — 62
Ям, крепость — 303
Ярославль — 340
Яуза, река — 244

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ТАБЛИЦЫ В ТЕКСТЕ

Таблица I. Древнейшие надгробия Москвы. XIII–XIV вв.
1–5. Плиты с участка Успенского собора в Кремле [*Шеляпина,* 1971]; 6–8. Плиты Богоявленского монастыря [Кат. Бм №№ 4–5, 8]; 9. Некрополь в Коломенском. (Кат. КЛ № 1).

Таблица II. Бордюр в оформлении погребальных сооружений.
1. Жены-мироносицы. Резная кость. Середина XII в. Германия. Кельн, Шнурген-музеум. Фрагмент. [*Legner,* 1982. № 387]; 2. Жены-мироносицы. Резная кость. Первая половина XI в. Мюнстер, Бельгия. Фрагмент. [*Schiller,* 1971. S. 324. Abb. 40]; 3. Жены-мироносицы. Рельеф тимпана. XII в. Леон. Фрагмент. [*Schiller,* 1971. S. 326. Abb. 46].

Таблица III. Бордюр в оформлении погребальных сооружений.
1. Надгробие Андрэ де Коура. 1186 г. Франция. [*CORPUS.* Tab. XXVII, fig. 57]; 2. Жены-мироносицы. Пластина реликвария. Резная кость. 1115/1120 гг. Леон. Фрагмент. ГЭ. [*Art of Spain,* 1993. № 115, b]; 3. Сирийский реликварий в форме саркофага. Археологический музей, Стамбул. [*Grabar,* 1964. Fig. 1].

Таблица IV. Осевая композиция в надгробиях Боснии и Герцеговины.
1–14. Плоские и саркофагоподобные плиты. XIV–XV вв. [*Wenzel,* 1965].

Таблица V. Осевая композиция в надгробиях средневековой Европы.
1–2. Саркофаг епископа Бернарда. Около 1023 г. Церковь Св. Михаила. Гильдесгейм. Крышка и общий вид. [*Lasko,* 1987. Fig. 2. *Stamm-Saurma,* 1988. Abb. 14. *Sommer,* 1978. S. 44. *Wesenberg,* 1955. Abb. 314]; 3. Стенка саркофага св. Теодешильды в монастыре Жуарре. Конец VII в. Франция. [*Zarnecki,* 1986. Pl. XLVI]; 4. Надгробие Гундрады из аббатства Леве. XI в. Англия. [*Zarnecki,* 1986. Pl. XLVI a. *English Romanesque Art.* № 145].

Таблица VI. Осевая композиция в надгробиях средневековой Европы.
1. Крышка саркофага Альфонсо Ансуреца. 1093 г. Мадрид, Национальный археологический музей. [*Hassig,* 1991. *Art of Spain,* 1993]; 2. Крышка саркофага Итациуса. VI–VII вв. Собор в Овиедо. [*Art of Spain,* 1993 № 1].

Таблица VII. Осевая композиция в надгробиях средневековой Европы. Франция.
1. Надгробие, VII–VIII в. Нант, церковь Сен-Семильен. [*Costa*, 1964. № 225]; 2. Крышка саркофага св. Франковия, VIII в. [*Salin*, 1952. Fig. 82]; 3. Крышка саркофага, VIII в. Музей в Баннонкуре. [*Salin*, 1952. Fig. 80]; 4. Саркофаг с ярко выраженным гребнем. Середина I тысячелетия. Крипта аббатства Жуарре. [*Delahaye*, 1992. Fig. 24]; 5. Крышки саркофагов с гребнем. Раннероманский период. Раскопки в аббатстве Сен-Дени. [*Crosby*, 1987. Fig. 14].

Таблица VIII. Осевая композиция в памятниках Европы. Англия.
1–4. Надгробия и саркофаги донорманнского периода. Минстер, Иоркшир. [*Cramp*, 1984. Ill. 201, 165, 148, 186].

Таблица IX. Осевая композиция в памятниках Англии и Германии
1. Саркофаги в крипте церкви св. Матфея. Трир. Конец I тысячелетия. [*Kirchlichen*, 1938. Abb. 163]; 2. Надгробие Матильды Фландрской в церкви Троицы в Кане, Нормандия. † 1083. [*Herklotz*, 1990. Fig. 10. *Zarnecki*, 1986. Pl. XLVI b]; 3. Крышка саркофага. Собор Сен-Северин, Кельн. [*Paffgen*, 1992. № 149]; 4. Надгробие XII в. Ривенхолл. [*Butler, Rodwell*, 1993. Fig. 9:1]; 5. Надгробие XIV в. Северный Уэльс. [*Gresham*, 1968. Fig. 60. № 123].

Таблица X. Осевая композиция в памятниках Европы. Германия.
1. Надгробие Аббо, X в. Альтлюссхайм, округ Маннхайм. [*Neumullers-Klauser*, 1977. S. 1 № 1]; 2. Надгробие Якоба из Вормса, † 1249. Монастырь Шонау, Хайдельберг. [*Neumullers-Klauser*, 1970. № 10. S. 8]; 3. Надгробие графини Кунигунды, около 1170 г. Мильштатт. [*Leitner*, 1982. №2 Taf. 1, Abb. 3]; 4. Надгробие семейства Хельдрунген, начало XIV в. Наумбург на Заале. [*Schubert*, 1965. № 361 S. 20]; 5. Крышка "саркофага клирика", X–XI в. Собор в Вормсе. [*Kautzch*, 1938].

Таблица XI. Саркофаги Северо-Восточной Руси. XII–XIII вв.
1, 3. Погребения конца XIV в. в юго-западном углу Спасского собора Переяславля-Залесского. Разрез и план по Н. Н. Воронину. [*Воронин*, 1949. Рис. 7]. Аксонометрическая реконструкция художника Э. Каюмовой. 2. Поперечный разрез придела с аркосолием и саркофагом епископа Леонития в Успенском соборе Ростова. [*Воронин*, т. 1. Рис. 76]; 4. Саркофаг из кургана XIII (?) в. [*Крайнов, Гадзяцкая*, 1967].

Таблица XII. Композиция «три круга». Славянские надгробия на Балканах.
1–11. Сочетания розеток с рамкой или осью на памятниках Боснии. XIII–XV вв. [*Wenzel*, 1965]; 12–13. Надгробия в форме реликвариев-саркофагов. Босния. XIII–XV вв. [*Wenzel*, 1965].

Таблица XIII. Композиция «три круга». Памятники Византии.
1. Саркофаг с изображением Федры и Ипполита. Задняя стенка. Стамбул, Оттоманский музей. [*Mendel*, 1966. T. 1. P. 113. № 26]; 2. Саркофаг с гирляндами. Стамбул, Оттоманский музей. [*Mendel*, 1966. T. 1. P. 407, № 1167]; 3. Саркофаг из "Палаццо Белломо", Сиракузы. [*I Bizantini*, 1982. Fig. 207]; 4. Надгробие с тремя венками. Добрун близ Вышеграда. [*Vego*, kn. 4. C. 219].

Таблица XIV. Композиция «три круга». Саркофаги Равенны.
1. Саркофаг архиепископа Феликса. Церковь св. Аполлинария "ин Классе". [*Laurence*, 1970. Fig. 73]; 2. Саркофаг с тремя крестокругами на крышке. VI в. Церковь св. Аполлинария "ин Классе". [*Kollwitz, Herdejurgen*, 1979. Kat. B 32, Taf. 87].

Таблица XV. Композиция «три круга». Памятники Франции.
1. Саркофаг со "стригилями", около 680 г. Собор Нотр-Дам в Суассоне. Лувр. [*Fossard*, 1978. № 335 b]; 2. Стела меровингского периода с кругами и бордюром — "змейкой". [*Informations*, 1980. P. 315. Fig. 5]; 3. Крышка саркофага святой Теодешильды в Жуарре, конец VII в. [*Salin*, 1952. Fig. 77]; 4. Саркофаг с торцевой розеткой. Эпоха Меровингов. [*Fossard*, 1978. Fig. 375]; 5. Саркофаг из раскопок церкви Сен-Жермен де Пре. Эпоха Меровингов. Музей Карнавалет, Париж. [*Perin*, 1985. Fig. 145].

Таблица XVI. Композиция «три круга» в памятниках Европы.
1. Саркофаг с кругами на крышке. Аббатство Шарентон-сюр-Шер. Франция, середина I тысячелетия. [*Hubert,* 1969. Fig. 24, 25]; 2. Деревянный саркофаг первой половины XI века с кладбища на Подоле в Киеве. [*Сагайдак, 1991.* Рис. 55]; 3. Торцевая розетка саркофага эпохи Меровингов. Франция. Музей Карнавалет. [*Fossard,* 1978. Fig. 230].

Таблица XVII. Композиция «три круга». Памятники Византии и Руси.
1. Саркофаг из Эфеса с розетками и крестами. [*Feld,* 1970. Taf. Vib]; 2. Саркофаг с четырьмя кругами. Биледжик, Турция. [*Feld,* 1970. Taf. IIa]; 3. Саркофаг Ярослава Мудрого. Киев. 4. Саркофаг из раскопок Десятинной церкви. Киев. [*Ермонская,* 1978. Илл. 1].

Таблица XVIII. Композиция "три круга". Памятники Византии.
1–3. Саркофаг. XIII в. Церковь Богородицы Влахерны в Арте. Фрагменты и реконструкция общего вида. [*Grabar,* 1976. PL. CXXV].

Таблица XIX. Композиция «три круга». Памятники Византии.
Крышка саркофага из Календерхане Джами. Стамбул. [*Striker, Dogan Kuban.* 1975. Fig. 12a].

Таблица XX. Композиция «три круга». Поздние памятники Византии.
1, 2. Погребение в апсиде южного придела. XIV в. Кахрие Джами. Стамбул. Вид с запада. Крышка гробницы XIV в. , сделанная из стенки саркофага средневизантийского периода (X–XII вв.). [*Hjort,* 1975. Fig. 88, 89].

Таблица XXI. Композиция «три круга». Памятники Германии и Англии.
1, 5–7. Надгробные плиты Нижнего Рейна, IX–XI вв. [*Nisters-Weisbecker,* 1983. S. 317 № 168. S. 275 № 82. S. 303 № 139, 142]; 2. Надгробие с тремя медальонами и Голгофой в "византийском стиле". Начало XI в. Сассекс, Англия. [*Gardner,* 1951. Fig. 80]; 3. Надгробие с композицией "Древо Иессеево". XII в. Собор в Линкольне, Англия. [*Zarnecki,* 1979. Fig. 34. *Zarnecki,* 1988. Fig. 110]; 4. Эмалевая пластина. 1180–1190. Нижний Рейн. Кливлендский музей искусств. [*Year 1200.* V. I. № 186].

Таблица XXII. Композиция «три круга». Памятники Италии.
Порфировая гробница Фридриха II в соборе Палермо. XI–XII в. [*Deer,* 1959. Fig. 18].

Таблица XXIII. Композиция «три круга». Памятники Италии.
1. Саркофаг архиепископа Феодора. V в. Равенна. Церковь св. Аполлинария ин Классе. [*Deer,* 1959. Fig. 41]; 2. Саркофаг архиепископа Никодима. XI в. Палермо. Крипта собора. [*Deer,* 1959. Fig. 42]; 3. Стенка саркофага. XII (?) в. Церковь св. Николая, Бари. [*Vinaccia,* 1915. Fig. 26]; 4. Саркофаг Раймондо делла Торре. 1332 г. Аквилея. Базилика, капелла Торриани. [*Tavano,* 1986. P. 100].

Таблица XXIV. Композиция «три круга» в искусстве Европы.
1. Реликварий. Около 550 г. ГЭ. [*Банк,* 1966. Рис. 80]; 2–4. Раннехристианские реликварии [*Buschhausen,* 1971. Nr. C 25, C 68, C 35]; 5. Реликварий из Элвангена. 870–877 г. Ландсмузей Вюртемберга. [*Kahsnitz,* 1991. Abb. 24].

Таблица XXV. Композиция «три круга» в искусстве Европы.
1. Архитрав портала собора в Вероне. [*Zuliani,* 1985. Fig. 18]; 2. Мозаика во дворце Зиса в Палермо. Около 1150 г. [*Coche de la Ferte,* 1981. Fig. 303]; 3. Плита с тремя крестами в кругах. IX в. Рим. Музей позднеантичного и византийского искусства, Берлин. [*Museum.* 1992. Abb. 118].

Таблица XXVI. Композиция «три круга» в искусстве Европы.
1. Успение. Перегородчатая эмаль. Сан Марко, Венеция. [*I Bizantini,* 1982. Pl. 332]; 2. Перенесение мощей св. Марка. Перегородчатая эмаль. Сан Марко, Венеция. [*I Bizantini,* 1982. Pl. 332]; 3. Успение. Середина XII в. Фреска собора Мирожского монастыря. Псков. 4. Успение. Фреска церкви Св. Апостолов в Перахорио, Кипр. [*Megaw, Hawkins,* 1962. Fig. 42].

Таблица XXVII. Ранние антропоморфные композиции. Памятники Руси XIV в.
1. Крышка саркофага из Старой Рязани. Рязань. Городской краеведческий музей [*Ермонская,* С. 22]; 2. Плита с Y-образной композицией. (Кат. Бм № 9); 3. Фрагмент крышки саркофага. (Кат. Бм № 70); 4. Плита с V-образной композицией из Кремля. [*Шеляпина,* 1971]; 5–7. Плиты с Y-образной композицией. (Кат. Бм №№ 12, 11, 10).

Таблица XXVIII. Формирование Y-образной композиции. Нижний Рейн.
1–4. Саркофаги, найденные при раскопках в соборе св. Петра в Вормсе. X–XI вв. [*Kautzch,* 1938. Taf. 159, 162, 165].

Таблица XXIX. Формирование Y-образной композиции. Нижний Рейн.
1–7. Надгробия и саркофаги VIII–XII вв. [*Nisters-Weisbecker,* 1983. №№ 143, 146–149, 152 Taf. 45. *Grunewald,* 1991]; 8. Крышка саркофага Билидруды. XI в. Хеппенхайм, Вормс [*Fuchs,* 1991. № 12. Taf. 2 Abb. 4].

Таблица XXX. Формирование Y-образной композиции. Галлия и Испания.
1. Чешуйчатая крышка саркофага. Середина I тыс. Аквитания. Вид в процессе раскопок. [*Larrieu,* 1968. Fig. 2]; 2. Крышка саркофага с ребрами, украшенными "веревочкой". Южная Франция. [*Chatel,* 1981. № 193]; 3. Крышка саркофага с крестообразной композицией, имитирующей металлическую оковку. Эпоха Меровингов. Франция. [*Salin,* 1952. Fig. 113]; 4. Надгробный камень с бордюром, центральным кругом и четырьмя "ребрами", выполненными "змейкой". Середина I тыс. Испания. [*Puig-i-Cadafalch,* 1961. Fig. 24]; 5. Чешуйчатая крышка мраморного саркофага. Конец V–VI вв. Аквитания (?). Париж, Лувр. [*Perin,* 1985. Fig. 67].

Таблица XXXI. Элементы Y-образной композиции в искусстве.
1. Надгробие с крышкой, разделенной на три панели. Конец X–XI в. Собор в Дурхэме, Англия. [*Cramp,* 1984. Ill. 236]; 2. Реликварий из слоновой кости. Англия. Вторая четверть XII в. Музей Виктории и Альберта, Лондон. [*Beckwith,* 1972. № 90]; 3. Воскрешение Лазаря. Мозаика собора в Монреале. 1180–1190 гг. [*Mende,* 1983. Fig. 109]; 4. Сошествие во ад. Бронзовые двери базилики Св. Павла в Риме. 1070 г. [*Mende,* 1983. Fig. 89].

Таблица XXXII. Изображения крышек саркофагов с Y и V-образной композицией.
1. Сошествие во ад. Византийская мозаика. Конец XI в. Церковь Коимесиса, Дафни. [*Frazer,* 1975. Fig. 6]; 2. Сошествие во ад. Псалтырь Барберини. Ватиканская библиотека. Cod. gr. 372, fol. 181r. [*Mango,* 1963. Fig. 45]; 3. Страшный суд. Миниатюра из "Слов Иакова Коккиновафского". Вторая четверть XII в. Ватиканская библиотека. Cod. gr. 1162. [*Mango,* 1963. Fig. 45].

Таблица XXXIII. Формирование антропоморфной композиции.
1. Надгробие XIII в. Ривенхолл. [*Butler, Rodwell,* 1993. Fig. 9: 2]; 2. Трансформация Y-образной композиции в декоративный рельеф с элементами скульптурного портрета. Плита принцессы Джоан, † 1237. Бемари (Beamaris), Англия. [*Gresham,* 1968. Fig. 25]; 3. Мраморное надгробие из приората св. Фридесвиды. Оксфорд. Начало XII в. [*Blair,* 1989. P. 267. Fig. 105]; 4–5. Надгробия XI–XII вв. Восточный Мидлэнд. [*Butler,* 1964. Fig. 2. *Platt,* 1981. Fig. 42].

Таблица XXXIV. Антропоморфные саркофаги романской эпохи.
1. Погребение св. Стефана. Капитель колонны. Любержак, Коррезе (Corrèze). [*Porter,* 1923. V. 8. Fig. 1241]; 2. Гробница св. Изарна, аббата Сен-Виктор, † 1048 г. Марсель, Музей Борельи. [*Porter,* 1923. V. 9. Fig. 1278]; 3. Каменные антропоморфные саркофаги Боснии XIV в. [*Zeravica,* 1982].

Таблица XXXV. Мотив Т-образного креста. Плиты Руси XIV–XVI вв.
1. Плита Ивши Ободаева. Феропонтов монастырь (см. экскурс 2); 2. Плита А. И. Острожева. † 1499 г. [*Жизневский,* 1888. № 46]; 3–4. Плиты с территории Тверского княжества. [*Жизневский,* 1888. С. 27. *Макаренка,* 1904. С. 80–81]; 5. Плиты (митрополитов Киприана и Фотия?) в Успенском соборе Кремля. [*Шеляпина,* 1973].

Таблица XXXVI. Мотив Т-образного креста. Плиты Руси XIV–XVI вв.
1. Плита из Твери. [*Жизневский,* 1888. С. 28]; 2. Плита 1522 г. из Москвы. [*Арциховский,* 1936. Рис. 102]; 3. Плита из Твери. [*Жизневский,* 1888. С. 29].

Таблица XXXVII. Мотив посоха и Т-образного креста в Западной Европе.
1. Крышка саркофага из Отиньи (Виень). Эпоха Меровингов. Франция. [*Salin,* 1952. Fig. 97]; 2. Надгробие священнослужителя. Нижний Рейн. [*Nisters-Weisbecker,* 1983. Taf. 45]; 3, 5. Надгробия аббатов цистерцианских монастырей. Середина XII — начало XIV в. Англия. [*Butler,* 1993. Fig. 1, 2. *Gilyard-Beer,* 1983. Fig. 1]; 4. Надгробие епископа монастыря Шонау Конрада II из Гильдесгейма. † 1249 г. [*Neumullers-Klauser,* 1970. № 9 S. 8]; 6. Надгробия с Т-образными крестами в полу перед алтарной преградой собора армянского монастыря Сурб-Хач (близ г. Старый Крым). XIV–XV вв.

Таблица XXXVIII. Мотив Т-образного креста в памятниках Балкан.
1–14. Надгробия Боснии и Герцеговины. XIII–XV вв. По М. Венцель. [*Wenzel,* 1965].

Таблица XXXIX. Изображения Т-образных посохов в искусстве Европы.
1. Аарон метит дома буквой "тау". Пластинка филактерия. Третья четверть XII в. Лотарингия. ГЭ. [*Лапковская,* 1971. Рис. 6]; 2. Сцена спора апостола Павла с иудеями. Инициал Библии Манериуса. XII в. [*Garnier,* 1982. Fig. 61]; 3. Святой Антоний в окружении исцеленных. Середина XV в. Гравюра на дереве. [*Garnier,* 1982. Fig. 29]; 4. Т-образная золотая подвеска-капсула. Около 1485 г. Найдена в Северном Линкольншире, Англия. Музей Метрополитен, Нью-Йорк. [*Husband,* 1992. Fig. 3].

Таблица XL. Развитие антропоморфных композиций на Руси. XV–XVI вв.
1. Изображение "свечи" на плите Серапиона Дудина, 1513 г. Село Спас-Тушино, Москва. [*Гиршберг-1.* Табл. II, рис. 1]; 2. Изображение "свечи" на плите Орины Кленовой, начало XVI в. Богоявленский монастырь, Москва. (Кат. Бм № 18); 3. Орнамент средней части плиты с пятью розетками. 1538/1539 г. Рязань. Городской краеведческий музей. [*Ермонская,* 1978. С. 35]. 4. Орнамент средней части плиты. XV в. Данилов монастырь, Москва. (Кат. Дм № 2).

Таблица XLI. Развитие антропоморфных композиций на Руси. XV–XVI вв.
1. Фрагмент плиты начала XVI в. Спасский собор Андрониева монастыря, Москва. [*Гиршберг-*1. Табл. VI, рис. 1]; 2. Фрагмент плиты 1500/1501 г. Богоявленский монастырь, Москва. (Кат. Бм № 17); 3. Фрагмент плиты конца XV — начала XVI в. Церковь Козьмы и Демьяна "в Старых Панех", Москва. Раскопки М. Фролова, 1992 г.

Таблица XLII. Развитие антропоморфных композиций на Руси. XV–XVI вв.
1. Плита 1538/1539 г. Спасо-Преображенский "на усть-Угры" монастырь. (Кат. СУМ № 1); 2. Плита новгородского архиепископа Сергия, 1490-е гг. Троицкий Сергиев монастырь. [*Николаева,* 1965]; 3. Плита конца XV — начала XVI в. Богоявленский монастырь, Москва. (Бм № 14).

Таблица XLIII. Поздние варианты антропоморфных композиций. Русь и Балканы
1. Плита монахини Анастасии. Церковь св. Николая в Студенице. [*Йовин,* 1969. Рис. 3]; 2. Плита 1598 г. Москва [*Арциховский,* 1947. Рис. 103]; 3. Плита 1631 г. Москва [*Золотов,* 1961. Рис. 1]; 4. Плита 1649 г. Москва [*Золотов,* 1984. Рис. 2].

Таблица XLIV. Каннелированный орнамент надгробий Руси. Конец XVI–XVII в.
1. Капитель пилястры четверика церкви Вознесения в Коломенском. 1532/33 гг.; 2. Подставка ("Голгофа") из Кириллова Белозерского монастыря. XVI (?) в.; 3. Подставка пасхального подсвечника с мотивом аркады. Около 1170 г. Йерихов, приходская церковь. [*Mobius,* 1978. Abb. 130]; 4. Плита конца XVI — начала XVII в. (Кат. Бм № 37); 5. Плита начала XVII в. с датой 1562 г. (Кат. ВПм № 11); 6. Плита последней четверти XVI в. (Кат. ВПм № 36); 7. Плита конца XVI — первой половины XVII в. (Кат. ВПм № 53).

Таблица XLV. Каннелированный орнамент надгробий Руси. Конец XVI–XVII в.
1. Плита 1605 г. [*Николаева,* 1958а. Рис. 5]; 2. Плита конца 1630-х гг. (Кат. Бм № 27); 3. Плита середины XVII в. (Кат. ВПм № 51); 4. Плита середины XVII в. (Кат. ВПм № 49); 5. Плита середины XVII в. (Кат. ВПм № 50); 6. Плита второй трети XVII в. (?) с датой 1615 г. [*Гиршберг,* 1954. Табл. II, рис. 3];

Таблица XLVI. Происхождение каннелированного орнамента надгробий.
1. Ионическая капитель Малой Азии ранневизантийского периода. Сарды. [*Yegul,* 1974. Fig. 4]; 2. Стенка саркофага средневизантийского периода. Музей Анталии. [*Feld,* 1970. Taf. IIIa. Fig. 2]; 3. Микелоццо. Капитель колонны табернакля. Около 1447 г. Церковь Сан Миньято Аль Монте, Флоренция. [*Лазарев,* 1979]; 4. Саркофаг с каннелюрами. Стамбул. [*Mendel,* 1966. Т. 1. Р. 394. № 1168]; 5. Стенка саркофага средневизантийского периода. София, Археологический музей. [*Feld,* 1970. Taf. IIb].

Таблица XLVII. Происхождение каннелированного орнамента надгробий.
1. Саркофаги англо-саксонских королей в соборе св. Павла в Лондоне. [*Cook,* 1955. Fig. 21]; 2. Типичное для романской архитектуры оформление стенки саркофага в аркосолии. Монастырский собор в Хаттенхайме-Эбербахе. Пфальц. [*Gassen,* 1991. Abb. 63]; 3, 4. Стенки саркофага со стилизованной аркадой. Эпоха Меровингов. Школа Бургундии или Шампани. [Fossard, 1978. Fig. 309a, b]; 5. Умащение. Лиможское Евангелие. Библиотека Пирпонта Моргана, Нью-Йорк. [*Cook,* 1928. Fig. 22].

Таблица XLVIII. Саркофаг с аркатурой в византийском и русском искусстве.
1. Святой в гробу. "Менологий" Василия II. [*Grabar,* 1943. PL. XVIII, 2]; 2. Жены-мироносицы. Берлин, Государственная библиотека, gr. qu. 66, fol. 96г. Фрагмент. [*Maguir,* 1977. Fig. 19]; 3. Гроб Господень. Каменная иконка. XIII в. ГИМ. [*Николаева,* 1983. № 13]; 4. Положение мощей св. Луки. Фрагмент. (Ватиканская библиотека, cod. 1613 p. 121).

Таблица XLIX. Аркада как элемент христианского погребального сооружения.
1. Стеатитовая иконка XIV в. Галерея Уолтерс, Балтимора. [Walters Art Gallery, Baltimore. 1947. Early Christian and Byzantine Art. An Exhibition]; 2. Скульптура портала собора в Реймсе. Reims. Portal. Timpanum. Фрагмент. [*Panofsky,* 1994. Fig. 37]; 3. Болгарская церковь-костница. XIV в. Асеновград, Бачковский монастырь; 4. Северный фасад церкви св. Николая в Прилепе, Македония. 1299 г. Рисунок.

Таблица L. Трансенна Гроба Господня в искусстве XII–XV вв.
1. Оплакивание. Жены-мироносицы. Рельефы капителей западного портала собора в Шартре. 1150–1155 гг. Фрагмент. [*Stoddard,* 1987. Fig. 42]; 2. Жены-мироносицы. Каменный рельеф капители. Вторая половина XII в. Сен-Пьер-о-Парвэ, Суассон. Фрагмент. [*Lapeyre,* 1960. Fig. 118]; 3. Жены-мироносицы. Середина XII в. Рельеф капители восточного фриза собора в Этампе. [*Nolan,* 1990. Fig. 16]; 4. Каменная иконка XIII(?) в. [*Николаева,* 1983. Табл. 28–4].

Таблица LI. Трансенна Гроба Господня в искусстве XII–XV вв.
1. Воскресение. Рельеф. XII в. Сен-Трофим, Арль. Деталь. [*Dyggve,* 1962. Abb. 3, 4]; 2. Жены-мироносицы. XII в. Крипта церкви св. Петра в Утрехте. Деталь. [*Timmers,* 1971. Afb. 398]; 3. Жены-мироносицы. Рельеф архитрава фасада. Середина XII в. Сен-Жиль-дю-Гар. [*O'Meara,* 1977. Fig. 51]; 4. Жены-мироносицы. Гульельмо Иннсбрукский. Рельеф кафедры для собора в Пизе. 1159–62 гг. Сейчас в соборе Кальяри, Сардиния. Деталь. [*Crichton,* 1954. Fig. 53. Bossaglia R. 1968]. Таблица LII.

Трансенна Гроба Господня в искусстве XII–XV вв. Италия.
1. Жены-мироносицы. Середина XII в. Рельеф архитрава портала "старого" собора в Монополи, Апулия. Фрагмент, прорисовка. [*Italiana,* 1986. Fig. 79. Wackernagel, 1911. Taf. XXXI]; 2. Жены-мироносицы. Середина XII в. Рельеф церкви Сан Джованни "ин Тумба" ("Томба ди Ротари") в Монте Сан-Анжело, Апулия. Фрагмент. [*Italiana.* 986. Fig. 139].

Таблица LIII. Трансенна Гроба Господня в искусстве XII–XV вв. Испания.

1, 2. Жены-мироносицы. Капители церкви и клуатра Сан Педро эль Вьехо. Музей Уэски. [*Соок,* 1928, Fig. 47, 25]; 3. Жены-мироносицы. Около 1200 г. Деталь капители крейцганга собора в Таррагоне. [*Dyggve,* 1962. S. 20]; 4. Жены-мироносицы. XII в. Рельеф южной арки ц. Сан Андрэ в Арментии (Алава). [*Соок,* 1928, Fig. 21].

Таблица LIV. Трансенна Гроба Господня в искусстве XII–XV вв.

Бронзовые врата соборов.

1. Бонанус Пизанский. Жены-мироносицы. Рельеф дверей собора в Пизе (Порта ди сан Раньери). 1180 г. [*Mende,* 1983. Taf. 183]; 2. Бонанус Пизанский. Жены-мироносицы. Рельеф западных дверей собора в Монреале. 1185 г. [*Mende,* 1983. Taf. 113]; 3. Жены-мироносицы. Рельеф "Сигтунских" врат Софийского собора в Новгороде. Середина XII в. Магдебург (?).

Таблица LV. Трансенна Гроба Господня в искусстве XII–XV вв.

1. Николай Верденский. Положение во Гроб. 1181 г. Пластинка алтаря. Клойстернойбург. [*Zeit,* 1979; *Хаман-Мак Лен,* 1973, С. 400]; 2. Николай Верденский. Жены-мироносицы. Около 1200 г. Рельеф реликвария из собора в Турнэ. [*Warichez,* 1934, Pl. 72, № 143; *Swarzenski,* 1967, Pl. 219, № 518]; 3. Оплакивание. Деталь костяного литургического гребня ("Гребень королевы Берты"), XII в. Британский музей, Лондон. [*English Romanesque Art,* № 496].

Таблица LVI. Трансенна Гроба Господня в искусстве XII–XV вв.

1. Умащение. Воскресение. Миниатюры к Библии. Конец XII в. Северная Франция. [*Schiller,* 1971. Abb. 176; *Lexikon,* Bd. 1. 1968. "Auferstehung Christi"]; 2. Умащение. Рельеф крышки реликвария. Аахен. 1220–1238 гг.

Таблица LVII. «Гроб Господень» в искусстве Европы до XII в.

1, 2. Саркофаг в аркосолии внутри аквилейской "Ротонды". Фотография. Обмерный чертеж. (По Э. Диггви). [*Brusin Dalla Barba, Lorenzoni,* 1968. Fig. 116; *Dyggve,* 1962. Abb. 6]; 3. "Ротонда" внутри базилики в Аквилее. XI в. Общий вид. [*Brusin Dalla Barba, Lorenzoni,* 1968. Fig. 115].

Таблица LVIII. "Гроб Господень" в искусстве Европы до XII в.

1. Жены-мироносицы. Крышка переплета. Резьба по слоновой кости. IX в. Франция. Ризница собора в Нарбонне. Фрагмент. [*Goldschmidt,* Bd. 1. № 31, Taf. XV]; 2. Жены-мироносицы. Мосарабская миниатюра IX в. Прорисовка. [*Grabar,* 1968, V. III, P 136, b]; 3. Жены-мироносицы. Створка алтаря. Эмаль. Начало XII в. Лимож. Музей Метрополитен, Нью-Йорк. [*Frazer,* 1986. Fig. 8].

Таблица LIX. Романские трансенны в Иерусалиме.

1, 4. Мраморная трансенна погребального ложа Девы Марии в Гефсимании. Середина (?) XII в. Исследования Б. Багатти, 1975 г. [*Bagatti,* 1975. Pl. 12, 2. Pl. 13]; 2, 3. Гроб Господень. Детали планов Иерусалима XII в. [*Nebenzahl,* 1986, Fig. 5, Pl. 9; *Ornamenta,* 1985, Bd. 3. H. 3–4].

Таблица LX. Гробницы средневековой Англии.

1. Сцена положения мощей. Миниатюра к "Житию св. Эдуарда Исповедника" Матфея Парижского. Середина XIII в. 2. Рака св. Осмунда. Собор в Солсбери. [*Crook,* 1990. Pl. X, b]; 3. Сцена поклонения мощам Эдуарда Исповедника в Вестминстерском аббатстве. Миниатюра к "Истории короля Эдуарда". Около 1250 г. Кембридж, Библиотека университета, MS Ee. 3. 59. [*Adair,* 1978. P. 76].

Таблица LXI. Средневековые гробницы в искусстве Европы.

1. Саркофаг (оссуарий ?) романского периода. Музей истории. Бильбао. [*Guerra,* 1976. Foto 25]; 2. Пизанский мастер. Оплакивание. Конец XIII в. Распятие из церкви Сан Мартино. Пиза. Фрагмент. [*Bush-Brown,* 1952. Fig. 5]; 3, 4. Положение во гроб. XV в. Скульптурная композиция в соборе Родеза, юго-западная Франция. [*Forsyth,* 1970. Fig. 151–152].

Таблица LXII. Надгробия Данилова монастыря.
1. Плита второй половины XV — начала XVI века. (Кат. Дм № 1); 2. Плита Михаила Прокофьева сына, 1598 г. (Кат. Дм № 7).

Таблица LXIII. Надгробия Богоявленского монастыря.
1–5. Плиты XIII — середины XIV века. (Кат. Бм № 1а — 1г; Бм № 5).

Таблица LXIV. Надгробия Богоявленского монастыря.
1–6. Фрагменты XIII — середины XIV века. (Кат. Бм № 2а — 2в; Бм № 3а — 3в).

Таблица LXV. Надгробия Богоявленского монастыря.
Фрагменты плиты XIII — середины XIV века. (Кат. Бм № 9).

Таблица LXVI. Надгробия Богоявленского монастыря.
1–3. Фрагменты плит XIV века. (Кат. Бм № 10; Бм № 11; Бм № 8); 4. Крышка саркофага XIV века. (Кат. Бм № 7).

Таблица LXVII. Надгробия Богоявленского монастыря.
Плита XIII — середина XIV века. (Кат. Бм № 12);

Таблица LXVIII. Надгробия Богоявленского монастыря.
Фрагменты плиты Никиты. Первая половина XVI века. (Кат. Бм № 16).

Таблица LXIX. Надгробия Богоявленского монастыря.
Надписи на плитах XVI–XVII веков. Полевые зарисовки. 1. Плита Андрея Воронцова-Вельяминова, 1595 г. (Кат. Бм № 24); 2. Торец плиты Марии (Марфы) Онофриевой, 1665 г. (Кат. Бм № 40); 3. Боковые грани плиты 1675 г. (Кат. Бм № 36).

Таблица LXX. Надгробия Высоко-Петровского монастыря.
Изголовье надгробия Сергея Абрамова († 1498 или 1508 г.). Прорисовка. (Кат. ВПм № 4);

Таблица LXXI. Надгробия Высоко-Петровского монастыря
1–2. Плита рубежа XV–XVI вв. Полевой обмер и рисунок. (Кат. ВПм № 3); 3. Плита 1538/39 г. Рисунок. (Кат. ВПм № 8).

Таблица LXXII. Надгробия Высоко-Петровского монастыря.
Надписи надгробий XVI века. Полевые зарисовки.
1. Граффити на торце плиты Окулины Атрепьевой, 1570/71 г. (Кат. ВПм № 13); 2. Плита спасского священника Иева (Ивана). 1551 г. (Кат. ВПм № 9); 3. Плита Никона Степановича Милославского. 1598 г. (Кат. ВПм № 14);

Таблица LXXIII. Надгробия Высоко-Петровского монастыря.
Фрагменты плиты Якова Яковлевича (?), 1596 г. (Кат. ВПм № 15).

Таблица LXXIV. Надгробия Высоко-Петровского монастыря.
1. Плита конца XV — начала XVI века. Полевой обмер. (Кат. ВПм № 23); 2. Плита последней четверти XVI века, вторично использованная в XVII веке. (Кат. ВПм № 36); 3. Надпись на торце плиты. Последние годы XVII века. (Кат. ВПм № 48).

Таблица LXXV. Надгробия церкви Сергия "в Рогожской". Полевые зарисовки.
1. Надпись на плите Семена Масло, 1520/21. (Кат. СР № 1). 2. Фрагмент креста. XVII (?) век. (Кат. СР № 5).

Таблица LXXVI. Надгробия Крутицкого подворья.
Надпись на плите инока Мисаила, 1498 г. Прорисовка. (Кат. КП № 1).

Таблица LXXVII. Надгробия Коломенского.
1–2. Погребения № 60, № 61 с плитами (Кат. КЛ № 1, КЛ № 4); 3. Плита середины XV — начала XVI века. (Кат. КЛ № 4); 4. Плита первой половины XV века. (Кат. КЛ № 2); 5. Плита XIV века. (Кат. КЛ № 1); 6. Плита XV века. (Кат. КЛ № 3).

ФОТОТАБЛИЦЫ В АЛЬБОМЕ

Фото 1. Данилов монастырь. Храм свв. Отцов Семи Вселенских соборов. Фундамент столба галереи, сложенный из надгробий второй половины XVIII в.
Фото 2. Фрагмент надгробия; XV в. (Кат. Дм № 2).
Фото 3. Фрагмент надгробия; XV (?) в. (Кат. Дм № 1).
Фото 4. Фрагмент надгробия; первая четверть XVI в. (Кат. Дм № 4).
Фото 5. Фрагмент надгробия Ногина; начало XVI в. (Кат. Дм № 3).
Фото 6. Фрагмент надгробия; 1559/1560 г. (Кат. Дм № 5).
Фото 7. Надгробие иноки Марфы, жены Григория Тимофеевича Быкасова; 1632 г. (Кат. Дм № 9).
Фото 8. Фрагмент надгробия Соломонии Матвеевны, жены житника; 1594 г. (Кат. Дм № 6).
Фото 9. Надгробие Андрея (Антония) Тимофеевича Быкасова; 1626 г. (Кат. Дм № 8). Полный текст надписи.
Фото 10. Надгробие иноки Марфы, жены Григория Тимофеевича Быкасова; 1632 г. (Кат. Дм № 9). Вид в кладке.
Фото 11. Надгробие Андрея (Антония) Тимофеевича Быкасова; 1626 г. (Кат. Дм № 8). Вид в кладке.
Фото 12. Фрагменты надгробия с остатками надписи; конец XVI в. (Кат. Дм № 11). Лицевая и оборотная стороны.
Фото 13. Надгробие с остатками надписи; конец XVI — начало XVII в. (Кат. Дм № 13).
Фото 14. Фрагмент надгробия садовника; конец XVI — начало XVII в. (Кат. Дм № 12).
Фото 15. Надпись на плите Марии (Marge); конец XVI — начало XVII в. (Кат. Дм № 15).
Фото 16. Фрагмент плиты толмача; конец XVI — начало XVII в. (Кат. Дм № 16).
Фото 17. Надгробие Григория Холмеса; 1590-е гг. (Кат. Дм № 14).
Фото 18. Надгробие с остатками надписи по-немецки; конец XVI в. (Кат. Дм № 17).
Фото 19. Надгробие с остатками надписи по-немецки; конец XVI — начало XVII в. (Кат. Дм № 18).
Фото 20. Фрагмент надгробного (?) креста; XVI (?) в. (Кат. Дм № 21).
Фото 21. Богоявленский монастырь. Общий снимок раскопа "Четверик" с запада. (1978 г.) Между восточными столбами белокаменного храма видны надгробия XIII–XIV вв. (Кат. Бм №№ 1б; 4; 5а).
Фото 22. Надгробия XIII–XIV вв. (Кат. Бм №№ 1б; 4; 5а) под фундаментом алтарной преграды белокаменного храма.
Фото 23. Фрагменты надгробий XIII–XIV вв. (Кат. Бм №№ 6; 7).
Фото 24. Надгробие; конец XV — начало XVI в. (Кат. Бм № 13).
Фото 25. Фрагмент надгробия с надписью; 1500/1501 г. (Кат. Бм № 17).
Фото 26. Фрагмент надгробия; конец XV — начало XVI в. (Кат. Бм № 14).
Фото 27. Надгробие Орины Кленовой; конец XV — начало XVI в. (Кат. Бм № 18).
Фото 28. Надгробие Василия Адександровича Воробьева; 1561 г. (Кат. Бм № 19).
Фото 29. Надгробие жены В. А. Воробьева; 1560-е гг. (?) (Кат. Бм № 20).
Фото 30. Надгробие Спиридона Семеновича Медоварцева; последняя четверть XVI в. Общий вид в раскопе. (Кат. Бм № 22).
Фото 31. Надгробие Ильи Ивановича и Василия Ильича Зубовых; 1638/1639 г. (Кат. Бм № 27) Орнаментация боковой грани. Справа — надгробие 1641 года (Кат. Бм № 28).
Фото 32. Надгробие И. И. и В. И. Зубовых. Вид с востока.
Фото 33, 34. Надгробие И. И. и В. И. Зубовых.
Фото 35. Торец надгробия Василия Васильевича Зубова; † 1670 г. (Кат. Бм № 30).
Фото 36. Надгробия в кладке фундамента колокольни. Вид с юга. Справа — торец надгробия В. В. Зубова.
Фото 37. Торец надгробия Ивана Алексеевича Воронцова-Вельяминова; † 1682 г. (Кат. Бм № 31).
Фото 38. Торец надгробия Агафьи (Анисии), жены И. П. Головина; † 1654 г. (Кат. Бм № 32).

Фото 39. Торец надгробия Алексея Алексеевича Воронцова-Вельяминова; † 1655 г. (Кат. № Бм 33).
Фото 40. Плиты Агафии Головиной, А. А. и Е. Д. Воронцовых-Вельяминовых в ходе раскопок. Вид с запада.
Фото 41. Торец надгробия Евфимии Дмитриевны, жены Алексея Кирилловича Воронцова-Вельяминова; † 1654 г. (Кат. № Бм 34).
Фото 42. Торец надгробия Марии Ивановны, жены стольника Ивана Загрязского; † 1689 г. (Кат. Бм № 35).
Фото 43. Надгробия XVII в. в фундаменте центральной апсиды собора 1690-х гг. (Кат. Бм № 36, 1675 г.; Кат. Бм № 37) Вид с запада.
Фото 44. Надгробия XVII в. в фундаменте центральной апсиды собора Богоявленского монастыря. Вид с севера.
Фото 45. Собор Богоявленского монастыря. Белокаменные антропоморфные саркофаги XVI в. к западу от трапезной. Раскопки 1988 г.
Фото 46. Высоко-Петровский монастырь. Надгробия без надписей; начало XVI в. Слева ВПм № 23, справа ВПм № 21.
Фото 47. Надгробие Сергея Абрамова; † 1498 или 1508 г. (Кат. ВПм № 4) Надпись.
Фото 48. Фрагмент надгробия; XIV–XV вв. (Кат. ВПм № 2).
Фото 49. Надгробие Сергея Абрамова; † 1498 или 1508 г. (Кат. ВПм № 4) Общий вид.
Фото 50. Надгробие солодяника Василия Агафоновича Ширяева; 1532 г. (Кат. ВПм № 6).
Фото 51. Фрагмент надгробия с датой 1538/1539 г. (Кат. ВПм № 8).
Фото 52. Надгробие инока (Епифания?); 1519 г. (Кат. ВПм № 5).
Фото 53, 54. Надгробие Ивана (Ионы) Александровича Беззубцева; 1535 г. (Кат. ВПм № 7) Надпись и общий вид.
Фото 55. Надгробие инока "Еронтия"; 1561 г. (Кат. ВПм № 10).
Фото 56. Надгробие "спасского священника" Иева (Ивана); 1551 г. (Кат. ВПм № 9).
Фото 57, 58. Надгробие ножевника Конана Клементьева; † 1562 г. Общий вид и вид сбоку. (Кат. ВПм № 11).
Фото 59, 60. Надгробие ножевника Конана Клементьева; † 1562 г., in situ. Часть кладбища XVI–XVII вв.; на втором плане — столб галереи начала XVIII в., окружившей собор Петра Митрополита. (Кат. ВПм № 11) и фрагмент надписи.
Фото 61, 62. Надгробие жены Ивана Федоровича (Сумина?) Аграфены (?); 1562 г. (Кат. ВПм № 12). Общий вид и фрагмент надписи.
Фото 63. Фрагмент надгробия Ивана и Исая Руготиных; 1560-е — начало 1570-х гг. (Кат. ВПм № 16).
Фото 64. Фрагмент надгробия с надписью; третья четверть XVI в. (Кат. ВПм № 18б).
Фото 65. Фрагмент надгробия с надписью; третья четверть XVI в. (Кат. ВПм № 18а).
Фото 66, 67. Фрагмент надгробия Алексея Ергольского; вторая треть XVI в. (Кат. ВПм № 17). Надпись и общий вид.
Фото 68. Фрагмент надгробия; середина XVI в. (Кат. ВПм № 26).
Фото 69. Фрагмент надгробия со словом "лет"; XVI в. (Кат. ВПм № 20).
Фото 70. Фрагмент надгробия; первая половина XVI в. (Кат. ВПм № 22).
Фото 71. Фрагмент надгробия; конец XV — начало XVI в. (Кат. ВПм № 24).
Фото 72. Фрагмент надгробия; середина XVI в. (Кат. ВПм № 28).
Фото 73. Фрагмент надгробия; середина XVI в. (Кат. ВПм № 27).
Фото 74. Фрагмент надгробия; середина XVI в. (Кат. ВПм № 29).
Фото 75. Фрагмент надгробия; конец XV — начало XVI в. (Кат. ВПм № 25).
Фото 76, 77. Фрагменты надгробия; вторая половина XVI в. (1560-е гг. ?) (Кат. ВПм № 31 и 30).
Фото 78, 79. Детское надгробие в форме гроба; последняя треть XVI в. (Кат. ВПм № 34). Общий вид и орнаментация верхней грани.
Фото 80. Надгробие; последняя треть XVI в. (Кат. ВПм № 35).
Фото 81, 82. Фрагмент надгробия; конец XVI — первая треть XVII в. (Кат. ВПм № 37) Вид сбоку и сверху.

Фото 83. Фрагмент надгробия с частью надписи; 1591/92 или 1601/1602 г. (Кат. ВПм № 39).
Фото 84, 85. Фрагмент надгробия; середина — вторая половина XVI в. (Кат. ВПм № 33) Вид сбоку и сверху.
Фото 86. Надгробие А. П. Стюнеевой (Лазаревой), фрагмент.
Фото 87. Фрагмент надгробия с частью надписи; 1644 г. (Кат. ВПм № 42).
Фото 88. Надгробие Александры Петровны Стюнеевой, по мужу Лазаревой, († 1622 г.) и ее детей. (Кат. ВПм № 40).
Фото 89, 90. Надгробие Ивана (Ионы) Федосеевича Кутузова; 1645 г. (Кат. ВПм № 43) Общий вид и фрагмент надписи.
Фото 91. Надгробие Натальи и Ивана, детей Астрадама Родионовича Всеволожского; 1643 г. (Кат. ВПм № 41).
Фото 92. Надгробие Тимофея (Тихона) Васильевича Исканского; 1653 г. (Кат. ВПм № 44).
Фото 93. Фрагмент надгробия Фомы Ивановича Семичова; середина XVII в. (Кат. ВПм № 45).
Фото 94, 95. Фрагмент надгробия Романа Остафьева; конец XVI — первая половина XVII в. (Кат. ВПм № 46). Надпись и орнамент боковой грани.
Фото 96. Высоко-Петровский монастырь. Фундамент северо-восточного столба крыльца собора Петра Митрополита, сложенный из надгробных плит XVI–XVII вв. Раскопки 1985 г.
Фото 97, 98. Изголовье надгробия; середина XVII в. (Кат. ВПм № 49). Орнамент боковой грани и общий вид.
Фото 99. Надгробие и фундамент для надгробия к югу от площадки крыльца собора Петра Митрополита; середина XVII в. Вид с запада. (Кат. ВПм № 50).
Фото 100, 101. Надгробие; середина XVII в. (Кат. ВПм № 50). Орнамент боковой грани. Орнамент лицевой грани.
Фото 102. Надгробие; середина XVII в. (Кат. ВПм № 51).
Фото 103. Фрагмент боковой грани надгробия; конец XVI — первая половина XVII в. (Кат. ВПм № 56).
Фото 104. Детское надгробие; первая половина — середина XVII в. (Кат. ВПм № 54).
Фото 105, 106. Надгробие; конец XVI — первая четверть XVII в. (Кат. ВПм № 55). Вид сверху и сбоку.
Фото 107. Надгробие середины XVII в. в кладке западного крыльца галереи собора Петра Митрополита. (Кат. ВПм № 52).
Фото 108. Надгробие в кладке юго-западного столба галереи собора Петра Митрополита; конец XVI — начало XVII в. (Кат. ВПм № 53).
Фото 109. Церковь Сергия в Старых Серебряниках. Фундамент. Надгробие Матрены (Марфы) Потининой; 1632 г. (Кат. СК № 1).
Фото 110. Церковь Сергия в Старых Серебряниках. Фрагмент надписи надгробия М. Потининой. (Кат. СК № 1).
Фото 111, 112. Церковь Сергия в Старых Серебряниках. Надгробие Панфила Юрьевича Поздеева; 1639 г. (Кат. СК № 2). Фрагмент надписи. Общий вид в фундаменте.
Фото 113–114. Церковь Сергия в Старых Серебряниках. Надгробие семьи Семиона Григорьевича Челищева; 1640-е гг. (Кат. СК № 3). Фрагменты надписи..
Фото 115. Церковь Сергия в Старых Серебряниках. Надгробие семьи Семиона Григорьевича Челищева; 1640-е гг. (Кат. СК № 3). Общий вид в фундаменте.
Фото 116. Церковь Сергия в Старых Серебряниках. Надгробие вдовы Михаила Борисовича Челищева; начало XVIII (?) в. (Кат. СК № 5).
Фото 117. Церковь Сергия в Старых Серебряниках. Надгробие стольника Михаила Борисовича Челищева; 1689 г. (Кат. СК № 4).
Фото 118. Церковь Сергия в Старых Серебряниках. Надгробие Евдокии Михайловны Дашковой; 1712 г. (Кат. СК № 6).
Фото 119. Церковь Сергия в Старых Серебряниках. Надгробие Борщовой, жены князя Василия Ухтомского; начало XVIII (?) в. (Кат. СК № 7).
Фото 120. Церковь Сергия "в Рогожской". Надгробие Семена Масло; 1520/1521 г. (Кат. СР № 1).

Фото 121. Церковь Сергия "в Рогожской". Надгробие; середина — вторая половина XVI в. (Кат. СР № 2).
Фото 122. Церковь Сергия "в Рогожской". Фрагмент надгробия; вторая половина XVI в. (Кат. СР № 2).
Фото 123. Церковь Сергия "в Рогожской". Надгробный крест; XVII в. (Кат. СР № 2).
Фото 124, 125. Крутицкое подворье. Надгробие инока Мисаила; 1498 г. (Кат. КП № 1). Верхняя часть с надписью-граффити. Общий вид in situ.
Фото 126, 127. Крутицкое подворье. Надгробие; конец XV — начало XVI в. (Кат. КП № 2). Верхняя часть с надписью — граффити. Общий вид in situ.
Фото 128. Крутицкое подворье. Фрагменты надгробия; первая половина XVI в. (Кат. КП № 5).
Фото 129. Крутицкое подворье. Надгробие; первая половина XVI в. (Кат. КП № 4).
Фото 130. Коломенское. Надгробие; середина — вторая половина XV в. Изголовье и средняя часть. (Кат. КЛ № 3).
Фото 131. Коломенское. Надгробие; XIV в. (Кат. КЛ № 1).
Фото 132. Коломенское. Надгробие; середина — вторая половина XV в. Вид от изножия. (Кат. КЛ № 3).
Фото 133. Коломенское. Надгробие; середина XV — начало XVI в. (Кат. КЛ № 4).
Фото 134. Спасо-Преображенский "на усть-Угры" монастырь. Плиты-надгробия к востоку от апсид собора XVI в. Вид с северо-востока.
Фото 135, 136. Спасо-Преображенский "на усть-Угры" монастырь. Надгробие 1538/1539 г. Фрагмент граффити и орнамент изголовья. (Кат. СУМ № 1).
Фото 137, 138. Спасо-Преображенский "на усть-Угры" монастырь. Надгробие; 1538/1539 г. Средняя часть с отштриховкой "плечиков" и изножие с отштриховками. (Кат. СУМ № 1).
Фото 139. Спасо-Преображенский "на усть-Угры" монастырь. Надгробие Ивана (Ионы) Капустина; 1545 г. (Кат. СУМ № 2).
Фото 140, 141. Спасо-Преображенский "на усть-Угры" монастырь. Надгробие Веры Матовой; 1639 г. (Кат. СУМ № 4).
Фото 142. Спасо-Преображенский "на усть-Угры" монастырь. Надгробие с надписью 1562/1563 г. (Кат. СУМ № 2).
Фото 143. Спасо-Преображенский "на усть-Угры" монастырь. Надгробие Макария Ергольского; 1643/44 г. (Кат. СУМ № 5).
Фото 144. Спасо-Преображенский "на усть-Угры" монастырь. Надгробие с надписью. (СУМ № 6).
Фото 145. Находка на Мытной улице в Москве. Надгробие Каспара фон Эльферфельдта. 1570-е гг.
Фото 146, 147. Находка на Мытной улице в Москве. Фрагмент надгробия с остатком надписи по-немецки и декоративной резьбой на обратной стороне (вторичное использование). Конец XVI — первая половина XVII в.
Фото 148, 149. Кириллов Белозерский монастырь. Подставка креста или подсвечника; конец XVI — начало XVII вв. Вид сбоку и сверху.
Фото 150. Богоявленский монастырь. Раскопки 1987 г. Надгробие (Кат. БМ № 1а). XIII—XIV вв. в юго-западном углу раскопа "Четверик". In situ над погребением, перекрыто фундаментом столба собора XIV — начала XV вв. Вид с востока.

СОДЕРЖАНИЕ

О задачах этой книги **9–12**

ЧАСТЬ I

Глава 1. Судьба надгробия **13–22**

История изучения древнерусских надгробий *13–17*

Как сохранялись древние надгробия *18–19*

Средневековые источники о надгробиях *19–22*

Глава 2. Методические аспекты **23–37**

Принцип отбора материала *23–24*

Чем мы располагаем сегодня *24–25*

Типология *26–30*

Проблемы атрибуции и датировки *30–34*

Периодизация *34–37*

Глава 3. Древнейшие надгробия Северо-Восточной Руси. XIII–XIV вв. **38–97**

Общие проблемы генезиса *38–41*

Первые белокаменные надгробия Руси *41–45*

Проблема семантики ранних композиций. Трехгранно-выемчатый орнамент *45–50*

Основные композиции: «ось» *50–64*

Саркофаги и надгробия на Руси в XII–XIII вв. *65–74*

Основные композиции: «три круга» *74–94*

Предварительный итог *94–97*

Глава 4. Формирование антропоморфного надгробия. Середина XIV — конец XV века **98–128**

Асимметрия в надгробиях Москвы XIV века *98–104*

Проблема антропоидных саркофагов *104–112*

Рельефные надгробия Северной Руси *114–116*

Изображения трехконечных крестов/посохов: генезис и семантика *116–125*

Структурирование антропоморфных композиций *125–126*

Основная схема и дополнительные элементы антропоморфной композиции в XV веке *126–128*

Глава 5. Попытка индивидуализации: изображение и надпись. Конец XV — середина XVI века **129–145**

Усложнение декора *129–138*

Первые надписи; их взаимодействие с изображением *138–143*

Датирующие элементы в резьбе XV–XVI вв. *143–145*

Глава 6. Возвращение к архитектурным формам. Конец XVI — первая половина XVII века **146–166**

Изменения пропорций в XV–XVI вв. *146–147*

Первые надгробия с каннелюрами *147–150*

Каннелюры и аркады в памятниках Европы *150–154*

Мотив аркады и его семантика на Руси *154–158*

Трансформация каннелюр в XVII веке *158–163*

Новые элементы в оформлении верхней грани: жгутовое плетение, обронная резьба, растительный орнамент *163–166*

Глава 7. Надгробие и архитектура. Середина XVII — начало XVIII века **167–176**

Новые виды памятников *167–168*

Надгробия вокруг храмов *168–169*

Перенос надписи на боковые грани. Оформление торцов *169–170*

Надгробия внутри храмов *170–172*

«Памятные доски»: хронология, причины распространения, связь с архитектурой *172–175*

Заключение **176–179**

Специальные экскурсы:

1. Элементы романской иконографии в древнерусских изображениях Гроба Господня **183–210**
2. Белокаменное надгробие из Ферапонтова монастыря. (К вопросу о семантике изображений на русских надгробных плитах XIV–XVI вв.) **211–226**
3. Крест на плите: правильно или неправильно? (Об одном сомнительном запрете) **227–232**
4. Лиценциат при дворе Иоанна Грозного. (Надгробие Каспара фон Эльферфельдта на древнейшем кладбище иноземцев в Москве) **233–245**
5. Надписи надгробных плит Московской Руси: происхождение и функции **246–266**

Своеобразие надгробных надписей *246–247*

Особенности изучения *247–249*

Особенности древнейших текстов: конец XV — начало XVI века *249–252*

Устойчивая структура текста и её признаки: XVI–XVII вв *252–256*
Поздние литературные элементы. Завершение традиции *256–258*
Надгробные тексты и поминальные граффити *258–260*
Тексты плит и записи в поминальных книгах *260–265*

ЧАСТЬ II

Каталог надгробий, найденных при археологических раскопках и архитектурных исследованиях в 1970–80-х гг. **267–373**
Надгробия Данилова монастыря (Дм №№ 1–21) *269–283*
Надгробия Богоявленского монастыря (Бм №№ 1–42) *284–313*
Надгробия Высоко-Петровского монастыря (ВПм №№ 1–56) *314–345*
Надгробия ц. Сергия "в Старых Серебрениках" (СК №№ 1–8) *346–353*
Надгробия ц. Сергия "в Рогожской" (СР №№ 1–5) *354–357*
Надгробия Крутицкого подворья (КП №№ 1–5) *358–362*
Надгробия кладбища XIV–XVI вв. в Коломенском (КЛ №№ 1–4) *363–367*
Надгробия Покровского собора в Измайлове (ПИ №№ 1–3) *368*
Надгробия Спасского «на усть-Угры» монастыря (СУМ № 1–6) *369–373*

SUMMARY: Medieval Russian Tombs: Their Place in Christian Art **374–383**

ФОТОАЛЬБОМ К КАТАЛОГУ: ФОТО 1–150 ..... **385–492**

УКАЗАТЕЛИ:

Библиография **494–524**

Список сокращений **525–527**

Указатель 1. Сводный именной указатель к надписям надгробий XV–XVII вв. **528–542**

Указатель 2. Общий именной указатель к тексту **543–546**

Указатель 3. Географический и топографический указатель **547–551**

Список иллюстраций **552–563**

Беляев Леонид Андреевич

РУССКОЕ СРЕДНЕВЕКОВОЕ НАДГРОБИЕ:
Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв.

Издательство «МОДУС – ГРАФФИТИ»
Лицензия ДР № 061119 от 24.04.92.

Художественное оформление и макет:
Беляева А. М.
Сретенский О. И.

Подписано в печать с репродуцированного оригинал-макета 17.04.96. Формат 60 x 90 1/8.
Усл.-печ. л. 36,00. Тираж 1000 экз. Зак. № 383.

Набор выполнен на IBM-совместимом компьютере
с помощью текстового процессора MS Word for Windows 6.0
и смакетирован в издательской системе Page Maker™ 5.0.

Отпечатано в типографии ВТИИ

Л.А.БЕЛЯЕВ

РУССКОЕ СРЕДНЕВЕКОВОЕ НАДГРОБИЕ

Белокаменные плиты Москвы и Северо—Восточной Руси XIII-XVII вв. М., 1996.

Новая работа Л. А.Беляева, автора книг "Древние монастыри Москвы по данным археологии", "Казанский собор на Красной площади" и других, обобщает материалы многолетних исследований.

Включен материал более чем 1000 памятников. Работа ведется с привлечением археологических данных, самой современной русской и зарубежной литературы, архивных источников.

В первой части книги решаются проблемы, давно стоявшие перед археологией и историей искусств. Надгробные памятники Московской Руси рассматриваются как особое художественно-историческое явление; анализируется их происхождение; дается сравнительный анализ форм и декора; определяется место русского надгробия в системе памятников христианских традиций.

Пять специальных экскурсов посвящены: вопросам иконографии; особенно важным памятникам; историко-культурным проблемам.

Отдельный раздел составил каталог, включающий около 150 плит, публикуемых впервые. Имеются подробные указатели.

Предполагается, что книга откроет серию публикаций, имеющих целью подготовку общего свода русского средневекового надгробия.

К читателю

Изучение древнерусских надгробий отнюдь не "закрывается" с выходом этой книги. Оно, по сути дела, едва начато. Автор надеется продолжить работу, но не в одиночку, а с помощью коллег. Для приведения в известность памятников, обмена мнениями - будет издаваться серия под общим титулом: **"Русское средневековое надгробие".**

Специальный выпуск предполагаем посвятить плитам, хранящимся в музеях. Планируем сборники по истории надгробных крестов, проблемам генеалогии. Будем готовить каталоги, специальные указатели, библиографии и т. п. Это, возможно, приведет к созданию научного общества, изучающего средневековые надгробия.

Такая работа невозможна без участия коллег - краеведов, сотрудников музеев, вообще всех, кто неравнодушен к прошлому Руси. Надгробия России не соберешь для изучения и хранения в музейные центры, как книги, иконы или прялки.

Плиты нужно, подобно храмам и крепостям, обследовать там, где они лежат - на заросших лесом кладбищах сел, вымерших еще в средневековье; вокруг старых церквей; в провинциальных монастырях; во дворах или подвалах музеев. Их нужно найти; изучить (обмерить, сфотографировать, описать), защитить от разрушения.

Поэтому обращаемся ко всем, кто готов сотрудничать. Просим присылать материалы для истории русского средневекового надгробия: описания, рисунки, фотографии, планы кладбищ; а также статьи, каталоги, исследования в области иконографии, палеографии, эпиграфики, археологии и генеалогии, библиографии, географии и топографии надгробия. Мы приложим все усилия для их публикации.

В следующем выпуске "Русского средневекового надгробия" планируем поместить статьи о музейных собраниях и вновь открытых некрополях древней Руси. Среди авторов: А.В.Гращенков, Т.В.Левина, А.А.Молчанов, Е.Л.Хворостова, С.З.Чернов и многие другие.

Надеемся также опубликовать дискуссию по поводу гипотез и материалов, предложенных в книге - поэтому будем особенно признательны за рецензии и поправки.

Ждем ваших работ.

Пишите, присылайте отзывы или материалы для публикации по адресу:

117036 Москва,
ул. Дм. Ульянова, 19
Институт археологии РАН
Беляеву Л. А.